

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И ПИСЕМ

3

СОЧИНЕНИЯ

А. Н. Островский

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Кострома
Костромаиздат
2020

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

СОЧИНЕНИЯ

1864—1870

Кострома
Костромаиздат
2020

УДК 821.161.1.0
ББК 84(2=411.2)52
О-77

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 20-112-00058 Д, не подлежит продаже*

Редакционная коллегия:

И. А. Овчинина (главный редактор), В. В. Тихомиров (зам. главного редактора),
Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, Л. В. Чернец

Тексты подготовили и комментарии написали:

Е. Н. Белякова, А. А. Виноградов, Н. Л. Ермолаева, К. Ю. Зубков,
Н. В. Капустин, Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, В. В. Тихомиров, Л. В. Чернец

Редакторы тома:

Ю. В. Лебедев, И. А. Овчинина, В. В. Тихомиров

Островский, Александр Николаевич.

О-77 Полное собрание сочинений и писем : в 18 т. / А. Н. Островский ;
редкол.: И. А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. — Кострома : Кострома-
издат, 2018—

ISBN 978-5-98295-100-7

Т. 3: Сочинения, 1864—1870. — 2020. — 656 с. : ил.

ISBN 978-5-98295-113-7

В третьем томе представлены пьесы А. Н. Островского 1864—1870 годов: «Шутники», «На бойком месте», «Пучина», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бешеные деньги». Творчеству А. Н. Островского этого периода посвящена статья Ю. В. Лебедева.

Издание адресовано научным работникам, деятелям культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А. Н. Островского.

The third volume includes works of 1864—1870: “Shutniki”, “Na boykom meste”, “Puchina”, “Na vsyakovo mudretsa dovolno prostoty”, “Goryachee serdtse”, “Beshenye dengi”. There is an article by Yu. V. Lebedev about A.N. Ostrovsky’s works of the period in the volume.

The edition is addressed to scholars, art workers, as well as to all people who are interested in A.N. Ostrovsky’s creative work.

УДК 821.161.1.0

ББК 84(2=411.2)52

ISBN 978-5-98295-113-7 (т. 3) © Овчинина И. А., составление, 2020

ISBN 978-5-98295-100-7 © Лебедев Ю. В., составление, статья, 2020

© Тихомиров В. В., составление, комментарии, 2020

© Коллектив авторов, подготовка текстов, комментарии, 2020

© Оформление. ООО «Костромаиздат», 2020

СОЧИНЕНИЯ

(1864—1870)

ШУТНИКИ

**Картины московской жизни,
в четырёх действиях**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ПАВЕЛ ПРОХОРОВИЧ ОБРОШЕНОВ, *отставной чиновник.*

АННА ПАВЛОВНА, *25-ти лет* } *дочери его.*
ВЕРОЧКА, *17-ти лет*

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ГОЛЬЦОВ, *очень молодой человек, чиновник.*

ФИЛИМОН ПРОТАСЬИЧ ХРЮКОВ, *богатый купец, 60-ти лет.*

НЕДОНОСКОВ } *молодые люди, одетые по последней моде.*
НЕДОРОСТКОВ }

Небольшой садик, направо крылечко и окно дома; прямо забор, в нём, рядом с домом, калитка, налево забор. Под деревом круглый стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит у стола с работой и Павел Прохорович Оброшенов сходит с крыльца. В руках у него лист бумаги и чернильница с пером.

Оброшенов. Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна. Что прикажете?

Оброшенов. Пиши: «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина одного дома». Пиши крупнее! Что ты будешь делать! Пятую записку срывают. Уж теперь повыше прибью, не достанут. Вот так! Вот хорошо, разборчиво. Теперь всякий прочтёт. Ну, а прочитают, может и наймут. Сама ты посуди, четвёртый месяц квартира пустая стоит; а ведь она шесть рублей в месяц ходит; а шесть рублей для нас деньги. *(Подымает руку с запиской.)* Если её вот так прибить, можно будет прочесть?

Анна Павловна. Можно, папенька.

Оброшенов. А ты читай, читай!

Анна Павловна. Да ведь я сама же и писала.

Оброшенов. Нужды нет, а ты всё-таки читай!

Анна Павловна *(читает)*. «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина одного дома».

Оброшенов. Ну да, от хозяина; хозяин сейчас покажет комнаты, уговорит, умаслит. Хе-хе-хе! Вот у нас и наймут, вот мы и богаты. Другой, может быть, давно ищет квартиры; ну, бедный человек какой-нибудь ходит по улицам, ему и нужно три комнаты, а записки на воротах нет, сорвана, он и не знает, что здесь отдаётся, и идёт мимо. Нет, уж теперь кончено! Как поймаю, сейчас к квартальному сведу.

А н н а П а в л о в н а. Кто же это, папенька, срывает?

О б р о ш е н о в. Соседи, соседские ребята, богатых отцов дети озорничают. То ли ещё они делают! От них проходу нет по улицам: понаделают трубок, через забор на прохожих водой брызгают; краской шляпы мажут; женщинам к платкам записочки прикалывают. А отцы только утешаются на своих чадах.

А н н а П а в л о в н а. Или утешаются, или бьют, чем ни попало.

О б р о ш е н о в. А поди жаловаться, над тобой же насмеются. «У тебя, видно, говорят, такой же ум-то, как у ребёнка. Мал, глуп,— ну и балует; вырастет, умнее будет, перестанет баловать». Только неправда это, Аннушка, неправда! Умней они не бывают. Я сорок лет здесь живу, всех знаю: вырасть — вырастут, и рукой его не достанешь, а ум всё тот же. А то вот одному недавно стал жаловаться на сына; а он мне что сказал! «Я, говорит, до семи бед коплю, у меня положёное; это ещё третья. Как семь бед сделает, так отстегаю». А другой говорит: «Ты служил?» Служил, говорю. «Отчего ж на тебе кавалерии нет? Кабы была кавалерия, никто б тебя не посмел тронуть; значит, ты сам виноват». Вот с ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. «Ты, говорят, всё с претензиями, ты беспокойный сосед, ты претендент!» Аннушка, какой же я претендент! Какой я претендент! Ну, и терпишь, потому что ссориться с ними нельзя, кушать будет нечего. Мы от них же крохами побираемся. Поссорься с одним, с другим, так и придётся зубы на полку положить. А вот я со всеми в ладу, я всё больше шуточкой, шуточкой, а где так и поклонами. Оно точно, что на тебя как на шута смотрят, да зато кормимся.

А н н а П а в л о в н а. Папенька!

О б р о ш е н о в. Что, дочка?

А н н а П а в л о в н а. Неужели нельзя обойтись без этого?

О б р о ш е н о в. Без чего? Без шутовства-то?

А н н а П а в л о в н а. Да, папенька, без унижения. Нам жалко вас.

О б р о ш е н о в. Не жалко вам, а стыдно за меня, стыдно, вот что. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

А н н а П а в л о в н а. Вы, папенька, в таких летах! Мы вас так любим. Нам с сестрой хотелось бы, чтобы вас все уважали.

О б р о ш е н о в. Мало ль чего нет! Где уж нам! Какое уважение! Были бы сыты, и то слава богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

А н н а П а в л о в н а. А каково смотреть-то на вас!

Оброшенов. Ну, что ж делать-то! И рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты, может, думаешь, что я всегда такой был? Ну нет, брат. Смолоду я сам был горд. Как ещё горд-то, Аннушка! Ужас, как горд. Как женился я на вашей матери да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче да лучше меня и людей нет. Фертом ходил! Ну, а там пошли дети, ты вот родилась, доходов стало не доставать, надобно было постороннюю работишку искать; тут мне форс-то и сбили. Сразу, Аннушка, сбили. Первое дело я сделал нашему соседу, и дело-то не большое: опеку ему неподходящую дали, надо было её с рук сбить! Обделал я ему это дело, позвал он меня да ещё секретаря с чиновниками из суда в трактир обедом угощать. И какой чудак, право ведь чудак! Сидит, ничего не говорит, весь обед молчал; только посидит-посидит да всей пятернёй меня по волосам и по лицу и проведёт. Ах ты, батюшки мои! Что ты будешь с ним делать! Я было в амбицию. Только тут один чиновник, постарше, мне и говорит: ты обидеться не вздумай! Ни копейки не получишь: он не любит, когда обижаются. Нечего делать, стерпел: ну и принёс жене три золотых; а не стерпи я, так больше пяти рублей ассигнациями бы не дал. Много я после с него денег перебрал. Вот так-то меня сразу и озадачили. Ну, а потом, как пошёл я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, там уж всякая амбиция пропала. Тому так потрафляй, другому этак. Тот тебе рыло сажей мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет. Сначала самому не сладко было, а там и привык, и сам стал паясничать и людей стыдиться перестал. Изломался, исковеркался, исказил себя всего, и рожа-то какая-то обезьянья сделалась.

Анна Павловна. Ах, папенька!

Оброшенов. Что «папенька»! А ты, дочка, не суди! Вот кабы я паясничал да пропивал деньги-то, вот тогда бы я был виноват. А ты я деньги-то домой носил, все до копеечки. Делового народу, учёного тогда меньше было, наш брат, горемыка-подьячий, был в ходу, деньги так и огребали. Много ли я тогда получал, знаешь ли? Тысяч шесть ассигнациями. Ого-го-го! Вот оно что! И теперь ещё все говорят, что у меня много денег, что я их спрятал. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай был. На стороне, в людях, я шут, я паяц; а ты меня дома посмотри! Тут я отец семейства, жену мою все уважали, дети — ангелы. Эка важность, что меня шутом зовут! Ты и не жалей меня, Аннушка! Я таковский! Что я такое? Дрянной старичишко, никуда негодящий!

Пускай смеются, коли им нравится, мне всё равно. Они смеются, а я, как птица, в гнездо таскаю, прибираю своё гнёздышко да детей кормлю. Для меня только ты да Верочка на свете и людей-то, больше я и знать никого не хочу.

А н н а П а в л о в н а. Мы оба с вами, папенька, для одной Верочки живём.

Оброшенов. Избаловали мы её с тобой. Хе-хе-хе! Вот теперь и нянчись с ней!

А н н а П а в л о в н а. Да как же не баловать-то её! Она такая милочка. Кого же нам с вами и любить-то, как не её! Больше некого. А ведь кого-нибудь надо любить, без этого жить нельзя.

Оброшенов. Ну да, само собой. *(Делает серьёзную мину.)* А что ты скажешь насчёт жениха? То есть насчёт Саши?

А н н а П а в л о в н а. Кажется, хорош.

Оброшенов. Хорош, хорош. Это я сам нашёл. Ну уж и хлопот было. Трудно нынче хорошего-то найти. А ей нравится?

А н н а П а в л о в н а. Ведь она ещё ребенок. Кто ж её знает; кажется, нравится.

Оброшенов *(таинственно)*. Хожу я это по судам-то, приглядываю; ходил долго; вдруг вижу, мальчик такой смиренный сидит. Я стороной узнавать. Говорят, сирота; поведения, сказывают, хорошего, воспитывался у матери в строгости; с приказными не водится, по трактирам не ходит. Его-то, мол, нам и нужно. Познакомился, да вот дело и вышло. Ведь хорош?

А н н а П а в л о в н а. Хорош, папенька.

Оброшенов *(таинственно)*. Руки просил третьего дня. Я было отнекиваться стал — нарочно; так в слёзы: умираю, говорит, от любви.

А н н а П а в л о в н а. Что же вы?

Оброшенов. Ну, я и рад; велел с Верочкой поговорить. О приданом не заикается. Денег бы, говорит, нужно мне рублей триста. Ну, денег, говорю, не припасено для тебя. Дом, говорю, вам купил в две тысячи, вот и будет с тебя, а денег ни копейки. А я и дом-то, Аннушка, нарочно купить поторопился; не хватало денег, так признал; потому деньги они могут истратить, люди ещё молодые; а дом-то им на всю жизнь. Очень приставал об деньгах: я, говорит, вам после отдам; ну, да нет, так где же взять? Самому до крайности нужны, да нет, и занять не у кого. Я понимаю, на что ему нужно деньги. Ему на свадьбу, перед товарищами хочет себя показать. Так нет,

брат, шалишь! На мотовство денег, хоть бы и были, так не дам. Нам пышности не нужно: чем скромнее, тем лучше. Коли понадобится что к свадьбе, так, говорю, у казначея вперед возьми, — не откажет. Говорил он с Верочкой или нет?

Анна Павловна. Нет ещё.

Оброшенов. Так сегодня скажет. Да неужто она спит до сих пор?

Анна Павловна. Нет, должно быть, встала.

Оброшенов (у окна). Верочка!

Голос Верочки за сценой: «Сейчас, папаша! Я одеваюсь».

Ну как же, есть мне время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце!

Верочка выглядывает из окна, он её целует.

Не спи долго, жениха проспичь! (Идёт к калитке и читает.) «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине».

Входит Гольцов.

А, Саша, здравствуй! Верочка! Саша пришёл! (Уходит.)

Верочка за сценой: «Подождёт, я ещё не причёсана».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Садитесь!

Гольцов садится.

Что вы скучный такой?

Гольцов. Дела плохи-с.

Анна Павловна. Стыдитесь! Разве женихи скучают?

Гольцов. А вы уж знаете?

Анна Павловна. Сейчас папенька сказывал.

Гольцов. Он-то меня обнадёжил; не знаю, как Вера Павловна!

Анна Павловна. Это вы её-то боитесь?

Гольцов. Не то что боюсь, а как-то робко. Ну, как Вера Павловна мне откажет!

Анна Павловна. Быть не может.

Гольцов. Дай-то бог! Смелости у меня нет, боюсь с барышнями разговаривать, очень я неловок.

Анна Павловна. Ведь разговариваете же вы?

Гольцов. О пустяках разговариваю; а как сказать, что влюблён?

Анна Павловна. Ничего, не робейте! Это не так страшно, как кажется. Только и горя у вас?

Гольцов. Нет-с. Никак не могу денег достать, а мне очень нужно.

Анна Павловна. На что вам?

Гольцов. Этого я не могу вам сказать-с; а только до зарезу нужны, хоть живой в гроб ложись.

Анна Павловна. Живёте вы аккуратно...

Гольцов. Очень аккуратно-с, и в трактир никогда не хожу.

Анна Павловна. Много ли вы в год жалованья получаете?

Гольцов. Уж теперь полные триста рублей получаю.

Анна Павловна. Чего ж вам ещё?

Гольцов. Не стал бы я напрасно говорить-с. Ей-богу, нужно-с, а достать негде.

Анна Павловна. У нас теперь тоже нет; мы сами нуждаемся.

Гольцов. Да верно ли это-с?

Анна Павловна. Что верно ли?

Гольцов. Что у Павла Прохорыча денег нет? Мне все говорят, что у него денег много, только он скупится, дать не хочет. А кабы он знал, какая мне надобность!

Анна Павловна. Как же вы можете сомневаться! Неужели мы вас станем обманывать!

Гольцов. Вы меня извините-с! Есть у меня один случай, да не знаю, удастся ли. Тут, по соседству у вас, живут два молодые человека, очень богатые, они родственники. Недоносков и Недоростков.

Анна Павловна. Знаю.

Гольцов. Обещали дать денег-с. Велели сегодня к ним завтракать приходиться.

Анна Павловна. Вот и подите!

Гольцов. Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вернее, что от них ничего не получишь. Что тогда делать! Куда мне деваться! Анна Павловна, скажите мне по совести, как перед Богом, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнение берёт.

Анна Павловна. Как вам не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Гольцов *(закрывая лицо руками)*. Ах, боже мой!

Анна Павловна. Что вы? Уж не плачете ли?

Гольцов. Кабы вы знали, что у меня на душе!

Входит Верочка и закрывает ему глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Гольцов. Ах, Вера Павловна, это вы-с!

Верочка опускает руки.

Я и не слышал, как вы вошли. *(Целует руку.)*

Верочка *(целует сестру)*. Что вы оба такие сердитые? Поссорились, что ли?

Анна Павловна. Какие ты глупости, душенька, говоришь! Из чего нам ссориться?

Верочка *(Гольцову)*. Зачем вы так рано приходите? Не смейте так рано приходите!

Гольцов. А вы зачем так долго спите?

Верочка. Оттого долго, что я очень люблю спать. Когда спишь — всё лучше, а проснёшься — всё хуже.

Анна Павловна. Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

Верочка. Отчего же нельзя? Так бы все спали, всякий бы видел во сне, что ему хочется, все бы были счастливы.

Анна Павловна. Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что-нибудь.

Верочка. Ничего бы этого не нужно.

Анна Павловна. А что ж тебе нужно?

Верочка. А вот что: чтобы все, кто кого любит, всегда были вместе. Вот бы я, папаша, ты, Александр Петрович всегда бы и сидели вместе в одной комнате.

Анна Павловна. Немного же тебе нужно.

Гольцов. А разве вы меня любите?

Верочка. Вас? Да. Будто вы не знаете?

Анна Павловна. Почём же ему знать?

Верочка. Разве я вам не говорила? Так я вам скажу: я вас очень, очень люблю.

Анна Павловна. Какие ты глупости говоришь!

Верочка. Совсем не глупости. Как вас ваша маменька называла?

Гольцов. Саша.

Верочка *(шёпотом)*. Саша, Саша! *(Громко.)* Саша!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка *(смеётся)*. Нет, это я не вас. Я вас не могу так называть. Это я про себя. А вы меня любите?

Анна Павловна. Скажите, что нет.

Гольцов. Зачем же я буду лгать? Уж я лучше им правду скажу.

Анна Павловна. Да разве с ней можно серьёзно разговаривать! А впрочем, говорите, пожалуйста.

Верочка. Отчего же со мной серьёзно нельзя разговаривать? Нет, вы говорите со мной серьёзно! Я умею и серьёзно разговаривать.

Гольцов. Я вас тоже очень люблю-с и уж говорил об этом вашему папеньке и сестрице, теперь остаётся только вам сказать.

Верочка. Папаше говорили и сестре говорили, теперь мне говорите!

Гольцов. Да-с, я и желаю с вами говорить. Я просил у папаши руки вашей, он мне велел к вам обратиться.

Верочка. Как? Что такое?

Гольцов. Руки вашей прошу-с.

Верочка (*задумчиво*). Нет, не надо.

Анна Павловна. Ну, вот видите!

Гольцов. Зачем же вы, Вера Павловна, хотите меня сделать несчастным?

Верочка. Нет, нет, я не хочу, чтоб вы были несчастны.

Гольцов. Так отчего же вы не хотите идти за меня?

Верочка. Нет, нет, ни за что не пойду. Вот ещё! Зачем замуж идти! Я не хочу. Вы лучше так просто к нам приходите каждый день.

Анна Павловна. Вот и толкуйте с ней. (*Уходя.*) Не слушайте её, она вздор говорит. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Может быть, вы не верите любви моей?

Верочка. Нет, верю.

Гольцов. Или я сам вам не нравлюсь?

Верочка. Нет, нравитесь.

Гольцов. Так отчего же вы не хотите меня осчастливить?

Верочка. Оттого, что не хочу.

Гольцов. Ну, бог с вами! (*Отходит к стороне.*)

Верочка (*про себя*). Саша! Саша!

Гольцов. Вы смеётесь?

Верочка. И не думала смеяться. Подите сюда! Что я вам скажу!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка. Садитесь подле меня.

Гольцов. Извольте. *(Садится.)*

Верочка. Если я соглашусь за вас идти замуж, тогда вы будете моим женихом?

Гольцов. Да-с, сначала женихом, а потом мужем.

Верочка. Когда вы будете женихом, вы будете к нам каждый день ходить?

Гольцов. Каждый день-с.

Верочка. Что же вы будете делать?

Гольцов. То же, что и теперь-с.

Верочка. То же, что и теперь?

Гольцов. Только тогда мы будем короче знакомы, я буду называть вас Верочкой.

Верочка. А ещё что?

Гольцов *(смеясь)*. Целовать вас буду-с.

Верочка. Как целовать?

Гольцов. Как? Известно как-с. Приду и скажу: здравствуй, Верочка! И поцелую.

Верочка. Как?

Гольцов. Да как же, право-с! *(Конфузясь.)* Вот так-с! *(Целует её.)*

Верочка *(помолчав)*. А говорить что будете?

Гольцов. Буду называть вас ангелом, милочкой. Будем сидеть обнявшись.

Верочка. Как?

Гольцов. Какие вы-с! *(Обнимает её.)* Душенька моя, Верочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалею!

Верочка. И мы всегда будем так?

Гольцов. Всегда-с.

Верочка. Всю жизнь?

Гольцов. Всю жизнь-с.

Верочка *(с лёгким присутствием слёз в голосе)*. Правду вы говорите?

Гольцов. Как перед Богом-с! Поверьте душе моей!

Верочка *(несколько времени молчит, потом обнимает и целует Гольцова)*. Саша, я хочу быть твоей женой!

Гольцов *(целует руку)*. Благодарю вас, Вера Павловна!

Верочка. Нет, не Вера Павловна, а Верочка.

Гольцов. Ну, хорошо, Верочка! Ах, как я рад, как я рад! А потом ты не скажешь, что не хочу замуж идти?

Верочка. Нет, никогда теперь не скажу, никогда.

Гольцов. Ну, Верочка, надо папеньке сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставляю на минуту. У меня ещё дело есть. Я скоро приду. Прощай, Верочка! *(Целует её.)*

Верочка. Прощай, Саша!

Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Что она, всё ещё упрямится?

Гольцов. Нет-с, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцеловать. *(Целует руку.)* Теперь мы скоро родные будем-с. Я, Анна Павловна, пойду, куда говорил-с! Если бы ещё это удалось, я бы сегодня был совершенно счастлив-с.

Анна Павловна. Ну, дай бог вам успеха. Прощайте!

Верочка. Прощай, Саша! *(Целует Гольцова.)*

Он уходит.

Анна Павловна. Верочка! Верочка! Это что ещё за новости! Что-то скоро, моя милая!

Верочка. Я всегда его буду Сашей звать и целовать.

Анна Павловна. Понравилось?

Верочка. Да, понравилось.

Анна Павловна. Верочка, слушай, душа моя! Согласись сама, ведь это неловко.

Верочка. Нет, очень ловко. Не знаю, как тебе, а мне очень ловко. *(Уходит.)*

Анна Павловна *(вслед ей)*. При мне-то нужды нет; только ты при чужих людях не вздумай!

Входит Хрюков. Анна Павловна кланяется ему.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. А крыса приказная дома аль нет?

Анна Павловна. Папенька, должно быть, в комнате. Я позову его.

Хрюков (*садясь*). Мне ведь не родить: я и подождать могу. А может, тебе моя канпания не нравится? Ну, уж позови отца, коль тебе противно со мной сидеть!

Анна Павловна. Нисколько не противно.

Хрюков. Разве я не вижу, что ты нос-то отворачиваешь? Не красавец я, это что говорить!

Анна Павловна. Мне решительно всё равно.

Хрюков. Я вот прожил век и без красоты, стало быть, без неё обойтись можно. Как ты об этом думаешь? А насчёт того, что ежели полюбить меня, так это только стоит мне захотеть. За тем только и дело стало, чтоб мне захотеть. Вот и всё!

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков. Я не маленький, вашу братью хорошо раскусил; знаю, что вам нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человек дорогой, когда захочу мощной тряхнуть. Меня в те поры ничто не удержит, ни на кого не посмотрю. Про меня говорят, что я скуп; так это врут. Я для себя, для своего удовольствия, денег не жалел. Да ежели и теперь какая блажь в голову придёт, тоже не пожалею.

Молчание.

Я молодца тут встретил, у ворот; у вас, что ль, был?

Анна Павловна. У нас.

Хрюков (*строго*). А зачем он у вас был?

Анна Павловна. Он Верочкин жених.

Хрюков. Писарёк, должно быть, из суда какой-нибудь плохонький? По обличью-то показывает. Так, что ли?

Анна Павловна. Да, он служит.

Хрюков. Ну уж, я сейчас вижу, что за птица. Парнишко из себя не видный, гляди не каждый день досыта и ест-то.

Анна Павловна. Молод ещё очень.

Хрюков. Голь, надо полагать, непокрытая. Грабить ещё не знает как. Где ему знать, как надо грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знает.

Анна Павловна. Зачем ему грабить? Он жалованье получает.

Хрюков. А много ли?

Анна Павловна. Триста рублей. Да мы за Верочкой дом даём. Жить можно будет. Вот только бы ему теперь к свадьбе очень нужно деньжонок.

Хрюков. А сколько?

Анна Павловна. Только триста рублей.

Хрюков. Только! Шутила ты, что ли! Триста рублей! Ведь это по старому счёту тысяча с лишком.

Анна Павловна. Конечно, у кого нет, тому и рубль дорог; а всё-таки, по-нынешнему времени, триста рублей небольшие деньги.

Хрюков. А ты попробуй-ка их достать; так вот тогда и узнаешь, велики ли деньги. Вот пусть он, жених-то ваш, сунется к кому-нибудь просить; тогда и увидишь, что ему скажут.

Анна Павловна. Ведь ему нужда крайняя. Если б у меня были деньги, я, кажется, сейчас бы всё отдала.

Хрюков. Как нет-то денег, так все так рассуждают.

Анна Павловна. А если б мы у вас попросили? Что для вас значат триста рублей!

Хрюков. Может, для меня и триста тысяч ничего не значат; а всё-таки я не дам. В займы я не даю; на это есть процентчики. Тому принеси верный залог, так, сколько хочешь, денег даст. А ежели дать так, на бедность, так по триста рублей я тоже не подаю. Рубля три дам к празднику, к большому. Ведь ишь ты, каторжный народ какой! Жалованья грош, деньжонок своих нет, а он жениться да на бедность побираться! Точно для него так у всякого деньги и приготовлены. Пожалуйте, мол, берите! Не нужно ли вам ещё чего-нибудь! Оглашенные, право, оглашенные!

Анна Павловна. Ему обещали дать.

Хрюков. Как же, дадут! Держи карман-то! Обыкновенно посмеяться хотят, насмешку сделать.

Анна Павловна. Что же тут смешного?

Хрюков. Да как же не смешно! Человек бегаёт по улицам, ищет триста рублей! Самому-то цена грош, а он воображает, что ему кто-нибудь триста рублей поверит. Как тут не смеяться! Это ужасно смешно! «Дайте триста рублей!» А сам-то ты много ли стоишь? Ничего! Вот увидишь, что над ним шутку какую-нибудь сделают. Уж очень способно, сам лезет.

Анна Павловна. Какую же шутку?

Хрюков. Дураком поставят! Да и за дело! Не будь глуп, не смеши людей.

Анна Павловна. Он, коли займёт, так отдаст непременно.

Хрюков. Да, может, и отдаст; да кто ж поверит, что он отдаст. А ведь я было подумал, что он к тебе ходит.

Анна Павловна. Зачем ко мне?

Хрюков. Зачем? Кто тебя знает! Я думал, уж не ты ль хочешь замуж идти, аль, может, так по душе пришёлся.

Анна Павловна. Я замуж не пойду.

Хрюков (*подходит к ней*). Не пойдёшь? Что ты?

Анна Павловна. Нет, не пойду. Во-первых, уж я в летах, во-вторых, папеньку не захочу одного оставить. Верочка выйдет замуж, переедет от нас, с кем же папенька останется?

Хрюков. Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошего! Грех будет, грех! И живите тут скромненько, солидно.

Анна Павловна. Я и всегда так живу.

Хрюков. Ну, и умница, умница! (*Гладит её по голове.*) И чтоб не ходил к вам никто, особенно молодые люди; чтоб разговору не было!

Анна Павловна. Какой может быть про меня разговор!

Хрюков. Ну да, ты скромная, умная девушка! Нешто я не вижу! А всё-таки лучше. Нет, ты не ходи замуж, не ходи! Так лучше проживёшь, я тебе говорю. А денег, что ты говорила, я дам. Отцу не дам и жениху не дам, а тебе дам. Никому не дам, а тебе дам, в твои руки. Что хочешь, то и делай с ними. Я завтра зайду поговорить с тобой. Ну, вот и понимай, как хочешь!

Входит Оброшенов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Хрюков. Эй, ты, приказная строка! Мне тебя нужно, брат.

Оброшенов. Что нужно, батюшка Филимон Протасьич? Батюшка, что нужно? Приказывайте!

Хрюков. Да ты полно по-сорочьи-то разговаривать! Дело есть.

Оброшенов. Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Хрюков. Ты где пропадал? А вот теперь, видишь ты, мне некогда с тобой разговаривать. Ты забеги как-нибудь!

Оброшенов. Вы только вздумайте дома: «Вот кабы Павел Прохоров пришёл!» И посылать не надо. Вы только вздумаете, а я тут, тут, тут.

Хрюков. Ах ты, тетерев лохматый! Посмотри-ко в калитку, нет ли кого на улице?

Оброшенов. Зачем, батюшка, родной ты мой?

Хрюков. Зачем? Ах ты, голова с мозгом! А затем вот, чтоб не видели, что я у тебя был.

Оброшенов. Отец и благодетель! Да что ж я, прокажённый, что ли, какой?

Хрюков. Эх! До старости ты, брат, дожил, а ума не нажил. Неужели кто подумает, что я к тебе хожу! Зачем я к тебе пойду, какие такие у нас дела с тобой! Нужно мне тебя, так только свистнуть стоит, ты и прибежишь, как угорелый. Всякий это понимает. Вон что подумают! — Видишь? *(Показывает на дочь.)* Скажут: «Старый шут любовницу завёл». А у нас народ какой? Сейчас на смех подымут. А для меня это мараль.

Оброшенов. Шутник, шутник, шутник! Я не сержусь. *(Дочери.)* И ты не сердись! Шутник, шутник! *(Отворяет калитку.)* Есть ли в поле жив человек? Ни души не видно.

Хрюков. Ну, прощайте! *(Идёт к калитке.)*

Анна Павловна. Прощайте!

Оброшенов *(на ухо Хрюкову)*. Кукареку!

Хрюков. Ах, ты! Провалиться тебе! Испугал как! Отец-то у тебя шут с гороху! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна и Оброшенов.

Анна Павловна. Лучше б он к нам не ходил.

Оброшенов. Что ты, что ты, бог с тобой! Он благодетель, кормилец наш. Случится, деньги все подойдут, взять негде, а это с нами часто бывает, я сейчас к нему, как в свой карман. Конечно, я ему после заработаю; да где ж ты теперь таких людей найдёшь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочам-то забрал? То-то оно и есть!

Анна Павловна. Отчего же он со мной так дурно обращается?

Оброшенов. Отчего? Оттого, что благодетель всему семейству. Как ты не понимаешь! А ты смейся! Вот как я. Он тебе скажет что-нибудь, а ты: хи-хи-хи да ха-ха-ха! Оно всё легче, не так обидно.

Анна Павловна. Папенька, мне что-то странно: он мне денег предлагал.

Оброшенов. Каких денег?

Анна Павловна. Давеча Александр Петрович говорил, что ему необходимо нужно денег. Я проговорила при Хрюкове; он обещал дать мне: отцу, говорит, не дам, а тебе дам.

Оброшенов. Гм... Нет, брат, лучше не бери!

Анна Павловна. Я и не возьму.

Оброшенов. Они денег-то дадут, да потом не рад будешь жизни, что взял у них. Эх, благодетели, благодетели! А всё-таки без них нам жить нельзя на свете. Уж, разумеется, если б я был с состоянием, я б этого благодетеля к себе на порог не пустил. Однако пойти к нему; что ему там надо. Фрак надену для учтивости; вот, мол, как тебя уважают.

Уходят в дом. В калитку входит Гольцов, выпивши; Недоносков и Недоростков, заглянув в калитку и видя, что никого нет, входя.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гольцов, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Ты, Саша, не робь!

Недоростков. Валяй, значит, да и кончено дело!

Гольцов. Я робею? Никогда. Я сейчас ему всё...

Недоносков. Что тебе занимать! Ведь отдавать надо будет.

Недоростков. Мы бы дали, слова не сказали; да зачем у чужих, когда у него много?

Недоносков. Он тебя надуть хотел.

Недоростков. Да не на того напал. Ты ведь, Саша, голова!

Недоносков. Ещё бы Сашу-то обмануть! Да тот трёх дней не проживёт, кто его обманет.

Недоростков. Сашка плут!

Гольцов. Нет уж, меня не надуешь! Шалишь!

Недоносков. Он видит, что ты влюблён, ну и прижимает.

Недоростков. Он воображает, что на дурака напал.

Недоносков. Ты ему прямо: давай, мол, денег; а то так и не надо. У него денег много, он сам сказывал.

Недоростков. У меня, мол, другая невеста есть, и шабаш.

Гольцов. Да, ишь вы разгулялись! Чтоб я Верочку-то оставил? Да никогда!

Недоносков. Да что — Верочка, Верочка! Ты поедем с нами; мы тебе такую невесту, значит, покажем... на редкость.

Гольцов. Не поеду.

Недоростков. Съедят, что ль, тебя? Ты погляди только! Примут как! Первый сорт.

Гольцов. Да ну, хорошо.

Недоносков. А ты, Сашка, бедовый!

Недоростков. Уж я тебе говорил, что парень — нашего поля ягода. Ты скорее, мы ждём.

Недоносков. Ещё б ему стаканчик!

Недоростков. Нет, в самую припорцию. У меня на это размер верный; в самый раз.

Уходят.

Гольцов. Он думает, что я влюблён. А как же мне? У меня такая крайность!.. Где ж я?.. Я не могу.

Входят Оброшенов и Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гольцов, Оброшенов и Анна Павловна.

Оброшенов. А, Саша, друг любезный, ты здесь?

Гольцов. Я за деньгами.

Оброшенов. Что?

Гольцов. За деньгами.

Оброшенов. За какими деньгами?

Гольцов. Какие деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшенов. Что?

Гольцов. Триста рублей.

Анна Павловна. Молчите! Что вы! Завтра я вам, может быть, денег достану; а теперь ступайте домой!

Гольцов. Завтра! Значит правда, что у вас есть деньги. Завтра! Нет, это дудки!

Анна Павловна. Перестаньте! Ступайте домой!

Гольцов. Оставьте, пожалуйста, я с вами не разговариваю.

Анна Павловна. Папенька, что с ним случилось?

Оброшенов. Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякие шутки прочь! Ты ещё молод, молод, любезный!

Гольцов. Да-с, обмануть хотели. Он влюблён... без денег возьмёт, а у вас денег много... Пожалуйте денег, а не то...

Оброшенов. А то что? Ну, что, говори?

Гольцов. Не надо ничего... вот и всё...

Оброшенов. А кто плакал вот здесь, на этом месте, руки мои целовал, чтоб я Верочку отдал? А теперь не надо?

Анна Павловна. Папенька, потише; а то Верочка услышит.

Оброшенов. Что я тебе говорил? Что я тебе говорил? Что ты молод, не умеешь на свете жить. Вот так оно и вышло. Ещё ничего не видя, ты пьяный в дом лезешь да шумишь тут! Что же это ты делаешь с своей головой?

Гольцов. Что вы с моей головой делаете? Мне теперь либо повеситься, либо... другую невесту искать с деньгами.

Верочка сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Оброшенов. Хорошо, Саша, хорошо! Ну, бог с тобой! Нам, брат, денег взять больше негде.

Гольцов. Павел Прохорыч, дайте денег, не скупитесь... а то смотрите: мне сватают.

Верочка. Я сама не пойду за него ни за что на свете! Папаша, я с тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Гольцов. А давеча-то что?

Верочка. Папаша, прогони его.

Гольцов. Кого это? Меня-то?

Верочка. Папаша, он меня давеча здесь целовал, обнимал, говорил, что всю жизнь так любить будет. Что же он теперь делает?

Оброшенов. Как же ты, мальчишка...

Верочка. Я его так полюбила...

Оброшенов. Слышишь ты: полюбила.

Верочка. Папаша, я сама виновата. Зачем я такая глупенькая девочка, что меня можно обманывать! Теперь уж я никому не буду верить. И ты, папаша, не верь! А то и тебя будут обманывать.

Оброшенов. Слышишь ты, слышишь?

Анна Павловна. И вам её не жалко!

Гольцов. А ему разве нас с Верочкой жалко? Деньги есть, а не хочет дать.

Оброшенов. Как ты смеешь...

Гольцов. Кабы не было денег! А то есть и не даёт. А я так люблю, так люблю.

Оброшенов. Молчи, молчи! Видим мы, как ты любишь-то! Поди отсюда!

Гольцов. Что ж это такое? Вы меня гоните, и вы меня гоните? Вам не жалко меня, что я совсем погибаю. Я ведь погибаю!

Верочка. Нет, мне вас жалко. Папаша, не гони его! Он сам сейчас уйдёт.

Гольцов. Зачем же я уйду?

Верочка. Вам очень стыдно станет, что вы нас обманули.

Анна Павловна. Вы только вспомните, что вы наговорили.

Гольцов. Боже мой! Что же это со мной сделали! *(Стоит молча.)*
Простите меня. Прощайте! *(Уходит.)*

Оброшенов. Вот, поди узнай человека-то! Эка беда-то! Где ж бы мне теперь тебе жениха-то поискать!

Верочка. Я, папаша, не пойду ни за кого, кроме него! *(Бросается на грудь отцу.)* А за него тоже не пойду... он не стоит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ОБРОШЕНОВ.

ГОЛЬЦОВ.

НЕДОНОСКОВ.

НЕДОРОСТКОВ.

ШИЛОХВОСТОВ, лавочник, в короткой люстриновой сибирке, сапоги бутылками.

ВАЖНАЯ ОСОБА, в шинели нараспашку, на шее орден, тугой белый галстук и очень высокие воротнички.

СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВЕК, низенький, толстый; на шее толстая золотая цепь, на руках перстни, палка с золотым набалдашником.

МАМЕНЬКА, в тёмном шёлковом салопе, покрыта тёмным платком.

ДОЧКА, одетая по моде, в маленькой соломенной шляпке.

ДЕВУШКА, в бурнусе, покрыта платочком, с картоном.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

ЧИНОВНИК 1-й.

ЧИНОВНИК 2-й.

САЛОПНИЦА, в руках завёрнутое свидетельство о бедности.

ШАРМАНКА.

ПЕВИЦА.

ЛАКЕЙ, в ливрее.

ЛИЦА РАЗНЫХ НАЦИЙ, ЗВАНИЯ И ПОЛА: ВОЕННЫЕ, ЧИНОВНИКИ, КУПЦЫ, ПРИКАЗЧИКИ, МАЛЬЧИКИ, РАЗНОСЧИКИ, ТАТАРЫ, АРМЯНЕ, ЕВРЕИ, БАРИНИ, КУПЧИХИ, МАСТЕРИЧКИ, ТОРГОВКИ.

Ворота, где торгуют картинками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Разные лица стоят группами, некоторые приходят, некоторые уходят, многие под зонтиками. Солидный человек на видном месте. Входят Первый и Второй чиновники.

Первый чиновник. Так женился Пыжиков-то?

Второй чиновник. Женился.

Первый чиновник. Так это верно?

Второй чиновник. Верно.

Первый чиновник. Да неужто так, как говорили? За пару платья только?

Второй чиновник. Да, за пару платья. Что ж делать-то! Не в чем было в суд ходить; а теща сшила ему всё.

Первый чиновник. И больше ничего?

Второй чиновник. Больше ничего.

Первый чиновник. А как износит?

Второй чиновник. Ну уж тогда, как хочешь.

Отходят в толпу. Входят Девушка, покрытая платочком, с картоном, и Молодой человек.

Девушка. Вы отстанете от меня или нет?

Молодой человек. Да за что вы сердитесь?

Девушка. Вы видите, что не хотят с вами говорить, а вы всё пристаёте! Это должно к стыду к вашему относиться.

Солидный человек. Именно к стыду. Нынче в молодых людях нравственности не ищи, пристают ко всем без разбору. Вы, милая, станьте сюда, поближе.

Девушка. Покорно нас благодарю. *(Переходит к Солидному человеку.)*

Молодой человек за ней. Входит Шилохвостов, снимает и отряхивает картуз.

Шилохвостов *(обращаясь ко всем)*. Дождик-с... Ничего не поделаешь! До Лобного дошёл — ничего-с, а там стало так понуждать, что заячьей рысью действовать пришлось... Одевание лёгкое-с! Этого инструменту *(показывая на зонтик)* с собой не захватил; ну, значит, и удирай до первых ворот.

Входят Маменька с Дочкой.

Наше почтение-с!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДЕЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

ОБРОШЕНОВЪ.

ГОЛЬЦОВЪ.

НЕДОВОСКОВЪ.

НЕДОРОСТКОВЪ.

ШИЛОХВОСТОВЪ, лавочникъ, въ короткой люстриновой сибирѣ, сапога бутылками.

ВАЖНАЯ ОСОБА, въ шинели на распашку, на шеѣ орды, тугой бѣлый галстукъ и очень высокіе воротнички.

СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, массивный, толстый; на шеѣ толстая золотая цѣпь, на рукахъ перстни, пальцы съ золотыми бабадашинами.

МАМЕНЬКА, въ темномъ шелковомъ салопѣ, покрыта тонкими платками.

ДОЧКА, одѣтая по модѣ, въ маленькой соломенной шляпкѣ.

ДВУШКА, въ бурнусѣ, покрыта платочкомъ, съ картономъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ЧИНОВНИКЪ 1-й.

ЧИНОВНИКЪ 2-й.

САМОУНИЦА, въ рукахъ завернутое саидѣтельство о бѣдности.

ШАРМАНКА.

ПРИБИЦА. ЛАКЕЙ, въ лагерь.

Лица разныхъ націй, званій и пола: военные, чиновники, купцы, прикащики, мальчики, разносчики, татары, армяне, евреи, барыня, купчиха, мастерица, торговка.

Ворота, гдѣ торгуютъ картинками.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Разныя лица стоятъ группами, нѣкоторые приходятъ, нѣкоторые уходятъ, (многіе идутъ картинками). СОЛИДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ (на видномъ мѣстѣ). Входятъ: ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ ЧИНОВНИКИ).

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИКЪ,

— Тамъ женился Пыжиковъ—то?

ВТОРОЙ ЧИНОВНИКЪ.

Женился.

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

— Тамъ это вѣрно?

ВТОРОЙ ЧИНОВНИКЪ.

Вѣрно.

ПЕРВЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Да неужто такъ, какъ говорили? За пару платья только?

«Шутники»

Современник. 1864. № 9. С. 275.

Маменька. Здравствуйте, батюшка!

Дочка. Кто такой, маменька?

Маменька. А кто его знает.

Шилохвостов. Пожалуйте, вот здесь, к сторонке-с! Покупки изволили сделать?

Маменька. Да, батюшко. *(Дочери тихо.)* Не гляди ты по сторонам, говорю я тебе!

Шилохвостов. Из каких предметов, из шерстяных или из шёлковых-с?

Маменька. Шерстяное, батюшко. *(Дочери.)* Чтой-то ты, страмница, всё головой-то вертишь!

Шилохвостов. Позвольте полюбопытствовать-с! Мы сами кругом этого товару ходим-с.

Маменька. Уж ты нам, батюшко, и цену скажи, настоящую.

Шилохвостов *(развёртывает и разглядывает)*. Очень во вкусе-с. Гривенок на шесть-с?

Маменька. Что ты, батюшко, по три четвертака платила!

Шилохвостов. Не дорого-с. Дешевле копейки взять нельзя-с. Позвольте, заверну-с. *(Завёртывает с ловкостью и отдаёт.)*

Девушка *(Молодому человеку)*. Я вам сказала, чтоб вы отстали от меня. Чего ж вам ещё нужно!

Молодой человек отворачивается, как будто не ему говорят, и начинает переглядываться с Дочкой.

Солидный человек. Вам лучше бы уйти отсюда. И я бы... пошёл.

Шилохвостов *(Девушке)*. В мастеричках изволите жить?

Девушка. А вам какое дело?

Шилохвостов. А вы не будьте так довольно горды! В вашем звании оно нейдёт-с.

Девушка. А вы почём знаете моё звание! Может быть, вы очень ошибаетесь?

Шилохвостов. По мундиру-то, по вашему, оно сейчас видно-с.

Все смеются. Девушка уходит, Солидный человек за ней. Молодой человек подвигается к Дочке, вынимает бумажку и пишет карандашом записку.

Маменька *(Дочке)*. Перестанешь ты вертеться али нет?

Шилохвостов. Это от малодушества-с.

Маменька. Какое малодушество! Как она себе шею-то не свернёт!

Шилохвостов (*проходя к татарину*). Что это, мыло у тебя?
Татарин. Сама настоящая, казанская. Хорош товар. Купи для вечера.

Шилохвостов. Сами, брат, этим товаром торгуем.

Входит Важная особа с лакеем.

Лакей. Посторонитесь, господа, посторонитесь!

Важная особа (*чуйке*). Посторонись же, любезный!

Шилохвостов. Пожалуйте, ваше превосходительство! Вот здесь просторно-с!

Важная особа становится и всё время стоит неподвижно, поднявши голову.

Дочка роняет платок; Молодой человек поднимает и вместе с запиской отдаёт ей.

Дочка. Мерси-с!

Маменька. Ну уж, дай ты мне только домой прийти! Вот ты тогда увидишь!

Дочка. На учтивость обнакновенно надобно учтивостью ответить. Нешто вы что понимаете!

Маменька. Ну, ладно!

Входят Оброшенов и Гольцов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Оброшенов и Гольцов.

Гольцов. Мне, право, совестно и глядеть-то на вас.

Оброшенов. Ну ничего, ничего! (*Гладит его по плечу.*) Ишь ты, вымочил сердучок-то!

Гольцов. Они мне приказали прийти к ним, сказали, что денег дадут. Вот я от вас и зашёл; они завтракают сидят. Налили мне стакан шампанского. Вы знаете, я не пью.

Оброшенов. И не пей, Саша, не пей!

Гольцов. Я и отказывался, да насильно заставили, в рот влили; хотели облить всего. Я бы и ушёл, да они всё останавливали, обещали сейчас денег дать. Потом другой таким же манером заставили выпить, а уж третий, должно быть, я и не отказывался. Тут уж как я захмелел-то, они и стали мне говорить: «Мы бы тебе и дали денег, да зачем тебе у чужих занимать, после отдавать надо будет; ты попроси у наречённого тестя». Я говорю, что у вас денег нет, что вы

все на дом истратили. «Он, говорят, тебя обманывает, у него денег много награблено: это всем известно; он сам сказывал».

Оброшенов. Ах, разбойники! Ах, разбойники!

Гольцов. «Вот, говорят, ты теперь выпил для храбрости и ступай к нему. Припугни его хорошенько, он тебе сейчас и даст денег непременно. А не даст, так и не надо; у нас, говорят, есть невеста и лучше, и денег больше». (*Махнув рукой.*) И говорить-то совестно.

Оброшенов. Ничего, говори, говори!

Гольцов. Что у вас делал, сами знаете. Провалиться сквозь землю легче. Как ушёл я от вас, повезли они меня к невесте. Привезли меня куда-то в дом, стали ещё потчевать, народу сошлось много, вывели невесту. Только как я ни был пьян, а сейчас заметил, что это горничная переряженная. Так мне стыдно и обидно стало! А что ж делать! Сам виноват. Схватил я шляпу, да бежать без оглядки. А они мне вслед кричат: «Ну, Саша, потешил ты нас сегодня!» Потешил я их... А каково мне!.. Как я к вам глаза покажу!..

Оброшенов. Ну ничего, ничего. Ты почём это сукно-то брал?

Гольцов. Да что сукно! Не утешайте вы меня, Павел Прохорыч! Не стою я этого. Какими глазами мне теперь смотреть на Веру Павловну!

Оброшенов. Велика птица Вера Павловна! С кем греха не бывает! Ну, виноват, да и конец! Не век же будет помнить!

Гольцов. Как сказать-то, что виноват? Кажется, от стыда слова не выговоришь. Они могут подумать, что со мной это часто случается.

Оброшенов. Могут подумать! Ничего она не подумает, она и думать-то ещё ничего не умеет. Ты ведь её любишь? Будешь беречь? Ведь это ребёнок, Саша! Ангельская душка!

Гольцов. Уж поверьте, Павел Прохорыч, жизни своей не пожалею для Веры Павловны. Это только случай со мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшенов. Ну и хорошо, Саша, хорошо! Я тебе верю. Ты уж не бойся, я вас помирю; я тебе это дело устрою. Ах, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумал, что об тебе девчонка подумает! Хе-хе-хе! Право, девчонка: так, дрянь какая-то! У нас есть дела поважнее, есть о чём думать, кроме этого. Тебе на что деньги-то нужны, ты мне скажи!

Гольцов. И не спрашивайте, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Как не спрашивать! Как не спрашивать! Коли нужно, так поискать надо будет, похлопотать.

Гольцов. Вот как нужно, Павел Прохорыч, хоть в петлю полезай.

Оброшенов. Да скажи, чудака-человек!

Гольцов. Я чужие деньги затратил.

Оброшенов. Что ты! Господь с тобой!

Гольцов. Крайность заставила, Павел Прохорыч. Делал я кое-какие делишки одному помещику, исправлял поручения, в Совет деньги вносил.

Оброшенов. Ну, ну!

Гольцов. Вот он и прислал мне денег в Совет внести за имение: триста рублей. Тут у меня матушка умерла, на похороны было взять негде; за квартиру нужно было за четыре месяца отдавать... Я больше половины денег-то и истратил.

Оброшенов. Да ведь уж это никак с полгода?

Гольцов. Больше полугоду-с. Я думал, что из жалованья пополнию; а тут начали за чин вычитать. Думал, награду дадут к празднику, не дали... Теперь последний срок приходит. Ну, как имение-то в опись назначат или вдруг сам приедет. Пожалуется председателю, ведь из суда выгонят. Да стыд-то какой! Боже мой!

Оброшенов. Что ж ты мне прежде не сказал?

Гольцов. Совестно было.

Оброшенов. Что ж ты это, Саша, наделал! Как теперь быть-то? Где денег-то взять? Вот беда-то! Ну уж не ожидал я от тебя, не ожидал.

Гольцов. Как хотите, так меня и судите, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тут вина, коли крайность. Только вот что, Саша, обидно, что между нас, бедных людей, не найдёшь ты ни одного человека, у которого бы какой-нибудь беды не было. Ах, ты, грех какой! Ума не приложу.

Гольцов. Да что вам беспокоиться, Павел Прохорыч! У вас своей заботы много. Ищите себе другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь — хорошо, не выпутаюсь — туда мне и дорога.

Оброшенов. Нет, Саша, как можно, чтоб я тебя оставил. Нет, я попытаюсь, побегаяю. Что мне значит побегать! Богатых людей много знакомых; знаешь, этак, дурачком, дурачком, паясом; может, и достану тебе денег. Ты очень-то не горюй!

Гольцов. Выручите, Павел Прохорыч! Спасите меня!

Оброшенов. Бог милостив, Саша, Бог милостив! Отчаиваться не надо.

Шилохвостов. Однако ко щам начинает поталкивать. Нечего и на Спасских смотреть, и без того знаю, что время.

Важная особа Сегодня никто так не заслужил своего обеда, как я.

Шилохвостов. Тэк-с!

Салопница подходит и шепчет что-то на ухо.

Чего-с? Я в Ирбитской плачу-с.

Салопница. Как изволили сказать?

Шилохвостов. Я всегда вам всем в Ирбитской ярмарке плачу. Пора вам знать.

Все смеются. Салопница шепчет что-то.

Что же вы ко мне пристаёте! Я сказал, что в Ирбитской! А то можно и Лютова позвать. Да никак это он идёт; да, Лютов и есть.

Все смеются. Салопница быстро скрывается.

Важная особа. Кто такой Лютов?

Шилохвостов. Чего-с?

Важная особа. Кто такой Лютов, я тебя спрашиваю.

Шилохвостов. Ундер, ваше превосходительство! Эти просящие особенный страх к нему имеют.

Входят Недоносков и Недоростков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Сашка тут.

Недоростков. Опять его накалить.

Недоносков. Нет, теперь эта штука не выгорит; старик с ним.

Отворачиваются в сторону.

Гольцов. Вот они пришли.

Оброшенов. Вот бы отчитать их хорошенько, Саша, да при народе! Они этого терпеть не могут. Да, может быть, Саша, они твои благодетели? Они тебе прежде помогали чем-нибудь?

Гольцов. Никогда я от них ни одной копейки не видал; кроме насмешки, ничего.

Оброшенов. Ну, так что ж на них смотреть! Вот кабы благодетели, тогда нельзя. Право, ты бы им выговорил,— так легонько, поучтивее. Ну, что хорошего! Только что издеваются, а пользы от них

никакой. Диви б маленькие. Коли ты хочешь утешаться, так ты бедному человеку сначала помоги, да потом и утешайся над ним. Так ведь я говорю, Саша?

Гольцов. Конечно, правда.

Оброшенов. Нет, ты им скажи: «Напрасно, мол, вы, господа, себе такие шутки позволяете!» Так и скажи! Вот и пусть они знают. А то всякий станет над тобой издеваться, и на свете жить нельзя будет.

Гольцов (*Недоноскову и Недоросткову*). Здравствуйтесь, господа!

Раскланиваются.

Покорно благодарю за угощение!

Недоносков. Не на чем.

Гольцов. Насилу до дому дошёл.

Недоростков. Ты бы пил больше!

Гольцов. Да вы меня насильно заставляли.

Недоносков. Всякий сам об себе понимать должен.

Недоростков. Кто ежели этому не подвержен, насильно не заставишь.

Гольцов. Я не то что подвержен, я и в рот не беру.

Недоносков. Оно и по глазам видно.

Недоростков. Значит, у тебя совести нет, когда ты при людях сам говоришь, что вчера пьян был. Другой бы скрывал.

Недоносков. Ещё говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же может теперича этому поверить? Кому нужно заниматься с тобой? Никто и внимания не возьмёт. Антиресная канпания!

Недоростков. Кому ты можешь канпанию составить! И выходит, что ты пустой человек, не стоящий внимания.

Оброшенов. Вам тятенька много ли денег-то оставил на забавы?

Недоносков. Это в состав не входит.

Отворачиваются и разговаривают между собою.

Шилохвостов. Вот и я тоже, как домой пьяный приду, сейчас жене говорю: запугали, мол, ничего не поделаешь.

Все смеются и поглядывают на Гольцова.

Гольцов. Меня ж пристыдили! Не знаю, как и на людей смотреть. Я уж лучше пойду.

Оброшенов. Куда?

Гольцов. К вам. Хочется поскорей увидаться с Верой Павловной. У меня как камень на сердце лежит. Уж что-нибудь одно: либо пан, либо пропал.

Оброшенов. Да ты не бойся! Эх, какой ты, право! Ничего, ступай смелей! А я после приду; мне тут нужно забежать на минуту. Скажи дома, что сейчас, мол, придёт. Да скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться. А с этими молодцами я ещё поговорю.

Гольцов идёт к выходу.

Недоносков. Не хочешь ли опохмелиться опосля вчерашнего?

Все смеются.

Гольцов. Опохмеляйтесь сами! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, без Гольцова.

Оброшенов. Эх, господа! Как не грех вам бедного малого обижать! Он человек хороший, смиренный!

Недоносков. Его смиренности никто и не снимает с него.

Недоростков. Так это при нём и останется.

Шилохвостов. Смиренность ещё не важное какое дело! В столице живёшь, так поневоле будешь смирен. Потому что, ежели драться станешь, сейчас лопатки скрутят.

Смех.

Оброшенов. Он вина-то и в рот не брал, а вы вчера...

Шилохвостов. Вина не пьёт, с воды пьян живёт.

Смех.

Оброшенов. Ты к чему пристал? Туда же: «Пьян живёт!» Видал ты его пьяным?

Шилохвостов. Слухом земля полнится.

Оброшенов. От кого ты слышал? Ну, рассказывай!

Шилохвостов. Мне теща рассказывала; она теперича в Астрахань уехала.

Смех.

Оброшенов. Выжига ты, — вот что!

Шилохвостов. Уж и видно, что стракулист: так и цепляется.

Смех.

Оброшенов. Что? Что? Что ты сказал?

Шилохвостов. Ничего-с. Это я не про вас, а про мать крёсну: она свой человек,— не обидится. *(Отходит к Недоноскову.)*

Оброшенов. Вот нынче народ-то какой стал! Ни за что мальчика обругали да облаяли. Вот эти господа что вчера с ним сделали.

Начинают прислушиваться и подходить.

Он вина в рот не брал, а они его насильно напоили да комедию себе на потеху состроили. Ещё какую комедию-то!

Народ подвигается.

Недоносков. Что он там за разговоры развёл!

Недоростков. При людях страмить вздумал!

Оброшенов. Видят, что человек ничего уж не понимает, в чужой дом повезли; там горничную девку невестой одели...

Один из толпы. Что он говорит?

Другой. Горничную невестой одели.

Недоносков. Он на нас мараль пушает.

Недоростков *(громко)*. Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшенов. Вот чем утешаются, знать дела-то другого нет у них! Коли есть дело, так глупости не пойдут на ум. Да и нашли кого обидеть! Парень безответный... Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить. Разума-то у них хватит.

Недоносков. Я бы с него ничего не взял за такие его разговоры.

Недоростков. Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостов. Шутку какую-нибудь над ним сочинить почуднее! Надо заняться придумать.

Недоносков *(Шилохвостову)*. Что придумывать-то? Поди сюда! *(Шепчет ему на ухо.)*

Шилохвостов хохочет.

Вот тебе конверт! Поди положи газетной бумаги, в серединку положи записку; напиши... *(Шепчет. Шилохвостов хохочет до истерики. Важная особа улыбается.)* ...да и подкинь ему.

Шилохвостов. Я духом. *(Уходит.)*

Шарманщик с певицей, играет «Под вечер, осенью ненастной».

Певица (*поёт*).

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местам
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукам.
Все были тихи, лес и горы,
Все спали в сумерки ночной,
Она внимательные взоры
Водила с ужасом вокруг...

Важная особа. Довольно!

Певица.

И на невинном сим твореньи...

Важная особа. Довольно, я говорю!

Шарманка перестаёт. Шилохвостов входит.

Шилохвостов (*шарманцику*). Тяжеленько носить изволите.

Шарманщик. Своя ноша не тянет.

Шилохвостов. Другой подумает, что его за непочитание родителей заставили этакую штуку таскать.

Смех. Шарманка уходит.

Шилохвостов. Готово-с. (*Показывает конверт.*)

Недоносков. Ну, теперь не зевай! Дождик-то проходит.

Оброшенов уходит. Шилохвостов убегает вперёд, потом скоро возвращается.

Шилохвостов. Поднял-с!

Оброшенов вбегаёт бледный.

Оброшенов. Боже мой! (*Вынимает конверт из кармана и смотрит.*) Что это? Не во сне ли я вижу! Шестьдесят тысяч... объявить... третья часть — двадцать тысяч... Я задыхаюсь... Батюшки!.. Отлегло. Саша! Верочка! Вот они, деньги-то, вот они! (*Убегает.*)

Шилохвостов. Держи его! (*Хохочет.*)

Все смеются.

Важная особа (*уходя, останавливается*). Вот вам всем пример наказанного корыстолюбия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ОБРОШЕНОВ.

АННА ПАВЛОВНА.

ВЕРОЧКА.

ГОЛЬЦОВ.

УЛИТА ПРОХОРОВНА, *сестра Оброшенова, в чепчике, в салоне, с большим мешком в руках.*

Комната в доме Оброшенова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит за работой, Улита Прохоровна сидит подле неё и Верочка смотрит в окно.

Улита Прохоровна. Они его подбили, они; больше некому. Это у них первое удовольствие — заманить к себе да напоить. Они ведь меня тоже вчера как испугали! Иду я мимо их дому-то, не помню, об чём-то задумалась; вдруг наверху, над моей головой, кто-то крикнул во всё горло, я ажно присела. Взглянула это я наверх-то, а оттуда мне кулёк на голову, так ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась из кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса да и Гольцов с ними. Думала тут же зайти к вам да рассказать, так не хотела вас расстраивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна. Да вы бы, тётенька, пообедать у нас остались!

Улита Прохоровна. Как же, нужно очень! Мало вас без меня! И так семья порядочная. Я не хочу брату в тягость быть. Я найду, где пообедать. Ты посмотри-ко, как меня везде принимают! А отчего? А оттого, что я смолоду в княжеских и в графских домах жила, хорошие порядки видела. Тому научу дураков-то, другому; так вот мне все и рады. Я таким манером двадцать лет из дому в дом брожу, к вам-то только повидаться захожу.

Анна Павловна. Право, тётенька, останьтесь.

Улита Прохоровна. Зачем дома обедать, коли в чужих людях можно? Ну, право! Вот кабы я набивалась, так бы худо; а то везде с честью принимают. Когда негде будет, надоем всем, — ну уж тогда, нечего делать, дома обедать буду. А теперь что мне вас в лишний расход вводить! От вас к Хрюковым пойду. Хоть сам-то старик и плут, да мне всё равно; у сыновей жёны хороши, бабы добрые.

Анна Павловна. А как обед не застанете?

Улита Прохоровна. А мешок-то на что? Тут у меня целый дом. Тут у меня и чай, и сахар, и ситец на платье, и свечи стеариновые, и лоскутки разные, вот воротник меховой подарили недавно, а вот две котлетки завёрнуты. Я ничем не брезгую; всё прячу, что дают. Ну, прощайте. *(Целуется с обеими и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Ты что всё в окно смотришь? Целое утро не отходишь!

Верочка. Папашу дожидаюсь.

Анна Павловна. Папашу ли?

Верочка. А то кого же ещё? Мне больше некого дожидаться.

Анна Павловна. Уж и некого?

Верочка. Разумеется, некого. Ну, кого я стану ждать, скажи!

Анна Павловна. Ну, что ты со мной-то хитришь!

Верочка. Ты, может, думаешь, что я Сашу...

Анна Павловна *(смеясь)*. Кого?

Верочка. Я ошиблась, а ты уж и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь? Так нет же, нет, нет, нет!

Анна Павловна. Ну, верю, верю.

Верочка. Я об нём и думать-то забыла.

Анна Павловна. Очень жаль.

Верочка. Кого?

Анна Павловна. Разумеется, тебя; а то кого же?

Верочка. Отчего тебе меня жаль?

Анна Павловна. Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своим женихом, Сашей, целовала его; а сегодня забыла и думать. Значит, у тебя дурное сердце.

Верочка. Я тогда не знала, что он такой противный.

Анна Павловна. Может быть, он совсем и не противный.

Верочка. Уж ты, пожалуйста, за него не заступайся.

Анна Павловна. А мне что за него заступаться? Он твой жених, а не мой.

Верочка. Ну уж это извините-с.

Анна Павловна. А вот увидим.

Верочка. Нет уж, я лучше умру, а не пойду за него.

Анна Павловна. Зачем умирать! Тебя никто и не принуждает идти за него. Можешь выйти за кого угодно.

Верочка. И за другого не пойду.

Анна Павловна. Как хочешь, душа моя; твоя воля.

Молчание.

Верочка. Аннушка!

Анна Павловна. Что?

Верочка. Душенька, что я у тебя спрошу, ты мне скажешь?
(Плачет.)

Анна Павловна. Конечно, скажу. О чём же ты, милочка, плачешь?

Верочка. Мне очень скучно.

Анна Павловна. Ну, что же ты хотела спросить?

Верочка. Придёт он к нам ещё когда-нибудь или нет?

Анна Павловна. Не знаю, душенька. У него ума-то тоже немного больше твоего. С неделю от стыда не пойдёт, а потом будет совеститься, что долго не был. Это всегда так бывает. А тебе хотелось бы, чтобы он пришёл?

Верочка. Да, очень хотелось бы. Мне так скучно, так скучно.

Анна Павловна. Кто ж его знает! Может быть, возьмётся за ум и придёт.

Верочка. Нет уж, я знаю, что не придёт. (Плачет.)

Анна Павловна. Надолго ли твоего сердца-то хватило?

Верочка. Ты думаешь, я ему прощу? Нет, нет, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтоб он пришёл.

Анна Павловна. Один раз!

Верочка. Нет, чтоб и ещё приходил.

Анна Павловна. А вот подождём денька три.

Верочка. Денька три! Что это ты! Нет, я не хочу. Я хочу, чтоб нынче пришёл.

Анна Павловна. Ну, это едва ли.

Верочка. Знаешь что, душенька, Аннушка! Если он сегодня не придёт, я к нему тётеньку пошлю.

Анна Павловна. Как это можно! Что ты выдумываешь! Надо подождать ещё хоть два дня.

Верочка. Ну как он, в самом деле, долго не придёт! С тоски умрёшь. Уж как бы я была рада, кабы он пришёл; кажется, и сердиться

бы на него перестала. (*Смотрит в окно.*) Идёт! Уйду, уйду, в свою комнату уйду. И чтоб он не смел туда ходить! Ты слышишь, что я тебе говорю, сестрица! (*Убегает.*)

Анна Павловна. Ах, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечем мне вспомнить мою молодость! (*Утирает глаза.*) Что ж это? Неужели я завидую ей! Сестре-то! Нет, какая зависть! А как-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себе хоть немножко. Ну, что ж делать! Моё время прошло. Теперь остаётся только мне всех любить, а меня уж никто не полюбит. Отец скоро совсем состарится, у сестры будут дети; вот и ухаживай за всеми. Ей, скажут, и делать-то больше нечего, это её прямая обязанность.

Входит Гольцов и останавливается у двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Войдите! Что же вы стали?

Гольцов. Если позволите? Мне, право, так совестно-с.

Анна Павловна. Перестаньте! Что за вздор! Мы уж и забыли. Садитесь! Видели папеньку?

Гольцов. Видел-с. Он сейчас придёт; мы вместе шли из городу.

Анна Павловна. Где же он теперь?

Гольцов. Хотел зайти насчёт денег похлопотать.

Анна Павловна. Для вас?

Гольцов. Для меня-с.

Анна Павловна. Однако вы очень деньги любите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцов. Какое корыстолюбие, Анна Павловна! Просто мне нужны деньги до зарезу.

Анна Павловна. Нет, в самом деле? Вы не шутя говорите?

Гольцов. Плохие шутки! Если я не достану денег, я могу лишиться и службы, да и больше того, и чести.

Анна Павловна. Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не беспокойтесь очень-то, не расстройвайте себя! Ещё дело может поправиться. Только вы не говорите, ради бога, Верочке, не пугайте её!

Гольцов. Что вы! Помилуйте! А можно мне их видеть-с?

Анна Павловна. Не знаю. Она сейчас только убежала в свою комнату и велела сказать вам, чтобы вы туда не ходили.

Гольцов. И сами не выдут-с?

Анна Павловна. Право, не могу вам сказать. Кто ж её знает!

Гольцов. Что я наделал! Ведь теперь Вера Павловна ни за что моей любви не поверит-с, как я ни уверяй. А я, Анна Павловна, ей-богу, влюблён, так влюблен, что я уж и не знаю как. Я давеча плакал всё утро.

Анна Павловна. Вы думаете, что она вас разлюбила?

Гольцов. Что ж мудрёного, после такого случая.

Анна Павловна *(с улыбкой)*. Да, конечно.

Гольцов. Ах, боже мой! Желал ли я когда обидеть Веру Павловну! А вот что вышло!

Анна Павловна. Вы говорили с папенькой о Верочке?

Гольцов. Как же-с! Об чём же мне говорить-то!

Анна Павловна. Что ж он?

Гольцов. Он-то ничего-с. Обнадёживал очень. «Поди, говорит, скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться».

Анна Павловна *(смеясь)*. Ну так чего же вам бояться?

Гольцов. Всё-таки-с...

Анна Павловна *(громко)*. Верочка!

Верочка за сценой: «Что тебе?»

Поди сюда!

Верочка за сценой: «Зачем?»

Папенька приказал тебе помириться с Александром Петровичем.

Верочка за сценой: «Хорошо, я сейчас приду».

Гольцов. Вы меня поддержите!

Анна Павловна. Нет, я вас оставлю вдвоём. Это, мне кажется, лучше будет.

Гольцов. Нет, что вы! Помилуйте!

Анна Павловна. А ещё жених! Бойтесь с невестой остаться!

Верочка входит.

Ты слышала, что папенька приказал? *(Гольцову.)* Ну, вот мы и посмотрим, как она не послушает отца. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Простите меня, Вера Павловна!

Верочка. Я не могу вас не простить.

Гольцов. Отчего же-с?

Верочка. Так папаше угодно.

Гольцов. Только потому-с?

Верочка. Разумеется. Я бы и не вышла к вам ни за что на свете.

Гольцов. В этом радости для меня не много-с. Я бы желал знать, что вы сами обо мне думаете-с.

Верочка. Что вы ко мне пристаёте!

Гольцов (*хочет взять руку*). Позвольте-с!

Верочка. Это что ещё?

Гольцов. Ручку поцеловать.

Верочка. С чего это вы выдумали!

Гольцов. Ведь уж вы меня простили?

Верочка. Да, я вас простила, а руки не дам.

Гольцов. И вы долго будете сердиться-с?

Верочка. Долго? Вот новости! Всю жизнь.

Гольцов. Да помилуйте, как же это можно-с, когда вы...

Верочка. Что я?

Гольцов. Да как же, вы изволили обещать-с...

Верочка. Что такое?

Гольцов. Да вчера изволили... быть столько добры-с... за меня замуж...

Верочка. За вас замуж? Кто же это вам сказал?

Гольцов. Да и Павел Прохорыч говорит-с...

Верочка. Папаша может мне приказать помириться с вами, а этого не может.

Гольцов. Значит, мне нельзя никакой и надежды иметь?

Верочка. Никакой.

Гольцов. Извините, что я вас побеспокоил. Делать мне здесь нечего-с. Прощайте-с!

Молчание.

Честь имею кланяться. (*Хочет идти.*)

Верочка. Послушайте, куда же вы?

Гольцов. Домой-с. Засвидетельствуйте моё почтение Павлу Прохоровичу. *(Идёт к двери.)*

Верочка. Не ходите!

Гольцов *(в дверях)*. Помилуйте, Вера Павловна! Что же мне здесь оставаться! Только одно мучение.

Верочка. Если вы уйдёте, я так рассержусь, так рассержусь, что...

Гольцов. Ведь уж как ни сердитесь, хуже этого для меня не будет-с. Чего же ещё! Вы даже и надежды не позволяете иметь.

Верочка. Ещё бы позволить! Нет, вы вот что скажите: если вы уйдёте теперь, вы уж никогда больше не придёте?

Гольцов. Зачем же я пойду, рассудите сами-с.

Верочка. Так никогда?

Гольцов. Никогда-с.

Верочка. Ну и прекрасно! И не надо вас! Не приходите! Прощайте!

Гольцов. Прощайте! Бог с вами!

Верочка. Прощайте! *(Вырывает у Гольцова шляпу.)* Уходите! Что ж вы нейдёте?

Гольцов. Что ж это за насмешки-с! Пожалуйте шляпу-с!

Верочка. Нет уж, теперь не отдам. *(Прячет шляпу за себя.)*

Гольцов. Ах, позвольте! Изломаете, право, изломаете.

Верочка. Ни за что, ни за что не отдам. Ну, уж возьмите!

Гольцов протягивает руку, она прячет шляпу.

Гольцов. Вы уж лучше простите меня; помиримся как следует, тогда я сам останусь.

Верочка. Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Гольцов. Ведь захочу, так отниму-с.

Верочка. Попробуйте!

Гольцов. Извольте! *(Обхватывает руками Верочку, она сопротивляется, он её целует.)*

Верочка. Это что ещё! *(Топает ногой.)* Кто вам позволил! Вы хотите, чтоб я вас прогнала?

Гольцов. Виноват-с! Пожалуйте шляпу, я сам уйду.

Верочка. Возьмите! *(Отдаёт шляпу.)*

Гольцов. Прощайте! *(Идёт к дверям.)*

Верочка *(тихо)*. Саша!

Гольцов. Что вам угодно-с?

Верочка. Что вы воротились? Я совсем вас не звала. Это я про себя.

Гольцов. Извините-с! (*Уходит.*)

Верочка (*кричит всё громче и громче*). Саша! Саша! Саша! Ах, какой противный! Он, пожалуй, в самом деле уйдёт. (*У окна.*) Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! (*Прыгает от радости.*)

Гольцов входит.

Ты, Саша, такой... такой... нехороший! Ты не стоишь, чтоб тебя любили! Ты хотел уйти и никогда не приходиться. И выходит, что ты злой, а я добрая.

Гольцов. Значит, вы меня совсем прощаете?

Верочка. Совсем.

Гольцов. И я опять смею называть вас Верочкой?

Верочка. Нет, не смеешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольцов. И ручку поцеловать можно?

Верочка. Можно. На! (*Протягивает ему руку.*)

Гольцов (*целует руку*). Мы уж, Верочка, об этой ссоре и поминать не будем.

Верочка. Не будем.

Гольцов. И замуж, Верочка, пойдёшь за меня?

Верочка. Пойду. Только ты не уходи.

Гольцов целует руку. Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Целуйтесь, целуйтесь, я не помешаю. Это лучше, чем ссориться.

Гольцов. Уж теперь кончено-с.

Анна Павловна. Ну и прекрасно!

Верочка. Он теперь опять мой жених.

Анна Павловна. Очень рада твоей радости.

Верочка. А вот калитка стукнула, должно быть, папаша.

Анна Павловна (*взглянув в окно*). Он и есть.

Гольцов. Не денег ли несёт! Вот бы счастливый-то день для меня.

Анна Павловна. Должно быть, что-нибудь есть; что-то он очень весел.

Входит Оброшенов, дочери целуют его.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Гольцов, Анна Павловна и Верочка.

Оброшенов (*глядит дочерей по головам*). Ну, козы, прыгайте! Верочка. Зачем, папаша?

Оброшенов. От радости. Я бы и сам прыгал, да ноги устали. (*Оглядывая всех*.) Ах, дурочки вы мои, дурочки. Право, дурочки!

Верочка. Папаша, за что ты бранишься?

Оброшенов. Нет, он-то, он-то! Плачет; несчастье, говорит; чужие деньги затратил. Ха-ха-ха, хи-хи!

Анна Павловна. Папенька, я вижу, вы денег достали?

Оброшенов. Нет, что он-то, Аннушка, говорит! Погибаю, говорит, из суда выгонят! Ах, чудак, чудак!

Гольцов. Да вы говорите! Достали, что ли?

Оброшенов. Голенький ох, а за голеньким Бог! Никогда не отчаивайся! Помни: голенький ох, а за голеньким Бог.

Гольцов. Значит, достали?

Оброшенов. Ещё бы! Я-то не достану! Ах ты, Саша, Саша! Кто ж и достанет, как не я!

Гольцов. Много ли?

Оброшенов. На всех хватит. Ещё дом купим; лошадей тебе пару куплю.

Верочка. Откуда же это, папаша?

Оброшенов. Много будешь знать, скоро состареешься.

Анна Павловна. Разве ты не видишь, папенька шутит.

Оброшенов. Шучу? Нет, уж будет шутить! Что? Удивил вас? Удивил? Погодите, ещё так ли удивлю! Вицмундир мне надо, Аннушка. Там он?

Верочка. На что вам, папаша, вицмундир?

Оброшенов. Еду, еду. Нельзя в этом ехать, неприлично.

Верочка. А обедать?

Оброшенов. Какой теперь обед! Пойдёт ли на ум! Надо скорей ехать! Скорей объявить... (*Вынимает из кармана конверт, завёрнутый в платок, кладёт его на стол и накрывает шляпой*.) Шш! Шш! Никто! Пальцем никто! Слышите! (*Уходит*.)

Анна Павловна. Что ж это такое? Я ничего не понимаю.

Верочка. Саша, что это такое? Что там под шляпой?

Гольцов. Не знаю. Должно быть, нашёл на дороге деньги. Хочет поехать объявить и получить третью часть.

Входит Оброшенов.

Оброшенов (*снимая шляпу и вынимая из платка конверт*). Ах, дурачки вы мои, дурачки! Много тут денег, много! Вы столько никогда и не видывали. Вот они! Ну-ка, посмотрите! (*Читает.*) «Со вложением шестидесяти тысяч банковыми билетами». Может быть, тут есть билетик в двадцать тысяч на имя неизвестного. Вот его-то мне и пожалуйте. Третья часть! Имею право... по закону могу требовать. Видишь ты, конверт подрезан! Это всегда так. Вот и поглядим! (*Осторожно вынимает из конверта газеты.*) Это не то. Ишь ты, завернули в бумагу для осторожности. (*Вертит газетную бумагу.*) Где же тут? Где же? На пол как не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!.. (*Ударяет себя по лбу.*) А ещё старик! Осторожный человек! Это я, Аннушка, конверт-то вот так... вот этой стороной... в карман-то... понимаешь ты? Тут разрезано... вот они и вывалились туда... в карман-то. Они там... в сертуке... в кармане-то, в боковом-то... Понимаете вы? Ну да, там, там! А то где же им быть-то, ну где же им быть-то? Ну, рассудите! Вот сейчас пойду и принесу вам... принесу вам. Экой я! Экой я неосторожный! Сейчас сюда принесу, и положим... положим в конверт-то. (*Уходит.*)

*Гольцов рассматривает газетную бумагу, на стол выпадает записка.
Оброшенов возвращается, отталкивает Гольцова.*

Что я там ишу! Они тут.

Гольцов. Тут нет, уж вы искали.

Оброшенов (*растерявшись*). Где ж они? Неужели я потерял? (*Хватается рукой за голову.*) Вспомнил, вспомнил! Вынимал я конверт дорогой-то, любовался всё на печати, тут и потерял. Чужие деньги! Шестьдесят тысяч! Побежим, Саша! Может, ещё никто не поднял. Спрашивать будем, не поднимал ли кто? Шестьдесят тысяч! (*Плачет.*)

Гольцов (*взяв со стола записку*). Тут денег и не было. Вот и записка безграмотная: «Ни ганис за чужим дабром!»

Оброшенов (*смотрит записку*). О, боже мой! Как над мальчишкой насмеялись! Над стариком-то! Над родительским чувством насмеялись! Да нет! Вы всё лжёте! Этак не шутят. Таких шуток не бывает! Какая это записка! Это вздор! Тут ничего и не написано!

Шестьдесят ведь тысяч! Шестьдесят тысяч! Они там! Там в кармане... за подкладку как-нибудь завалились. (*Идёт шатаясь в другую комнату, за ним дочери, Верочка сейчас же возвращается.*)

В е р о ч к а (*падает на шею Гольцову*). Ах, папаша! Что с ним? Ему дурно!

Анна Павловна входит.

А н н а П а в л о в н а. Бегите за доктором! Я боюсь, что он помешается. Не оставьте нас в несчастьи, Александр Петрович! Верочка может сиротой остаться. Вы своё горе забудьте! Денег я вам достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мне это унижения ни стоило, а уж выпрошу. (*Уходит.*)

В е р о ч к а. Беги, Саша, за доктором, беги!

Гольцов уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ОБРОШЕНОВ.

АННА ПАВЛОВНА.

ВЕРОЧКА.

ГОЛЬЦОВ.

ХРЮКОВ.

УЛИТА ПРОХОРОВНА.

МОЛОДЕЦ ОТ ХРЮКОВА.

Комната третьего действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна и Улита Прохоровна (выходят из боковой двери).

У л и т а П р о х о р о в н а. Ишь ты, какие шутки глупые! Нечего им делать-то; вот они и озорничают. Ещё слава богу, что так обошлось. Долго ли старику совсем с ума свихнуться!

А н н а П а в л о в н а. Да, мы вчера очень боялись. После припадка он заснул, и с ним сильный бред сделался. Впрочем, доктор сказал, что опасности нет никакой, что ему нужно только денька два успокоиться.

У л и т а П р о х о р о в н а. Ну, а сегодня-то он что?

А н н а П а в л о в н а. Ничего. Поутру гулять ходил, теперь прилёг заснуть.

Улита Прохорова. Да, вот тоже и со мной тогда какую штуку сделали! Уж я их ругала, ругала; да стыда-то у них нет в глазах, так им всё равно.

Анна Павловна. Что ж вы, тётенька, так скоро ушли от Хрюковых? Что не погостили?

Улита Прохорова. Аль я вам надоела?

Анна Павловна. Нет, тётенька! Я так спрашиваю.

Улита Прохорова. Ушла я от безобразия от ихнего. Там теперь не то что посторонним, и своим-то приходится бежать из дому. Старик сыновей гонит; дом хочет заново отделывать, чтоб ему одному жить.

Анна Павловна. Зачем же?

Улита Прохорова. Говорят, жениться хочет.

Анна Павловна. В шестьдесят-то лет?

Улита Прохорова. Да разве для них закон какой писан! Что чудней, то и делают. Спальню да женину уборную штофом да бархатом обивает, на окна кружевных занавесок накупил.

Анна Павловна. Кто ж за него пойдёт?

Улита Прохорова. Пойтить-то пойдут. Которая за деньги, а другую сиротку и так отдадут, не спросясь. Сыновья теперь по квартирам разъезжаются. Срам! Из своего-то дома! Я старику говорила: «Жила я в княжеских и в графских домах, нигде такого безобразия не видала».

Анна Павловна. Что же он?

Улита Прохорова. Известно что. Обругал как нельзя хуже. Чего ж от него ждать-то!

Анна Павловна. Интересно бы узнать, кто его невеста.

Улита Прохорова. Как же, узнаешь! Он прескрытный старичишко! Его мыслей никто не знает. Уж такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна. Куда же вы? Посидите!

Улита Прохорова. Ну вот ещё! Я вас и так часто вижу. Пойду где-нибудь в чужих людях пообедаю; всё-таки вам расходу меньше. А коли хорошо примут, так и погощу. Вон, к вам Хрюков идёт. Какого ему ещё рожна нужно! Я с ним и встречаться-то не хочу, я через кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна. Прощайте, тётенька!

Улита Прохорова уходит в боковую дверь, входит Хрюков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. Здравствуй, душа моя!

Анна Павловна. Здравствуйте! Садитесь!

Хрюков. И без просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять перед тобой? Уж это много чести для тебя. *(Садится.)* А что ж крапивное-то семя вчера не приходил? Ведь я ему приказывал.

Анна Павловна. Папенька нездоров.

Хрюков. С перепою, должно быть?

Анна Павловна. Как вам не стыдно! Что вы говорите!

Хрюков. То и говорю, что знаю. Уж есть ли таких пьяниц, как стракулистов! В самом деле, что ль, болен?

Анна Павловна. Теперь поправляется.

Хрюков. А кляузы строчить может?

Анна Павловна. Он спит теперь. Как проснётся, тогда с самим поговорите.

Хрюков. Ну что ж, этот, как его? Жених-то ваш? Нашёл денег?

Анна Павловна *(печально)*. Нет.

Хрюков. И вы-то хороши! Отдаёте за голоногого за какого-то! Польстились, что молод. Вы бы лучше хоть постарше, да попристойнее искали.

Анна Павловна. Нам и этот хорош.

Хрюков. Сядет он на вашу шею. Ещё наплачетесь с ним.

Анна Павловна. Там что бог даст. Уж это дело решённое.

Хрюков. Зять-то бы кормить должен семью, а тут ему денег подавай. И пойдёте побираться по знакомым, занимать у того и у другого.

Анна Павловна. Они будут совсем обеспечены; папенька им дом купил.

Хрюков. Слышал я, слышал. У меня ж денег-то брали. Уж и дом! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Анна Павловна. По деньгам и дом.

Хрюков. Разумеется. Не каменные же палаты вам на две-то тысячи купить?

Анна Павловна. И две-то тысячи насилу набрали. Теперь бы нам только триста рублей на короткое время призанять.

Хрюков. Знаю я это короткое-то время. Дай я вам теперь триста рублей — через неделю ещё столько же просить придёте; а то так и больше.

Анна Павловна. Не придём. И эти деньги возвратим вам с благодарностью. Я вам ручаюсь за это.

Хрюков. Ты ручаешься? А что с тебя взять-то?

Анна Павловна. Я вам словом ручаюсь.

Хрюков. А что из твоего слова сделаешь? Шубу не сошьёшь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

Анна Павловна. Что это значит? Как чувствовать?

Хрюков. Так и чувствовать. Уважать своих благодетелей; вот как чувствовать.

Анна Павловна. Мы вас и уважаем и будем уважать.

Хрюков. А вот посмотрю я! *(Подходит. Гладит по голове Анну Павловну.)* Ишь ты, как гладко причёсана: волосок к волоску! Так много ли ж тебе денег-то нужно?

Анна Павловна. Триста рублей.

Хрюков. А двести нельзя?

Анна Павловна. Нет, нельзя.

Хрюков. Двухсот не возьмёшь?

Анна Павловна. Возьму, только ещё сто рублей надобно занимать будет.

Хрюков. Уж так будто нужно ровно триста, ни копейки меньше?

Анна Павловна. Нужно ровно.

Хрюков. Ну, а ежели я дам двести девяносто?

Анна Павловна. Сколько бы ни дали, мы будем вам благодарны. Только мне нужно ровно триста.

Хрюков. Уж так в обрез? Чудно что-то! *(Смеётся.)* Каприз!

Анна Павловна. Ничуть не каприз.

Хрюков. Ну да что ж! Я и каприз твой уважу. *(Вынимает бумажник.)* Вот они деньги-то! Хочешь, всё отдам?

Анна Павловна. Не нужно мне.

Хрюков. Что больно горда! Другая бы взяла, право, взяла. Есть такие. Да и ты глупа, что не берёшь. Могу жертвовать. Эй, бери, а то спрячу.

Анна Павловна. Вы мне дайте только то, что я прошу у вас.

Хрюков. На, возьми сама, сколько нужно. *(Поддаёт бумажник.)*

Анна Павловна. Нет, зачем! Вы сами дайте.

Хрюков. Триста?

Анна Павловна. Триста.

Хрюков. Я могу тебе и больше дать.

Анна Павловна. Ни больше, ни меньше.

Хрюков. Ну, право, возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь, бери. Хочешь пятьсот — пятьсот бери. Я денег не жалею; а для тебя хоть всё отдам.

Анна Павловна. Мне нужно только триста.

Хрюков. Триста да триста! Наладила! *(Кладёт деньги на стол.)* Ну, на тебе твои триста! Я с тебя и расписки не беру.

Анна Павловна *(встаёт и кланяется)*. Вы меня так одолжили, Филимон Протасыч, что я и не знаю, как благодарить вас! Вы будьте уверены, что при первой возможности мы вам заплатим.

Хрюков. Что мне, крайность, что ли, в деньгах-то! Хоть и не заплатишь — не разорюсь.

Анна Павловна. Вы, конечно, не разоритесь, да мы-то должны отдать долг.

Хрюков. А может, я прошу.

Анна Павловна. Вы нас обидите.

Хрюков. Всё ты не то толкуешь! Вот видишь ты, я на деньги всё могу иметь и всё имел, то есть всякое удовольствие, и любил меня всякие красавицы, да всё из такого круга, что образования никакого нет, ну, и скромности. Чтобы по-благородному вести себя, так не умеют. А мне надо, чтоб по-благородному, потому это самое необразование мне надоело.

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков *(тихо)*. Чего тут не понимать-то! Ну, просто тебе говорю, осыплю тебя золотом, да и всё тут.

Анна Павловна. Что такое?

Хрюков. Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна. Что вы говорите?

Хрюков. А вот что! Ты мне понравилась. Если ты меня полюбишь, так я всему вашему семейству могу благодетелем быть. В экономки ко мне хочешь?

Анна Павловна. Как вы смеете такие вещи говорить!

Хрюков. Тише, я тебе говорю! Что шумишь! Услышит кто-нибудь. И этих денег с вас не потребую и ещё дам, сколько хочешь. Вот он, бумажник-то, со мной!

Анна Павловна *(бросает деньги)*. Возьмите ваши деньги и ступайте вон!

Хрюков (*поднимает деньги*). Что ты бросаешь? Ведь это не щепки. Что ты развоевалась!

Анна Павловна. Подите вон, я вам говорю!

Хрюков. Постой! Разве я тебя чем обидел? Я тебе ничего обидного не сказал. На всё это есть твоя воля: хочешь — ладно; не хочешь, так и скажи: тебя никто не принуждает. За что ж тут обижаться!

Входит Оброшенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Оброшенов. Аннушка, что с тобой? Что с тобой, моя милая?

Анна Павловна. Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, что он говорит! Я уйду, я не могу видеть его.

Оброшенов. погоди, погоди! Благодетель мой! За что же девушку-то обижать! Ну я таковский, уж надо мной бы над одним и тешили свою душу. А она к этому непривычна; я их берёг, лелеял, обижать никому не позволял.

Хрюков. Что ты её слушаешь! Она врёт. Я ей ничего обидного не сказал. Вольно ей горячиться-то! Ишь она какая сердитая у тебя!

Оброшенов. Уж даром она, благодетель мой, Филимон Протасьич, не рассердится. А вы вот что! Попросите у ней извинения за невежество, ручку поцелуйте, как следует у барышни, она вас и простит по своей ангельской доброте. Хе-хе-хе! Так ведь я говорю, Аннушка?

Хрюков. Ручку поцелуйте! Выдумывай ещё! Ты слушай, старая тетеря! Мои резонты слушай! Должен ты мне много! Теперь она ещё просит триста рублей. Что ж у меня для вас яма бездонная, что ли, денег-то приготовлена?

Оброшенов. Так не давайте! А зачем обижать-то?

Хрюков. Не давайте! А я вот хочу дать. Да ты слушай! Девушка она в летах, замуж не пойдёт, поведенья скромного; а мне это и нужно. Пусть переезжает ко мне в экономки. Обиды ей не будет и вам всем будет хорошо.

Анна Павловна. Ну, вот слышите, папенька, что он говорит! Можно это слушать равнодушно? (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Оброшенов и Хрюков.

Оброшенов. Не ждал я, Филимон Протасьич, от вас, от благодетеля, такого сраму на свою седую голову.

Хрюков. Какой тут страм! Мне страм, что я с вами связался. Я ей добра желал, а она обиделась; ещё, пожалуй, рассказывать будет. Значит, разговор пойдёт; и будет страм для меня, а не для вас. Про меня пойдёт мараль; а вам что?

Оброшенов. А если про нас будут говорить, значит, вам до этого дела нет!

Хрюков. Сравнял ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя с дочерью с твоими как хочешь дурно разговаривай, так в этом важности ровно никакой нет. Потому цена вам всем грош. А я человек известный. Понял ты?

Оброшенов. Мне цена грош, я и не спору; а дочерей моих я не позволю обидеть ни за миллионы. Тебе честь дорога, а мне дороже твоего.

Хрюков. Что за честь, коли нечего есть! Видимая твоя бедность или нет? Всякому видимая. Я тебе ж, убогому, помочь хотел; ты бы должен это чувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорят дурно. Поговорят да и перестанут.

Оброшенов. Я чести своей не продавал; слышишь ты, не продавал!

Хрюков. Да что за бесчестье, что дочь твоя будет жить в моём доме! Разве только скажут, что она любовница моя. Так и то не беда. Всякий умный человек рассудит, что она это от бедности.

Оброшенов. Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого от меня ещё не слыхивал, так вот слушай теперь! Ты думал, что я шут! Ну да, я шут и есть, только за дочерей убью, всякого убью. *(Хватает стул.)*

Хрюков. Скотина не узнала своего господина. Что ты, повредился, что ли? Ты мне деньги-то отдай, которые забрал.

Оброшенов. Отдам, отдам...

Хрюков. А за грубость я тебя в сибирку посажу.

Оброшенов. Я сам с тебя бесчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюков. Держи карман-то! Свидетелев не было. Ты деньги-то принеси! *(Уходит.)*

Оброшенов (*вслед ему*). Принесу, завтра же принесу.

Входят Анна Павловна и Верочка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Папенька, успокойтесь! Не расстраивайте себя.

Верочка. Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшенов (*в изнеможении садится на стул*). Ах ты, анафема! Нет, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, так с голоду умрёшь. Надо сейчас денег доставать. Саше нужно, да этому лешему отдать. Вот отдохну и побегу.

Анна Павловна. Куда вы, папенька, пойдёте? Вы так слабы. Вы у кого хотите просить денег-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшенов. Что ты! Можно ли это! Позволю я тебе идти милостыню просить! Чтоб опять такая же история вышла.

Верочка. Саша сходит.

Оброшенов. И ему нельзя, стыдно, — он молодой человек. А мне ничего не стыдно; у меня уж давно стыда нет. Я бы теперь украл для вас и не постыдился бы. Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то после этой ссоры он меня со свету живёт.

Анна Павловна. Много вы ему должны, папенька?

Оброшенов. Много. Не разделаться всю жизнь. Всё по распискам; уж некоторым и срок вышел. Надо его укланять как-нибудь, чтобы, вместо денег, хоть документ взял на год сроком. Будем выплачивать понемногу.

Анна Павловна. Вот несчастье-то!

Оброшенов. Пугнул я его, а теперь уж и самому страшно. Кругом я обязан человеку, пропасть должен, — и вдруг выгнал из дому, убить хотел. Кого? Благодетеля своего.

Анна Павловна. Он, папенька, стоил этого.

Оброшенов. Стоил-то стоил. Его б отсюда не в дверь, а в окно надо было проводить! Да то-то вот, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступил с ним, как следует благородному человеку, а теперь вот и струсил. Бедность-то нас изуродовала. Тебя оскорбляют, ругаются над детьми твоими; а ты гнишь да гнишь, да кланяйся. Покипит сердце-то, покипит, да и перестанет. Вот что

я сделал дурного? Вступился за дочь, выгнал невежу вон. Что ж бы я был за отец, если б этого не сделал? Кто ж допустит такое нахальство в своём доме? Стало быть, я хорошо сделал, что прогнал его; а у меня вот от страха ноги трясутся. Вот так и жду, что он пришлёт за мной. А ведь надо будет идти; упрямитесь-то нельзя; надо будет кланяться, чтоб пообождал немного. А сколько брани-то я от него услышу! Как в глаза позорить-то станет! А мне и языком пошевелить нельзя. Нагни голову да слушай! Уж он теперь дома, — далёко ль ему, только через улицу перейти. Пришлёт! Чувствует моё сердце, что пришлёт!

Входит молодец от Хрюкова.

Ты зачем?

Молодец. Филимон Протасьич приказали вам сейчас прийти к ним.

Оброшенов. Зачем?

Молодец. Это, выходит, я не знаю; а только приказывали, чтоб сейчас.

Оброшенов. Что ж! Надо идти. Право, лучше идти. Скажи, что сейчас буду.

Молодец уходит.

Поддай шляпу!

Верочка подаёт.

Пойду!

Входит Гольцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Оброшенов. Вот, Саша, беда у нас, право, беда!

Гольцов (*не слушая*). Денег не достали-с?

Оброшенов. Какие тебе деньги! С меня с самого долг тянут. Вот сейчас иду умаливать, чтоб подождали.

Гольцов (*схватывается за голову*). Ах, боже мой!

Оброшенов. Что ты, Саша, что ты?

Гольцов. Сейчас письмо получил-с.

Оброшенов. Какое?

Гольцов (*тихо*). Этот помещик, чьи я деньги затратил, через два дня будет в Москве.

Оброшенов. Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вот я сбегаю по своему делу, а ты тут подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь об этом! А я ворочусь, потолкуем: может быть, что и придумаем. Ну, прощайте! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Верочка (*целуя Гольцова*). Здравствуй, Саша! Ты уж и не видишь меня.

Гольцов. Здравствуй, Верочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна. У меня сейчас в руках были триста рублей, да я их сама назад отдала.

Гольцов. Что же вы сделали! Ведь я погибаю.

Анна Павловна. А вы бы послушали, с каким гнусным предложением мне их давали!

Гольцов. Неужели-с? Ну, разумеется, взять нельзя-с. Кто же это?

Анна Павловна. Старик Хрюков.

Гольцов. Вы бы ему в лицо их бросили!

Анна Павловна. Я так и сделала.

Верочка. Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна. Нечего тебе и понимать-то, душа моя.

Верочка. Что он такое обидное тебе сказал? Папенька рассердился, ты тоже.

Анна Павловна. Совсем не нужно тебе знать этого, Верочка.

Верочка. Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна. Ну, изволь! Он хотел, чтоб я пошла к нему в экономки.

Верочка. Ах, сестрица! Как же он смел! Ведь это всё равно, что в услужение идти и жалованье от него получать?

Анна Павловна. Ну да, да!

Верочка. За дело его папенька прогнал.

Анна Павловна. Так вот, Александр Петрович! А мы ему должны очень много; он теперь деньги требует. Вот какое положение.

Гольцов (*тихо*). А моё-то положение! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна. Что вы! Что вы! А Верочка-то!

Гольцов. Только она-с, а то бы кончено дело.

Анна Павловна. Что вы! Страшно слушать.

Гольцов. А каково мне будет, как выгонят из суда, да осрамят на всю Москву, да судить будут, как вора!

Верочка. Что вы шепчетесь! Должно быть, что-нибудь нехорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна. Ты сама знаешь, что дела наши очень плохи.

Верочка (*хватаясь за Гольцова*). А он? С ним ничего не будет? Он с нами останется?

Гольцов (*закрывая лицо руками*). Я не знаю, Верочка, где я буду.

Верочка (*кидается ему на шею*). Саша! Саша!

Голос Оброшенова за сценой: «Молитесь Богу! Молитесь Богу!» Вбегают.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка, Гольцов и Оброшенов.

Оброшенов. Молитесь Богу! Молитесь Богу!

Анна Павловна. Что вы, папенька?

Оброшенов. Аннушка! Аннушка! (*Гольцову и Верочке.*) Вы! Становитесь! Оба становитесь на колена! И я стану. (*Хочет становиться на колени.*)

Анна Павловна. Папенька, что вы делаете?

Оброшенов. Ты наша спасительница! Ты! Нет, ещё не всё! Что же я обрадовался! Ещё не всё. Нет, я стану перед тобой на колени.

Анна Павловна. Ах, папенька! Что вы это! Зачем?

Оброшенов. Просить тебя, просить великое дело для нас сделать. И вы становитесь! Вот она! Она одна может.

Анна Павловна. Я ничего не понимаю.

Оброшенов. Нет, я стану... Это стоит, чтоб стать на колени. Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет!

Анна Павловна. Вы меня пугаете.

Оброшенов. Будь твёрже, Аннушка, будь твёрже! Хрюков просит руки твоей и двадцать тысяч на приданое даёт. Падайте! Аннушка! Падаем, падаем к ногам твоим! (*Хочет стать на колени.*)

Анна Павловна (*удерживает его*). И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нет. Вы больны, вы стары, вам нужен покой! А вы для нас работаете, убиваете последние силы... Я буду иметь возможность ходить за вами, покоить вас, баловать, как малого

ребёнка... и вы подумали, что я откажусь от этого! *(Обнимает Верочку.)* И её, мою куклу, я могу рядить, во что мне захочется, могу её тешить, доставлять ей удовольствия... И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для вас готова, только бы вы были счастливы!

Оброшенов. Да, да, да! Я так и знал. Вот она, дочь-то какая! Вот с такими дочерьми хорошо жить на свете! Ну, спасибо тебе! Спасибо! *(Целует её.)* Вот я здоров и весел. Я и плясать буду на твоей свадьбе.

Верочка. А что ж он давеча-то говорил: в экономки?

Оброшенов. Да, да! Я его бранил за это. Ужас, как бранил! А он говорит: я шутил, я только испытать хотел. Я, говорит, уж давно жениться задумал за непочтение детей. И много невест смотрел, да всё не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говорит, я шутил, шутил; пусть не сердится: я шутил с ней.

Верочка. Что это с нами всё шутят?

Анна Павловна. А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное — не будем ни в ком нуждаться, так и перестанут над нами шутить.

Оброшенов. Перестанут, милые мои, родные мои, перестанут!

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Комедия в трёх действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ПАВЛИН ИППОЛИТОВИЧ МИЛОВИДОВ, помещик средней руки, лет 30, из отставных кавалеристов, с большими усами, в красной шёлковой рубашке, в широких шароварах с лампасами, в цыганском казакине, подпоясан черкесским ремнём с серебряным набором.

ВУКОЛ ЕРМОЛАЕВ БЕССУДНЫЙ, содержатель постоялого двора на большой проезжей дороге, крепкий старик лет под 60, лицо строгое, густые, нависшие брови.

ЕВГЕНИЯ МИРОНОВНА, жена его, красивая баба, годам к 30.

АННУШКА, сестра его, девушка 22 лет.

ПЫЖИКОВ, из мелкопоместных, проживающий по богатым дворянам, одет бедно, в суконном сак-пальто, но с претензией на франтовство.

ПЁТР МАРТЫНЫЧ НЕПУТЁВЫЙ, купеческий сын.

СЕНЯ, его приказчик.

ЖУК, работник Бессудного.

РАЗЗОРЁННЫЙ, ямщик.

ГРИШКА, человек Миловидова, молодой малый, одетый казачком.

Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием «На бойком месте», лет сорок назад.

Комната на постоялом дворе; направо в углу печь с лежанкой; посредине, подле печи, дверь в чёрную избу, левее часы с расписанным циферблатом, ещё левее в углу комод и на нём шкафчик с стеклянными дверцами для посуды; с правой стороны, у печки, дверь в сени, ближе к зрителям кровать с ситцевым пологом; на левой стороне два окна, на окнах цветы: герани и жасмины; в простенке зеркало, по бокам лубочные портреты; под зеркалом старый диван красного дерева, обитый кожей, перед диваном круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бессудный и Раззорённый.

Бессудный. Отпрег?

Раззорённый. Отпрег.

Бессудный. Стало быть, выпить пришёл, что ли?

Раззорённый. стаканчик надо бы поднести.

Бессудный. Отчего не поднести! *(Наливает стакан и подаёт.)*
Пей на здоровье!

Ямщик пьёт.

Дорога, что ль, тряска, Петра-то Мартыныча как раскачало!

Раззорённый. Какая тут дорога! Известно, круговые. В Покровском рублёв на сто поболе начудили.

Бессудный. Что ж они там?

Раззорённый. Известно их занятие: пить да чтоб бабы подле, значит, для балагурства, и сейчас бумажками оделять.

Бессудный. Значит, они с прохладой, домой-то не больно торопятся.

Раззорённый. А кто ж их... Я в Покровском на сдачу взял до Новой деревни... Перегон-то восемьдесят вёрст, а где половина-то? Чай, сам знаешь, семь вёрст за вами; а я всё к тебе, Вукол Ермолаич. Купцы спрашивают, где кормить будешь? Известно, говорю, где: на «Бойком месте» у Вукол Ермолаича.

Бессудный. Да, спасибо, спасибо, что не забываешь.

Раззорённый. Да что спасибо. Мы тоже ласку помним... Ты бы меня хоть двугривенничком осеребрил.

Бессудный. А из каких доходов? Ещё твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вот погоди, по доходу глядя, и тебя не забудем.

Раззорённый. Так я кормить пойду.

Бессудный. А ты не торопись, пуцай у меня погостят подольше, не всё ж одним покровским от них пользоваться.

Раззорённый. Ну да ладно! Копаться-то мы и без просьбы мастера; торопиться вот, так это мы не умеем. (*Уходит.*)

Бессудный (*у двери*). Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вам! Что вас не дозовёшься!

Евгения и Аннушка входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Где вы там забились? Когда вас надо, вас тут и нет. Дуры, право, дуры!

Евгения. Какой ты, Ермолаич! Да разве я не хозяйка! Туда сунься, за тем погляди, с ног собьёшься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

Бессудный. Хозяйка ты! Какое твоё хозяйство-то? Groшовое. Тряпки в чулане перебирать. А тут сотни летят. Разевайте рот-то! На овсе-то немного наторгуешь. Пётр Мартыныч приехал, слышишь ты!

Евгения. Ох, Ермолаич, право, уж мне повесничать-то не больно по сердцу! Кабы я была девушка, никому не подвластная, другое дело. Я так считаю, что ты моя глава. Мне когда и в шутку кто скажет

что-нибудь, так я за грех понимаю против тебя. Право, уж я такая зародилась совестливая и для мужа своего покорная, а тут поди блясничай с ними, с охальниками.

Б е с с у д н ы й. Да, нужно очень! Ты сними маску-то! Перед кем ты тут свою покорность показываешь! Уж ты при людях лисой-то прикидывайся, а я тебя и без того знаю. Говорят тебе, Непутёвый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили; а что бабам роздали, так и числа нет.

Е в г е н и я. Ой, что ты! Да неужто вправду? (*Поправляется перед зеркалом.*)

Б е с с у д н ы й (*Аннушке*). А ты что губы-то надула? Даром, что ль, вас кормить-то в самом деле! Как у тебя в глазах стыда-то нет.

А н н у ш к а. У тебя стыда нет, а у меня есть.

Б е с с у д н ы й. Анна! Ты смотри, не разбуди во мне беса! Во мне их сотня сидит; как начнут по моим жилам ходить, в те поры у меня расправа ножевая.

А н н у ш к а. Так уж убил бы ты меня скорее, коли тебе кровь-то человеческую всё равно что воду лить. (*Уходит в среднюю дверь.*)

Б е с с у д н ы й. Эко зелье зародилось! Вся в меня!

Е в г е н и я (*отворяя дверь, с притворным смехом*). Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы! Петенька, здравствуй! (*Уходит.*)

Б е с с у д н ы й. Жену-то я взял, кажись, не ошибся; а сестра-то мне не ко двору пришла. Ей бы в монастыре жить, а не на постоялом дворе.

Входит Жук.

Что ты?

Ж у к. Проезжие позываются! Да, кажись, народ-то такой, что пущать не стоит.

Б е с с у д н ы й. Так и не пушай! На что нам дряни-то! Только место занимают, а корысти-то от них немного. Постой, я пойду сам погляжу.

Уходят. Из средней двери выходят Сеня и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сеня и Евгения.

С е н я. Что это у вас Анна-то Ермолавна спесива очень?

Е в г е н и я. Уж такая-то фурия, что не накажи господи!

С е н я. По вашему занятию ей словно как надобно бы пообходительнее быть, потому что от этого хозяину выгода зависит.

Евгения. Какая выгода! Нам с мужем от неё только неудовольствие одно. Вот, говорят, Сеня, что золовки завсегда неладно живут промеж собой. Какому же тут ладу быть, когда я, с моим ангельским характером, и то не могу ужиться с ней.

Сеня. Так-с.

Евгения. К нам один барин ездит, хороший барин, и крестьяне у него есть, не так чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно их господское дело, и приглянись ему эта наша принцеса. Ну что ж такое! Дело очень и очень обыкновенное; каждый день мы видим. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да он на мне женится, я барыня буду! Как же не так, дождайся! Ни брату, ни мне не даёт слова выговорить. Уж что я через её обиды да насмешки мучения приняла, так, кажется, мне всю жизнь не забыть.

Сеня. И что же теперича этот барин-с?

Евгения. Что! Известно что! Очень ему нужно. Ну, да уж и я не подарок; удружила и я ей; будет меня благодарить долго.

Сеня. Что же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгения. Много будешь знать, скоро состареешься.

Входят Непутёвый и Аннушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Евгения, Сеня, Непутёвый и Аннушка.

Непутёвый. Стало быть, мы не хороши? Каких же тебе ещё, коли уж я не хорош?

Аннушка. А неужто ты думаешь, что ты хорош? Кто ж это тебе сказал? Ты не верь. Обманули тебя!

Непутёвый. Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорош, а для кого, может, я и хорош!

Аннушка. Ну и ступай туда, где ты хорош.

Непутёвый. Стало быть, я за свои деньги да уважения здесь не вижу. Что ж такое! Какой это порядок! Куда я заехал! Кто здесь смеет важничать, окромя меня! Я деньги плачу.

Аннушка. Да отстань ты от меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебе.

Непутёвый. Семён! Во фронт передо мной! Ты чего смотришь! Как нас здесь принимают! Али бунт сделать! Они ещё пыли-то от меня не выдывали. Семён! Давай посуду бить! Все окна высадим!

Евгения. Ну, полно, Петя, полно! Ты уж не дури! Поди усни, поди, голубчик, отдохни! Легко ли, день-деньской ты маешься. А вот проспишься, мы уж тебе всё, в твоё уважение.

Сеня. Нехорошо, Пётр Мартыныч! Пойдёмте спать, целые сутки не спали.

Непутёвый. Я жить хочу, хочу жить.

Евгения. А вот выспишься, так живи в своё удовольствие.

Непутёвый. Мне бы разбить что-нибудь. Ух! Кажется, я...

Сеня. Нехорошо, Пётр Мартыныч, оставьте!

Евгения. Ты сосни поди, а проснёшься, да придёт тебе желание посуду бить, так я тебе приготовлю; у нас есть такая.

Непутёвый. Ну, спать так спать. *(Уходит.)*

Сеня затворяет за ним дверь.

Сеня. Ведь ишь какой круговой! Одного его пустить никак нельзя. Меня родители-то с ним и посылают нарочно для береженья, чтоб его беречь в дороге. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения и Аннушка.

Евгения. Что ж, долго это нам терпеть от тебя?

Аннушка. Никто тебя терпеть не заставляет.

Евгения. Долго ты наших гостей-то обижать будешь?

Аннушка. Никого я не обижаю. А что всякий пьяница ко мне лезет, так я этого терпеть не могу. Так я вам прежде говорила, так и теперь говорю.

Евгения. Ты терпеть не можешь, а мне, стало быть, ничего? Что ж, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка. Всякий сам себе хорош. Ты вот с ними хохочешь, всякие нехорошие слова мелешь да целуешься, а мне это гадко.

Евгения. Стыдно, небось? Погоди больно стыдиться-то, ещё не барыня, ещё когда будешь; да полно, будешь ли! Что-то мне не верится. А теперь пока такая же мещанка, как и я.

Аннушка. Нет, не такая же.

Евгения. Какая же? Из конфет, что ль, ты слеплена?

Аннушка. Не из конфет, а во мне стыд есть, а в тебе нет.

Евгения. Кому это нужен твой стыд здесь!

Аннушка. Мне он нужен.

Евгения. Ах! Скажите пожалуйста! А что ты себе этим выиграла?

Бессудный входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евгения, Аннушка и Бессудный.

Бессудный. Что вы тут! Что на вас ладу нет! Как только бабы вместе, так и перессорились. Эка порода проклятая! Что вам делить-то!

Евгения. Да вот всё сестрица твоя барыню из себя корчит; от хороших людей она нос воротит, а к кому сама льнёт, так те на неё смотреть не хотят.

Аннушка. Ни к кому я не льну. Это ты льнёшь ко всякому.

Евгения. Кого ты, бесстыжие глаза, обмануть хочешь! Все видят, как ты к Павлину Ипполитычу виснешь, да жаль, что он-то тебя знать не хочет.

Аннушка. Виснуть я к нему не висну, а что он меня знать не хочет, я всё ж таки не виновата.

Бессудный. Кто ж виноват?

Аннушка. Я не знаю. Оставьте вы меня! *(Садится к столу.)*

Бессудный. Кто ж знает-то? Барин хороший, добрый, ездил почитай каждый день, что денег проживал у меня, — а теперь реже да реже, да, пожалуй, и совсем перестанет.

Евгения. Что мудрёного!

Бессудный. Барин тороватый, простой, деньги тратит, не считает. Где другого такого найдёшь! Не будет ездить, так видимый убыток.

Аннушка. Тебе денег-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, всё моё счастье.

За сценой звон колокольчика и бубенчиков. Входит Жук.

Жук. Капитан-исправник едет.

Бессудный *(вынимает повешенный на шее кошель, достаёт ассигнации и отдаёт жене)*. Поди скажи, что нездоров, с похмелья, мол, головой мается.

Евгения уходит.

Аннушка. Ты меня, братец, отпусти домой! На что я тебе!

Бессудный. А дома что делать? Баклуши бить.

А н н у ш к а. Я в монастырь уйду, а то по богомольям пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Б е с с у д н ы й. Да с чего это у вас сталося?

А н н у ш к а. Не знаю. Вины моей перед ним нет никакой; я так думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Б е с с у д н ы й. Наговорить-то некому. Кому наговорить! Что ты врешь!

А н н у ш к а. Кто ж знает. Разлучить нас захотели. Кому-нибудь нужно было. Точно я своё счастье во сне видела. Жила я у матушки, никакой беды не знала! Взял ты меня на погибель на мою!

Б е с с у д н ы й. Какая погибель, дура! Что тебе у матушки? Только и свету, что в окне; ты и людей-то не видала. Я тебе добра хотел.

А н н у ш к а. А что проку, что я людей-то видела! Полюбил меня барин молодой, красавец; кого ж я после него любить могу, кто мне мил может быть, какая моя жизнь! Хотел он меня замуж взять, а теперь бросает. До петли ты меня доводишь, вот оно твоё добро-то!

Б е с с у д н ы й. Уж и замуж! Не больно ль много?

А н н у ш к а. Что ж ему замуж меня не взять, коли я ему нравлюсь! А игрушкой его я быть не хочу.

Б е с с у д н ы й. Видишь ты, какая в тебе гордость глупая! Кому ж может быть она приятна?

А н н у ш к а. Да я его и не просила, он сам этого хотел. А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была. Не то что женой быть, я собаке-то его завидовала, что она завсегда с ним и завсегда может ему руки лизать. Только как бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.

Б е с с у д н ы й. Эко дело! А! Ворожбы какой нет ли?

А н н у ш к а. Не знаю я, ничего не знаю.

Колокольчик, бубенчики и свист. Входит Евгения.

Е в г е н и я *(со смехом)*. Уж такой-то шутник! Такой-то шутник! Измял всю, право.

Б е с с у д н ы й. Не сахарная, не развалишься.

Е в г е н и я. И чтой-то такое, Ермолаич, скажи ты мне на милость: с кем я ни поиграю, с кем я ни поиграю, и всё это мне постыло. И оттого это, я так думаю, что не пристало мне, замужней женщине, так как я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.

Б е с с у д н ы й. Разговаривай тут, уж слышали!

Евгения. А что для тебя, как ты сам этого хочешь, я готова со всяким пошутить в удовольствие, только чтоб другие не судили по моему весёлому характеру. Я завсегда себя помню и что такое муж...

Бессудный. Ну и ладно, ладно! Будет толковать-то!

Колокольчик и бубенчики. Жук входит.

Жук. Павлин Ипполитыч приехал.

Евгения. Ах, батюшки! Вот не ждали-то!

Бессудный (*Жуку*). Поди высаживай!

Жук уходит.

Вино-то есть у нас?

Евгения. Как для таких гостей не быть.

Бессудный. Так доставайте да становитесь встречать.

Евгения с Аннушкой берут по подносу, ставят на них большие рюмки, наливают из бутылки вина, кладут на подносы по несколько пряников и становятся среди комнаты. Бессудный у двери. Входят Миловидов и Пыжиков, Бессудный кланяется в пояс. Миловидов подходит к Евгении и Аннушке, пьёт у обеих вино и целует их.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Миловидов, Пыжиков, Бессудный, Евгения, Аннушка и потом Гришка.

Миловидов (*показывая на Пыжикова*). Поднесите и ему.

Евгения и Аннушка наливают вина, подносят Пыжикову и кланяются.

Пей, целуй хозяек да клади деньги! У нас такое заведение!

Пыжиков пьёт.

Вы его задаром не целуйте. Пускай по целковому на поднос кладёт.

Пыжиков. Послушай! Что же это ты! Это конфуз, братец ты мой!

Миловидов. Ну, уж я за него заплачу.

Пыжиков целует хозяйек.

Бессудный. Каким ветром, сударь Павлин Ипполитыч?

Миловидов. К Гуляеву обедать еду вот с этим милашкой. Мимо ехал и заехал.

Бессудный. Так, сударь, так. Потчевать чем прикажете?

М и л о в и д о в. Кучеру стакан вина, да чтоб не откладывал, я скоро поеду. Гришке не давай (*грозит пальцем*), он ещё молод. А мне пока ничего не надо. У меня своё есть.

Бессудный уходит, Гришка вносит две бутылки вина, закуску и ставит на стол; кладёт на диван ковёр и подушку, потом подаёт барину трубку и становится у двери.

Е в г е н и я. Забывать нас стали, Павлин Ипполитыч! Либо заспесивились, право, заспесивились.

М и л о в и д о в. Какая спесь, Евгения Мироновна. Не то ты толкуешь.

Е в г е н и я. Вы нашей-то стряпни что-нибудь отведайте. Прикажете хоть грибков изжарить.

М и л о в и д о в (*кивая головой*). Ну жарьте, ступайте.

Евгения и Аннушка уходят.

Ну, видел?

П ы ж и к о в. Видел.

М и л о в и д о в. Что скажешь?

П ы ж и к о в. Красавица писаная.

М и л о в и д о в. Вот то-то же! Вот какой у меня характер; сразу врозь, и кончено дело.

П ы ж и к о в. Да отчего же так?

М и л о в и д о в. Это уж я про то знаю. А как влюблён был! Тебе никогда сроду так не влюбиться! Да где тебе! Это невозможно!

П ы ж и к о в. А ты почём знаешь?

М и л о в и д о в. Чего-с? Позвольте! Ты можешь влюбиться так, как я? Нет, уж это дудки!

П ы ж и к о в. Напрасно вы так думаете. Отчего же это?

М и л о в и д о в. Оттого, что у тебя душа коротка, благородных чувств мало. Этак всякий бы... Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки грошовые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну да что толковать! Во мне искра есть, а в тебе нет. Я лихой малый, душа нараспашку; кавалерист как есть; рубака, пьяница, а благородный человек; на ногу себе наступить не позволю.

П ы ж и к о в. Ваше при вас и останется.

М и л о в и д о в. Да разумеется. (*Подходит к Пыжикову и крепко берёт его за руку.*) Ты слушай, слушай! Вот как я её любил: ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал — руки целовал; как

тебе это покажется! На коленях стоял перед ней! Каково это! А отчего я так влюбился? Оттого, что завлёкся, вот отчего! Пойдём выпьем.

Подходят и пьют.

Ведь уж ты знаешь, какой я ходок, нечего сказывать? А тут вдруг осечка: встречаю такую девушку, что и подойти нельзя, держит себя строго. Фу ты пропасть, думаю. Вот диковина! В таком доме, а держит себя так, что и приступу нет. Я и с той стороны, и с другой, и подарки-то, и то, и сё; Гибралтар, просто Гибралтар! Так я как завлёкся, влюбился, как мальчишка. Жениться хотел! Вот ты и знай! *(Подходит к столу и пьёт рюмку вина.)* Родные услышали это, тётушки да бабушки, — в ужас пришли; а мне чёрт с ними, я живу сам по себе. Начали они меня усовещивать, невест разных подставлять, чтоб разбить; баб на воду шептать заставляли да меня спрыскивали; одна тётка настоящего колдуна призывала, чтоб отворожить, — ничего не действует. Вот она какая любовь-то была. А им беда! Им меня на барышне женить хочется. А я чепчиков видеть не могу. Чтоб в моём доме да завелись чепчики! Нет уж, этому не бывать! Мне барышню и посадить-то не на чем. У меня в гостиной сёдла да арапники, а вместо диванов сено насыпано да коврами покрыто. Не расставаться ж мне с моими порядками. Мне давай такую жену, чтоб она по моей дудочке плясала, а не я по её. И что же, братец ты мой, при такой-то любви, услышал я только одно слово, и как рукой сняло. Два дня походил дома из угла в угол, потужил и оборвал сразу.

Пы ж и к о в. От кого ж ты услышал это слово?

М и л о в и д о в. Ну уж это моё дело; только от верного человека.

Пы ж и к о в. А с ней ты говорил об этом или нет?

М и л о в и д о в. С какой стати. Упрекать её, что ли? Не мой характер. Я по-благородному, пренебрёг, и кончено дело. В глаза ей показываю, что пренебрегаю, вот и всё.

Пы ж и к о в. Всё же бы тебе объясниться с ней, может, она и не виновата.

М и л о в и д о в. Как, ещё объясняться! Что она, барышня, что ли? Девка простая, да стану я с ней объясняться! Много чести.

Пы ж и к о в. Однако ты на коленях стоял, руки целовал.

М и л о в и д о в. То дурь была, а теперь я в полном разуме. Да и признаться тебе сказать, я женских слёз не люблю. Пожалуй, ещё разжалобит, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

Пыжиков. Уж будто и нельзя?

Миловидов. Да, нельзя, потому что я благородный человек. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у меня теперь уж другое на уме. Такой сюжетец, что похлопотать стоит.

Пыжиков. А из каких?

Миловидов. Никогда не говорю, моё правило.

Пыжиков. Значит, ты уж совсем от Аннушки прочь?

Миловидов. Ну конечно.

Пыжиков. Так надо теперь за ней поволочиться.

Миловидов. Что-о?

Пыжиков. Поволочиться хочу за Аннушкой.

Миловидов. Ты? Я ничего не успел, а ты хочешь волочиться! Что ж, я хуже тебя? Э, брат, нет! Так ступай же к Гуляеву-то пешком.

Пыжиков. Как же пешком! Ведь ты меня хотел довести.

Миловидов. Нет, пешком, пешком.

Пыжиков. Что ж это такое?

Миловидов. За подлости за твои.

Пыжиков. Какие же подлости? Ты, брат, не очень!

Миловидов. Такие же подлости, что ты очень много о себе думаешь!

Пыжиков. Да я шучу; ну право же, шучу.

Миловидов. То-то же «шучу»! Ну и я шучу. Эй! Где гитара моя?

Аннушка входит с гитарой.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Миловидов, Пыжиков, Аннушка и Гришка.

Аннушка. Вот вам гитара. Извольте!

Миловидов. Я сказал, чтоб мою гитару не смели трогать. Вот я её домой увезу.

Аннушка. Её никто и не трогал. Я играю иногда.

Миловидов. Вот как! Так это ты играешь! Мило! Что же ты играешь?

Аннушка *(со слезами)*. Те песни, которые вы меня учили.

Миловидов. Что ж! От скуки хорошо, всё-таки занятие.

Аннушка. Нет, уж мою скуку песнями не разгонишь.

Миловидов берёт несколько аккордов.

Видно, мне с моей тоской до могилы не расстаться.

Миловидов аккомпанирует романс, Аннушка подпевает сначала тихо, потом громче.

Пела, пела пташечка,
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.

Миловидов играет ритурнель.

За что вы, Павлин Ипполитыч, загубили всю жизнь мою? Вы мне хоть слово скажите!

Миловидов играет аккомпанемент, она поёт.

Ах, сгубили пташечку
Злые вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.

Миловидов. Каков голос, а?

Пыжиков. Голос чудесный.

Миловидов. Вот то-то и есть; так где ж тут тебе!

Аннушка. Не мучьте меня, Павлин Ипполитыч, скажите мне, чем я перед вами виновата? Отчего вы так переменились?

Миловидов. Нет, я ничего, я такой же! А ты разве замечаешь, что я переменился к тебе? А мне кажется, что я ничего не переменялся. Гришка!

Гришка выходит на средину комнаты.

Аннушка. Я, Павлин Ипполитыч, с жизнью расстанюсь, а вы шутите. Как вам не грех! Я домой собираюсь, может быть, уж мы больше не увидимся; вы меня любили прежде — хоть по старой памяти скажите, отчего я вам опротивела. Наговорили вам что-нибудь, или другая есть лучше меня?

Миловидов (*поднимая с полу палочку*). Вот видишь! (*Ломает палочку и бросает в разные стороны.*) Вот было вместе, теперь врозь! Попробуй составить — не составишь. Так и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! (*Играет трепака.*)

Гришка пляшет.

Дробь! Дробь, говорят тебе. (*Опускает гитару и пристально смотрит на Гришку.*) Скоро ли я тебя, подлеца, выучу!

Гришка. Уж я, сударь, сам немало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорее выучиться. Начнёшь это в людской протверживать, так бы, кажется, об стену себе голову и расшиб. Кабы меня с малолетства, сударь.

Миловидов. А что?

Гришка. Потому у меня к этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Уж это вы будьте покойны. Вот извольте посмотреть, вот это колено. Извольте, сударь, играть.

Миловидов играет, он пляшет.

Почаще, сударь.

Миловидов. Ходи круче! Ну вот, молодец! *(Перестает играть.)*
Трубку!

Аннушка берёт трубку и передаёт Гришке. Гришка уходит.

Ух, устал!

Аннушка поправляет подушку на диване, он ложится.

Пыжиков. Бесчувственный ты Дон-Жуан!

Миловидов. Много ты понимаешь: с женщинами, брат, иначе нельзя.

Аннушка. Узнать бы мне только, кто это у меня разлучница!

Входят Гришка с трубкой, Бессудный и Евгения с блюдом грибов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

*Миловидов, Пыжиков, Аннушка, Евгения, Бессудный,
Гришка, потом Непутёвый и Сеня.*

Евгения. Пожалуйте, господа, грибков отведайте.

Бессудный. Чем богаты, тем и рады.

Из средней двери показывается Непутёвый, за ним Сеня.

Непутёвый. Господа, позвольте с вами компанию иметь.

Миловидов *(приподымаясь)*. Что?

Непутёвый. Позвольте компанию иметь.

Миловидов. Пошёл вон! Куда ты лезешь!

Сеня. Пётр Мартыныч! Пётр Мартыныч! Хозяин! Нехорошо, нехорошо!

Евгения. Поди, Петя, здесь тебе не место.

Непутёвый. Я сам могу соответствовать. Я сам никого не хуже. Что такая за важность! Эй, хозяин, давай сюда шампанского!

М и л о в и д о в (*встаёт с дивана*). Уйдёшь ты или нет? Сказано тебе: убирайся!

С е н я. Но, однако, хозяин, оставьте! Оставьте, говорят вам!

Е в г е н и я. Петя, поди на своё место, поди, голубчик; мы тебе туда вина подадим.

Н е п у т ё в ы й. Я при своём капитале завсегда могу...

Евгения и Сеня провожают его за дверь.

М и л о в и д о в (*закусывая*). Что это за Петя?

Е в г е н и я. Купчик знакомый; он раз пять в год мимо нас ездит, так всегда заезжает.

М и л о в и д о в (*Бессудному*). То-то ты, чай, их обираешь. Подпойшь да и грабишь, как душе твоей хочется.

Б е с с у д н ы й. Не те нынче времена, чтоб грабить.

М и л о в и д о в. А другой упирается, не любит, чтоб его грабили, так и попридушить можно.

Б е с с у д н ы й (*сверкнув глазами*). Это вы напрасно. В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору пережгут всех до единого; а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то: «Что, говорят, ты овец-то по деревне распустил?» Ха-ха-ха! Овец! Вот поди ж ты, какое время было!

М и л о в и д о в. Что ж, теперь тебе жаль этого времени?

Б е с с у д н ы й. Не то что жаль, что мне жалеть, коли я на чести; а я к тому говорю, что какая необразованность была!

Входит Жук.

Ж у к. Мироновна, поди овса отпускай.

Е в г е н и я. Ох, уж не хочется! Поди, Ермолаич. (*Передаёт ключ мужу.*)

Б е с с у д н ы й. Поди, Аннушка, отпусти. (*Передаёт ей ключ.*)

Аннушка уходит.

П ы ж и к о в. Не пора ли нам ехать?

М и л о в и д о в. Да пожалуй что и пора. Гришка, вели лошадей подавать да вернись вещи вынести.

Гришка берёт бутылки и съестное и уходит.

Бессудный. Да я вынесу, что ему ходить-то. (*Берёт ковёр, подушку и уходит.*)

Пыжиков. Что ж, пойдём.

Миловидов. Пойдём! (*Подойдя к двери.*) Ах, да, расплатиться!

Пыжиков уходит.

Евгения (*бросаясь на шею Миловидову*). Когда ж опять-то?

Миловидов. Сегодня, часа через три.

Евгения. Ну, прощай, мой милый, красавчик мой писанный!

Аннушка смотрит в среднюю дверь.

Миловидов. Прощай, красота моя!

Целуются и уходят.

Аннушка. Вот она, разлучница-то моя! Нет уж, я теперь не уйду отсюда! Всё равно мне умирать-то! Я уйду — они и знать не будут, как я мучаюсь; им будет весело без меня, они про меня и забудут совсем. Нет уж, умирать, так умирать на глазах у них. Рвите моё сердце на части, пейте мою кровь по капле, пока всю выпьете, да уж и засыпьте меня землёй. Да насыпьте могилу-то потяжеле, чтобы и мёртвая-то я не пришла да не помешала вам.

За сценой звон колокольчика, свист и крик: «Эх, вы, милые!»

Уехал! Прощай, Павлин Ипполитыч! За что ты погубил меня? Кому мне на тебя жаловаться? Некому нас с тобой рассудить! Пусть Бог рассудит!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

МИЛОВИДОВ.
БЕССУДНЫЙ.
ЕВГЕНИЯ.
АННУШКА.
НЕПУТЁВЫЙ.
СЕНЯ.
ЖУК.
РАЗЗОРЁННЫЙ.

Декорация 1-го действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бессудный и Раззорённый.

Бессудный. Выкормил?

Раззорённый. Выкормил.

Бессудный (*достает графин и стакан*). Выпей стаканчик, повеселей поедешь. (*Подносит.*)

Раззорённый (*берёт стакан*). Будь здоров! (*Пьёт.*)

Бессудный. Спасибо. Пей ещё!

Раззорённый. Нальёшь, так выпью, на землю не вылью.

Бессудный. Пей на доброе здоровье.

Раззорённый (*пьёт*). Благодарим покорно. А что мои купцы? Закладать бы пора.

Бессудный. Только что проснулись, чай с кизлярской водкой пьют.

Раззорённый. Ишь они угару-то набираются! Так я закладывать.

Бессудный. Куда торопиться-то! А клади с вами много?

Раззорённый. На порядках. Тарантас-то упористо идёт, кой-где и поскрипывает.

Бессудный. Крепок тарантас-то?

Раззорённый. Казанский, новый, точно слитой.

Бессудный. А чинить не надо?

Раззорённый. Какая чинка! До Туречины не чиня доедешь.

Бессудный. Да ты слушай! Чинить не надо ль, говорю я!

Раззорённый (*помолчав*). Да что его чинить-то, коли он как есть новый!

Бессудный. Наладил! Ты дурака-то из себя не строй!

Раззорённый (*помолчав*). Что же мне теперича хозяев задаром в убыток вводить. Да, может, им к спеху.

Бессудный. Кто тебе говорит, что задаром! Не задаром!

Раззорённый. А много ль дашь?

Бессудный. По барышам глядя. Дай им поразгуляться-то!

Раззорённый. Пять рублёв!

Бессудный. Может, и больше.

Раззорённый. Ой ли! Не обманешь?

Бессудный. Нешто я ямщика обману! Вы мне люди завсегда нужные.

Раззорённый. Ну, ладно! *(Подходит к средней двери и открывает её.)* Господа купцы, воля милости вашей, а что ехать нельзя.

Непутёвый и Сеня входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бессудный, Раззорённый, Непутёвый и Сеня.

Непутёвый. Ты что ещё! Как так нельзя? Во фронт! Ты с кем говоришь!

Раззорённый. Да так же, что колесо расшаталось. Не на каждой же нам версте его замачивать; а выходит, надоть его перетянуть.

Сеня. Что же ты прежде-то?

Раззорённый. Прежде! А вы сами-то где были? Спали; так нешто я могу беспокоить.

Непутёвый. Какие ещё разговоры! Твоё дело — что прикажут! Ты понимай, с кем ты говоришь! Велят тебе ехать, и сейчас чтоб готово, живой рукой! У меня такое расположение, чтоб ехать; как же ты можешь! Пошёл на своё место!

Раззорённый. Что, конечно, оно можно ехать, отчего не ехать! А только, борони Бог греха, середь лесу ночью сядем, кто виноват останется?

Непутёвый. Как так сядем? Ты и думать не моги! У меня чтоб живо!

Раззорённый. И я про то же. Какое здесь место? Сами знаете, шалунов тоже довольно — место бойкое; почитай в каждой деревне шалят. Тут теперича только давай бог ноги, а часом сядем в овраге, так и от повозки убежишь.

Сеня. А вот посмотреть пойти, не врёт ли он!

Раззорённый. Посмотреть пойти! Много ты знаешь! Скрыпит колесо на ходу, ну, и, значит, разохлось. Аль вам рубля жалко? А ещё купцы!

Непутёвый. Ну чини, чёрт с тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денег надо?

Раззорённый. Кузнец — уж он знает. А теперича с вашей милости надо на водку!

Непутёвый. Вы мошенники, вот что! На! *(Даёт деньги.)* Да чтоб живо!

Раззорённый. Уж это без сумления.

Непутёвый и Сеня уходят.

Бессудный. А сзади у вас есть проезжающие?

Раззорённый. Ещё тройка.

Бессудный. Когда из Покровского?

Раззорённый. Те на ночь.

Бессудный. Кто везёт?

Раззорённый. Стигней,— в корню серая.

Бессудный. Знаю.

Раззорённый. Только без всякой опаски едут, уж больно просто.

Бессудный. А что?

Раззорённый. Первое дело, в самую полночь они в ваш лес приедут, да очень пьяные, а лес-то на двадцать вёрст; а второе дело, чемодан сзади не очень складно привязан, совсем не по здешнему месту. Так я пойду. *(Уходит.)*

Бессудный *(у двери в сени)*. Жук!

Жук выставляет голову из сеней.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бессудный и Жук.

Жук. Чего?

Бессудный. Савраска в поле?

Жук. В поле.

Бессудный. Пригони да овса задай, пушай хоть всю меру съест. Да вымажи тележку хорошенько.

Жук. К ночи, что ль, сряжаться?

Бессудный. К ночи. Как станет смеркаться, ты выезжай из двора налево, да потом лесом круг двора и объедешь к большой дороге и жди меня там в кустах.

Жук. Ладно. А что припасать?

Бессудный. Я сам припасу, что нужно. Пойдём-ка, я тележку-то посмотрю.

Уходят. Из средней двери входит Аннушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Аннушка, потом Непутёвый и Сеня.

Аннушка *(садится к столу)*. Как тень какая хожу! Поговорила б с кем-нибудь о своём горе, может быть, и полегче стало, да не с кем.

Всё одна, всё одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно,— всё что-то в голову лезет дурное. Ну, я, чтоб одной-то не быть, иду в народ, а в народе-то я как будто лишняя. Всё я точно что-то ишу. Боже мой! Что они со мной сделали! Это меня Бог за гордость наказывает. Я золовку и за человека не считала, а он её-то и полюбил, а меня, девушку, бросил.

Входят Непутёвый и Сеня.

Непутёвый (*садясь к столу*). Ты что плачешь? Кто тебя обидел?

Аннушка. Поди прочь, не приставай ты ко мне.

Непутёвый. Да ты что за барыня такая? Что ты важничаешь!

Аннушка. Поди к Евгении, она ласковая; а меня не тронь, мне и без тебя тошно.

Непутёвый. Я сам знаю, куда мне идти; ты меня не учи! Вот что! Ты не смей мне указывать!

Аннушка. Русским тебе языком говорю: отойди. Аль ты слов не понимаешь!

Непутёвый. Тешь мой обычай! Аль ты моего ндраву не знаешь! Я в Курчавине, бывало, запрягу девок в сани летом, да и езжу по деревне. Ты знай обхождение купеческое!

Аннушка. Очень мне нужно знать ваше обхождение! Поди от меня, вот и всё тут.

Непутёвый. Да ты обо мне как понимаешь! Ты вот это видела? (*Берёт из кошелька горсть золота и рассыпает по столу.*)

Бессудный открывает среднюю дверь, быстро взглядывает и опять затворяет. Его видят Аннушка и Сеня.

Аннушка. Что ты делаешь! Убери деньги! Ради бога, убери!

Сеня. Пётр Мартыныч, уберите деньги.

Аннушка. Да уезжайте вы от греха.

Непутёвый. Зачем? Я здесь погулять хочу.

Бессудный опять выглядывает.

Аннушка. Говорят тебе, убирай деньги! У брата глаза разгорятся, так добра не бывать.

Непутёвый. Зачем убирать? Пушай лежат. Вам что за дело!

Сеня. Пётр Мартыныч, хочешь ты цел быть, так убирай деньги, да и поедем сейчас; а то так и с головой своей простишь.

Непутёвый (*Аннушке*). Верно он говорит?

А н н у ш к а. Какой ты дурак, как погляжу я на тебя! И жалеть-то тебя не стоит.

Непутёвый собирает деньги.

С е н я. Пётр Мартыныч, постой, оставь штуки четыре.

Н е п у т ё в ы й. Зачем?

С е н я. Стало быть, надо. *(Кричит в дверь.)* Раззорённый!

Н е п у т ё в ы й *(Аннушке)*. Пойдёшь за меня замуж? Вот отец умрёт, я большой останусь.

А н н у ш к а. Ну, хорошо, хорошо. В другой раз потолкуем.

Раззорённый входит.

С е н я. Где хозяин?

Р а з з о р ё н н ы й. Никак на дворе возится.

С е н я. Ты ещё не носил колёса в кузницу?

Р а з з о р ё н н ы й. Ещё и кузнеца-то нет.

С е н я. Так закладывай, и поедем. *(Показывает ему золотой.)* Видишь ты это? Чтоб без разговорю! Как готово, сейчас, значит, и получай.

Р а з з о р ё н н ы й. Мне что ж! Я хоть сейчас. *(Хочет идти.)*

С е н я. Постой! Говори за ту же цену, только правду говори! Хозяин здешний на руку не чист?

Н е п у т ё в ы й. Во фронт передо мной!

С е н я. Да погоди! Эко с тобой наказание!

Р а з з о р ё н н ы й. Да поговаривают.

С е н я. А что?

Р а з з о р ё н н ы й. Будто опаивает чем-то, потом оберёт да с двора в шею; мне, говорит, с тобой с пьяным не возиться. А кто ж его знает, может, и врут.

А н н у ш к а. Уезжайте вы, ради бога, пока засветло.

С е н я. Слышишь, Пётр Мартыныч! Ну, ступай.

Раззорённый уходит.

Дай Аннушке-то!

А н н у ш к а. Мне не надо.

С е н я. Ну так оставь на столе хозяевам, а один ямщику возьмём. Да пойдём, сядем в повозку, пока закладывают. Прощайся с хозяевами. Вот тебе картуз. А это я вынесу. *(Берёт одежду с лежанки.)*

Н е п у т ё в ы й. Хозяин, а хозяин! Прощай!

Бессудный выходит из сеней, Евгения — из средней двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Непутёвый, Сеня, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Бессудный. Куда заторопился! Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутёвый. Не надо! Захотел да и поехал! Вот и знай нас. Вон там возьми себе на угощение. Прощай, хозяйка!

Евгения. Прощай, Петя! Прощай, сокол мой ясный, молодец распрекрасный.

Целуются.

Непутёвый. А ты возьми себе за ласку остальные. Прощайте! *(Уходит.)*

Бессудный. Что он, белены, что ль, объелся! С чего он так вдруг?

Сеня. Кто ж его знает! Он у нас нравный! За угощение, хозяева! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Отчего они уехали?

Аннушка. Почём я знаю. Не угодили чем-нибудь.

Евгения. Не ты ль не угодила?

Аннушка. Я не в тебя, очень-то угождать не умею.

Бессудный. Он тут деньги на стол сыпал?

Аннушка. Сыпал.

Бессудный. Зачем?

Аннушка. Так, ломался. Высыпал да опять убрал.

Бессудный. А много ль тебе дал?

Аннушка. Мне? Ничего. За что мне? Он за ласку деньги платит, а от меня ему ласки не было.

Евгения. И у меня ласка всем ровная; особой ласки ни для кого, кроме как для мужа, нет.

Аннушка. Полно, так ли?

Евгения. Да ты что за судья надо мной! У меня муж есть. Ты про что это ещё?

Аннушка. Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кроме мужа, никому нет; так нет ли, вспомни.

Евгения. Что ж ты меня с мужем расстраивать хочешь? Ненавистно тебе, что мы живём в любви? Нет, уж это тебе не удастся.

Аннушка. Что мне вас расстраивать! Вас не расстроишь. Ты двадцать раз мужа-то обманешь. Я знаю, что я говорю. Кабы не своими я глазами видела.

Бессудный. Что, что?

Евгения. Не слушай, не слушай, Ермолаич! Это она от ненависти.

Аннушка. Ты говоришь, я расстраиваю; ты людей расстраиваешь-то!

Евгения. Что ты с больной-то головы да на здоровую!

Аннушка. Ты не вертись! Уж коли я что скажу, так вправду. Тут вот, на самом этом месте...

Бессудный. Ну, договаривай! Начала, так у меня договаривай.

Евгения. Не слушай ты её, Ермолаич, не слушай! Теперь-то я догадалась! Не говори, пожалуйста, не просят тебя. Я сама всё расскажу. Ишь какая диковина!

Бессудный. Ну, так говори!

Евгения. Ох, смех, право, смех! Слушай-ка ты, Ермолаич! А уж я думала бог знает что...

Бессудный. Что вертишься-то! Говори толком.

Евгения (*притворно смеётся*). Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Как провожали мы барина-то, бегу это я в сени-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь... а он, ха-ха-ха, ха-ха-ха! — и схватил меня.

Бессудный. Схватил — да! Ну?

Евгения. Вот она выходит, а он, ха-ха-ха! ей в насмешку, ха-ха-ха-ха! и поцеловал меня.

Аннушка. Да он меня и не видал, и ты меня не видала.

Евгения. Видел, видел, видел! Ха-ха-ха, ох, видел, видел!

Бессудный. Что-то смех-то у тебя не смешон выходит.

Евгения. Да как на неё не смеяться-то! Ха-ха-ха!

Бессудный. Шалишь, лукавишь. Дай срок, я тебя допрошу по-своему, ты у меня не так заговоришь. Да чего тут ждать! Сердце моё не терпит! Сказывай, Анна, как что было!

Евгения. Век ты моей погибели хотела; вот радуйся теперь, коли тебе муж больше верит.

Жук входит.

Жук. Барин Миловидов приехал.

Бессудный. О, чтоб вас! Вот ещё принесло! А ты, Евгения, помни! (*Грозит пальцем.*) Ходи, да оглядывайся. Даром тебе не пройдёт. (*Уходит.*)

Аннушка. Ишь как часто стал... Меня любил, так на дню по два раза не ездил. Ну, золовушка, в одном мы дому с тобой живём, как нам дружка делить? Не на ту ты напала, я тебе дешёво его не отдам. Нет, я пошутила, бери его вовсе.

Евгения. Змея, змея, за что ты меня губишь? Какая тебе польза?

Аннушка. Губишь! Какая твоя погибель! Муж поколотит, так милый друг приласкает; вот ты и утетишься, а меня утешит одна сыра земля. Да, сырая земля, знай ты это! (*Уходит.*)

Евгения. Ах, батюшки! Вот страх-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! Ох, падаю! С места-то никак не сойду. Экой муж-то у меня страшный! Глазищи-то, как у дьявола! Выпучит их, так словно за сердце-то кто рукой ухватит! Как бы мне только эту беду с плеч стрясти! Увёртки-то все бабьи из головы вылетели. Много я их знала, увёрток-то, да все вылетели. Только бы он не убивал, погодил бы немножко, дал мне сроку на полчаса, а уж я б что-нибудь придумала. Батюшки! С духом-то не сберусь. Идут. Не муж ли! (*Шепчет.*) Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола!

Входит Миловидов с трубкой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евгения, Миловидов, потом Бессудный.

Евгения (*тихо*). Ой, не подходи! Ой, не подходи! (*Берёт скатерть и стелет на стол.*)

Миловидов. Что так?

Евгения. Золовка-злодейка, подсмотрела да всё рассказала, всё, злодейка, рассказала.

Миловидов. Плохо твоё дело!

Евгения. Ты за ус себя дёргай, за ус себя дёргай!

Миловидов. Никак ты помешалась?

Евгения (*тихо*). Да ты гляди, нет ли мужа сзади. Гляди!

Миловидов. Гляжу!

Евгения. Он теперь, аспид, глаз с меня не спустит. Мне оглядываться-то нельзя; он подумает, что мы с тобой шепчемся.

М и л о в и д о в. Ну, не оглядывайся.

Е в г е н и я. А ты дёрни себя за ус-то, как он войдёт, дёрни; я и буду знать, что он здесь, такую и речь поведу; нарочно, чтоб он слышал.

М и л о в и д о в. Бедовая ты баба! (*Трогает себя за усы.*)

Бессудный тихо входит.

Е в г е н и я (*громко*). Вам-то, барин, шутки, а муж-то мой сердится.

М и л о в и д о в. Уж будто и сердится! За что же тут сердиться, я не понимаю.

Е в г е н и я. Да ведь и правда, сударь, нехорошо; вы знаете, я женщина замужняя; мне это нейдёт.

Бессудный уходит в среднюю дверь.

М и л о в и д о в. Ушёл.

Е в г е н и я. Отведи им глаза!

М и л о в и д о в. Каким манером?

Е в г е н и я. Обмани ту дуру-то; поласкайся к ней! Будто ты теперь для неё приехал; она опять о себе возмечтает; мешать-то нам и не будет; да ты сделай так, чтоб и муж видел.

М и л о в и д о в. Мне это не долго.

Бессудный открывает среднюю дверь и что-то шарит на лежанке.

Миловидов берётся за усы.

Е в г е н и я. Вам это стыдно! Вы благородный! С купцов мы не взыскиваем, потому с них и взыскать нельзя, они без этого жить не могут, а благородные люди совсем дело другое.

М и л о в и д о в. Да что ты ко мне пристала! Я сказал, что пошутил!

Е в г е н и я. Вам-то ничего, да мне-то нехорошо.

Бессудный уходит.

М и л о в и д о в. Опять ушёл.

Е в г е н и я. А вот он нынче ночью уедет...

М и л о в и д о в. Куда? На разбой, что ли?

Е в г е н и я. Кто его знает. Лошадь с поля пригнали, тележку готовят да с Жуком шепчутся. Так ты и приезжай; лошадей-то за кузницей оставь, а сам в задние ворота. Я тебя в сенях подожду.

М и л о в и д о в. Ну и отлично! Хватская штука! Так я непременно: ты меня жди.

Е в г е н и я. Муж-то раньше свету не вернётся.

Бессудный входит.

М и л о в и д о в (*берётся за усы*). Я и не знал, что ты такая сердитая.

Е в г е н и я. Мы завсегда вам рады, и просто не знаем с мужем, как вам и угодить; только уж вы оставьте, вперёд этого не делайте, прошу я вас.

М и л о в и д о в. Ну хорошо, хорошо!

Е в г е н и я. Чем потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

М и л о в и д о в. Нет, не хочу. Да что Аннушку не видно? Домой бы поехал, да пусть лошади отдохнут; хоть бы с ней поболтать.

Е в г е н и я. Кто её знает, должно быть, в светёлке. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что я вам выговаривала; а то он, пожалуй, рассердится; скажет, как ты, дура деревенская, смеешь господ учить, которые умнее тебя.

М и л о в и д о в (*смеётся*). Хорошо, не скажу, не скажу.

Е в г е н и я (*наткнувшись на мужа*). Ох, чтой-то ты, Ермолаич, как перепугал! Я тебя и не вижу. Да когда же ты, Ермолаич, взошёл-то?

Б е с с у д н ы й. Уж ты ступай, куда тебя посылают.

Евгения уходит.

Лошадей-то отложить аль нет?

М и л о в и д о в. Не надо, пусть так постоят. Какая жена-то у тебя строгая!

Б е с с у д н ы й. Полоумная она или умна, что ль, очень, уж я и не разберу.

М и л о в и д о в. Ты не разберёшь, так кто ж её разберёт; тебя тоже на кривой-то не объедешь.

Б е с с у д н ы й. Оно точно, что меня объехать трудно; только нынче больно народ-то хитёр стал. Люди-то всё умнеют, а мы-то стареем да глупеем.

М и л о в и д о в. Так ты боишься, что жена-то умней тебя будет, когда ты состарешься?

Б е с с у д н ы й. Уж это сохрани господи, глупей бабы быть! Не то что умней, а вороватей.

М и л о в и д о в. А ведь, должно быть, скверно, когда жена обманывает! Как ты думаешь?

Б е с с у д н ы й. Что хорошего? Да ведь каков муж! Другого обманет, так и сама не рада будет, что на свет родилась. Вот я тебе притчу скажу. Был у меня приятель, мужик богатый, человек нраву

крутого. Только стал он за женой замечать, что дело неладно. Вот он раз из дому и собрался будто в город, а сам задворками и воротился, заглянул в окно, а жена-то с парнем. Что ж он, сударь, сделал!

М и л о в и д о в. А что?

Б е с с у д н ы й. А вот что: парню-то он дал уйти; выждал поры да времени, затопил овин, будто хлеб сушить, да пошёл туда с той — с женой-то, с подлой-то, да живую её, шельму, и зажарил. Вот что он сделал!

Молчание.

М и л о в и д о в. Судили его за это?

Б е с с у д н ы й. Нет.

М и л о в и д о в. Отчего же?

Б е с с у д н ы й. Да кто ж видел? Кто докажет? Сгорела, да и всё тут. Он потом на Афон молиться ушёл. А по-моему, так и судить-то не за что: моя жена, я в ней и властен. Да где ж это бабы-то? Где вы там?

Аннушка показывается из средней двери.

Поди, что ты там забилась! Где вас надо, тут вас и нет. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Миловидов и Аннушка.

М и л о в и д о в. Скучно что-то, Аннушка!

А н н у ш к а. Вам-то скучно? Может ли это быть?

М и л о в и д о в. Отчего же?

А н н у ш к а. Да вы какое хотите веселье, такое себе и найдёте. Всё в вашей воле. Вам некогда и скучно-то быть! А вот нашу сестру скука-то одолеет, тут куда деться!

М и л о в и д о в. Не то что мне скучно, а так, делать нечего.

А н н у ш к а. Да какое же у господ дело! Разве вы, век свой живёте, делаете что-нибудь! Обыкновенно одна только забава! Надоело дома, по соседям пировать поедете; и то наскучило, так соберёте псарню да зайцев гонять; а то так над нашей сестрой издеваетесь да помыкаете, как хотите. Ведь вы, чай, про себя-то думаете, что у нас души нет, мы и чувствовать ничего не можем. Вы, чай, думаете, что мы и не тоскуем никогда. А знаете ли вы, Павлин Ипполитыч, что несчастней нас, девушек, нет никого на свете.

М и л о в и д о в. Да пожалуй, что ты и правду говоришь.

А н н у ш к а. Правду, Павлин Ипполитыч, правду.

М и л о в и д о в. Да что ты стоишь, Аннушка! Садись сюда ближе!

А н н у ш к а. Сейчас. Вам трубку?

М и л о в и д о в. Да. *(Кричит.)* Гришка!

А н н у ш к а *(берёт трубку и подходит к дверям)*. Гришка, подай барину трубку. *(Приходит и садится рядом с Миловидовым.)* Какой хотите пример возьмите, хоть меня. Приходит девушка в возраст, как должно; что у ней на уме, спросите-ко! Милый человек и больше ничего. Потому всякая знает хорошо, что только ей и пожить, пока она на свободе; а как выдали замуж, так и стала работницей до самой смерти. В это время долго ль нас обмануть! Всякому веришь; кто что ни говори, всё думаешь, что правда. Вот этак другой обойдёт девку словами, та думает, что она в раю; а он про неё и думать забудет, да ещё смеётся над ней. Вот когда, Павлин Ипполитыч, девушке скучно-то бывает. Вот когда ей жизнь-то не мила. А у вас какая скука!

М и л о в и д о в. Разумеется.

Гришка подаёт трубку и уходит.

А н н у ш к а. Нападёт тоска по милом-то, куда с ней деваться? Эту тоску в люди не снесёшь, ни с кем не разделишь. Разве пожалеют тебя! Всякий над тобой же смеётся. И размыкивай горе одна, в углу сидя. А одной-то с горем куда тяжело! Сидишь, не дышишь, как мёртвая, а горе-то у тебя на сердце растёт... Точно гора какая тебе сердце давит... Мечешься, мечешься.

М и л о в и д о в. Хорошая ты девушка, Аннушка!

А н н у ш к а. Теперь только разве вы узнали, что я хорошая девушка? Было вам время меня узнать-то; я тогда ещё лучше была.

Миловидов хочет обнять её; она встаёт.

Что же это такое вы делаете! За что меня обижаете!

М и л о в и д о в. Чем же я тебя обижаю?

А н н у ш к а. Любите другую, а меня от скуки целовать хотите! Что же я такое для вас? Как же мне о себе думать? Ведь это вы мне нож в сердце!

М и л о в и д о в. Кто ж тебе сказал, что я тебя не люблю?

А н н у ш к а. Вы сами сказали давеча на этом месте. Не пожалели меня, прямо в глаза сказали.

М и л о в и д о в. Мало ль что я говорю. Так давеча хандра какая-то нашла.

А н н у ш к а. Мне бы к вам и выходить-то не надо было; уж я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо; всё думаешь, а может быть...

М и л о в и д о в. Что «может быть»?

А н н у ш к а. Да, может быть, думаешь, он Бога побоится, совесть его зазрит. А ведь и знаешь сама, что этого никогда не бывает; а всё лезешь на глаза, точно милости просишь. Стыдно потом до смерти! Нет, прощайте! *(Плачет.)*

Миловидов хочет обнять её. Она отталкивает его.

Оставьте вы меня!

М и л о в и д о в. Ну я виноват! Ну прости ты меня, прости! *(Обнимает её.)*

А н н у ш к а. Бог с вами!

Миловидов целует её.

Ах, боже мой! Что вы со мной делаете! Оставьте, оставьте меня! Ведь я живой человек, вы видите, я с собой совладать не могу. А это нехорошо. Стыд-то какой, стыд-то какой! Что я из себя делаю! Где у меня совесть-то! Я себя после проклинать буду.

М и л о в и д о в. За что же?

А н н у ш к а. Уж про любовь я вас и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалеете ли? Чтоб мне не так было самоё себя совестно, что вы меня целуете. Или вы всё смеётесь надо мной?

М и л о в и д о в. Как можно, что ты!

А н н у ш к а. А потом опять на меня глядеть не станете. Куда я тогда от своего стыда денусь?

М и л о в и д о в. А мне кажется, что я тебя полюблю больше прежнего.

А н н у ш к а *(смотрит на него как бы с испугом)*. Прежде вы меня обманули — бог с вами; а теперь обманете — Бог вас накажет. *(Прилегает к Миловидову на грудь.)*

Входят Бессудный и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Миловидов, Аннушка, Бессудный и Евгения.

Евгения. Совет да любовь!

А н н у ш к а. Ах! Что я это! Вот вы меня перед людьми в стыд ввели.

М и л о в и д о в. Что за стыд! Вот вздор! Я поеду домой, а денька через два приеду. Гришка!

Гришка у двери.

Лошадей! Прощай, хозяин! Прощай, хозяйка!

Целуются.

Прощай, Аннушка, милая!

Целуются. Уходит. Аннушка провожает его.

Е в г е н и я. Видел?

Б е с с у д н ы й. Ну, видел. Ну так что же? Вас тут сам лукавый не разберёт.

Е в г е н и я. Вот ты теперь и кланяйся жене-то в ноги за обиду. За что ты давеча на меня зашипел, как змея василиска!

Б е с с у д н ы й. Ну, ладно! Вперёд зачти.

Уходят в среднюю дверь. Аннушка возвращается.

А н н у ш к а. Боже мой! У меня голова закружилась! *(Опирается руками на стол и смотрит в окно.)* Неужели воротились мои золотые дни! Уж переживу ли я, бедная, этакое счастье! Вон как покатыл, голубчик мой! Экой молодец! Жизнь ты моя! Никогда я так тебя не любила, как теперь. Нет моей воли над собой! И счастье моё, и погибель моя в твоих руках. Пожалей ты меня, бедную!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

БЕССУДНЫЙ.

ЕВГЕНИЯ.

АННУШКА.

МИЛОВИДОВ.

ЖУК.

ГРИШКА.

ИВАН, кучер Миловидова.

Сени на постоялом дворе; посередине две двери: правая — в чёрную избу, левая — в чистую комнату; между дверями, у стены, скамья и стол, на столе свеча в фонаре; в левом углу лестница в светёлку; с правой стороны дверь на двор; над дверью низенькая рама: четыре небольших стекла в один ряд. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н н у ш к а (*сходит с лестницы*). Как в светёлке страшно одной-то! Ночь тёмная, ветер воет. Мужиков же никого в доме нет. Жук уехал. Видела я из окна, как Евгения и брата проводила с фонарём куда-то. Теперь мы одни с ней остались. Пойти хоть к ней, всё не так страшно! Выбраться бы мне поскорей из этого дому! Над ним беда висит, уж чует моё сердце; всё здесь не ладно, все здесь живут не по совести. Брат часто по ночам отлучается, соседи говорят про него что-то недоброе, Евгения на каждом шагу лукавит. Что за житьё! У всех только деньги на уме, как бы ни добыть, только бы добыть. А сколько из-за этих денег греха на душу принимают, об этом никто и не думает.

Стук в дверь со двора.

Кто-то стукнул!

Голос за сценой: «Евгения!»

Кто-то Евгению кличет. (*Прячется за дверь в избу.*)

Евгения выходит со свечой из двери, которая направо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения, потом Миловидов.

Е в г е н и я. Никак кто-то стукнул! (*Подходит к средней двери.*)
Кто там?

М и л о в и д о в (*за сценой*). Помещик Миловидов; а ты разве ещё ждёшь кого-нибудь?

Е в г е н и я (*отпирая*). Ах, сердечный! Кого ж мне ждать, кроме тебя! Что это ты срамить вздумал! Экой обидчик! (*Целует его.*)
А уж я думала, что ты не придёшь.

М и л о в и д о в. Отчего?

Е в г е н и я. Да уж больно ночь темна.

М и л о в и д о в. А ведь муж уехал же?

Е в г е н и я. Уехал.

М и л о в и д о в. Ну, так и я не маленький. Он темноты не боится, так чего ж и мне бояться. Ты, чай, знаешь, для кого тёмные ночи хороши?

Е в г е н и я. А для кого?

Миловидов. Для воров да для любовников. Значит, нам с ним и на руку.

Евгения. Ах ты проказник, проказник! Вот уж ты-то точно что любовник; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянет, всякий скажет, что любовник. А за что же ты мужа-то моего воровом зовёшь?

Миловидов. А куда ж он ночью уехал?

Евгения. Да, чай, в казённом лесу дровец порубить.

Миловидов. Ну всё ж таки воровать.

Евгения. Да нешто это воровство! Уж это, кого ни возьми из соседей, у всех такое заведение. Однако надо запереть дверь-то!

Миловидов. Погоди, надо людям приказать. *(Подходит к наружной двери.)*

В это время Евгения всходит на лестницу.

Эй! Гришка! Иван! Вы здесь?

За дверью: «Здесь, сударь!»

Лошадей у кузницы под сарай запереть! А сами настороже, да не дремать, а держать ухо остро. Слышите!

За сценой: «Слушаем, сударь!» Евгения возвращается и запирает дверь.

Ух, устал! От самой кузницы пешком шёл. *(Садится на скамью.)* Ты зачем наверх ходила?

Евгения. Светёлку заперла.

Миловидов. Для чего?

Евгения. Чтобы Анна, коли проснётся, сюда не пришла; девичий-то сон, говорят, чуток.

Миловидов. А она в светёлке?

Евгения. В светёлке. А тебе на что? Тебе-то на что, завистные твои глаза? Уж я тебя давеча и то было к ней приревновала, да вспомнила, что сама ж тебя учила приласкать её, уж после и смешно стало.

Миловидов. Что ты ни толкуй, а мне её жаль.

Евгения. Ну да как не жалеть! Эка невидаль!

Миловидов. Немало я их на своём веку обманывал — и ничего; а перед этой как-то совестно.

Евгения. Очень нужно совеститься! Велика она птица! Уж мне потом на неё-то очень смешно. Ходит и ног под собой не слышит, точно как княгиня какая, уж никак себя ниже не считает. А я-то про себя думаю: дура, мол, ты, дура! Так-то вас и обманывают. Приласкай

вас, вы и раскиснете, рады всему поверить. А когда ж это бывает, чтобы мужчина бросил да опять к той же пришёл? Мало, что ль, для них других-то дур на свете, вот хоть таких, как я, сирота бедная. (Смеётся.)

М и л о в и д о в. Рассказывай! Одурачишь тебя, как же! Ты захочешь, так нас всех проведёшь.

Е в г е н и я. Да уж за таким мужем живя, да в таком омуте, поневоле поумнеешь. Ну, других-то, положим так, что я провела, а тебя-то я чем же? Я тебя вот как, вот как люблю, что уж и не знаю, как описать.

М и л о в и д о в. А любопытно узнать, что у женщин на уме. Как бы до этого добраться?

Е в г е н и я. Что на уме? Да то же, что у вас.

М и л о в и д о в. Ну нет, у них как-то по-другому. Вот, например, за что ты меня полюбила?

Е в г е н и я. Как за что? Первое дело: ты барин, а не мужик, красавец писанный! Кто ж тебя не полюбит! Ведь я не столб каменный! Второе дело: так-то жить, в спокойной-то жизни, скучно; а тут и мужа-то боишься, и увёртки-то разные придумываешь, и дружку-то рада, как увидишь; всё-таки кровь-то волнуется, всё у тебя в голове каждый час забота есть... То-то и жизнь по-моему. А по-твоему как?

М и л о в и д о в. Да и по-моему так же. Оттого-то я и не женюсь.

Е в г е н и я. И не женись. Что тебе за неволя хомут-то на шею надевать! Да что ж это ты, голубчик, здесь сидишь! Пойдём в комнату, я тебе и винца, и закусочку приготовила.

М и л о в и д о в (встаёт). Пойдём! Только как же? Ведь в окна огонь видно будет.

Е в г е н и я. Так что ж за беда? У нас постоянный двор, всю ночь не гасим; вот и в сенях во всю ночь фонарь горит. Вдруг приедет кто, скоро ль огонь-то вздуешь, а тут уж готово.

М и л о в и д о в. А ну как муж воротится?

Е в г е н и я. Он ближе свету не будет.

М и л о в и д о в. А ну вдруг?

Е в г е н и я. Услышу, как постучит. Я тебя тогда в чулан спрячу, а как заснёт муж, да и Жук уляжется, тогда провожу за ворота.

М и л о в и д о в. Молодец ты, баба! Вот это мне на руку; таких я люблю.

Е в г е н и я. То ли бы ещё было! Вот только одна помеха, как бельмо у меня на глазу,— эта Анна. Как бы нам её с рук сбить. Замуж бы

отдали, да и слышать не хочет. Ты когда к нам приедешь, так не очень с ней строго, а то она догадается. А ты всё её поманивай, всё поманивай — она на это глупа, не разберёт, шутишь ты аль нет. Ну пойдём же, мой сокол ясный! Сколько теперь часов-то?

М и л о в и д о в (*смотрит на часы*). Одиннадцатый в исходе.

Е в г е н и я. О, ещё до свету-то как далеко!

Уходят в комнату. Аннушка выходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н н у ш к а (*одна*). Вот я до чего дожила! Что я слышала! Как я жива стою! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю тому, кто меня целует, что он меня любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу Иуду встретишь, который тебя целует, а сам тут же продаёт ни за грош. За что ж смеяться-то! Любил, ну перестал любить; за что ж ты смеёшься-то? Я не навязывалась. Ты сам меня давеча позвал. Вот это обида! Обида кровная! Я говорю: смеяться будешь! «Нет», говорит. Вот это обида! Ох! Не снесёт сердце! Вся душа-то у меня чернеет, как чёрная ночь. Самое себя мне страшно! Зажгу... Зажгу дом. Пусть сгорят оба, и я с ними... (*Берёт со стола фонарь*.) Пойду... сейчас пойду... Пусть же они знают... Батюшки, ноги нейдут, точно не пускает кто... Не моя, так чья-нибудь молитва бережёт меня от греха смертного... Вот и жаль! Зачем мне его жаль стало? Что за глупое сердце девичье! Разве он не злодей мой? А её убила бы, змею лютую! Братец, убей её! Убей её! А он пусть живёт... Что я такое, чтоб из-за меня ему умирать! Что мы такое! А он барин... Вот он любил меня, теперь другую любит! Кто ж ему запретит... А я мучаюсь да мешаю ему. Вот что! Зачем мешаю ему?.. Зачем на свете живу, себя мучаю?.. Она нам помеха, говорят! Помеха я им! Ну что ж!.. Где это у братца было... Видишь ты, я помеха, помеха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нет, я не чувствую; я помеха только. Ну что ж! Ну пусть живут без помехи! Где это у братца было спрятано... Там в шкапу, кажется. (*Кивает головой в ту сторону, куда ушли Миловидов и Евгения*.) Ну, прощайте! Живите без помехи!.. А страшно! Страшно самой-то на себя... Ведь вот думаешь, что легко; а как придётся, так страшно! Что есть на белом свете — со всем расставаться! Все жить... а я одна...

Для всех-то завтра солнце взойдёт, свежий ветерок подует, загорятся кресты на церквах, заскрипят ворота по деревьям, погонят стадо... а мне темно, темно, темно будет.

Уходит в избу. Над дверью поднимается рама. Жук снаружи просовывает руку, вынимает болт, отворяет дверь и входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Жук, потом Бессудный.

Жук. Ступай, хозяин.

Бессудный *(входя с завязанной головой)*. Тише ты! Может, спят, так и ладно: мы тут постелемся.

Раздеваются.

Жук. Ну, хозяин, кабы не савраска, плохо наше дело; только он и выручил.

Бессудный. Я этому дураку-то поверил. Едут, говорит, пьяные, безо всякой опаски. Вот поди ж ты, грех какой! *(Поправляет повязку на лбу.)*

Жук. Больно зашиб?

Бессудный. Больно.

Жук. Чем это тебя он огрел?

Бессудный. Кто ж его знает! Ведь ты помнишь? Едут они шагом, ямщик дремлет, и мы за ними шагом; слез я тихо, подошёл к тарантасу, слышу, храпят; стал я верёвки отвязывать осторожно, что сам себя не слышу, как он меня ошарашит! Да как крикнет: «Стой, ямщик! Не слышишь, грабят!» Да как выскочут трое. Не впрыгни я в телегу да не повороти ты живо, только б мне и на свете жить. Всю дорогу у меня искры из глаз сыпались. Ты лошадь-то куда дел?

Жук. Я её стреножил да со двора спустил. Она своих лошадей найдёт, а уж чужому ни за что не дастся.

Бессудный. Струмент-то в телеге?

Жук. В телеге.

Бессудный. Пойти спрятать подальше от греха; неровен час, подозрения бы не было.

Жук. Обыску, что ль, боишься?

Бессудный. А то чего ж? Известно, обыску. На меня соседи злы, так и смотрят, вороги, как бы тебя под кнут подвесь. Уж я откупался, откупался; а всё не с своим братом, того и жди, что нагрнут.

Жук. Так пойдём уберём.

Бессудный. Нет уж, я когда что прячу, так один.

Жук. Что ж, я докажу, что ли? Вместе ведь мы с тобой...

Бессудный. Доказать не докажешь, а всё-таки здоровее.

Уходит.

Жук (*прислушивается у двери*). Что ж бы это такое? Разговор. (*Приотворяет немного дверь*.) Вот те раз! Да и барин здесь. С хозяйкой сидят. Ах, балластво! Ну, подожди ж! Хозяин тебе спасибо не скажет. Говорить аль нет? Пойду лучше скажу; пусть возьмёт арапельник хороший. Надоть будет её поучить, чтобы она не баловалась. Видно, без науки с бабой ничего не сделаешь. (*Уходит.*)

Выходят Миловидов и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Миловидов и Евгения.

Миловидов. Мне вдруг послышалось, что кто-то стонет.

Евгения. Батюшки, и дверь расперта! Не муж ли?

Миловидов. Кто же стонет-то?

Евгения. Уж я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мёртвым сном, ты тоже схоронись где-нибудь. (*Уходит.*)

Миловидов (*подойдя к двери, которая в избу*). Точно как здесь? Да здесь и есть. (*Уходит в дверь.*)

Со двора входят Бессудный и Жук.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бессудный и Жук.

Жук. Неладно, хозяин, право, неладно.

Бессудный. Да что? Говори, образина!

Жук. У нас гости непрошеные.

Бессудный. Воры, что ли? О, убью до смерти! По крайности есть на ком сердце сорвать. Где они? Указывай! (*Берёт нож.*)

Жук. Воры не воры, а и не хорошие люди.

Бессудный. Да где? В избе, что ли?

Жук. Ты поди подле хозяйки поищи! Я отворил дверь-то, а он там сидит, вино пьёт.

Бессудный. Кто?

Жук. Барин, Миловидов.

Бессудный. Ну, барин, держись теперь!

Жук (*хочет остановить его*). Что ты, что ты? Опомнись!

Бессудный. Ты себя-то береги! Не подвёртывайся мне под руку, когда я в задор войду. Пора тебе меня знать.

Из двери избы выходят Аннушка и Миловидов, который её поддерживает и сажает на скамью.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бессудный, Жук, Миловидов и Аннушка.

Бессудный. Так вот ты с кем?

Миловидов. А ты что думал? Какая ты, Аннушка, бледная!

Аннушка. Я говорю, что я умираю.

Миловидов. Полно! Ну уж и умирать! Расхворалась от простуды, вот и всё тут. Ведь сама же говоришь, что простудилась. (*Садится подле неё.*)

Бессудный (*Жуку*). Что ж ты врешь! Ведь ты мне всю внутренность надорвал. Полоснуть тебя хорошенько, так ты забудешь хозяина пугать.

Жук. Ну тебя! Уйти от греха. Ишь ты, ровно сумасшедший: под носом не видишь, а на своих мечешься. (*Уходит.*)

Миловидов (*Аннушке*). Да что с тобой? Скажи ты мне!

Аннушка. Ничего, ничего; только не уходи от меня, посиди со мной немного.

Миловидов. Изволь, изволь, я посижу с тобой. (*Бессудному.*) Ты откуда явился?

Бессудный. Я-то не диковина, твоя-то милость какими судьбами не в указные-то часы по чужим дворам жалует?

Миловидов. Был на охоте в ваших болотах, да запоздал, а домой-то просёлком ехать темно; вот я и заехал.

Бессудный. Так! Стало быть, тебе теперича верить надо?

Миловидов. Как хочешь!

Бессудный. Не лжёшь, так правда.

Миловидов. Что это лоб-то у тебя?

Бессудный. На сучок наткнулся, за лесом ездил.

Миловидов. За чужим?

Бессудный. Кто ж ночью за своим ездит? А жена где?

М и л о в и д о в. Спит, должно быть. Что ж ей больше делать. Ступай, старик, и ты спи, а я с больной посижу.

Б е с с у д н ы й. Да уж одно дело, что спать, не в гулючки ж играть. *(Уходит.)*

А н н у ш к а. Ох! Скоро мой конец. Хочешь ты меня слушать, так послушай, а то ступай с богом. Не поминай лихом! Завтра меня на свете не будет.

М и л о в и д о в. Ах, Аннушка, как мне тебя жаль, бедную! Повяжи голову, намочи уксусом, вот и пройдёт! Да скажи ты: что с тобой? Что ты чувствуешь?

А н н у ш к а. Скажу, не утаю; только мне нужно тебя спросить прежде.

М и л о в и д о в. Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай всё, что тебе угодно.

А н н у ш к а. Я у тебя буду спрашивать, а ты мне отвечай! Ах, как голова кружится! Только ты не лги. Грех тебе будет; ты видишь, я умираю... И умру к завтраму, ты уж мне поверь!.. И жить мне незачем... Да, так что же я хотела? Да, вот: ты меня любил?

М и л о в и д о в. Любил, Аннушка, очень любил. Ты сама знаешь, как я любил.

А н н у ш к а. А теперь разлюбил? Только ты не грехи, не обманывай, как давеча.

М и л о в и д о в. Что ж делать-то, Аннушка, с сердцем не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему! Уж ах, брат, прежнего не воротишь.

А н н у ш к а. А я всё по-прежнему. Ну да хорошо! Ты теперь Евгению полюбил?

М и л о в и д о в. Ты потише, как бы муж не услышал. Ну, да не то что полюбил, а так она мне своим весёлым характером понравилась. Да и притом же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуску не давать. Бей сороку и ворону... Всё ж таки это далеко не то, как я тебя любил.

А н н у ш к а. Ну да хорошо, хорошо, это твоё дело. Никто тебе указывать не может, кого ты хочешь, того и любишь. Мне теперь только одно нужно знать от тебя, одно, а там хоть и умирать. Неужто же Евгения меня лучше, что ты меня променял на неё? Вот эта-то обида мне тяжелей всего; вот это меня до гибели и довело. Чем таки, скажи ты мне, чем таки она меня лучше? А по-твоему выходит, что

лучше. *(Плачет.)* Я тебя любила так, что себя не помнила, весь свет забыла, привязалась к тебе как собака, ни душой, ни телом перед тобой не была виновата, а ты меня покидать стал, полюбил бабу, чужую жену. Всё было бы это ничего, а вот что мне уж очень обидно, чего я пережить не могла... знать, уж она очень мила тебе, что ты для неё стал меня в глаза обманывать да потом вместе с ней смеяться надо мной. Вот что ты мне скажи теперь, не утай ты от меня: чем она тебе так мила стала, и с чего я тебе так опротивела? *(Плачет.)* Мало тебе того, что ты меня безо всякой вины обидел; ни с того ни с сего от себя прочь оттолкнул, ты ещё из меня, для моей злодейки, потеху сделал, чтоб ей не скучно было. Ох, господи боже мой! Господи боже мой! Умереть бы поскорей!

Молчание.

Только что моё сердце больное подживать было стало, надорвал ты его давеча своими притворными речами да поцелуями; да над моей болью-то смеётесь с ней вместе. Ведь я здесь была, я всё слышала. За что ж мне такая казнь от тебя, скажи ты мне? Чем я перед тобой виновата? Что я такое страшное сделала? И она-то чем вдруг тебе так мила стала, что ты никого для неё не жалеешь?

М и л о в и д о в. И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

А н н у ш к а. Никакой; вот видит Бог! Мне теперь лгать не к чему! Мне недолго жить осталось!

М и л о в и д о в. И ты считаешь, что я тебя обидел?

А н н у ш к а. Да как же не обидел-то! Чего ж ещё! Ты посмотри на меня.

М и л о в и д о в. Даром обидеть я никого не хочу. За дело я точно что не помилую; а даром обижать безответных людей нам не годится. Так ты говоришь, что я тебя даром обидел?

А н н у ш к а. Даром, Павлин Ипполитыч.

М и л о в и д о в. Это по твоему понятию даром, а по нашему — не даром. Я тебя любил; помнишь, как за тобой ухаживал, как за барышней, а ты что ж мне всего не сказала? Разве это честно? Ну, сгоряча-то я женился бы на тебе, куда бы мне тогда только нос-то свой показать? Ты должна была мне всё сказать.

А н н у ш к а. Да что всё-то?

М и л о в и д о в. Да то, что у тебя был любовник, что ты с ним и теперь выдаешься.

А н н у ш к а. Что ты! Что ты! Не грехи! Ведь я ещё живая, вот после, что хотите. Да я пока к брату не переехала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значит. Как же мне жить на свете после таких слов твоих! Умирать и надо. Кто бы говорил, да не ты.

М и л о в и д о в. Так меня обманули?

А н н у ш к а. Бог с тобой! Как хочешь, так и думай! Мне теперь всё равно. Кто это тебе сказал? Уж не она ли?

М и л о в и д о в. Она. Да она же мне ещё говорила: «Ты что на неё смотришь, что она такую недотрогу разыгрывает! С другими она так не манежится, это с тобой только; потому что она тебя заманивает, чтоб ты на ней женился. Она уж давно всем говорит: “Быть мне бабыней! Посмотрите, как я его, дурака, обойду”». Каково ж мне было это слышать! Мне, Миловидову! Ну, так нет, говорю, шалишь!

А н н у ш к а. Зачем же ты ей верил?

М и л о в и д о в. Нельзя было не верить. Бывало, я прощаюсь с тобой, домой собираюсь ехать, а она стоит, головой качает да вздыхает. Я у неё раз и спросил: «Что, мол, ты вздыхаешь?» — «Да так, говорит, жаль мне тебя». — «Что так?» — говорю. Она мне всё вот это и рассказала; ну, я и оглобли назад от тебя.

А н н у ш к а. И стал ты меня обижать всячески, и стала я вам по-меха.

М и л о в и д о в. Ну, да уж теперь ей от меня достанется. Я еду-еду не свищу, а наеду — не спущу.

А н н у ш к а. Ох! Сил моих больше нету!

М и л о в и д о в. Ты бы легла пошла.

А н н у ш к а. И то, пойду лягу. Не дойти мне до светёлки-то.

М и л о в и д о в. Я провожу тебя.

А н н у ш к а. Ну, теперь ты веришь, что я ни в чём перед тобой не виновата?

М и л о в и д о в. Верю, Аннушка, верю!

А н н у ш к а. Ну и хорошо! По крайней мере ты зла не будешь на меня иметь, простишься со мной без сердца, по-христиански. И я тебя прощаю, ты не виноват. А кто виноват, того суди Бог. Мне больше не жить. Ты никому не говори... Ох! *(Опускает голову на стол.)*

М и л о в и д о в. Что ты, Аннушка, Аннушка? *(Кричит.)* Бессудный!

Входит Бессудный.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Миловидов, Бессудный и Аннушка.

Бессудный. Что ещё? Покою нет на вас.

Миловидов. Твоя сестра умирает.

Бессудный. Ну что ж! Умрёт, так похороним. С чего ж это она умирать вздумала?

Миловидов. А с того, что твоя жена обманула меня, да вот и довели девку до гибели.

Бессудный. Чем же это она тебя обманула?

Миловидов. А тем, что наплела мне на неё, что у неё любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки.

Бессудный. Так это она?

Миловидов. Она.

Бессудный. Зачем же она?

Миловидов. Стало быть, ей нужно было. Сам догадайся.

Бессудный. Догадаться-то я уж давно догадываюсь, только... Эх, барин!

Миловидов. Что — эх, барин!

Бессудный. Ты шутить шути, а за большое место меня не задевай! Я ведь не погляжу...

Миловидов. Ну, ну! Мне больней твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Бессудный. Ох, барин! Да если всё это правда, ты уходи лучше. Нехорош я в сердцах, я самому себе страшен, я проклятый человек.

Миловидов. Зови жену, говорю я. Надо же дело на свежую воду вывести. А тебя я не испугаюсь; не на того напал.

Бессудный уходит.

Аннушка! Милая! Что с тобой?

Аннушка *(слабым голосом)*. Не говори никому. Я отравилась.

Миловидов. Боже мой! Что ты! Чем? Когда? Говори скорей!

Аннушка. Вон там, сейчас...

Миловидов. Мы тебя спасём, Аннушка, поможем тебе! Эй! Где вы там?

Аннушка. Нет, уж теперь поздно. *(Падает без чувств.)*

Входят Бессудный и Евгения.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Миловидов, Аннушка, Бессудный, Евгения, потом Гришка, Иван и Жук.

Миловидов. Кабы только ей помочь, ничего не пожалею. Нет ли у вас чего? Поскорей! Поскорей!

Евгения. Да что с ней, батюшки?

Миловидов. Она отравилась, дьяволы вы этикие!

Бессудный. Как так отравилась! Чем у нас отравиться!

Миловидов. Я её застал там, в кухне, у шкапчика.

Бессудный. Посмотрю пойду, что там такое. *(Уходит.)*

Миловидов. Вот ты что наделала! Весело теперь тебе смотреть на неё!

Евгения. Кто ж это знал! Кто ж это знал! Я сама-то умираю.

Миловидов. Убью я тебя на месте! Зачем ты мне нагала на неё?

Евгения. Кому ж чужое счастье не завидно!

Миловидов. Так это всё вздор, что ты говорила, всё неправда? Ну, говори!

Евгения. Всё неправда! Всё неправда!

Миловидов. Ведь тебя теперь повесить за это мало! Ну, да вот я с мужем поговорю: он тебя рассудит по-своему.

Евгения. Не губи! Ради бога, не губи! Лучше возьми убей меня из своих рук, только мужу не говори.

Миловидов. Неужели ж тебя помиловать! Ведь за то, что ты сделала, в Сибирь ссылают, на каторгу.

Евгения. Легче мне в Сибирь идти.

Миловидов. Всех вас пора сослать туда, а гнездо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось.

Бессудный входит.

Всех вас в Сибирь сослать.

Бессудный. То-то вот и есть, горяч ты больно! Шум-то ты поднимаешь из пустяков. Только людей беспокоишь.

Миловидов. Как из пустяков! Загубили душу, разве это пустяки? Аль тебе и душегубство нипочём стало?

Бессудный. Кто её загубил! Какое тут душегубство! Ничего не бывало. Я было и сам перепугался. Точно, что она лишнеехватила, да от этого не умрёшь. Проспит часа два, да дня три голова проболит.

М и л о в и д о в. Что ты, Бессудный! Да ты врѣшь, разбойник!

Б е с с у д н ы й. Да уж это верно. Хочешь, при тебе сейчас выпью? Разбойник-то кто-нибудь другой, а не я.

М и л о в и д о в. Да, понимаю. Это чем ты проезжающих поишь. Теперь я понял.

Б е с с у д н ы й. Это уж моё дело. Ты докажи прежде, что я пою, да потом и разговаривай.

М и л о в и д о в. Ну, обрадовал ты меня. Уж я её от вас к себе домой возьму. Аннушка, милая! *(Целует её.)*

Б е с с у д н ы й. Бери, пожалуй! Не больно она нам нужна.

Е в г е н и я. Ты, стало быть, жениться хочешь?

М и л о в и д о в. Моё дело. Уж теперь нас громом не расшибѣшь!

Е в г е н и я. Ну вот и слава богу!

М и л о в и д о в. Ну, хозяин, я человек военный, простой, за твою прежнюю любовь да ласку, хочешь, я тебе скажу, зачем я к тебе ночью приехал?

Б е с с у д н ы й. Говори!

Е в г е н и я. Ой!

Б е с с у д н ы й. Что ты?

Е в г е н и я. Что-то, Ермолаич, в бок кольнуло! Так вдруг. С перепугу-то, что ли?

М и л о в и д о в. Так говорить?

Б е с с у д н ы й. Что ж, говори, мы слушать будем.

М и л о в и д о в. Нет уж, лучше я в другой раз.

Б е с с у д н ы й. Нет, уж ты, коли начал, так говори!

М и л о в и д о в. Насильно не заставишь; захочу, так скажу.

Б е с с у д н ы й. Говори, барин!

М и л о в и д о в. Нет, ты сердит очень, я тебя боюсь.

Б е с с у д н ы й. Барин, не дразни!

М и л о в и д о в. Кабы ты не женился на молодой, так был бы покойнее, ревность-то бы тебя не мучила. Вот теперь и думай про себя, как знаешь; а я уеду, как ни в чём не бывал.

Б е с с у д н ы й. Не дразни, барин! Говорю тебе, не дразни! *(Кидается на Миловидова.)*

М и л о в и д о в *(вынимает пистолет)*. А этого не хочешь! *(Свищет.)*

У дверей показываются Гришка и Иван.

Стойте здесь! Мы лучше с тобой честь честью простимся. Иван!

И в а н. Что, сударь, угодно?

М и л о в и д о в. В полчаса довезёшь домой?

И в а н. Как прикажете, так и будет. Духом докатим.

М и л о в и д о в. Так долететь, чтоб она очнуться не успела; пусть уж дома очнётся, барыней! Прощай, хозяйка! *(Целуется с Евгенией.)*
Прощай, хозяин! Ты за женой-то поглядывай! У вас место бойкое.

Звон колокольчика.

Вон слышишь, купцы наехали. Ты поглядывай.

Б е с с у д н ы й. Уж это не твоя забота. Вперёд меня не забывай, я найду чем угостить.

М и л о в и д о в. Спасибо. Как не захватить! Заеду. Коль тебя опять не застану, так вот хозяйюшка дома будет, с ней побалагурим. Только я, брат, без гостинца не езжу. *(Показывает на пистолет. Людям.)*
Берите свою барыню да несите бережно в коляску.

Жук входит.

Ж у к. Хозяин! Проезжие.

Б е с с у д н ы й *(жене)*. Ну, поди! Встречай! Улыбайся, дьяволи, а расчёт после.

ПУЧИНА

Сцены из московской жизни

СЦЕНА I

ЛИЦА

КИРИЛЛ ФИЛИППЫЧ КИСЕЛЬНИКОВ, молодой человек, 22 лет.

АНТОН АНТОНОВИЧ ПОГУЛЯЕВ, студент, кончивший курс, 21 года.

ПУД КУЗЬМИЧ БОРОВЦОВ, купец, 40 лет.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его.

ГЛАФИРА ПУДОВНА, их дочь, 18 лет.

ЛУП ЛУПЫЧ ПЕРЕЯРКОВ, чиновник.

ИОН ИОНОВИЧ ТУРУНТАЕВ, военный в отставке.

ГУЛЯЮЩИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Нескучный сад. Луг между деревьями; впереди дорожка и скамья; в глубине дорожка, за дорожкой деревья и вид на Москву-реку. Около 30 лет назад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят купцы с жёнами.

Купец. Ай да Мочалов! Уважил.

Жена. Только уж эти представления смотреть уж очень жалостно; так что уж даже чересчур.

Купец. Ну да, много ты понимаешь!

Жена. Чего ж тут не понимать-то! Известное дело, всё от приятелей; это мы и прежде знали.

2-й купец. Уж точно что уважил. Не жаль деньги заплатить.

1-й купец. Как написано, что «жизнь игрока», так он точно игрока и представил.

Жена. С кем поведёшься, таков и сам будешь. Вот теперича Мочалов связался с этим... как его...

2-й купец. С Валмиром.

Жена. Ну, там, как ни на есть. Связался с ним, ну и в бедность пришёл, и всё такое.

2-й купец. И даже в уголовном деле попался. Это вы верно, что от приятелей. От кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому и в голову не придёт. А всё от других.

1-й купец. И всё это вы пустяки говорите. Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели? Всё одно, что ничего. А коли я дурак либо мошенник, да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать.

2-й купец. Но однако ж...

1 - й к у п е ц. Что «однако ж»? Стой твёрдо, потому один отвечать будешь! Ответчика за себя не поставишь. Как жил, что делал? Так и так, мол, приятели. А у тебя есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну и шабаш, и кончен разговор.

Ж е н а. А другой человек увлекательный?

1 - й к у п е ц. Ну так что ж! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Ж е н а. Да ведь жалко.

1 - й к у п е ц. Ничего не жалко. Знай край, да не падай! На то человеку разум дан.

Проходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Погуляев и несколько студентов.

П о г у л я е в. А как хорош был сегодня Мочалов. Только жаль, что пьеса плоха.

1 - й с т у д е н т. Сухая пьеса. Голая мораль.

2 - й с т у д е н т. Все эффекты, все ужасы нарочно прибраны, как на подбор. Вот, мол, если ты возьмёшь карты в руки, так убьёшь своего отца, потом сделаешься разбойником, да мало этого, убьёшь своего сына.

1 - й с т у д е н т. Какая это пьеса! Это вздор, о котором говорить не стоит. «Чёрт не так страшен, как его пишут». Чёрта нарочно пишут страшнее, чтоб его боялись. А если чёрту нужно соблазнить кого-нибудь, так ему вовсе не расчёт являться в таком безобразном виде, чтоб его сразу узнали.

В с е (*смеются*). Ха-ха-ха! Да, это правда.

Входит Кисельников, щегольски одетый.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Погуляев, Кисельников и студенты.

П о г у л я е в. А, друг любезный! Как я тебя давно не видал!

1 - й с т у д е н т. Где ты пропал?

2 - й с т у д е н т. Какой ты розовый, весёлый! Я тебя два года не видал.

П о г у л я е в. Ты не кончил курса?

К и с е л ь н и к о в. Не кончил.

Поголяев. Отчего же?

Кисельников. Да так, не кончил, да и всё тут. Впрочем, я занимаюсь, я много занимаюсь; а так, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочем, я ещё это всё успею.

1 - й студент. Какой вечер превосходный!..

Кисельников. Удивительный вечер! Воздух какой! Что за нега! Я теперь, когда стал свободным человеком, весь отдаюсь природе, наслаждаюсь ею вполне. Вы этой прелести не знаете, вы люди учёные, занятые.

Поголяев. Ты совсем переменялся, тебя и узнать трудно.

Кисельников. Что же, я лучше стал или хуже?

Поголяев. Не знаю, как сказать! Только жаль, что ты бросил университет.

Кисельников. Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вам всё расскажу. Отец у меня был строгий, капризный старик, не пускал меня никуда из дому, не давал мне ни копейки денег. По вечерам насильно заставлял меня сидеть за лекциями. Всё это мне надоело и опротивело донельзя. В прошлом году он умер и оставил мне порядочное состояние. Вдруг в моём распоряжении довольно денег, а главное — свобода; ну, разумеется, я сейчас же захотел воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; таким образом я мало-помалу отстал от университета. Впрочем, я догоню, стоит только заняться... Стихи пишу от скуки, выходит недурно.

2 - й студент. Что же ты думаешь с собой делать?

Кисельников. Вот выдержу на кандидата, поеду в Петербург, поступлю на службу. А приятно пожить на свободе!

1 - й студент. Свобода свободой, а всё же надо делать что-нибудь, без этого нельзя.

Кисельников. Разумеется. Я непременно займусь делом; теперь у меня голова занята.

Поголяев. Чем это?

Кисельников. Как бы тебе это сказать? Ну, просто, я влюблён без памяти.

2 - й студент. Вот как! Ну, что же, и счастливо?

Кисельников. Да, конечно,

Поголяев. О, брат, твоя жизнь завидная.

Кисельников. Да, именно, мне можно позавидовать. Дня через два и свадьба.

Погуляев. Так скоро?

Кисельников. Чего ж ждать-то! Теперь и жить, пока молоды.

1 - й студент. Да ведь ты ещё не доучился, ты сам сознаёшься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потом себе определённое положение найти, тогда уж и жениться. А главное-то — нужно средства иметь.

Кисельников. У меня средства есть.

2 - й студент. А позволь спросить, какие?

Кисельников. Свой домик есть, тысяч семь денег.

Погуляев. Долго ли же их прожить, ничего-то не приобретая?

Кисельников. За женой возьму, тесть обещал шесть тысяч.

1 - й студент. Во-первых, обещания не всегда исполняются, а во-вторых, с деньгами нужно обращаться умеючи: или они у тебя будут лежать без всякой пользы, или ты их проживёшь скоро.

Кисельников. У меня тесть деловой человек, я отдам ему деньги на его обороты, он мне будет проценты платить.

Погуляев. А его обороты лопнут, что тогда?

Кисельников. Этого быть не может... он — купец известный.

2 - й студент. А по-моему, нет ничего лучше, как жить на свои трудовые.

Кисельников. И я буду трудиться, буду служить.

Погуляев. А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имея чина? Сто, двести рублей, не больше. Заведутся дети, будет нужда-то подталкивать, сделаешься неразборчив в средствах, руку крючком согнёшь. Ах, скверно!

Кисельников. Ну, вот какие мрачные картины! Главное, что мне нравится в семействе моего тестя, это патриархальность. Сам я человек смиренный.

1 - й студент. Да ведь патриархальность — добродетель первобытных народов. В наше время нужно дело делать, нужны и другие достоинства, кроме патриархальности.

2 - й студент. Патриархальность-то хороша под кущами, а в городах нужно пожинать плоды цивилизации.

Кисельников. Ну, да во всяком случае я уж решил; что сделано, того не воротишь. (Погуляеву.) А ты что думаешь с собой делать?

Погуляев. Я еду в Петербург. Я нашёл частную должность да займусь журнальной работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу.

Студенты. Прощай, Погуляев. Прощай, Кисельников.
2-й и 3-й студенты. Желаем тебе счастья!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Погуляев и Кисельников.

Кисельников. Погуляев, ты добрее их, пойдём, я тебе покажу свою невесту.

Погуляев. Покажи.

Кисельников. Вон она идёт с своим семейством.

Погуляев. А ещё-то с ними кто же?

Кисельников. О, это всё милейшие и самые простые люди!

Входят Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, в форменном фраке, трость с золотым набалдашником, и Турунтаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Погуляев, Кисельников, Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков и Турунтаев.

Переярков. Посмотрите, посмотрите, что за картина! (*Показывает тростью на запад.*) Солнце склоняется к западу, мирные поселяне возвращаются в свои хижины и свирель пастуха... (*Обращаясь к проходящему.*) Потише, милостивый государь! Потише, говорю я вам!

Проходящий. Извините.

Переярков. Надо различать людей. (*Показывая на свой орден.*) Видите, милостивый государь!

Погуляев. Про какую он там свирель говорит? Никакой свирели не слышно.

Кисельников. Ну, уж это нужно ему извинить. Зачем к таким мелочам привязываться? Он — человек отличный. Люди семинарского образования всегда склонны к риторике.

Переярков (*указывая тростью*). Солнце склоняется к западу...

Боровцова. Отчего же это оно к западу? Разве уж ему такой предел положен?

Боровцов. Известное дело — предел, а то ещё что же?

Боровцова. А как в чужих землях? И там тоже солнце на запад садится?

Переярко в. Наверное-то сказать трудно, потому что во многих землях, где у нас запад, там у них восток приходится. Да вот Ион много походов сломал, он нам скажет. Ну, как в Турции, где солнце садится?

Турунтаев. Постойте, постойте! Вот так Шумла (*показывает руками*), вот так наш лагерь, а солнце садилось вот так, в эту сторону.

Боровцов а. Хорошо бы побывать в разных землях, чтобы знать, как у них там: как солнце садится, как другое что.

Боровцов в. Всё это — суемудрие, мечта. Мы на этом свете всё равно, что в гостинице; там уж где ты ни живи, всё один конец. Семейный человек живи в своей семье, потому он — глава. Куда я, семейный человек, поеду? Конечно, кто праздношатающий...

Переярко в. Или по службе...

Турунтаев. Пошлют, пойдёшь.

Боровцов в. Про службу что и говорить! Служба особь статья. Если ты по службе куда идёшь, так уж это, значит, твоё должное.

Переярко в. Какой тут разговор.

Турунтаев. Нам везде свой дом.

Боровцов в. И опять же ваша пешая служба супротив морской много легче. Вы то возьмите: другой раз пошлют с кораблём-то отыскивать, где конец свету; ну и плывут. Видят моря такие, совсем неведомые, морские чудища круг корабля поднимаются, дорогу загораживают, вопят разными голосами; птица Сирен поёт; и нет такой души на корабле, говорят, которая бы не ужасалась от страха, в онемение даже приходят. Вот это — служба.

Погуляев в. Что они говорят?

Кисельников в. Добрые люди, друг мой, добрые люди; ты критику-то оставь. Они — люди неучёные, это правда, зато сердце у них лучше нашего. Подойдём к ним, я тебя познакомлю.

Подходят.

Боровцов в. Вот и жених. Где это ты запропал? Посмотри, невеста-то уж плачет, что давно не видала.

Глафир а. Ах, что вы, тятенька! Даже совсем напротив.

Боровцов в. А ты, дура, нарочно заплачь, чтоб ему было чувствительнее.

Кисельников в. Вот позвольте познакомить вас с моим товарищем.

Боровцов. Оно конечно, без товарищей нельзя; только уж женатому-то надо будет от них отставать; потому от них добра мало. А как ваше имя и отчество?

Поголяев. Антон Антоныч Поголяев.

Боровцов. Так-с. Состояние имеете?

Поголяев. Нет.

Боровцов. Плохо. Значит, вы моему зятю не компания.

Кисельников. Это всё равно, мы с ним с детства друзья.

Переярков. Вы кончалой?

Поголяев. Да, то есть я кончил курс.

Переярков. Ну, я про то-то и спрашиваю. Из разночинцев?

Поголяев. Из разночинцев.

Переярков. Из мещан или из приказных детей?

Поголяев. Мой отец был учитель.

Переярков. Ну, всё одно что из приказных. Теперь разночинцам дорога, кто кончит в университете.

Турунтаев. Вы в военную! Через полгода офицер, дворянин, значит; вы грамотей, так, пожалуй, казначеем сделают; послужите, роту дадут; наживите денег да крестьян купите — свои рабы будут. Вы ведь не из дворян, так это вам лестно.

Переярков. Хорошо и в штатскую. Я до титулярного-то двадцать пять лет служил, а вас, гляди, года через четыре произведут.

Поголяев. Я не думаю служить.

Переярков. Не одобряю.

Поголяев. В учителя хочу.

Переярков. Ребятишек сечь? Дело! Та же служба. Только как вы характером? Строгость имеете ли?

Турунтаев. Пороть их, канальев! Вы как будете: по субботам или как вздумается, дня положенного не будет? Ведь методы воспитания разные. Нас, бывало, всё по субботам.

Поголяев. Уж я, право, не знаю.

Турунтаев. Нет, вы не годитесь в учителя, и в военную не годитесь — я по глазам вижу. Вы лучше в штатскую.

Кисельников. Поголять бы теперь.

Боровцов. Нет, уж мы, брат, нагулялись. Гуляйте вот с женой, с дочерью, а мы пойдём посидим, отдохнём.

Боровцов, Переярков и Турунтаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Боровцова, Глафира, Погуляев и Кисельников.

Боровцова. Куда ещё гулять! Я уж и так ноги отходила.

Кисельников. Сядьте, маменька, тут вот на скамеечку, мы подле вас будем.

Погуляев (*Глафире*). Вы очень любите своего жениха?

Глафира молчит.

Что же вы мне не отвечаете?

Боровцова. А ты скажи: «Столько, мол, люблю, сколько мне следует».

Глафира. Как же я могу про свои чувства говорить посторонним! Я могу их выражать только для одного своего жениха.

Кисельников. Какова скромность!

Боровцова. Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не может, потому что было моё такое воспитание.

Погуляев. А как же замуж выходить без любви? Разве можно?

Боровцова. Так как было согласие моё и родителя её, вот и выходит.

Погуляев. Вы чем изволите заниматься?

Глафира. Вы, может быть, это в насмешку спрашиваете?

Погуляев. Как же я смею в насмешку?

Боровцова. Нынче всё больше стараются, как на смех поднять. Хоть не говори ни с кем.

Глафира. Обнакновенно чем барышни занимаются. Я вышиваньем занимаюсь.

Погуляев. Что ж вы вышиваете?

Глафира. Что на узоре нарисовано: два голубя.

Погуляев. А ещё чем? Неужели только одним вышиваньем?

Глафира. Маменька, что же мне ещё ему говорить?

Кисельников. Ну что ты пристал! Этак, конечно, сконфузить можно.

Погуляев. Я и не думал конфузить, я сам всегда конфужусь.

Глафира. Вы к нам будете с Кирилой Филиппычем приходите или так только?

Погуляев. Если позволите.

Кисельников. Придём непременно, завтра же.

Г л а ф и р а. Мы будем в фанты играть.

Б о р о в ц о в а. Да, приходите с девушками поиграть, а то у нас молодых-то парней мало; молодцов зовём, так те при хозяевах-то не смеют.

П о г у л я е в. Да я в фанты играть не умею.

Г л а ф и р а. Мы выучим. В фантах можно с девушками целоваться.

Б о р о в ц о в а. Да, у нас запросто.

К и с е л ь н и к о в. Ты только побывай раз, потом сам проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этих тихих семейных удовольствий ничего быть не может.

П о г у л я е в. Ну нет, есть кой-что и лучше этого.

Б о р о в ц о в а. Это танцы-то, что ли? Так ну их! Муж терпеть не может.

Г л а ф и р а. Теперь я вас не буду бояться, потому что вы будете к нам вхожи в дом; а то я думала, что вы так только, посмеяться хотите. Я думала, что вы гордые.

П о г у л я е в. Отчего же вы так думали?

Г л а ф и р а. Учёные все гордые. Вот у нас рядом студент живёт, так ни с кем из соседей не знаком и никому не кланяется.

П о г у л я е в. Должно быть, у него занятий много, времени нет для знакомств.

К и с е л ь н и к о в. Нет, так, дикарь какой-то.

Г л а ф и р а. Как времени не быть! Ведь с портнихами знаком же, к ним ходит часто. Его спрашивали, отчего он не хочет с хорошими барышнями познакомиться?

П о г у л я е в. Что же он?

Г л а ф и р а. «Они, говорит, глупы очень, мне с ними скучно». И выходит, что он — невежа и гордый.

П о г у л я е в. Ну, конечно, невежа.

Б о р о в ц о в а. Да ты сам-то, батюшка, не таков ли?

К и с е л ь н и к о в. Нет, маменька, что вы!

Б о р о в ц о в а. Ох, трудно вам верить-то!

К и с е л ь н и к о в. Какая простота! Какая невинность!

Б о р о в ц о в а. Ну пойдём, Глаша!

Г л а ф и р а. Пойдёмте, маменька.

К и с е л ь н и к о в (*подходя к Боровцовой*). Прощайте, маменька. Я к вам завтра часов с пяти.

Г л а ф и р а (*Погуляеву*). Прощайте. Приходите завтра, не обманите. (*Тихо.*) У меня есть подруга, очень хороша собой, у ней теперь никого нет в предмете, я вас завтра познакомлю, только чтобы секрет. Вы смелей, не конфузьтесь. (*Отходит к Боровцовой.*)

Б о р о в ц о в а. Ты и приятеля-то приводи.

К и с е л ь н и к о в. Хорошо, маменька, придём вместе.

Боровцова и Глафира уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кисельников и Погуляев.

К и с е л ь н и к о в. Ну, что скажешь?

П о г у л я е в. Ха-ха-ха! Да это чёрт знает что такое! Это безобразие в высшей степени!

К и с е л ь н и к о в. Это тебе потому кажется безобразием, что ты совсем отвык от семейной жизни.

П о г у л я е в. Да какая ж это семейная жизнь? Это невежество и больше ничего.

К и с е л ь н и к о в. Так вдруг тебе показалось, а ты взглядишь хорошенько.

П о г у л я е в. Не взглядеться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потом уж и не вылезешь. Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество — ведь это болото, которое засосёт тебя. Ты же человек нетвёрдый. Хоть на карачках ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину, и она тебя проглотит.

К и с е л ь н и к о в. Что за фантазии!

П о г у л я е в. Послушай, вот тебе мой совет: загуляй лучше — может быть, и позабудешь об невесте либо приедешь туда пьяный, и тебя прогонят, откажут тебе — это ещё может тебя спасти. Напьёшься — prospишься, а женишься, уж не воротишь.

К и с е л ь н и к о в. Что ты ни говори, я уж решил — это дело кончено. Прощай.

П о г у л я е в. Прощай. Я первый буду рад, если мои слова не сбываются.

СЦЕНА II

ЛИЦА

КИСЕЛЬНИКОВ, 29 лет.

ГЛАФИРА, 25 лет.

ЛИЗАНЬКА, дочь их, 6 лет.

БОРОВЦОВ, 47 лет.

БОРОВЦОВА.

АННА УСТИНОВНА, мать Кисельникова.

ПЕРЕЯРКОВ.

ТУРУНТАЕВ.

ПОГУЛЯЕВ.

АКСИНЬЯ, кухарка Кисельникова.

Небогатая комната в квартире Кисельникова.

Между 1-й сценой и 2-й проходит 7 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глафира, Кисельников и дочь.

К и с е л ь н и к о в. Убери дочь-то! Что она здесь толчётся! Нет у них детской, что ли? Уж и так все уши прожужжали; а тут, того гляди, гости приедут.

Г л а ф и р а. Твои ведь дети-то.

К и с е л ь н и к о в. Так что ж, что мои?

Г л а ф и р а. Ну, так и нянчайся с ними.

К и с е л ь н и к о в. А ты-то на что! У меня есть дела-то поважнее.

Г л а ф и р а. Я твоих важных делов и знать не хочу; а ты не смей обижать детей, вот что!

К и с е л ь н и к о в. Кто их обижает?

Г л а ф и р а. Лизанька, плюнь на отца.

Лизанька плюёт.

Скажи: папка дурак.

Л и з а н ь к а. Папка дурак.

К и с е л ь н и к о в. Что ты это! Чему ты её учишь?

Г л а ф и р а. Да дурак и есть. Ты как об детях-то понимаешь? Ангельские это душки или нет?

К и с е л ь н и к о в. Ну, так что ж!

Г л а ф и р а. Ну, и значит, что ты дурак. Заплачь, Лизанька, заплачь.

Лизанька плачет.

Громче плачь, душенька! Пусть все услышат, как отец над нами тиранствует.

К и с е л ь н и к о в (*зажимая уши, кричит*). Вы мои тираны, вы!

Г л а ф и р а. Кричи ещё шибче, чтоб соседи услышали, коли стыда в тебе нет. Пойдём, Лизанька. (*Мужу.*) Ты погоди, я тебе это припомню. (*Дочери.*) Да что же ты нейдёшь, мерзкая девчонка! Как примусь я тебя колотить.

К и с е л ь н и к о в. Это ангельскую-то душку?

Г л а ф и р а. А тебе что за дело? Моя дочь, я её выходила, а не ты. Вот назло же тебе прибью в детской. Вот ты и знай! (*Уходит с дочерью.*)

К и с е л ь н и к о в. Ишь ты какая! Ишь ведь какая взбалмошная! Ох, ругать бы её, да ругать хорошенько. Сегодня нельзя браниться-то с ней, грех — день её ангела. Уж сегодня пусть привередничает — её день. Сегодня можно и стерпеть. Что ж не стерпеть! Невелик барин-то, чтоб не стерпеть! Эх, дела, дела! (*Долго стоит задумавшись. Потихоньку запекает.*)

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.

Входит Г л а ф и р а.

Г л а ф и р а. Обидел жену, а сам песни поёт; хорош муж!

К и с е л ь н и к о в (*громче*).

Она ростом невеличка,
Лицом круглоличка.

Г л а ф и р а. Что ж ты, на смех, что ли? Ишь какую моду выдумал!

К и с е л ь н и к о в. Да уж мне только и осталось: либо взвить голосом от вас, либо песни петь.

Г л а ф и р а. А мне что делать! Я вот нынче именинница, а ты мне что подаришь?

К и с е л ь н и к о в. А где деньги-то?

Г л а ф и р а. А мне какое дело! Зачем же ты меня брал из богатого дому, коли у тебя денег нет; я к такой жизни не привыкла.

К и с е л ь н и к о в. У меня деньги были, твой же отец взял.

Г л а ф и р а. И преотлично сделал, а то бы ты их давно промотал.

К и с е л ь н и к о в. А ему какое дело? Деньги-то мои, что хочу, то с ними и делаю. А он не то что денег, и процентов-то не платит.

Насилу выпросишь рублей пятнадцать или двадцать, да ещё после попрекает да ломается. Я, говорит, тебе в твоей бедности помогаю.

Г л а ф и р а. Так тебе и надо. Отдай тебе деньги-то, так ты, пожалуйста, и жену-то бросишь.

К и с е л ь н и к о в. Где уж бросить, когда пятеро детей. Нет уж, надел петлю, да и концы вам отдал, тяните теперь, пока совсем задушите. Ты говоришь, что ты из богатого дому; а много ль за тобой дали-то! Обещали шесть тысяч, а много ли дали?

Г л а ф и р а. Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то; с тысячами-то я бы в десять раз лучше тебя нашла. За меня какой полковник-то сватался! Как я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали, оттого что очень в карты играет.

К и с е л ь н и к о в. Зачем же ты шла за меня?

Г л а ф и р а. Выдали, так и пошла. Известно, глупа была. Тятенька-то думал, что ты — деловой, что ты — себе на прожитие достанешь.

К и с е л ь н и к о в. Где ж я достану? На нашей службе немного добудешь. Что ж мне, воровать, что ли?

Г л а ф и р а. А мне какое дело. Я с тобой и говорить-то не хочу. Ты ещё у меня должен прощенье просить, а то я с тобою две недели слова не скажу. При гостях нарочно буду от тебя отворачиваться, пусть тятенька с маменькой посмотрят.

К и с е л ь н и к о в. Ну, уж ты этого-то, пожалуйста, не делай...

Г л а ф и р а. А! Тебе это не нравится! Так вот нарочно ж буду, нарочно!

К и с е л ь н и к о в. Глаша, ну я прошу тебя! Что хорошего, разговор пойдёт.

Г л а ф и р а. Так проси прощенья.

К и с е л ь н и к о в. Ну, прости меня.

Г л а ф и р а. Целуй ручку, да вперёд не смей со мной спорить никогда.

К и с е л ь н и к о в. Ну, не буду.

Г л а ф и р а. Где ж тебе со мной спорить! Ты помни, что я в тысячу раз тебя умнее и больше тебя понимаю. Мной только и дом-то держится.

К и с е л ь н и к о в. Ну, хорошо, хорошо! А где маменька?

Г л а ф и р а. Известно, в детской. Где ж твоей маменьке быть! Пусть хоть детей нянчит, всё-таки не даром хлеб ест.

К и с е л ь н и к о в. Как же даром? Ведь мы в её доме-то живём.

Г л а ф и р а. Вот опять с тобой ругаться надо. Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты дом на моё имя переписал. Вот и выходит, что ты меня не любишь, а всё только словами обманываешь, как сначала, так и теперь. Для матери всё, а для жены ничего.

К и с е л ь н и к о в. Да что всё-то? Ведь это её дом-то, собственный!

Г л а ф и р а. Так что ж, что её? Я вот ей свои старые платья дарю, не жалею для неё, а ты этого не хочешь чувствовать, точно как я обязана. Да молчи ты, не расстраивай меня! Вон тятенька с маменькой приехали. И зачем это я связалась с тобой говорить! Очень интересно твои глупости слушать. *(Уходит.)*

К и с е л ь н и к о в *(задумавшись осматривает комнату)*. Ишь ты, пыли-то сколько на диване. Аксинья!

Входит Аксинья.

Ишь ты, пыли-то сколько.

А к с и н ь я. Да, как же! Есть мне время! Не разорваться ж в самом деле!

К и с е л ь н и к о в. Так давай тряпку, я сам сотру.

А к с и н ь я *(подаёт тряпку)*. Давно бы вам догадаться-то. *(Уходит.)*

К и с е л ь н и к о в *(стирая пыль)*. Ну, вот и чисто. При большой-то семье как за порядком усмотришь. Сколько людей-то нужно! А вот взял сам да и стёр, взял да и стёр — невелик барин-то! На тряпку-то!

А к с и н ь я *(за сценой)*. Бросьте где-нибудь. Стряпня одолела.

Кисельников бросает в дверь тряпку. Входят Боровцов, Боровцова и Глафира.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Боровцов, Боровцова, Глафира и Кисельников.

Г л а ф и р а *(тихо Боровцовой)*. Вчера мои серьги заложил.

Б о р о в ц о в. Здравствуй, Кириуша! С именинницей! Рад ли гостям-то?

К и с е л ь н и к о в. Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Как же, помилуйте! И вас также с именинницей.

Б о р о в ц о в *(ероша ему волосы)*. Эх ты, простота, простота! Любишь жену-то?

К и с е л ь н и к о в. Как, папенька, не любить.

Б о р о в ц о в. Люби, Кирюша, люби. Поцелуй её, сейчас поцелуй, чтоб я видел.

Кисельников целует.

Вот так. Вот теперь вижу, что любишь.

Б о р о в ц о в а. Да, как же! Любит он её! Поцеловать-то всякий сумеет; а ты спроси, куда он её серьги дел.

Б о р о в ц о в. Какие серьги?

Б о р о в ц о в а. Да наши серьги, что мы за ней дали. Заложил ведь.

Б о р о в ц о в. Уж ты до жениного приданого добрался. Выкупи. С себя хоть всё заложил, а приданого не смей трогать.

К и с е л ь н и к о в. При первых деньгах, папенька, выкуплю.

Б о р о в ц о в. У кого заложены?

Г л а ф и р а. У Турунтаева.

К и с е л ь н и к о в. Десять процентов в месяц берёт.

Б о р о в ц о в. А что ж не брать, коли дают. По его век дураков хватит. Эх, зятёк! Я думал, что из тебя барин выдет, ан вышла-то грязь.

К и с е л ь н и к о в. За что же, папенька...

Б о р о в ц о в. За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты в каком суде служишь? Кто у вас просители?

К и с е л ь н и к о в. Купцы.

Б о р о в ц о в. То-то «купцы»! Ну, стало быть, их грабить надо. Потому, не попадайся, не заводи делов. А завёл дела, так платись. Я тебе говорю — я сам купец. Я попадусь, и с меня тyani. «Мол, тятенька, родство родством, а дело делом; надо же, мол, и нам жить чем-нибудь». Боишься, что ль, что ругать станут? Так ты этого не бойся. Кому надо в суд идти, тот деньги готовит; ты не возмёмшь, так другой с него возмёт. Опять же и физиономию надо иметь совсем другую. Ты вот глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вот как гляди. Так всякий тебя опасаться будет. Потому, кто в суд пришёл, он хоть и не виноват, а всё ему кажется, что его засудить могут; а взглянул ты на него строго, у него и душа в пятки; ну и пошёл всем совать по карманам — перво-наперво, чтоб на него только ласково глядели, не пугали его; а потом, как до дела разговор дойдёт, так опять за мошну, в другой раз.

Г л а ф и р а. Охота вам, тятенька, с ним слова терять.

Б о р о в ц о в а. Молчи, Глаша. Может он, бог даст, и в разум придёт. Откроется в нём такое понятие, что отец его добру учит. Слушай, Кирюша, слушай, это тебе на пользу.

Б о р о в ц о в. Да и жить-то надо не так. Ты сразу поставь себя барином, тогда тебе и честь другая, и доход другой. Заломил ты много с купца, он упирается; ты его к себе позови да угости хорошенько; выдет жена твоя в шелку да в бархате, так он сейчас и догадается, что тебе мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будет, потому он видит, что на дело. Всякий поймёт, что ты барин обстоятельный, солидный, что тебе мало дать — значит тебя обидеть, что тебе на прожитие много нужно.

К и с е л ь н и к о в. Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно. Думаешь: «Что хорошего!» Грабителем будут звать.

Б о р о в ц о в. Грабителем! А тебе что за дело! Пушай зовут! Ты живи для семьи — вот здесь ты будь хорош и честен, а с другими прочими воюй, как на войне. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоен; у тебя семья сыта, ты бедному можешь помочь от своих доходов; он за тебя Бога умолит. А теперь ты что? Мотаешься ты на белом свете без толку да женино приданое закладываешь. То тебе совестно, а это не совестно? Там ты чужие бы деньги проживал, а теперь женины да детские. Какая же это совесть такая, я уж не понимаю.

Г л а ф и р а. «Женины да детские», слышишь. Как же вот мне не плакать-то!

Б о р о в ц о в а. Молчи, молчи! Ты вот запомни, что отец-то говорит, да и тверди ему почаще, а то он засуется в делах, из головы-то у него и выходит, он и не помнит.

К и с е л ь н и к о в. Маменька, я помню, да только.

Б о р о в ц о в а. Ну, где помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вот, как ты в суд-то пойдёшь, она тебе и напомнит, да, дорогой-то идя, всё тверди.

К и с е л ь н и к о в. Что мне твердить. Это смешно даже. Понятия у меня, маменька, другие.

Б о р о в ц о в а. Какие же это могут быть понятия, что женины серьги закладывать!

Б о р о в ц о в. Дурак ты, братец. Никаких у тебя понятий нет. Кабы у тебя были такие понятия, так ты бы не женился да не развёл семьи. Я не глупей тебя, я, может быть, не один раз видал таких-то людей, что не берут взятку, и разговаривать как-то раз привёл Бог, так уж они и живут, как монахи. Далеко тебе до них! Что ты нас обманываешь! Те люди почитай что святые. А то вот ещё масоны есть. Ты уж живи

хоть так, как все мы, грешные. Ты разве бы не брал, да не умеешь — вот что надо сказать.

К и с е л ь н и к о в. Я уж теперь и сам понимаю, что я ничем не лучше других, а ведь мне хотелось-то быть лучше.

Б о р о в ц о в. Ну мало ль что хотелось.

К и с е л ь н и к о в. Как вспомню я свои старые-то понятия, меня вдруг словно кто варом обдаст. Нет, стыдно мне взятки брать.

Б о р о в ц о в. Конечно, стыдно брать по мелочи да с кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь; а ты бери с гордым видом да помногу, так ничего не стыдно будет.

Б о р о в ц о в а. И что это за стыд такой. Нешто у вас другие-то в суде не берут?

К и с е л ь н и к о в. Все берут, маменька.

Б о р о в ц о в а. Так кого ж тебе стыдно? Нас, что ли, или соседей? Так у нас по всему околотку, хоть на версту возьми, никто об этом и понимать-то не может. Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет. Это ты только один, по своей глупости, сумлеваешься.

Б о р о в ц о в. Что ты толкуешь: «Стыдно!» Ведь я тебе не говорю: «Возьми дубину да на большую дорогу иди». А ты подумай-ко хорошенько да брось свой стыд-то.

К и с е л ь н и к о в. И то, папенька, надо бросить.

Аксинья входит.

А к с и н ь я. Гости идут, офицер да барин.

Г л а ф и р а. Это Луп Лупыч с Ионом Ионьчем. Скажи маменьке, чтоб чай наливала, да не очень там с ней копайтесь, а то вас не дождёшься.

Аксинья уходит. Входят Переярков и Турунтаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярков и Турунтаев.

Переярков и Турунтаев (*Глафире*). С ангелом.

Турунтаев расшаркивается и целует руку.

(*Кисельникову.*) С именинницей.

К и с е л ь н и к о в и Г л а ф и р а. Покорно благодарим.

Б о р о в ц о в. Садитесь, приятели, садитесь! Вот теперь вся наша компания в сборе.

Переярко в. А мы вот с полковником шли да спорили.

Турунтаев. Да, ну вот расскажи, вот все теперь и рассудим.

Переярко в. Как правильное судить дело: по закону или по человечеству?

Боровцов. Да какое дело-то?

Переярко в. Ну, да какое бы там ни было. Я говорю, что по закону, а он говорит, что по человечеству.

Боровцов. Да к чему же это клонит, ты хоть намекни.

Кисельников. Ежели вы насчёт уголовных дел...

Переярко в. Ну вот, очень нужно! Кто виноват, тот виноват, как его ни суди.

Турунтаев. И пори его, анафему; а не виноват, ну и отпустить можно.

Переярко в. (Боровцову). Ну, как же по-твоему?

Боровцов. Да ты пример скажи.

Переярко в. Вот тебе пример: положим, у тебя на опеке племянники; ты — человек хороший, состоятельный, торговые дела знаешь, а они вышли ребята так себе, ни то ни сё, к торговле склонности не имеют, а готовое прожить охота большая; ну, ты и попользовался от них сколько мог, видимо попользовался; и отчёты представлял безобразные и всё такое; то есть не то что ограбил, а себя не забыл. Виноват ты или нет? Вот тебе и задача. По закону ты виноват!

Турунтаев. А по человечеству — нет.

Боровцов. Рассудить вас или нет?

Переярко в. Рассуди.

Боровцов. Ты говоришь, что я — хороший человек, обстоятельный, так за что ж меня судья под закон подведёт? Ну и значит, я буду прав. Настоящий-то судья должен знать, кого подвести под закон, кого нет. Если всех нас под закон подводить, так никто прав не будет, потому мы на каждом шагу закон переступаем. И тебя, и меня, и его, всех надо в Сибирь сослать. Выходит, что под закон-то всякого подводить нельзя, а надо знать кого. Так и этот опекун. Как ты его осудишь? Каким манером? За что?

Переярко в. Осудить не за что; и я бы не осудил, я только говорю про закон.

Боровцов. Да что ты наладил: «Закон, закон!»

Переярко в. Так для чего же они писаны?

Б о р о в ц о в. Известно для чего — для страха, чтоб не очень забывались. А то нешто мы так живём, как в законе написано? Нешто написано, что на улице трубку курить, а ты за воротами сидишь с трубкой. Нешто писано, что по десяти процентов в месяц брать, а он берёт же.

Т у р у н т а е в. Нешто писано, что гнилым товаром торговать, а ты торгуешь же.

Б о р о в ц о в. Да, и торгуем.

Б о р о в ц о в а. Нешто писано, что по пятницам скоромное есть, а ведь люди едят же. Уж коли судить, так всех судить: нас судить за товар, и их судить за молоко.

П е р е я р к о в (*Боровцову*). Эка у тебя голова-то на плечах золотая, как раз дело рассудил.

Б о р о в ц о в. А не так, что ль?

П е р е я р к о в. Так, верно.

Б о р о в ц о в. Зятёк, Кирюша! Так ведь?

К и с е л ь н и к о в. Должно быть, папенька, так-с. По практическому-то смыслу оно так выходит.

П е р е я р к о в. Да вот мы ещё с полковником спорили, что лучше: ум или практика. Ну, да это после, а теперь бы в карточки.

Т у р у н т а е в. Сразиться не мешает.

Б о р о в ц о в. Есть, что ли, карты-то какие-нибудь старенькие? А коли нет, так к нам послать.

К и с е л ь н и к о в (*приготовляя стол*). Есть, папенька, садитесь.

Садятся Боровцов, Переярко и Турунтаев. Входит Анна Устиновна с чаем на подносе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Кисельников, Глафира, Боровцов, Боровцова, Переярко, Турунтаев и Анна Устиновна.

Г л а ф и р а. Что вы там провалились с чаем-то! Ждёшь вас, не дождёшься.

А н н а У с т и н о в н а. Не торопись, матушка, поспеешь.

Г л а ф и р а. Топчетесь только в доме, а толку нет.

Б о р о в ц о в а. Ну, ты потише, потише! А ты при людях-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьюшка!

А н н а У с т и н о в н а. Здравствуйте, матушка. (*Подает чай.*) Кирюша, бери чай-то. Гости дорогие, пожалуйте.

Боровцов. А, старушка божья! На свет выползла? Погоди, мы тебе жениха найдём.

Переярков. Да вот Ион Ионыч холост гуляет.

Анна Устиновна. И на том спасибо, Пуд Кузьмич.

Глафира. Что ж вы, маменька, тут стали, как будто вам дела нет.

Анна Устиновна. Пойду, матушка, пойду. Ах, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человек спрашивает. Знаю, что товарищ твой, и видала его, а как звать, забыла. *(Уходит.)*

Глафира. Поди! Кого там ещё к тебе принесло? Если из ваших служащих, так ты знай, что ему с моим тятенькой не компания.

Кисельников уходит.

Очень у меня муж непризнательный.

Боровцов. Что ж так?

Глафира. Видимое дело, что он глупее меня, а признаться никак не хочет.

Входят Кисельников и Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

*Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярков, Турунтаев,
Кисельников и Погуляев.*

Кисельников. Гостя веду, гостя!

Глафира. Что это ты уж очень обрадовался?

Кисельников. Шесть лет не видались. Поздравь жену-то, братец, сегодня она у меня именинница.

Погуляев *(Глафире)*. Честь имею вас поздравить. *(Кланяется всем.)*

Глафира. Благодарю покорно. Только нынче мы чужих не ждали, промежду своих хотим время провести.

Кисельников. Садись, братец, садись, потолкуем.

Погуляев. Ну, как же ты живёшь? Семья велика?

Кисельников. Порядочная, трое детей теперь живых, да двоих, слава богу, схоронил.

Погуляев. Как «слава богу»? Разве тебе их не жаль?

Кисельников. Уж очень, брат, тягостно.

Погуляев. Да ты служишь?

Кисельников. Какая моя служба! Неспособен оказался, совсем неспособен. И туда совался, и сюда, и в надворном служил,

и в сиротском, теперь в магистрате. До столоначальников не добьюсь никак, глядишь, семинарист какой-нибудь и перебьёт; дельней нас оказываются, много дельнее.

Погуляев. А жалованья много ли?

Кисельников. У нас ведь не из жалованья служат. Самое большое жалованье пятнадцать рублей в месяц. У нас штату нет, по трудам и заслугам получаем; в прошлом году получал я четыре рубля в месяц, а нынче три с полтиной положили. С дому сто рублей получаю. Кабы не делёжка, нечем бы жить.

Погуляев. Какая делёжка?

Кисельников. По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет.

Погуляев. Вот как! *(Задумывается.)*

Переярков *(за столом)*. Проходимец какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаев. Мошенник!

Погуляев *(кивая головой на играющих)*. Что ж, это всё те же гуси-то?

Кисельников. Да, мы всё своим кружком, — так смиреннько, ладненько, — слава богу.

Погуляев. Ну, а деньги твои?

Кисельников. Ты потише. Тысячи две прожил сначала-то, а остальные у тестя.

Погуляев. Отчего же тише? Разве не отдаёт или процентов не платит?

Кисельников. Да не то чтобы он совсем, а всё как-то, знаешь, туго, с большим трудом. Вот и дом наш он тоже в залоги представил. Он мне за это пятьдесят рублей заплатил. Нельзя отказать — родня.

Погуляев. Ох, уж эта родня!

Боровцов *(за столом)*. Надо быть, от семьи отбивает.

Турунтаев. Гляди, он его в трактир уведёт да напоит.

Переярков. А вот дайте мне срок, я с ним поговорю. Я с ним по-своему поговорю.

Кисельников. Ну, а ты как?

Погуляев. Я тоже, брат, плохо: и без денег, и без места.

Турунтаев *(за столом)*. Говорю, что мошенник.

Погуляев. Теперь уроков ищу. За границей был три года.

Переярков. Вон куда пошло!

Погуляев. Ездил с одним богатым семейством в учителях. Мальчик-то в университет поступил, я и остался без места.

Кисельников. Что ж, хорошо за границей-то?

Погуляев. Ещё бы! И жить хорошо, а учиться, так раздолье; просто кабы деньги, опять бы поехал.

Переярков. Сейчас я его. *(Погуляеву.)* Да-с! За границей! Что же там, реки сытовые, берега кисельные?

Погуляев. Нет, этого нету. И птицы Сирен не видал.

Переярков. Вы говорите, что там хорошо; значит, нам надобно ехать туда. Поедемте, господа.

Борцов. Поедем; и я с женой поеду.

Глафира *(Погуляеву.)* Это должно к стыду к вашему приписать, что вы семейных людей, обязанных, смущаете.

Переярков. Да-с, а мы вот не поедем.

Погуляев. И прекрасно сделаете.

Переярков. И почему не поедем, вам этого не понять-с. Вот почему-с: во-первых, Замоскворечье — моя родина, а во-вторых, у нас промежду собой нежность есть; все мы всегда вместе, вот и теперь — сидим, играем, чаёк пьём, а, может быть, и ромцу подадут, дружески, приятельски, — вот где рай-то! А не за границей. Тихо, смирно, благодушно, душа в душу.

Турунтаев. А ты что к нему в карты-то смотришь! Вы и так прошлый раз меня ограбили, восемь гривен кровных отняли. Ты что ему больно подслуживаешься, уж не банкротиться ль он задумывает?

Борцов. Ты очнись. Типун бы тебе на язык-то. Я с тебя за эти слова бесчестье потребую.

Турунтаев. Держи карман-то! Велико тебе бесчестье! Вам, аршинникам, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярков. Говорил бы кто, да не ты. Кашей бессмертный! Ты сирот грабишь, закладами только и живёшь; по десяти процентов в месяц берёшь. У тебя и квартиры-то нет, чулан один для склада вещей, — ни ложки, ни плошки нет, — ты по должникам пить-есть ходишь.

Турунтаев. Хожу. А ты конкурсами только и живёшь — день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечером собираешь к себе несостоятельных да садишься с ними по большой в карты играть; они тебе нарочно проигрывают, чтоб только в Сибирь нейти. Тем ты и состояние-то нажил.

Переярков. Уж ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаев. А ты от своего имени прошений не смеешь писать — всем сенатом ябедником признан, и в газетах опубликовано.

Переярков. Процентщик! Кашей! Иуда!

Турунтаев. Вор, денной вор!

Боровцов. Что ж ты лаешься-то!

Турунтаев. А ты что, аршинник!

Поголяев. Вот тебе и душа в душу.

Кисельников. Папенька, господа, что же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Турунтаев. Не хочу я с мошенниками играть.

Кисельников. Ну, сделайте милость, помиритесь.

Поголяев. Прощай, брат.

Кисельников. Нет, постой, погоди! Ах, боже мой! Ах, какое несчастье! Папенька, как же это вы?..

Боровцов. Ну, будет! Пошутили, да и будет. Садитесь играть.

Турунтаев. Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

Переярков. Ну, пересдать так пересдать.

Пересдают.

Боровцов. Кирюша, ты в самом деле нас ромком бы попотчевал.

Глафира (*подходя к Кисельникову*). Где ром-то? Где ром-то? Да и деньги-то есть ли у тебя? Ах ты, мучитель! Вылетело у тебя из башки-то, что ром для тятеньки первое удовольствие. Так-то ты об моей родне-то помнишь.

Кисельников. Где ж взять-то? Где ж взять-то? Эко горе-то! Вот какая беда-то! Брат, нет ли?

Поголяев (*даёт ему деньги*). На вот, последние, я-то как-нибудь добуду.

Кисельников. Вот спасибо, вот, брат, одолжил! Век не забуду. (*Боровцову*.) Сейчас, папенька. (*Жене*.) Поди пошли поскорей.

Глафира. Помни ты это! (*Уходит*.)

Кисельников. Вот, брат, вот, вот... совсем деньжонками расстроился. А ведь будут, знаю, что будут... Я тебе отдам. У меня непременно в этом месяце будут. У меня есть примета верная. Выхожу я вчера вечером на крыльцо, в руке хлеб, а месяц прямо против меня; я в карман, там серебро, мелочь, — вот в одной руке хлеб, в другой серебро, а месяц напротив, значит, целый месяц (*сквозь слёзы*) и с хлебом, и с деньгами.

Погуляев (*с чувством*). Что ты такое говоришь? Друг мой, в уме ли ты?

Кисельников (*со слезами*). Оно, конечно, ведь это предрассудок, так ведь, Погуляев, предрассудок? А всё-таки, когда человек кругом в недостатках, это утешает, утешает, брат, право, утешает.

Погуляев. Ах ты, бедный! Прощай.

Кисельников. Увидаться бы... мне бы тебе деньги-то...

Погуляев. Да уж не знаю, придётся ли. Ах, Кирюша! Подымайся как-нибудь. Бедность страшна не лишениями, не недостатками, а тем, что сводит человека в тот низкий круг, в котором нет ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предрассудки да суеверия. Прощай.

Кисельников. Спасибо, брат, спасибо, вот одолжил!

Погуляев уходит.

Вот друг-то, так уж друг! Что тут делать-то, кабы не он! Куда деваться? Это мне его за мою правду да кротость Бог послал. Вот этаких бы друзей-то побольше, так легче бы было на свете жить! Не будь его, так совсем бы я перед тестем осрамился.

СЦЕНА III

ЛИЦА

КИСЕЛЬНИКОВ, 34 лет.

АННА УСТИНОВНА.

БОРОВЦОВ, 52 лет.

ПЕРЕЯРКОВ.

НЕИЗВЕСТНЫЙ.

Бедная комната; крашеный стол и несколько стульев; на столе сальная свеча и кипа бумаг. Между 2-й и 3-й сценой 5 лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кисельников сидит за столом в халате и пишет. Анна Устиновна входит.

Кисельников. Что дети, маменька?

Анна Устиновна. Что мы без доктора-то знаем! Все в жару. Теперь уснули.

Кисельников. Эх, сиротки, сиротки! Вот и мать-то оттого умерла, что пропустили время за доктором послать. А как за доктором-то

посылать, когда денег-то в кармане двугривенный? Побежал тогда к отцу, говорю: «Батюшка, жена умирает, надо за доктором посылать, денег нет». — «Не надо, говорит, всё это — вздор». И мать то же говорит. Дали каких-то трав, да ещё поясок какой-то, да старуху-колдунью прислали; так и уморили у меня мою Глафиру.

Анна Устиновна. Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чем.

Кисельников. Всё ж таки она любила меня.

Анна Устиновна. Так ли любят-то! Полно, что ты! Мало ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то как была, бог с ней!

Кисельников. Эх, маменька! А я-то что! Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняют почтовую лошадь, плетётся она нога за ногу, повеса голову, ни на что не смотрит, только бы ей дотащиться кой-как до станции: вот и я таков стал.

Анна Устиновна. Зачем ты, Кирюша, такие мысли в голове держишь! Грешно, друг мой! Может быть, мы как-нибудь и поправимся.

Кисельников. Коли тесть даст денег, так оживит. Вот он теперь несостоятельным объявился. А какой он несостоятельный! Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сделку сделать. Я к нему приставал; с тобой, говорит, поплачусь. А что это такое: «поплачусь?..» Всё ли он заплатит или только часть? Да уж хоть бы половину дал или хоть и меньше, всё бы мы сколько-нибудь времени без нужды прожили; можно бы и Лизаньке на приданое что-нибудь отложить.

Анна Устиновна. Да, да! Уж так нужны деньги, так нужны!

Кисельников. Маменька, вы пишете, что нужно-то? Я вас просил записывать, а при первых деньгах мы всё это и исполним.

Анна Устиновна. Записано, Кирюша. *(Вынимает бумажку и читает.)* «Во-первых, за квартиру не заплачено за два месяца по шести рублей, да хорошо бы заплатить за полгода вперёд. Во-вторых, чаю, сахару и свеч сальных хоть на месяц запастись. В-третьих, купить в эту комнату недорогой диванчик. В-четвёртых, в лавочку пятнадцать рублей шестьдесят одна копейка, — очень лавочник пристаёт. В-пятых, фракную пару...» Уж тебе без этого обойтись никак нельзя. «И в-шестых, ситчику Лизаньке на платье...» Ей уж тринадцатый год, стыдиться начинает лохмотьев-то. Вот что нужно-то. А пуще всего за квартиру да ещё детям на лечение. Денег-то у меня, Кирюша, немного осталось.

К и с е л ь н и к о в. Из чего остаться-то. Три недели тому назад я вам дал пять целковых.

А н н а У с т и н о в н а. Немножко-то есть — два двугривенных, да пятиалтынный, да что-то медными. А всё ладонь чешется, всё ладонь чешется,— надо быть, к деньгам.

К и с е л ь н и к о в. Завтра утром к тестю зайду. Не отдаст честью, просто за ворот возьму.

А н н а У с т и н о в н а. Ну, где тебе! Ты лучше попроси хорошенько. Взять бы с него, что придётся, да и развязаться с ним. Много тебе писать-то?

К и с е л ь н и к о в. Всю ночь пропишешь. Да ведь это не своё дело, это за деньги. Слава богу, что ещё дают работу; вон сколько набрал её, рублей на шесть.

А н н а У с т и н о в н а. Никак кто-то калиткой стукнул? Не слышал ты?

К и с е л ь н и к о в. Кто-то стукнул. Кому ж бы это?

А н н а У с т и н о в н а (*заглянув в дверь*). Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

К и с е л ь н и к о в. Прежде я с ним всё лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану.

Анна Устиновна уходит. Входят Боровцов, бедно одетый, и Переярко.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кисельников, Боровцов и Переярко.

Б о р о в ц о в. Помешали, что ль, тебе?

К и с е л ь н и к о в. Нет, ничего. Всего дела не переделаешь. Мне всю ночь писать-то, так уж полчаса куда ни шло. Что хорошенького скажете?

Б о р о в ц о в (*сядась*). Дай присесть-то, потом и разговаривать начнём.

П е р е я р к о в. Надо тебе будет одну бумажку подписать.

К и с е л ь н и к о в. Что вы мне всё носите бумаги подписывать; а деньги-то когда же? Хоть что-нибудь дайте!

Б о р о в ц о в. Что теперь с меня взять! В упадок пришёл,— я теперь, брат, невинно-упавший, хоть в работники к тебе, так в ту ж пору.

К и с е л ь н и к о в. Да что ж вы, папенька, со мной делаете! Ведь мы — нищие совсем.

Б о р о в ц о в. Что ж, брат, делать-то? И я нищий — Божья воля. Ведь я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упавший.

К и с е л ь н и к о в. Кто вас несчастным-то признал, — подставные кредиторы, которым вы дутых векселей надавали. Что у вас за несчастье! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалейте хоть внучат-то, вон они больные лежат.

Б о р о в ц о в. Тише ты, тише! Нешто так говорят со старшими? А ты по заповедям живи, старых-то почитай.

К и с е л ь н и к о в. Ведь мне с детьми-то по миру приходится идти!

Б о р о в ц о в. Все под Богом ходим. Я тебе помогал в твоей бедности, пока был в силах.

К и с е л ь н и к о в. Вы меня приданым обманули, ничего денег не дали; ну, да уж я этого не ищу; а мои-то где, мои собственные? Дом-то где?

Б о р о в ц о в. Что ты кричишь-то! Ведь я не займы у тебя брал, векселя тебе не давал, а расписку; ты мне на оборот дал, разжиться захотел. А оборот — дело обоюдное: либо наживёшь, либо проживёшь. Вот мы и прожили; с кого ж теперь искать? Ищи на тех, за кем твои деньги пропали. А что дом захряс в залогах, я чем виноват? Твоя была воля отдавать. Подряд всё одно, что лотерея, — на счастье пускается.

К и с е л ь н и к о в. Папенька, отец-благодетель! У вас деньги есть, — вы припрятали, много припрятали, — не дайте нам умереть с голоду.

Б о р о в ц о в. Да что говорить! Деньги есть, как без денег жить, я не дурак.

К и с е л ь н и к о в. Вот вы сами говорите, что у вас деньги остались. Вот сейчас, папенька, сказали, ведь вы сами сказали. А у меня нет, ей-богу, ничего нет.

Б о р о в ц о в. Да хоть и остались, всё-таки я тебе не дам; надо же нам со старухой как-нибудь век доживать. На нужду, коли уж тебе невмочь, да забежишь ты ко мне — ну, когда откажу, а когда и не откажу совсем-то, а умрём — всё ваше останется. Из вещей что-нибудь дадим; вот фортепьянишки есть старенькие; нам теперь, при нашем несчастье, держать их не пристало.

П е р е я р к о в. Да что вы за разговоры завели! За делом пришли, а не разговоры разводить; мне время-то дорого, у меня другие кон-

курсы есть. *(Смотрит на часы.)* Вона, десятый час! Вот предложите зятю-то, коли в нём человеческие чувства есть, пусть подпишет эту бумагу-то.

Б о р о в ц о в. Есть в тебе чувство, Кирила? Говори.

П е р е я р к о в. Заплачь! Что ж ты не плачешь! Твоё теперь дело такое, сиротское. Ведь перед другими же кредиторами будешь плакать. Придётся и в ноги кланяться.

Б о р о в ц о в. Заплачу, право, заплачу. *(Со слезами.)* Кирюша! Отец я тебе или нет? Благодетель я тебе был?

К и с е л ь н и к о в. Да что вы, папенька?

Б о р о в ц о в *(подаёт ему бумагу)*. Читай бумагу!

К и с е л ь н и к о в *(читает)*. «Я, нижеподписавшийся, будучи убеждён вполне обстоятельствами дела, что несостоятельность бывшего купца, а ныне мещанина Пуда Кузьмина сына Боровцова произошла от разных несчастных случаев и от неплатежа и корыстной злонамеренности его должников,— зная его всегдашнюю честность, преклонные лета и затруднительное болезненное состояние и удручение от трудов и семейства...»

Б о р о в ц о в *(со слезами)*. Видишь, видишь!

К и с е л ь н и к о в. «Признаю его невинно-упавшим и иск свой по расписке в пять тысяч рублей ассигнациями и претензию о доме сим совершенно и навсегда прекращаю».

Б о р о в ц о в. Вот оно, Кирюша, какое дело-то!

К и с е л ь н и к о в. Что ж теперь... Я не знаю... Как же мне быть-то?

П е р е я р к о в. Подпиши, да и всё тут. После всякого доброго дела на душе легче бывает,— радость эдакая.

К и с е л ь н и к о в. Папенька, как же... так от всего и отказаться?

Б о р о в ц о в. Чужие мы, что ли? Не родня мы? Что ж, забуду я, что ль, такое твоё благодеяние! Чай, мы христиане...

П е р е я р к о в. Ведь тебе уж всё равно, а нам для формы нужно.

К и с е л ь н и к о в. Значит, папенька, я должен буду теперь только вашим словам поверить, что вы меня не оставите.

Б о р о в ц о в. Да как же не поверить-то, чудак! Уж я тебя потом... Уж озолочу потом.

К и с е л ь н и к о в *(берёт перо)*. Вот, папенька... Ах, руки трясутся... Смотрите ж, папенька, я душе вашей верю. *(Подписывает.)*

П е р е я р к о в *(берёт бумагу, складывает и кладёт в карман)*. Ну, вот и конец, а ты сомневался. Видишь, какой благородный зять-то

у тебя; по сколько за раз дарит. А ты говорил: не уломаем. Видишь, как скоро, да и без расходов.

Б о р о в ц о в. Да, теперь как гора с плеч. Ты, Кирюша, парень хороший, право, хороший! А я думал было, что ты заломаяешься. Ведь и другие то же пишут, что ты; да только даром-то ещё никто не подписал.

К и с е л ь н и к о в. Как, разве вы платили?

Б о р о в ц о в. Да как же не заплатить-то, чудак! Кому половину, кому двадцать пять, глядя по характеру. А ты вот молодец! Видно, что любишь тестя. Я думал, что и ты тоже заломишь, так приготовил было тысчонки две и с собой захватил. Заткнуть, мол, ему рот-то, чтоб не шибко кричал.

К и с е л ь н и к о в. Так они с вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Б о р о в ц о в. Ну нет, брат, другим годятся, кто посердитей. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счёт в деньгах-то позабыл, тысяча — много денег.

К и с е л ь н и к о в. Уж вы отложили; вы хотели дать. Что вам стоит!

Б о р о в ц о в. А ты трудись.

К и с е л ь н и к о в. Тружусь, по ночам сижу, здоровье моё в этой работе уходит. Groш я вырабатываю, грош. Дайте денег, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Б о р о в ц о в. Каких тебе денег? Мы с тобой квиты. Если ты про- сишь теперича себе на бедность, так нешто так просят! Нешто грубиянить старшим ты можешь! Ты б грубиянил давеча, как право имел, пока не подписал. Тогда я тебе кланялся, а теперь ты мне кланяйся. Дураки-то и всё так живут! Был я у тебя в руках, так не умел пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволил, силой тебя не тянули подписывать-то! Что смотришь-то?

П е р е я р к о в. Да об чём толковать-то! Дело покончили.

К и с е л ь н и к о в. Уж я ничего не понимаю... Прежде голодал, так хоть впереди надежда была какая-нибудь. Бедные дети, ведь они — твои внуки!..

Б о р о в ц о в. Внуков не забудем; будь и ты почтительнее, и тебе лучше будет. Форсом ничего не возьмёшь.

П е р е я р к о в. Ну, с Турунтаевым ты так дешёво не отделаешься.

Б о р о в ц о в. Турунтаеву ни копейки не дам; я теперь рассердился.

Перьярков. Не дай-ко ему, так он удавится, право, удавится... Его уж раз из петли вынимали.

Боровцов. Пущай давится,— чёрту баран... Пойдём. Прощай, Кирюша, спасибо тебе! Постой, так не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дети были. *(Вынимает из кармана несколько мелочи.)* На вот! Купи детям чего-нибудь сладенького. Прощай!

Перьярков. Много ты тестю помог, много. Путал его этот долг, ты ему руки развязал. Ты послушай, что он говорил! Этот долг, Кирилин, не по документу, а по совести, я заплатить должен. А ты ему простил; какой ты праздник для него сделал!

Боровцов. Как же не праздник-то, чудак! Больше пяти тысяч подарил. Прощай! *(Перьяркову.)* Ну, уж и бумагу-то ты ловко написал! Станешь читать, так слеза и прошибает.

Уходят.

Кисельников. Детки мои, детки! Что я с вами сделал! Вы — больные, вы — голодные; вас грабят, а отец помогает. Пришли грабители, отняли последний кусок хлеба, а я не дрался с ними, не резался, не грыз их зубами; а сам отдал, своими руками отдал последнюю вашу пищу. Мне бы самому людей грабить да вас кормить; меня бы и люди простили, и Бог простил; а я вместе, заодно с грабителями, вас же ограбил. Маменька, маменька!

Анна Устиновна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша?

Кисельников. Маменька, посидите со мной, не уходите от меня.

Анна Устиновна. Да что ты, что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Приносил деньги-то.

Анна Устиновна. Ну так что же, Кирюша?

Кисельников. Зачем вы меня на свет родили? Ведь я не взял денег-то.

Анна Устиновна. Что ты наделал! Варвар! Что ты с нами сделал!

Кисельников. Принесли бумагу какую-то, сунули мне, я и подпisał.

Анна Устиновна. Эки злодеи, эки злодеи! На кого напали-то! Кого обидеть-то захотели! Бога они не боятся...

Кисельников. Да, маменька, пришли, ограбили, насмеялись и ушли. Ах, маменька, как мне трудно стало, грудь схватило! А работы много, вон сколько работы! Нищие мы теперь, нищие!

Анна Устиновна. Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельников. Ох, умереть бы теперь!

Анна Устиновна. А дети-то, дети-то!

Кисельников. Да, дети! Ну, что пропало, то пропало.

Анна Устиновна. А ты посиди, отдохни; а за работу после примешься.

Кисельников. Когда отдыхать-то! Дело-то не терпит! Ну, маменька, пусть они пользуются! Не разбогатеют на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду. Уж вы посидите со мной! Не так мне скучно будет; а то одного-то хуже тоска за сердце сосёт. *(Принимается писать.)*

Анна Устиновна. Посижу, посижу, всю ночку просижу с тобой.

Кисельников *(про себя говорит и пишет)*. «А по справке оказалось: при прошении, поданном в калиновское городническое правление, малиновский мещанин Гордей Яковлев сын Кудряев представил три векселя и с протестами, писанные на имя малиновского купца Сидора Сидорова Угрюмова: первый, на сумму сто рублей, сроком...» Нет-нет, да вдруг так за сердце и ухватит,— денег-то очень жалко.

Анна Устиновна. Как же не жалко-то! При всей нашей бедности, да такую сумму...

Кисельников. Ох, уж не говорите! *(Пишет сначала молча, потом говорит вслух.)* «Малиновский купец Сидор Угрюмов, поданным в оное же городническое правление сведением, в коем объясняет...»

Анна Устиновна. Кирюша!

Кисельников. Что вам, маменька?

Анна Устиновна. Я поговорить с тобой хочу. Ты пиши, пиши.

Кисельников. Говорите, маменька. *(Пишет.)*

Анна Устиновна. Ты вот теперь обязан семейством, у тебя мать-старуха...

Кисельников. Да-с. *(Пишет.)*

Анна Устиновна. Ты уж очень совестлив, как погляжу я на тебя. Нынче так жить нельзя.

Кисельников. Что ж с этим делать-то! *(Пишет.)*

Анна Устиновна. Вот что, Кирюша; ты меня послушай! Никакая мать своему сыну дурного не посоветует. А коли посоветует, так уж этот грех на ней будет, а сыну Бог простит. Вот теперь ночь, мы с тобой одни... ты видишь нашу нужду... переломи, Кирюша, себя, бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю, — я каждый день буду ходить молиться за тебя, я старуха...

Кисельников. Что вы, маменька, говорите!

Анна Устиновна. Конечно, мать-то должна добру учить; да уж ты, Кирюша, не брани меня. Видя-то нашу горькую бедность...

Кисельников. Маменька, маменька, не мучьте меня!

Анна Устиновна. Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельников. Ах, маменька! Нет, нет. Вы любите меня, вот вам и кажется, что у меня душа чистая...

Анна Устиновна. Стыдишься ты брать-то.

Кисельников. Был у меня стыд, а теперь уж нет, давно нет.

Анна Устиновна. Так отчего ж бы тебе...

Кисельников. Вы думаете, я не взял бы?..

Анна Устиновна. Так чего ж ты боишься?

Кисельников. Взял бы я, маменька, взял бы.

Анна Устиновна. Так бери! Вот тебе моё благословение!

Кисельников. Ах, маменька! Взял бы я... да не дают... *(Опускается головой на стол.)* За что мне дать-то! Я не доучился, по службе далеко не пошёл, дел у меня больших нет, за что мне дать-то?

Анна Устиновна. Экой ты у меня бедный! Экой ты у меня горький! *(Обнимает его.)* Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирь ли?

Кисельников. Не тесть ли воротился! Отоприте!

Анна Устиновна уходит. Кисельников прислушивается. Голос за сценой: «Здесь живёт чиновник Кисельников?» Голос Анны Устиновны: «Здесь. Пожалуйте». Входит Неизвестный.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Кисельников и Неизвестный.

Неизвестный. Вы господин Кисельников?

Кисельников. Точно так-с.

Неизвестный *(садясь)*. Вы, должно быть, очень бедно живёте?

Кисельников. Сами изволите видеть.

Неизвестный. Да. Ну, это может поправиться. У меня много частных поручений; если хотите, можете заниматься у меня. Вам тысячи рублей в год будет?

Кисельников. Как вы изволили сказать?

Неизвестный. Тысячу рублей.

Кисельников. Мне тысячу рублей-с!.. Это благодеяние такое-с. Я, помилуйте... так благодарен-с... Мне и во сне-то... Позвольте узнать, с кем говорю-с.

Неизвестный. Это вам всё равно; вы узнаете после. Я поверенный по многим большим делам.

Кисельников. В суде я вас никогда не видал-с.

Неизвестный. Я сам не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходят по судам. Я только вчера приехал; а впрочем, я всё знаю, что у вас в суде делается.

Кисельников. Кто-нибудь из наших сообщает-с?

Неизвестный. Да, ваши у меня бывают, забегают частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что это у вас дел-то сколько?

Кисельников. Работа-с; надо же чем-нибудь жить.

Неизвестный. Оно так, а всё ж таки на дом-то брать дела неловко, запрещено законом.

Кисельников. Коли вы поверенный по делам-с, так вы изволите знать, что не всякий закон исполняется.

Неизвестный. Ну, конечно. Вам верят, вы человек честный, оттого вам и дают. Да тут всё и дела-то неважные. А вот у вас есть дело Черноярского.

Кисельников. Почём же вы знаете-с? Я его только сегодня взял.

Неизвестный. Я вам говорю, что мне всё известно. Вот это дело, будь я ваш секретарь или столоначальник, я бы вам не дал.

Кисельников. Отчего же? Я его ещё и не смотрел.

Неизвестный. Оттого, что искушение велико. Покажите мне его.

Кисельников. Да как же-с!

Неизвестный. Покажите, я вам говорю. Чего вы боитесь! Вот оно у вас в платке завязано.

Кисельников (*развязывая платок*). Вот-с, дело Черноярского-с.

Неизвестный. Это дело с лишком во сто тысяч, как же его вам поверили?

К и с е л ь н и к о в. Отчего же не поверить-с? Я всегда-с...

Н е и з в е с т н ы й. Оттого, что тут есть документ; если его испортить, так и всё дело пропало.

К и с е л ь н и к о в. Как же это испортить-с?

Н е и з в е с т н ы й. Ха-ха-ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь да потом ножиком подчистить. Вот какие дела доверяют! Ай-ай-ай! *(Качает головой.)*

К и с е л ь н и к о в. Как же это можно-с! Такая фальшь-с... Кто же решится?

Н е и з в е с т н ы й. Кто решится? Дадут тысячи три-четыре, так всякий решится.

К и с е л ь н и к о в. Нет, уж вы не извольте беспокоиться, у меня будет сохранно, у меня и руки-то не подымутся.

Н е и з в е с т н ы й. Не подымутся. Так я вам и поверю. Такие же у вас руки-то, как и у всех.

К и с е л ь н и к о в. Нет, меня ещё Бог миловал, я никогда...

Н е и з в е с т н ы й *(отворачаясь, отсчитывает деньги)*. Вот вам три тысячи! Марайте документ, пишите что-нибудь.

К и с е л ь н и к о в *(встаёт)*. Как! Что вы-с! Помилуйте-с!

Н е и з в е с т н ы й. Садитесь! Вот деньги. Сосчитайте прежде.

К и с е л ь н и к о в. Да зачем-с?

Н е и з в е с т н ы й. Сосчитайте, я вам говорю.

Кисельников машинально считает.

Ну, сколько?

К и с е л ь н и к о в. Три тысячи-с.

Н е и з в е с т н ы й. Ну, положите их к себе в стол.

К и с е л ь н и к о в *(смотрит на него умоляющим взглядом)*. Нет, зачем-с, зачем-с! Не нужно бы-с!

Н е и з в е с т н ы й. Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голяк ведь ты! Бери, бери, после спасибо скажешь.

К и с е л ь н и к о в. Право, не нужно бы-с! *(Убирает деньги.)* Ей-богу, не нужно бы-с! Господи! Что же это я делаю! *(Плачет.)*

Н е и з в е с т н ы й *(развернув дело)*. Об чём же ты плачешь, мой милый? Видно, в первый раз. Ну, теперь бери перо.

Кисельников берёт перо.

Пиши что-нибудь. Что-нибудь пиши, всё равно.

К и с е л ь н и к о в *(дрожжа)*. Написал-с.

Неизвестный. Что ты пишешь-то! Вот потеха! Ну, да всё равно! Вот ножичек. Почисти, чтобы видно было, что тут была подпись.

Кисельников чистит ножом.

Ну, вот так. Ну, довольно! *(Берёт дело, складывает и кладёт на стол.)* Знаешь ли, что ты наделал?

Кисельников. Ничего не знаю-с. Уж вы меня не погубите. Семейство-с!

Неизвестный. А то руки, видишь ты, у него не поднимутся! Ох вы, горечь! Я и не таких, как ты, покупал. Любо с вами дело делать. Вашему брату ничего заветного нет, всё продаст! Ведь ты, знаешь ли, ты мне за три тысячи полтора ста тысяч продал! Теперь с нас по этому документу немного взыщут. А пойдёт следствие о подлоге, так опять-таки нам выгода та, что дело затянется, в Сибирь-то пойдёшь всё-таки ты, а не мы. Ты хоть уж покути на эти деньги-то, чтоб не даром отвечать. *(Хочет уйти.)*

Кисельников. Как же это-с! Нет, вы позвольте-с! Куда же вы-с? Я ещё в себя не приду.

Неизвестный. Что ж, мне тут и сидеть с тобой! Утешать тебя! Да ты не бойся, мы за тобой будем следить, до Сибири не допустим. А ты пока деньги-то не сори, чтоб подозрения не было. Прощай! *(Уходит.)*

Кисельников. Что я наделал! Что я наделал! *(Развёртывает дело и смотрит.)* Уж теперь поправить ничем нельзя. А-ах! Дрожь какая-то! Уж не подсыл ли это? Сейчас могут наехать, накроют меня и с деньгами. А может быть, и нумера записаны? Вот когда лихорадка-то! Да хоть и не с подсыллом, так как же я дело в суд-то понесу! Столоначальник взглянет, сейчас меня и арестуют, не дадут и с детьми повидаться. А там лишение чинов, каторга, станут над головой шпагу ломать; ну вот и колодник! Ах ты, батюшки, как зубы стучат! Да и холодно что-то у нас. Вот ведь недавно, полчасика каких-нибудь, был я честный человек, чиновник; хоть бедный, а обыватель; идёшь это по улице и ничего; тот руку подаёт, другой руку подаёт: «здравствуйте», говорит; на рынок ходишь, в праздник в церкви стоишь, — что другие, то и ты; а теперь за железную решётку, в серое сукно оденут. Хоть деньги-то детям останутся; отца-то у них уж не будет. Спрятать бы деньги-то! Маменька!

Входит Анна Устиновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кисельников и Анна Устиновна.

Кисельников. Маменька, деньги вот... вот! *(Подает деньги.)*

Анна Устиновна. Какие это деньги, Кирюша?

Кисельников. Деньги... Тут много.

Анна Устиновна. Да вижу, что деньги, да откуда они у тебя?

Кисельников. Три тысячи. Спрячьте их, подальше спрячьте, чтоб не нашли.

Анна Устиновна. Да куда же я их спрячу?

Кисельников. Ах, боже мой! Ну, по щелям, за обои, в тряпки заверните. Чтоб вам деньги-то остались, чем вам жить-то с детьми после меня.

Анна Устиновна. Спрячу, спрячу, нигде не найдут. Откуда ж ты взял-то их, скажи ты мне?

Кисельников. Взял... вот тут... барин приходил... Ах, маменька, как мне страшно!

Анна Устиновна. Да ты опомнись, ишь ты весь дрожишь. Что такое с тобой случилось?

Кисельников *(взявшись за голову)*. Да-да-да! Ах я дурак! Ведь ещё, может быть, я и не попадусь. Побегу я в суд, положу дело-то в шкаф, дежурный спит теперь! Где фрак-то, маменька? *(Снимает халат.)*

Анна Устиновна. Здесь, здесь, вот он. *(Надевает на него фрак.)*

Кисельников. А проснётся дежурный, так я скажу, что забыл что-нибудь, а дело-то тихонько и суну в шкаф. А после скажу, что не брал. Сделал одну подлость, сделаю и другую. *(Хочет идти.)*

Анна Устиновна. Постой! Куда ты без галстука-то! Дай я завяжу тебе.

Кисельников *(в то время, как Анна Устиновна завязывает галстук)*. Там двое видели, как я брал; а я запрусь, скажу, что не брал, не брал. Я, маменька, скажу, что не брал. *(Со слезами.)* Запираться надо, маменька, только одно осталось; одно мне и осталось.

Анна Устиновна. Да что ты? Бог с тобой!

Кисельников. Маменька, ведь я на волос от каторги... Завтра же, может быть...

Анна Устиновна. Кирюша, Кирюша!

Кисельников *(в изнеможении опускаясь на колени)*. Маменька, ведь я преступник... уголовный преступник!

СЦЕНА IV

ЛИЦА

КИСЕЛЬНИКОВ, 39 лет, одет в старое пальто, панталоны в сапоги.

АННА УСТИНОВНА.

ЛИЗАНЬКА, 17 лет.

БОРОВЦОВ, 57 лет, одет так же, как Кисельников, к пальто приколоты две миткалевые манишки, через плечо повешены ситцевые и холстинковые рубашки, как у площадных торговцев.

ПОГУЛЯЕВ.

*Бедная комната с русской печью, за занавеской кровать;
посредине комнаты дощатый стол и скамья.
Между 3-й и 4-й сценой проходит 5 лет.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

*Кисельников и Боровцов (сидят за столом на скамейке),
Анна Устиновна (сидит на кровати).*

Боровцов. Сватьяшка, тебе много ли годов-то?

Анна Устиновна. Шестьдесят скоро.

Боровцов. Ну да, так. Я тебя одним годом моложе. А это чай мы свой пьём.

Анна Устиновна. Слышу, батюшка, что свой.

Боровцов. Свой, да. Мы вчера с зятем пять золотников купили. Собрался я нынче на площадь торговать-то: дай, думаю, к зятю зайду, вместе пойдём,— вот и зашёл. Поставили мы с ним самовар, да вот и пьём сидим. (*Зятю.*) Ты чем нынче торговать-то будешь?

Кисельников (*суетливо*). Да вот две жилеточки старенькие да уютю; вот тут у меня собрано. Соседи дали,— соседи у нас добрые; вот только ребяташки забирают. Да вот я гвоздиков старых в кулёчек набрал. А соседи у нас добрые! Соседка «на», говорит, «Кирюша, нам не нужно, всё равно бросим, а ты за что-нибудь продашь». (*Пьёт чай.*)

Боровцов. Сватья, манишки нынче в цене, мужские.

Анна Устиновна. Что мудрёного!

Боровцов. Все носить стали,— вот они и в цене. У меня старухи шьют, а я продаю; вот тоже рубашки, ситцевые, холстинковые. Да шьют-то больно плохо, не видят старухи-то, и бродят, точно куры слепые; а сходят с рук, ничего. Вот и ты бышила, а мы бы продавать стали.

А н н а У с т и н о в н а. Где уж мне шить, я и вяжу-то — ничего не вижу; одна у нас работница, одна кормилица! Не будь её, что бы мы были! Хоть по миру ступай!

Б о р о в ц о в. Да, Лиза у вас рукодельница! Вот бы кому замуж её взять! Для хозяйства-то уж больно ловка. Эта девка знает нужду-то, в чём она ходит; ни от какого дела у ней руки не отваливаются.

А н н а У с т и н о в н а. Что она нейдёт-то! Вышиванье понесла, да вот и замешкалась. Уж я и боюсь, одна ведь по Москве-то ходит.

Б о р о в ц о в. Что ж такое! Не в лесу живём.

А н н а У с т и н о в н а. Москва-то хуже лесу.

Б о р о в ц о в. Вот, сватья, чем под старость торговать-то пришлось. А богат я был, по прежнему-то времени и очень богат, да мало показалось, за большим погнался. Не захотелось платить тем, кому должен был; так за это вдвое заплатил, кому и вовсе должен не был. Всё просудил до ниточки. Переярков меня уж очень доехал. «Ты, говорит, так делай да вот так делай», да тридцать тысяч с меня за науку взял. А как стали дело-то разбирать, он-то в сторону, а меня и потянули. За что ни возьмутся, всё фальшь, и книги-то фальшивые, — а всё его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить, — и ямы-то ему мало, и в острог-то его! Возьмите, говорю, всё, только душеньку отпустите. Так и вышел я из этого дела чист, как из баньки. Вот тебе и барыши! Вас-то я только тогда обидел ни за что ни про что; себе пользы не сделал, а вас ограбил.

А н н а У с т и н о в н а. Ах, да молчи ты! Что ты при нём-то! Ну, очнётся да вспомнит. Наладил одно и то же; не один раз я это от тебя слышала.

Б о р о в ц о в. Да уж очень обидно! А ему где вспомнить! Он, сватья, ничего не помнит. Мы теперь с ним приятели. Кирюша, пойдём торговать.

К и с е л ь н и к о в (*торомясь*). Пойдём, пойдём.

Б о р о в ц о в (*убирая посуду*). Ты так жилетки-то не держи; долго ль до греха, потеряешь либо кто вытащит; а ты их надень на себя сверху, одну на другую. А я куда самовар уберу. (*Ставит самовар у печки.*)

К и с е л ь н и к о в. Сейчас, сейчас. (*Надевает жилетки.*)

Б о р о в ц о в. Ну вот, теперь пойдём.

К и с е л ь н и к о в. Пойдём, пойдём. Я всё захватил, всё. Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив!

Борозцов. Прощай, сватья! Вот хорошо. Это я его научил. Как, говорю, Кирюша, за чем пойдёшь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу — дело верней будет.

Уходят.

Анна Устиновна. Что это, право, Лиза нейдёт! Сердце у меня не на месте. Девушка беззащитная, кроткая, вся в отца — долго ль её обидеть? Народ бессовестный, видят, что девушка плохо одета, ну и пристают. А не знают того, что эта девушка, как только на ноги поднялась, так семью кормить стала, с утра до ночи работает, отдыху не знает, — что мы на неё чуть не молимся. Захворай она, так мы наголодаемся.

Вбегает Лиза, за ней входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Погуляев.

Лиза. Ах, бабушка, бабушка! Никак дух не переведу.

Анна Устиновна. Что с тобой, душенька? Ты испугалась чего-нибудь?

Лиза. Ах, испугалась! Вы погодите, я вам после скажу. Вон барин пришёл.

Анна Устиновна. Какой там барин? Зачем к нам барин? Делать-то, видно, ему нечего.

Лиза. Нет, он, кажется, добрый. Что я за несчастная такая! *(Садится к столику и со слезами принимает за работу.)*

Анна Устиновна. Все они добрые, только упаси нас, Господи, от их доброты! *(Погуляеву.)* Что вам, батюшко, нужно?

Погуляев. Это ваша дочка?

Анна Устиновна. Дочка ли, чужая ли, никому до того дела нет.

Погуляев. Да и мне всё равно, только если вы её любите, так одну не пускайте по улицам ходить. Кто захочет впутываться в историю, заступаться на улице за постороннюю девушку; а обидеть охотники всегда найдутся. Вот нынче, сейчас, какие-то господа подхватили её на бульваре под руки, она так испугалась, что и слова не вымолвит, а они идут, песенки распевают да на всех посматривают. Хорошо, что я подъехал.

Анна Устиновна. Ах, батюшко, покорнейше вас благодарю! Что ж ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, с кем говорю-то.

Погуляев. Они, конечно, большой обиды ей бы не сделали, сейчас видно, что это шалуны; но ведь она могла испугаться очень и даже захворать с испугу.

Анна Устиновна. Долго ли её напугать; что говорить — кротости она у нас непостижимой.

Погуляев. Так вот я вам советую: вы её вперёд одну не пускайте!

Анна Устиновна. Да с кем же нам отпускать её? Отец больной, я стара; она одна работает, одна нас кормит, одна и работу свою в магазин носит. Нужда, батюшко.

Погуляев. Вижу, что нужда! Эко дело-то! Вам бы женщину нанять.

Анна Устиновна. На какие, батюшко, деньги? Есть у неё заветные, на приданое отложены, — так тех трогать не хотим. Только тронь и не увидишь, как истратишь, а ей-то ничего и не останется. Дорого достались нам эти деньги: из-за них отец её рассудок потерял.

Погуляев. Мне кажется, что я вас где-то видал; мне ваше лицо очень знакомо.

Анна Устиновна. Было время, жили хорошо, — так и нас люди знали, а теперь все бросили.

Погуляев. Конечно, в вашем положении вспоминать о старом неприятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилию.

Анна Устиновна. Что ж тут неприятного! Божья воля! Я — Кисельникова, батюшко.

Погуляев. Кисельникова? И вы не матушка ли Кирила Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна. Так точно.

Погуляев. Ах, боже мой, боже мой! Жив он?

Анна Устиновна. Жив-то жив, да уж лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто же такой будете?

Погуляев. Помните, ещё я у вас часто бывал студентом, потом один раз был у него, у женатого. Теперь адвокат, стряпничеством занимаюсь.

Анна Устиновна. Помню, как не помнить; а не скажите, ни за что бы не узнала. Вот полюбуйтесь на наше житьё.

Погуляев. Что ж такое с вашим сыном сделалось?

Анна Устиновна. Семья, батюшко, да родные Кириюшу сгубили. Служба ему не далась; как-то он к ней не присноровился; пока

были свои деньги, так мы ещё бедности не видали. А потом тесть все деньги у Кирюши отобрал; тут жена умерла; тесть обанкрутился; пропали все денежки; беда за бедой; захворали дети, — а жить чем-нибудь нужно! Тут, как на грех, и подвернулся чей-то поверенный, сунул Кирюше тысячи три денег; тот от бедности да от горького жителя и прельстился на деньги-то, да фальшь какую-то в суде и сделал. И напал на него страх, суда очень боялся, так и помешался в рассудке со страху. Сколько я денег пролечила, ничего не помогает.

П о г у л я е в. Какого же роду у него помешательство?

А н н а У с т и н о в н а. Ничего не помнит, что было с ним, никого почти не узнаёт. Прежде у него это временем проходило, — иногда, бывало, и опомнится, говорит складно, вспоминает свою жизнь, жену-покойницу, плачет; а теперь всё реже да реже. Всё бегаёт да суется, точно зверёк какой, прости господи! Гвоздиков, пробок наберёт, да надаёт ему всякой дряни, бежит продавать, — принесёт мне денег копеек пять-шесть, забормочет: «Детям, детям принёс. Берегите детям». Как он всю жизнь для детей хлопотал, бедный, о том только и помнит. А уж я и детей-то всех прихоронила, одна вот только и осталась.

П о г у л я е в. Так это его дочь! (*Лизе.*) Позвольте мне на вас поглядеть хорошенько. Я вашего папеньку знал молодым, красивым.

Л и з а. Разве он был когда-нибудь молод?

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, глупенькая! Все были молоды.

Л и з а. Я не то хотела сказать... (*Подумав.*) Нет, то! Я никак и вздумать его не могу, чтоб он был молод.

П о г у л я е в. Он был щёголь, весёлый!

Л и з а. Бабушка говорит, что и деньги у него были, а теперь вот нет. У вас есть деньги?

П о г у л я е в. Есть.

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, матушка, как глупо говоришь.

Л и з а. Об чём же мне говорить с ними? Я больше ничего не знаю.

П о г у л я е в. Нет, ничего. Она хорошо говорит.

Л и з а (*серьёзно*). Где ж вы деньги взяли? Вы нашли или вам кто-нибудь дал?

П о г у л я е в. Я за работу получал, вот и накопил.

Л и з а. За работу очень мало дают, накопить нельзя. Я вот очень много работаю, а денег дают мало.

П о г у л я е в. Наша работа больше вашей ценится.

Анна Устиновна. Боюсь я, надоест она вам своими глупостями.

Лиза. Нет, бабушка, позвольте! У меня давно в голове поговорить с кем-нибудь. Они уйдут, с чужими я говорить не стану, так у меня на сердце и останется. Я и то всё одна сижу да сама с собой думаю.

Погуляев. Говорите, ради бога, говорите! Я всегда готов вас слушать.

Лиза (*решительно*). Вот что: укажите мне работу такую, за которую бы больше платили. А то, посмотрите, вот какая комната, вон бабушка, как она одета! У нас ничего нет; я работаю-работаю и никак из нужды не выбьюсь. (*Плачет.*)

Погуляев. Перестаньте! Давайте потолкуем.

Лиза. Я девушка молодая, а взгляните, что на мне! Мне стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мне хоть бедное платье, да чтоб оно было чисто, ново, по мне сшито. Я хороша собой, молода — это уж ведь моё; мне хочется, чтобы и люди видели, что я хорошенькая; а у меня сердце замирает, как я начну надевать эти лохмотья: я только себя уродую. (*Плачет.*)

Погуляев. Да перестаньте же, перестаньте! Ах, боже мой! Потолкуем так, без слёз.

Лиза. Легко вам говорить: «без слёз»! Да и что толковать! Нам, бедным людям, толковать некогда. Вы мне работу дайте! Пусть она будет вдвое, втрое труднее, только бы мне денег больше вырабатывать, чтоб комнату нанять посветлее да одеться почище.

Погуляев. Я вам найду работу, погодите.

Лиза. Найдите, только поскорей. Мне уж надоела нужда, я выбилась из сил. Если найдёте, я вам буду очень благодарна. (*Шьёт молча.*)

Погуляев. Поищу, поищу.

Анна Устиновна. А вы сами-то себя устроили?

Погуляев. Не совсем.

Анна Устиновна. Чего же вам недостает?

Погуляев. Счастья. (*Подходит к Анне Устиновне.*) В память старого знакомства не откажитесь принять от меня эту малость. (*Даёт ей ассигнацию.*)

Анна Устиновна (*берёт*). Если счастья у вас нет, так деньги есть, значит ещё жить можно. Покорно благодарим, что нас, сирот, вспомнили. Навещайте.

Лиза. Куда же вы? Я ещё хотела с вами поговорить.

Погуляев. Мне нужно домой. Вы извините. Я зайду к вам!
У меня есть дело.

Лиза. Вы не привыкли видеть бедность! Вам тяжело с нами.
Ну, ступайте!

Погуляев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Устиновна и Лиза.

Анна Устиновна. Что это, Лиза, как ты груба?

Лиза. А со мною кто ласков, кроме вас?

Анна Устиновна. А чем же он-то не ласков? Вот посмотри,
он нам денег дал.

Лиза. На его деньги нам весь век не прожить, лучше бы он мне
работу дал.

Анна Устиновна. У тебя и то работа из рук не выходит, а тебе
всё мало, хоть бы ты себе отдых дала.

Лиза. Отдых? Нет, отдыхать некогда, да и нельзя.

Анна Устиновна. Отчего же нельзя?

Лиза. А вот отчего: если работать сплошь, день за день, так работа
легче кажется; а если дать себе отдых, так потом трудно приниматься.
После отдыха работа противна становится.

Анна Устиновна. Что ты, что ты! Господь с тобой!

Лиза. Да, противна. Она и всегда не сладка, да уж как свыкнешься
с ней, так всё-таки легче. Вы думаете, что мне самой погулять
не хочется? Вы думаете, что мне не завидно, когда другие гуляют?

Анна Устиновна. Как, чай, не завидно.

Лиза. Нет, нет. Я вас знаю. Вы думаете, что я с радостью работаю,
что мне это весело; вы думаете, что я святая. Ах, бабушка!

Анна Устиновна. Святая, святая и есть.

Лиза. Сказать ли вам, что у меня на душе?

Анна Устиновна. Да что ж у тебя, кроме ангельских помыс-
лов?

Лиза. Нет, лучше не говорить. Сказать, так вы испугаетесь.

Анна Устиновна. Ангел-хранитель над тобой!

Лиза. Ах, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна. Чего же ты, душенька, боишься?

Лиза. Я боюсь, что надоест мне работа, опостылеет, тогда я её
брошу.

Анна Устиновна. Поди ко мне, поди, дитя моё! Господи, сохрани её и помилуй!

Лиза (*вставая*). Бабушка, давайте молиться вместе! Трудно мне, трудно! (*Подходит к Анне Устиновне.*)

Входит торопливо Кисельников.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Анна Устиновна, Лиза и Кисельников.

Кисельников. Конура, конура...

Анна Устиновна. Что, что ты?

Кисельников. Конура, говорит, собачья конура...

Анна Устиновна. Да кто говорит-то?

Кисельников. Вот я пришёл, вот я пришёл... Вот деньги! Я взял, принёс. Деньги спрятать, спрятать. (*Отдаёт Анне Устиновне десятирублёвую ассигнацию.*)

Анна Устиновна. Где ты взял, Кирюша, столько денег? Товару-то у вас всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельников. Нет, товар здесь — не продали, ничего не продали. Нынче день тяжёлый, тяжёлый день. Торговцы говорят, — нейдёт, говорят, товар с рук, день тяжёлый.

Анна Устиновна. Где ж ты взял?

Кисельников. Там... барин, такой...

Анна Устиновна. Приятель твой, Погуляев?

Кисельников. Нет.

Анна Устиновна. Неужли ж ты не помнишь приятеля своего, Погуляева? Учились вместе. Ведь он твой приятель.

Кисельников. Приятель, Погуляев? Нет. У меня один есть приятель, два есть приятеля.

Анна Устиновна. Так это не он тебе дал деньги?

Кисельников. Нет, он, он...

Анна Устиновна. Погуляев?

Кисельников. Да. Вот деньги... Только он не Погуляев, он Грознов.

Анна Устиновна. Барин, сосед наш? Это богат-то?

Кисельников. Да, богатый, богатый! У!! Дом... всё лакеи, лакеи...

Анна Устиновна. За что же он тебе дал?

К и с е л ь н и к о в. Он дома, а я на улице; он говорит: «Поди сюда!» Я пошёл, пошёл, на крыльцо иду, говорю: «Талан-доля, иди за мной, я буду счастлив, и ты будешь счастлив». Он и дал.

А н н а У с т и н о в н а. Да за что, всё я не пойму. Так, на бедность, что ли?

К и с е л ь н и к о в. Да, на бедность. «Ты, говорит, в конуре живёшь... И дочь, говорит, держишь в собачьей конуре... Вот, говорит, ей флигель, хороший, хороший. И тебе, говорит, и всем вам. Хочешь, говорит?» Я хочу, я пойду; вот я всё возьму, я пойду. *(Сбирает вещи.)* Я пошёл. Талан-доля...

А н н а У с т и н о в н а. Постой, Кирюша, не ходи.

Кисельников останавливается.

Л и з а. Погодите, бабушка. *(Кисельникову.)* Как он сказал? Дочь твоя в конуре живёт?

К и с е л ь н и к о в. Да, в конуре... Ей, говорит, вот как надо жить, — вот какой дом... она красавица.

А н н а У с т и н о в н а. Что ж бы это такое значило?

Л и з а. Подумайте, бабушка.

А н н а У с т и н о в н а. Ума не приложу.

Л и з а. Ну, так я вам растолкую. Это дело касается меня, одной меня.

А н н а У с т и н о в н а. Тебя? Как же это?

Л и з а. Я ему давно нравлюсь.

А н н а У с т и н о в н а. Да ведь он женатый, у него жена в Петербурге.

Л и з а. Ну, так что ж, что женатый! Эх, бабушка! Уж не пришло ли вам в голову-то, что он жениться на мне хочет! У него, говорят, сто тысяч дохода. При таких деньгах всё купить можно.

А н н а У с т и н о в н а. Ах, батюшки! Вот беда-то! Как же нам быть-то?

Л и з а. Думайте, бабушка.

А н н а У с т и н о в н а. Ох, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка — обманщицы, лукавые поноровщицы; на добро детей не учат, всяким их шалостям потакают. Вот я раз Кирюшу пожалела, не на добро его научила; словно как от тех моих слов и сталося. А грех-то на моей душе. Первые-то матери грешницы, первые за детей ответчицы.

Л и з а. Кто ж меня, бабушка, на ум наведёт? У кого же мне себе ученья искать, как мне на белом свете жить; что на свете хорошо, а что дурно? Молода ведь я, какие у меня силы, какой у меня разум!

А н н а У с т и н о в н а. Ох, не знаю я! Ты у нас хозяйка, ты у нас большая. Думай сама об себе, как тебе лучше. Что я тебе посоветую! И там беда, и здесь беда.

К и с е л ь н и к о в. Я всё собрал, я пошёл. *(Надевает картуз.)*

А н н а У с т и н о в н а. Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотят; тёплую бы мне комнату да уход бы за мной! Да на тебя-то бы поглядела, на нарядную да на богатую. Ох, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай.

Л и з а. Кто же мне теперь поможет! Стою я над пропастью, удержаться мне не за что. Ох, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что-нибудь!

Входит Погуляев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников и Погуляев.

Л и з а. Ах, как вы вовремя! Мне нужно совета спросить, а не у кого. Помогите мне!

П о г у л я е в. Я за тем и пришёл.

А н н а У с т и н о в н а. Что ты, Лиза! Да разве говорят об этом посторонним людям?

Л и з а. Значит, это очень дурно, коли не говорят.

А н н а У с т и н о в н а. Что хорошего! Только крайность заставляет.

П о г у л я е в. Да что такое?

А н н а У с т и н о в н а. Уж не знаю, как и сказать вам. Барин богатый, сосед наш, даёт нам даром квартиру и всё; так вот мы и думаем, переезжать ли нам.

К и с е л ь н и к о в *(Погуляеву тихо)*. Он мне денег дал. Ещё даст... много.

П о г у л я е в *(кивая головой)*. Ах ты, несчастный!

Л и з а. Говорите со мной, он вас не узнаёт.

П о г у л я е в *(Лизе)*. Так вы моего совета спрашиваете?

Л и з а. Что лучше — стыд или нужда? Стыд, говорят, скоро проходит, а нужда вечно точит, покоя не даёт.

П о г у л я е в. И то, и другое нехорошо.

Л и з а. Это я знала и без вас. Хорошего у нас нет, мне его и не дожидаться, а вот из дурного-то что мне выбрать?

П о г у л я е в. Я вам вот что посоветую: не думайте ни о том, ни о другом, а подите замуж за меня.

Л и з а. Замуж? Вы не шутите?

П о г у л я е в. Что за шутки!

Л и з а. Мы так бедны, так несчастны, что с нами шутить грех.

П о г у л я е в. Нет, я решился твёрдо. Давайте руку. *(Берёт её руку.)* Вот так! Я как ушёл от вас, всё ходил по улице да думал, вот и решился.

А н н а У с т и н о в н а. Вот радость-то! Привёл-таки меня Бог счастья дожидаться, не дал в горе умереть.

П о г у л я е в. Оно, знаете ли, было бы гораздо лучше, если б вы меня любили. Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идёте.

Л и з а. Всё равно, ведь я никого не люблю. Вы меня умнее, вы сделайте так, чтоб я вас любила.

П о г у л я е в. Как же это сделать?

Л и з а. А вот как: любите бабушку да не попрекайте нас бедностью.

П о г у л я е в. Ну, так это просто.

Л и з а. Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше нас знаете.

А н н а У с т и н о в н а. Скажите, батюшко, как это вас Бог надумил?

П о г у л я е в. Очень просто. Я всю жизнь жил один, это мне надоело; человек я одинокий, денег нажил — ну и стал подумывать, как бы семьёй завестись; а тут вдруг вышел случай; думаю, чего ж мне лучше!

К и с е л ь н и к о в *(со слезами)*. Что ж вы меня не пускаете! Он теперь ждёт, он говорил: «Ждать буду».

А н н а У с т и н о в н а. Куда теперь идти! У нас Лиза замуж выходит.

К и с е л ь н и к о в. За кого? За кого?

А н н а У с т и н о в н а. Погляди за кого. Ведь это твой приятель.

К и с е л ь н и к о в *(кланяется Погуляеву)*. Здравствуйте!

П о г у л я е в. Кирила Филиппыч, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

К и с е л ь н и к о в. Я к барину пойду.

Погуляев. Ах, чудак, да неужли ты забыл! Помнишь, учились вместе? Помнишь, в Нескучном саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинах был? Ну, а не помнишь — всё равно, давай снова познакомимся. Давай руку! Ну, вот мы и приятели.

Кисельников (*припоминая*). Ты мне денег дал?

Погуляев. Вспомнил теперь?

Анна Устиновна. Хоть бы он немножко-то очнулся, хоть бы порадовался, бедный.

Погуляев. А ты на мои деньги тестю рому купил. Чудак ты такой!

Кисельников. Мне Погуляев деньги дал.

Погуляев. Я Погуляев-то и есть.

Кисельников. А жена у меня умерла... умерла!

Погуляев. Слышал, слышал. А на дочке вот я женюсь.

Кисельников (*Анне Устиновне*). Маменька! Лиза! Он женится?.. Правда?

Анна Устиновна. Слава богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда.

Погуляев. Вот вы ко мне и переезжайте; будем жить все вместе.

Кисельников (*подумавши*). А я упал, обнищал, видишь. Под судом, брат, под судом за подлог, за подлость! А ты вспомнил нас, приютить нас хочешь; спасибо тебе...

Лиза. Папенька, благословите меня.

Кисельников. Господи, господи! Не было мне счастья, весь век не было; авось на твою долю, Лиза, счастье выпадет. (*Целует Лизу.*)

Лиза (*Погуляеву*). А вы меня выучите такой работе, за которую много денег дают?

Погуляев. Да зачем вам теперь?

Лиза. А затем, чтоб помогать бедным девушкам. Много их в таком положении, в каком я была.

Входит Боровцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Устиновна, Лиза, Кисельников, Погуляев и Боровцов.

Боровцов. Мир честной компании! Ну, брат Кирюша, с тебя spryski. Что ты приуныл? Этакое тебе счастье, а ты нос повесил.

Кисельников. Да, счастье, счастье...

Борцов. Да как же не счастье! Квартира будет хорошая, хлеб даровой; дочку пристроил; у богатого барина нужды знать не будет. Одно слово — Грознов, — всю нашу Палестину купить может и выкупить.

Кисельников. Нет, не Грознов.

Борцов. Да что ты отнекиваешься-то! Уж я, брат, знаю, торговал ты хорошо, барыши у тебя большие. Вот за это магарыч с тебя; веди в трактир, угощай чаем!

Кисельников. Погуляев! Ты возьми к себе матушку и Лизу, а меня не бери.

Погуляев. Отчего же?

Кисельников (*тихо*). Знаешь ли ты, кого ты пригреть хочешь?.. Мы с тестем... мошенники! Мы всё продали: себя, совесть, я было дочь продал... Мы, пожалуй, ещё украдем у тебя что-нибудь. Нам с ним не жить с честными людьми, нам только торговать на площади. Нет! Ты нам только изредка когда давай по рублику на товар наш, больше мы не стоим.

Анна Устиновна. Что ты, Кирюша, что ты!

Лиза. Папенька, не оставляйте нас.

Погуляев. Что ты за вздор говоришь!

Кисельников. Нет, Погуляев, бери их, береги их; Бог тебя не оставит; а нас гони, гони! Мы вам не компания, — вы люди честные. У нас есть место, оно по нас. (*Тестю.*) Ну, бери товар, пойдём. Вы живите с Богом, как люди живут, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что смотришь! Бери товар! Пойдём, пойдём! (*Сбирает свой товар.*) Прощайте! Талан-доля, иди за мной... (*Уходит.*)

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ, молодой человек.

ГЛАФИРА КЛИМОВНА ГЛУМОВА, его мать.

НИЛ ФЕДОСЕИЧ МАМАЕВ, богатый барин, дальний родственник Глумова.

ЕГОР ВАСИЛЬИЧ КУРЧАЕВ, гусар.

ГОЛУТВИН, человек, не имеющий занятий.

МАНЕФА, женщина, занимающаяся гаданьем и предсказываньем.

ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты; на правой стороне другая комната.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов и Глафира Климовна (за сценой).

Г л у м о в (*за сценой*). Вот ещё! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. (*Выходя из боковой двери.*) Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Г л у м о в а (*выходя из боковой двери*). Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Г л у м о в. Пишите, пишите!

Г л у м о в а. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Г л у м о в. Кого вам больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он всё равно их в карты проиграет. А ещё хнычете: я тебя носила под сердцем.

Г л у м о в а. Да если бы польза была!

Г л у м о в. Уж это моё дело.

Г л у м о в а. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Г л у м о в. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умён, зол и завистлив; весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь воспользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь, карьеру составляют и дело делают в Петербурге, здесь только говорят. Но и здесь можно добиться тёплого места и богатой невесты, — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не всё делами, чаще разговором. Мы

в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть. Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать, им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него всё, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы ещё с вами потолкуем.

Г л у м о в а. Помоги тебе Бог! *(Уходит.)*

Г л у м о в *(садится к столу)*. Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. *(Вынимает из кармана тетрадь.)* Всю жёлчь, которая будет накопаться в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мёд. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором, и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из неё извлечение.

Входят Курчаев и Голутвин; Глумов встаёт и прячет тетрадь в карман.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов, Курчаев и Голутвин.

Курчаев. Bon jour!

Глумов. Очень рад; чему обязан?

Курчаев *(саясь к столу на место Глумова)*. Мы за делом. *(Указывая на Голутвина.)* Вот, рекомендую.

Глумов. Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвин. Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Глумов. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев. Малым делом. *(Берёт карандаш и бумагу и чертит что-то.)*

Глумов. То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного немного. В чём дело? *(Садится, Голутвин тоже.)*

Курчаев. Нет ли у вас стихов?

Глумов. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин. Нет, туда.

Глумов *(Курчаеву)*. Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаев. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

На всякого мудреца довольно простоты

Камизга

в 4-й дописывает

Дневник I

Исцел.

Еврей Давидович	Варшавский	
Томасович	Варшавский	скажи ему
Курьякович		докторский брат
Мирякович	Варшавский	равный
Григорьевич		свертывай шаг
Иванович		

Некоторые известные фамилии

Дневник II

Томасович Владимирский (судит) доктор, свертывай шаг
 у него Еврей Давидович и много остальных фамилий

Томасович	Доктор	Варшавский	докторский брат
Иванович	Варшавский	докторский брат	
Григорьевич	Варшавский	докторский брат	
Мирякович	Варшавский	докторский брат	
Курьякович	Варшавский	докторский брат	
Еврей Давидович	Варшавский	докторский брат	

у меня много фамилий, но все же не могу сказать, что у меня много фамилий. Но у меня много фамилий, но все же не могу сказать, что у меня много фамилий. Но у меня много фамилий, но все же не могу сказать, что у меня много фамилий.

«На всякого мудреца довольно простоты»
Страница авторской рукописи

Глу м о в. Никаких нет.

Кур ч а е в. Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Глу м о в (*Голутвину*). Вот как! Вы писали прежде?

Гол у т в и н. Писал.

Глу м о в. Что?

Гол у т в и н. Всё: романы, повести, драмы, комедии...

Глу м о в. Ну, и что же?

Гол у т в и н. Ну, и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Глу м о в. Опять не напечатают.

Гол у т в и н. Попытаюсь.

Глу м о в. Да ведь опасно.

Гол у т в и н. Опасно? А что, прибудут?

Глу м о в. Пожалуй.

Гол у т в и н. Да, говорят, что в других местах бьют; а у нас что-то не слышать.

Глу м о в. Так пишите!

Гол у т в и н. С кого мне писать-то, я никого не знаю.

Кур ч а е в. У вас, говорят, дневник какой-то есть, где вы всех по косточке разобрали.

Гол у т в и н. Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Глу м о в. Ну да, как же не дать!

Гол у т в и н. А уж мы бы их распечатали.

Глу м о в. И дневника никакого у меня нет.

Кур ч а е в. Разговаривайте! Видели его у вас.

Гол у т в и н. Ишь, как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Глу м о в. Не брат я вам, и не Исакий.

Гол у т в и н. А какие бы мы деньги за него взяли...

Кур ч а е в. Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счёт пить; трудиться хочу». Это он называет: трудиться. Скажите пожалуйста!

Глу м о в. Слышу, слышу.

Гол у т в и н. Материалов нет.

Кур ч а е в. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Глу м о в (*вставая*). Да не марайте же бумагу!

Курчаев. Ну, вот ещё, что за важность!

Глумов. Каких-то петухов тут рисуете.

Курчаев. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосеич Мамаев. Вот (*дорисовывает*), и похоже, и хохол похож.

Голутвин. А интересная он личность? Для меня, например?

Курчаев. Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Голутвин. Ну, вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлём напечатать.

Курчаев. Нет, не надо, всё-таки дядя. (*Отталкивает бумагу, Глумов берёт и прячет в карман.*)

Голутвин. А ещё какие художества за ним водятся?

Курчаев. Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира, он просто ездит разговаривать, всё как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками; потом поедет по лавкам пробовать икру, балык, там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен, всё-таки утро у него не пропало даром. (*Глумову.*) Да, вот ещё, я и забыл сказать. Тётка в вас влюблена как кошка.

Глумов. Каким же это образом?

Курчаев. В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Всё у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Глумов. Я не шучу, вы всем шутите.

Курчаев. Ну, как хотите. Я бы на вашем месте... Так вы стихов дадите?

Глумов. Нет.

Голутвин. Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

Курчаев. Поедем! Прощайте! (*Кланяется и уходит.*)

Глумов (*останавливая Курчаева*). Зачем вы с собой его возите?

Курчаев. Умных людей люблю.

Глумов. Нашли умного человека.

Курчаев. По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с нами? (*Уходит.*)

Глумов (*вслед ему*). Ну, смотрите! Маменька!

Входит Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Глумова.

Глумов (*показывает портрет Мамаева*). Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Глумова. Кто это?

Глумов. Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Глумова. А кто рисовал?

Глумов. Всё тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картину надо убрать на всякий случай. (*Прячет её.*) Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников, из них он выбирает одного и в пользу его завещание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмёт другого, и сейчас же завещание переписшет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Глумова. Вот кабы тебе...

Глумов. Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моём существовании.

Глумова. А хорошо бы сойтись. Во-первых, наследство, потом, отличный дом, большое знакомство, связи.

Глумов. Да! Вот ещё обстоятельство: я понравился тётке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моём поприще. Дядя познакомит меня с Крутицким, с Городулиным; во-первых, это люди с влиянием; во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно.

Глумова. Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Глумов. Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Глумова. Как же это случилось?

Глумов. Тут ничего не случилось, всё это было рассчитано вперёд. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит человек Мамаева.

Человек. Я привёз Нила Федосеича.

Глумов. И прекрасно. Получай! (*Даёт ему ассигнацию.*) Веди его сюда.

Человек. Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Глумов. Я беру ответственность на себя. Ступайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Человек Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой. Входит Мамаев, за ним человек его.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

Мамаев (*не снимая шляпы, оглядывает комнату*). Это квартира холостая.

Глумов (*кланяется и продолжает работать*). Холостая.

Мамаев (*не слушая*). Она недурна, но холостая. (*Человеку*.) Куда ты, братец, меня завёл?

Глумов (*подвигает стул и опять принимается писать*). Не угодно ли присесть?

Мамаев (*садится*). Благодарю. Куда ты меня завёл? Я тебя спрашиваю!

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная, я тебя спрашиваю.

Человек. Виноват-с!

Мамаев. Где гостиная? (*Глумову*.) Вы меня извините!

Глумов. Ничего-с, вы мне не мешаете.

Мамаев (*человеку*). Ты видишь, вон сидит человек пишет! Может быть, мы ему мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а всё ты, дурак, виноват.

Глумов. Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша,— я не знал, что вы семейный человек.

Мамаев. Вы хозяин этой квартиры?

Глумов. Я.

Мамаев. Зачем же вы её сдаёте?

Глумов. Не по средствам.

Мамаев. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай,

нанимай! А вот теперь, чай, в долгишках запутались? На цугундер тянут? Да уж, конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придётся в одной комнате жить; приятно это будет?

Г л у м о в. Нет, я хочу ещё больше нанять.

М а м а е в. Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Г л у м о в. Никакого резона. По глупости.

М а м а е в. По глупости? Что за вздор!

Г л у м о в. Какой же вздор! Я глуп.

М а м а е в. Глуп! Это странно. Как же так, глуп?

Г л у м о в. Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто.

М а м а е в. Нет, однако, это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Г л у м о в. Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не всё равно? Ведь уж не скроешь.

М а м а е в. Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Г л у м о в. Я и не скрываю.

М а м а е в. Жалею.

Г л у м о в. Покорно благодарю.

М а м а е в. Учить вас, должно быть, некому?

Г л у м о в. Да, некому.

М а м а е в. А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают, — нынче время такое. Ну, уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что коли стар, так и умён. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии; я его, понятное дело, остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: «в гимназию-то, мол, тихо идёшь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот». Другой бы ещё благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да ещё ручку бы поцеловал; а он что ж?

Г л у м о в. Преподавание нынче, знаете...

М а м а е в. «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Г л у м о в. На опасной дороге мальчик. Жаль!

М а м а е в. А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Г л у м о в. Знаю.

М а м а е в. Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберёшься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого... Вы понимаете, после чего?

Г л у м о в. Понимаю.

М а м а е в. Нынче, поди-ко, с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтёшь, он и идёт за расчётом. Что, говорит, за наказание! Да; что, говорит, за наказание!

Г л у м о в. Безнравственность!

М а м а е в. Я ведь не строгий человек, я всё больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я всё словами, и то нынче не нравится.

Г л у м о в. Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

М а м а е в (*строго*). Не говорите, пожалуйста, об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место (*показывает на грудь*), так до сих пор, словно кол какой-то...

Г л у м о в. В это место?

М а м а е в. Повыше.

Г л у м о в. Вот здесь-с?

М а м а е в (*с сердцем*). Повыше, я вам говорю.

Г л у м о в. Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.

М а м а е в. Да-с, так вы глупы... Это нехорошо. То есть тут ничего нет дурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Г л у м о в. То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она ещё глупее меня.

М а м а е в. Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.

Г л у м о в. Есть, говорят, ещё дядя, да всё равно, что его нет.

М а м а е в. Отчего же?

Г л у м о в. Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.

М а м а е в. Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.

Г л у м о в. Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек богатый; придёшь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду, алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.

М а м а е в. Вы совсем не так глупы, как говорите.

Г л у м о в. Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять. Большею частью я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.

М а м а е в. А кто ваш дядя?

Г л у м о в. Чуть ли я и фамилию-то не забыл. Мамаев, кажется, Нил Федосеич.

М а м а е в. А вы-то кто?

Г л у м о в. Глумов.

М а м а е в. Дмитрия Глумова сын?

Г л у м о в. Так точно-с.

М а м а е в. Ну, так этот Мамаев-то, это я.

Г л у м о в. Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! *(Почти со слезами.)* Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки, как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказанья; с меня довольно и того, что я вас видел и наслаждался беседой умного человека.

М а м а е в. Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чём-нибудь посоветоваться.

Г л у м о в. Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

М а м а е в. Вот заходи сегодня вечером.

Г л у м о в. Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недалняя, но добрая, очень добрая женщина.

М а м а е в. Что ж, пожалуй.

Г л у м о в *(громко)*. Маменька!

Выходит Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Глумова.

Глу м о в. Маменька! Вот! (*Указывая на Мамаева.*) Только не плакать! Счастливый случай привёл к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Глу м о в а. Да, батюшка-братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Глу м о в. Довольно, маменька, довольно! Дядюшка имеет на то свои причины.

Ма м а е в. Родня родне рознь.

Глу м о в а. Позвольте, батюшка-братец, поглядеть на вас! Жорж! А ведь не похож?

Глу м о в (*дергает её за платье*). Полноте, маменька, перестаньте!

Глу м о в а. Да что перестаньте! Не похож, совсем не похож.

Ма м а е в (*строго*). Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож.

Глу м о в (*матери*). Очень нужно толковать пустяки.

Ма м а е в. Уж коли начали, так говорите.

Глу м о в а. Я говорю, что портрет на вас не похож.

Ма м а е в. Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Глу м о в а. Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Глу м о в. Такой отличный, весёлый малый.

Ма м а е в. Да; ну, так что ж?

Глу м о в а. Он всё вас рисует. Покажи, Жорж!

Глу м о в. Да я, право, не знаю, куда я его дел.

Глу м о в а. Поищи хорошенько! Ещё он давеча рисовал, ну, помнишь. С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай! Я ведь слышала, что они говорили.

Ма м а е в. Покажи мне портрет! Покажи сейчас!

Глу м о в (*подавая портрет*). Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.

Ма м а е в. Да вот, учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. (*Рассматривает портрет.*) Ай да молодец племянничек!

Г л у м о в. Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».

М а м а е в. Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это моё дело. *(Отдаёт портрет и встаёт.)* Ты на меня карикатур рисовать не будешь?

Г л у м о в. Помилуйте, за кого вы меня принимаете! Что за занятие!

М а м а е в. Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйте!

Г л у м о в а. Ну, я-то уж... я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

Мамаев уходит, Глумов его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много ещё труда Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно в люди выходить!

Глумов возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глумова, Глумов и потом Манефа.

Г л у м о в. Маменька, Манефа идёт. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее, подобострастнее, как только можете.

Г л у м о в а. Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Г л у м о в. Вы барствовать-то любите; а где средства? Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же мне, я вам говорю. *(Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой.)*

М а н е ф а *(Глумову)*. Убегай от суеты, убегай!

Г л у м о в *(с постным видом и со вздохами)*. Убегаю, убегаю!

М а н е ф а. Не будь корыстолюбив!

Г л у м о в. Не знаю греха сего.

М а н е ф а *(сидясь и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется)*. Летала, летала, да к вам попала.

Г л у м о в. Ох, чувствуем, чувствуем!

М а н е ф а. Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными.

Г л у м о в *(вынимая деньги)*. Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

Манефа. Благо дающим!

Глумов. Не забывайте в молитвах!

Манефа. В оном благочестивом доме пила чай и кофей.

Глумова. Пожалуйте, матушка, у меня сейчас готово.

Манефа встаёт, они её провожают под руки до двери.

Глумов (*возвращается и садится к столу*). Записать! (*Вынимает дневник.*) Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. (*Пишет.*)

Входит Курчаев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Глумов и Курчаев.

Курчаев. Послушайте-ко! Был дядя здесь?

Глумов. Был.

Курчаев. Ничего он не говорил про меня?

Глумов. Ну вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

Курчаев. Это интрига, адская интрига!

Глумов. Я слушаю, продолжайте!

Курчаев. Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и...

Глумов. И... что?

Курчаев. И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!

Глумов. Представляю.

Курчаев. Приезжаю к Турусиной — не принимают; высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?

Глумов. Слышу.

Курчаев. Объясните мне, что это значит?

Глумов. По какому праву вы требуете от меня объяснения?

Курчаев. Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.

Глумов. Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведёте.

Курчаев. Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.

Глумов. А знакомство ваше! Например, Голутвин.

Курчаев. Ну что ж Голутвин?

Г л у м о в. Язва! Такие люди на всё способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен — я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.

К у р ч а е в. Что вы, с ума сошли!

Г л у м о в. Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому, во всех отношениях, достойному человеку подражать во всём.

К у р ч а е в. А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Г л у м о в. Ну, и слава богу!

К у р ч а е в. Послушайте-ко вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдаются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того... вы берегитесь!

Г л у м о в. Буду беречься, когда будет нужно; а теперь пока серьёзной опасности не вижу. Прощайте!

К у р ч а е в. Прощайте! *(Уходит.)*

Г л у м о в. Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

МАМАЕВ.

КЛЕОПАТРА ЛЬВОВНА МАМАЕВА, *его жена.*

КРУТИЦКИЙ, *старик, очень важный господин.*

ИВАН ИВАНОВИЧ ГОРОДУЛИН, *молодой, важный господин.*

ГЛУМОВ.

ГЛУМОВА.

ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА.

Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мамаев и Крутицкий выходят из боковой двери.

М а м а е в. Да, мы куда-то идём, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем куда, ни те, которые ведут нас. И чем всё это кончится?

К р у т и ц к и й. Я, знаете ли, смотрю на всё это, как на легкомысленную пробу, и особенно дурного ничего не вижу. Наш век, век по преимуществу легкомысленный. Всё молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость,

вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырёх ножках, и хорошо стоит, крепко?

Мамаев. Крепко.

Крутицкий. Солидно?

Мамаев. Солидно.

Крутицкий. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили.

Мамаев (*махнув рукой*). Поставили.

Крутицкий. Вот и увидят.

Мамаев. Увидят ли, увидят ли?

Крутицкий. Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

Мамаев. Есть, есть! Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чём вся беда: умных людей, нас не слушают.

Крутицкий. Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаев. Легко сказать: писать! На это нужен навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но всё-таки нужно. Вот я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать, и бог знает, что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну, как вам писать!

Крутицкий. Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаев. Да? Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

Крутицкий. Пришло время, любезнейший Нил Федосеич, пришло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

Мамаев. Не всякому дано.

Крутицкий. Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну, и прочее.

Мамаев. Есть, есть именно такой.

Крутицкий. Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

Мамаев. Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем, как рыба.

Крутицкий. Вот видите ли, у меня написан очень серьёзный проект, или записка, как хотите назовите, но ведь вы сами знаете, я человек старого образования...

Мамаев. Крепче было, крепче было.

Крутицкий. Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

Мамаев. Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

Крутицкий. Я согласен; но всё-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

Мамаев. Может, может, может.

Крутицкий. Ну, я заплачу ему там, что следует.

Мамаев. Обидите, за счастье почтёт.

Крутицкий. Ну вот! С какой же стати я буду одолжаться! А кто он?

Мамаев. Племянник, племянничек, да-с.

Крутицкий. Так скажите ему, чтобы зашёл как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

Мамаев. Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий. Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор; это ослабляет впечатление.

Мамаев. Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий. Прощайте!

Мамаев. Я сам с ним завтра же заеду к вам.

Крутицкий. Милости просим. *(Уходит, Мамаев его провожает.)*

Выходят Клеопатра Львовна и Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мамаева и Глумова.

Мамаева. Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Глумова. И при всём при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

Мамаева. А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Г л у м о в а. Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? Где протекцию найдёшь?

М а м а е в а. Ему не надо было убежать общества; мы бы его заметили, непременно заметили.

Г л у м о в а. Чтобы заметным-то быть, нужно ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох, как трудно!

М а м а е в а. Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живёт в дурной квартире, едет на плохом извозчике,— это вас не поражает, не колет вам глаз; так и нужно, это идёт к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца, бедно одетого,— это больно, этого не должно быть и не будет, никогда не будет!

Г л у м о в а. Какое у вас сердце-то ангельское!

М а м а е в а. Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки.

Г л у м о в а. Кабы все так думали...

М а м а е в а. Все, все. Мы вообще должны сочувствовать бедным людям, это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чьё-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину, молодого. Рукава потёрты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! Ужасно, ужасно! Кроме того, бедность убивает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Г л у м о в а. Всё правда, всё правда, Клеопатра Львовна!

Входит Мамаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Мамаев.

М а м а е в. А, здравствуйте!

Г л у м о в а. Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

Мамаева. А что такое?

Глумова. Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Всё про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

Мамаева. Хороший мальчик, хороший.

Глумова. Он ребёнком был у нас очень удивителен.

Мамаева. Да он и теперь почти дитя.

Глумова. Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тётушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему; подумают, что нарочно научили; так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдёт и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорит: «Какой я видел сон! Слетаются ко мне, к кроватке, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всём слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться...» Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

Мамаева. Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. *(Надевая шляпу.)* Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живёте небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Глумова. Покорно благодарим.

Мамаева. Не денег, нет; а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Мамаева и Глумова.

Глумова. Довольны, так и слава богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

Мамаева. Очень приятно слышать.

Глумова. Он не то что благодарным быть, он может обожать своих благодетелей.

Мамаева. Обожать? Уж это слишком.

Глумова. Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы про него рассказывала.

Мамаева. Ах, сделайте одолжение; я ему ничего не передам.

Глумова. Он даже ослеплён своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве; а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

Мамаева. Скажите пожалуйста!

Глумова. Какие сравнения находит!

Мамаева. Неужели?

Глумова. Да он вас где-нибудь прежде видал?

Мамаева. Не знаю. Я его видала в театре.

Глумова. Нет, должно быть, видал.

Мамаева. Почему же?

Глумова. Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое...

Мамаева. Ну, ну! Что же?

Глумова. И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

Мамаева. Ах, милый мальчик!

Глумова. Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тётушка, говорит, ангел, ангел, да...

Мамаева. Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова. Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева. Нет, нет.

Глумова. Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слёзы...

Мамаева. Да, вот что... Как же это? Странно.

Глумова (*переменив тон*). Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

Мамаева. Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Глумова. Да уж что говорить! Натура — кипяток.

Мамаева. Это в его возрасте понятно и... извинительно.

Глумова. Уж извините, извините его. Молод ещё.

Мамаева. Да в чём же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Глумова. Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину, — где ж ему было! Она к нему ласкова, снисходительна... конечно, по-родственному... Голова-то горячая, поневоле с ума сойдёшь.

Мамаева (*задумчиво*). Он очень мил, очень мил!

Г л у м о в а. Оно, конечно, его расположение родственное... А ведь как хотите... близость-то такой очаровательной женщины в молодые его года... ведь ночи не спит, придёт от вас, мечется, мечется...

М а м а е в а. Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Г л у м о в а. Грех бы ему было. Да ведь и чувства-то его детские.

М а м а е в а. Ну, конечно, детские... Ему ещё во всём нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем... да, он может...

Г л у м о в а. Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая...

М а м а е в а (*смеётся*). Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой... увлечься.

Г л у м о в а. Вы, право, такая добрая.

М а м а е в а. Вы, я вижу, очень его любите.

Г л у м о в а. Один — как не любить!

М а м а е в а (*томно*). Так давайте его любить вместе.

Г л у м о в а. Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно, он себе счастье нашёл в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперёд от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна!

М а м а е в а (*обнимает её*). Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с вами ещё потолкуем о Жорже. (*Провожает её до двери.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамаева, потом Глумов.

М а м а е в а. Какая болтушка! Ну, если б услышал её сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодной почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу ещё внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня люди отжили и износились. Ну, вот, наконец-то. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой.

Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперёд знаешь, что человек влюблён в тебя.

Входит Глумов, кланяется и останавливается в почтительной позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

М а м а е в а. Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Г л у м о в (*целует ей руку*). Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

М а м а е в а. Bravo! Как это вы осмелились, наконец, я удивляюсь!

Г л у м о в. Я очень робок.

М а м а е в а. Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте, что я ваша тётка.

Г л у м о в. Я был бы откровеннее с вами, если бы...

М а м а е в а. Если б что?

Г л у м о в. Если б вы были старуха.

М а м а е в а. Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Г л у м о в. И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

М а м а е в а. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте всё откровенно, отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Г л у м о в (*берёт стул и садится подле неё*). У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

М а м а е в а. Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Г л у м о в. Может, но её совестно просить об этом; совестно надо-едасть. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытьё. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было бы для неё и занятие от скуки, и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

М а м а е в а. Ну, если б я была старуха, о чём бы вы меня попросили?

Г л у м о в. Да, если б вы были; а ведь вы не старуха, а, напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

М а м а е в а. Всё равно, всё равно, говорите!

Г л у м о в. Нет, не всё равно. Вот, например, я знаю, что вам стоит сказать только одно слово Ивану Ивановичу, и у меня будет очень хорошее место.

М а м а е в а. Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Г л у м о в. Но я всё-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

М а м а е в а. Почему же?

Г л у м о в. Потому, что это было бы насилие. Он так вами очарован.

М а м а е в а. Вы думаете?

Г л у м о в. Я знаю наверное.

М а м а е в а. Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Г л у м о в. Уж это ваше дело.

М а м а е в а (*про себя*). Он не ревнив, это странно.

Г л у м о в. Он не смеет отказать вам ни в чём. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна: заставить вас просить — всё равно, что дать ему взятку.

М а м а е в а. Всё это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Г л у м о в. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

М а м а е в а. А старухе чем вы заплатите?

Г л у м о в. Постоянным угождением; я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Всё это только для старухи имеет цену.

М а м а е в а. Да, конечно.

Г л у м о в. Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить её.

М а м а е в а. А молодую разве нельзя полюбить?

Г л у м о в. Можно, но не должно сметь.

М а м а е в а (*про себя*). Наконец-то!

Г л у м о в. И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит человек.

Ч е л о в е к. Иван Иванович Городулин-с.

Г л у м о в. Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с.
(Кланяется очень почтительно.)

М а м а е в а (человеку). Проси!

Человек уходит, входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамаева и Городулин.

Г о р о д у л и н. Имею честь представиться.

М а м а е в а (упрёком). Хорош, хорош! Садитесь! Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Г о р о д у л и н (садится). Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моём сердце.

М а м а е в а. Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

Г о р о д у л и н. Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче в особенно воинственном расположении духа.

М а м а е в а. Вы первый, вас-то и надобно убить или что-нибудь другое.

Г о р о д у л и н. Уж лучше что-нибудь другое.

М а м а е в а. Я уж придумала вам наказание.

Г о р о д у л и н. Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

М а м а е в а. Нет, я хочу явиться к вам просителем.

Г о р о д у л и н. То есть поменяться со мной ролями?

М а м а е в а. Разве вы проситель? Вы сами там где-то чуть ли не судья.

Г о р о д у л и н. Так, так-с. Но перед дамами я всегда...

М а м а е в а. Полно вам болтать- то! У меня серьёзное дело.

Г о р о д у л и н. Слушаю-с.

М а м а е в а. Моему племяннику нужно...

Г о р о д у л и н. Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

М а м а е в а. Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребёнок, он очень милый молодой человек, очень хорош собой, умён, образован.

Городулин. Тем лучше для него и хуже для меня.

Мамаева. Ему нужно место.

Городулин. Какое прикажете?

Мамаева. Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Городулин. Отличные способности? Жаль! С отличными способностями теперь некуда деться; он остаётся лишний. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.

Мамаева. Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Городулин. Для обыкновенного смертного найдётся.

Мамаева. И прекрасно.

Городулин *(нежно)*. Нам люди нужны. Позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен; тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

Мамаева. Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. *(Городулину.)* Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Глумов входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. *(Глумову.)* Иван Иванович хочет с вами познакомиться. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Городулин и Глумов.

Городулин *(подавая Глумову руку)*. Вы служите?

Глумов *(развязно)*. Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Городулин. Отчего?

Глумов. Уменья не дал Бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Городулин. Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Глумов. Положим, что у меня за этим дело не станет, но что толку с этими качествами? Сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Городулин. А что же именно?

Глумов. Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство вздумает состричь, думать и работать за начальников и в то же

время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что всё это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь ещё некоторые лакейские качества, конечно, в соединении с известною долей грациозности: например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вместе с тем благородно, и прямолинейно, и грациозно. Когда начальник пошлёт за чем-нибудь, надо уметь производить лёгкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я ещё и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Г о р о д у л и н. Прекрасно. То есть всё это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, всё это было прежде, теперь совсем другое.

Г л у м о в. Что-то не видать этого другого-то. И притом, всё бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания.

Г о р о д у л и н. Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Г л у м о в. Я очень рад, что вы сочувствуете моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

Г о р о д у л и н. Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Г л у м о в. Всё, что вам угодно.

Г о р о д у л и н. Запишите всё это на бумажку!

Г л у м о в. Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Г о р о д у л и н. Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чём дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Г л у м о в. Извольте, извольте!

Г о р о д у л и н (*жмёт ему руку*). Сделайте для меня это по-дружески.

Г л у м о в. Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность самому видеть его насущные нужды и удовлетворять их скоро и сочувственно.

Г о р о д у л и н. Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно

место зрителя или эконома в казенном или благотворительном заведении?

Г л у м о в. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Пересыпать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия — я не согласен.

Г о р о д у л и н. Уж и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Г л у м о в. Хотите, я вам весь спич напишу?

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! *(Взглянув на часы.)* Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. *(Подает ему руку.)* Очень приятно, очень приятно. *(Уходит в гостиную.)*

Выходит Мамаев.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мамаев и Глумов.

М а м а е в. А, ты здесь! Поди сюда! *(Таинственно.)* Крутицкий давеча заезжал ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Г л у м о в. Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

М а м а е в. Лстить нехорошо, а польсти немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперёд пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдёт, а ты всё-таки должен хвалить, ты ещё молод. Мы с тобой завтра к нему поедem. Да, вот ещё одно тонкое обстоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тётке?

Г л у м о в. Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

М а м а е в. Ну вот и глупо, ну вот и глупо. Она ещё довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажать себе хочешь?

Г л у м о в. Я, дядюшка, не понимаю.

М а м а е в. Не понимаешь, так слушай, учись! Слава богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Г л у м о в. Да, да, да! Скажите! Из ума вон!

М а м а е в. То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а всё-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Г л у м о в. Не умею.

М а м а е в. Экий ты, братец! Ну, вот так. *(Заводит глаза кверху.)*

Г л у м о в. Полноте, что вы! Как это можно!

М а м а е в. Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Всё это немножко щекочет их самолюбие!

Г л у м о в. Покорнейше вас благодарю.

М а м а е в. Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Г л у м о в. Опять не понимаю.

М а м а е в. Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, чёрт его знает, что за механик попадётся, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях Бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы... Ха-ха-ха! Понял?

Г л у м о в. Ума, ума у вас, дядюшка!

М а м а е в. Надеюсь.

Г л у м о в. А вот ещё обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

М а м а е в. Вот, вот, вот! Дело, дело!

Г л у м о в. Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

М а м а е в. Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни, и заикаться не надо.

Г л у м о в. Когда же мы к Турусиной?

Мамаева. Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе?
Глумов. Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят Мамаева и Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Городулин (*Мамаевой тихо*). Через две недели он будет определён.

Мамаева. Через две недели я вас поцелую.

Мамаев. А, Иван Иванович! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Городулин. Извините, Нил Федосеич, некогда. (*Подает руку Глумову.*) До свиданья.

Мамаев. Так поедemте вместе, я вам дорогой. Мне в Сенат нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мамаева и Глумов.

Мамаева (*садится на кресло*). Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Глумов. Я вас не просил.

Мамаева. Нужды нет, я сама догадалась.

Глумов (*целует руку*). Благодарю вас. (*Берёт шляпу.*)

Мамаева. Куда же вы?

Глумов. Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моею радостью с матерью.

Мамаева. Вы счастливы? Не верю.

Глумов. Счастлив, насколько можно.

Мамаева. Значит, не совсем; значит, вы ещё не всего достигли?

Глумов. Всего, на что только я смел надеяться.

Мамаева. Нет, вы говорите прямо: всего ли вы достигли?

Глумов. Чего же мне ещё! Я получил место.

Мамаева. Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Глумов. Клеопатра Львовна...

Мамаева. Хотите уверить, что у вас никогда не бьётся сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глумов. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Глумов. Я не говорю этого.

Мамаева. Вы говорите, что всего достигли.

Глумов. Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

Мамаева. Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумов. Но ведь это пытка, Клеопатра Львовна.

Мамаева. Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Глумов. Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

Мамаева. Кого вы любите?

Глумов. Сжальтесь!

Мамаева. Стоит ли она вас?

Глумов. Боже мой, что вы со мною делаете!

Мамаева. Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумов. Хоть убейте меня, я не смею!

Мамаева (*шёпотом*). Смелей, мой друг, смелее!

Глумов. Кого люблю я?

Мамаева. Да.

Глумов (*падая на колено*). Вас!

Мамаева (*тихо вскрикивая*). Ах!

Глумов. Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, ещё хуже, заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если бы вы не были так очаровательны, так снисходительны ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться

в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня!
(Склоняет голову.)

Мамаева (целуя его в голову). Я вас прощаю.

Глумов, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает его долгим взглядом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

СОФЬЯ ИГНАТЬЕВНА ТУРУСИНА, богатая вдова, барыня, родом из купчих.

МАШЕНЬКА, её племянница.

МАНЕФА.

ПРИЖИВАЛКА 1-я.

ПРИЖИВАЛКА 2-я.

КРУТИЦКИЙ.

ГОРОДУЛИН.

МАМАЕВ.

ГЛУМОВ.

ГРИГОРИЙ, человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках; одна дверь посредине, другая сбоку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Машенька и Турусиная выходят из средней двери.

Машенька. Поедемте, ma tante!¹ Поедемте! Ну, пожалуйста, поедemте!

Турусиная. Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете! Я уж велела лошадей отложить.

Машенька. Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберёмся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали, и назад.

Турусиная (садясь). Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать её?

Машенька. Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Турусиная. О чём ты ещё спрашиваешь, я не понимаю? Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча...

Машенька. Да что ж такое, что встреча?

¹ Моя тётя! (фр.)

Турусина. Да, если б с левой стороны, а то с правой...

Машенька. Да и с правой, и с левой всё равно.

Турусина. Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моём доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьётся пьян и завезёт в канаву. Провидение печётся о людях. Если тебе прямо говорят: не ездь туда-то, ты подвергнешь себя опасности, — так кто же виноват, если ты не слушаешь благого совета и сломишь себе голову?

Машенька. Нам никто не говорил: не ездить!..

Турусина. Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Ещё если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать; а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем; и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева, самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тётку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

Машенька. Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Турусина. Как он может мне понравиться? Он смеётся в моём присутствии над самыми священными вещами.

Машенька. Когда же, ma tante, когда?

Турусина. Всегда, постоянно, он смеётся над моими страницами, над юродивыми.

Машенька. Вы говорите, что он смеётся над священными вещами.

Турусина. Ну конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матрёши, от святости, уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прошу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

Машенька. Разве верят безымянным письмам?

Турусина. Если б одно, можно бы ещё сомневаться, а то вдруг два и от разных лиц.

Входит человек и подаёт Турусиной письмо.

Григорий. Скитающие люди пришли-с.

Турусина. Что он говорит, бог его знает. Ну, да всё равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить.

Человек уходит. Турусина читает письмо.

Вот ещё письмо. Видно, что пишет женщина солидная! (*Читает вслух.*) «Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастья...» (*Читает про себя.*) Вот слушай! «Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слёзы об участи бедной Машеньки...» Ну и так далее.

Машенька. Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом...

Турусина. Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. (*Нюхает спирт.*) Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе...

Машенька. Не дадите денег...

Турусина. И, главное-то, благословения.

Машенька. Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится, но если вам неудобно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но, ma tante, пожалейте меня! У меня, благодаря вам, есть деньги. Мне хочется пожить.

Турусина. Понимаю, мой друг, понимаю.

Машенька. Найдите мне жениха какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живём, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Турусина. Я вхожу в твоё положение. Суетность в твоём возрасте извинительна.

Машенька. Когда я буду постарше, ma tante, я, весьма вероятно, буду жить так же, как и вы,— это у нас в роду.

Турусина. Дай бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

Машенька. Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Турусина. Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодёжь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился, ты мои требования знаешь.

Машенька. Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет! Всё, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому, другому; Крутицкий, Мамаев, Городулин вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Турусина. Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

Машенька. Но как же быть?

Турусина. Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

Машенька. Но откуда же явится это указание?

Турусина. Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

Машенька. Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Турусина. Только ты знай, что он тебе не жених.

Машенька. Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Турусина *(целует её)*. Ты милое дитя.

Машенька. Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Турусина. Откуда ты знаешь?

Машенька. Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Турусина. Да, ты знаешь кой-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

Машенька. Всё равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. *(Обнимает тётку.)* Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться, так, как вы.

Турусина. Празднoсловие, Marie! Празднoсловие!

Машенька *(сложив руки)*. Виновата!

Турусина. Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. *(Целует Машеньку; она уходит.)* Милая девушка! На неё и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает.

Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слёз своей детской преданностью. Право, так взволновала меня. (*Нюхает спирт.*)

Входит Григорий.

Григорий. Господин Крутицкий.

Турусина. Проси!

Входит Крутицкий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Турусина и Крутицкий.

Крутицкий (*берёт её за руки*). Что, всё нервы? А?..

Турусина. Нервы.

Крутицкий. Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень...

Турусина. Что?

Крутицкий. Очень, то есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

Турусина. Я уж вас просила не говорить мне об этом.

Крутицкий. Ну, ну, не буду.

Турусина. Садитесь.

Крутицкий. Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошёл, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую... хе-хе-хе!.. Помните, ведь мы...

Турусина. Ах, не вспоминайте! Я теперь...

Крутицкий. А что ж такое! Что не вспоминать-то... У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что на ваш взгляд дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что...

Турусина (*с умоляющим видом*). Перестаньте!

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, уродливый пришёл.

Крутицкий. Что такое?

Турусина. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Григорий уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

Крутицкий. Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юридические были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.

Турусина. Здоровее телом, но не душою.

Крутицкий. Ну, уж этого я не знаю, это не моё дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы ещё довольно молоды... вам бы ещё можно было пожить как следует.

Турусина. Я живу как следует.

Крутицкий. Ну, то есть рано бы ханжить-то.

Турусина. Я вас просила...

Крутицкий. Ну, виноват, виноват, не буду.

Турусина. Вы странный человек.

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, странный человек пришёл.

Турусина. Откуда он, ты не спрашивал?

Григорий. Говорит, из стран неведомых.

Турусина. Пустить его и посадить за стол вместе с теми.

Григорий. Да вместе-то они, сударыня, пожалуй...

Турусина. Поди, поди!

Григорий уходит.

Крутицкий. Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорта велели спрашивать.

Турусина. Зачем?

Крутицкий. Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.

Турусина. Так что же?

Крутицкий. Ну, все трое и оказались гравёры хорошие.

Турусина. Что ж за беда?

Крутицкий. Да ремесло-то плохое.

Турусина. Чем же плохо ремесло — гравирование?

Крутицкий. Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Турусина *(тихо)*. Лики?

Крутицкий. Как же не лики! Целковые.

Турусина (*с испугом*). Ах, что вы!

Крутицкий (*садится*). Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмётся, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Турусина. Я делаю добро для добра, не разбирая людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

Крутицкий (*подвигаясь*). Что такое, говорите! Я рад, рад вам служить, чем могу.

Турусина. Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что...

Крутицкий. Да, да, знаю.

Турусина. Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

Крутицкий. Какого вам нужно. Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей... Да стойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Турусина. Верно?..

Крутицкий. Я вам говорю. Скромнен не по летам, умён, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдёт, далеко, вот увидите.

Турусина. А кто он?

Крутицкий. Как его! Дай бог память! Да вот, стойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. (*Вынимает бумагу.*) Вот! (*Читает.*) Егор Дмитриев Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать характер! Ровно — значит аккуратен... кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Турусина (*берёт адрес*). Благодарю вас.

Крутицкий. Что за благодарность! Вот ещё! Наш долг! (*Встаёт.*) Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина. Ах, что вы! Всегда, всегда рада.

Крутицкий. То-то! Я ведь любя. Жаль!

Турусина. Навещайте.

Крутицкий. По старой памяти? Хе-хе-хе!.. Ну, до свиданья!
(Уходит.)

Турусина. Вот и старый человек, а как легкомыслен. Как ему поверить! (Прячет адрес в карман.) А всё-таки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Григорий.

Григорий. Господин Городулин.

Турусина. Проси.

Григорий уходит. Входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Турусина и Городулин.

Турусина. Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Городулин. Дела, дела. То обеда, то вот железную дорогу открывали.

Турусина. Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что хоть изредка навещаете. Что наше дело?

Городулин. Какое дело?

Турусина. Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый важными делами; когда вам помнить о бедных, несчастных, угнетённых! Стоит заниматься этой малостью.

Городулин. Угнетённых, вы изволите говорить? Насчёт угнетённых я не могу припомнить ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчёт ворожей?

Турусина. Не ворожей, а гадалыщицы — это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Городулин. Извините! Я сознаюсь в своём невежестве: я в этих тонкостях не силён. Одним словом, вдова коллежского регистратора Улита Шмыгаева.

Турусина. Какого бы она звания ни была, это всё равно, во всяком случае, она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась её особенным расположением.

Городулин. Особенным-то её расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Т у р у с и н а. Что вы говорите! Это всё вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали её. Но я надеюсь, что её оправдали, невинность должна торжествовать.

Г о р о д у л и н. Нет-с, ей по Владимирке.

Т у р у с и н а (*привстав*). Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Г о р о д у л и н. Да ведь её не за гаданье судили.

Т у р у с и н а. Нет, вы мне не говорите! Всё это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Г о р о д у л и н. Её судили за укрывательство заведомо краденых вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Т у р у с и н а. Ах, боже мой! Что вы говорите!

Г о р о д у л и н. Святую истину. Жена этого купца просила у неё приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил, — ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере; только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Т у р у с и н а. Что же купец?

Г о р о д у л и н. Подействовало. Умер было, только не от любви.

Т у р у с и н а. Вам всё это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Г о р о д у л и н. Помилуйте, её защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и, наконец, стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя, сами признались во всём. Сначала солдат, который пользовался её особенным расположением, потом она.

Т у р у с и н а. Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Г о р о д у л и н. Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации...

Т у р у с и н а. Я вас просила не говорить со мною об этом.

Г о р о д у л и н. Виноват, забыл.

Т у р у с и н а. Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Городулин. Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человека.

Григорий входит.

Григорий. Блаженный человек пришёл.

Городулин. Неужели?

Турусина. Кто он такой?

Григорий. Надо полагать, из азиатцев-с.

Городулин. И я тоже полагаю.

Турусина. Почему ты думаешь, что азиатец?

Григорий. Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели, сударыня, к вечеру — не приведи господи!

Турусина. Как страшен? Что за вздор?

Григорий. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Турусина. Грек, должно быть.

Григорий. Не очень, чтобы грек-с, ещё цветом не дошёл. А как вот есть венгерец-с.

Турусина. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Григорий. Вот что мышеловки продают.

Турусина. Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Григорий. Его, я думаю, особенно-с...

Турусина. Ну, ступай, не рассуждай!

Григорий. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Турусина. У меня к вам просьба, Иван Иванович.

Городулин. Весь внимание.

Турусина. Я насчёт Машеньки. Нет ли у вас кого на примете?

Городулин. Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну, с какой стороны я похож на сваху московскую? Моё призвание — рушить узы, а не связывать. Я противник всяких цепей, даже и супружеских.

Турусина. А сами носите.

Городулин. Оттого-то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Турусина. Кроме шуток, нет ли?

Городулин. Постойте, кого-то я на днях видел, так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Турусина. Вспомните, вспомните.

Городулин. Да, да... Глумов.

Турусина. Хороший человек?

Городулин. Честный человек, я больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Турусина. Пойдите, как вы назвали? (*Вынимает бумагу из кармана.*)

Городулин. Глумов.

Турусина. Егор Дмитрич?

Городулин. Да.

Турусина. Вот и Крутицкий мне про него же говорил.

Городулин. Ну, значит, ему и быть, так у него и на лбу, то есть на роду написано. Прощайте! (*Кланяется и уходит.*)

Турусина. Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но всё-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. (*Звонит.*)

Входит Григорий.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Григорий уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нём. Вот теперь я ночи не сплю, всё думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибёшься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем. Съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от неё сверхъестественного.

Входят Машенька, 1-я приживалка с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу, 2-я приживалка с собачкой на руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

1-я приживалка садится у стола, 2-я приживалка садится на скамейке у ног Турусиной.

1-я приживалка. Прикажете разложить?

Турусина. Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким, и с Городулиным.

Машенька (*с волнением*). Говорите. Продолжайте. Я покорила
вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Турусина. Они оба рекомендовали одного человека, точно сго-
ворились.

Машенька. И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Турусина. Но я им не верю.

1-я приживалка. Прикажете?

Турусина. Гадай! Правду ли они говорили? (*Машеньке.*) Я им
не верю, они могут ошибаться.

Машенька. Почему же, ma tante?

Турусина. Они люди. (*2-й приживалке.*) Не урони собачку!

Машенька. Кому же вы поверите, ma tante? Оракулу? Мне что-то
страшно.

Турусина. Очень естественно. Так и надо, и должно быть страш-
но. Мы не можем, не должны без страха поднимать завесу будущего.
Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька. Кто же нам приподнимет завесу?

Турусина. Тот, кто имеет власть.

Входит Григорий.

Григорий. Манефа-с.

Турусина. Вот кто! (*Встаёт, идёт навстречу Манефе, и все
за ней.*)

Входит Манефа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Манефа.

Турусина. Милости просим, пожалуйста!

Манефа. И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка (*с умилением*). Ох, батюшки мои!

Турусина (*грозно*). Молчи!

Манефа (*садясь*). Пришла да села, как квашня.

2-я приживалка (*со вздохом*). О, о, о, ох! Ах, премудрость!

1-я приживалка. Привёл Господь, дожили!

Турусина (*грозно*). Тише!

Манефа. Что вы бельмы-то выпучили?

Турусина. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я приживалка. Ох, сподобились!

2 - я приживалка. Все сподобились.

Турусина. Ждём! Что скажешь, мати Манефа.

Манефа. Ждём! Ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1 - я приживалка. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запомните хорошенько!

Турусина. Я хотела спросить тебя...

Манефа. Не спрашивай, вперёд знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2 - я приживалка. Так, так, так!

Турусина. Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе...

Манефа. Было видение, было. Идёт Егор с высоких гор.

2 - я приживалка. Скажите! Егор!

Машенька (*тихо Турусиной*). Ведь и Курчаев Егор.

Турусина. Погоди. Кто же он такой?

Манефа. А я почём знаю? Увидишь, так узнаешь!

Турусина. Когда же мы его увидим?

Манефа. Желанный гость зову не ждёт.

1 - я приживалка. Замечайте! Замечайте!

Турусина. Ты нам хоть приметы скажи.

2 - я приживалка. Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не знаете!

Турусина. Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

Манефа. К кому бедокур, а к вам белокур.

Машенька. Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Турусина. Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная.

1 - я приживалка. Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Турусина. Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидела?

1 - я приживалка. Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш... то есть белокурый по картам-то.

Турусина (*Манефе*). Тебе всё известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много, и белокурых тоже довольно.

Манефа. Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Турусина и прочие. У ворот?

Манефа. Сряжайтесь, собирайтесь, гости будут.

Турусина. Когда?

Манефа. В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Григорий.

Приехали с орехами. *(Встаёт.)*

Григорий. Нил Федосеич Мамаев.

Турусина. Один?

Григорий. С ними молодой барин, такой белокурый.

1-я приживалка. Ах! Будем ли мы живы?

2-я приживалка. Не во сне ли мы всё это видели?

Турусина. Проси! *(Обнимая Машеньку.)* Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! *(Садится, нюхает спирт.)*

Машенька. Это так необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Турусина. Поди, успокойся, друг мой: ты после выйдешь.

Машенька уходит.

Манефа. Конец — всему делу венец. *(Идёт к двери.)*

Турусина *(приживалкам)*. Возьмите её под руки, да чаю ей, чаю.

Манефа. Кто пьёт чай, тот отчаянный.

Турусина. Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери: в дверях останавливаются.

1-я приживалка. Одним бы глазком взглянуть.

2-я приживалка. Умрёшь, таких чудес не увидишь.

Входят Мамаев и Глузов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Турусина, Мамаев, Глузов, Манефа и приживалки.

Мамаев. Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитрича Глузова.

Приживалки *(в дверях)*. Ах, Егор! Ах, белокурый!

Мамаев. Полюбите его.

Турусина *(встаёт)*. Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глузов почтительно целует ей руку.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

КРУТИЦКИЙ.

ГЛУМОВ.

МАМАЕВА.

ЧЕЛОВЕК КРУТИЦКОГО.

Приёмная у Крутицкогого. Дверь выходная, дверь направо в кабинет, налево в гостиную. Стол и один стул.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Глумов, человек удвери, потом Крутицкий.

Глумов. Доложи!

Человек *(заглядывая в дверь кабинета)*. Сейчас выдут-с!

Выходит Крутицкий. Человек уходит.

Крутицкий *(кивая головой)*. Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. *(Подает тетрадь.)*

Крутицкий *(берёт тетрадь)*. Чётко, красиво, отлично. Bravo, bravo! Трактаг, отчего же не прожект?

Глумов. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, всё новое отвергается... *(с заискивающей улыбкой)* и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий. Так вы думаете, трактат?

Глумов. Трактаг лучше-с.

Крутицкий. Трактаг? Да, ну пожалуй. «Трактаг о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Глумов. Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

Крутицкий. Да, коренные, решительные; но если не важное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Глумов. В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

Крутицкий *(ударя себя карандашом по лбу)*. Да, так, правда! Умно, умно. У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Г л у м о в. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й (*надевая очки*). Пойдём далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспликацию моей главной идеи. «Артикул первый. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место одного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отменяя старое, мы даём простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отменяется, и составлять таковые умозаключения: отменяется нечто непригодное; такое-то учреждение отменяется, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободомыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Г л у м о в. И совершенно справедливо.

К р у т и ц к и й (*читает*). «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Г л у м о в. Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины...

К р у т и ц к и й. Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Г л у м о в. Совершенно убеждён, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й (*оглядывается*). Что это они другого стула не ставят?

Г л у м о в. Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, рассядется... магазинщик со счётом или портной придет...

Г л у м о в. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

К р у т и ц к и й. Что такое, мой любезный, что такое?

Г л у м о в. В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

К р у т и ц к и й. Почему?

Г л у м о в. Слаб современный язык для выражения всей грандиозности ваших мыслей.

К р у т и ц к и й. Например?

Г л у м о в. В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах...

Крутицкий. Ну?

Глумов. Вашим превосходительством весьма сильно выражена прекрасная мысль о том, что не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

Крутицкий. Не помню. *(Перелистывает тетрадь.)*

Глумов. Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

Крутицкий. Верю, но удивляюсь. Для чего?

Глумов. У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запастись мудростью; не часто может представиться такой случай; а если представился, так надо им пользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

Крутицкий. Ещё бы!

Глумов. Молодому человеку и свихнуться не трудно.

Крутицкий. Похвально, похвально. Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Глумов. Первое, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, так что ж у меня там, в двадцать пятом артикуле?

Глумов. Артикул двадцать пятый. «Увеличение окладов в присутственных местах, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностью, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим чиновникам может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчинённый же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчинённый должен быть робок и постоянно трепетен».

Крутицкий. Да, так, верно, верно!

Глумов. Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкий *(погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком)*. Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Глумов. Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете?

Крутицкий. Вот ещё! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Глумов. Как можно! Как же бы я осмелился!

Крутицкий. Ну, то-то же. Он только говорит, что умён, а ведь он болван совершенный.

Глумов. Не смею спорить с вашим превосходительством.

Крутицкий. Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Глумов. Не заступлюсь и за неё.

Крутицкий. Как ты с ними уживаешься — не понимаю.

Глумов. Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты служишь?

Глумов. Поступаю. По протекции тётушки, Иван Иванович Городулин обещал достать место.

Крутицкий. Вот ещё нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Глумов. Я не по новым учреждениям...

Крутицкий. Да, да. А уж я думал... Ну, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург; перейдёшь — там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов. Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Глумов. Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

Крутицкий *(с серьёзным видом)*. Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Глумов. В молодости грешки, увлечения...

Крутицкий. Говори, не бойся.

Глумов. В студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старых обычаев придерживался.

Крутицкий. Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Глумов. То есть не так вёл себя, как нынешние студенты.

Крутицкий. А как же?

Глумов. Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

Крутицкий. И только?

Глумов. Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня бог! Сохрани бог!

Крутицкий. Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых годах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня. Ну, так, значит, я на твой счёт совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился; я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Глумов. Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Глумов. Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

Крутицкий. Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковы; вот тётка, знаю, что ханжа.

Глумов. Любовь нынче не признают, ваше превосходительство; а я знаю по себе, какое это великое чувство.

Крутицкий. Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберёт, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Глумов. Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкий. Горячка сделалась. Вот ты и не признавай. Ну, что ж, давай бог, давай тебе бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдём тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали. Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Глумов. Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Ты меня не обижай!

Глумов. Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Что такое? В чём дело?

Глумов. Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни... Не откажитесь!.. Благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом... уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастье, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей...

Крутицкий. В посажёные отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумов. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий. Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудрёное.

Глумов. Я передам и Софье Игнатьевне.

Крутицкий. Передавай, пожалуйста.

Глумов. Я не нужен вашему превосходительству?

Крутицкий. Нет.

Глумов. Честь имею кланяться.

Крутицкий. О моём маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Глумов. Слушаю, ваше превосходительство! (*Кланяется и уходит.*)

Крутицкий. Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодёжь! Вот, значит, есть же и из них порядочные люди: и с умом, и с сердцем малый. Он льстив и, как будто, немного подленек; ну, да вот оперится, так это, может быть, пройдёт. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «у того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну, вот оно и въелось. Впрочем, это всё-таки лучше, чем грубость.

Входит человек.

Человек. Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с. Я докладывал, что её превосходительства дома нет-с.

Мамаева (*за дверью*). Не помешаю?

Крутицкий. Нет, нет! (*Человеку.*) Поддай кресло!

Человек уходит, возвращается с креслом. Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Крутицкий и Мамаева.

Мамаева. Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своём кабинете! Такой нелюбезный старичок!

Крутицкий. Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

Мамаева (*садясь*). Нынче и молодёжь-то хуже стариков.

Крутицкий. Жалуется?

Мамаева. Разве не правда?

Крутицкий. Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодёжь-то бы и набиралась этих деликатных тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. (*Декламирует.*)

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней течение,
Когда к страданию даны мне грустные дни?
Прерву.

Помните?

Мамаева. Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят, не больше, так как же мне не помнить!

Крутицкий. Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

Мамаева. Не правда ли, мил?

Крутицкий. Да, да. Ведь уж и вы его балуете.

Мамаева. Да чем же?

Крутицкий. Позвольте, вспомнил ещё. (*Декламирует.*)

О боги! Не прошу от вас речей искусства;
Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

Мамаева. Чем же балуем?

Крутицкий. Ну, да как же! Жените. Какую невесту нашли...

Мамаева (*с испугом*). Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкий (*декламирует*).

О мать, слёзный ток, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умерь уныние души!

Мамаева. На ком же, на ком?

Крутицкий. Да, боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

Мамаева (*встаёт*). Не может быть, не может быть, я говорю вам.

Крутицкий (*декламирует*).

При вести таковой задумчив пребываешь;
Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,
И горесть мрачная в чертах твоих видна!

Мамаева. Ах, вы надоели мне с вашими стихами.

Крутицкий. Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посажёные отцы: сделайте, говорит, честь. Ну, что ж не сделать! Я, говорит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится. Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну, что ж, прекрасно! Дай ему бог; нет, а вы возьмите, вот в Донском. (*Декламирует.*)

Когда Россиянин решится слово дать,
То без стыда ему не может изменять.

Мамаева. Ой!

Крутицкий. Что с вами?

Мамаева. Мигрень. Ах, я больна совсем!

Крутицкий. Ну, ничего. Пройдёт. (*Декламирует.*)

Ты знаешь, что союз сей верен до того...

Мамаева. Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела её подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ах! Прощайте!

Крутицкий. Да ничего. Что вы? У вас вид такой здоровый. (*Декламирует.*)

Чтоб при сопернице в измене обличить
И ревностью его веселье отравить...

Мамаева. Прощайте, прощайте! (*Быстро уходит.*)

Крутицкий. Что её кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже, чем дивизией командовать. (*Берёт тетрадь.*) Заняться на досуге. Никого не принимать. (*Уходит в кабинет.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

ГЛУМОВ.
ГЛУМОВА.
МАМАЕВА.
ГОЛУТВИН.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов выходит из боковой двери с дневником, потом Глумова.

Глумов. Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить! Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Ещё молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлёкся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от неё ни скрываем наше сватовство, а всё же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Глумова.

Маменька, вы к Турусиной?

Глумова. К Турусиной.

Глумов (*глядя на часы и строго*). Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Глумова. Можно и надоест.

Глумов. Ну, да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами, с странницами, с приживалками; не жалейте для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших! Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Глумова. Хорошо, хорошо!

Глумов. Главное, блюдите все входы и выходы, чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу: у прислуги чутьё хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Г л у м о в а. Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. (*Уходит.*)

Г л у м о в. Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывёт; прозевать такой случай будет жалко, и грех непростительный. (*Садится к столу.*) Что-то я хотел добавить в дневник? Да, расход записать. (*Записывает.*) Две табакерки приживалкам. (*Заслыша стук экипажа, подходит к окну.*) Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов и Мамаева.

Г л у м о в. Мог ли я ожидать такого счастья! Если бы все олимпийские боги сошли с неба...

М а м а е в а. Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Г л у м о в (*про себя*). Не знает. (*Громко.*) Она только вышла перед вами.

М а м а е в а. Жаль!

Г л у м о в (*подавая стул*). Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите её своим блеском.

М а м а е в а (*садясь*). Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Г л у м о в. Несчастливыми! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь, и то надо иметь чёрную душу и зверское сердце.

М а м а е в а. Чёрную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Г л у м о в. Ни чёрной души, ни зверского сердца у меня нет, значит...

М а м а е в а. Что «значит»?

Г л у м о в. Значит, я и не огорчу вас ничем.

М а м а е в а. Верить прикажете?

Г л у м о в. Верьте!

М а м а е в а. Будем верить.

Г л у м о в (*про себя*). Не знает. (*Громко.*) Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал тёплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом

сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть её рабом. Я бы назвал её своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мною вы, сердце моё забилось сильнее прежнего; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизили к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив!
(Целует руку.)

Мамаева. Вы женитесь?

Глумов. Как! Нет... да... но!

Мамаева. Вы женитесь?

Глумов. То есть ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

Мамаева. Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Глумов. Он хочет женить меня на деньгах. Не всё же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах.

Мамаева. На деньгах? А невеста вам не нравится?

Глумов. Конечно, не нравится. Да разве может...

Мамаева. Так вы её не любите?

Глумов. Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: её или вас?

Мамаева. Может быть, обеих.

Глумов. За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

Мамаева. Как кончить?

Глумов. Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

Мамаева. Правда?

Глумов. Сегодня же скажу.

Мамаева. И прекрасно. Без любви что за брак!

Глумов. И вы могли подумать! И вам не совестно?

Мамаева. Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Глумов (с жаром). Я ваш, ваш, всегда ваш! Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам всё устрою. А то вы себя выдадите.

Мамаева. Конечно, конечно.

Глумов. Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделывался полусловами: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло. Я дал повод подозревать себя в низости.

Звонок.

Кто это? Вот очень нужно! (*Идёт к дверям.*)

Мамаева (*про себя*). Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Глумов. Клеопатра Львовна, войдите в маменькину комнату, кто-то пришёл ко мне.

Мамаева уходит. Входит Голутвин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Голутвин.

Глумов (*пристально глядя на Голутвина*). Ну-с?

Голутвин. Во-первых, так не принимают, а во-вторых, я устал, потому что на своих двоих к вам. (*Садится.*)

Глумов. Что вам нужно от меня?

Голутвин. Пустяки. Minimum двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумов. Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвин. Я не милостыню прошу, я за труд.

Глумов. За какой?

Голутвин. Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, цену себя невысоко.

Глумов. Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас читает?

Голутвин. Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну, а всё-таки неприятность, скандалчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну, так и заплатите!

Глумов. Знаете, как называется ваш поступок?

Голутвин. Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Глумов. Да честно ли это?

Голутвин. Вот этого не знаю. А всё-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Глумов. Какие письма? Чем вы докажете?

Голутвин. Не горячитесь! Заплатите лучше; я вам советую.

Глумов. Ни копейки.

Голутвин. У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочтает. «Ах!» скажет... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дёшево прошу.

Глумов. За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придёте.

Голутвин. Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумов *(указывая на дверь)*. Прощайте.

Голутвин. А то ведь в следующем номере.

Глумов. В каком хотите!

Голутвин. Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Глумов. Пяти копеек не дам.

Голутвин. Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумов. Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Голутвин. Сейчас. Отдохну немного.

Глумов. Вас Курчаев подослал?

Голутвин. Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный, вроде вас.

Глумов. Ну, довольно.

Голутвин *(встаёт и заглядывает в дверь)*. Что это у вас там?

Глумов. Что за низость! Убирайтесь!

Голутвин. Любопытно.

Глумов. Убирайтесь, говорю вам.

Голутвин *(уходя)*. Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет. *(Идёт в переднюю.)*

Глумов. Вот ещё принесло! Ну, да пусть печатает! *(Идёт за Голутвиным.)*

Голутвин *(из двери)*. Два слова только.

Глумов *уходит за ним в переднюю и затворяет дверь. Выходит Мамаева.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Мамаева одна, потом Глумов.

Мамаева. Никого нет. Куда же он делся? *(Подходит к столу.)* Это что? Дневник его. Ай, ай, как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала; он меня обманывает! Какой гнусный, гнусный человек! Ах, боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю... Низкий, низкий человек! *(Оттирает слёзы. Подумавши.)* Вот мысль! Он никак не подумает на меня! *(Прячет дневник в карман и отходит от стола.)* О, как я могу его унижить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползёт ко мне.

Входит Глумов.

Глумов. Это уж из рук вон!

Мамаева. Кто был у вас?

Глумов. Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришёл за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

Мамаева. Что вы за ужасы говорите! Это те же брави. Кто он такой, я желаю знать его имя?

Глумов. Зачем вам?

Мамаева. Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумов. Голутвин.

Мамаева. Где живёт?

Глумов. Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

Мамаева. А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Глумов. Вы шутите?

Мамаева. Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Глумов. Немного. Он ведь не дорог. Всё-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

Мамаева. А если ему дадут больше?

Глумов. Кому же нужно! У меня врагов нет.

Мамаева. Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил! Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Глумов. Решительно.

Мамаева. Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Г л у м о в. Денег. Променяю ли я рай на деньги?

М а м а е в а. Да ведь много денег, двести тысяч.

Г л у м о в. Знаю.

М а м а е в а. Кто же это делает?

Г л у м о в. Тот, кто истинно любит.

М а м а е в а. Да ведь этого не бывает.

Г л у м о в. Вот вам доказательство, что бывает.

М а м а е в а. Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. *(Обнимает его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г л у м о в *(один)*. Ну, как гора с плеч! Пора к невесте. *(Берёт шляпу и смотрится в зеркало.)* Разумеется, всё это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Всё взято одной энергией. Целый замок висит на воздухе без фундамента. Всё это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил. Голутвину заплачено. Пока я всё уладил. *(Нараспев.)* Всё уладил, всё уладил. Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки... Где перчатки, где перчатки? Вот они. *(Подходит к столу.)* В этом кармане бумажник, в этом дневник. *(Не глядя, шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.)* Платок здесь. *(Оборачивается к столу.)* Что такое? Где же? *(Открывает ящик.)* Куда я его засунул? Да что же это такое? Вот ещё беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя... *(Стоит молча.)* Падает, всё падает... и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завёл? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня ещё будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдёт; ещё беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато уж ведь и злей-то женщины ничего на свете нет, если её обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит

ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придёт. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к геенне. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

ТУРУСИНА.
МАШЕНЬКА.
МАМАЕВ.
МАМАЕВА.
КРУТИЦКИЙ.
ГОРОДУЛИН.
ГЛУМОВ.
КУРЧАЕВ.
ГРИГОРИЙ.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курчаев и Машенька выходят из гостиной.

Курчаев. Как всё это быстро сделалось.

Машенька. Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или...

Курчаев. Чудо, вы думаете?

Машенька. Я ничего не думаю; я просто голову потеряла.

Курчаев. Я его знаю давно и ничего особенного в нём не замечал; кажется, человек хороший.

Машенька. Он явился каким-то неотразимым. Всё за него. Все знакомые тётушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадалщицы указывают на него, странницы тоже; наконец Манефа, которую тётушка считает чуть не за святую, никогда не выдав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тётушки, а она им совершенно очарована.

Курчаев. Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги, — добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Ещё с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

Машенька. Тише! Они идут.

Входят Турусина и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Турусина и Глумов. Турусина садится в кресло.

Глумов останавливается с левой стороны и кладёт руку на спинку кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе.

Машенька у стола перелистывает книгу.

Г л у м о в. Когда я почувствовал призвание к семейной жизни, я взглянул на это дело серьёзно. Жениться для того, чтобы взять деньги,— это не в моих правилах, это была бы торговая сделка, а не брак — установление священное! Жениться по любви... но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Т у р у с и н а. Я сама то же говорю, но не все верят. *(Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.)*

Г л у м о в. Я ждал чуда и дождался чуда.

К у р ч а е в. Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Г л у м о в. Я поехал к одной благочестивой женщине.

К у р ч а е в. Не к Манефе ли?

Г л у м о в. Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошёл, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего,— она сидела ко мне задом,— заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдёшь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдёшь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала — вечером дядюшка привёз меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Т у р у с и н а. Да, много чудесного, но мало избранных...

К у р ч а е в. У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем.

Т у р у с и н а. Вы бы пошли по саду погуляли.

Курчаев шаркает ногой и кланяется.

Г л у м о в. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел ещё хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты... (*Машеньке.*) Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только её согласием.

Т у р у с и н а. Ничего больше и не нужно.

Г л у м о в. Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

К у р ч а е в. Непременно.

Г л у м о в. В этом браке нет людского произвола, следовательно, нет и ошибки.

Т у р у с и н а. Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Григорий.

Г р и г о р и й. Иван Иванович Городулин.

Т у р у с и н а. Я пойду, оденусь потеплее, здесь сыро становится. (*Уходит.*)

М а ш е н ь к а (*Курчаеву*). Пойдёмте в сад.

Уходят в сад. Входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Городулин.

Г о р о д у л и н. Здравствуйте! Сколько вы денег берёте?

Г л у м о в. Кажется, двести тысяч.

Г о р о д у л и н. Как же вы это сделали?

Г л у м о в. Да ведь вы же сами меня рекомендовали, — мне Софья Игнатьевна сказывала.

Г о р о д у л и н. Когда же? Да, да, помню! Да как же вы поладили с Турусиной, ведь вы вольнодумец?

Г л у м о в. Я с ней не спорю.

Г о р о д у л и н. А если она вздор говорит?

Г л у м о в. Её исправить невозможно. К чему же трудиться?

Г о р о д у л и н. Да, так вы вот как! Это хорошо. Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Г л у м о в (*тихо*). На днях будет напечатан трактат Крутицкого.

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Г л у м о в. Это очень легко.

Г о р о д у л и н. Ещё бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы ещё очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо бу-

дет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за своё. Надо их, старых, хорошенько.

Г л у м о в. Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Г о р о д у л и н. Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю! Нам такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну, и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Г л у м о в. Вон, в саду гуляет.

Г о р о д у л и н. Пойду поболтать с ней. (*Идёт в сад.*)

Г л у м о в (*вслед*). Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я её урезонил! Мало того, что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с её стороны.

Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Глумов и Мамаева.

М а м а е в а. Ну, что, нашли?

Г л у м о в. Нет, Голутвин клянётся-божится, что не брал. Даже слёзы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

М а м а е в а. Кому же взять! Потеряли как-нибудь.

Г л у м о в. И представить себе не могу.

М а м а е в а. Найдёт кто-нибудь и бросит.

Г л у м о в. Хорошо, как бросит.

М а м а е в а. А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Г л у м о в. Ничего особенного! Сердечные излияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки; очи, кудри. Всё то, что пишется про себя и что в чужих руках видеть стыдно.

М а м а е в а. Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну, так не беспокойтесь, никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь один? Где ваша невеста?

Г л у м о в. Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не всё же мне быть милым молодым

человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: «Ах, какой красавец появился!» — точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

Мамаева. Отчего же мне?

Глумов. Оттого, что я ваш.

Мамаева. Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Глумов. Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остаётся вам.

Мамаева. Вы опасный человек; вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Глумов. На каких рысках я буду подъезжать к вам!

Мамаева. Подъезжайте, подъезжайте! А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять её. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней.

Глумов. Вот вы сами посылаете.

Мамаева. Ступайте, ступайте!

Глумов уходит.

Как он торжествует! Погоди, мой друг, не рано ли ты вздумал радоваться!

Входит Курчаев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мамаева и Курчаев.

Мамаева. Куда вы?

Курчаев. Домой-с.

Мамаева. Домой, такой печальный? Погодите, я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

Погодите! Я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный. Подождите, я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остаётся.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

Курчаев. Позвольте мне удалиться.

Мамаева. Я поеду домой рано, одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я приказываю вам как тётка. Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

Курчаев. Во всяком другом случае я мог бы...

Мамаева. А здесь что же?

Курчаев. Софья Игнатьевна заявляет такие требования...

Мамаева. Какие?

Курчаев. Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моею службой.

Мамаева. Что несовместно?

Курчаев. Я и воспитанием не приготовлен...

Мамаева. Я вас не понимаю.

Курчаев. Софья Игнатьевна ищет для племянницы...

Мамаева. Ну?

Курчаев. Мог ли я этого ожидать? Это так редко бывает...

Мамаева. Что, что?

Курчаев. Я никогда и не слыхивал...

Мамаева. Да объяснитесь хорошенько.

Курчаев. Она ищет добродетельного человека.

Мамаева. Ну, так что ж?

Курчаев. Я никаких добродетелей не имею.

Мамаева. Как никаких? Что же, в вас только пороки?

Курчаев. Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? Во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

Мамаева. Погодите, погодите! Может быть, это ещё и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада Машенька.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамаева, Курчаев, Машенька, потом Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаева. Поздравляю вас! Вы с каждым днём всё больше расцветаете. Очень рада вашему счастью.

Машенька. В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева. Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением, и примером от вашей тётушки.

Машенька. Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одной: послушанием.

Входят Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаев (*Крутицкому*). В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

Крутицкий. Да почему же?

Мамаев. Зачем непременно трагедия, отчего не комедия!

Крутицкий. А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

Мамаев. Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Турусина (*Мамаевой*). У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь, зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица. Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за неё, она теперь войдёт в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

Мамаева. Но где же ваш жених? Я его не вижу.

Турусина. Машенька, где Егор Дмитрич?

Машенька. Он в саду с Городулиным.

Турусина. По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покороче, тут я увидела, что он превзошёл все мои ожидания.

Мамаев (*подходя*). Кто это превзошёл все ожидания?

Турусина. Ваш племянник.

Мамаев. Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Турусина. Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

Крутицкий. Да, Глумов может далеко пойти.

Мамаев. Разумеется, с нашей помощью.

Входит Григорий.

Турусина. И за что мне такое счастье? Разве за мои... (*Григорию.*) Что тебе? Разве за мои добрые дела?

Человек подаёт конверт.

Что это такое? (*Распечатывает.*) Какая-то газета! Должно быть, не ко мне.

Мамаева (*берёт конверт*). Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Турусина. Это, должно быть, ошибка. Кто принёс?

Григорий. Почтальон-с.

Турусина. Где он?

Григорий. Он давно ушёл-с.

Мамаев. Дайте-ко сюда. Я вам разберу и объясню. (*Берёт конверт и вынимает из него печатный лист.*) Во-первых, газета, да и не газета, а только один лист из газеты, одна статья.

Турусина. Но ведь это не из редакции?

Мамаев. Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Турусина. Что же такое там?

Мамаев. А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Турусина. Это до нас не касается. Бросьте.

Мамаев. Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба-ба-ба! Да это Егор Дмитрич!

Мамаева. Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдаёт газету.

Турусина. Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

Курчаев. Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

Мамаев (*строго*). Да, да. Я знаю.

Мамаев а. Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича: тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

Мамаев (*вынимает из конверта тетрадь*). Вот ещё что-то.

Крутицкий. Это его рука, я к ней пригляделся. Его, его! Чем хотите отвечаю!

Мамаев. Да, это его рука, а вот подпись другой рукой: «В доказательство того, что всё в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать — статью или дневник?

Крутицкий. Лучше уж оригинал.

Мамаев. Начнём с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счёт. «Манефе двадцать пять рублей, ей же ещё двадцать пять рублей... Дура набитая, а берётся предсказывать! Учил, учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей... Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмёт с Турусиной? Спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с половиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Турусиная (*нюхая спирт*). Всех прогоню, всех! Злой быть грешно и доброй глупо! Как жить после этого?

Мамаев а. Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

Мамаев. «За три анонимных письма к Турусиной пятнадцать коп...»

Машенька. Так вот откуда письма-то, ma tante!

Турусиная. Вижу, мой друг. Извини меня! Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму, и не по силам. Располагай собой, как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька (*тихо*). Мой выбор уж сделан, ma tante.

Турусиная. И прекрасно. В нём ты не обманешься, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

Крутицкий. И заведёте себе других?

Т у р у с и н а. Не знаю.

М а м а е в. Прикажете продолжать?

Т у р у с и н а. Уж теперь продолжайте, всё равно.

М а м а е в. «Человеку Мамаева, за то, что привёз ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся внаймы квартирам, — этому благодетелю моему три рубля. Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем не интересный. «Первый визит Крутицкому. Муза! Воспоём доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребёнка?»

К р у т и ц к и й. Ну, довольно! Это пашквиль... Кому приятно?..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Городулин, потом Глумов.

М а м а е в (*не замечая Городулина*). Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине. «Городулин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

К р у т и ц к и й. Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Г о р о д у л и н. Вы находите, что похоже?

М а м а е в. Ах, Иван Иванович, я вас и не заметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Г о р о д у л и н. Кто же этот современный Ювенал?

М а м а е в. Мой племянник Глумов.

Т у р у с и н а. Отдайте, Иван Иванович, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Глумов, Городулин почтительно подаёт ему дневник.

Г л у м о в (*принимая дневник*). Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам: вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

К р у т и ц к и й. Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

В с е. Да, да, да!

Глу м о в (*Крутицкому*). А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный человек? Может быть, вы вашим проныцательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмётся за такую работу! Или вы увидели мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

К р у т и ц к и й. Оно конечно, но...

Глу м о в (*Мамаеву*). Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили лстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь её от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

М а м а е в. Ну, что нам с тобой считаться — мы свои люди.

Глу м о в. Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берёте с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по её слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать? Разумеется, того, кто ей больше денег даёт. Хорошо, что ещё попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Ту р у с и н а. Я знаю одно, что на земле правды нет, и с каждым днём всё больше в этом убеждаюсь.

Глу м о в. Ну, а вы, Иван Иваныч?

Г о р о д у л и н. Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И всё, что вы говорили про нас, то есть про меня, — про других я не знаю, — правда совершенная.

Глу м о в. Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а всё-таки славный малый. (*Кру-*

тицкому.) Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете, с глазу на глаз с вами, молодой человек стоит навывтяжку и, униженно поддакивая после каждого слова, говорит «ваше превосходительство», у вас по всем вашим членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

Крутицкий. Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностью.

Глумов. Извините, ваше превосходительство! (*Мамаеву.*) Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

Мамаев. Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую...

Глумов. Понимаю. И вам, Иван Иванович, я нужен.

Городулин. Нужен, нужен.

Глумов. И умных фраз позаимствоваться для спича...

Городулин. И умных фраз для спича.

Глумов. И критику вместе написать.

Городулин. И критику вместе написать.

Глумов. И вам, тётушка, нужен.

Мамаева. Я и не спорю, я вас и не виню ни в чём.

Крутицкий (*Мамаеву.*) Я, знаете ли, в нём сразу заметил...

Мамаев (*Крутицкому.*) И я сразу. В глазах было что-то.

Глумов. Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки, я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я был между вами, в вашем обществе,— я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю жёлчь. Чем вы обиделись в моём дневнике? Что вы нашли в нём нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочёл вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили всё: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это всё,— тем дело и кончится.

Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется.
Прощайте! (*Уходит.*)

Молчание.

К р у т и ц к и й. А ведь он всё-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Г о р о д у л и н. Непременно.

М а м а е в. Я согласен.

М а м а е в а. Уж это я возьму на себя.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ПАВЛИН ПАВЛИНЫЧ КУРОСЛЕПОВ, именитый купец.

МАТРЁНА ХАРИТОНОВНА, жена его.

ПАРАША, дочь его от первой жены.

НАРКИС, приказчик Курослепова по дому.

ГАВРИЛО, приказчик по лавке.

ВАСЯ ШУСТРЫЙ, сын недавно разорившегося купца.

ДЕВУШКА.

СИЛАН, дальний родственник Курослепова, живёт в дворниках.

Двор: направо от зрителей крыльцо хозяйского дома, рядом дверь в комнату, где живут приказчики; налево флигелёк, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота. Летний вечер, восьмой час. Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило (сидит на скамье с гитарой), Силан (с метлой стоит подле).

С и л а н. Слышал ты, пропажа-то у нас?

Г а в р и л о. Слышал.

С и л а н. Вот она где у меня сидит, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои — господа приказчики, у меня чтоб аккуратно: в девятом часу чтоб дома, и ворота на запор. А уж это, чтоб по ночам через забор лазить, — уж это заведение надо вам бросить; а то сейчас за ворот, да к хозяину.

Г а в р и л о. Чудак ты человек, да коли нужно.

С и л а н. Моё дело: было б сказано, а там, как знаете! Я теперь необнаковенно зол, вот как зол, беда!

Гаврило брэнчит на гитаре. Силан молча смотрит ему на руки.

Доходишь?

Г а в р и л о. Дохожу помаленьку. *(Поёт и аккомпанирует себе):*

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно.

С и л а н. Песня важная.

Г а в р и л о. Песня расчудесная, в какой хочешь компании пой; только вот перебор... смотри хорошенько! Видишь? Не выходит, да и на поди!

С и л а н. Я так полагаю, друг любезный, тебе это самое занятие лучше бросить.

Г а в р и л о. Зачем же мне его бросать, дядюшка Силантий? Что я труда положил, ты то подумай!

С и л а н. Много тебе муки мученицкой за него.

Г а в р и л о. Мука-то ничего, а убытку много, это верно; потому гитара струмент ломкий.

С и л а н. Ежели её с маху да об печку, тут ей и конец.

Г а в р и л о. Конец, братец ты мой, конец, плакали денежки.

С и л а н. Об печку? А? Придумал же хозяин экую штуку; как увидит эту самую гитару и сейчас её об печку! Чудно!

Г а в р и л о (*со вздохом*). Не всё об печку, дядюшка Силантий, две об голову мою расшиб.

С и л а н. И довольно это, должно быть, смешно; потому гул по всему дому.

Г а в р и л о. Кому смешно, а мне...

С и л а н. Больно? Само собой, если краем...

Г а в р и л о. Ну, хоть и не краем... Да уж я за этим не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленная; а за гитары-то я деньги плачу.

С и л а н. И то правда. Голова-то поболит, поболит, да и заживёт; а гитару-то уж не вылечишь.

Г а в р и л о. А что, не убираться ли мне! Как бы хозяин не увидал.

С и л а н. Нет! Где! Он спит по облаковению. Ночь спит, день спит; заспался совсем, уж никакого понятия нету ни к чему; под носом у себя не видит, спросонков-то. Что наяву с ним было, что во сне видит, всё это вместе путает; и разговор станет у него не явственный, только мычит; ну, а потом обойдётся, ничего.

Г а в р и л о (*громко поёт*):

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого.

Курослепов выходит на крыльцо.

С и л а н. Постой-ко! Никак вышел! И то! Уходи от греха! Или стой! Притулись тут; он дальше крыльца не пойдёт, потому ленив.

Гаврило прячется.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

И И Ц А.

Павлинь Павловичъ Куроелиновъ, именитый купецъ.

Матрѣя Харитоновна, жена его.

Параша, дочь его отъ первой жены.

Наркиозъ, прикащикъ Куроелинова (по дому).

Гаврило, прикащикъ по лавкѣ.

Вася Шустричъ, сынъ недавно разорившагося купца.

Давушка.

Силанъ, дальній родственникъ Куроелинова, живетъ въ дворникахъ.

Дворъ: направо отъ зрителей тризубо хозяйскаго дома, рядомъ дверь въ комнату, гдѣ живутъ прикащики; направо флагелекъ, передъ нимъ плетень забора, передъ флагелемъ кусты, большое дерево, столъ и скамья, на заднемъ планѣ ворота. Лѣтній вечеръ, восьмой часъ.

Дѣйствіе происходитъ гдѣ-то назади въ уединенномъ городѣ Калиновѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гаврило (*сидитъ на скамьѣ съ митарой*), Силанъ (*съ метлой стоитъ подлѣ*).

СИЛАНЪ.

Слышалъ ты, пропажа-то у насъ?

ГАВРИЛО.

Слышалъ.

СИЛАНЪ.

Вотъ она гдѣ у меня сидитъ, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои — господа прикащики, у меня чтобъ акуратно: въ девятомъ часу чтобъ дома, и ворота на запоръ. А ужъ это, чтобъ по ночамъ черезъ заборъ лавить, — ужъ это заведеніе надо вамъ бросить; а то сейчасъ за ворота, да въ хозину.

«Горячее сердце»

Отечественные записки. 1869. № 1. Отд. I. С. 63.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Курослепов и Силан.

Курослепов (*садится на крыльцо и несколько времени зевает*). Ис чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? И никого, прах их... Матрёна! Ни дома, ни на дворе, чтоб им!.. Матрёна! Вот как оно страшно, когда не знаешь, что на свете... Жутко как-то. И сон это я видел али что? Дров будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? Да куда ж это все провалились? И какой это на меня страх сегодня! А ведь небо-то никак опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вот искры. И что, ежели вдруг теперь светопреставление! Ничего мудрёного нет! Очень это всё может случиться, потому... вот смолой откуда-то запахло, и пел кто-то диким голосом, и звук, струнный или трубный, что ли... Не поймёшь.

Бьют часы городские.

Раз, два, три, четыре, пять (*считает, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Часы, пробив восемь, перестают.

Только? Пятнадцать!.. Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать. Да ещё мало по грехам нашим! Ещё то ли будет! Ежели пойти выпить для всякого случая? Да, говорят, в таком разе хуже, а надо чтобы человек с чистой совестью... (*Кричит.*) Силантий, эй!..

Силан. Не кричи, слышу.

Курослепов. Где ты пропадаешь? Этакое дело начинается...

Силан. Нигде не пропадаю, тут стою, тут, тебя берегу.

Курослепов. Слышал часы?

Силан. Ну, так что ж?

Курослепов. То-то, мол! Живы ещё все покудова?

Силан. Кто?

Курослепов. Домочадцы и все православные христиане?

Силан. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослепов. Источники водные ещё не иссяклись?

Силан. Нет. С чего им?

Кур о сле п о в. А где же теперь жена?

С и л а н. В гости ушла.

Кур о сле п о в. Вот этакий теперь случай; она должна при муже.

С и л а н. Ну, уж это её дело.

Кур о сле п о в. Какие гости! Нашла время! Страх этакой.

С и л а н. Какой?

Кур о сле п о в. Всем в услышание пятнадцать-то часов било.

С и л а н. Ну, пятнадцать не пятнадцать, а девятый час — это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Кур о сле п о в. Ты говоришь, ужинать?

С и л а н. Да, уж это бесспорно. Уж ежели что положенное, без того нельзя.

Кур о сле п о в. Так это, значит, мы вечером?

С и л а н. Вечером.

Кур о сле п о в. И всё, как бывает всегда? Ничего такого?

С и л а н. Да чему же?

Кур о сле п о в. А я было как испугался! Мало ли я тут, сидя, чего передумал. Представилось мне, что последний конец начинается. Да ведь и то сказать, долго ли.

С и л а н. Что толковать.

Кур о сле п о в. В соборе отошли?

С и л а н. Сейчас только.

Кур о сле п о в. (*запевает*). Но, яко... Ты ворота запер?

С и л а н. Запер.

Кур о сле п о в. Пойти посмотреть за тобой.

С и л а н. Пройдись малость, лучше тебе...

Кур о сле п о в. Да, «пройдись малость»! Всё твоё несмотрение. Везде свой глаз нужен. У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

С и л а н. А ты спи больше, так и всего обворуют.

Кур о сле п о в. Вам разве хозяйского жаль! Ещё я с тобой... погоди.

С и л а н. Ну да, как же! Испугался! С меня взять нечего. Я своё дело делаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть к присяге. Не токма что вор, муха-то не пролетит, кажется. У тебя где были деньги-то?

Кур о сле п о в. Не успел я в сундук-то убрать, под подушкой были, в чулки спрятаны.

С и л а н. Ну, кому же возможно, сам посуди! В чулки прячешь, — так вот ты чулки-то и допроси хорошенько!

К у р о с л е п о в. Рассказывай. А вот взять тебя за волосы да, как бабы бельё полощут...

С и л а н. Руки коротки!

К у р о с л е п о в. Опять же вина не наготовишься, целыми бутылками пропадает.

С и л а н. С того ищи, кто пьёт, а меня Бог миловал.

К у р о с л е п о в. Кто бы это украл?

С и л а н. Диковина!

К у р о с л е п о в. Уж, кажется, кабы...

С и л а н. Ну, да уж и я бы...

К у р о с л е п о в. (*нараспев*). Но, яко... Так ужинать, ты говоришь?

С и л а н. Одно дело.

К у р о с л е п о в. Пойти приказать.

С и л а н. А что ж ворота?

К у р о с л е п о в. После. Ты у меня... (*Грозит.*) Слушай! Я, брат, ведь нужды нет, что ты дядя. А у меня, чтоб всё, — двери, замки, — чтоб всё цело! Пуще глазу, как зеницу ока, береги. Мне из-за вас не разориться.

С и л а н. Ну, да уж и довольно! Сказано, и будет.

К у р о с л е п о в. Где приказчики?

С и л а н. А кто их знает.

К у р о с л е п о в. Ежели которого нет, не отпирай, пусть за воротами ночует; только хозяйкупусти. А ежели посторонних кого к ним, хоть знакомый-раззнакомый, ни под каким видом. У меня тоже дочь невеста. (*Уходит в дом.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, Гаврило и потом Вася Шустрый.

С и л а н (*подходит к Гавриле*). Вылезай, ничего!

Г а в р и л о. Ушёл?

С и л а н. Ушёл. Вот теперь поужинает, да опять спать. А отчего это он спит так? Оттого, что капитал! А ты вот тут майся всю ночь. Награбил денег, а я ему их стереги! Две тысячи рублей! Легко сказать! От твоего, говорит, несмотрения! Каково мне на старости лет попреки слушать! Уж, кажется, кабы мне этого вора! Уж я б ему!.. То есть, кажется, зубами бы загрыз! Ну, вот покажись теперь, вот так метлой

прямо ему... (*Увидав Васю, который показывается на заборе.*) Поймай, поймай! Вот он! погоди, дай ему с забора-то слезть. (*Бросается на него с метлой.*) Караул!

В а с я. Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

С и л а н (*ухватив его за ворот*). И то, никак, свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара...

В а с я. Не кричи, сделай милость. Я к вам посидеть, больно скучно дома-то.

С и л а н. Коли ты к нам честью, на то есть ворота.

В а с я. Ворота заперты, а стучать, — пожалуй, хозяин услышит.

С и л а н (*держит его за ворот*). А где ж это показано, чтоб через забор? Ка... ка...

В а с я. Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?

С и л а н. Знаю я, что ты и прежде через забор лазил, да раз на раз не приходит; прежде взыску не было, а теперь вон две тысячи рублей пропало. Вот оно что значит вас баловать!

В а с я. Ведь не я украл, ты сам знаешь, какое ж мне до этого дело!

С и л а н (*трясёт его за ворот*). Тебе нет дела! Тебе нет дела! Стало быть, я один за всех отвечай! Вам никому нет дела. Всё я! Вот ты у меня теперь запоёшь! Караул!

Г а в р и л о. Да полно ты его мытарить-то.

С и л а н (*Васе*). Кланяйся в ноги!

Вася кланяется.

Вот так! (*Берёт его за ворот.*)

В а с я. Зачем же ты меня опять за ворот-то взял?

С и л а н. Для всякой осторожности. Что, отец здоров?

В а с я. Слава богу!

С и л а н. Знаю ведь я, зачем ты пришёл; да нет её дома, в гости ушла.

В а с я. Да пусти.

С и л а н (*держа за ворот*). В гости ушла, друг любезный. Вот погоди, придёт. Вот придёт, так повидайся, что ж!

В а с я. Да полно тебе мудрить-то надо мной. Что ты меня за ворот-то держишь?

С и л а н. А вот что: не свести ли мне тебя к хозяину покудова?

В а с я. Силантий Иваныч, есть ли на тебе крест?

С и л а н (*отпускает*). Ну, бог с тобой. Сиди здесь! Только чтоб честно и благородно; а ежели что, сейчас руки назад и к хозяину. Понял?

В а с я. Что же мне понимать-то?

С и л а н. Ну, то-то же. Мне было б сказано. (*Отходит и стучит в доску.*)

Г а в р и л о. Что тебя не видать давно?

В а с я. Недосужно было. Ну, Гаврик, какие я чудеса видел, так, кажется, всю жизнь не увидишь!

Г а в р и л о. Где ж это?

В а с я. У Хлынова был.

Г а в р и л о. У подрядчика?

В а с я. Да. Он уж теперь подряды бросил.

Г а в р и л о. Разве у тебя уж делов теперь нет никаких?

В а с я. Какие дела! Всё врозь ползёт, руки отваливаются. В люди идти не хочется от этакого-то капитала; я тоже человек балованный...

Г а в р и л о. А ведь поневоле пойдёшь, как есть-то нечего будет.

В а с я. Ну, там что бог даст, а покуда погуляю.

Г а в р и л о. Что же ты, какие диковины видел у Хлынова?

В а с я. Чудеса! Он теперь на даче живёт, в роще своей. И чего-чего только у него нет! В саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завёл и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит всё на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьёт шампанское. Круг дому народ толпится, все на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. Рай, а не житьё!

Г а в р и л о. А ведь из крестьян недавно.

В а с я. Ум такой имеет в себе. Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. Уж чего ещё! Ты только скажи! А? Пушку! Чего ещё желать на свете? Чего теперь у него нет? Всё.

Г а в р и л о. Да на что же пушку?

В а с я. Как на что, чудак! По его капиталу необходимая это вещь. Как пьёт стакан, сейчас стреляют, пьёт другой — стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми. Другой умрёт, этакой чести не дождётся. Хоть бы денёк так пожил.

Г а в р и л о. Где уж нам! Ты моли Бога, чтобы век работа была, чтобы сытым быть.

В а с я. Ещё барин с ним. Он его из Москвы привёз, за сурьёзность к себе взял и везде возит с собой для важности. Барин этот ничего не делает и всё больше молчит, только пьёт шампанское. И большое ему жалованье положено за вид только за один, что уж очень необыкновенные усы. Вот тоже этому барину житьё, умирать не надо.

Г а в р и л о. Эх, брат Вася! Кому ты позавидовал! Нынче он этого барина шампанским поит, а завтра, может быть, надругается да прогонит. Хорошо, как деньжонки есть, а то и ступай пешком в Москву. А ты хоть с грошом в кармане, да сам себе господин.

В а с я. А то у него ещё другой аютант есть, здешний мещанин Алистарх.

Г а в р и л о. Знаю.

В а с я. Этот только на выдумки: как что сделать почуднее, выпить повеселее, чтоб не всё одно и то же. Машины Хлынову делает, флаки красит, фонтаны в саду проводит, цветные фонари клеит; лебедя ему сделал на лодке на носу, совсем как живой; часы над конюшней на башне поставил с музыкой. Этот не пьёт и денег берёт немного; зато ему и уважения меньше. «У тебя, говорит, золотые руки, наживай капиталы от меня!» — «Не хочу, — говорит Листарх, — и твой-то капитал весь несправедливый». — «Как ты, — говорит, — смеешь грубить, я тебя прогоню». Алистарх ему прямо так: «Гони, говорит, не заплачу, по мою жизнь вас, дураков, хватит». И так будто побранятся. Только Алистарх его ничего не боится, грубит ему и ругает в глаза. А Хлынов его за это даже любит; да и то надо сказать, денег у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать». Вот ему Алистарх и нужен, чтоб думать за него. А коли что сам выдумает, всё нескладно. Вот недавно придумал летом в санях ездить по полю. Тут недалеко деревня; собрали двенадцать девок и запрягли их в сани. Ну, что за удовольствие! На каждую девку дал по золотому. А то вдруг на него хандра нападёт: «Не хочу, говорит, пьянствовать, хочу о своих грехах казниться». Позовёт духовенство, посадит всех в гостиной по порядку, кругом, на кресла и начнёт потчевать; всем в ноги кланяется; потом петь заставит, а сам сидит один посреди комнаты и горькими слезами плачет.

Г а в р и л о. Что ж ты у него делал?

В а с я. Меня Алистарх позвал. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему переделали. Лодка настоящая, и ездят по пруду кругом острова, а на острове закуска и вина приготовлены, а Алистарх хозяином, одет туркой. Три дня кряду эту игру играли, надоела.

Подходит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Наркис.

Н а р к и с. Я что ж, я, пожалуй, с вами вместе сяду, нужды нет, что вы мне не компания. *(Садится.)*

В а с я *(не обращая на него внимания)*. Как разбойники раза два кругом острова объедут, и всё атаман глядит в трубу подзорную, и вдруг закричит не своим голосом, и сейчас причаливают, и грабить, а хозяин кланяется и всех потчует.

Н а р к и с. Какие это такие разбойники проявились и откуда? Мне это чтобы сейчас было известно.

В а с я *(не слушая)*. И хозяин говорит по-турецки, и так похоже, вот как быть надо.

Н а р к и с. Есть тоже, которые разговаривать не хотят, но тоже и бьют их за это довольно порядочно.

В а с я. А одеты все в бархат, настоящий венецейский.

Н а р к и с *(вынимает красный фуляровый платок, надушенный, и размахивает им)*. Может, и другой кто одеться-то умеет, так что и купцу в нос бросится.

Г а в р и л о. Поди ты с своими духами!

Н а р к и с *(показывая перстень)*. И супиры тоже можем иметь, что, которые купеческие дети есть, так, может, и не видывали. А про разбойников про ваших всё узнается, потому прикрывать их не показано.

В а с я. Да, может, ты сам разбойник-то и есть, кто тебя знает!

Н а р к и с. И за такие слова тоже суд с вашим братом короткий.

В а с я. Я когда в Москве был, «Двумужницу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляет. Уж на что лучше.

Н а р к и с. Я вот поеду в Москву, я погляжу, я погляжу, так ли ты говоришь.

В а с я. Уж этому актёру трепали, трепали в ладоши, — страсть!

Н а р к и с. Ты погоди врать-то, вот я погляжу, ещё, может, твоя неустойка выдет.

В а с я. А это купец, а не актёр, а больше на разбойника похож.

Н а р к и с (*встаёт*). Умного у вас разговору, я вижу, нет, слушать мне нечего. А между прочим, надобно сказать, я сам скоро в купцы выду. (*Входит во флигель.*)

Г а в р и л о. А ты послушай, какую я песню наладил.

В а с я. Валяй!

Г а в р и л о (*поёт с гитарой*).

Ни папаши, ни мамыши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!

С и л а н (*издали*). Тише ты, никак хозяин...

Курослепов выходит на крыльцо.

Г а в р и л о (*не слушая, с большим азартом*).

Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Милый ручку протянул,
Казак плёткой стеганул.
На то сени, на то двери,
На то новы ворота.

К у р о с л е п о в (*сходит с крыльца*). Гаврюшка! Вот кто гудит-то. Какое такое столпотворение ты тут на дворе заводишь!

Г а в р и л о (*Васе*). Батюшки! Бери скорей гитару да полезай в кусты.

Вася берёт от него гитару и лезет в кусты.

К у р о с л е п о в. Кому я говорю! Глух ты, что ли! Иди сейчас сюда на глаза, и с бандурой!

Г а в р и л о. Гитары нет у меня, Павлин Павлиныч, провалиться на месте, нет-с, это я так...

К у р о с л е п о в. Как так? Как так, мошенник!

Г а в р и л о. Я, Павлин Павлиныч, на губах, право, на губах.

К у р о с л е п о в. Поди сюда, поди сюда, говорят тебе!

Вася убегает с гитарой во флигель.

С и л а н. Ты, братец, иди, коли велят; уж делать, стало быть, нечего.

Г а в р и л о. Что же такое! Я иду-с!

С и л а н. Ну, маленько потреплет, уж без того нельзя, на то он хозяин.

Гаврило идёт нога за ногу. Курослепов обходит его и хочет к нему подойти.

Гаврило отступает, потом бежит на крыльцо, Курослепов за ним в дом.

Стучат в калитку. Силан отпирает. Входят Матрёна и Параша.

С и л а н, впустив их, уходит за ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матрёна, Параша, потом Гаврило.

Матрёна (*идёт к крыльцу, из дому выбегает Гаврило, растрёпанный, и сталкивается с ней*). Ой! Пострел! Под ребро! Под самое — под сердце! Я ж тебя, погоди! (*Ловит его за руку*.)

Параша смеётся.

Ты чему смеёшься, чему?

Параша. Захотела смеяться и смеюсь.

Матрёна. Эко зелье! Эко зелье! (*Идёт к Параше и ведёт Гаврилу за собой, тот упирается.*)

Параша. Не подходи лучше, нехорошо тебе будет.

Матрёна. Запру тебя, в чулан запру, вот и весь разговор.

Параша. Нет, не весь, много у нас с тобой разговору будет. (*Уходит.*)

Матрёна. Эко зелье зарождѣнное! (*Гавриле.*) А ты откуда взялся? Уж ты на людей метаться стал! Ишь ты какой всклоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврило. Что ж, хорошо, что ль, трепать людей-то! Есть чем хвастаться! Ведь это всё отчего людей-то треплют?

Матрёна. Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврило. От необразования.

Матрёна. От необразования? Тебя, видно, мало? Пойдѣм, я ещё к хозяину сведу.

Гаврило. Да что вы, в самом деле! Пустите! (*Вырывается.*) Я уж и так топиться от вас хочу.

Матрёна. И чудесно! Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете.

Гаврило. Ну, я-то уж таковский, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья от вас нет. Это даже довольно подло с вашей стороны.

Матрёна. Ах ты, тварь ползущая! Смеешь ли ты так хозяйке?

Г а в р и л о. Ведь это в вас невежество ваше так свирепствует.

М а т р ё н а. Молчи! Сейчас я тебя всех твоих прав решу.

Г а в р и л о. Каких прав? У меня и нет никаких. А что мне молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы над падчерицей тиранствуете. Вот вы и знайте! (*Уходит.*)

Входит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Матрёна и Наркис.

М а т р ё н а. Это ты, Наркис?

Н а р к и с (*грубо*). Нет, не я.

М а т р ё н а. Как ты можешь со мной так неучтиво! Хозяйка желает с тобой нежно разговаривать, — есть её такое теперь желание...

Н а р к и с. Вообразите! И что ещё будет?

М а т р ё н а. Ты, как есть, мужик неотёсанный.

Н а р к и с. И то мужик, я себя барином и не ставлю. Что ты меня из кучеров-то приказчиком произвела, экономом, — ты думаешь, что я сейчас барином и стал для тебя, как же! Ты выправь мне такой лист, чтобы был я, как есть, природный дворянин, да тогда учтивости от меня и спрашивай.

М а т р ё н а. Что ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Н а р к и с. А невозможно, я и так живу. Как был невежа, облом и грубиян, так, значит, и остался. И ничего я об этом не беспокоюсь, потому что мне и так очень хорошо.

М а т р ё н а. Что ты какой неласковый сегодня?

Н а р к и с. А вот неласковый, так и неласковый.

М а т р ё н а. Да отчего?

Н а р к и с. Так, ни от чего. Про разбойников много слышал.

М а т р ё н а. Про каких?

Н а р к и с. Объявились в наших местах... человек полтора ста. Шайками по лесам и по воде на лодках.

М а т р ё н а. Да врут, чай, поди.

Н а р к и с. Кто их знает; может, и врут.

М а т р ё н а. Что ж, ты боишься, что ли?

Н а р к и с. Ну, вот ещё выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

М а т р ё н а. Ты что вышел-то? Тебе не нужно ль чего?

Н а р к и с. Да, мне теперича очень требуется...

Матрёна. Чего?

Наркис. Денег.

Матрёна. Каких денег, что ты!

Наркис. Таких денег, — обыкновенных, государственных, — а ты думала, игрушечных? Так я не маленький, мне не играть ими. Тысячу рублей давай!

Матрёна. Да опомнись ты! Давно ли...

Наркис. Оно точно, что недавно; только, коли я требую, так, стало быть, нужно. Потому как я в купцы выходить хочу вскорости и беспрерывно, так, значит, чтоб мне была тысяча рублей.

Матрёна. Варвар ты, варвар!

Наркис. Это точно, я варвар; это ты правду. Жалости во мне на вас нет.

Матрёна. Да ведь ты меня грабишь.

Наркис. А для чего ж мне тебя не грабить, коли я могу. Что же я теперича за дурак, что мне от своего счастья отказываться!

Матрёна. Да, ненасытная твоя душа, ужли тебе мало ещё?

Наркис. Мало не мало, а коли есть моё такое желание, так, значит, подавай: разговаривать нечего. Ежели да мне с тебя денег не брать, это будет довольно смешно.

Матрёна. Ах ты... Боже мой милостивый... что мне с тобой делать!

Наркис. Уж теперь шабаш, ничего не поделаешь! Ты бы об этом прежде...

Матрёна. Где ж я тебе денег возьму?

Наркис. А это не моего рассудка дело.

Матрёна. Да подумай ты сам, дубовая башка, сам подумай!

Наркис. Вот ещё, очень нужно! Мне какое дело! Стану я для тебя голову ломать, как же! Думают-то петухи индейские. Я весь век прожил не думавши; а как сейчас что в голову придёт, вот и конец.

Матрёна. Кровопиевец ты, окаянный! *(Хочет идти.)*

Наркис. Постой, погоди. Не надо мне денег. Пошутил.

Матрёна. Вот так-то лучше.

Наркис. А чтобы падчерицу за меня замуж, Парашу.

Матрёна. Ну, не пёс ты после этого?

Наркис. И денег, и приданого, всего как следует.

Матрёна. У! Проклятый! Выколоть тебе бельмы-то твои завистливые.

Н а р к и с. И сделай такую милость, свадьба чтоб была скорее. А то я таких делов наделаю, и не расчерпаешь. Чего душа моя желает, чтоб это было! И пожалуйста, ты меня не задерживай. Вот тебе и сказ. Больше я с тобой разговаривать теперь не в расположении. (*Уходит.*)

М а т р ё н а. Попутал меня, ох, попутал! Накинула я себе петлю на шею! Вымотал он всю мою душеньку из бела тела. Ноженьки-то мои с места не двигаются. Точно меня громом ошарашил! Кабы эту чаду где бревном придавило, кажется бы, в Киев сходила по обещанию.

Выходит Параша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матрёна и Параша.

М а т р ё н а. Куда ты, куда выскочила?

П а р а ш а. Иди скорей, батюшка зовёт.

М а т р ё н а. Ступай передом, я за тобой.

П а р а ш а. Я не барабанщик, впереди тебя ходить. (*Сходит с крыльца.*)

М а т р ё н а. Куда норовишь? Не бывать же по-твоему, не пушу я тебя ночью шляться по двору.

П а р а ш а. Ну, так ведь уйду же и на улицу, коли ты стала разговаривать. И незачем уйти, а уйду. Иди домой, кличет, говорят тебе.

М а т р ё н а. Разорвусь пополам, а на своём поставлю.

П а р а ш а. Вынула ты из меня всё сердце, вынула. Что тебе нужно от меня? (*Становится прямо против неё.*)

М а т р ё н а. Как что нужно, как что нужно? Первый мой долг, я тебя соблюдать должна!

П а р а ш а. Себя соблюдай!

М а т р ё н а. Ты мне не указ.

П а р а ш а. И ты мне не указ.

М а т р ё н а. Мне за тебя, за дрянь, да перед отцом отвечать...

П а р а ш а. Нечего тебе придумывать-то, чего быть не может. Не в чем тебе отвечать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигает. Что я, мешаю тебе, что ли, что на дворе погуляю. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ли ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

Матрёна. Знаю я, зачем ты вышла-то; недаром Наркис-то говорил.

Параша. Ты б стыдилась об Наркисе-то и поминать.

Матрёна. Так вот нет же...

Голос Курослепова: «Матрёна!»

О! Чтоб вам пусто было! Измучили вы меня! В гроб вы меня вгоните!

Параша. За что ты надо мной тиранствуешь? У зверя лесного, и у того чувство есть. Много ль у нас воли-то в нашей жизни, в девичьей! Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — всё чужая, всё чужая. Молода — так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба беспрекословная. Так отдам ли я тебе эту волюшку, дорогую, короткую. Всё, всё отнимите у меня, а воли я не отдам... На нож пойду за неё!

Матрёна. Ах, убьёт она меня! Ах, убьёт!

Курослепов выходит на крыльцо, Силан в ворота.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Матрёна, Параша, Курослепов, Силан.

Курослепов. Матрёна! Что тебя не дозовёшься!

Матрёна. Уйми дочь-то, уйми! Зарезать меня хочет.

Параша. Нечего меня унимать, я и так смирна.

Матрёна. Попала я в семейку, в каторжную. Лучше бы я у родителя в девичестве пребывала.

Курослепов. Эх, хватилась!

Матрёна. Там меня любили, там нежили, там и по сю пору обо мне убиваются.

Силан. Ты кричи шибче! И так почитай весь город у ворот, не пожар ли, мол.

Курослепов. А ты метлой-то её!

Матрёна (*Силану*). И сохрани тебя господи! Что я с тобой... (*Курослепову*.) Ты дочь избаловал, ты! У вас один умысел, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! С места не сойду.

Курослепов. Прасковья, покорись!

Параша. Да в чём покориться-то? Я по двору погулять вышла, а она меня гонит. Что она обо мне думает? Зачем она меня порочит? Я честней её! Мне это обида. Горькая обида!

Матрёна. Говори, лохматый шут...

Курослепов. Метлой-то её!

Матрёна. Тебя метлой-то! Говори, заспанные твои буркалы: моё дело беречь её?

Параша. Нечего того беречь, кто сам себя бережёт! Не говори ты мне таких слов!

Курослепов. Ну, что тут ещё! Что за базар! Покорись, тебе говорят.

Параша. И ты говоришь: покорись? Ну, изволь... Я покорюсь. *(Матрёне.)* Я покорюсь, только вот я тебе при отце говорю — это в последний раз, — запомни ты мои слова! Вперёд я когда хочу и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, так докажу я вам, что значит у девки волю отнимать. Слушай ты, батюшка! Не часто мне с тобой говорить приходится, так уж скажу я тебе зараз. Вы меня, девушку, обидели. Браниться мне с тобой совесть не велит, а молчать силы нет; я после хоть год буду молчать, а тебе вот что скажу. Не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь девичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себе добра хочу, — я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете... Не уберечь вам меня! *(Уходит.)*

Курослепов уходит за ней, потупя голову. Матрёна за ним, ворчит и бранится про себя.

Силан *(стучит в доску)*. Посматривай!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

КУРОСЛЕПОВ.

МАТРЁНА.

ПАРАША.

СЕРАПИОН МАРДАРЬИЧ ГРАДОБОВЕВ, *городничий.*

ВАСЯ ШУСТРЫЙ.

ГАВРИЛО.

СИЛАН.

СИДОРЕНКО, *полицейский унтер-офицер, он же и писмоводитель городничего.*

ЖИГУНОВ, *будочник.*

ДЕВУШКА.

РАБОЧИЕ КУРОСЛЕПОВА.

Декорация первого действия. 10-й час. К концу действия на сцене темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Градобоев, Силан, Сидоренко и Жигунов (входят в ворота).

Градобоев. Что, человек божий, хозяева не спят ещё?

Силан. Надо быть, нет; ужинать хотят.

Градобоев. Что поздно?

Силан. Да всё раздор; бранятся подолгу, вот и опаздывают.

Градобоев. А как дело?

Силан. Мне что! Говори с хозяином!

Градобоев. Сидоренко, Жигунов, вы подождите меня у ворот.

Сидоренко и Жигунов. Слушаем, ваше высокоблагородие.

Градобоев уходит на крыльцо.

Сидоренко *(Силану, подавая табакерку)*. Берёзинского!

Силан. С золой?

Сидоренко. Малость.

Силан. А стекла толчёного?

Сидоренко. Кладу по препорции.

Силан. Что нюхать, что нюхать, братец ты мой? Стар стал, ничего не действует; не доходит. Ежели ты мне, — так стекла клади больше, — чтоб он бодрил... встряхивал, — а это что! Нет, ты мне, чтоб куражил, до мозгов доходил.

Уходят в ворота. С крыльца сходит Параша.

Параша. Тихо... Никого... А как душа-то тает. Васи нет, должно быть. Не с кем часок скоротать, не с кем сердечко погреть! *(Садится под деревом.)* Сяду я да подумаю, как люди на воле живут, счастливые. Эх, да много ль счастливых-то? Уж не то чтобы счастья, а хоть бы жить-то по-людски... Вон звёздочка падает. Куда это она? Ах, где-то моя звёздочка, что-то с ней будет? Неужто ж опять терпеть? Где это человек столько терпенья берёт? *(Задумывается, потом запекает):*

Ах ты, воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, девка молодая —
Девка по торгу гуляла...

Входят Вася и Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Параша, Вася, Гаврило.

Гаврило. Погулять вышли?

П а р а ш а. Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Г а в р и л о. Теперь самое такое время, что гулять-с, и для разговору с девушками это время самое для сердца приятное. Так-с, точно мечта какая али сон волшебный-с. По моим замечаниям, вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-с?

П а р а ш а. Послушай, Гаврюша, ведь этак можно и надоест! Который ты раз меня спрашиваешь! Ведь ты знаешь, что я другого люблю, так чего ж тебе?

Г а в р и л о. Так-с. Я полагаю, что мне и напредки в ожидании не быть-с.

П а р а ш а. А напредки, голубчик, что будет, один Бог знает; разве я в своём сердце вольна? Только, пока я Васю люблю, уж тебе нечего приставать. Ты погляди-ка лучше, не подошёл бы кто, мне с ним поговорить нужно...

Г а в р и л о. Очень могу-с. Потому желаю от всего моего чувствительного сердца хотя даже этакой малостью быть вам приятным. *(Отходит.)*

П а р а ш а. Ну, вот молодец! *(Васе.)* Вася, когда же?

В а с я. Дела-то у нас с тятенькой порасстроились.

П а р а ш а. Знаю. Да ведь вы живёте; значит, жить можно; больше ничего и не надобно.

В а с я. Так-то так...

П а р а ш а. Ну, так что ж? Ты знаешь, в здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. Конечно, это делается больше по согласию родителей, а ведь много и без согласия увозят; здесь к этому привыкли, разговору никакого не будет, одно только и беда: отец, пожалуй, денег не даст.

В а с я. Ну, вот видишь ты!

П а р а ш а. А что ж за важность, милый ты мой! У тебя руки, у меня руки.

В а с я. Я уж лучше осмелюсь да так приду когда-нибудь, отцу твоему поклонюсь в ноги.

П а р а ш а. Вася, голубчик, терпенья моего не хватает.

В а с я. Да как же быть-то, право, сама посуди.

П а р а ш а. Ты по воле ходишь, а я-то, голубчик, подумай, что терплю. Я тебе говорю по душе: не хватает моего терпенья, не хватает!

В а с я. Уж ты малость-то, Параша, потерпи ещё для меня!

П а р а ш а. Вася, нешуточные это слова, — пойми ты! Видишь ты, я дрожу вся. Уж коли я говорю, что терпенья не хватает, — значит, скоро ему конец.

В а с я. Ну, полно! Что ты! Не пугай!

П а р а ш а. Что ты пуглив больно! Ты вот слов моих испугался, а кабы ты в душу-то мою заглянул, что там-то! Черно, Вася, черно там. Знаешь ли ты, что с душой-то делается, когда терпенью конец приходит? (*Почти шёпотом.*) Знаешь ли ты, парень, какой это конец-то, где этот конец-то терпенью?

В а с я. Да видит бог!.. Ну, вот, что ж мне! Нешто не жаль, ты думаешь!

П а р а ш а (*жмётся к нему*). Так держи ты меня, держи меня крепче, не выпускай из рук. Конец-то терпенью в воде либо в петле.

В а с я. Да вот, вот, как маленько с делами управлюсь, так сейчас к отцу твоему, а то, пожалуй, и так, без его ведома.

П а р а ш а. Да когда ж, когда? День-то скажи! Уж я так замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

В а с я. Да вот как бог даст. Получения тоже есть, старые долгишки; в Москву тоже надо съездить...

П а р а ш а. Да ты слышал, что я тебе сказала? Что ж, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? (*Плачет.*)

В а с я. Да бог с тобой! Что ты!

П а р а ш а. Слышал ты, слышал? Даром я, что ль, перед тобой сердце-то из груди вынимала? Больно ведь мне это, больно! Не болтаю я пустяков! Какой ты человек? Дрянной ты, что ли? Что слово, что дело — у меня всё одно. Ты меня водишь, ты меня водишь, — а мне смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мне терпеть больше нельзя, а ты мне: «Когда бог даст; да в Москву съездить, да долги получить»! Или ты мне не веришь, или ты дрянь такая на свет родился, что глядеть-то на тебя не стоит, не токма что любить.

В а с я. Ну, что ж ты так? Вот вдруг...

П а р а ш а. За что ж это, господи, наказание такое! Что ж это за парень, что за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно украл что. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видеть-то тебя мне тошно, только ты у меня духу отнимаешь. (*Хочет идти.*)

В а с я. Да постой, Параша, постой!

П а р а ш а (*останавливается*). Ну, ну! Надумался, слава богу! Пора!

В а с я. Что ж ты так в сердцах-то уходишь, нешто так прощаются? Что ты в самом деле! (*Обнимает её.*)

П а р а ш а. Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

В а с я. Когда ж мне к тебе ещё побывать-то? Потолковали бы, право, потолковали.

П а р а ш а (*отталкивает его*). Я думала, ты за делом. Хуже ты девки; пропадай ты пропадом! Видно, мне самой об своей голове думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надеяться не стану. Зарок такой себе положу. Куда я сама себя определю, так тому и быть! Не на кого, по крайности, мне плакаться будет. (*Уходит в дом.*)

Гаврило подходит к Васе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вася и Гаврило.

Г а в р и л о. Ну что, поговорил?

В а с я (*почесав затылок*). Поговорил.

Г а в р и л о. И как должно быть это приятно, в такую погоду, вечерком, и с девушкой про любовь говорить! Что в это время чувствует человек? Я думаю, у него на душе-то точно музыка играет. Мне вчуже было весело, что ты с Прасковьей Павлиновной говорил; а каково тебе?

В а с я. Что ж, ничего! Она нынче сердита что-то.

Г а в р и л о. Будешь сердиться от такой-то жизни. Уж хоть ты-то её не огорчай! Я бы, кажется, на твоём месте... Вот скажи она мне: пляши, Гаврило, — я плясать, поди в омут, — я в омут. Изволь, мол, моя родная, изволь. Скажи мне, Вася, какой это такой секрет, что одного парня девушки могут любить, а другого — ни за что на свете?

В а с я. Надо, чтоб парень был видный, из себя красивый.

Г а в р и л о. Да, да, да. Так, так.

В а с я. Это первое дело, а второе дело — разговаривать нужно уметь.

Г а в р и л о. Об чём, милый друг, разговаривать?

В а с я. Об чём хочешь, только чтоб вольность в тебе была, развязка.

Г а в р и л о. А я, братец ты мой, как мне девушка понравится, — и сейчас она мне, как родная, и сейчас я её жалеть начну. Ну и конец, и разговору у меня вольного нет. Другая и у хороших родителей жи-

вёт, а всё мне её жалко что-то; а уж если у дурных, так и говорить нечего; каждый миг у меня за неё сердце болит, как бы её не обидел кто. И начну я по ночам думать, что вот ежели бы я женился, и как бы я стал жену свою беречь, любить, и всё для неё на свете бы делал, не только что она пожелает, но и даже сверх того, — всячески бы старался для неё удовольствие сделать. Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут, — нет такого ничтожного, последнего мужичонка, который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живёт во всяком удовольствии и без обиды.

В а с я. Ну, и что ж из этого? Для чего уж ты об себе так мечтаешь? К чему это ведёт? Это даже никак понять невозможно.

Г а в р и л о. Что тут не понять? Всё тебе ясно. А вот что горько: что вот с этакой-то я душой, а достанется мне дрянь какая-нибудь, какую и любить-то не стоит, а всё-таки я её любить буду; а хорошие-то достаются вам, прощальгам.

В а с я. Что ж, ты эту всю прокламацию рассказываешь девкам аль нет?

Г а в р и л о. Начинал, милый друг, пробовал, только я от робости ничего этого, как следует, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфуз...

В а с я. Что ж они тебе на ответ?

Г а в р и л о. Известно что, смеются.

В а с я. Потому этот твой разговор самый низкий. А ты старайся сказать что-нибудь облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебе сейчас скажу. Была вечеринка, только я накануне был выпимши, и в это утро с тятенькой побранился, и так, знаешь ты, весь день был не в себе. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно как я сердит или расстроен чем. Потом вдруг беру гитару, и так как мне это горько, что я с родителем побранился, и с таким я чувством запел:

Чёрный ворон, что ты вьёшься
Над моею головой?
Ты добычи не дождёшься:
Я не твой, нет, я не твой!
Посмотри за куст зелёный!
Дорожи теперь собой:
Пистолет мой заряжённый!
Я не твой, нет, я не твой!

Потом бросил гитару и пошёл домой. Она мне после говорила: «Так ты мне всё сердце и прострелил насквозь!» Да и что ж мудрёного, потому было во мне еройство. А ты что говоришь? Какие-то плачевные слова, и совсем неинтересно ничего. Погоди, я тебя как-нибудь обучу, как надо с ихней сестрой разговаривать и в каком духе быть. А ты это что? Это одна канитель. Теперь как бы мне выбраться! Мимо Силана иди не рука, махну опять через забор. Прощай! (*Идёт к забору.*)

*На крыльце показываются Курослепов, Градобоев,
Матрёна и девушка.*

Г а в р и л о. Куда ты! Вернись назад, хозяева вышли; увидят — беда! Притаимся в кустах, пока уйдут.

Прячутся в кусты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Курослепов, Градобоев, Матрёна и девушка.

К у р о с л е п о в. Давай, Серапион Мардарьич, выпьем мы теперича под деревом! (*Девке.*) Ставь закуску под дерево!

Г р а д о б о е в. Выпьем под деревом!

М а т р ё н а. Что вам на одном месте-то не сидится!

К у р о с л е п о в (*жене*). Брысь под лавку! (*Градобоеву.*) Как же это ты с туркой-то воевал?

Г р а д о б о е в. Так и воевал, очень просто. Что мы у них этих одних крепостей побрали!

М а т р ё н а. Да, может, ты неправду?

К у р о с л е п о в. Брысь, говорят тебе!

М а т р ё н а. Что ты уж очень некстати! Что я тебе, кошка, что ли, в самом деле?

К у р о с л е п о в. Ты, Серапион Мардарьич, не осердись, помилуй бог! Ты и не гляди на неё, обернись ты к ней задом, пушай она на ветер брешет. Как же вы эти самые крепости брали?

Г р а д о б о е в. Как брали? Чудак! Руками. У турки храбрость большая, а дух у него короткий, и присяги он не понимает, как надобно её соблюдать. И на часах ежели он стоит, его сейчас за ногу цепью прикуют к пушке или там к чему, а то уйдёт. Вот когда у них вылазка из крепости, тогда его берегись, тут они опивум по стакану принимают.

Кур о сл е п о в. Каким же это опивом?

Г р а д о б о е в. Ну, как тебе это растолковать? Ну, всё одно олифа. И сейчас у него кураж; тут уж ему не попадайся, зубами загрызёт. Так наши и здесь сноровку нашли. Как они повалят из крепости кучей, загалдят по-своему, наши сейчас отступать, отступать, всё их заманивают дальше, чтоб у них кураж-то вышел; как отведут их далеко, дух-то этот храбрый весь у них вылетит, тут уж казаки заезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит.

Кур о сл е п о в. Не любит! Что ж это он аман кричит, зачем?

Г р а д о б о е в. По-нашему сказать, по-русски: пардон.

М а т р ё н а. Ты вот говоришь: пардон, а я слышала, что у них такие есть, которые совсем беспардонные.

Г р а д о б о е в. Слышала ты звон, да не знаешь, где он.

Кур о сл е п о в. Сделай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай её слов, пусть одна говорит. А то вот только малость дай ей, за что уцепиться, так и жизни не рад будешь. Ну вот, мы с тобой теперича, после сражения турецкого, и выпить можем.

Г р а д о б о е в. Это уж своим чередом!

Садятся и наливают.

Вот я какой городничий! О турках с вами разговариваю, водку пью, невежество ваше всякое вижу, и мне ничего. Ну, не отец ли я вам, скажи?

Кур о сл е п о в. Да уж что толковать!

М а т р ё н а. Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпион Мардарьич!

Г р а д о б о е в. Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпион! Это ты скорпион, а я Серапион.

М а т р ё н а. Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имён надавали! Как ни выворачивай язык-то, всё тот же скорпион выдет.

Г р а д о б о е в. Вот что, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрела; всё-таки свой-то глаз лучше.

М а т р ё н а. Ну, уж ты эти свои дьявольские подходы оставь! Не глупей я тебя, только что разве в Туречине не бывала. Я вижу, что вам прогнать меня хочется, а я вот останусь.

Курослепов. Брось ты её! Вот охота! Не понимаю... Уж самое это последнее занятие — с бабой разговаривать. Диви бы дела не было! Вот она, закуска-то!

Пьют.

Градобоев. Ну, как же твои деньги? Как же нам с этим делом быть?

Курослепов. Что с возу упало, то пропало.

Градобоев. Где они у тебя были?

Курослепов. Ну, ты знаешь, моя каморка, така тёмненькая. Туда, кроме меня с женой, никто и не ходит.

Градобоев. Подозрение на кого-нибудь имеешь?

Курослепов. Что грешить-то, ни на кого не имею.

Градобоев. Надо следствие.

Матрёна. Ну да, как же не средство!

Градобоев. Беспременно надо.

Матрёна. Так вот я и позволю в моём доме тебе безобразничать.

Градобоев. Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрёна. Знаю я это средство-то, для чего оно бывает.

Градобоев. Как тебе не знать, ты женщина умная. Мне нужно себя очистить, а то скажут, пожалуй: в городе грабёж, а городничий и не почешется.

Матрёна. Ну, как же! Совсем не для того, а для того, что ты человек алчный.

Градобоев. Разговаривай ещё!

Курослепов. Обернись к ней задом!

Матрёна. Всё тебе мало...

Градобоев. И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрёна. И выходит, ты человек алчный! Как зародился на свет скорпион, так скорпион и есть.

Градобоев (*старается испугать*). Я с тобой побранюсь! Сказал я тебе, чтобы не смела ты меня скорпионом звать: я ведь капитан, регалии имею; я с тебя бесчестье сдеру, а то и в смиренный!

Курослепов. Хорошенько её!

Матрёна. В усмирительный? В уме ли ты?

Градобоев. Да ещё на дуэль вызову.

Матрёна. Так вот я испугалась, как же! Тебе только с бабами и драться! Велика беда, что я тебя скорпионом назвала. Вашего брата, как ни назови, только хлебом накорми!

Курослепов. Не связывайся ты с ней! Я уж с ней давно ни об чём не разговариваю, очень давно; потому нет моей никакой возможности. Разговору у меня с ней нет, окромя: подай, прими, поди вон — вот и всё.

Матрёна (*Градобоеву*). Ты своё средство, а я своё средство знаю. Запру ворота на запор да собак выпущу, вот тебе и средство. Ты бы лучше разбойников-то ловил, а то средство...

Градобоев. Каких разбойников?

Курослепов. Брось ты её!

Матрёна. Из Брынских лесов человек полтора года приплыли.

Градобоев. По сухому-то берегу... Где ж ты их видела?

Курослепов. Оставь, молчи лучше, а то она такую понесёт околёсную, что только разве пожарной трубой уймёшь.

Градобоев. Ты бы её останавливал.

Курослепов. Пробовал, хуже! А вот одно дело: дать ей на произвол, мели, что хочешь, а слушать и отвечать, мол, несогласны. Устанет, перестанет.

Пьют.

Матрёна. Разбойники народ крещённый грабят, а они тут проклажаются, водку пьют.

Градобоев. Где грабят? Ну, сказывай! Кого ограбили?

Матрёна. А я почём знаю? Я что за сыщик? По лесам грабят.

Градобоев. Так это не моё дело, а исправника.

Курослепов. Чего тебе от неё хочется? Я тебе доподлинно объясняю, что нельзя с ней разговаривать. Вот попробуй, так я тебе, чем хочешь, отвечаю, что беспрременно ты через полчаса либо с ума сойдёшь, либо по стенам начнёшь метаться; зарежешь кого-нибудь, чужого, совсем невиноватого. Потому это дело испробованное.

Градобоев. Ну уж, видно, принесть тебе подарочек. Я в Бессарабии у казака купил, у киргиза.

Курослепов. Сделай такую милость!

Матрёна. Это что ещё за выдумки?

Градобоев. В орде плетена, ручка в серебро оправлена с чернетью. Для друга не жаль. А уж какая пользительная!

Матрёна. Умны вы больно, как погляжу я на вас! Это ты плеть хочешь подарить либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чем; потому это дороже вас обоих, не токма что твоей плети. Приноси свою плеть! Что ж, мы возьмём! Может, и пригодится на какую-нибудь невежу-гостя.

Градобоев. Который у вас забор-то на пустырь выходит?

Курослепов *(указывая)*. Вон этот.

Градобоев. Обмерить надо, сколько сажень от дому.

Курослепов. Для чего?

Градобоев. Для порядку.

Курослепов. Ну, что ж, можно.

Градобоев. Давай шагами мерять, ты от дому, а я от забору, так и сойдёмся вместе. *(Отходит к забору.)*

Курослепов. Ну, давай! *(Отходит к дому.)*

Матрёна. Шагайте, благо темно, смеяться-то на вас некому.

Градобоев *(идёт от забора)*. Раз, два, три...

Курослепов *(идёт от дома)*. Первый, другой, третий... погоди, сбился, начинай сначала.

Каждый идёт на прежнее место и постепенно сходятся.

Градобоев *(натываясь на Васю)*. Стой! Что за человек? *(Хватает Васю за ворот.)* Сидоренко! Жигунов!

Курослепов *(натываясь на Гаврилу, который подшибает его и убегает)*. Ай, убил, ай, убил! Караул! Держи его!

Вбегают Силан, за ним два будочника и несколько рабочих.

Матрёна. Ах! Разбойники! Караул! Режут!

Силан. Где тут они?

Матрёна. Вон, в кустах, хозяина режут. Ах! Караул!

Градобоев *(будочникам)*. Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, в моём-то городе? Хо-хо-хо!

Будочники вяжут Васю.

Силан *(ухватив Курослепова)*. Нет, уж ты мне что хочешь пой, а уж я тебя теперича поймал. Попался ты мне! Что я из-за тебя муки, что этого сумления...

Курослепов. Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то в зубы.

Силан. Шалишь! Не обманешь! Что этого греха я за тебя принял.

Градобоев (*Силану*). И его тащи сюда! Огня подайте!
Силан (*одному дворнику*). Беги в молодцовскую, принеси фонарь.

Работник уходит.

Курослепов. Ты с разбойниками вместе, ты на хозяина, а ещё дядя!

Матрёна. Много ль их там, разбойников-то?

Силан. Ни один не уйдёт, все тут. Подержите, братцы. Где тут у меня верёвка была?

Матрёна. Все? Ах, полтора! Караул! Всех они вас, всех перекушат и до меня доберутся. (*Падаёт на скамью.*)

Градобоев. Вяжите! Хо-хо-хо-хо! У меня-то в городе! Не нашли вы другого места!

Курослепов. Погоди ж ты! Дай ты мне только руки-то высвободить, великая тебе будет...

Рабочий приносит и ставит фонарь на стол.

Градобоев. Давай их сюда! Сейчас допрос. Ух, устал. Вот она, наша служба-то! (*Хочет садиться на скамью.*) Тут что ещё! Мягко что-то! Никак мёртвое тело? (*Трогает руками.*) Ещё забота! Фу, ты! Нет тебе минуты покою.

Матрёна. Ах! До меня, до меня добираются.

Градобоев. Ох, уж мне эта баба! Опять ты тут? (*Берёт её за руку.*)

Матрёна. Пуще всего не режьте вы меня и не троньте моего тела белого!

Градобоев. Ну да, как же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! Говорят тебе. (*Топает ногами.*) Что ты тут судопроизводству мешаешь? (*Садится на лавку.*) Я свою должность правлю, сейчас арестовать велю.

Матрёна уходит.

Силан (*тащит Курослепова, ему помогают другие дворники*). Вот, ваше высоко... О, чтоб!.. И то, никак, хозяин.

Курослепов. Что вы, оглашенные! (*Вырывается и хватается за ворот Силана.*) Серапион Мардарьич! Господин городничий! Суди ты его! Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! (*Силану.*) Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования

и для благолепия... опять же его иждивением... а ты ему руки назад, при народе: и что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто...

Градобоев. Не бойся! Все при тебе останутся, садись!

Силан. Кто же тебя... Вот поди ж ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вот я... что ж: что силы было — страсть, как устал. Ишь ты какой здоровый! Вот ты опять... а нешто я виноват, что темно.

Градобоев. Ну, это дело вы после разберёте. Давай сюда вора настоящего.

Будочники подводят Васю.

Ты что за человек?

Курослепов. Да это Васька!

Градобоев. Зачем же это, друг мой милый, ты за воровство принял?

Курослепов. Да уж беспрерменно он, потому как отец теперь в расстройство...

Градобоев (*Курослепову*). Ты будешь допрашивать? Может быть, я не за своё дело взялся? Так надевай мой мундир, а уж я буду прошение писать, чтобы меня в отставку.

Курослепов. Ну, полно, не сердись!

Градобоев (*Васе*). Так как же, друг любезный?

Вася. Да помилуйте, Серапион Мардарыч! Нешто вы нас с тенькой не знаете!

Градобоев. Постой! Ты отвечай мне на вопрос: зачем ты за воровство взялся? Занятие это, что ли, тебе понравилось? Или очень выгодно?

Вася. Да помилуйте, я собственно побывать зашёл, а известное дело — прячешься от Павлина Павлиныча, так как у них обнаковение всё за волосы больше... А что я с малолетства к воровству никакой охоты... Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, так мне и не надо.

Градобоев. Один ты этим делом промышляешь или в компании?

Вася. Что вам угодно, а за мной никаких делов нет-с.

Курослепов. Ну вас! Что за суд! Разве он признается? Да хоть и признается, так уж денежки прощай! Где ж это бывает, а у нас и по-давно, чтобы пропащие деньги нашлись! Стало быть, их и искать нечего, и судить не об чем.

Градобоев. Нет, ты таких слов не говори! Ответишь!

Курослепов. Было бы за что отвечать-то! Найди, тогда отвечу.

Градобоев. Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, так найду. Теперь ты меня за живое задел.

Курослепов. Ну, ищи! Найдёшь, ты будешь прав, а я виноват. А мы вот сдадим его в некруты за общество, они же теперь с отцом расстроились, значит, он так шатается, не при деле — вот и весь конец. На той же неделе сдадим, а покуда пусть посидит в арестантской за подозрение!

Градобоев. Ладно, пусть посидит покуда. (*Будочникам.*) Сведите его в арестантскую.

Вася. Да за что же, помилуйте!

Градобоев. Марш! Без разговору.

Будочники уводят Васю.

Курослепов. Ты ещё моли Богу... (*Рабочим.*) Ступайте по местам, что рты-то разинули!

Силан и рабочие уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Курослепов и Градобоев.

Градобоев. С ним ещё кто-то был?

Курослепов. Надо быть, из своих. Я так думаю: Гаврилка! Ну, уж с этим я сам разочтусь.

Градобоев. Значит, кончено дело?

Курослепов. Кончено.

Градобоев. Ну!

Курослепов. Что ну?

Градобоев. Если дело кончено, так что?

Курослепов. Что?

Градобоев. Мерси.

Курослепов. Какая такая мерси?

Градобоев. Ты не знаешь? Это покорно благодарю. Понял теперь? Что ж, я задаром для тебя пропажу-то искал?

Курослепов. Да ведь не нашёл.

Градобоев. Ещё бы найти! Тогда бы я не так с тобой заговорил. Мальчик я, что ли, для вас по ночам-то разбойников ловить, живота не жалея! Я человек раненый!

Курослепов. Да ведь ты так, между делом, за водкой.

Градобоев. Водка сама по себе; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты без барыша ничего не продашь, ну так и я завёл, чтобы мне от каждого дела щетинка была. Ты мне щетинку подай! Побалуй тебя одного, так и другие волю возьмут. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.

Курослепов. Да, ну что ж, я, пожалуй, завтра...

Градобоев. Милости просим на чашку чаю, пораньше.

Курослепов. Хорошо, зайду.

Градобоев (*подаёт ему руку*). До приятного! Ты завтра пришли ко мне Силана, мне его расспросить надо! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Курослепов, потом Гаврило и Силан.

Курослепов (*громко*). Гаврилка!

Гаврило у окна громко поёт: «Ни папаши, ни мамыши».

Врёшь, не обманешь! Гаврилка!

Гаврило входит.

Гаврило. Ежели вы опять за волосы, так пожалуйста лучше расчёт!

Курослепов. Вот я тебя разочту сейчас. Силантий! Дядюшка! Эй!

Входит Силан.

Выкинь его сундучишко на улицу, и самого в шею.

Гаврило. Куда ж я ночью?

Курослепов. А мне что за дело! Мой дом не общественного призрения для всякого, который того не стоит. Коли жить не умеешь, ступай вон, и конец.

Гаврило. Да у меня полтора ста рублей денег зажито.

Курослепов. Важное дело полтора ста рублей; а у меня две тысячи пропало. Полтора ста! А в острог хочешь?

Гаврило. Да за что же? Я человек бедный!

Курослепов. Бедные-то и воруют.

Гаврило. Мне деньги пожалуйста! Не с голоду же мне помирать.

Курослепов. Ну, ищи поди с меня. Эки проклятые! Тьфу! Вот хотелось ужинать, вот теперь и не хочется. А он с голоду помирать...

да полтора ста рублей! Да я с тебя тысячу бы не взял за это расстройство. Поди за мной, Силантий, я тебе его пачпорт отдам. *(Гавриле.)* А то у меня и в остроге насидишься. *(Уходит с Силаном.)*

Г а в р и л о. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Куда ты теперь, Гаврилка, денешься! Куда ни сунься, скажут, за воровство прогнали. Срам головушке! Убыток-то убытком, а мораль-то какая. На какой я теперь линии? Прямая моя теперь линия — из ворот да в воду. Сам на дно, пузырьки вверх. Ай, ай, ай, ай!

Выходит Силан.

С и л а н. Вот тебе пашпорт! Вольный ты теперь казак. Я так полагаю, что к лучшему. Собрать, что ли, твоё приданое-то?

Г а в р и л о. Сбери, брат, сделай милость, добра-то немного, всё в узел; у меня руки не действуют. Гитару-то не забудь. Я тут на столбушке посижу.

Силан уходит. Гаврило садится на столбик, выходит Параша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Параша и Гаврило, потом Силан.

П а р а ш а. Что у вас тут за беда случилась, батюшка из себя выходит?

Г а в р и л о. И-и-и, не расчерпаешь. Я решён совсем.

П а р а ш а. Как, совсем?

Г а в р и л о. Всего решён. Ни копейки, вся служба ни во что, и на все четыре стороны.

П а р а ш а. Ах ты, бедный!

Г а в р и л о. Я-то ещё ничего, а Васю в солдаты.

П а р а ш а *(с ужасом)*. В солдаты?

Г а в р и л о. Теперь в арестантской сидит, а на днях сдадут.

П а р а ш а. Полно! Что ты! За меня в солдаты?

Г а в р и л о. Не за вас, а его застали тут на дворе и занапрасно вором поставили, что будто он деньги украл.

П а р а ш а. Да ведь это всё равно, всё равно, ведь он для меня сюда пришёл. Ведь он меня любит. Боже мой! Грех-то какой! Он пришёл повидаться со мной, — а его в солдаты от отца, от меня. Отец-старик один останется, а его погонят, погонят! *(Вскрикивает.)* Ах, я несчастная! *(Хватается за голову.)* Гаврило, посиди тут, подожди меня минуту. *(Убегает.)*

Г а в р и л о. Куда она? Что с ней? Бедная она, бедная. Вот и с отцом, с матерью живёт, а сирота сиротой! Всё сама об своей головушке думает. Никто в её сиротское, девичье горе не войдёт. Уж её ль не любить-то? Ох, как мне грудь-то больно, слёзы-то мне горло давят. *(Плачет.)*

Выходит С и л а н с узлом и гитарой.

С и л а н. Вот тебе шапка! *(Надевает на него.)* Вот тебе узел, вот тебе гитара. И значит, братец ты мой, прощай! Не поминай лихом, а добром не помянешь!

Выходит П а р а ш а в бурнuse и с платком на голове.

П а р а ш а. Пойдём, пойдём!

Г а в р и л о. Куда вы, куда вы, помилуйте!

П а р а ш а. К нему, Гаврилушка, к нему, мой милый!

Г а в р и л о. Да ведь он в арестантской, помилуйте, что вы!

П а р а ш а. У меня деньги, вот видишь! Я подарю солдатам, меня пропустят.

Г а в р и л о. Так ведь это утром, а где же вы ночь-то? *(Кланяется в ноги.)* Оставайтесь, матушка, родная, оставайтесь!

П а р а ш а. Я у крёстной ночью. Пойдём! Пойдём! Что за разговоры!

С и л а н *(Параше)*. Ты за ворота проводить, что ль? Ну, проводи! Дело доброе. Он сирота.

П а р а ш а *(оборотившись к дому, несколько времени молча смотрит на него)*. Прощай, дом родительский! Что тут слёз моих проли-то! Господи, что слёз! А теперь хоть бы слезинка выкатилась; а ведь я родилась тут, выросла... Давно ли я ребёнком была: думала, что милей тебя и на свете нет, а теперь хоть бы век тебя не видать. Пропадай ты пропадом, тюрьма моя девичья! *(Убегает. Гаврило за ней.)*

С и л а н. Постой! Куда ты? *(Махнув рукой.)* Не моё дело! *(Запирает калитку.)* Эка жизнь! Наказание! *(Стучит в доску и кричит.)* Посматривай!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ГРАДОБОВЕВ.

КУРОСЛЕПОВ.

ГАВРИЛО.

ПАРАША.

ВАСЯ.

АРИСТАРХ, *мещанин.*

ТАРАХ ТАРАСЫЧ ХЛЫНОВ, *богатый подрядчик.*

БАРИН, *с большими усами.*

СИЛАН.

СИДОРЕНКО.

ЖИГУНОВ.

МЕЩАНЕ: 1-й, 2-й, 3-й.

ГРЕБЦЫ.

ПЕСЕННИКИ.

ИНВАЛИДНЫЕ СОЛДАТЫ.

АРЕСТАНТЫ.

РАЗНЫЕ ЛЮДИ.

Площадь на выезде из города. Налево от зрителя городнический дом с крыльцом; направо арестантская, окна с железными решётками; у ворот инвалидный солдат; прямо река и небольшая пристань для лодок, за рекой сельский вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А р и с т а р х сидит на пристани, ловит рыбу на удочку. С и л а н подходит и молча смотрит. У городнического крыльца стоит куча людей.

А р и с т а р х (*не замечая Силана*). Ишь хитрит, ишь лукавит. Погоди ж ты, я тебя перехитрю. (*Вынимает удочку и поправляет.*) Ты хитра, а я хитрей тебя; рыба хитра, а человек премудр, Божьим произволением... (*Закидывает удочку.*) Человеку такая хитрость дана, что он надо всеми, иже на земле, и под землёю, и в водах... Поди сюда! (*Тащит удочку.*) Что? Попалась? (*Снимает рыбу с крючка и сажает в садок.*)

С и л а н. Вот ты как ловишь-то!

А р и с т а р х (*оборачиваясь*). Здорово, дядюшка Силантий!

С и л а н. С приговором-то оно... действительно... Много ты этого всякого приговору знаешь, а я не знаю, вот она мне и не попадает.

А р и с т а р х. Какого приговору?

С и л а н. Молитва, мол, что ль, аль слова какие; вот я слушал, да не понял, а рыба-то и идёт на них.

А р и с т а р х. Полно, дядюшка Силантий, какие приговоры! Так, сам с собой разговариваю.

С и л а н. Ну, да уж что! Коли слово знать, на что лучше... Ты вон и часы... Скажешь, так, спроста.

А р и с т а р х. Ты тоже рыбки половить?

С и л а н. До рыбки ль? Я к городничему.

А р и с т а р х. Зачем?

С и л а н. У нас теперь дома литовское разорение, всё одно, что Мамай прошёл... Деньги пропали, раз; крестница твоя ушла...

А р и с т а р х. Что мудрёного! Уйдёшь. Куда ж она?

С и л а н. Она у крёстной, я заходил. Не велела, чтоб отцу... Ну, мне какая нужда.

А р и с т а р х. Как же это деньги? Кому ж бы?

С и л а н. Ты ж говори! У вора один грех, а у нас с хозяином десять: что мы народу переклепали! Гаврилу прогнал, Вася Шустрый теперь в арестантской соблюдается покудова.

А р и с т а р х. В арестантской? Что ты! Вот грехи-то!

С и л а н. Как есть грехи... Натворили... паче песка морского.

А р и с т а р х. Как же быть-то? Надо Васю выручать! Кто ж его в арестантскую? Хозяин, что ль?

С и л а н. Хозяин! Силён, ну и чудит. Городничий проснулся?

А р и с т а р х. Поди узнай!

С и л а н. Что ходить-то! Он сам на крыльцо выйдет. Он целый день на крыльце сидит, всё на дорогу смотрит. И какой зоркий на беспашпортных! Хоть сто человек-артель вали, как сейчас воззрится да поманит кого к себе: «А поди-ка сюда, друг любезный!» Так тут и есть. *(Почёсывает затылок.)* А то пойти! *(Подходит к городническому дому.)*

А р и с т а р х. Что только за дела у нас в городе! Ну уж обыватели! Самоеды! Да и те, чай, обходительнее. Ишь ты, чудное дело какое! Ну-ка! Господи благослови! *(Закидывает удочку.)*

Выходят Градобоев в халате и в форменной фуражке с костылём и трубкою и Сидоренко.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Градобоев и Сидоренко.

Градобоев *(сидясь на ступени крыльца)*. До Бога высоко, а до царя далёко. Так я говорю?

Г о л о с а. Так, Серапион Мардарьич! Так, ваше высокоблагородие. Градобоев. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Г о л о с а. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарьич.

Г р а д о б о е в. Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам...

1 - й г о л о с. Нет, уж за что же, Серапион Мардарьич!

Г р а д о б о е в. Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так я тебя костылём. Ежели судить вас по законам, так законов у нас много... Сидоренко, покажи им, сколько у нас законов.

Сидоренко уходит и скоро возвращается с целой охапкой книг.

Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их ещё в других местах! Сидоренко, убери опять на место!

Сидоренко уходит.

И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой ещё строже, а в последней уж самые строгие.

Г о л о с а. Верно, ваше высокоблагородие, так точно.

Г р а д о б о е в. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам или по душе, как мне Бог на сердце положит.

Сидоренко возвращается.

Г о л о с а. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарьич.

Г р а д о б о е в. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловаться... Ну, тогда уж...

Г о л о с а. Не будем, ваше высокоблагородие.

Г р а д о б о е в (*Жигунову*). Пленные есть?

Ж и г у н о в. Ночью понабрали, ваше высокоблагородие, — за безобразиие, — двое портных, сапожник, семь человек фабричных, приказный да купецкий сын.

Г р а д о б о е в. Купеческого сына запереть в чулан да сказать отцу, чтоб выручить приходил и выкуп приносил; приказного отпустить, а остальных... Есть у нас работа на огороде?

Ж и г у н о в. Есть. Человека два нужно.

Г р а д о б о е в. Так отбери двоих поздоровее, отправь на огород, а тех в арестантскую, им резолюция после.

Жигунов с арестантами уходит.

Какие ещё дела? Подходите по одному!

1 - й мещанин. Деньги вашему высокоблагородию, по векселю. Градобоев. Вот и ладно, одно дело с плеч долой. Сидоренко, положи в стол! *(Отдаёт деньги Сидоренке.)*

Сидоренко. Много у нас, ваше высокоблагородие, этих самых денег накопилось, не разослать ли их по почте?

Градобоев. Посылать ещё! Это что за мода! Наше дело взыскать, вот мы и взыскали. Кому нужно, тот сам приедет, — мы ему и отдадим; а то рассылать ещё, Россия-то велика! А коли не едет, значит, ему не очень нужно.

Подходит 2-й мещанин.

Тебе что?

2 - й мещанин. Векселёк вам! Не платит.

Градобоев *(приняв вексель)*. Сидоренко, сунь его за зеркало.

Сидоренко уходит.

2 - й мещанин. Да как же за зеркало?

Градобоев. А то куда ж его? В рамку, что ль, вставить? У меня там не один твой, векселей тридцать торчит.

2 - й мещанин. А если он...

Градобоев. А если он... а если ты станешь ещё разговаривать, так видишь. *(Показывает костыль.)* Пошёл прочь! *(Увидав 3-го мещанина.)* А, друг любезный, ты здесь! Долги платить — денег нет, а на пьянство есть: вексель на тебя другой год за зеркалом торчит, заплесневел давно, а ты пьянствуешь. Ступай в сени, дожидайся! Вот я тебе вексель-то на спину положу, да костылём и стану взыскание производить.

3 - й мещанин. Явите божескую милость, ваше высокоблагородие! Достатки наши вам известные... помилосердуйте!

Градобоев. Вот я те помилосердную, ступай. *(Заметив Силана.)* Эй ты, дядя! Иди за мной в комнаты! С тобой у нас большой разговор будет. *(Прочим.)* Ну, с богом. Некогда мне теперь судить вас. Кому что нужно, приходите завтра. *(Уходит с Силаном.)*

Все расходятся. Входит Гаврило с холстинным мешком за плечами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аристарх и Гаврило.

Аристарх. А! Гонимый, здравствуй!

Гаврило. Слышал, стало быть?

А р и с т а р х. Слышал.

Г а в р и л о. Где правда?

А р и с т а р х. Разве не знаешь? Подыми голову кверху.

Гаврило подымает.

Вон там!

Г а в р и л о. Знаю. А где нам суда искать?

А р и с т а р х. А суда вон там! *(Показывает на дом городничего.)*

Г а в р и л о. А ежели мне правого нужно?

А р и с т а р х. А правого нужно, так подожди, будет и правый.

Г а в р и л о. Да скоро ли?

А р и с т а р х. Ну, не так чтоб; зато уж хороший. Всех рассудит: и судей, и судимых, и тех, которые неправый суд давали, и тех, которые никакого не давали.

Г а в р и л о. Знаю я, про что ты говоришь-то.

А р и с т а р х. А знаешь, зачем спрашиваешь? Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?

Г а в р и л о. На богомолье.

А р и с т а р х. Час добрый! Куда?

Г а в р и л о. В пустынь.

А р и с т а р х. Один?

Г а в р и л о. Нет, нас много, и крестница твоя.

А р и с т а р х. Беглянка-то? Дома-то, чай, ищут.

Г а в р и л о. Нет, крестная посылала сказать, что, мол, ушли на богомолье, чтоб не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачеха, поди, рада, а отцу всё равно, потому он стал совсем без понятия. Мне зажитых не отдаёт, полтораста рублёв.

С крыльца сходят городничий и Силан.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Градобоев, Силан, Гаврило, Аристарх.

Г р а д о б о е в. С ума я сойду с этим делом проклятым; всю ночь нынче не спал. Точно гвоздь мне в голову засел. А уж доберусь. *(Силану.)* Говори хоть ты толком, чучело!

С и л а н. Ничего я не скажу, вот что: греха много. Это дело мудрёное! И! Мудрёное! Куда мудрёное!

Г р а д о б о е в. Ну, а хозяин-то, прежде Василья, думал на кого-нибудь?

С и л а н. Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнели совсем. Вявь-то он ничего не может... что надлежащее, а городит так, зря, от дикости от своей.

Г р а д о б о е в. Я за тебя примусь, я тебя в острог.

С и л а н. Ну, вот ещё! Думал-думал, да выдумал. С большого-то ума!

Г р а д о б о е в. Кому ты грубишь! Ты погляди, кому ты грубишь!

С и л а н. Да коли нескладно и совсем некстати.

Г р а д о б о е в. Ты, видно, в арестантской давно не сидел.

С и л а н. Для того и не сидел, что не моё это место, вот что.

Г р а д о б о е в. Молчи!

С и л а н. Молчу.

Г р а д о б о е в. Я тебя, дружок, говорить заставлю! (*Наступая на него.*) Кто украл?

С и л а н. Коли ты пужать... Знать не знаю... вот и залажу, и залажу... Хоть огнём жги... Так уж это, я тебе скажу, ты от камня скорей ответа дождёшься, чем от меня.

Г р а д о б о е в. Варвары! Да ведь не Васька?

С и л а н. Я почём знаю. Васька человек маленький, его как хошь тормоши; а что, конечно, и у него тоже душа, она чувствует.

Г р а д о б о е в. И не Гаврилка?

С и л а н. Опять же моё дело сторона. Гаврилко весь тут, его хоть вывороти. У него за душой есть ли железный грош? Навряд ли! А совести у него супротив других... очень даже достаточно.

Г р а д о б о е в. Ну, так на твоё и выходит?

С и л а н. На что на моё? Я ничего не знаю, вот тебе и сказ!

Г р а д о б о е в. Ну, в острог, нечего с тобой больше толковать.

С и л а н. Хоть и в острог, всё то же будет. Так вот же тебе... (*Решительно.*) Знать не знаю... что меня, старика, пужать выдумал!

Г р а д о б о е в (*подбегает к нему с кулаками*). Да я не пугаю. Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

С и л а н. Да хоть и лаской...

Г р а д о б о е в. Ведь если ты мне поможешь, я тебе такой магарыч... ну, десять, пятнадцать рублей.

С и л а н. Уж это, кажется, скорей от каменного попа железной про...

Г р а д о б о е в. Не договаривай, мошенник! Имей почтение к градоначальнику.

С и л а н. Что ж почтение? Я, как должно, без шапки... перед тобой.

Г р а д о б о е в. Слушай! (*Шепчет на ухо.*)

С и л а н. Да!

Г р а д о б о е в. Часто?

С и л а н. Почитай, каждую ночь.

Г р а д о б о е в. Ну, слушай. (*Шепчет.*) Сейчас ты и подай знак. Закричи.

С и л а н. Ладно!

Г р а д о б о е в. Только ты никому ни гу-гу, а то знаешь у меня!

С и л а н. Ну, да уж...

Г р а д о б о е в. Ступай!

С и л а н. Прощенья просим. (*Уходит.*)

Подходит Гаврило.

Г р а д о б о е в (*увидя Гаврилу*). Ты что тут, друг любезный, ша-таешься?

Г а в р и л о. Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с.

Г р а д о б о е в. Нехорошо! Кто без места, тот прохвост.

Г а в р и л о. Я, Серапион Мардарыч, ничему этому не причинен. Не то что без места, я теперича, как есть, без копейки.

Г р а д о б о е в. Ещё хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, милый, об тебе заботиться надо.

Г а в р и л о. Не оставьте!

Г р а д о б о е в. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такие люди близки сердцу моему.

Г а в р и л о. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Г р а д о б о е в. Не отдают?

Г а в р и л о. И хозяин прогнал без расчёту.

Г р а д о б о е в. И прогнал? Ах, разбойник! Ну, что ж мне теперь прикажете с ним делать?

Г а в р и л о. Явите божескую милость.

Г р а д о б о е в. Явлю. Подожди, вот придёт твой хозяин, проси у него расчёта при мне, я с ним разделаюсь.

Г а в р и л о. Будет ли мне польза, ваше высокоблагородие?

Г р а д о б о е в. Не знаю, друг. Я так думаю, хозяин обругает тебя, а будешь приставать, так прибьёт, а я прибавлю.

Гаврило. Где же мне с него денег искать, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Мне-то что за дело, ищи, где хочешь!

Гаврило. Стало быть, мне теперь голодной смертью помирать?

Градобоев. Стало быть, помирать. А кто его знает, может быть, и отдаст.

Гаврило. Нет, не отдаст. Разве вы прикажете.

Градобоев. Прикажете! А ты сперва подумай, велика ли ты птица, чтобы мне из-за тебя с хозяином твоим ссориться. Ведь его за ворот не возьмёшь, костылём внушения не сделаешь, как я вам делаю. Поди-ка заступись я за приказчика, что хозяева-то заговорят! Ни мучки мне не пришлют, ни лошадкам овсеца: вы, что ль, меня кормить-то будете? Ну что, не прошла ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, друг любезный!

Гаврило. Нет, уж я лучше...

Градобоев. То-то, ты лучше... беги, да проворней, а то задерживать велю.

Гаврило *(отступая и кланяясь)*. Так уж я...

Градобоев. Ступай с богом!

Гаврило проворно уходит.

Держи его! Ха-ха-ха!

Гаврило убегает и прячется за угол.

Эх, дела, дела! Не сходить ли на рынок для порядку! *(Кричит.)* Сидоренко!

Сидоренко показывается в дверях.

Сидоренко. Чего изволите, ваше высокоблагородие?

Градобоев. Бери кулёк, догоняй, я на рынок пошёл. *(Уходит.)*

Сидоренко с кульком бежит за ним. Входят Гаврило и Параша — одета как богомолка. Аристарх подходит к ней.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Параша, Аристарх и Гаврило.

Аристарх. Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

Параша. Крёстный, как бы мне с Васей повидаться?

Аристарх. Да что тебе в нём? Бог с ним!

П а р а ш а. Нет, крёстный, нельзя. За меня ведь он, безвинно. Всё моё горе я тебе сейчас скажу, нечего мне тебя стыдиться. Он со мной повидаться пришёл, а его за вора сочли.

А р и с т а р х. Э! Да, нехорошо! Ты дочь богатого отца; пожалуй, увидит кто.

П а р а ш а. Ничего! Не узнают; видишь, как я оделась; я платком закроюсь. А хоть и узнают, что ж за беда! Какая я дочь богатого отца, я теперь солдатка, крёстный.

А р и с т а р х. Как солдатка? Что ты?

П а р а ш а. Так! *(Развязывает узелок в платке.)* Я за него беспрерывно на днях замуж выду, а ежели мне помешают, так я наперёд говорю, я сраму наделаю, я к нему в казармы уйду. *(Даёт ему деньги.)* На вот деньги-то, солдатам дай.

А р и с т а р х. В уме ли ты! Батюшки мои!

П а р а ш а. Да что ж! Чего ты испугался? Нешто я не властна над собой! Ты не пугайся! Что ж! Меня совесть заставляет. Так, стало быть, нужно. Люди его обидели, всё, всё отняли... с отцом разлучили. Что ж! Он меня любит, может, у него только одно это на свете и осталось: так неужто я отниму у него эту последнюю радость. Что я такое? Чем мне гордиться-то перед ним? Разве он меня хуже? Всё равно, ведь уж мне в девках не оставаться. Выдадут, крёстный. Разве мне легче будет тешить какого-нибудь купца-то пьяного, против своей воли? Не то что по охоте, а, кажись бы, его ножом лучше зарезала! А тут без греха, по любви.

А р и с т а р х. Ну, видно, тебя не переспоришь. Что с тобой делать! Да на что мне деньги-то? У меня свои есть; а тебе, может, и понадобится. *(Отдаёт деньги и уходит в арестантскую.)*

Г а в р и л о *(надев мешок)*. Мы скоро пойдём-то?

П а р а ш а. А вот только с Васей повидаюсь.

Г а в р и л о. Ну, что ж, повидайтесь, а мы с Аристархом стеречь будем, чтоб не увидал кто.

Выходит Аристарх.

А р и с т а р х. Сейчас арестанты пойдут за водой, так и его выпустят с ними.

Выходят два арестанта с ушатом и проходят на реку; за ними Вася и солдат. Аристарх и Гаврило отходят к пристани.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вася.

П а р а ш а *(кланяется)*. Здравствуй, Вася!

В а с я *(совершенно убитый)*. Какими же ты это судьбами? Господи! Ещё мне уж теперь тяжело! *(Утирает слёзы.)*

П а р а ш а. Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! *(Обнимает его.)*
Я из дому ушла совсем, я уж с тобой теперь всю жизнь; как ты будешь жить, так и я.

В а с я. Каким манером?

П а р а ш а. Я за тебя замуж, нас обвенчают... ничего, не плачь... ну, скажу на себя, что он, мол, мне муж, не могу с ним разлучиться... не разорвёте, мол, нас, а лучше повенчайте.

В а с я. Спасибо тебе! *(Целует её.)*

П а р а ш а. Ну, будет про это. Теперь давай потолкуем о житье-то, Вася, голубчик, Вася!

В а с я. Давай потолкуем.

П а р а ш а *(прижимаясь к нему)*. Больно тебя бить-то будут.

В а с я. Я буду стараться.

П а р а ш а. Старайся, Вася, старайся! А ты вот что: как тебя обучат всему и станут переводить из некрутов в полк, в настоящие солдаты, ты и просись у самого главного, какой только есть самый главный начальник, чтоб тебя на Кавказ и прямо чтоб сейчас на стражение!

В а с я. Зачем?

П а р а ш а. И старайся ты убить больше, как можно больше неприятеля. Ничего ты своей головы не жалеи!

В а с я. А как ежели самого...

П а р а ш а. Ну, что ж: один раз умирать-то. По крайности мне будет плакать об чём. Настоящее у меня горе-то будет, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на стражение и переведут тебя в гарнизон: начнёшь ты баловаться... воровать по огородам... что тогда за жизнь моя будет? Самая последняя. Горем назвать нельзя, а и счастья-то не бывало, — так, подлость одна. Изомрёт тогда моё сердце, на тебя глядя.

В а с я. Меня, я так полагаю, в гвардию, в Петербург.

П а р а ш а. Что ж, хорошо; а на стражение всё-таки лучше. Ты возьми: коли Бог тебе поможет, произведут тебя за твою храбрость офицером, — отпросишься ты в отпуск... Приедем мы с тобой в этот

самый город, пойдём с тобой под ручку. Пусть тогда злодеи-то наши поглядят на нас. *(Обнимает его.)* А, Вася? Может, мы с тобой, за всё наше горе, и дождёмся такой радости.

В а с я. Что ж, мудрёного нет, ежели дух иметь...

П а р а ш а. Ну, теперь, Вася, я иду в пустынь, помолюсь Богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денёчек, чтобы всё, что мы с тобой задумали, Бог нам дал. Неужели моя грешная молитва не дойдёт! Куда ж мне тогда? Люди обижают и... *(Плачет.)* Вот что, Вася, я завтра опять к тебе побываю. Я теперь живу у крёстной, а домой не пойду ни за что! Как я перешагнула порог, как я перешагнула, веришь ли ты, кажется мне, лучше я в огонь, чем назад. И представляется мне, что и холодно-то мне там, и ровно свету-то там нет, и обида-то там в каждом углу живёт; и ровно я там обруганная какая на веки веков, и грудь-то у меня вся сжатая. Вот как в яму мне, как в яму. *(Задумывается.)* А ты ничего, Вася, ты куражься, чтобы перед другими-то...

С о л д а т. Эй, ты! Не велено арестантам.

В а с я. Погоди, кавалер, малость. *(Параше.)* Кажется, ты мне теперь, как ангел какой небесный...

П а р а ш а. Ну, милый, прощай покуда!

В а с я *(целует её)*. Прощай! *(Целует её.)*

Параша отходит и издали кланяется. Вася подходит к воротам с солдатом.

П а р а ш а *(солдату)*. Ах, постой, кавалер, постой!

Солдат и Вася останавливаются.

Вася, вот тебе деньжонок, хоть калачика купишь, голубчик. Прощай!

В а с я. Да уж полно!

С о л д а т. Да пойдём! Что тут! Не велено!

П а р а ш а. Ну, бог с тобой!

Вася с солдатом уходят; Параша несколько времени смотрит ему вслед.

Погоди, погоди, кавалер!

Подходят Аристарх и Гаврило.

Г а в р и л о. Пойдём поскорее! Вон богомольцы-то из городу вышли.

П а р а ш а. Подите вы прочь от меня! *(Подходит к арестантской, заглядывает в окна, потом садится на скамью у ворот и запекает.)*

Провожу-то ли я дружка далекохонько,
Я до города-то его, до Владимира,
Я до матушки-то его, каменной Москвы.
Среди-то Москвы мы становилися.
Господа-то купцы на нас дивовалися.
Уж и кто это, да с кем прощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой,
Добрый молодец с красной девицей?

(Оттирает слёзы и подходит к Гавриле.) Ну, пойдём! Ты на меня не сердись.

Гаврило *(подавая палку)*. Что вы, помилуйте! Вот я вам палочку прибрал...

Параша *(берёт палку)*. Новую мне жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мне. Как ни говори, всё-таки силы-то не мужские, Гаврюша.

Гаврило *(сквозь слёзы)*. Кожица-то на палочке вырезана — таково красиво!

Аристарх. Ступай, Параша, ступай! Городничий идёт с отцом.

Параша. Прощай, крёстный!

Параша и Гаврило уходят.

Аристарх. Вот и не родная дочь, а как жаль, смерть.

Входят городничий, Курослепов и Сидоренко с кульками.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аристарх, Градобоев, Курослепов и Сидоренко.

Градобоев *(будочнику)*. Вели закуску готовить!

Сидоренко уходит.

Курослепов. Ты мне её сыщи! Это твоё прямое дело! На то ты и городничим у нас поставлен.

Градобоев. Уж ты меня не учи; я своё дело знаю, зачем я поставлен. Не ты меня поставил, значит, не смеешь ты мне и указывать.

Курослепов. Ежели ты будешь беглых безо всякого внимания...

Градобоев. Разве она беглая? Она на богомолье ушла с матерью крёстной.

Курослепов. На богомолье?

Градобоев. Вот, значит, я больше тебя знаю. Оттого я и городничий, оттого я и жалованный, а ты мужик, так мужиком и останешься на веки веков.

Курослепов. Да как же она может без спросу?

Градобоев. У кого ей спрашиваться? Мачеха не пустит, ты спишь целый день, а у неё есть усердие.

Курослепов. Ну, вот, как она придёт, ты её ко мне с солдатом...

Градобоев. С солдатом?

Курослепов. На верёвке.

Градобоев. И на верёвке?

Курослепов. Мы её наверх в светёлку, там и закрём безвыходно.

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то, понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьёшь.

Курослепов. Ну и пущай!

Градобоев. Дочь — девушка, невеста, а он её с солдатом на верёвке.

Курослепов. Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...

Аристарх. Беденькая!

Курослепов. Это кто ещё... произносит?

Градобоев. Аристарх, кум твой.

Курослепов (*Аристарху*). Кто это у тебя бедная?

Аристарх (*кланяясь*). Здравствуйте, ваше степенство!

Курослепов. Нет, кто бедная-то?

Аристарх (*со вздохом*). Рыбка малая...

Курослепов. Отчего так она бедная?

Аристарх. Оттого, что большая её обижает.

Курослепов. То-то рыбка. А ежели ты бунтовать, так...

Градобоев. Будет толковать-то, ведь ничего умного не скажешь.

Курослепов. Ты когда мне кумом-то был? Когда у меня капиталу не было.

Градобоев. Пойдём, пойдём! Закуска дожидается. (*Уводит Курослепова.*)

Аристарх. Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, так и хватает. Бьётся, бьётся бедная мелкая рыба, никак перед щукой оправдаться не может!

Вдали слышна песня.

Это что ещё? Не наши ли? Ну, да кстати.

Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без куртки, руки фертм, Барин с большими усами и шестеро гребцов.

Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! (Хлынову.) Ишь ты, с утра глазки-то налил. Нигде от вас скрыться нельзя.

На пристань выводят Хлынова и Барина с усами.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Аристарх, Хлынов, Барин и гребцы в лодке.

Хлынов (важно). Как ты можешь, братец ты мой! Река никому не заказана.

Аристарх. Вот что, братец ты мой, поди-ка ты сюда. (Отводит Хлынова на авансцену.) Если ты хочешь быть таким купцом, чтобы все на тебя ахали, ты перестань шампанским песок-то поливать! Ничего не вырастет.

Хлынов. Ну, братец, говори скорей! Я теперь не в таком разе, чтоб твоих наставлений слушать...

Аристарх. Ты сделай хоть одно доброе дело. Вот тогда про тебя заговорят — вот тогда ты себя покажешь.

Хлынов. Я всё могу...

Аристарх. Ты знаешь Василья Шустрого? Он сидит в арестантской занапрасно, ты возьми его на поруки!

Хлынов. Не суть важное! Говори, братец, поскорее! Ты видишь, мне некогда.

Аристарх. Голова по злобе его в солдаты отдаёт, а ты его выкупи, он твои деньги заслужит; охотника найми либо квитанцию купи.

Хлынов. Из такого нестоящего дела, братец ты мой, ты меня тревожишь.

Аристарх. Человек погибает задаром, а он нестоящее.

Хлынов. Никакого я в тебе, братец, ума не вижу. Какая мне может быть честь перед другими, если я его выкуплю! Все эти твои слова ни к чему. А всё дело состоит: так как Васька на бубне даже очень хорошо стал понимать и мне чрез это самое от него утешение, значит, я сам в одну минуту это дело кончаю. Потому, если кто мне по нраву, тех трогать не смей.

Аристарх (с поклоном). Ну, как знаешь, как знаешь. Только не давай в обиду!

Хлынов. Как ты смеешь мне приказывать! Дома я с тобой разговаривать могу, а в городе я тебе не компания. Сейчас на свою дистанцию, назад! Барин, ваше благородие, пойдём к городничему.

Аристарх. Без сюртука! Вот так гости!

Хлынов. Тебе сказано, знай своё место! На задний стол, к музыкантам! И все твои нравоучения так и останутся при тебе, не особенно-то нам интересно.

Барин. Я не пойду, нехорошо, неучтиво!

Хлынов. Я так понимаю, что это гордость.

Барин. Совсем не гордость, топ шер, чем мне гордиться? А нехорошо! Ты знаешь, я в тебе эту черту не люблю. Уж извини.

Хлынов. Да-с. Какую это черту, позвольте спросить?

Барин. Свинства твоего!

Выходят городничий и Курослепов, Сидоренко в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Хлынов, Барин, Аристарх, городничий, Курослепов, Сидоренко и гребцы.

Хлынов. Нашему градоначальнику! *(Кланяется.)* Господин полковник, мы к вашему высокоблагородию!.. Павлину Павлинычу, предводителю нашему купеческому, почтение. Барин, гляди, вот всё это наше начальство! Господин полковник Градобоев, господин Курослепов, его высоко... высокостепенство; а для нас это всё одно ничего, можем слободно...

Градобоев. Уж очень ты, господин Хлынов, безобразничаешь!

Хлынов. Господин полковник, это вы действительно; безобразия в нас даже очень достаточно. Господин полковник, вы извольте с меня, за моё безобразие, штраф положить! Как я какое безобразие, вы сейчас: «Хлынов, штраф!» Извольте получать, господин полковник.

Курослепов. Что ты уж больно куражишься-то?

Хлынов. Отчего же мне, господин Курослепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб. Господа начальство, извольте мне ответ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у вас содержится?

Градобоев. Ну уж, господин Хлынов, ты куражиться — куражься, а в чужое дело не лезь, а то я тебя ограничу.

Хлынов. Никак не чужое, потому он мне сейчас нужен.

Курослепов. Нам тоже баловство-то в городе не очень приятно.

Хлынов. Ежели от него баловство, я в ответе. Беру сейчас на поруки.

Курослепов. У нас за общество уйдёт, мы найдём место всякому.

Хлынов. Охотника ставлю. Господин городничий, извольте отпустить Шустрого ко мне на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этим не постоим. (*Ищет в кармане.*)

Барин. Полно, что ты!

Хлынов. Ш-шь, ни слова! Господин полковник, извольте сами назначить.

Градобоев. Сидоренко, поди вели выпустить Шустрого!

Сидоренко. Слушаю, вашескоблагородие! (*Уходит.*)

Хлынов. Господа, пожалуйста ко мне откушать, на дачу, покорнейше я вас прошу ши да кашу кушать! А может, поищем и стерлядей найдём,— я слышал, что они в садках сидеть соскучились; давно в уху просятся. Винца тоже отыщем, кажется, у меня завалилась бутылочка где-то; а не поленятся лакеи, так и в подвал сходят, дюжину-другую шампанского приволокут. Так как вы наше начальство, будем здоровье ваше пить, с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать.

Градобоев. Вот когда ты дело говоришь, и слышать тебя приятно.

Курослепов. Жена будет ждать, пожалуй, надумается.

Хлынов. Супруге депешу пошлём, штафету снарядим.

Сидоренко приводит Шустрого.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Вася.

Хлынов (*Васе*). Знай порядки! Как ты, братец, довольно необразован! В ноги градоначальнику!

Вася кланяется.

Его высокостепенству.

Вася кланяется.

Мне!

Вася кланяется.

Пошёл в лодку, бери бубен!

Вася уходит в лодку.

Пожалуйте, господа!

Все входят в лодку.

Аристарх, к рулю!

Аристарх становится у руля.

Маркитант! Знай своё дело!

Один из гребцов подаёт флягу с водкой и закуску.

Пожалуйте, господа, на дорожку, чтоб смелей было ехать.

Все пьют и закусывают.

Алистарх, наблюдай, братец, где мели и подводные камни! Чуть где место опасное, докладывай, — мы в те поры будем на нутрь принимать для храбрости. Поехали! Начинай! Васька, действуй с бубном!

Песня. Отъезжают.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

СЦЕНА I

Сад на даче Хлынова, налево вход в дом.

ЛИЦА

ХЛЫНОВ.

БАРИН.

АРИСТАРХ.

КУРОСЛЕПОВ.

ГРАДОБОВЕВ.

ВАСЯ.

ПРИСЛУГА.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Градобоев, Курослепов, Хлынов, Барин и прислуга Хлынова (выходят из дому).

К у р о с л е п о в. Вот так угощение! Дай только бог перенести. Хоть какого губернатора этаким манером уважить можно. Надо тебе чести приписать!

Х л ы н о в. А из чего ж мы и бьёмся, как не из чести; одно дело, на том стоим.

К у р о с л е п о в. Ну и прощай, за мной лошади приехали. Повезут теперь меня домой.

Хлынов. Погоди, так нельзя. Надо последнюю, разгонную выпить. *(Прислуге.)* Эй! Братец! Посмотри поди, нет ли у нас какого-нибудь вина. Я думаю, что какое-нибудь найдётся.

Человек уходит.

Градобоев. Вы пейте, а я шабаш.

Хлынов. Господин полковник, у нас такая пословица: в гостях, в неволе.

Градобоев. Уж ты меня неволил довольно.

Человек вносит бутылку шампанского.

Хлынов. Градоначальник наш! Уважаю! Храбрый воин! Не огорчайте хозяина, не обескураживайте купца Хлынова. *(Подает ему стакан.)*

Градобоев. Нет, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлынов. Ежели вам, господин полковник, угодно видеть, исправны ли обыватели, мы вам это сейчас покажем. *(Курослепову.)* Господин предводитель, прошу обо всей! Барин, выручай!

Пьют.

Кажется, довольно чисто и аккуратно. *(Показывает Градобоеву стакан.)* Потому, я в своём доме люблю опрятность. *(Человеку.)* Догадайся, братец, догадайся!

Человек. Готово-с. *(Подает другую бутылку.)*

Курослепов. Ну, нет, прощай, а то до дому не доедешь, с дрожек свалишься.

Хлынов. Провожатого дадим.

Курослепов. Ты упряма, а я тебя упрямее. Зарежь, так не стану. Я тебе удовольствие сделал, и будет. И то уж сны какие стали сниться! Господи! Звери всё да хоботы, всё тебя хватают да ловят, да небо валится... Прощайте! Ну вас! *(Идёт.)*

Хлынов. Напредки не забывай!

Курослепов. Твои гости. *(Уходит.)*

Хлынов. Эй, молодцы, посадите господина Курослепова на дрожки! А ежели мы в нём настоящей крепости не найдём, посадим напротив него молодца и будет держать за плечи до самого дому. *(Хочет идти.)*

Барин. Ты останься с полковником! Я пойду провожу. *(Уходит. Несколько людей за ним.)*

Хлынов (с стаканом на подносе). Господин полковник, жду!

Градобоев. Не буду, русским я тебе языком говорю или нет!

Хлынов. У меня закон, господин полковник: кто не выпьет, тому на голову лить.

Градобоев. Очень мне нужно твои законы знать. У тебя закон, а у меня костыль.

Хлынов. Не сладите, господин полковник, обольём. Могу с вами паре держать, что обольём.

Градобоев. Попробуй! Что я с тобою сделаю!

Хлынов. Ничего вы со мной не сделаете, я так понимаю.

Градобоев. Да тебя засудят, тебе в Сибири места не будет.

Хлынов. Не страшно мне, господин полковник, не пугайте вы меня. Право, не пугайте лучше! Потому я от этого хуже. А хотите паре держать, что я не боюсь ничего? Вот вам сейчас видимый резон: доведись мне какое безобразие сделать, я ту ж минуту в губернию к самому. Первое мне слово от их превосходительства: Ты, Хлынов, безобразничаешь много! — Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитание, — биты много, а толку никакого. Наслышан я насчёт пожарной команды, починки и поправки требуются, так могу безвозмездно. — Да, — говорят, — ты нраву очень буйного? — Буйного, ваше превосходительство, сам своему нраву не рад, зверь зверем. Да и арестантские тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошего, арестанты разбегутся, так я тоже могу безвозмездно. Вот вам, господин полковник, наша политика! Да это ещё не всё. От самого-то, да к самой. — Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я дом в городе выстрою да на сирот пожертвую. — Потому что к самой я не только вхож, но даже пивал у ней чай и кофей, и довольно равнодушно. Ну, и выходит, господин полковник, что, значит, городничим со мной ссориться барыш не велик. Другому они страшны, а для нас всё одно, что ничего. Так уж вы лучше со мной не судитесь, потому я сейчас вас обремизить могу; а лучше положите с меня штраф, за всякое моё безобразие, сто рублей серебра. (*Подносит вино.*) Пожалуйте, без церемонии!

Градобоев (*берёт стакан*). Прокажённые вы! Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей! Через душу ведь я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнётесь этим вином проклятым!

Хлынов. Всё это нам, господин полковник, на пользу сотворено...
Ежели иной раз и много, так что, случается, ужасно даже много...

Градобоев. Случается! Каждый день с вами это случается.

Хлынов. Допустим, так; но ежели с молитвой и, главное, чтоб не оговорил никто... какой может быть вред!

Градобоев. Прощай! Теперь не скоро заманишь.

Барин возвращается.

Хлынов. Зачем же-с! А мы так надеемся, что вы наши постоянные гости. *(Вынимает бумажник.)* Позвольте вам! *(Подает три сторублёвые ассигнации.)* Сочтите так, что за штраф!

Градобоев. Ну тебя, не надо!

Хлынов *(обнимает его и кладёт ему насильно деньги в карман)*. Невозможно! Без гостинцу не отпущу. Мы тоже очень понимаем, что такое ваша служба.

Градобоев. Изломал ты меня, леший.

Хлынов. Вы ничему не причинны, не извольте беспокоиться; потому вам насильно положили.

Градобоев. Ну, прощай! Спасибо!

Целуются.

Хлынов. Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтоб в струне.

Все уходят. Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Барин, Вася, потом Хлынов и прислуга.

Барин. Ну, как твои дела?

Вася. Квитанцию добыл, да не знаю, как вот Тарах Тарасыч...
Он...

Барин. Деньги заплатит.

Вася. Ужли заплатит?

Барин. Заплатит, только тебя в шуты определит.

Вася. Ну, уж это зачем баловаться!

Барин. Что ж, не хочешь? Лучше в солдаты пойдёшь?

Вася. Само собой.

Барин. Нет, шалишь! Я вашего брата видал довольно; не такие солдаты бывают, у тебя поджилки не крепки. В писарях тебе быть, это так; хохол завивать, волосы помадить, бронзовые цепочки раз-

вешивать, чувствительные стихи в тетрадку переписывать, это так; а в солдаты ты не годишься. А вот сам Хлынов идёт, толкуй с ним.

Вася робко отступает. Входит Хлынов и несколько человек прислуги.

Хлынов. Уехали. Ну, вот что я теперь, братец ты мой, остался! С тоски помирать мне надобно из-за своего-то капитала.

Барин. Вольно ж тебе скучать-то!

Хлынов. А что ж мне делать? Взад-вперёд бегать? На тебя, что ль, удивляться? Какие такие узоры, братец, на тебе написаны?

Барин. Во-первых, ты осторожней выражайся, а во-вторых, у тебя на то Аристарх, чтобы тебе увеселения придумывать.

Хлынов. Да, должно быть, ничего не придумал. Я ему ещё давеча приказывал: сиди, братец, не сходя с места, думай, что мне делать сегодня вечером. *(Слуге.)* Где Алистарх?

Слуга. Здесь, в саду, под деревом лежит.

Хлынов. Думает?

Слуга. Нет, в дудку дудит, ястребов приманивает.

Хлынов. Ему думать приказано, а он в дудку дудит. Позвать его сейчас ко мне на глаза!

Слуга уходит. Хлынов, увидав Васю, садится в кресла, разваливается и говорит важным тоном.

А, ты здесь! Поди сюда, я желаю с тобой разговаривать! Как я, братец ты мой, при твоей бедности, хочу быть тебе благодетелем.

Вася кланяется.

По этому самому, я у тебя спрашиваю, как ты сам о себе думаешь.

Вася. Квитанцию нашли-с.

Хлынов. А какой может быть курс на эти самые патенты?

Вася. То есть как цена-с?

Хлынов. Ты, братец, должен сразу понимать. Я для всякого ничтожного человека не могу по десяти раз повторять.

Вася. Четыреста рублей-с.

Хлынов. Откуда ж ты эти самые капиталы получить в надежде?

Вася *(кланяясь в ноги)*. Не оставьте, Тарах Тарасыч!

Хлынов. Ты, может, братец, воображаешь, что твои поклоны очень дорого стоят?

Вася. Бог даст, мы с тятенькой поправимся, так в те поры вам с благодарностью...

Хлынов. Как ты, братец, мне, на моей собственной даче, смеешь такие слова говорить! Нешто я тебе ровный, что ты мне хочешь деньги отдать. Ты займы, что ли, хочешь взять у меня, по-дружески? Как посмотрю я на тебя, как ты, братец, никакого образования не имеешь! Ты должен ждать, какая от меня милость будет; может, я тебе эти деньги прошу, может, я заставлю тебя один раз перекувырнуться, вот и квит. Ты почём мою душу можешь знать, когда я сам её не знаю, потому это зависит, в каком я расположении.

Вася. На всё ваша воля, Тарах Тарасыч; а что у меня теперича душа расстаётся с телом.

Хлынов. Так бы ты должен с самого спервоначалу... покорность... Теперь я тебя, братец ты мой, так решаю; четыреста рублёв для меня всё равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня год, в какое я тебя звание определяю.

Вася. Уж вы мне теперь скажите, Тарах Тарасыч; потому моё дело такое: тятенька, опять же знакомства много, как были мы в городе на знати, сами тоже в купеческом звании...

Хлынов. Быть тебе, братец ты мой, у господина Хлынова запевалой. Вот тебе и чин от меня.

Вася. Уж очень страм перед своим братом, Тарах Тарасыч.

Хлынов. А коли страм, братец, я тебя не неволю, ступай в солдаты.

Вася. Позвольте, Тарах Тарасыч, подумать!

Хлынов. Вот опять ты выходишь дурак и невежа! Давно ль ты сенатором стал, что думать захотел! Думают-то люди умные. А коли ты, братец, думать захотел, так свести тебя опять в арестантскую, там тебе думать будет способнее.

Вася. Нет, уж вы, Тарах Тарасыч, мою молодость не губите; а как, значит, вам угодно, так пусть и будет.

Хлынов. Недолго же ты, братец мой, думал.

Входит Аристарх.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Аристарх.

Хлынов. Где ты, братец ты мой...

Аристарх. Погоди, безобразный! (*Прислуге.*) Вы тут пьяные-то по саду путаетесь, так вы смотрите, там у меня в капкан не попади-

те; на хорька поставлен. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да там у меня змей под деревом.

Хлынов. Для чего у тебя змей? Как ты, братец, довольно глуп! Ещё укусит кого.

Аристарх. Ты вот умён. Он бумажный. Я его склеил, так сушить поставил.

Хлынов. А для какой надобности?

Аристарх. Пускать будем вечером с фонарём, с лодки. А к лодке я такую машину приделываю, ручную, и колёса заказал, будет как вроде пароход.

Хлынов. А что ж, братец ты мой, я тебе думать приказывал, куда мне себя нынешний вечер определить.

Аристарх. Я уж придумал; вот сейчас скажу. *(Берёт стул и садится)*. Слушайте! Тут неподалёку есть барин, по фамилии Хватский. У него было имение хорошее, только он всё это нарушил через разные свои затеи. Дом свой весь переломал, все печи и перегородки разобрал и сделал из него театр, а сам живёт в бане. Накупил декораций, разных платьев, париков, и лысых, и всяких; только ни представлять, ни смотреть у него этот театр некому. В деньгах он теперь очень нуждается, потому он на всех полях картофель насадил, хотел из него крахмал делать, а он у него в полях замёрз, так в земле и остался; и хочет он теперь в Астрахань ехать рыбий клей делать; теперича он весь свой театр продаст за бесценок.

Хлынов. Для чего ты, братец, нам эту рацею разводишь?

Барин. Погоди, тут что-то на дело похоже.

Аристарх. Да само собою; нечто я стану зря. Ты слушай, безобразный, что дальше-то будет! Вот я сейчас поеду и куплю у него все костюмы. А вечером всех людей нарядим разбойниками; шляпы у него есть такие большие, с перьями. Разбойники у нас будут не русские, а такие, как на театрах, кто их знает, какие они, не умею тебе сказать. Чего не знаю, так не знаю. И сами нарядимся: я пустынным...

Хлынов. Зачем пустынным?

Аристарх. Что ты понимаешь! Уж я, стало быть, знаю, коли говорю. При разбойниках всегда пустынный бывает; так смешнее. И выдем все в лес, к большой дороге, подле шалаша. Барина атаманом нарядим, потому у него вид строгий, ну и усы. Тебя тоже разбойником нарядим; да тебя и рядить-то немного нужно, ты и так похож, а в лесу-то, да ночью, так точь-в-точь и будешь.

Хлынов. Ну ты, братец, в забвение-то не приходи!

Аристарх. Станем мы в свистки свистеть по кустам, будем останавливать прохожих и проезжих да к атаману водить. Напугаем, а потом допьяна напоим и отпустим.

Барин. Превосходно придумано.

Хлынов. Ничего, ладно. Занятие очень интересное. Ну, ты поезжай, а я сосну пойду. *(Уходит.)*

Барин. Мы прежде с народом репетицию сделаем. Это отличная будет штука, и благородная штука, и приятная. Да, весело, чёрт возьми, а то было я уж издох со скуки. *(Уходит.)*

Вася подходит к Аристарху.

Вася. Дядюшка Алистарх, я порешился к Хлынову.

Аристарх. Твоё дело.

Вася. Да всё как-то раздумье берёт! Иной раз такая мысль придёт: не лучше ль в солдаты! Да кабы не так трудно, я бы сейчас... потому еройский дух...

Аристарх. То-то ты с еройским-то духом да в шуты и пошёл.

Вася. Ничего не поделаешь. Страшно! А уж ежели бы я осмелился, кажется, каких бы делов наделал.

Аристарх. Полно! Где уж! Пшеничного ты много ел. Душа-то коротка, так уж что хватать. Хе-хе-хе! Мелочь ты, лыком шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебе целого куска не видеть, а всё бодришься, чтоб не очень тебя хамом-то ставили. Всё как-то барахтаешься, лезешь куда-то, не хочется вовсе-то ничком в грязи лежать.

Вася. Оно точно, что...

Аристарх. Смолоду-то, пока образ-то и подобие в нас ещё светится, оно, как будто, нехорошо колесом-то ходить. Конечно, моё дело сторона, а к слову пришлось, я и сказал.

Вася. Да, это ты верно. Вот ещё мне забота: что Параша скажет, коли я у Хлынова запевалой останусь! Э, да что мне на людей смотреть! Коли любит, так и думай по-моему. Как мне лучше. А то, что слёзы-то заводит? Своя-то рубашка к телу ближе. Так, что ли, дядюшка Алистарх? Ох, да какой же я у вас ухорский песельник буду. *(Уходит с Аристархом.)*

СЦЕНА II

ЛИЦА

ХЛЫНОВ.

БАРИН.

АРИСТАРХ.

ВАСЯ.

ПАРАША.

ГАВРИЛО.

ЛЮДИ ХЛЫНОВА.

НАРКИС И ПРОХОЖИЕ ЛЮДИ.

Поляна в лесу. Налево небольшой плетённый сарай для сена, у сарая, со стороны, обращённой к зрителям, положена доска на двух обрубках в виде скамьи; на правой стороне два или три пня и срубленное сухое дерево, в глубине сплошь деревья, за ними видна дорога, за дорогой поля и вдали деревня.

Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Н а р к и с (*за сценой*). Тпррру! Чтоб тебя! Куда это я заехал? Вот так чаща! Тут не то что на лошади, а и пеший не пролезешь! (*Выходит.*) И каким манером меня угораздило! Задремал, должно быть. (*Остановливаясь.*) Это что за избушка на курьих ножках? Да это сарай! Э! Да я уж в другой сюда попадаю, всё на то же место. Обошёл! Дело нечисто! Наше место свято! И как бы, кажется, обойти, не такие часы теперь, ещё совсем светло. Нет, надо так полагать, что я задремал. И диви бы с ними, с мужиками, много пил; а то что! Что я пил? Дай бог памяти! Два стакана, да полстакана, да две чайных чашки, да ещё полчашки, да рюмка. Да что считать-то! Дай бог на здоровье! Что ж, я слава богу; мне всё одно, что воду, да другому и воды столько не одолеть. А считать-то грех. С того сохнут, говорят, кто считаное-то... Всего четыре версты от дому, а никак не доеду. Пойду, выведу лошадь-то на дорогу, да так нахлещу, чтоб мигом дома. А то что за страм! Хозяин послал за делом, а я пропал; ещё подумают, пьян. (*Уходит.*)

Из леса выходят маршем: Хлынов, на нём, сверх жилета, испанский плащ, на голове бархатная шапочка с перьями; Аристарх в костюме капуцина; Барин и за ним попарно люди Хлынова в разных костюмах, между ними Вася; сзади несут две корзины с напитками и съестным.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хлынов, Аристарх, Барин, Вася и прислуга.

Хлынов (*хочет идти на дорогу*). Марш!

Аристарх (*удерживая его*). Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлынов. Проехал кто-то, братец ты мой.

Аристарх. Ну, так что ж?

Хлынов. Должен я поглядеть али нет?

Аристарх. Нам из лесу выходить-то ещё рано, больно светло. (*Смотрит на дорогу.*) А кто проехал, я тебе сейчас скажу. Это Наркис, приказчик Курослепова, на хозяйской тележке. Посылали куда-нибудь. Э! Да как его покачивает! Задремал, должно быть! Куда он поворачивает, чудака! Ну, да лошадь сама знает, вывезет на дорогу.

Хлынов. Ты, братец, затеял, ты и порядок заводи.

Аристарх. Вот и стой здесь все! Тут у нас привал будет. Барин, помещик Хлынов, садитесь на скамейку за сараем: там вас с дороги не видно будет. Корзины в сарай несите.

Хлынов. Маркитант, приготовь закуску, чтобы, братец ты мой, в лучшем виде!

Садятся с Бариним на скамью.

Аристарх. Вот, теперь расставим людей. Вы двое на бугор, вы двое к мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты, — на прощёлок не надо, там только крестьяне да богомольцы ходят. Вы, коли увидите прохожего или проезжего, так сначала пропусти его мимо себя, а потом и свистни. А вы, остальные, тут неподалёку в кусты садитесь. Только сидеть не шуметь, песен не петь, в орлянку не играть, на кулачки не биться. Свистну, так выходите. (*Подходит к Хлынову.*)

Хлынов. Что же мы, братец, сидим? Первое твоё старание, чтоб мне занятие было. А как скоро мне нет занятия, я могу сейчас в скуку и в тоску впасть. А в тоске и в скуке, братец ты мой, дурные мысли в голову приходят, и даже я могу вдруг похудеть через это самое.

Аристарх. С чего скучать-то! Какая тишина! Не вышел бы из лесу-то, какой вечер чудесный!

Хлынов. Что такое чудесный вечер? И чем он хорош? Можешь ли ты, братец, понимать это? Летний вечер оттого приятность в себе имеет, что шампанское хорошо пьётся, ходко, — потому прохлада.

А не будь шампанского, что такое значит вечер! Барин, не нарушить ли нам флакончик?

Свист.

А р и с т а р х. Пстой! (*Свистит.*)

Из лесу выходят лю ди Хлынова.

Тише!

Н а р к и с (*за сценой*). Тпррр...у! Чтоб тебя! О, волк тебя заешь! Куда меня занесло! Тпррр...у!

А р и с т а р х. Я огляжу пойду. (*Подходит к кустам и возвращается.*) Это Наркис; он в лесу запутался. (*Хлынову.*) Вот тебе и добыча!

Н а р к и с (*за сценой*). Оказия! Никакой силой тут не выдерешься. Придётся мне тебя назад за хвост тащить. И куда это я застрял! Надо оглядеться.

А р и с т а р х (*людям*). Обойдите его кругом, как подам знак, так хватайте и ведите сюда.

Наркис выходит. Лю ди Хлынова заходят со всех сторон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Наркис.

Н а р к и с (*осматриваясь*). Вот так важно! Сарай! Да я опять тута, в третий раз. Молодец! Ну не наваждение ли это дьявольское! Нет, уж что ни толкуй, а дело видимое. Вот уж и темнеет, вот уж и страх меня забирает. Он шутит. Он теперь вышел, как начнёт темнеть, так ему и выход; засветло не выходит никогда, не положено, не может... Уж пускай бы пошутил, только въявь не показывался. Очень уж, говорят, видом разителен, так что нет такого смелого человека, чтоб на него прямо смотреть! Когда я теперь дома буду? Нет, шабаш! Теперь в поводу поведу, уж не задремлю. Только б он мне навстречу не вышел, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нет, уж я теперь дома буду; я неробкого десятку. Ну, само собой, если вот прямо, так перед носом твоим из земли вырастет, так испу... (*Идёт к лошади.*)

По знаку Аристарха один из людей Хлынова загораживает ему дорогу.

А вот он и есть... Вот тебе и раз! Вот он и как тут! Я ведь и в другую сторону поверну и оглядываться не стану. (*Идёт в другую сторону.*)

Другой человек загораживает ему дорогу.

Вот и другой. Однако!

Аристарх выходит из-за сарая и делает знак, чтобы его взяли.

Вот и третий! Да их тут полон лес! Это уж, надо быть, самый настоящий! И хмель у меня соскочил. Кричать аль нет! Да чего кричать! Кроме лешего, никто не откликнется. (*Машет рукой на Аристарха.*) Наше место свято! (*Шепчет.*) Не действует! Ну, теперь капут.

*Слуги берут его под руки и ведут к Хлынову. Другие приносят вино и стакан.
Барин делает ему знак, чтобы он пил.*

Это, значит, пить надо? Да, может, это зелье какое? Может, с него разорвёт?

Барин делает отрицательный знак.

Верно твоё слово? Ну, так я что ж, я выпью. (*Пьёт. Ему наливают ещё.*) Стало быть, и ещё? Ничего, первый прошёл, как быть следует. Я и ещё. (*Пьёт.*) Благодарствуйте. Теперь позвольте вас спросить, что вы такое, люди, примерно, аль что другое?

Б а р и н (*густым басом*). Мы разбойники.

Н а р к и с. Разбойники? Не похоже. На тех-то вы, на ненаших-то, не к ночи сказать, ко дню, больше похожи, особливо вот этот. (*Указывая на Аристарха.*) Ведь это какая страсть-то, особенно в лесу-то да ночью.

А р и с т а р х. Трепещи!..

Н а р к и с. Да уж и то трепещусь. Всё во мне трепещется.

Б а р и н. Мы из чужих земель.

Н а р к и с. Да? Наехали? Что ж, вы и смертоубивством занимаетесь?

Б а р и н. Нет.

Н а р к и с. Ну, теперича мне легче. Что ж, это хорошо, что вы душ не губите. А грабите-таки довольно?

Б а р и н. Нет.

Н а р к и с. Как нет? Что ж вы не грабите? Это вы напрасно. Вы из чужих земель, вы нашего народу не знаете. Наш народ простой, смиренный, терпеливый народ, я тебе скажу, его можно грабить. И промежду прочим, даже есть много таких, которые не знают, куда им с деньгами деваться. Право. Вот Хлынов, да что ж его не ограбить! Ему ещё, пожалуй, лучше от этого.

Х л ы н о в. Как ты, братец мой...

А р и с т а р х (*грозно*). Молчи!

Н а р к и с (*Барину*). Вот что, друг любезный, вели ещё стаканчик поднести. А то от страха что-то зябнется.

Барин кивает головой.

А уж опосля, что хотите, со мной делайте. У вас и вино-то, должно, привозное; а у нас в торговле такой-то, друг любезный, обман живёт. (*Подносят — пьёт.*) Так вы не грабите?

Б а р и н. Не грабим.

Н а р к и с. Что же вы с нами делаете?

Б а р и н. Возьмём, напоим и отпустим.

Н а р к и с. Это очень хорошо. Это расчудесно.

А р и с т а р х. Понравилось?

Н а р к и с. Да что ж лучше. И не слыхано, да кто и сказал-то бы, так не поверишь.

Б а р и н. Хочешь в нашу шайку, в разбойники?

Н а р к и с. В разбойники? А у вас как положение? Артельно или от хозяина, на жалованьи?

Б а р и н. На жалованьи.

Н а р к и с. Харчи свои али хозяйские?

Б а р и н. Хозяйские.

Н а р к и с. Положение хорошее. Я с превеликим бы удовольствием, да вот что, друг... (*Оглядываясь на людей Хлынова.*) Что они тут стоят! Прогони их, не бойся, я не уйду. Сядем на траву, я хорошую компанию люблю.

Аристарх даёт знак, люди расходятся. Наркис, Хлынов, Барин, Аристарх садятся на землю.

Вот что, друг ты мой единственный, как звать тебя, не знаю... Я бы с охотой... а не пойду.

Б а р и н. Отчего?

Н а р к и с. Мне житьё теперь... Мне житьё! Малина! Умирать не надо. Что только есть, первый сорт. Хозяин у меня глупый, — вот послал меня с мужиками рядиться, луга кортомим; а я не очень чтоб уважаю. А с хозяйкой я в любви и во всяком согласии.

А р и с т а р х. Не верю.

Н а р к и с. Уж это так точно. Уж что! Даром слова не скажу. И на счёт съестного и прочего... всё. Вот сейчас приеду... поедем ко мне в гости! Сейчас при тебе потребую вина, братец, всякого: красного,

белого, рому... всякого. И вот сейчас скажу: неси тысячу рублей! Чтоб мигом тут было! И принесёт.

А р и с т а р х. Врёшь!

Н а р к и с. Истинно! Нешто первый раз! Две принесёт, только б ей как у мужа спроворить. Страсть как любит! Говорю тебе, друг ты мой единственный, ужасно как любит, и слов таких нет. Вот недавно две тысячи своими руками принесла. Я сейчас, друг мой единственный, под подушку в ящик... ключом щёлк, а ключ на крест. Вот и нынче, как приеду, велю тысячу принести,— и сейчас в ящик и щёлк; потому я хочу, друг мой любезный, в купцы выходить. Так я себя понимаю, что мне надо. А вот что, друг милый, мне ещё бы...

А р и с т а р х. Видно, ты любишь?

Н а р к и с. Не то чтоб я любил; а как мне, по моим чувствам, это на пользу.

А р и с т а р х. Изволь! Только б охота была, а вина у нас вдоволь. *(Подзывает человека.)* Вот они тебе и лошадь помогут вывести. *(Человеку.)* Попотчуй его хорошенько. *(Тихо.)* Потом положи в телегу да проводи до городу. *(Наркису.)* Ступай с ним, обиды не будет.

Н а р к и с. Благодарю за компанию. *(Уходит.)*

А р и с т а р х *(Хлынову).* Ну, что, доволен ты? Нет худа без добра. Вот нынче же всё это городничему я и объясню, чтоб за него, за плута, невинные люди не страдали.

Х л ы н о в. Хорошо бы теперь, братец, какого благородного, чтоб с ним шампанского выпить.

Б а р и н. Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!.. Я бы сейчас пал на колени перед ней, и сцену из трагедии.

А р и с т а р х. А вот пойдёмте на большую дорогу, может, кто и попадётся. А тут что, тут просёлок. Вон, видишь, богомолки идут.

По дороге проходят богомолки.

Х л ы н о в. С этим народом, братец, какое может быть развлечение, одна канитель.

Уходят. Параша и Гаврило показываются на дороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Параша и Гаврило.

П а р а ш а. Как я устала! Сил моих нет! Я с места двинуться не могу, мне не дойти до города.

Г а в р и л о. Отдохните, Прасковья Павлиновна; вот тут на полянке присядьте, на брёвнышках. На траву не садитесь, роса. Отдохнувши-то, мы своих догоним, ещё рано. Часу в десятом будем в городе.

П а р а ш а. Посидим, не могу идти, не могу.

Г а в р и л о. Вы не то что с дороги, а больше от чувств.

П а р а ш а. Я падаю, падаю.

Г а в р и л о. Позвольте, я вас поддержу под локоточек. *(Доводит её до брёвен.)*

П а р а ш а. Я только устала, а мне, помолившись-то, как будто легче. Как мне тебя благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мне бы не дойти.

Г а в р и л о. Что ж, мне ведь самому надо было...

П а р а ш а. Нет, не говори, я знаю, что ты только для меня пошёл. Как у меня голова... руки и ноги точно не свои, и как будто забытьё. И в голове-то шум, а ничего у меня не болит, и так мне хорошо, приятно, только как будто вот что-то мне представляется, — что такое? Гудит, гудит, точно вот речка по камням, или мельница... Дурно мне, Гаврюша, дурно!

Г а в р и л о. Да что вы, родная! Я пойду водицы принесу, тут где-то ключик был.

П а р а ш а. Поди, поди!

Гаврило идёт, в разных местах свист. Он бежит назад.

Г а в р и л о. Свистят.

П а р а ш а. Что ты? Не слышу.

Г а в р и л о. Свистят по лесу.

П а р а ш а. Ну, что ж, шалят... Поди.

Гаврило отходит. В это время свист усиливается. Из кустов выходит Барин и, заметив Парашу, подбегает к ней, она на него с испугом смотрит. В нескольких местах показываются люди Хлынова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Барин и люди Хлынова.

Б а р и н. Красавица! Наконец-то я нашёл тебя. *(Берёт её за руку.)*

Параша хочет бежать, но силы её оставляют. Барин её поддерживает, обняв её одной рукой.

Г а в р и л о *(схватив большую суковатую палку, бросается на Барина)*. Не трожь её! Я умру на этом месте, а тронуть её не позволю.

Барин стреляет из пистолета, Гаврило падает.

П а р а ш а. Ах, убит, убит! (*Закрывает лицо руками.*)

Г а в р и л о (*приподнимаясь и ощупываясь*). Нет, я словно жив. Это я, надо полагать, с испугу. Оглушило только! Что ж это, господи! (*Встаёт.*)

Барин делает знак, набегают люди и уносят Гаврилу.

Б а р и н. Ты меня не узнаёшь? О, я давно люблю тебя. Зачем ты сделала меня несчастным? Я бросил людей, бежал в леса и набрал шайку разбойников. Наконец ты в моих руках. Ты будешь моя. О!..

П а р а ш а (*делает усилие, чтобы оттолкнуть его*). Нет, нет! Вася, Вася!

Б а р и н. Хочешь парчи, хочешь бархату, бриллиантов? Всё твоё! Только люби меня.

П а р а ш а (*стараясь освободиться, но силы её слабеют*). Ах, нет, нет! Не надо, ничего не надо! Пусти меня! Пожалей... Прошу тебя, молю тебя, пожалей меня. (*Почти шёпотом.*) Я не своя теперь. Я чужая, я Васина... Вася! Вася! (*Лишается чувств.*)

Барин сажает её на скамью у сарая и поддерживает.

Входят Хлынов и Аристарх.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Параша, Барин, Хлынов, Аристарх и люди Хлынова.

Х л ы н о в. Что за стрельба?

Б а р и н. Идите скорей! Какую я красавицу обрящил! Да, должно быть, испугалась очень, надо ей помочь как-нибудь.

Х л ы н о в. Девка, братец, первый сорт. Одобряю.

А р и с т а р х (*подбегая*). Ах вы, варвары! Да ведь это крестница моя, Параша, Курослепова дочь. (*Хлынову.*) Пошли скорей за коляской, я её домой сведу!

Хлынов посылает одного из своих людей.

У ж и ты, барин, нашёл, кого обидеть! Ума-то у тебя, видно, как у малого ребёнка. Подайте её сюда, разбойники, она вам, пьяницам, не пара! Далеко вам, далеко! (*Садится на скамью подле Параша и обмахивает её платком.*) Воды!

Люди бегут за водой.

Как вы смели трогать-то её своими грязными лапами! Она, как есть, голубка; а вы мало чем лучше дьяволов. Вот она, шутка-то! И я-то, дурак, тешить вас взялся! Пора мне знать, что у вас ни одной шутки без обиды не обходится. Первое ваше удовольствие — бедных да беззащитных обижать. (*Приносят воды, он льёт ей несколько капель на голову.*) Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы ещё. Дома её заели совсем; вырвалась она кой-как (*Параша понемногу приходит в чувство и прислушивается*), пошла Богу помолиться, у Него защиты попросить... Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью, давеча поутру велел городничему изловить её да на верёвке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут её на полгода, а то и на год.

П а р а ш а (*привстаёт и как бы в бреду*). По городу с солдатом? В чулан? Где он? Где атаман? Пойдём! Вместе пойдём! И я с вами...

Б а р и н и А р и с т а р х. Куда? Куда?

П а р а ш а. В город, в город. Я сама... (*С криком.*) Не ругаться им надо мной! Не сидеть мне в чулане! Зажгу я свой дом с четырёх углов. Пойдёмте! Я вас проведу, я вас прямо проведу. Дайте мне в руки-то что-нибудь!.. Ружьё... да огня, больше огня. (*Обессиливает.*)

А р и с т а р х. Параша! Что ты! Бог с тобой! Да ведь это я, твой крёстный. (*Снимает капюшон.*)

П а р а ш а (*смотрит на него*). Крёстный?

А р и с т а р х. Да, да, крёстный! Аристарх. Узнала теперь? Мы шутим. Это вот подрядчик Хлынов! Слыхала? Безобразный такой. Нечего ему делать-то, а денег много, вот он и забавляется.

П а р а ш а. А Гаврило где?

А р и с т а р х (*оборачиваясь*). Где Гаврило?

О д и н и з л ю д е й. Он вырвался от нас да убежал.

А р и с т а р х. Вот теперь прибежит, перемутит весь город, ну, да мы на лошадях-то раньше его будем. А знаешь ли, Параша, Хлынов Васю из солдатства выкупил.

П а р а ш а. Выкупил?

Х л ы н о в. Четыреста серебра внёс.

А р и с т а р х. Да где Вася-то? Он с нами был.

Х л ы н о в. Где Васька? Позвать сюда Ваську!

В а с я выходит из роуци.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Вася.

П а р а ш а. Вася! Вася! *(Бросается к нему на шею.)*

В а с я. Что ты? При народе-то нехорошо.

П а р а ш а. Ты на воле?

Х л ы н о в. Я его теперича к себе в песельники определил.

П а р а ш а *(отступая)*. В песельники?

В а с я. Что ж, надо чем-нибудь заниматься, хлеб добывать.

Х л ы н о в. Я его теперича в кабалу взял за эти самые деньги на год.

П а р а ш а *(с испугом)*. В кабалу?

А р и с т а р х. Вот чем похвалился! Благодетель! Из людей шутов делает.

Х л ы н о в. А хоть бы и шутов, братец ты мой. Кто же мне может запретить? Он человек несостоятельный; я за свои деньги в какую угодно должность, в такую его и определяю, стало быть, ему самому нравится. В шуты нанялся, шутом и будь. Васька, знай свою дистанцию! На задний стол! Барышня, угодно вам, мы вас потешим? Сейчас могу скомандовать весёлую. Эй, народы! Васька, бери бубен, делай колено!

Вася отходит.

П а р а ш а *(со слезами)*. Вася! Вася!

В а с я *(подходя к ней)*. Что тебе?

П а р а ш а *(со слезами)*. Вася, зачем ты деньги брал?

В а с я. Что ж, в солдаты?..

П а р а ш а. Да, да. Я уж и помолилась... Я решилась. Да, да, в солдаты... Обидно, да зато честно это... Ведь решились мы; ведь уговорились; ты хотел... Разве ты... разве ты...

Х л ы н о в. Васька, знай своё место!

Вася отходит.

П а р а ш а. Разве ты... струсил?

Васе подают бубен, он его берёт молча.

Отвечай! Отвечай мне! Струсил ты? Обробел?

Вася с сердцем встряхивает бубном.

Такой красивый, такой молодец, и струсил. С бубном стоит! Ха-ха-ха! Вот когда я обижена. Что я? Что я? Он плясун, а я что? Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпела. Я, богатого

купца дочь, солдаткой хотела быть, в казармах с ним жить, а он!.. Ах, крёстный! Трудно мне... духу мне!.. Духу мне надо... а нет. Била меня судьба, била... а он... а он... добил. (*Падает к Аристарху на руки.*)

А р и с т а р х. Лошадей, проворней! Дай бог только живую донести!
Бедная ты, бедная мученица.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

КУРОСЛЕПОВ.
МАТРЁНА.
ПАРАША.
СИЛАН.
НАРКИС.
ГРАДОБОВ.
АРИСТАРХ.
ГАВРИЛО.
ВАСЯ.
СИДОРЕНКО.
ЖИГУНОВ.
РАБОЧИЕ И БУДОЧНИКИ.

Декорация первого действия. 10 часов вечера.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрёна сходит с крыльца и идёт по двору. Курослепов несколько времени спустя выходит на крыльцо, у ворот Силан.

Курослепов. Матрёна!

Матрёна. Что ещё! Нянчись с ним, как с маленьким. Проснулся, видно, продрал глаза-то.

Курослепов. Поди сюда!

Матрёна (*возвращаясь*). Ну?

Курослепов. Что ты меня одного покидаешь! Ночное дело...

Матрёна. А ночное дело, так спи! Чего ещё?

Курослепов. Спать-то бы оно точно... да меня сумление... где Наркис?

Матрёна. Не печалься, найдётся. Наркис не иголка; ту потеряешь, так не скоро сыщешь.

Курослепов. Какой же такой порядок? Как же он может! Стало быть, его гнать надобно по шее. По хозяйскому делу послан, опять же я ему наказывал...

Матрёна. А если он дома?

Курослепов. Для чего не кажется?

Матрёна. А коли он спит! Человек он тоже или нет?

Курослепов. Значит, он не в своём виде.

Матрёна. А ты давеча в своём виде приехал от Хлынова? Впереди тебя человек сидит да за плечи держит. Днём-то так, по городу.

Курослепов. Так всякий знает, что я хозяин. А он что?

Матрёна. Каков хозяин, таковы и люди. С кого им пример-то брать, как не с хозяина.

Курослепов. Что ты меня морочишь! Я ещё не совсем из ума-то выжил. Кого за делом посылают, должен он ответ дать? Говори, должен?

Матрёна. Разве завтра для вас дня-то не будет! Наговоритесь. Авось дело-то не государственное.

Курослепов (*со страхом*). Матрёна! Матрёна!

Матрёна. Что с тобой?

Курослепов. Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрёна. Ох! Как ты, Павлин Павлыныч, вдруг женщине! Ведь ты как испугать можешь! Наше дело такое слабое, что ото всякой малости мало ль что! Ты меня таким манером когда-нибудь уродом сделаешь. Вот упало сердце. Чуть жива стою, вся как пустая.

Курослепов. Гляди ты кверху, говорят тебе!

Матрёна. Зачем?

Курослепов. Падает?

Матрёна. Что падает-то, оглашенный человек?

Курослепов. Небо.

Матрёна. Ну, будет! Поговорил, и будет. Ступай спать! Мочи моей нет с тобой! Связать тебя да в сумасшедший дом! Как может небо падать, когда оно утверждённое. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай без разговору. Минуты с тобой покою нет.

Курослепов (*уходя*). А спать так спать. Я пошёл!

Матрёна. Ты что это в сапог-то прячешь?

Курослепов. Деньги.

Матрёна. Много ли?

Курослепов. Доложить рубль, так шестьсот сорок будет.

Матрёна. Потеряешь из сапога-то, а потом опять историю заведёшь.

Кур ослепов. Нет, уж я теперь их знаешь куда? В спальне мешочек с орехами, так я их под орехи, под самый под низ, пушай до завтраго. Там целей, в орехах-то! *(Уходит.)*

Матрёна. Силантий!

Силан *(подходя)*. Чего тебе?

Матрёна. Что Наркис?

Силан. Ничего, образумился. Причёсывается теперь.

Матрёна. Где это он?

Силан. Мало местов-то? Была б охота! С мужиками торговался, со всем миром.

Матрёна. Так что ж?

Силан. То ж. У мужиков-то ни этой думы, ни сенату не выстроено, одно строение только и есть, где мирские дела судят.

Матрёна. Так вот что!

Силан. А то что же? Заведён порядок, не менять его стать. Ну, значит, суди сама, ежели кто падок. Да вот он, Наркис-то. *(Отходит от Матрёны и потом уходит за ворота.)*

Выходит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матрёна и Наркис.

Матрёна. Что, беспутный! Что, беспутный! Вот погоди, достанется тебе от хозяина.

Наркис. Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такие страсти видел, да не испугался. Вот тебя бы на этакую страсть, посмотрел бы я, что ты заговорила. Тут на одном такие сапоги были, что у тебя от одних от сапог-то душа бы в пятки ушла. А уж какие шляпы! Да всё с перьями. А у одного мешок на голове суконный.

Матрёна. От такого загулу мало ль что приснится. Дня на два рассказывать будет.

Наркис. Ну, уж это я знаю, приснилось мне или нет. Оно хоть я и не больно испугался, а всё меня как будто ломает; мне теперь поправка хорошая нужна.

Матрёна. Какая поправка?

Наркис. Рому бутылка, а то две... На ночь я тёплого.

Матрёна. Ты липового цвету лучше.

Н а р к и с. Ври ещё! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырьё-то эту в животе заводить. Сказано тебе, рому. Я свою натуру лучше знаю.

М а т р ё н а. Где ж я возьму?

Н а р к и с. Ищи поди! Не найдёшь впотьмах, так фонарь зажги.

М а т р ё н а. Этакого ирода, как ты, ещё свет не создавал.

Н а р к и с. Да уж ты, кстати, с ромом-тохвати для меня тысячу рублей; по моим расчётам, у меня теперь ровно тысячи не хватает.

М а т р ё н а. Ни-ни-ни! Ни под каким видом! И не заикайся!

Н а р к и с. Я и то не заикаюсь, я тебе явственно говорю. А то я тебя и на порог к себе не пушу. А завтрашнего числа, как буду хозяину отчёт отдавать, все твои дела ему, как на ладони.

М а т р ё н а. Не я ль твою образину кругом облагодетельствовала! И тебе не жаль свою благодетельницу?

Н а р к и с. Который я раз тебе говорю, что во мне жалости нет. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

М а т р ё н а. Ох, погубитель! Погубитель!

Н а р к и с. Вот что, ты тише, не делай страму прежде времени.

М а т р ё н а. Где я столько денег возьму?

Н а р к и с. Ну, ежели малость чего не хватит, я прощу.

М а т р ё н а. Да как я к тебе приду-то? Ну, как Силантий увидит?

Н а р к и с. А ты вот что: возьми у мужа кафтан либо шинель, да и надень, а на голову шляпу. Силантий ежели хоть и увидит, так подумает, что сам хозяин идёт ко мне браниться. А я пойду самовар поставлю, чтобы мне тёплого...

Уходит во флигель, Матрёна в дом, Силан выходит из ворот.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, потом Матрёна.

С и л а н. Врозь разошлись. Диковина! А городничий дожидается. Пойти сказать ему, чтоб шёл домой! Полно, мол, тебе по ночам-то! Иди, мол, старичок убогонький, домой! Тоже ведь и их дело! Как не пожалеть! Обыватель теперь спит, а он его береги. А кого беречь-то? Кого? Да ещё взыскивают. То не усмотрел, другое оплошал. Ишь ты, обывателю покой нужен. А для чего ему покой? Что он, трудился, что ли, через силу? Напился, наелся, да и на пуховик, как чурбан али пень какой. Службы он никакой не нёс, походов из конца в конец не ломал, смертной чаши не видывал; лежит, как боров, да говорит: ты меня

от всякой напасти соблюдай! Нет, кто как, а мне нашего старика жаль. Первое дело — старый, уродованный...

Выходит Матрёна в шинели и шляпе.

Что за диво! Хозяин вышел! Очень мне это удивительно, потому в эту пору разве его только рычагом или на блоке, а то не подынешь. (*Подходит к Матрёне.*) Что тебе! Аль не спится? Ты будь без сумления, я тута.

Матрёна (*переменив голос*). Ступай за ворота! Чего ты здесь не видал!

Силан. Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрёна. Ступай, говорят тебе!

Силан (*про себя*). Эге! Вот оно что! (*Матрёне.*) Иду, иду, хозяин; всю ночь буду у калитки сидеть, — оставайся с успокоем. (*Идёт к воротам.*)

Матрёна входит к Наркису.

Нет, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что у неё в руках-то? Какой-то мешочек; должно, орехов Наркису несёт, позабавиться. (*Подходит к калитке и открывает её.*)

Входят Аристарх и Параша.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Силан, Аристарх, Параша.

Силан. Ты какими судьбами?

Аристарх. Сорока на хвосте принесла. Прошла?

Силан. Кто? Ступай, брат, ступай. Твоего тут дела никакого. Коли что есть, мы с хозяином промеж себя. Не в трубу нам трубить.

Аристарх. Не ломайся со мной! Меня городничий прислал, я с ним за добросовестного.

Силан. Ну, так бы ты и говорил! Прошла, братец, прошла. (*Параше с поклоном.*) Помолимшись!

Параша. Бог милости прислал, дядюшка Силантий.

Аристарх (*Параше*). Ну, иди, красавица, в своё гнёздышко, ничего не бойся, душой своей отвечаю. Будет беда, да только не тебе. На отца не гневись: он не столько со злобы, сколько от слабости. Что делать! Ночная кукушка денную перекукует. А злодейке твоей мы, — бог даст, — язык-то прищемим.

Параша уходит в дом.

С и л а н (*громко*). Посматривай!

Входят Градобоев, Вася, Сидоренко, несколько будочников и инвалидов солдат.

Градобоев (*Сидоренке*). Расставляй команду к окнам, к дверям и к воротам, чтоб муха не пролетела. Хо-хо-хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вот я ему покажу, как не находится. Я ему найду, утку его носом в деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вот, чтоб ты не обижал старых, заслуженных офицеров, я эти денежки теперь в карман. Сидоренко, бумаги с тобой, постановление писать?

Сидоренко. Со мной, ваше высокоблагородие.

Градобоев. Понятые здесь?

Сидоренко. За воротами сидят, ваше высокоблагородие.

Градобоев (*Силану*). Теперь ты нам хозяина подавай!

С и л а н. Будить, что ли? Да что в нём проку-то? Он спросонков у нас, как чумовой!

Курослепов выходит на крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Курослепов.

С и л а н. Да вот он сам... Теперь что хочешь с ним...

Курослепов (*на крыльце*). Вот тебе и орехи! Матрёна! Матрёна, не видала ль ты, где орехи? (*Взглянув наверх.*) О, господи! Опять валится. Вот, вот... Нет, не валится, а точно оно пополам расколосось...

С и л а н (*Градобоеву*). Слышите, что говорит.

Курослепов. Матрёна! Силан! Эй! Кто тут живые люди!

Матрёна показывается из двери флигеля.

Сидоренко (*загораживая ей дорогу*). Не велено!

Матрёна. Ай! (*Уходит во флигель.*)

Курослепов. Ну, режут кого-то. Вот тут и живи, как знаешь. В доме грабёж, а на дворе и вовсе разбой; видимое дело, что последние дни; в небе трещина с чего-то.

Градобоев. Будет тебе предсказывать-то! Поди сюда, мы давно тебя ждём.

Курослепов. Да ты что за человек?

Градобоев. Слезай, говорят тебе! Проклажаться-то некогда.

Курослепов. А! Да это ты! Ну, мне теперь всё-таки облегчение. А у меня, брат, опять... Весь мешок, и с орехами.

Градобоев. Найдётся.

Курослепов. Да, вот ты всё,— найдётся, а ничего не находится. На посуле-то вы...

Градобоев. Ну, так ты знай же: твои деньги нашлись, только взять их мудрено.

Курослепов. Отчего так?

Градобоев. А вот сам увидишь! Пойдём вместе.

Курослепов. Пойдём.

Градобоев. Жигунов, бери команду. Марш вперёд!

Жигунов и несколько солдат маршируют к флигелю.

Курослепов. Постой!

Градобоев (*Жигунову*). Стой!

Жигунов останавливается.

Курослепов. Вот что я у тебя хочу спросить, чтоб уж мне покойней было... Гляди наверх.

Градобоев. Гляжу.

Курослепов. Лопнуло небо? Так немножко наискось?

Градобоев. Да я-то что, астроном, что ли? У меня и без того дела-то по горло. Лопнуло, так починят. Нам-то какое дело! Марш!

Дверь во флигель открывается, на пороге показывается Матрёна в шинели и шляпе.

Сидоренко (*не пуская её*). Не велено.

Курослепов. Вот она когда, смерть-то моя! Уж каких чудес со мной ни делалось, а этого ещё не бывало. Нет уж, видно, друг ты мой, сколько мне ни маяться, а не отвертеться. Потому гляди! Вот здесь с тобой я, а вон там, на пороге, опять тоже я.

Матрёна, увидав мужа, скрывается во флигель.

Градобоев. Ещё то ли увидишь, погоди! Марш!

Жигунов с солдатами уходит во флигель. Градобоев и Курослепов за ними.

Аристарх (*Васе*). Теперь твоё дело, Василий, поправляется.

Вася. Да уж теперь я строго, потому не смей он порочить! Я с него за бесчестье... Он меня в солдаты, а я, по его милости, должен был

в кабалу идти. Уж я теперь за всё это его дочь могу требовать смело. Мы хоть люди маленькие, а нас тоже марасть-то зачем же! Нет, уж теперь дочь подавай. Все знают, что я к ней через забор лазил, в городе-то не утаишь. Ну, стало быть, я ей и жених! У нас такой порядок.

А р и с т а р х. Действуй, братец, как тебе к лучшему!

В а с я. Какой у меня, дядюшка Аристарх, характер! Беда! Тоже в обиду не дадимся.

Из флигеля выходят Градобоев, Курослепов, Матрёна, Наркис связанный, Жигунов и солдаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Градобоев, Курослепов, Матрёна, Аристарх, Вася, Сидоренко, Жигунов, Силан, Наркис, солдаты.

Градобоев (*Курослепову*). Понял ты теперь?

Курослепов. Как не понять, я не вчера из пелёнок-то. Ну, так как же, Матрёна Харитоновна?

Матрёна. Разве я своей волей? Известное дело, враг попутал. Так на него на одного всю вину положить и надо. Смушал он меня, смушал, да вот и... Как я ему ни противилась, как себя ни утверждала, да, видно, силён... Горами качает, не то что нами, грешными, которые в слабости.

Курослепов. Да? Горами... Вы вчера нам тут проповедывали, что утятеньки вам не в пример лучше, что там очень по вас убиваются; так уж вы теперича к нему поступайте!

Матрёна. Да уж конечно. Должна же я кому-нибудь на вас плакаться. Кто за меня здесь заступится! По крайности я буду жаловаться родителю, что вы меня острамили. Как вы были всю жизнь моим злодеем, так чего же ещё мне от вас дожидаться. А что ещё у нас с вами судбище будет большое.

Курослепов. Ничего не страшно. Вам бы от стыда теперь нос-то в подушки спрятать покудова, а завтра мы вас чем свет препроводим.

Матрёна уходит.

Градобоев. Ну, вот и ладно, вот и молодец.

Курослепов (*Наркису*). Ты это как же?

Наркис. А вот так же.

Курослепов. Ведь тебя теперь не похвалят.

Наркис. Ну, там ещё что будет, а я, по крайности, пожил в своё удовольствие. Жаль, что я давеча в разбойники не пошёл! Это настоящее моё занятие.

Градобоев. Ну, так как же с ним? Постановление сделать да порядком дело начать?

Курослепов. Вот ещё, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его в арестантскую, вместо Васьки отдадим в солдаты, и шабаш.

Градобоев. Сидоренко, сведи в арестантскую да распусти понятых. Эй вы, воины! Марш домой.

Уходят и уводят Наркиса.

Вася. Что ж, в самом деле! За что ж вы на меня, коли я выхожу правый человек. Обижать-то нешто хорошо!

Курослепов. И то, брат, виноват! Больно поторопился. В солдатах-то тебе быть, только не сейчас. Ну, что ж, коли ты правый человек, так погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоев. Ну, деньги твои у меня, мы с тобой их завтра разделим. Помнишь разговор, помнишь обиду; мы с тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы после трудов-то горло промочить, находку sprыснуть.

Курослепов. Дядя Силантий, вели-ка поди нам шипучего подать.

Силан уходит.

Градобоев. Вот теперь ты будешь жить порядком, хозяйничать у тебя будет дочь, да возьми зятя хорошего в дом.

Курослепов. Дочь! Дочь-то сбежала.

Градобоев. Это ты во сне видел.

Курослепов. Ну, вот ещё!

Аристарх. Во сне, ваше степенство.

Курослепов. Толкуйте!

Силан входит.

Где дочь?

Силан. Где ж ей! Известно, дома.

Выходит Параша с бутылкой вина и стаканами на подносе.

Да вот она, вино несёт.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Параша.

Курслепов. Пойдите! (*Отводит Градобоева в сторону.*) Вот что, будь друг, слёзно я тебя прошу, скажи мне по душе, вовсе я рехнувшись, или ещё во мне какая искра теплится? Если я вовсе, так уж вы лучше меня за решётку, чтоб я меж людей не путался.

Градобоев. Погляди-ка на меня! Нет, ещё рано за решётку, ещё погуляй. Я тогда тебе скажу.

Курслепов. Ну, ладно. (*Параше.*) Обноси гостей-то! Привыкай к хозяйству.

Параша наливает стаканы и подаёт Аристарху.

Вот и видно, что дура. Ты по чину обноси!

Параша. Чинов ваших я не знаю; а тому прежде и подаю, кто меня больше любит. Коли я хозяйка, так уж ты меня не учи. (*Подносит Градобоеву.*)

Градобоев (*пьёт*). Право, брат, отдай её замуж, пора; по всему вижу, что пора.

Параша подносит отцу.

Курслепов. Хочешь замуж?

Параша. Отчего ж не пойти! Только я тебе наперёд говорю, — чтоб у нас брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама полюблю. А уж ты меня не неволь! А то, ежели я выду против воли, да с моим сердцем, так добра не жди.

Градобоев. Вон она какая! Говорю, отдавай поскорей!

Сильный стук в ворота.

Силан. Кого там ещё! (*Оттирает.*)

Вбегают Гаврило.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Гаврило.

Гаврило (*не замечая Парашу*). Батюшки! Мочи моей нет! Павлин Павлиныч! Ох, задохся! Вот беда-то!

Курслепов. Да ты с виселицы, что ль, сорвался?

Гаврило. Хуже! Ведь отняли, из рук отняли.

Курслепов. Что?

Г а в р и л о. Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я к ней, а он в меня раз из пистолета. Да что мне! Я б рад за неё жизни решиться, — да не убил, не убил.

К у р о с л е п о в. Вижу, что не убил.

Г а в р и л о. Две деревни сбивал, весь лес обыскали, — нету, похитил. Вот из рук, из рук... Батюшко, Павлин Павлиныч! *(Кланяется.)*

К у р о с л е п о в. Что мне теперь с ним? Разве водой попробовать из ушата?

Г а в р и л о. Батюшки мои! Родные! На грех она меня взяла-то, дурака! Что для меня дороже-то всего на свете, что я берёг-то пуше глазу... целый день, кажется, вот всякую пылинку с неё сдувал, — а тут вдруг её у меня...

К у р о с л е п о в. Ну, Гаврилка, видно, нам с тобой на одной цепи сидеть!

Г а в р и л о. Простите вы меня, ради бога! Я только сказать-то забежал, а то мне уж один конец... С мосту, с мосту! С самой середины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем... *(Увидав Парашу.)* Ах! *(Хочет бежать.)*

С и л а н *(останавливает)*. Постой! Куда ты? Уж это шалишь, теперь на мост!.. Да что за напасть! И не пушу... Ничего в этом хорошего, уж поверь ты мне.

Аристарх подходит к Гавриле и шепчет ему на ухо.

П а р а ш а. Ничего, пройдёт. Это он с горя, что ему от места отказали. *(Подносит Градобоеву и отцу вино.)* Пожалуйте!

К у р о с л е п о в. Ты бы нам ещё бутылочку.

П а р а ш а. Сейчас подадут. Дедушка Силантий! Возьми из сеней бутылочку.

Силан уходит.

А вот я давеча начала говорить, да не кончила. *(Отцу.)* Уж ты мне дай слово крепкое, что за немилотог неволить не станешь.

Г р а д о б о е в. Да, а мы свидетелями будем.

К у р о с л е п о в. Да по мне хоть сейчас. Ну, скажи, кто тебе люб, за того и ступай.

П а р а ш а. Кто люб-то мне? Сказать разве? Изволь, скажу! *(Берёт Васю за руку.)* Вот кто мне люб.

Г а в р и л о *(утирает слёзы)*. Ну, вот и слава богу!

В а с я. Да, уж ты теперь прямо говори.

П а р а ш а. Я прямо и буду говорить. (*Отцу.*) Вот как мне люб этот человек: когда ты хотел его в солдаты отдать, я и тогда хотела за него замуж идти, не боялась солдаткой быть.

Г а в р и л о. Вот и хорошо, всё благополучно.

П а р а ш а. А теперь, когда он на воле, когда у меня и деньги, и приданое будет, и мешать-то нам некому...

Г а в р и л о. Ну, и дай бог!

П а р а ш а. Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что он от жены в плясуны уйдёт. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня с ног до головы золотом. Не умел он меня брать бедную, не возьмёт и богатую. А пойду я вот за кого. (*Берёт Гаврилу.*)

Г а в р и л о. Нет, нет-с. Вы ошиблись. Не то совсем-с.

П а р а ш а (*отцу*). Не отдашь ты меня за него, так мы убежим да обвенчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это нам не страшно. У нас от дела руки не отвалятся, будем хоть по базарам гнилыми яблоками торговать, а уж в кабалу ни к кому не попадём! А дороже-то для меня всего: я верно знаю, что он меня любить будет. Один день я его видела, а на всю жизнь душу ему поверю.

Г а в р и л о. Да невозможно, помилуйте, что вы!

П а р а ш а. Отчего же?

Г а в р и л о. Какой я вам жених! Нешто я настоящий человек, такой же, как и все.

П а р а ш а. Как же не настоящий?

Г а в р и л о. Так-с, я не полный человек. Меня уж очень много по затылку, как спервоначалу, так и по сей день; так уж у меня очень много чувств отшибено, какие человеку следует. Я ни ходить прямо, ни в глаза это людям смотреть, — ничего не могу.

Г р а д о б о е в. Ничего. Понемножку оправишься.

К у р о с л е п о в. Ну, что ж, выходи за Гаврилку. Всё ж таки у нас в доме будет честней, чем до сих пор было.

П а р а ш а. Вот, батюшка, спасибо тебе, что ты меня, сироту, вспомнил. Много лет прошло, а в первый раз я тебе кланяюсь с таким чувством, как надо дочери. Долго я тебе чужая была, а не я виновата. Я тебе с своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, так умеи беречь её. Крёстный, мы тебя возьмём в приказчики на место Наркиса. Переезжай к нам завтра.

С и л а н приносит вино.

Курослепов. Ты уж меня и не спрашиваешь.

Параша. Чего не знаю, так спрошу, а что сама знаю, так зачем спрашивать.

Курослепов. Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

Параша *(подавая вино)*. Пожалуйте!

Градобоев. Поздравляй жениха-то с невестой!

Курослепов. Что ж, детки, дай вам бог счастливей нашего.

Гаврило. Покорнейше благодарим-с. *(Параше.)* Да неужто вправду-с?

Градобоев. Уж теперь запили, значит, дело кончено.

Курослепов. Сколько в нынешнем месяце дней, 37 или 38?

Градобоев. Вона! Что-то уж длинен больно.

Курослепов. Да и то длинен.

Градобоев. Да что считать-то! Сколько дней ни выйдет, всё надо жить вплоть до следующего.

Курослепов. Да само собой, надо; а несчастлив он для меня. Каков-то новый будет? Чего-то со мной в этом месяце не было! Пропажа, долгов не платят; вчера мне показалось — светопреставление начинается, сегодня — небо всё падает, да во сне-то раза два во аде был.

Градобоев. Сподобился?

Параша. Ну, гости дорогие, отцу, я вижу, спать пора, уж он заговариваться начал.

Градобоев. Ну, прощай! Когда сговор?

Параша. А вот позвольте нам убраться немного, мы приглашения разошлём. Прощай, крёстный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навещай нас.

Все уходят.

(Отцу.) Ну, прощай, батюшко! Спи, господь с тобой! А я теперь дождалась красных дней, я теперь всю ночку на воле просижу с милым дружкой под деревцем, потолкую я с ним по душе, как только мне, девушке, хочется. Будем с ним щебетать, как ласточки, до самой ясной зореньки. Птички проснутся, защебечут по-своему, — ну, тогда уж их пора, а мы по домам разойдёмся. *(Обнимает Гаврилу, садятся на скамью под дерево.)*

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

ЛИЦА

САВВА ГЕННАДЬИЧ ВАСИЛЬКОВ, провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: «когда же нет» — вместо «да»; «ни боже мой!» — вместо отрицания, «шабёр» — вместо «сосед». Провинциальность заметна и в платье.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ТЕЛЯТЕВ, неслужащий дворянин, лет 40.

ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ КУЧУМОВ, лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене, и по матери много титулованной родни.

ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА ЧЕБОКСАРОВА, пожилая дама с важными манерами.

ЛИДИЯ ЮРЬЕВНА, её дочь, 24 лет.

АНДРЕЙ, слуга Чебоксаровых.

ГРИГОРИЙ, слуга Телятева.

НИКОЛАЙ, слуга Кучумова.

МАЛЬЧИК из кофейной.

ГУЛЯЮЩИЕ.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от зрителей ворота в парк, налево кофейная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев (*что-то жуёт*). Ну да, ну да. (*В сторону.*) Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! (*Снимает шляпу и кланяется.*) Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы ещё такой бесспорной истины не знаете ли?

Васильков. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Телятев. Ещё лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалека приехали?

Васильков. Да, не близко-таки.

Телятев. Вот бы вы меня удивили, если б сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная. А что она вам нра-

вится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в неё влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

В а с и л ь к о в. Да разве ж это так трудно?

Т е л я т е в. Ну, да уж я вам скажу.

В а с и л ь к о в. А что ж нужно для того? Какие качества?

Т е л я т е в. Такие, каких нет у нас с вами.

В а с и л ь к о в. А позвольте, например?

Т е л я т е в. А например: полмиллиона денег или около того.

В а с и л ь к о в. Это ничего...

Т е л я т е в. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

В а с и л ь к о в. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом...

Т е л я т е в. Вот, видите ли, с умом, да ещё с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так же редки, как и миллионы. Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли Бог не дал!

В а с и л ь к о в. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же ещё нужно, чтобы ей понравиться?

Т е л я т е в. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врождённую светскость, которой уж научиться никак нельзя.

В а с и л ь к о в. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Т е л я т е в. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

В а с и л ь к о в. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Т е л я т е в. Да вам-то что же?

В а с и л ь к о в. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном.

Т е л я т е в. Ну, да мало ли что кому нужно! Что, вы богаты очень?

В а с и л ь к о в. Нет ещё.

Т е л я т е в. Значит, надеетесь разбогатеть.

В а с и л ь к о в. В настоящее время...

Т е л я т е в. Да что вы всё с настоящим временем?

В а с и л ь к о в. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Т е л я т е в. Ну, это кому как бог даст. Это ещё буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

В а с и л ь к о в. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риска, три лесные дачи при моём имени, что может составить тысяч пятьдесят.

Т е л я т е в. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтора ста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

В а с и л ь к о в. Но ведь надо же будет платить наконец.

Т е л я т е в. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

В а с и л ь к о в. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчёты.

Т е л я т е в. Вы ещё молоды, дойдёте и до наших расчётов.

В а с и л ь к о в. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомиться меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидает человека. Я как увидел её с неделю тому назад, всё о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть её почаще. Стыдно деловому человеку увлекаться, но что делать, я в любви ещё юноша. Познакомьте, прошу вас.

Т е л я т е в. Извольте, с удовольствием.

В а с и л ь к о в. (*крепко жмёт ему руку*). Если я вам могу быть чем-нибудь полезен...

Т е л я т е в. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

В а с и л ь к о в. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. (*Крепко жмёт Телятеву руку.*) Я, право, так вам благодарен.

Т е л я т е в. Да позвольте, позвольте руку-то! Это чёрт знает что!

Васильков (*оглядывается, не выпуская руки Телятева*). Кажется, они?

Телятев. Они, они.

Васильков. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вам, может быть, смешно.

Телятев. Да вы руку-то...

Васильков. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Телятев. Надейтесь.

Васильков поспешно уходит. Входит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Телятев. Это мне Бог на шапку послал за мою простоту.

Глумов. Что ж тебе за барыш?

Телятев. Шампанским поит.

Глумов. А! Это недурно.

Телятев. Я вот погляжу, погляжу на него, да должно быть, денег у него займу.

Глумов. Это ещё лучше, коли даст, разумеется.

Телятев. Думаю, что даст; я ему нужен.

Глумов. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Телятев. А вот слушай.

Глумов. Слушаю.

Телятев. Я увидал его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Глумов. На кого? Не знаю. Какое диво в парке может быть?

Телятев. На Чебоксарову.

Глумов. У него губа-то не дура.

Телятев. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом неё толпа молодёжи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Г л у м о в. Поздравляю.

Т е л я т е в. А сегодня, представь себе, увидел, что я разговаривал с Чебоксаровыми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблён в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам, — а какие у него дела, сам чёрт не разберёт, — ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Г л у м о в. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо женится на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему непременно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдадут. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Т е л я т е в. Это уж одному аллаху известно.

Г л у м о в. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Т е л я т е в. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Г л у м о в. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Т е л я т е в. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой (*показывает руками*), пол-аршина, наверное. Чего там нет! Акции всякие, счёты на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Г л у м о в. Да богат он?

Т е л я т е в. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысячу на пятьдесят лесу.

Г л у м о в. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Т е л я т е в. Он небогат или скуп; заплатил за вино — и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Г л у м о в. Не конторщик ли? А как характером?

Т е л я т е в. Прост и наивен, как институтка.

Г л у м о в. Прост и наивен... не шулер ли?

Т е л я т е в. Не могу сказать. А вот пьёт шампанское, так на диво: отчётливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Г л у м о в. Ну, так сибиряк, наверное, сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего.

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере, я... И вот с чего начинается: ты познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.

Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сытости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадьич Васильков, Егор Дмитрич Глумов.

Васильков (*крепко жмёт руку Глумова*). Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмёте.

Васильков. Извините, провинциальная привычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков (*очень учтиво*). Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почёта, а Савва — слово арабское.

Г л у м о в. А Савёл?

В а с и л ь к о в. Ну, уж напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Т е л я т е в. Вы и по-гречески знаете?

В а с и л ь к о в. Учился немного.

Г л у м о в. А по-татарски?

В а с и л ь к о в. Простой разговор понимаю — казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

Г л у м о в (*в сторону*). Уж это чёрт знает что такое!

Т е л я т е в. А вы давно из Крыма?

В а с и л ь к о в. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Г л у м о в (*в сторону*). Как врёт-то!

Т е л я т е в. Как же вы из Англии в Крым попали?

В а с и л ь к о в. А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения.

Г л у м о в (*в сторону*). А может быть, и не врёт. (*Василькову*.) Вы нас застали, когда мы про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а про тот, который на простонародном языке законным называется.

В а с и л ь к о в. Хороший разговор.

Г л у м о в. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

В а с и л ь к о в. Судя по её красоте, вероятно, многие желают того же.

Г л у м о в. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить её, как мёртвый капитал. Нет, красота не мёртвый капитал, она должна приносить проценты. Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчёта; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. У первого её красота будет служить приманкой для неопытных юношей, у другого — приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

В а с и л ь к о в. Я буду спорить.

Г л у м о в. Вот вам расчёт верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

В а с и л ь к о в. Я буду спорить.

Г л у м о в. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче век практический.

В а с и л ь к о в. Позвольте, я буду с вами спорить.

Г л у м о в. Спорьте, пожалуй,

В а с и л ь к о в. Честные расчёты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть романтика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство — спекуляция плохая.

Т е л я т е в. Чебоксаровы подходят.

В а с и л ь к о в (*быстро хватая его за руку*). Познакомьте; умоляю вас!

Т е л я т е в. Ой! (*Отдёргивает руку*.) С величайшим удовольствием.

Подходят Надежда Антоновна и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Т е л я т е в (*Надежде Антоновне*). Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмёшь.

Т е л я т е в. Ведь я даром: процентов с вас не возьму.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Познакомь! Да ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Т е л я т е в. Ей-богу! Ну, вот ещё!.. Савва Геннадьич!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Погоди, погоди! Что за имя!

Т е л я т е в. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадьича Василькова.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Очень приятно.

В а с и л ь к о в. Искренне желал. Знакомства в Москве не имею.

Т е л я т е в. Отличный человек, по-гречески говорит. (*Отходит к Лидии.*)

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

В а с и л ь к о в. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живёте?

Васильков. В деревне, а то всё в разъездах.

Надежда Антоновна (*Глумову*). Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегая. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. (*Говорит тихо с Глумовым.*)

Васильков уходит.

Телятев (*Лидии*). Я против сырости меры принял.

Лидия. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Телятев. Я развратный человек?.. Да вы добродетельней меня не найдёте. Я вам сейчас докажу.

Лидия. Докажите!

Телятев. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Лидия. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

Васильков с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним Андрей.

Васильков. Нашёл, вот он здесь-с. (*Подает шаль.*)

Надежда Антоновна. Ах, как вы меня испугали! (*Надевает шаль.*) Благодарю вас. Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

Андрей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Телятев (*Василькову*). Савва Геннадьич!

Лидия. Какое имя!.. Он иностранец?

Телятев. Из Чухломы.

Лидия. Какая это земля? Я не знаю. Её нет в географии.

Телятев. Недавно открыли. (*Васильков подходит.*) Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадьича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел красавиц, но подобных вам — никогда.

В а с и л ь к о в. Да перестаньте же! Я конфужусь.

Л и д и я. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

В а с и л ь к о в. Когда же нет!

Л и д и я. Она, говорят, разошлась с мужем.

В а с и л ь к о в. Ни боже мой!

Л и д и я. Подворотникова знаете?

В а с и л ь к о в. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания.

Васильков, конфузясь, отходит.

Л и д и я. На каком он языке говорит?

Т е л я т е в. Он очень долго был в плену у ташкентцев. *(Говорят тихо.)*

Г л у м о в *(Надежде Антоновне)*. У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(взглядывает на Василькова)*. Неужели?

Г л у м о в. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что всё в тайге живёт, с бурятами.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(ласково смотрит на Василькова)*. Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Г л у м о в. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку даёт горстями.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Г л у м о в. А для кого же ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(очень ласково смотрит на Василькова)*. А он ведь и собой недурен...

Г л у м о в. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(Лидии)*. Пройдём, Лидия, ещё раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

В а с и л ь к о в. Если позволите.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(приятно улыбаясь)*. Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Телятев.

Глумов. Ну, комедия начинается.

Телятев. Ты таки сказал?

Глумов. Разве я пропущу такой случай!

Телятев. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Глумов. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведём их до экстаза, да потом и разочаруем.

Телятев. Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезёт её в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идёт на тебя.

Подходит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Телятев, Глумов и Кучумов.

Кучумов (*издали*). Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre...
(*Подходит гордо, подымая голову кверху.*)

Телятев. Здравствуй, князинька!

Кучумов. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объеденье! Mille e tre...

Глумов. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

Кучумов. Что за вздор! Ma in Ispania... Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Глумов. Да и обещать-то ничего не значит.

Кучумов. Какой у тебя, братец, язык злой! (*Грозит пальцем.*) Уж ты дождётсяся, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Глумов. Да ты давно бы сказал; может быть, бог даст, попаду в общество людей поумней вас.

Кучумов. Ну-ну! (*Махнув рукой.*) С тобой не сговоришь.

Телятев. А коли не сговоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

Кучумов. Mille e tre... Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Телятев. Ты ли, не другой ли кто?

Глумов (*горячо*). Где и как, говори скорей!

Кучумов. В купеческом клубе.

Телятев. И получил?

Кучумов. Получил.

Телятев. Рассказывай по порядку!

Глумов. Удивительно, если правда.

Кучумов (*с сердцем*). Ничего нет удивительного! Будто уж я и не могу выиграть! Заезжаю я вчера в купеческий клуб, прошёл раза два по залам, посмотрел карточку кушанья, велел приготовить себе устриц...

Глумов. Какие теперь устрицы!

Кучумов. Нет, забыл, велел приготовить перменей. Подходит ко мне какой-то господин...

Телятев. Незнакомый?

Кучумов. Незнакомый. Говорит: не угодно ли вашему сиятельству в бакару? Извольте, говорю, извольте! Денег со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаем с рубля, и повезло мне, что называется, дурацкое счастье. Уж он менял, менял карты, видит, что дело плохо; довольно, говорит. Стали считаться — двенадцать с половиной тысяч... Вынул деньги...

Глумов. Ты говорил, одиннадцать.

Кучумов. Уж не помню хорошенько. Что-то около того.

Телятев. Кто же это проигрывает по двенадцати тысяч в вечер? Таких людей нельзя не знать.

Кучумов. Говорят, приезжий.

Глумов. Да я вчера был в купеческом клубе, там никакого разговора не было.

Кучумов. Я приехал очень рано, почти ещё никого не было, и всю игру-то мы кончили в полчаса.

Глумов. С тебя ужин сегодня.

Телятев. Ужин у нас есть с Василькова, а ты нас поди коньячком попотчуй, что-то сыро становится.

Кучумов. Да ты, пожалуй, целую бутылку выпьешь; ведь это по рюмкам-то дорого обойдётся.

Телятев. Нет, я рюмку, много две.

Кучумов. Коли две, пожалуй. А я вас в воскресенье обедом накормлю дома, дам вам севрюгу свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургонского, что вы...

Телятев (*берёт его под руку*). Пойдём, пойдём! У меня уж зубы начинают стучать от сырости; пожалуй, лихорадку схватишь.

Уходят. Подходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и человек Чебоксаровых.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и Андрей.

Надежда Антоновна (*Андрею*). Вели коляске подъехать поближе!

Андрей. Слушаю-с! (*Уходит и скоро возвращается.*)

Надежда Антоновна (*Василькову*). Благодарю вас, нам пора ехать. Прошу вас бывать у нас.

Васильков. Когда прикажете?

Надежда Антоновна. Когда угодно. Я принимаю от двух до четырёх; лучше всего вы приезжайте к нам обедать запросто. По вечерам мы ездим гулять.

Васильков. Почту за счастье быть у вас при первой возможности. Лидия Юрьевна, я человек простой, позвольте мне выразить вам всё моё удивление к вашей несравненной красоте.

Лидия. Благодарю вас. (*Отходит и, заметя, что мать говорит с Васильковым, выражает нетерпение.*)

Надежда Антоновна. Так мы вас ждём.

Васильков. Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением. Я живу недалеко от вас.

Надежда Антоновна. Неужели?

Васильков. В одном доме, только по другой лестнице.

Надежда Антоновна, уходя, несколько раз оглядывается. Васильков долго стоит без шляпы неподвижно и смотрит им вслед.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков один.

Васильков. Как она ласкова со мною! Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или очень умна, что через грубую провинциальную кору видит мою доброту. Но как ещё я сердцем слаб! Вот что значит очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухих выкладках сердце сучает, зато, когда представится случай, оно отмстит и одурочит математика. Так

и мне сердце отомстило; я вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо ещё, что у меня воля твёрдая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни боже мой! Эта строгая подчинённость однажды определённого бюджету не раз спасала меня в жизни. (*Задумывается.*) О, Лидия, Лидия! Как сердце моё тает при одном воспоминании о тебе! Но ежели ты бессердечна, ежели ты любишь одни только деньги!.. Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, её покорным рабом. Хорошо ещё, что у меня довольно расчёта, и я никогда не выйду из бюджета.

Подходят Кучумов, Телятев и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков, Кучумов, Телятев и Глумов.

Телятев. Ну что, познакомились? Легче стало на душе? Поздравляю. (*Целует Василькова.*)

Васильков. Я вам много обязан и, поверьте, не забуду.

Телятев. Если забудете, я вам напомню. За вами бутылочка, поедемте ужинать, там и разопьём. (*Кучумову.*) Князинька, вот наш новый приятель, Савва Геннадьич Васильков.

Кучумов. А! Да! Вы приезжий?

Васильков. Приезжий, ваше сиятельство.

Телятев. Нет, он не сиятельство, он просто Гриша Кучумов, а это мы так его зовём оттого, что очень любим.

Кучумов. Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку; много, много надо иметь...

Телятев. Что он вздор-то говорит!

Глумов. Кабы наше общество было взыскательнее, так бы нам с тобой туда не попасть.

Телятев. А вот что, не выпить ли здесь разгонную?

Васильков. Если общество желает. Человек, подай бутылку шампанского.

Глумов. И четыре больших стакана.

Кучумов. Ну да, четыре. Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами.

Глумов. Отсюда прямо в клуб, вот нас партия. (*Кучумову.*) Мы твои вчерашние двенадцать тысяч-то пересчитаем.

Кучумов. Не приложи своих.

Телятев (человеку, который стоит у ворот). Гришка! Григорий Алексеевич!

Подходит Григорий.

Григорий Алексеевич, наденьте на меня пальто! Карета моя близко?

Григорий (надев пальто). Здесь, сударь, у ворот.

Кучумов (своему лакею). Николай!

Подходит Николай.

Ну, что ж ты рот разинул! Стой здесь! Посадишь меня в карету.

Мальчик из кофейной подаёт шампанское и стаканы.

Васильков. Пожалуйте, господа, покорно прошу.

Все берут стаканы.

Телятев. За успех! Хотя вероятности очень мало.

Глумов. За хлопоты, а успеха не будет.

Кучумов. За какой успех?

Глумов. Хочет жениться на Чебоксаровой.

Кучумов. Да как это возможно! Да, наконец, я не позволю.

Телятев. Твоего позволения и не спросят.

Васильков. Угодно три тысячи пари? Я один держу против троих, что женюсь на Чебоксаровой.

Кучумов. Я никогда не держу пари.

Глумов. Я бы и держал, да денег нет.

Телятев. А я боюсь проиграть.

Васильков. Ха-ха-ха! Господа москвичи! Вы трусили! Так зачем же было смеяться! Идёт, что ли, начистоту? Вот три тысячи. (Вынимает деньги, все кивают отрицательно.) Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и женюсь на ней непременно. Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю. Поедемте ужинать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ЧЕБОКСАРОВА.

ЛИДИЯ.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ВАСИЛЬКОВ.

ГЛУМОВ.

АНДРЕЙ.

*Богато меблированная гостиная, с картинами, коврами, драпри.
Три двери: две по бокам и одна входная.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Васильков ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Телятев.

Телятев. Я думал, что ты давно уехал. Что же ты нейдёшь к дамам? Не хватает храбрости?

Васильков. Всё моё несчастье, что я не умею поддерживать разговора.

Телятев. Какое тут уменье! Не нужно только заводить, особенно после обеда, учёных споров. Говори, что в голову придёт, лишь бы только была весёлость, остроумие, лёгкое злословие, а ты толкуешь об усечённых пирамидах, о кубических футах.

Васильков. Я уже теперь обдумал один весёлый анекдот, который хочу рассказать.

Телятев. Так иди скорее, пока не забыл.

Васильков. А ты куда же торопишься?

Телятев. Меня Лидия Юрьевна за букетом послала.

Васильков. О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперник.

Телятев. Не бойся, друг! Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится. Меня не страшись и смело иди рассказывать свой анекдот.

Васильков уходит в дверь налево; оттуда же выходит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Этот ещё здесь? Каков гусь! Нет, я вижу, пора его выгнать. Довольно потешились. Жаль, что мы не поддержали пари.

Телятев. Я и теперь держать не стану.

Глумов. Однако но тогда, в купеческом, ловко нас обработал. Хорош Кучумов! Говорил, что двенадцать тысяч накануне выиграл, а тут шестьсот рублей отдать не мог. В первый раз человека видит и остался должен... Ты куда?

Телятев. На Петровку.

Глумов. Поедем вместе.

Уходят. Входят Кучумов и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кучумов и Надежда Антоновна.

Кучумов. *Muta d'accento e de pensier...*

Надежда Антоновна. С некоторых пор я только такие известия и получаю.

Кучумов. Хм, да... Неприятно! *E de pensier...*

Надежда Антоновна. Что ни день, то и жди какой-нибудь новости в таком роде.

Кучумов. Но что же он там делает, ваш муж? Как же это так... допустить?... Не понимаю. Наш брат, человек со смыслом...

Надежда Антоновна. А что ж он сделать может! Ведь вы читали, что он пишет: неурожай, засуха, леса все сожжены на заводе, а от завода каждый год убыток. Он пишет, что ему теперь непременно нужно тысяч тридцать, что имение уж назначено в продажу.

Кучумов. Да что ж он, чудак... Разве у него мало знакомства! Да вот я, например... Вы ему так и напишите, чтоб он ко мне адресовался прямо. *Muta d'accento...*

Надежда Антоновна. Ах, друг мой! Я всегда была в вас уверена.

Кучумов. Ну, да что такое, что за одолжение! По старому знакомству, я рад... Что для меня значит...

Надежда Антоновна. Григорий Борисыч, но... ради бога... Я откровенна только с вами, а для других мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорий Борисыч!

Кучумов. Конечно, конечно.

Надежда Антоновна. Нам надо поддерживать себя... Пока ещё есть кредит... но немного. Подойдёт зима; театры, балы, концер-

ты. Надо спросить у матерей, чего всё это стоит. У меня Лидия ничего и слушать не хочет, ей чтоб было. Она ни цены деньгам, ни счёту в них не знает. Поедет по магазинам, наберёт товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся.

Кучумов. А женихов не предвидится?

Надежда Антоновна. На её вкус трудно угодить.

Кучумов. Таковую девушку в прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если б у меня не старуха...

Надежда Антоновна. У вас шутки... А каково мне, матери! Столько лет счастливой жизни, и вдруг... Прошлую зиму я её вывозила всюду, ничего для неё не жалела, прожила всё, что было отложено ей на приданое, и всё даром. А нынче, вот ждала от мужа денег, и вдруг такое письмо. Я уж и не знаю, чем мы жить будем. Как я скажу Лидиньке? Это её убьёт.

Кучумов. Да вы, пожалуйста, коли что нужно, без церемонии... Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю её с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь... люблю... да...

Надежда Антоновна. Не знаю, как вы любите, а для меня нет жертвы, которую бы я не принесла для неё.

Кучумов. И я то же самое, то же самое. Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.

Надежда Антоновна. Отчего ж ему не бывать?

Кучумов. Неприятен... Кто он такой, откуда взялся, никто не знает.

Надежда Антоновна. И я не знаю. Знаю, что он дворянин, прилично держит себя.

Кучумов. Да, ну так что ж?

Надежда Антоновна. Хорошо говорит по-французски.

Кучумов. Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна. Говорят, что у него какие-то дела, важные.

Кучумов. И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна. Кажется, неглуп.

Кучумов. Ну, уж об этом позвольте мне судить. Как же он к вам попал?

Надежда Антоновна. Не помню, право. Его представил кто-то; кажется, Телятев. У нас все бывают.

Кучумов. Уж не думает ли он жениться на Лидиньке?

Надежда Антоновна. Кто же знает, может быть, и думает.

Кучумов. А состояние есть?

Надежда Антоновна. Я, признаться сказать, так мало о нём думаю, что не интересуюсь его состоянием.

Кучумов. Толкует всё: «нынешнее время да нынешнее время».

Надежда Антоновна. Теперь все так говорят.

Кучумов. Ведь этак можно и надоест. Говори там, где тебя слушать хотят. А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России. Гонять таких господ надо.

Надежда Антоновна. Зачем же? Напротив, я хочу приласкать его. В нашем положении всякие люди могут пригодиться.

Кучумов. Ну, едва ли этот на что-нибудь годится. Уж вы лучше на нас, старичков, надейтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Ох-ох-ох-ох! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Я сирота, у меня детей нет, — меня, куда хочешь, поверни, и в посажёные отцы, и в кумовья. Старику ласка дороже всего, мне свои сотни тысяч в могилу с собой не брать. Прощайте, мне в клуб пора.

Надежда Антоновна (*проводя до двери*). Можно надеяться вас скоро видеть?

Кучумов. Да, разумеется. Я ещё вашей дочери конфеты проиграл. Вот я какой старик-то, во мне всё ещё молодая кровь горит. (*Уходит.*)

Надежда Антоновна. Эх, не конфеты нам нужны. (*Стоит задумавшись.*)

Выходит Васильков и берёт шляпу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Куда вы торопитесь?

Васильков. Честь имею кланяться.

Надежда Антоновна. Погодите! (*Садится на диван.*)

Васильков. Что прикажете?

Надежда Антоновна. Садитесь! (*Васильков садится.*) Я хочу с вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю вас; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старух?

Васильков. Нисколько. Но что же вам, сударыня, угодно знать обо мне?

Надежда Антоновна. Мне, по крайней мере, нужно знать вас настолько, чтоб уметь отвечать, когда про вас спрашивают; у нас бывает много народу, никто вас не знает.

Васильков. Оттого меня и не знают, что я жил в провинции.

Надежда Антоновна. Вы где воспитывались?

Васильков. В высшем учебном заведении, но более сам занимался своею специальностью.

Надежда Антоновна. Это прекрасно. Ваши родители живы ещё?

Васильков. Только мать жива, но и она безвыездно в деревне.

Надежда Антоновна. Значит, вы почти одинокий человек. Вы служите?

Васильков. Нет, занимаюсь частными предприятиями, имею дело больше с простым народом: с подрядчиками, с десятскими.

Надежда Антоновна (*снисходительно кивая головой*). Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацию...

Васильков. Нет, у нас только одни десятники.

Надежда Антоновна. Ах, это очень хорошо... Да, да, да, я вспомнила. Это теперь в моду вошло, и некоторые даже из богатых людей... для сближения с народом... Ну, разумеется, вы в красной шёлковой... в бархатном кафтане. Я видела зимой в вагоне мильонщика и в простом бараньем... Как это называется?

Васильков. Полушубке.

Надежда Антоновна. Да, в полушубке и в бобровой шапке.

Васильков. Нет, я своей одежи не меняю.

Надежда Антоновна. Но ведь, чтоб так проводить время, нужно иметь состояние.

Васильков. Во-первых, это самое дело уж очень доходно.

Надежда Антоновна. То есть весело, вы хотите сказать. Поют песни, водят хороводы, вероятно, у вас свои гребцы на лодках.

Васильков. У меня ничего подобного нет; впрочем, вы правы; нашего дела без состояния начинать нельзя.

Надежда Антоновна. Ну, ещё бы, конечно, я так и думала. С первого разу видно, что вы человек с состоянием. Вы что-то не в духе сегодня. *(Молчание.)* Зачем вы спорите с Лидией? Это её раздражает, она девушка с характером.

Васильков. Что она с характером, это очень хорошо; в женщине характер — большое достоинство. А вот что жаль, Лидия Юрьевна имеет мало понятия о таких вещах, которые теперь уже всем известны.

Надежда Антоновна. Да зачем ей, скажите, мой друг, зачем ей иметь понятие о вещах, которые всем известны? Она имеет высшее образование. У нас богатая французская библиотека. Спросите её что-нибудь из мифологии, ну, спросите! Поверьте, она так хорошо знакома с французской литературой и знает то, о чём другим девушкам и не грезилося. С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит её ничем.

Васильков. Такое оборонительное образование хорошо при другом. Разумеется, я не имею права никого учить, если меня не просят. Я бы не стал и убеждать Лидию Юрьевну, если бы...

Надежда Антоновна. Что «если бы»?

Васильков. Если бы не надеялся принести пользу. С переменной убеждений в ней изменился бы взгляд на людей; она бы стала более обращать внимания на внутренние достоинства.

Надежда Антоновна. Да, на внутренние достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильков. Тогда мог бы и я надеяться заслужить её расположение. А теперь быть приятным я не могу, а быть смешным не хочу.

Надежда Антоновна. Ах, нет, что вы! Она ещё так молода, она ещё десять раз переменится. А я, признаюсь, всегда с удовольствием вас слушала, и без вас часто говорила ваши слова дочери.

Васильков. Благодарю вас. Я хотел уже ретироваться, чтоб не играть здесь жалкой роли.

Надежда Антоновна. Ай-ай, стыдно?

Васильков. Мне ведь особенно унижаться не из чего: не я ишу, меня ищут.

Надежда Антоновна. Молодой человек, вы найдёте во мне союзницу, готовую помогать вам во всех ваших намерениях. *(Таинственно.)* Слышите, во всех; потому что я нахожу их честными и вполне благородными.

Входит Лидия и останавливается у двери.

В а с и л ь к о в (*встаёт, целует руку Надежды Антоновны*).
До свиданья, Надежда Антоновна.

На де ж да А н т о н о в н а. До свиданья, мой добрый друг!

В а с и л ь к о в кланяется Лидии и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Надежда Антоновна и Лидия.

Л и д и я. Что вы с ним говорили? О чём? Он ужасен, он сумасшедший.

На де ж да А н т о н о в н а. Уж поверь мне, я знаю, что делаю. Наше положение не позволяет нам быть очень разборчивыми.

Л и д и я. Какое положение! Его нельзя терпеть ни в каком положении. Он не знает нашей жизни, наших потребностей, он чужой.

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, он часто говорит правду.

Л и д и я. Да кто же ему дал право проповедовать! Что он за пророк! Согласитесь, тапан, что гостиная не аудитория, не технологический институт, не инженерный корпус.

На де ж да А н т о н о в н а. Лидия, ты уж очень безжалостна с ним.

Л и д и я. Ах, тапан, да какое же есть терпение его слушать! Какое-то он экономические законы выдумал! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, одни только законы и есть — законы света и приличий. Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай. Тут некогда думать о законах, а надо ехать в магазин и взять. Нет, он сумасшедший!

На де ж да А н т о н о в н а. А мне кажется, он просто оригинальничает. Так многие делают. Он не очень образован, а может быть, и не умён, остроумием не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтоб быть заметным: вот он и хочет показаться оригиналом. А, вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди.

Л и д и я. Может быть, и так; но он надоел до невозможности.

На де ж да А н т о н о в н а. Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительнее. Ведь прощаем же мы прочих; половина тех господ, которые к нам ездят, хвастуны и лгут ужасно.

Л и д и я. Мне что за дело, что они лгут, по крайней мере, с ними весело, а он скучен. Вот чего простить нельзя.

На де ж да А н т о н о в н а. Есть, мой друг, и ещё причина быть к нему снисходительнее, и я тебе советую...

Лидия. Что за причина? Говорите!

Надежда Антоновна. Ты благоразумна... Я надеюсь, что у тебя достанет присутствия духа выслушать меня хладнокровно.

Лидия (*с испугом*). Что такое, что такое?

Надежда Антоновна. Я получила письмо от отца из деревни.

Лидия. Он болен, умирает?

Надежда Антоновна. Нет.

Лидия. Что же такое? Говорите!

Надежда Антоновна. Наши надежды на нынешний сезон должны рушиться.

Лидия. Каким образом? Я ничего не понимаю,

Надежда Антоновна. Я писала к мужу в деревню, чтоб он нам выслал денег. Мы много должны, да на зиму нам нужна очень значительная сумма. Сегодня я получила ответ...

Лидия. Что же он пишет?

Надежда Антоновна (*нюхая спирт*). Он пишет, что денег у него нет, что ему самому нужно тысяч тридцать, а то продадут имение; а имение это последнее.

Лидия. Очень жаль! Но согласитесь, татап, что ведь я могла этого и не знать, что вы могли пожалеть меня и не рассказывать мне о вашем разорении.

Надежда Антоновна. Но всё равно ведь после ты узнала бы.

Лидия. Да зачем же мне и после узнавать? (*Почти со слезами.*) Ведь вы найдёте средства выйти из этого положения, ведь непременно найдёте, так оставаться нельзя. Ведь не покинем же мы Москву, не уедем в деревню; а в Москве мы не можем жить, как нищие! Так или иначе, вы должны устроить, чтоб в нашей жизни ничего не изменилось. Я этой зимой должна выйти замуж, составить хорошую партию. Ведь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если уж не придумали, как прожить одну зиму, не уронив своего достоинства? Вам думать, вам! Зачем же вы мне-то рассказываете о том, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствия, вы лишаете меня беззаботности, которая составляет лучшее украшение девушки. Думали бы вы, татап, одни и плакали бы одни, если нужно будет плакать. Разве вам легче будет, если я буду плакать вместе с вами? Ну скажите, татап, разве легче?

Надежда Антоновна. Разумеется, не легче.

Лидия. Так зачем же, зачем же мне-то плакать? Зачем вы навязываете мне заботу? Забота старит, от неё морщины на лице. Я чувствую, что постарела на десять лет. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шёлковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят *commis* приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешёво, я всегда считала всё это жалким, мещанским, копеечным расчётом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете. Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить. Она подержит его да опять положит, потом опять возьмёт, пошепчется с какими-то двумя старухами, потом опять положит, а *commis* смеются. Ах, мама, за что вы меня мучите?

Надежда Антоновна. Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть от тебя наше расстройство, но нет возможности. Если остаться в Москве, мы принуждены будем сократить свой расход, надо будет продать серебро, некоторые картины, брильянты.

Лидия. Ах, нет, нет, сохрани бог! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнает, что мы разорены; к нам будут являться с кислыми лицами, с притворным участием, с глупыми советами. Будут качать головами, ахать, и всё это так искусственно, форменно, — так оскорбительно! Поверьте, что никто не даст себе труда даже притвориться хорошенько. *(Закрывает лицо руками.)* Нет! Нет!

Надежда Антоновна. Но что же нам делать?

Лидия. Что делать? Не терять своего достоинства. Отдельвайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за всё заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.

Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?

Лидия. Кто бы он ни был.

Надежда Антоновна. Не делал ли кто тебе предложения?

Лидия. Никто не делал, никто не смел делать; мои женихи от меня, кроме презрения, ничего не видали. Я сама искала красавца с состоянием, — теперь мне нужно только богатого человека, а их много.

Надежда Антоновна. Не ошибись в своих расчётах.

Лидия. Неужели красота потеряла свою цену? Нет, татам, не беспокойтесь! Красавиц мало, а богатых дураков — много.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Вот вам первый.

Надежда Антоновна (*Андрею*). Проси!

Андрей уходит.

Лидия. Оставьте нас, не мешайте. Вот кто заплатит за всё.

Надежда Антоновна. А если?..

Лидия. А если?.. Ну что ж? Вы говорите, что у Василькова большое состояние, — тогда пошлите за ним. У него золотые прииски, он глуп, — золото наше.

Надежда Антоновна (*уходя*). Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. (*Уходит.*)

Входит Телятев с букетом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Телятев и Лидия.

Лидия. Как вы проворны, как вы меня балуете! Говорите, зачем вы это делаете?

Телятев. Разве это новость для вас? Когда же я не исполнял ваших приказаний?

Лидия. Зачем же вы всегда меня балуете?

Телятев. Я уж так устроен для услуг — это моё призвание. Что мне делать, больше у меня и дела никакого нет.

Лидия. Значит, развлечение, от скуки. Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Телятев. Я же виноват!

Л и д и я. Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нет.

Т е л я т е в. Конечно, искренни.

Л и д и я. Но ведь постоянные угождения, постоянная лесть — это всё своего рода удочки, на которые вы нас ловите. Вы заставляете предполагать в вас такую преданность, к которой нельзя оставаться равнодушной.

Т е л я т е в. Тем лучше; не всё же нам одним быть равнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Л и д и я. Да, хорошо вам говорить, когда у вас всякое чувство давно уже сделалось только фразой. У вас в жизни было столько практики по этой части, что вы умеете владеть собой во всяком положении. А вы представьте неопытную девушку, у которой чувство проснётся в первый раз, — её положение очень трудно и опасно.

Т е л я т е в. Очень может быть. Я своего мнения сказать не могу: ни разу девушкой не был.

Л и д и я. Если раз обнаружить своё чувство, то или сделаешься игрушкой мужчины, или будешь смешна; и то, и другое нехорошо. Ведь нехорошо?

Т е л я т е в. Нехорошо.

Л и д и я. Так не кружите мне голову напрасно, будьте искреннее, я вас прошу об этом! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь!

Т е л я т е в. Кто вам сказал! Помилуйте! Я всегда говорю то, что чувствую.

Л и д и я. Неужели?

Т е л я т е в. Даже меньше говорю, чем чувствую.

Л и д и я. Зачем же?

Т е л я т е в. Не смею... Разве позволите?

Л и д и я. Я прошу вас.

Т е л я т е в. Я перестаю верить ушам своим. Не во сне ли я? Что за счастливый день! Которое нынче число?

Л и д и я. Отчего счастливый день?

Т е л я т е в. Да мог ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю с вашей неприступной высоты. Вы были Дианой, презирающей мужской род, с луной в причёске, с колчаном за плечами; а теперь вы преобразились в простую, сердечную, даже наивную

пейзанку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. *(Делает обыкновенные пейзажные жесты.)*

Лидия. Разве это для вас счастье?

Телятев. Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».

Лидия. Как легко вас осчастливить! Что ж, я очень рада, что могу осчастливить вас.

Телятев. Меня осчастливить? Лидия Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Лидия. Что вас удивляет? Разве вы не стоите счастья?

Телятев. Не знаю, стою ли; но ведь я с ума сойду.

Лидия. Сойдите!

Телятев. Я наделаю глупостей.

Лидия. Наделайте.

Телятев. Или вы зло шутите, или вы...

Лидия. Договаривайте!

Телятев. Или вы меня любите!

Лидия. К несчастью, последнее справедливее.

Телятев. Да какое же это несчастье? Это счастье, блаженство! Лучше придумать нельзя. *(Слегка обнимает Лидию.)*

Лидия. Жан, ты мой?

Телятев. Раб, раб, негр, абиссинец...

Лидия *(поднимая на него глаза)*. Надолго ли?

Телятев. На век, на всю жизнь, даже более, если это можно.

Лидия. Ах, как я счастлива!

Телятев. Нет, как я-то счастлив. *(Целует её.)*

Лидия. Ах, боже мой, какое блаженство! Мамап!

Телятев. Как, мамап? Зачем тут мамап? Нам третьего не нужно.

Лидия. Я знаю, Жан, что не нужно; но я так счастлива.

Телятев. Тем лучше.

Лидия. Моя душа так полна, мне хочется поделиться с ней моею радостью.

Телятев. Не надо ничем делиться! Нам больше останется.

Лидия. Да, да, твоя правда, радостью не надо делиться, её и так немного на земле. Но всё равно, должны же мы будем ей сказать.

Телятев. Вот уж не понимаю. Что ей сказать?

Лидия. А то, Жан, что мы любим друг друга и желаем быть неразлучны на всю жизнь.

Телятев. Да, вот что! Значит, по форме, как следует, законным браком. Ну, извините, я этого не ожидал.

Лидия. Что я слышу? Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятев. Быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака, — это уж не моё дело.

Лидия. Как же вы осмелились?

Телятев. Я ни на что не осмеливался. Я только не запрещал вам любить меня, и никому запрещать не буду.

Лидия. Да разве вы стоите моей любви?

Телятев. Совершенная правда, что не стою; но разве любят только тех, которые стоят? Что ж бы я был за дурак, если бы стал отказываться от вашей любви и читать вам мораль? Извините, учить вас морали я никак не возьмусь, это мне и не по способностям, и совсем не в моих правилах. По-моему, чем в женщине меньше нравственности, тем лучше.

Лидия. Вы чудовище! Вы гадкий!

Телятев. Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас.

Лидия уходит.

Вот было попался-то! Хорошо ещё, что цел. Нет, эти игрушки надо бросить; так заиграешься, что и не увидишь, как в мужья попадёшь. Долго ль до греха, человек слаб. (*Идёт к дверям.*)

Входит Васильков.

Честь и место. (*Уходит.*)

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Здравствуйте! Очень рада! Вот видите, мне ваше общество сделалось необходимым. Сядьте ко мне поближе.

Васильков. Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна. Извините, что побеспокоила. Мне нужно совета, я — существо совершенно беспомощное, только одного серьёзного человека и знаю, это — вас.

Васильков. Благодарю вас! Чем могу служить?

Надежда Антоновна. Я говорила с дочерью, мы хотим изменить свой образ жизни; нам надоело шумное общество; мы не станем

никого принимать, кроме вас. Хотя у нас средства очень большие, но ведь это не обязывает беситься с утра до ночи.

В а с и л ь к о в. Я полагаю.

На де ж да А н т о н о в н а. Лидия хочет закончить своё образование; в этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам.

В а с и л ь к о в. Всей душой рад служить вам; но чему же я могу учить Лидию Юрьевну? Сферической тригонометрии?

На де ж да А н т о н о в н а. Ах да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителем молодой девушки довольно приятно.

В а с и л ь к о в. Конечно; но для чего Лидии Юрьевне сферическая тригонометрия?

На де ж да А н т о н о в н а. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. *(Таинственно.)* Она ведь не любит этих шаркунов.

В а с и л ь к о в. Удивляюсь.

На де ж да А н т о н о в н а. Что касается до меня, я давно их не жалуя. Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились.

В а с и л ь к о в. Благодарю вас.

На де ж да А н т о н о в н а. Кажется, если б можно, я решилась бы употребить даже власть, чтоб только видеть её счастливой!

В а с и л ь к о в. Разве другого средства уже нет?

На де ж да А н т о н о в н а. Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только ведь вы очень робки; хотите, я ей скажу за вас? А то заспорите и поссоритесь — сохрани бог.

В а с и л ь к о в. Позвольте мне самому! Мне ещё нужно подготовиться к моему объяснению, подумать.

На де ж да А н т о н о в н а. О чём думать, что готовить?

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков, Надежда Антоновна и Лидия.

На де ж да А н т о н о в н а. Вот, Лидия, Савва Геннадъич делает тебе предложение через меня: он просит твоей руки. Хотя со своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стесняю.

Л и д и я. В таком деле, разумеется, я должна иметь свою волю, и если б мне кто-нибудь понравился, поверьте, мамап, я скорее бы послушалась своего сердца, чем вашего совета. Но ко всем моим поклонникам я равнодушна одинаково: вы знаете, скольким женихам я уж отказала; а выйти замуж надо, пора уж, потому я и предоставляю себя в полное ваше распоряжение.

В а с и л ь к о в. Значит, вы меня не любите?

Л и д и я. Нет, не люблю. Зачем я буду вас обманывать! Но мы с вами после объяснимся. Мамап, вы берётесь устраивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвечать за моё счастье.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Слышите, мой друг?

В а с и л ь к о в. Я очень жалею.

Л и д и я. О чём? Что я вас не люблю?

В а с и л ь к о в. Нет, что я поторопился.

Л и д и я. Откажитесь, ещё есть время. Должно быть, и с вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы так легко от меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я с вами откровенна; притвориться ничего не стоит, но я не хочу этого. Все невесты говорят, что влюблены в своих женихов, но вы не верьте им,— любовь приходит после. Отбросьте в сторону самолюбие и согласитесь! За что мне было полюбить вас? И лицо ваше не из красивых, и имя неслыханное, и фамилия какая-то мещанская. Всё это мелочи, к этому можно привыкнуть, но не вдруг. За что вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю вас. Заслужите мою любовь, и мы будем счастливы.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Главное, вы помните, что ни я, ни отец для неё ничего не жалели, решительно ничего. Всё-таки она приносит для вас жертву.

В а с и л ь к о в. Я не хочу жертвы.

Л и д и я. Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

В а с и л ь к о в. Нет, я знаю, чего хочу. Можно жениться без любви, любовь сама придёт со временем, вы правы. Но я желаю, чтоб вы меня уважали, без этого уж брак невозможен.

Л и д и я. Всё это разумеется само собой, иначе бы я не пошла за вас.

В а с и л ь к о в. Откровенность за откровенность. Вы мне сказали, что не любите меня, а я вам скажу, что я полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою от вас, она очень легко может перейти в ненависть.

Лидия. Вот как!

Васильков. Откажитесь от меня, ещё есть время.

Лидия. Зачем отказываться? Ха-ха-ха! Будем играть комедию, заслуживать любовь друг друга.

Васильков. Я не комедии желаю, а светлой жизни и счастья.

Лидия. Нет, вы именно комедии желаете. Вы делаете мне предложение,— я изъявляю согласие; чего же вам ещё? Вы меня любите, вы только должны быть бесконечно счастливы, а не рассуждать об обязанностях. Свои обязанности всякий должен знать про себя. О том, как жить, рассуждают только люди бедные, которым жить нечем.

Надежда Антоновна. Я вижу, вижу, что вы друг друга любите; и все споры ваши только, так сказать, литературные.

Васильков. Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились. *(Поддаёт коробку, в которой серьги и брошка.)*

Надежда Антоновна. О! Да эти вещи стоят несколько тысяч.

Васильков. Всего три.

Лидия. Мне кажется, есть возможность полюбить. *(Протягивает Василькову руку, он почтительно целует.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

ВАСИЛЬКОВ.

ЛИДИЯ, *его жена.*

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ГЛУМОВ.

ВАСИЛИЙ, *камердинер Василькова.*

АНДРЕЙ.

ГОРНИЧНАЯ ВАСИЛЬКОВЫХ.

Та же гостиная, что во втором действии, но богаче меблированная.

Направо от зрителей дверь в кабинет Василькова, налево — в комнаты Лидии, посредине — выходная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из кабинета выходит Васильков, с портфелем и с газетами, быстро пробегает их глазами, потом звонит. Входит Василий.

Васильков. Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на днях продаётся. Жалко! И завод может приносить большой доход, и лесу много. Василий Иванович, сходи к Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтобы он сейчас же шёл на биржу и подождал меня там. Мне нужно совершить на его имя доверенность. Скажи ему также, чтобы он был готов на всякий случай, я его пошлю в Казань.

Василий. Слушаю, сударь.

Васильков. Ты, Василий Иванович, оделся бы как покладнее.

Василий. Никак невозможно-с. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжак и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает.

Васильков. Твоё дело, Василий Иванович. Ступай!

Василий уходит. Васильков вынимает счёт и рассматривает. Из комнаты Лидии выходит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Васильков и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился и всё за делом.

Васильков. Одно другому не мешает, маменька.

Надежда Антоновна. Что за маменька!

Васильков. Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет.

Надежда Антоновна. Ну, хорошо, хорошо. *(Подходит к нему.)* Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли, сынок? *(Берёт его за ухо.)*

Васильков *(целует её руку)*. Да, я счастлив, совершенно счастлив. Я могу теперь сказать, что в моей жизни было несколько дней блаженства. Ах, маменька...

Надежда Антоновна. Опять маменька!

Васильков. Извините!

Надежда Антоновна. Я ничего другого и ожидать не могла, кроме счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильков. Я был бы ещё счастливее, если б... если б...

Надежда Антоновна (*садится*). Что, если б? Чего вам ещё мало, неблагодарный!

Васильков. Если б всю жизнь можно было разъезжать по Москве то с визитами, то по вечерам и концертам... ничего не делая; если б не стыдно было так жить и были бы на это средства.

Надежда Антоновна. Если все порядочные люди так живут, значит, не стыдно, а средства нужны небольшие.

Васильков. Однако! По моим соображениям, я прожил много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидия; я в её расчёты не мешаюсь.

Надежда Антоновна. И прекрасно делаете.

Васильков. У неё своё, у меня своё. Но я рассчитываю, много ли мне придётся таким образом прожить в год.

Надежда Антоновна. Ах, какие пустяки! Да живите, как живётся; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

Васильков. Как не могут?! Ведь так в полгода проживёшь тысяч двадцать пять.

Надежда Антоновна. Ну, много ли это! Неужели вам жаль? Я вас не узнаю.

Васильков. Совсем не в том вопрос, жаль или нет, а в том, где взять их.

Надежда Антоновна. Ну уж это я не знаю. Вам это должно быть лучше известно.

Васильков. Чтоб так жить, надо иметь миллион.

Надежда Антоновна. Мы не запрещаем вам иметь их и два.

Васильков. Ни двух, ни одного нет у меня; моё состояние обыкновенное.

Надежда Антоновна. Надеюсь, всё-таки за полмиллиона. И это хорошо.

Васильков. У меня есть имение, есть деньги небольшие, есть дела; но всё-таки я более семи, осьми тысяч в год проживать не могу.

Надежда Антоновна. А прииски?

Васильков. Какие прииски, что вы!

Надежда Антоновна. Золотые.

Васильков. Не только золотых, но и медных нет.

Надежда Антоновна (*встаёт*). Зачем же вы нас обманули так жестоко!

Васильков. Чем я вас обманул?

Надежда Антоновна. Вы сказали, что у вас есть состояние. Васильков. И действительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна. Подите вы! Вы не понимаете, что говорите. Вы не знаете самых простых вещей, которые маленьким детям известны.

Васильков. Да позвольте! Чем же это не состояние. Что ж это такое?

Надежда Антоновна. Что? Нищета, бедность, вот что. Того, что вы называете состоянием, действительно довольно для холостого человека; этого состояния ему достанет на перчатки. Что же вы сделали с моей бедной дочерью?

Васильков. Я хотел сделать её счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна. Смешно. Без состояния?

Васильков. Я имею достаточно и стараюсь приобретать.

Надежда Антоновна. Что, достаточно? Ей нужно состояние, а состояние вам приобрести нельзя — откупов нет, концессии на железную дорогу вам не дадут. Состояние можно только получить по наследству, да ещё при большом счастье выиграть в карты.

Васильков. Нет, ещё есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мне посоветуете?

Надежда Антоновна. Вы думаете? Как хорошо вы меня знаете! Нет, я вижу, мне нужно принимать меры и поправлять нашу ошибку.

Васильков. Что поправлять? Какая ошибка? Прошу вас, не мешайтесь в чужие дела. *(Берёт шляпу.)*

Надежда Антоновна. Вы уходите?

Васильков. Мне пора. До свидания. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Вот ещё, хлопоты с этим зятем! Впрочем, кто же бы взял Лидию, если б узнали, что у неё ничего нет? Надо будет для него постараться, уж нечего делать.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Надежда Антоновна. Вот кстати! *(Андрею.)* Проси.

Андрей уходит.

Я сейчас за него примусь.

Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Надежда Антоновна и Кучумов.

Кучумов. Расе e gioia son con voi.

Надежда Антоновна. Очень рада. Садитесь!

Кучумов (*саясь*). Расе e gioia... А где ж наша нимфа?

Надежда Антоновна. Полетела с визитами, она сейчас будет.

Кучумов. А сатир, который у нас её похитил?

Надежда Антоновна. Побегал по своим делам. У него всё какие-то дела.

Кучумов. Чёрствый человек! Впрочем, что ж ему! Он муж, а вот мы таем да облизываемся, как лисица на виноград.

Надежда Антоновна. Старичок, старичок, что вы!

Кучумов. Сердцем молод. Надежда Антоновна, вулканическая натура.

Надежда Антоновна. Ах, да. Вы получили от мужа письмо?

Кучумов. Получил. Не беспокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте из головы!

Надежда Антоновна. У меня ещё до вас просьба.

Кучумов. Что такое, что такое! Рад, душевно рад.

Надежда Антоновна. Не можете ли вы доставить одному моему знакомому место повыгоднее, да ещё опеку, большую, или управление богатым имением?

Кучумов. Надо знать, кому.

Надежда Антоновна (*пожимая плечами*). Зятю.

Кучумов. Что, видно, плохо дело! Я так и ожидал.

Надежда Антоновна. Да, мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

Кучумов. Какое ж он право имел на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотом осыплет? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нём, вероятно, подъяческой крови много! Он для чего место ищет? Чтоб взятки брать. Как же мне его рекомендовать! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Надежда Антоновна. Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

Кучумов. Да ведь вы сами говорили, что в нём ошиблись. То-то мне рожа-то его...

Надежда Антоновна. Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

Кучумов. Как неприятно! Кто вам сказал! Очень приятно.

Надежда Антоновна. Я Лидию знаю, она не захочет остаться неблагодарной.

Кучумов. Да я все средства... всех знакомых на ноги...

Надежда Антоновна. Вы думаете, женщины не умеют быть благодарными? Нет, если они захотят...

Кучумов. Да я лечу, сейчас лечу... Как, что, куда? Приказывайте.

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна, Кучумов и Лидия.

Кучумов. Ах, ах, немею!

Лидия. Очень жаль будет, если онемеете, вы так хорошо говорите. Измучилась. (*Садится на кресло.*) Всю Москву объездила.

Надежда Антоновна. Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит, но хорошо и дела делает; он завтра посылает отцу твоему деньги на выкуп имения, да и нам оказывает услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. (*Взглядывает на дочь.*)

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Надежда Антоновна. Проси его ко мне, я его у себя приму. (*Уходит; за ней Андрей.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кучумов и Лидия.

Лидия. Скажите, пожалуйста, что вы за благодетель такой! Ведь помогать другим — отнимать у себя. Что вас побуждает?

Кучумов. И вы, вы меня спрашиваете?

Лидия. Отчего ж мне не спрашивать?

Кучумов. Да я не только состоянием, я для вас готов жизнью...

Лидия. Всего вероятнее, что такая жертва мне будет не нужна. Но вы действительно посылаете отцу денег?

Кучумов. Завтра же.

Лидия. Это благородно. Нельзя не ценить такой дружбы.

Кучумов. Больше, чем дружба, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имение у вашего отца и подарю его вам.

Лидия. Ну что ж, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумов. Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток тридцать тысяч. Что мне деньги! Мне ваше расположение, только ваше расположение.

Лидия. Как же может выразиться моё расположение? Вы у нас и так, как родной.

Кучумов (*подвигаясь*). Как родной, как родной...

Лидия. Однако какая же вы можете быть мне родня? Для брата вы уж стареньки. Хотите быть папашей на время?

Кучумов (*опускаясь на колени и целуя её руку*). Папашей, папашей.

Лидия (*отнимая руку*). Шалишь, папашка!

Кучумов. Шалю, шалю! (*Опять целует руку.*)

Глумов показывается на пороге и быстро уходит.

Лидия (*встаёт*). Тебе стыдно шалить, ты не маленький.

Кучумов встаёт с колен. Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия. Проси.

Андрей уходит.

Кучумов. Addio mia carina! Лечу по вашим делам.

Лидия. По каким?

Кучумов. После узнаете. (*Уходит.*)

Входит Телятев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лидия и Телятев.

Телятев. Казните, да только поскорее. Если вы хотите дуться на меня, так я убегу куда-нибудь в лес. Вы лучше прибейте меня, только потом смилуйтесь надо мной. Я не могу жить без вас, на меня нападает сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Лидия. За что мне сердиться на вас?

Телятев. Ну, вот какие слова! Ведь это кинжалы.

Лидия. Чем вы хуже других? Есть и хуже вас.

Телятев. Ну, вот опять! Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Лидия. Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человека, которого не люблю.

Телятев. Не любите? Это очень хорошо.

Лидия. Да, кажется, и он меня не любит.

Телятев. Не любит! Бесподобно!

Лидия. Что же тут хорошего?

Телятев. Не знаю, как для вас, а для нашего брата, беспутного холостяка, это находка. Мы ведь сироты, всю жизнь таких случаев ищем.

Лидия. Вы безнравственный до мозга костей.

Телятев. Ну, ещё как-нибудь побраните!

Лидия. Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь разве можно бранить? За то, что вы не женились на мне, любя меня? Так ведь это прошло. Этой беды вам поправить нельзя.

Телятев. Жениться нельзя. Это верно. Любить можно.

Лидия. Разве я могу запретить? Это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем лучше.

Телятев. Ну, на что вам много? Возьмите пока одного.

Лидия. Вы ещё плохо жизнь знаете. Одно-то и нехорошо, сейчас разговоры пойдут, а как много-то, так и подозрения нет. Как узнаешь, который настоящий?

Телятев. Так вы возьмите меня настоящего, да ещё человека четыре сверхштатных.

Лидия (*смеясь*). Вы такой шут, что на вас решительно сердиться нельзя.

Телятев. Гнев прошёл. Можно теперь любезные слова говорить?

Лидия. Говорите, я люблю вас слушать. Ведь вы милый! А?

Телятев. Ей-богу, милый. Как вы похорошели! Знаете, какая перемена в вас? Такая перемена всегда...

Лидия. Нет, вы, пожалуйста, пожалейте меня! Я ещё недавно дама, не успела привыкнуть к вашим разговорам! Я знаю, какие вы вещи дамам рассказываете.

Телятев. Как жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорей, а то скучно. Обратится к старому. Скоро вы заведёте cavalier servente?

Лидия. Да разве у нас это принято?

Телятев. Надо завести этот прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Лидия. А мужа что скажут?

Телятев. Привыкнут понемножку. Ну, конечно, сначала многих из нас, кавалеров, побьют довольно чувствительно, особенно купцы; многих сведут к мировым; а там дело и пойдёт своим порядком. Первые должны пожертвовать собой, зато другим будет хорошо. Без жертв никакое полезное нововведение не обходится.

Лидия. Прекрасно, но едва ли это скоро введётся.

Телятев. Уже начинаем, уж несколько жертв принесено: одного в синюю кубовую краску окрасили, с другим ещё хуже было.

Лидия. Ну вот, когда этот похвальный обычай укоренится...

Телятев. Тогда вы возьмёте меня.

Лидия. Если будете стоять. Вы очень ветрены.

Телятев. Отчего я ветрен, знаете ли?

Лидия. Оттого, что душа мелка.

Телятев. Нет! Оттого, что мне постоянным быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннее телеграфного столба.

Лидия. Испытаем.

Телятев. Испытаете? Да я за одно это сейчас буду у ног ваших.

Лидия. Нет, уж от этой церемонии вы меня увольте! Можно и без неё обойтись.

Телятев. Как угодно. Однако я всё-таки чувствую потребность оказать вам какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Лидия (*подаёт ему руку*). Целуйте!

Входит Глумов и остаётся в глубине.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лидия, Телятев и Глумов.

Телятев (*не замечая Глумова*). В перчатке? Что это за поцелуй! Электричество, которым так переполнено моё сердце и которое я желаю передать вам, не дойдёт до вашего сердца через перчатку. Лайка — дурной проводник. (*Целует руку несколько выше перчатки.*)

Лидия. Ну, довольно! Вам нельзя ничего позволить! Вы всегда делаете больше того, что вам позволяют.

Телятев. Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоит ли об этом разговаривать!

Лидия. Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этак... (*Увидев Глумова.*) А! Егор Дмитрич! Мы вас и не видим.

Глумов. Ничего, продолжайте, продолжайте, я вам не мешаю.

Л и д и я. Что такое; продолжайте! Что за тон! Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцеловать мою руку? Я с охотой позволю и вам то же сделать. *(Протягивает ему руку.)*

Г л у м о в. Покорно благодарю! Я рук не целую ни у кого. Я позволю себе целовать руки только у матери или у любовницы.

Л и д и я. Ну, так вам моей руки не целовать никогда.

Г л у м о в. Как знать! Жизнь велика, гора с горой не сходится...

Л и д и я. Пойдёмте, Иван Петрович. *(Подает руку Телятеву.)* Он грубый человек. *(Глумову.)* Вы мужа дожидаетесь? Подождите, он скоро придёт.

Г л у м о в. Да-с, я вашего супруга дожидаясь, у меня есть много интересного передать ему.

Л и д и я. Сделайте милость, рассмешите его чем-нибудь! Он такой задумчивый. Забавлять лучше вас никто не умеет, вы очень забавны.

Уходят Телятев и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Глумов один, потом Василий.

Г л у м о в. Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, bravo! Я ещё только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остаётся только их сравить всех троём, и с мужем. Василий!

Входит Василий.

В а с и л и й. Что, сударь, прикажете?

Г л у м о в. Когда у вас Кучумов бывает, в какое время?

В а с и л и й. Завсегда, сударь, во втором часу. Барин в это время дома не бывает.

Г л у м о в. Где же он бывает?

В а с и л и й. В своём заседании, съезжаются тоже всё люди богатые — разговор промеж них идёт о делах.

Г л у м о в. О каких делах?

В а с и л и й. Как всё чтоб лучше, чтоб им денег больше.

Г л у м о в. А твой барин богат?

В а с и л и й. Само собою.

Г л у м о в. Ведь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тот и богат.

В а с и л и й. Может, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Г л у м о в. Невелики деньги.

В а с и л и й. Поищем, так найдём. Да что говорить-то! Даже ещё и не приказано, и не всякий понимать может. Тоже и наука, а не то что лежат на боку. Мы, может, ночи не спали, страху навиделись. Как вы обо мне понимаете? Я до Лондона только одиннадцать вёрст не доезжал, назад вернули при машинах. Стало быть, нам много разговаривать нельзя. *(Уходит.)*

Г л у м о в. Что он тут нагородил! Кучумов бывает во втором часу, это важное дело, так мы и запишем.

Входят Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Глумов, Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Г л у м о в *(Василькову)*. Здравствуй!

В а с и л ь к о в. Здравствуй!

Г л у м о в. Что ты так озабочен?

В а с и л ь к о в. Да ведь у меня дела-то не то, что у вас по улицам собак гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте с дамами, а мне некогда, у меня дел много, я пойду заниматься.

Т е л я т е в и Г л у м о в. Ступай! Ступай!

В а с и л ь к о в. К обеду освобожусь. Коли хотите обедать, так оставайтесь без церемонии! Милости просим. А не хотите, так уберите. *(Уходит в кабинет.)*

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Учтиво, нечего сказать.

Т е л я т е в. Мы на него не сердимся, он добрый малый. А не убраться ли нам, в самом деле?

Г л у м о в. Поедем. Я домашних обедов, запросто, не люблю. В них всегда есть что-то фамильярное: либо квас посередине стола в большом графине, либо домашние наливки, либо миска с отбитой ручкой, либо пирожки свечным салом пахнут. У вас, конечно, всё роскошно, но я всё-таки предпочитаю обедать в гостинице или клубе.

Т е л я т е в. Поедем в Английский, нынче там обед.

Г л у м о в. Поедем.

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Лидия, муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Лидия (*с испугом*). Что вы говорите?

Надежда Антоновна. Он давеча сказал мне, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько мы сделали долгов до свадьбы и что всё придется платить ему? Твоих долгов он и знать не хочет.

Лидия. А где ж прииски?

Надежда Антоновна. Выдумка Глумова.

Лидия. Я погибла. Я, как бабочка, без золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Надежда Антоновна. Мне кажется, у него есть деньги, только он скуп. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидия (*задумавшись*). Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнётся от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперёд, мне без золота жить нельзя.

Надежда Антоновна. Страшные слова говоришь ты, Лидия.

Лидия. Страшней бедности ничего нет.

Надежда Антоновна. Есть, Лидия: порок.

Лидия. Порок! Что такое порок? Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчётливо. Самый большой порок есть бедность. Нет, нет! Это будет первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не страшна, я молодая и хочу жить. Для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь.

Надежда Антоновна. Я не слушаю.

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Оба они богаты и мотают, но Кучумов богаче и добрее.

Лидия. Только мне и нужно. Где у вас счёты из магазинов и лавок? Давайте сюда!

Надежда Антоновна (*достаёт из кармана*). Вот всё. (*Уходит.*)

Лидия берёт их и решительным шагом идёт в кабинет мужа. Навстречу ей выходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лидия и Васильков.

Лидия. Я шла к тебе.

Васильков. А как тебе.

Лидия. Вот и прекрасно. Мы сошлись на полдороге; куда же нам идти, к тебе или ко мне? Туда? (*Указывает на свои комнаты.*) Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильков. Остановимся пока на полдороге. Поболтаем полчасика до обеда. Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну.

Лидия. Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. (*Обнимает его.*)

Васильков. Что с тобою, Лидия? Такая перемена меня удивляет.

Лидия. Да разве я не живой человек, разве я не женщина! Зачем же я выходила замуж? Мне нечего стыдиться моей любви к тебе! Я не девочка, мне двадцать четыре года... Не знаю, как для других, а для меня муж всё, — понимаешь, всё. Я и так долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильков. Совершенно напрасно.

Лидия. Теперь уж, когда мне придёт в голову задушить тебя в своих объятиях, так и задушу. Ты мне позволь.

Васильков. Да как не позволить.

Лидия. Я не знаю, что со мной случилось. Я не любила тебя прежде и вдруг привязалась так страстно. Слышишь, как бьётся сердце? Друг мой, блаженство моё! (*Плачет.*)

Васильков. Но об чём же ты плачешь?

Лидия. От счастья.

Васильков. Я должен плакать. Я искал в тебе только изящную внешность и нашёл доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Лидия. Я тебя и так люблю, мой дикарь.

В а с и л ь к о в. Да, я дикарь; но у меня мягкие чувства и образованный вкус. Дай мне твою прелестную руку. *(Берёт руку Лидии.)* Как хороша твоя рука! Жаль, что я не художник.

Л и д и я. Моя рука! У меня нет ничего моего, всё твоё, всё твоё. *(Прилегает к нему на грудь.)*

В а с и л ь к о в *(целуя руку Лидии)*. Дай мне обе!

Лидия прячет счёты в карман.

Что ты там прячешь?

Л и д и я. Ах, пожалуйста, не спрашивай меня! Друг мой, прошу тебя, не спрашивай!

В а с и л ь к о в. Зачем ты так просишь? Если есть у тебя тайна, так береги её про себя, я до чужих тайн не охотник.

Л и д и я. Разве у меня могут быть тайны? Разве мы не одна душа? Вот мой секрет: в этом кармане у меня счёты из магазинов, по которым татап должна заплатить за моё приданое. Она теперь в затруднении, отец денег не высылает, у него какое-то большое предприятие. Я хотела заплатить за неё из своих денег, да не знаю, достанет ли у меня в настоящую минуту. Видишь, какой вздор.

В а с и л ь к о в. Покажи мне эти счёты!

Л и д и я *(отдаёт счёты)*. На! Зачем они тебе, не понимаю.

В а с и л ь к о в. А вот зачем; за то блаженство, которое ты мне нынче доставила, я заплачу за твоё приданое. Всё равно, ведь я мог жениться на бедной, пришлось бы делать приданое на свой счёт. А ещё неизвестно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Л и д и я. Нет, нет! Я тоже должна чем-нибудь заплатить матери за её заботы обо мне.

В а с и л ь к о в. Береги свои деньги, дитя моё, для себя. Василий!

Входит Василий.

Поддай со стола из кабинета счёты.

Василий приносит счёты и уходит. Входит Надежда Антоновна. Васильков садится к столу и начинает разбирать счёты.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Васильков, Лидия и Надежда Антоновна.

Л и д и я *(тихо Надежде Антоновне)*. Он всё заплатит. *(Ложится на диван и берёт книгу в руки. Громко.)* Матап, не будемте мешать

ему, он занят. (*Надежде Антоновне, которая садится в головы Лидии, — тихо.*) Он у меня в руках.

В а с и л ь к о в (*считая на счётах*). Лидия, тут счёт за обои и за драпировки, которые никак не могут идти в приданое.

Л и д и я. Ах, мой друг, всё это надо было подновить к нашей свадьбе, к нам так много народу стало съезжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не решились на такую трату.

На де ж да А н т о н о в н а. Простояло бы ещё зиму.

В а с и л ь к о в. Ну, хорошо, хорошо. (*Считает*).

Л и д и я (*Надежде Антоновне тихо*). Я вам говорю, что он заплатит за всё, решительно за всё.

Входит горничная, очень модно одетая, и подаёт Лидии счёт; та показывает ей рукой на мужа. Горничная подаёт счёт Василькову; тот, пробежав его, кивает головой на жену и продолжает стучать на счётах. Горничная опять подаёт счёт Лидии, та берёт его и небрежно бросает на пол. Горничная уходит. Входит Андрей с двумя счётами; повторяется точно та же история. Андрей уходит. Входит Василий с десятком счётов и подаёт их Василькову.

В а с и л и й. Вот их сколько, сударь! Что французов там дожидается!
В а с и л ь к о в. Подай барыне!

Василий подаёт, Лидия бросает их на пол.

В а с и л и й (*подбирая счёты*). Зачем же бросать! Счёт — ведь это документ, по ём надо деньги платить.

Л и д и я. Вон отсюда! Я не могу видеть тебя!

Василий разглаживает каждый счёт, кладёт их аккуратно на стол и уходит.

В а с и л ь к о в (*встаёт и ходит по комнате*). Я кончил. Тут тридцать две тысячи пятьсот сорок семь рублей девяносто восемь копеек. Эта сумма для меня слишком значительна, но я заранее дал тебе слово и потому заплатить должен. Я займу сегодня, сколько будет нужно; но чтоб сохранить равновесие в бюджете, мы должны будем надолго значительно сократить наши расходы. Через улицу, напротив, есть одноэтажный домик в три окна на улицу; я его смотрел, он для нас будет очень достаточен. Надо распустить прислугу: я себе оставляю Василья, а ты одну горничную, подешевле, — повара отпустим и наймём кухарку. Лошадей держать не будем.

Л и д и я (*смеётся*). Как же мы без лошадей останемся? Ведь лошади для того и созданы, чтоб на них ездить... Неужели вы этого

не знаете? На чём мы выезжать будем? В аэростате ведь никто ещё не ездил. Ха-ха-ха!

В а с и л ь к о в. Когда сухо — пешком, а грязно — на извозчике.

Л и д и я. Вот любовь-то ваша!

В а с и л ь к о в. Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Л и д и я. Подите скорей! Соммис дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Им надо заплатить.

В а с и л ь к о в. Платите вы, у вас есть свои деньги.

Л и д и я. Я не заплачу.

В а с и л ь к о в. Вас заставят судом.

Л и д и я. Но мне нечем заплатить! Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

На де ж да А н т о н о в н а *(горячо)*. За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись — вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймёте нашу деликатность, но я приведу вам в пример моего мужа. Он имел видное и очень ответственное место; через его руки проходило много денег, — и знаете ли, он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или просто даже для наших прихотей, он... не знал различия между своими и казёнными деньгами. Понимаете ли вы, он пожертвовал собою для святого чувства семейной любви. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы.

В а с и л ь к о в. И поделом.

На де ж да А н т о н о в н а. Вы не умеете ценить его, оцените хоть нас! Вы бедны, мы вас не оставим в бедности; мы имеем связи. Мы ищем и непременно найдём вам хорошее место и богатую опеку. Вам останется только подражать моему мужу, примерному семьянину. *(Подходит к Василькову, кладёт ему руку на плечо и говорит шёпотом.)* Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? *(Показывает на карман.)* Уж это моё дело, чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно.

В а с и л ь к о в. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня вором не сделают. Если вы мне ещё о воровстве заикнётесь, я с вами церемониться не буду. Лидия, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но в последний раз и с таким условием: завтра же переехать в этот домик с тремя окнами, — там

и для маменьки есть комната, — и вести жизнь скромную. Мы не будем никого принимать. *(Рассматривает счёты.)*

Л и д и я *(прилегая на плечо к матери)*. Надо с ним согласиться. *(Тихо.)* У нас будут деньги, и мы с вами будем жить богато. *(Громко мужу.)* Мой друг, я согласна. Не противиться тебе, а благодарить тебя я должна. *(Тихо матери.)* Как я проведу его. *(Громко мужу.)* Мы не будем никого принимать.

В а с и л ь к о в *(считая)*. Я знаю, что ты у меня умница.

Л и д и я. Но старик Кучумов, он благодетель всего нашего семейства, почти родственник.

В а с и л ь к о в *(считая)*. Ну, Кучумова можно.

Лидия судорожно сжимает матери руку.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(тихо)*. Ты что-то затеваешь?

Л и д и я *(тихо)*. Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю.

В а с и л ь к о в. Однако ты порядочная мотовка!

Л и д и я *(кидается ему на шею)*. Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя. Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мне такие уроки нужны, не жалея меня!

В а с и л ь к о в. Значит, мир?

Л и д и я. Мир, мир, надолго, навсегда.

В а с и л ь к о в. Ну, вот и прекрасно, моя милая! По крайней мере, мы теперь знаем друг друга. Ты знаешь, что я расчётлив, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мне счастье, на которое грубому труженику нельзя было надеяться и которое мне дорого, очень дорого, моя Лидия, мой ангел! *(Обнимает жену.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

ТЕЛЯТЕВ.

ВАСИЛЬКОВ.

ГЛУМОВ.

ЛИДИЯ.

ВАСИЛИЙ.

КУЧУМОВ.

Весьма скромная зала, она же и кабинет; по сторонам окна, на задней стене, направо от зрителей, дверь в переднюю, налево — во внутренние комнаты, между дверей изразцовая печь; мебелировка бедная: письменный стол, старое фортепьяно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Васильков сидит у стола и собирает бумаги, Василий стоит за стулом.

В а с и л ь к о в. Ну что, Василий Иваныч, барыня, кажется, начинает привыкать и к новой квартире, и к тебе?

В а с и л и й. Насчёт квартиры не знаю, сударь, что сказать. Всё смеются с маменькой по-французски. А про меня уж что! Как ещё только я жив!

В а с и л ь к о в. Что ты, бог с тобою!

В а с и л и й. Да помилуйте, Савва Геннадьич, сударь! Им нужно, чтоб в штиблетах, а я не могу. Какой же я камардин, коли я при вас служащий, всё одно как помощник. Помилуйте, Савва Геннадьич, мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу.

В а с и л ь к о в. Ну да, да, конечно. *(Встаёт со стула.)*

В а с и л и й. Ну, и за фрукты тоже съела было совсем.

В а с и л ь к о в. За какие фрукты?

В а с и л и й. Конечно, по нашему званию... и всего-то вот сколько было. *(Показывает на пальце.)*

В а с и л ь к о в. Чего?

В а с и л и й. Редечки... всего-то вот столько было. Сидел в передней, доедал.

В а с и л ь к о в. Уж ты, Василий Иваныч...

В а с и л и й. Да невозможно, сударь, Савва Геннадьич! Мы народ рабочий, на том воспитаны. Да мне дороже она бог знает чего.

В а с и л ь к о в. Так слушай, Василий Иванович! Без меня, кроме Кучумова, никого не принимай!

В а с и л и й. Уж будьте покойны! (*Уходит.*)

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия одна.

Л и д и я. Что так долго не едет этот противный старичишка! Вот уж три дня я томлюсь в этой конуре, мне страшно подойти к окну. Теперь, чай, нарочно ездят мимо, чтоб увидеть меня в окне. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичок, Кучуминька, миленький! Выручи меня из заключения! Переехали бы мы с татап на старую квартиру и зажили лучше прежнего. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имеют много утешения. Что ни говори, а Страус и Гунгль — лучшие знатоки женского сердца. (*Пробует фортепиано.*) Экая дрянь! Это он нарочно завёл, чтоб меня унижить. Погоди же, мой друг, я тебя утешу. (*Прислушивается, слышит стук экипажа.*) Посмотрела бы, да стыдно светской даме подойти к окну! Не Кучумов ли? Он всегда в два часа бывает. Он, он! Идёт на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будет?

За сценой голос Кучумова: «Дома барыня?» Голос Василия: «Пожалуйте! У себя-с». Кучумов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Кучумов.

Л и д и я. Наконец-то, а ещё папаша.

К у ч у м о в (*целуя руки Лидии, грозно оглядывает комнату*). Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка. Это постоялый двор какой-то. Но я вас спрашиваю, что всё это значит? Мой ангел, не сердитесь на меня, что я так грубо вас спрашиваю! В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. Как это случилось? Чем вы себя довели до такого унижения? Вы срамите фамилию Чебоксаровых!

Л и д и я. Вы меня не упрекайте, а лучше пожалейте!

К у ч у м о в. Нельзя вас жалеть, милостивая государыня. Вы позорите свой род. Что бы сказал ваш бедный отец, если бы узнал ваше унижение!

Лидия. Что же мне делать?

Кучумов. Бежать, сударыня, бежать без оглядки.

Лидия. Куда? У татап ничего нет. Он за нас все долги заплатил.

Кучумов. Его прямая обязанность. За обладание таким сокровищем, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, он обязан исполнять все ваши желания.

Лидия. Видно, он не считает за большое счастье обладать мною.

Кучумов. А не считает, тем лучше. Вы должны знать цену себе. Переезжайте с татап на старую квартиру, в этом нет ничего дурного; а жить в курятнике позорно.

Лидия. Но, папаша, чем же нам жить! У татап нет ничего, у меня тоже. На кредит нельзя рассчитывать.

Кучумов. Кредит! Да на что вам кредит? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Вам стыдно было попросить у меня денег, а не стыдно фее жить в таком шалаше! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли своё могущество. Вам стоит сделать только один жест, и этот шалаш превратится во дворец.

Лидия. Какой жест, папаша?

Кучумов. Вы и как фея, и как женщина должны это знать лучше, чем мы, мужчины. У фей и женщин в запасе много жестов.

Лидия (*бросаясь ему на шею*). Такой жест, папаша?

Кучумов. Так, так, так... (*Зажмурив глаза, опускается на стул*.) С тебя будет пока сорока тысяч на первый раз?

Лидия. Я не знаю, папаша.

Кучумов. Теперь вам много не нужно, вы переедете на старую квартиру, она отделана превосходно и ещё не занята. Гардероб у тебя восхитительный! На первое время вам сорока тысяч слишком довольно. Послушай, если ты не возьмёшь, я выброшу их из кареты, нарочно проиграю в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять её.

Лидия. Ну, так давай, папаша!

Кучумов (*берётся за карман*). Ах, боже мой! Это только со мной одним случается. Нарочно положил на столе бумажник и позабыл. Дитя, прости меня! (*Целует у неё руку*.) Я тебе привезу их завтра на новоселье. Я надеюсь, что вы нынче же переедете. Закажу у Эйнем пирог, куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить всё золотом для счастья, да такой суммы едва ли найдёшь. Всё-таки полуимперялов с сотню наберу у себя.

Л и д и я. Мерсі, мерсі, папаша. (*Гладит его по голове.*)

К у ч у м о в. Блаженство! Блаженство... Что такое деньги! Имей я хоть миллионы, но если не вижу таких глаз, таких ласк, я нищий.

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Лидия, Кучумов и Надежда Антоновна.

Л и д и я. Мамап, Григорий Борисыч советует нам переезжать на старую квартиру.

К у ч у м о в. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, Григорий Борисыч, не говорите! Что я терплю! Как я страдаю! Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. Я бы уехала с Лидией к мужу, но он пишет, чтоб мы не ездили. О ваших деньгах ничего не упоминает.

К у ч у м о в. Не дошли. (*Считает по пальцам.*) Вторник, среда, четверг, пятница. Он их получил вчера вечером или сегодня утром.

Л и д и я. Мамап, нам бы переехать сейчас же.

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, Лидия, нужно подумать. Мне всё кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат.

Л и д и я. Богат он, беден ли, но он нас унизил, и между нами всё кончено. Григорий Борисыч сделал для нас много и не желает, чтоб я жила с мужем. Наша жизнь будет вполне обеспечена, папашка мне обещал.

На де ж да А н т о н о в н а. Папашка! Где ты научилась? Ах, Лидия, как ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Л и д и я. Скажите! Стыдно? Я теперь решила называть стыдом только бедность, всё остальное для меня не стыдно. Мамап, мы с вами женщины, у нас нет средств жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, как же вы можете требовать от меня стыда. Нет, уж вам поневоле придётся смотреть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без денег.

К у ч у м о в. Benissimo. Я никак не мог ожидать, чтобы в такой молодой женщине было столько житейской мудрости.

Л и д и я. Мамап, папашка обещает нам на новоселье сорок тысяч.

На де ж да А н т о н о в н а (*с радостью*). Неужели? (*Кучумову*.) Вы очень добрый человек. Однако ж всё-таки подумать надо.

Лидия. О чём думать! Здесь унижение, там — счастье.

Надежда Антоновна. Пойдёмте в мою комнату, обсудимте вопрос со всех сторон. Главное, чтоб приличие было сохранено.

Лидия (*матери*). В этом положитесь на меня.

Кучумов. Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем втихомолку, много не болтаю.

За сценой голос Василия «Не приказано принимать». Голос Глумова «Что ты врешь!» Кучумов, Лидия, Надежда Антоновна уходят. Шляпа Кучумова остаётся на столе. Входят Глумов и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Василий.

Глумов. Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! Невозможно!

Василий. Совсем я не болван; на болванах чепчики шьют. А что не велено пущать, опять же не моя вина.

Глумов. Кто же не велел пущать, барин или барыня?

Василий. Да нешто для вас не всё равно! Кто бы ни приказал, а, значит, пущать не буду. А коли хотите знать, так вот вам раз: и барин не велел, и барыня, и ни за что к вам не выдут.

Глумов. Ты глуп безгранично, исторически; но всё-таки ты можешь знать причину, почему меня не велено принимать. Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг, хоть краем своего ослиного уха? Так поведай, рубль серебром деньга не малая.

Василий. Покорно благодарю. Пожалуйте. (*Берёт рубль и прячет в карман.*) А что я вам пропевадою? Известно, дела, обстоятельства. Вы придёте, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а всё расчёт. А дела наши, барин говорит, по видимости, подходят тонкие. А вы рассудите сами! Пожалуй, корми дармоедов-то, пользы от них никакой, а всё из кармана. Вот кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у нас знакомство!..

Глумов. Ну, довольно! Дай ключок бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василий. Да вот бумага-то на столе! Только вы от хорошей зря не рвите! А я что ж, я уйду. (*Уходит.*)

Глумов (*берёт бумагу и перо*). Что бы такое ему написать? (*Замечает шляпу.*) Чья это шляпа? (*Берёт её в руки.*) Ба-ба-ба! Да это Кучумова. Значит, князьинка здесь. Вот и прекрасно. Васильков теперь

уж получил письмо. Телятев тоже; съедутся все вместе. Вот будет сцена! Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. (*Пишет и читает.*) «Любезнейший друг, я заходил к тебе посоветоваться по одному делу. Жаль, что не застал. Завтра зайду пораньше. Твой Глумов». Написано крупно, положу посредине стола, чтоб он увидел сразу.

Голос Телятева: «Ну, а я всё-таки войду». Входят Телятев и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Глумов, Телятев и Василий.

Телятев (*Глумову*). Ты был у Лидии Юрьевны?

Глумов. Нет, зачем мне она? Я заходил к Савве, да не застал, записку ему оставил. Прощай! Если ты хочешь Василькова видеть, так ступай на биржу, он там целый день проводит.

Телятев. Тем лучше.

Глумов. Он, кажется, новою отраслью промышленности занялся, шёлком маклерует.

Телятев. Отличное занятие.

Глумов. В хороший день рублей пять выторгует.

Василий. Вот уж это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Глумов. Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! Подумаешь, у него горы золотые, — так развернётся. А глядишь, покутит недель шесть, либо в солдаты продаётся, либо его домой по этапу вышлют, а то приедет отец, да как в трактире за волосы ухватит, так и везёт его до самого дому вёрст четыреста. (*Глядит на часы.*) Однако мне пора. Как я заболтался. (*Быстро уходит.*)

Телятев (*садится к столу, держа свою шляпу в левой руке*). Ну как же, Василий Иванович, принимать не велели?

Василий. Да так же, сударь.

Телятев. Да вы это, Василий Иванович, по глупости, может быть?

Василий. Нет, истинно, истинно. Что вы? Смею ли я!

Телятев. И вам, Василий Иванович, меня не жаль?

Василий. Как не жаль, сударь! Известно, вы не как другие.

Телятев. Лучше?

Василий. Не в пример.

Телятев. Садитесь, Василий Иванович!

Василий Иванович садится и опирается руками в колена.

Давайте с вами разговаривать.

В а с и л и й. Вы думаете, не могу?

Т е л я т е в. Ничего я не думаю. Вы, я слышал, были в Лондоне, а в Марокко не были?

В а с и л и й. Этаких стран я, сударь, и не слыхивал, Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?

Т е л я т е в. Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко.

В а с и л и й. Ну и пушай они дохнут с голоду ли, с жару ли, а нам пуще всего уповать нужно.

Т е л я т е в. На что же уповать, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Чтоб как всё к лучшему. По нашему теперь тоже делу босоты и наготы навидались. Конечно, порядок такой, искони бе; а Бог невидимо посылает.

Т е л я т е в. Василий Иваныч, в философии далеко уходить не годится.

В а с и л и й. Я и про что другое могу.

Т е л я т е в. Прощайте, Василий Иваныч. *(В рассеянии берёт со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочет надеть обе).* Это как же, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Грех, сударь, бывает со всяким.

Т е л я т е в. Какой же тут грех-то, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Бывает, что и уносят.

Т е л я т е в. Вы, Василий Иваныч, заврались!

В а с и л и й. А вот что, сударь: померяйте обе, которая впору, та и ваша.

Т е л я т е в. Вот, Василий Иваныч, умные речи приятно и слушать *(Примеривает сначала свою.)* Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значит, он здесь?

В а с и л и й *(таинственно)*. Здесь-с.

Т е л я т е в. Где же он?

Василий молча и величественно указывает на дверь во внутренние комнаты.

Отчего же его принимают, а меня нельзя?

В а с и л и й. Потому сродственник.

Т е л я т е в. Такой же сродственник, как и вы, Василий Иваныч. Уж вы меня извините, я останусь, а вы подите в переднюю.

В а с и л и й. Оно точно, что в это время барин никогда дома не бывает, а если в другой раз...

Т е л я т е в. Ну, довольно, Василий Иваныч! Учтивость за учтивость, а то я скажу вам: «Пошёл вон!»

В а с и л и й. Можно, для вас всё, сударь, можно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Телятев один.

Т е л я т е в *(вынимает из кармана письмо и читает):*

Не будь, Телятев, легковерен,
Бывают в мире чудеса;
Князёк надуть тебя намерен
У Васильковой в два часа.

И всё так точно и надул. Он сродственник, а меня и принимать не приказано. Что же мне делать? Уступить даром как-то неловко, что-то за сердце скребёт. Подожду их, посмотрю, как она его будет провожать. Вот удивятся, вот рты-то разинут, как я встану перед ними, как *statua gentilissima*. А статуя Командора, — мне один немец божился до того, что заплакал, — представляет совесть. Ужасно будет их положение. А не лучше ли явиться к ним самому, оно, конечно, не совсем учтиво... Где они скрываются? *(Подходит к двери и прислушивается.)* Никого нет. Проникну далее. *(Отворяет осторожно дверь, уходит и так же осторожно затворяет.)*

Входят Васильков и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков и Василий.

В а с и л ь к о в *(быстро)*. Был без меня кто-нибудь?

В а с и л и й. Господин Глумов. Вот и записку оставили.

В а с и л ь к о в *(строго)*. А ещё кто?

В а с и л и й. Господин Кучумов... а...

В а с и л ь к о в. Ну, хорошо, ступай!

Василий уходит.

Кучумов так стар, что и подозревать нельзя; моя жена женщина со вкусом. *(Останавливается перед столом в задумчивости и видит записку)*

Глумова. Вынимает из кармана письмо и сличает с запиской Глумова.)
Ничего не похоже, а я думал, что он. (*Читает письмо.*)

Из дома муж уходит смело
С утра на биржу делать дело
И верит, что жена от скуки
Сидит и ждёт, сложивши руки.
Несчастный муж!

Для мужа друг — велико дело,
Когда жена сидит без дела.
Муж занят, а жена от скуки,
Глядишь, и бьёт на обе руки.
Несчастный муж!

«Будь дома в два часа непременно, и ты поймёшь смысл этих слов».
(Короткое молчание.) Что это, шутка или несчастье? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. Если это несчастье, то зачем же оно приходит так рано и неожиданно? Если б я знал свою жену, я бы не колебался. Как любит, как чувствует простая девушка или женщина, я знаю; а как чувствует светская дама, я не знаю. Я души её не вижу; я ей чужой, и она мне чужая. Ей не нужно сердца, а нужны речи. А у меня речей нет. О, проклятые речи! Как легко мы перенимаем чужие речи и как туго перенимаем чужой ум. Теперь говорят, как в английском парламенте, а думают всё ещё как при Аскольде. А делают... Да что здесь делают? Ничего не делают. Но что же, однако, значит это письмо? Пойду покажу его Лидии. Но если, если... Боже! Что мне делать тогда, что мне делать? Как повести себя? Нет, нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть! Что подскажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю. *(Открывает ящик с пистолетами, осматривает их, опять кладёт на место; ящик остаётся открытым. Идёт к двери; навстречу ему тихо, пятясь задом, показывается Телятев.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков и Телятев.

В а с и л ь к о в. Телятев, так друзья не делают.

Т е л я т е в. А, здравствуй! *(Тихо.)* Постой, погоди, они сейчас выдут.

В а с и л ь к о в. Отвечай мне на мои вопросы, или я тебя убью на месте.

Телятев. Потиху ты, я говорю тебе! *(Прислушивается.)* Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильков. Ты к моей жене приехал?

Телятев. Да.

Васильков. Зачем?

Телятев. Приятно провести время, полюбезничать. Какие ты странные вопросы делаешь!

Васильков. Отчего же ты к моей жене едешь, а не к другой?

Телятев. Оттого, что у меня вкус хорош.

Васильков. Мы будем стреляться.

Телятев. Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильков. Чьи бы голоса ни были, они мне не помешают.

Телятев. Ты с ума сошёл, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильков. Нет, Телятев. Я человек смирный, добрый; но бывают в жизни минуты... Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди... Видишь, я плачу... Вот пистолеты! Выбирай любой.

Телятев. Коли ты подарить хочешь, так давай оба, к чему их рознить; а коли стреляться, так куда торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший. После сытного обеда мне всегда тяжело жить на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

Васильков. Нет, нет, сейчас, здесь, на этом месте, без свидетелей.

Телятев. Ну, уж ведь я тоже с характером, я здесь не буду, говорю тебе наотрез. Что за место? Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. Да! Постой! Прежде всего, скажи ты мне, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?

Васильков. Средств нет жить лучше.

Телятев. Так возьми у меня. *(Вынимает бумажник.)* Сколько тебе нужно? Да, пожалуй, бери всё, я в Москве и без денег проживу.

Васильков. Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Берёт пистолет.)*

Телятев. Послушай, любезный друг! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чем ты думаешь и чем ты стоишь.

Васильков. Извини! Я человек помешанный.

Телятев. Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет — занимай у первого встречного.

Васильков. Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тут?

Телятев. Сочтёшь после. Тысяч около пяти.

Васильков. Надо счесть теперь и дать тебе расписку.

Телятев. Уж от этого, сделай милость, уволь. С меня берут расписки, а я ни с кого; хоть бы я и взял, я её непременно потеряю.

Васильков. Спасибо. Я тебе заплачу хорошие проценты.

Телятев. Шампанским, других процентов не беру.

Васильков. А всё-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы с тобой стреляться будем.

Телятев. Не стоит, поверь мне, не стоит. Если она честная женщина, из моего ухаживания ничего не выйдет, а мне всё-таки развлечение; если она дурная женщина, не стоит за неё стреляться.

Васильков. Что же мне тогда делать в этом последнем случае? *(С отчаянием.)* Что мне делать?

Телятев. Бросить её, и всё тут.

Васильков. Я был так счастлив, она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для несчастного тюленя, ласки такой красавицы — ведь рай! И вдруг она изменяет. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мне жизнь не мила; она меня обманывает.

Телятев. Так ты её убей, а меня-то за что же?

Васильков. За то, что вы её развратили. Она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять всё — и честь, и совесть, и всякий стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, бери пистолет, а то я тебя убью стулом.

Телятев. Ну, чёрт с тобой! Ты мне надоел. Давай стреляться! *(Проходит к пистолетам и прислушивается у двери.)* Вот что: перед смертью попробуем спрятаться за печку!

Васильков. Нет, нет, стреляться!

Телятев *(берёт его за плечо)*. Тише ты, тише, ради бога! *(Насильно уводит его за печку к выходной двери.)*

Входят Кучумов и Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Васильков, Телятев, Кучумов и Лидия.

Кучумов (*поёт*). In mia mano al fin tu sei!

Лидия. Прощай, папашка!

Кучумов (*поёт*). Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio mia carina!

Лидия. Изволь, папашка! (*Целует его.*)

Телятев и Васильков выходят из-за печки.

Лидия. Ай! (*Отходит в сторону.*)

Кучумов (*грозя пальцем*). Но, но, но, господа! Я по правам старой дружбы... Nonni soit qui mal y pense!

Васильков (*указывает на двери*). Вон! Завтра я пришлю к вам секунданта.

Кучумов. Ни-ни-ни, молодой человек! Я с вами драться не стану; моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить её против вашей, может быть, совсем бесполезной.

Васильков. Так я убью вас. (*Идёт к столу.*)

Кучумов. Но! Молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят! (*Быстро уходит.*)

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Васильков, Телятев, Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Что за шум у вас!

Васильков. Возьмите от меня вашу дочь! Мы с вами в расчёте. Я возвращаю её вам такую же безнравственную, как и взял от вас; она жаловалась, что переменяла свою громкую фамилию на мою почти мещанскую; зато я теперь вправе жаловаться, что она запятнала моё простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любит меня; я, проживя с ней только неделю, презираю её. Она шла за меня ни с чем, я заплатил за её приданое и за её наряды; это пусть она зачтёт за то, что я неделю пользовался её ласками, хотя и не один.

Лидия. Ха-ха-ха! Какая трагедия!

Надежда Антоновна. Что вы! Что вы! У вас какое-то недоумение. Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

В а с и л ь к о в (*Телятеву*). Друг мой, не оставляй меня; мне нужно сделать некоторые распоряжения. Вот твои деньги, возьми их! Я хотел за твою доброту заработать тебе огромные проценты. Возьми их! (*Отдаёт деньги Телятеву, тот кладёт их небрежно в карман. Лидия пристально смотрит на деньги.*) Нужно сделать некоторые распоряжения, написать к матушке... Я застрелюсь. (*Опускает голову на грудь.*)

Т е л я т е в. Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомого две жены бежали, что ж, ему два раза надо было застрелиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человек благоразумный, я тебе много могу дать хороших советов. Во-первых, ты не вздумай стреляться в комнате, — это не принято: стреляются в Петровском парке; во-вторых, мы с тобой сначала пообедаем хорошенько, а там видно будет.

В а с и л ь к о в (*Надежде Антоновне*). Берите скорее вашу дочь от меня. Берите её скорей!

Л и д и я. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня хотели переехать. Мы наняли нашу старую квартиру и постараемся из её зеркальных окон даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем её. Вы играли комедию, и мы играли комедию. У нас больше денег, чем у вас; но мы женщины, а женщины платить не любят. Я притворялась, что люблю вас, притворялась с отвращением; но мне нужно было, чтоб вы заплатили наши долги. Я в этом успела, с меня довольно. Оценили ли вы мою способность притворяться? С такой способностью женщина не погибнет. Застрелитесь, пожалуйста, поскорей! Телятев, не отговаривайте его. Вы мне развяжете руки, и уж в другой раз я не ошибусь в выборе или мужа, или... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Всё мое желание — не видеть вас более никогда. (*Матери.*) Вы послали за экипажем?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Посылала, он готов. (*Уходит, за ней Лидия.*)

В а с и л ь к о в. Кончено, теперь всё уже для меня кончено.

Т е л я т е в. Ну, где же кончено? Мало ли ещё осталось в жизни?

В а с и л ь к о в. Нет, уж всё. Если бы я сам был злой человек, как она, я бы теперь грыз себе руки, колотился головой об стену; если б я сам её обманывал, я бы её простил. Но я человек добрый, я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смеяться: над лицом моим, над моей фамилией, но над

добротой!.. Над тем, что я любил её, что после каждой ласки её я по часу сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг, во мне оскорблено не самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. *(Плачет.)*

Т е л я т е в. Послушай! Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь; хороша будет у меня физиономия. Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на несколько часов! Мы с тобой пообедаем; чем я тебя буду кормить, поить — это моё дело.

В а с и л ь к о в *(берёт пистолет и кладёт в карман)*. Друг мой, что это? *(Подбегает к окну.)* Карета! Они уезжают! *(Совершенно убитый.)* Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

ЧЕБОКСАРОВА.

ЛИДИЯ.

ВАСИЛЬКОВ.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ГЛУМОВ.

АНДРЕЙ.

ГОРНИЧНАЯ.

Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. Чебоксарова входит.

Надежда Антоновна. Что, не был?

Лидия. Нет ещё.

Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову. Что нам делать! Кучумов неделю тому назад, вместо того, что обещал привезти на новоселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает бог знает какое одолжение. У нас опять накопилась пропасть долгов. Не забудь, вся мебель — новая, та продана твоим злодеем.

Лидия. Он обещал непременно привезти сегодня. Ему не верить стыдно, когда он сделал такое одолжение отцу.

Надежда Антоновна. Да сделал ли, я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких денег не получал, что имение его продано, а сам он теперь живёт у своего приятеля. Он мне пишет, что после продажи, за удовлетворением долга, ему остаётся очень незначительная сумма и что на неё он хочет с каким-то татаринном или башкиром завести кумыс.

Лидия. Теперь я понимаю. Знаете, кто купил имение?

Надежда Антоновна. Кто?

Лидия. Кучумов. Он обещал купить и подарить его мне.

Надежда Антоновна. Едва ли. Твой отец пишет, что на торгах дал самую большую сумму какой-то Ермолаев, поверенный Василькова. Уж не он ли? *(Показывает на окно.)*

Лидия. Смешно! Где ему! Вы сами видели, что он занимал деньги у Телятева и обещал большие проценты; а большие проценты дают только в нужде. Да он и слишком глуп для такого дела. Не упоминать о нём будет гораздо покойнее.

Надежда Антоновна. Уж конечно.

Лидия. Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мне надо, чтоб всякая память о нём изгладилась из моего воображения. Я бросила бы ему все его подарки, если б они не были так драгоценны. Я их велела все переделать, чтоб они не имели прежней формы.

Надежда Антоновна. Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять в долг у одного каретника и гербы велела сделать. Лошадей будем брать извозчичьих, а своей коляски не иметь нельзя. Извозчичий экипаж всегда заметен. *(Уходит.)*

Лидия. Да, опытность — великое дело. Я всё ещё очень доверчива. А с доверчивостью можно сделать ошибку неисправимую.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия и Кучумов.

Кучумов *(становясь на колена и целуя руку Лидии)*. Il segreto per esser felice...

Лидия. Что за шалости! Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Кучумов. Какая холодность! Что за тон, дитя моё?

Лидия. Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переехать от мужа; мы должны, мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании, вы сами навязались с деньгами.

Кучумов (*садится*). Вам меня надо или убивать, или прощать за мою рассеянность. Сейчас отсчитывал деньги в бумажник, чтобы взять с собой, вошла вдруг жена, я его кинул в стол и запер. Заболтался с ней, так и позабыл, Я вам привезу деньги через полчаса.

Лидия. А кто купил имение отца?

Кучумов. Разумеется, я.

Лидия. Отец пишет, что купил поверенный Василькова.

Кучумов. Иначе и быть не может, я дал доверенность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестил. Он законов не знает и передоверил от себя другому. Какое он мне уморительное письмо прислал! Я вам привезу его через десять минут. (*Встаёт и оглядывает комнату. Поёт.*) Io son ricco! tu sei bella! Вот это мило и это недурно. Какой у вас вкус! Тут надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропических растений. Здесь под пальмой будет место наших интимных разговоров. Я это сегодня же пришлю (*Садится подле Лидии.*)

Лидия (*отодвигаясь*). Ну вот, когда вы привезёте нам деньги, я вас опять буду звать папашей и, может быть, полюблю.

Кучумов (*поёт*). Io son ricco! tu sei bella! Так как в моей честности сомнения быть не может, то любви своей вам откладывать нечего, моё блаженство.

Лидия. Вы думаете? Я сегодня в дурном расположении духа, мне не до любви. Я уж сколько времени только и слышу о богатстве; у мужа золотые прииски, у вас золотые горы, Телятев чуть не миллионщик, и Глумов, говорят, вдруг богат стал. Все мои поклонники прославляют мою красоту, все сулят меня золотом осыпать, а ни муж мой, ни мои обожатели не хотят ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки. Мне не в чем выехать; я езжу в извозчицкой коляске на клячах.

Кучумов. Это ужасно! Но ведь через полчаса всё будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Лидия. Я живу без мужа, вы ко мне ездите каждый день в известный час; что подумают, что будут говорить?

Кучумов. Пища для разговора дана, следовательно, разговор будет, как вы строго себя ни ведите. По-моему, уж если переносить осуждения, так лучше недаром; терпеть напраслину дело ужасное, *idol mio*. Ведь я вам говорю, через полчаса... ну... могут там встретиться обстоятельства: необходимые взносы; в конторе вдруг столько денег нет; ну через день, два... в крайнем случае, через неделю вы будете иметь всё, больше чего желать невозможно.

Лидия (*встаёт*). Через неделю? Через десять минут чтобы всё было! Слышите, что я говорю! Иначе я вас пускать не велю.

Кучумов. Десять минут? Я не Меркурий, чтобы так быстро летать. Меня могут задержать дела.

Лидия. Никто вас не может задержать: деньги у вас в ящике, письмо, вероятно, в другом. До свидания.

Кучумов. Я себя оправдаю в ваших глазах; но я вам долго-долго (*грозит пальцем*) не прощу такого обращения со мной. (*Уходит.*)

Лидия. Вот когда моя самоуверенность колебаться начинает. Какой-то холод пробегает по мне. Кучумов обманывает меня или нет? (*Решительно.*) Обманывает. Он ещё не исполнил ни одного своего обещания. Затем что ж у меня? Отчаяние и самоубийство или... тоже самоубийство, только медленное и мучительное...

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия (*задумчиво*). Проси.

Андрей уходит. Входит Телятев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Телятев.

Лидия. Что вас давно не видать? Где вы пропадаете?

Телятев. У человека, которому делать нечего, всегда дел много! Что вы так серьёзны? Ай-ай-ай! (*Смотрит на неё пристально.*)

Лидия. Что вы? Что с вами?

Телятев. Морщинка, вот тут, на лбу; маленькая-маленькая, но морщинка.

Лидия (*с испугом*). Не может быть.

Телятев. Посмотрите в зеркало! Ай-ай-ай! В ваши-то лета. Стыдно!

Лидия (*перед зеркалом*). Не говорите лучше! Надоели.

Т е л я т е в. Думать не надобно, Лидия Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже вас сохрани! У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают.

Л и д и я. Ах, Иван Петрович, на моём месте поседеть легко. Как мне не думать! Кто ж за меня думать будет?

Т е л я т е в. Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живёте одни, в великолепной квартире, совершенно свободны, вы богаты, что я сам от вас слышал, поклонников у вас много, муж для вас не существует.

Л и д и я (*с радостью*). Он застрелился?

Т е л я т е в. Нет, раздумал.

Л и д и я. Жаль. Можно вам поверить тайну?

Т е л я т е в. Очень можно.

Л и д и я. Вы умеете их беречь?

Т е л я т е в. Нет, не умею. Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. Скажите мне в одно ухо, у меня в ту же минуту вылетит в другое; а через час, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Л и д и я. Наши дела очень плохи, нам просто жить нечем.

Т е л я т е в. В редком семействе не найдётся такой тайны.

Л и д и я. Слушайте! Вы несносны. Я переехала от мужа потому... Нет, мне стыдно.

Т е л я т е в. Ах, что вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я уж такой особенный человек, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Л и д и я. Ну, так и мне вас не стыдно. Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать займы сорок тысяч.

Т е л я т е в. Ах, он чудак! Да отчего ж не восемьдесят?

Л и д и я. А он может и восемьдесят?

Т е л я т е в. Ещё бы! Он и двести может, то есть обещать, а заплатить где же! У него редко и десять рублей найти в кармане можно.

Л и д и я. Вы лжёте на него. Он выкупил отцово имение, оно стоит больших денег; я сама видела, как он дал моей татап шестьсот рублей.

Т е л я т е в. Насчёт имения я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсот рублей, я знаю. Он пять дней бегал по Москве, искал их, насили ему дали на месяц и взяли вексель в две тысячи рублей. Я думал, что он ищет денег для вашего мужа, которому он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил.

Л и д и я (*в отчаянии*). Вы меня убиваете!

Т е л я т е в. Чем? Он человек очень хороший. Вы не беспокойтесь. Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что всё прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные экипажи, только всё это женино, и всё ещё при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдаётся деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфели, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьёт, человек пять так и бегают около него. А уж что достаётся бедным поварам!

Л и д и я *(бледнея)*. Что мне делать? Я столько задолжала.

Т е л я т е в. Есть отчего в отчаянье прийти! Кто нынче не должен!

Л и д и я. Телятев! У вас огромное состояние, пожалейте меня! Не дайте мне погибнуть!

Телятев опускает голову.

Телятев, поддержите честь нашей фамилии! Я могу полюбить вас! Вы добрый, милый.

Телятев ещё ниже опускает голову.

Жеан, я гибну! Спасите меня! Если вы мне поможете в этой беде, я ваша. *(Кладёт ему обе руки на плечи и склоняется головой.)*

Т е л я т е в. Всё это очень мило с вашей стороны, и я был бы совершенно счастлив; но, Лидия Юрьевна, я сам-то теперь не свой.

Л и д и я *(смотрит на него во все глаза)*. Как? Вы женитесь или женаты?

Т е л я т е в. Не женюсь и не женат, а должно быть, завтра свезут меня к Воскресенским воротам.

Л и д и я. Как к Воскресенским воротам?

Т е л я т е в. Так, привезут с квартальным и опустят.

Л и д и я. Не может быть! Где же ваши деньги? Я знаю, что вы давали мужу займы.

Т е л я т е в. Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко?

Л и д и я. А своих у вас нет?

Т е л я т е в. Я уж и не помню, когда они были. Я вчера узнал, что я должен тысяч до трёхсот. Всё, что вы у меня видели когда-нибудь, всё чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За всё это денег не плачено, за всё это писали счёты на меня, потом векселя, потом подали

ко взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты напрокат и нынче же отобраены. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмёт завтра чем свет! Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате, это единственная моя собственность; предложу им по сигаре, у меня ещё с десятка осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «Гуляй, Иван Петрович, по белому свету!» Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять я свободен, и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня ещё живы одиннадцать тёток и бабушек, и всем им я наследник. Что я гербовой бумаги извёл на векселя, вы не поверите. Если её с пуда продавать, так больше возьмёшь, чем с меня.

Л и д и я. И вы так покойны?

Т е л я т е в. Что ж мне беспокоиться-то? Совесть моя так же чиста, как и карманы. Кредиторы мои давно получили с меня втрое, а взыскивают, только чтоб форму соблюсти.

Л и д и я. Где ж мне денег взять, то есть больших денег, много денег? Неужели нет ни у кого?

Т е л я т е в. Есть, как не быть!

Л и д и я. У кого же они?

Т е л я т е в. У деловых людей, которые их даром не бросают.

Л и д и я. Не бросают? Жаль!

Т е л я т е в. Ещё как жаль-то! Теперь и деньги-то умней стали, всё к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны.

Л и д и я. Какие?

Т е л я т е в. Бешеные. Вот и мне доставались всё бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом, — деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: «Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдём». И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь.

Л и д и я. Я в актрисы пойду.

Т е л я т е в. Талант нужен, Лидия Юрьевна.

Лидия. Я в провинцию.

Телятев. Что за расчёт! Увлечёте какого-нибудь мушника Тулумбасова или уж много-много средней руки помещика. Что за карьера!

Лидия. Телятев, помогите, мне нужны деньги!

Телятев. А вот, пожалуйста сюда! *(Подводит её к окну.)* Видите?

У ворот стоит
Домик-крошечка;
Он на всех глядит
В три окошечка.

Вот где деньги.

Лидия. У мужа?

Телятев. Да, у него. Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь — так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет миллион, а через пять — пять.

Лидия. Не может быть. Я не верю вам. Подите прочь. Это он вас подослал ко мне.

Телятев. А вот послушайте. Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. Сидит, на свет не глядит, ни уши не ест, ни вина не пьёт. Подходили к нему какие-то странные личности, шептались что-то, он как будто стал поживее. Потом вдруг несут ему телеграмму, прочёл её, и глаза засияли. «Нет, говорит, глупо стреляться. Покутим, говорит, нынешний день, поздравь меня». Ну, я его поздравил, поцеловались, и поехали, и поехали. Познакомил я его кое с кем из старых своих знакомых, то есть не из старых, а из прежних, а они ещё молоденькие.

Лидия *(глядя в окно)*. Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это тапан взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятев. Нет, вы ошиблись. Это коляска, которую он подарил моей знакомой, и с лошадьми, и кучера нанял такого, что в Зоологическом саду показывать можно. Вот она едет от него, блондиночка, а глаза — васильки.

Лидия. Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною? Я его ненавижу и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у неё и так невелик, а она его ещё вздёргивает.

Телятев. Это не ревность, а зависть.

Лидия. Он её любит?

Телятев. Что? Коляску?

Лидия. Нет, блондинку.

Телятев. Зачем же? И любить да и деньги давать, уж слишком много расходу будет. Хотите слушать, что ваш муж мне рассказал про себя?

Лидия. Говорите!

Телятев. Учился он много, чему — уж не помню. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слышали.

Лидия. Говорите, говорите!

Телятев. Поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в бараках, да Василий Иванович с ним. Знаете Василия Ивановича? Золото, а не человек.

Лидия. Ах, подите вы!

Телятев. Первый подряд удался, он взял побольше, потом ещё побольше. Теперь получил какую-то телеграмму. «Ну, говорит, Вася, ближе мильона не помирюсь». А я говорю: «И не мирись». Что ж, мне ведь всё равно, убытку не будет.

Лидия. Я умираю.

Телятев. Что с вами?

Лидия (*ложится на диван*). Позовите маман! Позовите скорей!

Телятев (*в дверях*). Надежда Антоновна!

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Лидия. Маман, ради бога!

Надежда Антоновна. Что с тобой, Лидия? Что с тобой, дитя моё?

Лидия. Ради бога, маман! Подите к моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Телятев. Берите моих лошадей, Надежда Антоновна, и поезжайте скорее!

Надежда Антоновна (*всматривается в дочь*). Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. (*Уходит.*)

Входит Андрей.

А н д р е й. Господин Глумов.

Л и д и я (*привстав*). Принимать его или нет? Ещё муж придёт или нет, неизвестно. Утопающий хватается за соломинку. (*Андрею.*) Проси!

А н д р е й уходит. Входит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лидия, Телятев и Глумов.

Г л у м о в. Что с вами?

Л и д и я. Немного нездорова. А с вами что? Я слышала, что вы разбогатели.

Г л у м о в. Ещё нет, а надеюсь. Очень выгодную должность занял.

Т е л я т е в. И совершенно по способностям.

Г л у м о в. Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то чтоб управляющего, а как бы это назвать...

Л и д и я. Un secrétaire intime?

Г л у м о в. Oui, madam! Ей нужно было честного человека, которому бы она могла доверить...

Т е л я т е в. И себя, и своё состояние?

Г л у м о в. Почти так. У ней дома, имения, куча дел: где же ей управляться! С наследниками она в ссоре. Я стараюсь всё обратить в капитал, на что имею полную доверенность, и пользуюсь значительными процентами за комиссию.

Т е л я т е в. Благородная, доверчивая женщина. Признайся, Глумов, ведь немного найдёшь таких?

Г л у м о в. Да, должно быть, одна только осталась; я наперечёт всех знаю.

Т е л я т е в. Мы сейчас только говорили о бешеных деньгах, что они перевелись, а ты счастливей нас, ты их нашёл.

Г л у м о в. Зато как долго и прилежно я искал их.

Л и д и я. Значит, у вас теперь денег много?

Г л у м о в. «Много» — ведь это понятие относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Л и д и я. Дайте мне займы тысяч двадцать.

Г л у м о в. Молоденьким, хорошеньким женщинам займы денег не дают, потому что не деликатно им напоминать, когда они забудут о долге, а взыскивать ещё не деликатнее. Им или учтиво отказывают, или дарят.

Лидия. Ну, как хотите, только дайте.

Глумов. Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мне никогда вашей руки не целовать? Я злопамятен.

Лидия. Целуйте.

Глумов. Теперь уж поздно или, лучше сказать, рано. Подождите меня год, я приеду целовать ваши ручки. Я завтра отправляюсь со своей доверительницей в Париж; она не знает счёта ни на рубли, ни на франки, я буду её кассиром. Она страдает одышкой и общим ожирением; ей и здесь-то доктора больше года жизни не дают, а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрёт скорее. Вы видите, что мне некогда, год я должен сердобольно ухаживать за больной, а потом могу пожинать плоды трудов своих, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Лидия. Вы злой, злой человек!

Глумов. Прежде вам эта черта во мне нравилась; мы с этой стороны похожи друг на друга.

Лидия. Да, пока вы не переходили границ, а теперь прощайте.

Глумов. Прощайте! Я уезжаю со сладкою надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что вы меня оцените и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Лидия. Довольно, довольно!

Глумов. До свиданья.

Телятев. Прощай, Глумов.частливого пути! Вспомни обо мне в Париже: там на каждом перекрёстке ещё блуждает моя тень.

Глумов. Прощай, Телятев. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна со склянками, за ней горничная с подушками, кладёт их на диван и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Тебе надо лечь, Лидия, непременно. Напрасно ты себя, мой друг, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я так и мужу сказала. Он сейчас придёт. Вот твой спирт и капли, которые тебе всегда помогали.

Лидия *(ложится на подушки)*. Как он вас принял?

Надежда Антоновна. Очень вежливо, хотя довольно холодно. Он спросил, серьёзно ли ты больна; я отвечала, что очень. Что вы, Иван Петрович, смеётесь?

Телятев. Мне равнодушно нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смеяться.

Надежда Антоновна. Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии; она такая нервная, такая нервная... Это у неё с детства.

Телятев. Извините, я действительно не знаю сложения Лидии Юрьевны, это для меня тайна.

Лидия. Иван Петрович, вы такой болтун, вы меня рассмешите.

Надежда Антоновна. Да вы, пожалуй, в самом деле, рассмешите, а он войдёт.

Телятев. Скрыться прикажете?

Лидия (*томно*). Нет, останьтесь! Мне так приятно видеть вас, вы мне даёте силу.

Телятев. Если вам приятно, то я не только не уйду, а, как привинченный, буду стоять против вас. Смотрите на меня, сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии быть лицом без речей.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Васильков.

Лидия (*слабым голосом*). Приси!

Андрей уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лидия, Телятев, Надежда Антоновна и Васильков.

Васильков (*сделав общий поклон*). Вы меня звали?

Лидия. Я умираю.

Васильков. В таком случае нужен или доктор, или священник; я ни то, ни другое.

Лидия. Вы нас покинули.

Васильков. Не я, а вы меня, и не простившись даже как следует.

Лидия. Так надо проститься?

Васильков. Если вам угодно.

Лидия. По-русски проститься — значит попросить прощенья.

Васильков. Просите.

Лидия. Я виновата только в том, что оставила вас, не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты.

Васильков. Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. О чём же больше говорить! Прощайте!

Лидия. Ах, нет, постойте!

Васильков. Что вам угодно?

Лидия. Вы за свою вину ничем не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругом в долгу, меня посадят вместе с мещанками в Московскую яму.

Васильков. А! Вы вот чего боитесь? Вот какое бесчестье вам страшно? Не бойтесь! В яму попадают и честные люди, из ямы есть выход. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратом, в которой гибнет и имя, и честь, и благообразие женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу?

Лидия. Кто вам позволил говорить здесь такие слова?

Васильков. А кто позволяет зрячему вывести на дорогу слепого, кто позволяет умному остеречь неразумного, кто позволяет учёному учить неучёного?

Лидия. Вы не имеете права учить меня.

Васильков. Нет, имею. Это право — сострадание.

Лидия. Вам ли говорить о сострадании! Вы видите жену в таком положении и не хотите заплатить за неё ничтожного долга.

Васильков. Я даром денег не бросаю. Ни боже мой!

Надежда Антоновна. Я не понимаю вашей философии. Всё это для меня какая-то новость, принесённая с луны. Разве платить за жену — значит бросать даром?

Васильков. Какая же она мне жена! Да она ж сама сказала, что у неё денег больше, чем у меня.

Надежда Антоновна. «Сказала». Мало ли что может сказать женщина в раздражении! Как бы жена ни оскорбила мужа, всё-таки надо жалеть жену больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всякая ссора так дорого обходится. Горячая женщина скоро сделает глупость, скоро и одумается.

Васильков. Да она же не говорит, что одумалась.

Лидия. Я одумалась и раскаиваюсь в своём поступке.

В а с и л ь к о в. Не поздно ли?

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, нет! Она может увлечься, но до падения себя не допустит.

В а с и л ь к о в. Я знаю, что не допустила: ваша прислуга гораздо больше получала от меня, чем от вас. Но я не знаю, что спасло её от падения — честь или недостаток денег у Кучумова. *(Лидии.)* Чего же вам угодно?

Л и д и я. Я бы хотела жить опять вместе с вами.

В а с и л ь к о в. Невозможно. Вы так быстро меняете свои решения, что, пожалуй, завтра же захотите уехать от меня. Для меня одного позора довольно, я двух не хочу.

Л и д и я. Но вы должны меня спасти.

В а с и л ь к о в. Как я вас спасу? Есть только одно средство; я вам предложу честную работу и за неё вознаграждение.

Л и д и я. Какую работу и какое вознаграждение?

В а с и л ь к о в. Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год.

Л и д и я *(встаёт с дивана)*. Ступайте вон!

Васильков уходит.

Т е л я т е в *(отнимая платок от глаз)*. Теперь вы выздоровели, я могу перестать плакать.

Л и д и я. Ах, теперь не до шуток! Бегите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало.

Телятев убегает.

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, какой он упрямый! Какой несносный! Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьёт жену, а такого предложения не сделает.

Возвращаются Васильков и Телятев.

Л и д и я. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие её обязанности?

В а с и л ь к о в. Извольте, объясню; но если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к вам. Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унижительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит:

грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде.

Лидия. Ужасно, ужасно!

Васильков. Прикажете кончить?

Лидия. Продолжайте!

Васильков. Когда вы изучите в совершенстве хозяйство, я вас возьму в свой губернский город, где вы должны ослепить губернских дам своим туалетом и манерами. Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. Мне тоже, по моим обширным делам, нужна такая жена. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, Патти послушаем, тысячу рублей за ложу не пожалею. У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужна такая жена, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно. У вас всё есть для этого, только вам надо будет отучиться от некоторых манер, которые вы переняли от Телятева и прочих.

Телятев. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая перспектива от деревенского подвала до петербургского салона.

Васильков (*глядя на часы*). Согласны вы на моё предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Лидия. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

Васильков. Никакой! Мне ли жалеть вашу гордость, когда вы не жалели моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вам звание экономки, любя вас.

Лидия. Ну, хоть слово измените, оно жестоко для моего нежного уха.

Васильков. Нет, это слово хорошее.

Лидия. Я должна подумать.

Васильков. Думайте.

Телятев. Ах, кабы меня кто взял в экономки!

Входит Андрей.

Андрей. Следственный пристав желает описать имущество.

Лидия и Надежда Антоновна. Ах, ах! Ай-ай! (*Лидия прячется в подушки.*)

Телятев. Что вы испугались? Утешьтесь! Вчера описали мебель у двух моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие.

Лидия (*мужу*). Спасите меня от стыда! Я на всё согласна! Что делать? Я хотела блистать неугасающей звездой, а вы хотите сделать меня метеором, который блеснёт на минуту и погаснет в болоте. Но я согласна, согласна. Умоляю вас, спасите меня.

Васильков уходит с Андреем. Андрей возвращается.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Я думаю принять его.

Телятев. Примите.

Лидия (*Андрею*). Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов, потом Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лидия, Надежда Антоновна, Телятев, Кучумов, потом Васильков.

Кучумов (*напевая*). Io son ricco... Что с вами?

Лидия. У меня описывают имущество, привезли вы сорок тысяч?

Кучумов. Io son ricco... Нет, вы представьте себе, какое со мной несчастье.

Входит Васильков и останавливается у двери.

Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Телятев. Очень жаль мне твоего человека! С тем, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доедешь.

Кучумов. Не шути, я не люблю. Я разослал телеграммы по всем трактам; вероятно, его скоро схватят, отберут деньги, и тогда я вам, дитя моё, доставлю их.

Телятев. Не всё же он украл, ведь осталось же что-нибудь.

Кучумов. Как не остаться! Я без тысячи рублей из дому не выезжаю.

Васильков. Так отдайте мне шестьсот рублей, которые должны по картам.

Кучумов. А! Вы здесь! И очень хорошо. Я давно хотел с вами расчесться. Карточный долг для меня первое дело. (*Вынимает бумажник.*) Что за вздор такой? Вероятно, я как-нибудь обложился, положил в левый карман. Ах, да я не тот сюртук надел. Впрочем, вы можете получить эти деньги с Надежды Антоновны.

Васильков. Хорошо, я получу. Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. Вам нужно ехать в деревню.

Лидия. Когда хотите.

Васильков. Я еду завтра, будьте готовы!

Лидия (*подаёт мужу руку*). Благодарю вас, что на целый день вы даёте волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моём унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на её место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, весёленьких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчётливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми.

Телятев. Каково это слушать нам, бездельникам!

Кучумов (*ноёт*). Io son ricco...

Телятев. Неправда. Noi siamo poveri.

Лидия. Вот другая жертва, которую я приношу вам.

Васильков. Жертв не надо.

Лидия. Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я признаюсь. Я принимаю ваше предложение, потому что нахожу его выгодным.

Васильков. Но знайте, что я из бюджета не выйду.

Лидия. Ох, уж мне этот бюджет!

Васильков. Только бешеные деньги не знают бюджета.

Телятев. Ты говоришь святую истину; скажу более, что ты повторяешь мои слова.

Васильков (*Телятеву*). Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Телятев. Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки

будем иметь и почёт, и кредит. Долго ещё каждый купчик будет за счастьем считать, что мы ужинаем и пьём шампанское на его счёт. Вот портные — от тех уважения мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить с таким достоинством, что издали дают тебе дорогу. Прощай, друг Савва. Не жалею нас. И в рубище почтенна добродетель. *(Обнимаются с Кучумовым.)*

Лидия робко подходит к Василькову, кладёт ему руку на плечо и склоняется головой.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ШУТНИКИ

Черновые наброски

Нет у меня денег (скупость)¹

Ты моя кукла не будешь знать нужды, я не <нрзб.> идти замуж, я умереть готова²

(Сцены из моск<овской> жизни).

В 4 действиях

Д. 1, 1 явл. (комната подъячего)

[Отец] (Часто бывает, что находят деньги). 2 дочери. 2. Отец и жених, те же. 3. Без жениха и без отца. 4. Купец и стар<шая> дочь. 5. Те же и меньшая. 6. Те же и отец. / Меньшая. Что папаша делает? Зачем он так делает? Тише, тише! 7. Те же и знакомая. 8. Те же и жених. 9. Те же без жениха.

2 Действие. Сц<ена> 1.

Под воротами. Толпа. Шутники. В сибирке. Старик и жених. Сибирка уходит. Опять приходит. Уходит молодой. Уходит старший.

Сц<ена> 3.

1. Дочь и родств<енники>. 2. Дочь и купец (об деньгах). 3. Те же, от<ец> и [жен<их>]. 4. Без купца. Опять помешал <?> — объясняют ему. 5. Без отца жених. 6. Отец.

Конец.

[Посторонись же любезный. Сегодня никто так не заслужил своего обеда как я. — Вот пример наказанного корыстолюбия. — Что это изволили купить-с? — Очень во вкусе. —

1-е.

Толпа разных лиц. Сибирка. Советник разговаривает. — Тяжеленько носить изволите. — Другой подумает, что за его непочтение родителей³ заставили этукую штуку носить.

Что это левша. — Казанская. Купи для вечера. — Мы сами, брат, этим товаром торгуем. — Пожалуйста. <3 нрзб.> А вон Лютов идет. — Это <2 нрзб.> особенный страх к нему имеют. Город. <4 нрзб.>.

— Многие выходят под зонтами.

— Рассказ. — Зачем тебе деньги? — Чужие деньги затратил.

Оброшен<ов> и Писк<арев>. <2 нрзб.> Недонос<ов> и Недор<остков>. Шиловостов уходит. Шарманщик приходит. <2 нрзб.>]⁴

¹ Написано слева от названия.

² Написано справа от названия.

³ Далее: [этаким манером]

⁴ Зачёркнутый текст представляет собой набросок 1—4 явлений II действия.

Варианты черного автографа

С. 8

³⁻⁹ ПАВЕЛ ПРОХОРОВИЧ ОБРОШЕНОВ ~ молодые люди, одетые по последней моде. /

Павел Прохорыч [Пантелей Иванович] Обросков, *отставной чиновник.*

Анна Пантелейм<оновна>, 25 лет } дочери его.

Верочка, 17 лет

Александр [Егор] Петрович Гольцов [Пискарев], *чиновник, 23 лет.*

Улита Прохоровна, *сестра Оброшенова.*

[Шилохвостов] Хрюков.

Филимон Протасьич [Горбоносков <?>], *купец, 65 лет.*

Недоносков } молодые люди, одетые по моде <2 нрзб.>.

Недоростков }

Набросок: [Денег на свадьбу. — Вперед попросить у казначея. Пышности большой не нужно. Вот, говорю, дом, а денег ни копейки нет.] Завтракать звали.

¹⁰⁻¹¹ *Небольшой садик ~ несколько стульев. / Сцена представляет небольшой садик, направо крыло, у крыльца поставлен круглый стол и несколько стульев, окно дома; забор, в заборе калитка, налево забор, за ним деревья другого сада.¹*

¹³ *Анна Павловна сидит у стола / Анна Павловна сидит*

¹⁴ *лист бумаги и чернильница / лист бумаги и [баночка с клеем] чернильница*

¹⁸ *После:* В сем доме отдаются — [квартира]

²¹ *После:* Теперь всякий — [разберет]

²² *Сама ты посуди / А то сама ты посуди*

³⁷ *После:* Как поймаю — какого шалуна

С. 9

⁷ Или утешаются, или бьют, чем ни попало. / Или уж молчит. [Жаль смотреть на этих ребят.] Или их ножом полоснут, или бьют, чем ни попало [или совсем без присмотра оставляют].

⁸ *Перед:* А поди жаловаться — [Утешаются на своих чадов. Станешь]

¹³⁻¹⁴ А то вот одному недавно ~ до семи бед коплю / А то вот недавно стал одному жаловаться на сына; а он говорит: «Я [всегда] до семи бед коплю [это]

²³ *После:* зубы на полку положить. — [Ну, унижаешься перед ними, так на тебе, как на шута и смотрят]

³⁰ *После:* Да, папенька, без унижения. — [Кабы вы знали, как нам больно смотреть.]

¹ *На полях л. 1 об:* (Во дворе.); (Сам починивает дом.)

С. 10

- ²⁻³ *После*: Ну нет, брат. — [Сначала-то нужда заставляла, молодцу <?> не очень сладко было, а потом уж привык, перестал людей стыдиться.]
- ⁵⁻⁶ *Перед*: Фертом ходил! — [А <нрзб.> на всех гладил.]
- ¹⁴⁻¹⁵ *После*: Я было в амбицию — [обиделся]
- ²⁰ спознался с богатыми купцами / спознался с богатыми людьми
- ²² тебе рыло сажай ~ третий в пуху / тебя плясать заставляет, другой в пуху
- ²⁷ *После*: А ты, дочка, не суди! — грех будет
- ³¹ *После*: огребали — а теперь насмеются над тобой <З нрзб.>.
- ³⁴ *После*: Ваша мать — была женщина умная, строгая, она вас воспитывала, как от тысячи душ <?>
- ³⁶ жену мою все уважали / у меня жена, которую все от мала до велика уважали
- ³⁶ *После*: дети — ангелы. — [Вот мое счастье, вот моя гордость. Я унижал себя для вас, для вашего благополучия. Я не в упрек тебе, Аннушка, говорю, нет. Если б нужно было украсть для вас, я бы украл.]

С. 11

- ³⁻⁴ *После*: больше я и знать никого не хочу. — [А ты уж больно Верочку балуешь.
- А <нна> П <антелеймоновна>. Да как ее не баловать-то. Она такая молодая.¹ Все мы на нее служим, одна она у нас госпожа.]
- ⁵ Мы оба с вами, папенька, для одной Верочки / Скажите лучше, папенька, что мы оба с вами для одной Верочки
- ¹³ *Фразы*: То есть насчёт Саши? — нет.
- ³³ купить поторопился / купил
- ³⁷ *Перед*: Я понимаю, на что ему нужно деньги. — Разве, говорю, на дороге найду, так тогда дам. Право, так и сказал.
- ³⁸ *После*: перед товарищами хочет себя показать. — [Так ведь это глупость, малодушество.]

С. 12

- ¹ *Перед*: брат, шалишь! — говорю
- ¹⁻² Нам пышности / Пышности
- ² *После*: чем скромнее, тем лучше. — Много, говорю, не трать, а много можешь.
- ⁴ Говорил он с Верочкой или нет? / С Верочкой он ничего не говорил?
- ³⁰ *После*: Быть не может. — [Ничего, не робейте. Это не так страшно, как кажется.]

С. 13

- ³ *Перед*: Никак не могу денег достать — [Мне деньги очень нужны]

¹ *Далее*: [Пант<елей> Ив<анович>.]

²² Вы меня извините-с! / Извините-с!

²⁵ Слов: Анна Павловна. Знаю. — нет.

²⁸ После: Вот и подите! —

[Писк<арев>. Что мне вас обманывать. Это мне такое счастье вышло, что В<ера> П<антелеймоновна> такая красавица. Я ее люблю и буду любить всю жизнь. А попадись другая, с деньгами, я тоже должен бы был жениться и любить. Богатый только может любить по выбору, кого хочет, а наш брат любви, кого придется.]

А <нна> П<антелеймоновна>. Ну, а если у Верочки не было денег, вы бы не женились на ней.

Писк<арев>. Нет-с, да и вы бы за меня не отдали, нашли бы жениха побогаче.

А <нна> П<антелеймоновна>. А если вы трехсот рублей не достанете, а вдруг найдется невеста, у которой больше Верочки денег, что тогда?

Писк<арев>. (С негодован<ием>.) Что вы! Господь не пошлет такого искушения.

А <нна> П<антелеймоновна>. А если пошлет.

Писк<арев>. Не знаю. Когда есть нечего, недолго подлецом сделаться. (Молчит.) Если я этих трехсот рублей не достану, мне все равно, что умереть.

А <нна> П<антелеймоновна>. Вы, пожалуйста, сестре не говорите. Мы еще ей не говорили о вашем предложении.

Писк<арев>. Не, зачем ее расстраивать. Нет ничего страшнее <3 нрзб.> Подождите употребить.

А <нна> П<антелеймоновна>. И если мне возможно достать деньги, так уж достану.]¹

С. 14

²⁰ После: Ничего бы этого не нужно. — [Я есть не люблю, если б можно было без этого жить, я была бы очень рада.]

²⁷ Будто вы не знаете? / Разве вы не знаете?

С. 15

¹¹ Слов: я и желаю с вами говорить — нет.

^{23—24} (Уходя.) Не слушайте её, она вздор говорит. (Уходит.) / (Встает и уходит.) Не слушайте ее, она вздор говорит.

²⁶ После: Гольцов и Верочка. —

[Писк<арев>. (Плачет.) Бог с вами, Вера Павловна. Всю надежду от меня отняли. Теперь мне погибать приходится.]

В<ерочка>. От чего же вы плачете? Не плачьте. Пожалуйста. Мне вас жаль.

Писк<арев>. Ничего вы меня не жалеете.

¹ Далее на л. 7: густо зачёркнутый и нерасшифрованный текст.

В <е р о ч к а>. Нет, ей-богу, жалею.

П и с к < а р е в >. Жалееете, а хотите несчастья <?> на всю жизнь его. Прощайте. Бог с вами.

В <е р о ч к а>. Куда вы?]

^{29—30} *Текста:* Г о л ь ц о в. Или я сам ~ Нет, нравитесь. — *нет.*

³² Оттого, что не хочу. / Не хочу.

³⁷ *Перед:* Что вам угодно? — [(*Останавливаясь.*)] [(*Утирая слезы.*)]

С. 16

¹ *Перед:* Садитесь подле меня. — [Подождите немного. Перестаньте плакать, а то я сама заплачу.]

⁵ Да-с, сначала женихом / Сначала женихом

^{12—13} *Перед:* буду называть вас Верочкой. — [с той разницей что]

²⁵ *Перед:* Душенька моя, Верочка —

В е р о ч к а. А говорить что будете?

Г о л ь ц о в. Буду называть вас ангелом, милочкой, будем сидеть обнявшись.

В е р о ч к а: Как?

Г о л ь ц о в. Вот так.

С. 17

^{5—6} Я скоро приду. / Вечером приду.

¹³ *Перед:* Теперь мы скоро родные будем-с. — [Меня звали сегодня обедать соседи наши, купцы богатые. Обещали мне помочь.]

¹⁴ *После:* Если бы ещё это — [случилось]

¹⁶ Ну, дай бог вам успеха. / Ну, дай вам Бог.

²⁹ *После:* при чужих людях не вздумай! — [Милое дитя, она не воображает, что все счастье ее зависит от трехсот рублей.]

³⁰ *Входит Хрюков.* / [Шилохвостов]

³⁴ *Перед:* должно быть, в комнате. — [на дворе или в саду]

С. 18

¹ *Перед:* Мне ведь не родить — [Я и подожду. Что, разве вам моя компания не нравится?]

¹² *Перед:* Не понимаю я вас. — [Я с вами согласна.]

¹³ *После:* хорошо раскусил — [понимаю]

²⁰ *После:* встретил, у ворот — [писарек, должно быть]

³³ *После:* Зачем ему грабить? — [У него свой долг есть.]

³⁴ *Перед:* А много ли? — [А где он его взял?]

³⁵ *Перед:* Триста рублей. — [От отца досталось. Только он в закладе.

Ш и л о х в о с т о в. Да-с, в закладе.

А <нн а> П <а н т е л е й м о н о в н а>. Теперь его выкупать надо.

Ш и л о х в о с т о в. Выкупать надо. А деньги где?

А <нн а> П <а н т е л е й м о н о в н а>. Деньги]

С. 19

¹⁸ я тоже не подаю / я тоже не помогаю

^{30—31} Это ужасно смешно! / Это ужасно как смешно!

С. 20

²⁰ Слов: Никому не дам, а тебе дам — нет.

С. 21

²⁵ После: сейчас к нему, как в свой карман — ну и даст рублика три, а то пять.

²⁷ После: я у него по мелочам-то забрал? — [Я по мелочам у него рублей до ста забрал. Я рад теперь, что у него дело случилось, есть немножко <нрзб.>.]

²⁸ Перед: Отчего же он со мной так дурно обращается? — [А разве вы не видите, как]

³¹ После: Оно всё легче, не так обидно. — помета: Сцену вставить или прямо.¹

С. 22

⁷ как тебя уважают / смотри, как тебя уважают

^{15—17} Текста: Не доносков. Что тебе занимать! ~ когда у него много? — нет.

¹⁸ Перед: Он тебя надуть хотел. — А то ишь ты.

^{20—21} После: Да тот трёх дней не проживёт, кто его обманет. — Парень ловкий.

²² Сашка плут! / А ведь ты плут, Сашка!

²⁷ У него денег много / У него денег много, он только прижался с ними

³⁰ После: Да никогда! — Ни под каким видом.

³³ Не поеду. / Не поеду, не поеду.

³⁶ Да ну, хорошо. / Ну, хорошо. Вы подождите.

С. 23

³ Ты скорее, мы ждём. / Так ты скорее, мы ждём. Тут в переулке коляска тебя будет ждать.

⁶ Перед: в самый раз. — аккурат

⁸ После: Он думает, что я влюблён. — Так мне денег и не надо давать.

^{8—9} Перед: У меня такая крайность!.. — У меня долги есть; мне надо свадьбу...

¹⁴ Перед: Я за деньгами. — [Денег пожалуйста.]

¹⁸ Ха-ха-ха! / (Хохочет.)

^{23—24} Завтра! Значит ~ Нет, это дудки! / Так значит, мне правду говорили, что у вас есть деньги. Завтра приходите! Нет, это дудки! Сейчас.

²⁵ Ступайте домой! / Хватит.

²⁶ я с вами не разговариваю / я с вами не говорю

¹ Помета относится к фрагменту 8 явл., 1 д., записанному на л. 15: Анна Павловна. Папенька, мне что-то странно ~ на порог не пустил.

30—31 Да-с, обмануть ~ денег много... / Вы меня обмануть хотели, у вас денег много... а вы думали, что я влюблен...

33 Не надо ничего... вот и всё... / Не надо ничего...

С. 24

1—4 Что я тебе говорил? Что ~ с своей головой? / Что я тебе говорил тогда? Ты еще молод, сумеешь ли ты на свете жить. Вот так оно и вышло. Еще ничего не вида, ты пьяный в дом лезешь да шумишь тут! Что же это ты делаешь с своей головой? Скажи на милость? Каково <нрзб.> теперь будет смотреть на тебя?

5—6 Что вы с моей головой ~ искать с деньгами. / Да что разговаривать. Пожалуйста денег, а то я другую невесту найду. Мне сватают.

10 *После:* Хорошо, Саша, хорошо! — Так-то ты Верочку любишь.

10—11 *После:* Нам, брат, денег взять больше негде. — Что было, последнее отдаю...

12—13 Павел Прохорыч, дайте денег ~ мне сватают. / Я очень чувствую и люблю. Но однако... Дайте триста рублей, так женюсь, а то не увидите <нрзб.> не могу.

16 А давеча-то что? / Вот ты как. А давеча?

28 И вам её не жалко! / И вам не жалко этого ребенка.

Г о л ь ц < о в >. Ему самому должно быть не жалко.

32—33 Кабы не было денег! ~ так люблю. / Кабы [я знал] у него [нет денег, разве бы я стал требовать] не было! Я бы и не говорил... потому что я так люблю.

С. 25

2 Вам не жалко ~ погибаю! / Что я сделал? Я вижу, вам никому меня не жалко, а я погибну.

6 *Перед:* Вам очень стыдно станет — Вам нельзя оставаться. Как же вы останетесь?

7 *Слов:* Анна Павловна. Вы только вспомните, что вы наговорили. — нет.

9 *Перед:* Простите меня. Прощайте! — Значит я теперь все потерял.

11 *После:* жениха-то поискать — получше.

16—38 **ОБРОШЕНОВ.** ~ *Ворота, где торгуют картинками.* /

Оброшенов. Недоносков. Недоростков. Сибирка [Выжига]. Важное лицо. Сolidный человек. Салопница. Шарманка. Маменька с дочкой. Молодой человек.

Лица разного звания и наций, чиновники, купцы, приказчики, мальчики, татары, армяне, евреи, маменька с дочкой. Под воротами, по стенам картинки.

С. 26

2—4 *Ремарки:* Разные лица стоят ~ чиновники. — нет.

- ⁵ *Перед:* Первый чиновник. Так женился Пыжиков-то? — [2 чиновника]
- ⁹⁻¹⁰ Да неужто так, как говорили? За пару платья только? / Да неужто за платье только?
- ¹¹ Да, за пару платья. / За платье.
- ¹⁷⁻²⁷ *Текста:* Отходят в толпу. ~ (Переходит к Солидному человеку.) — нет.
- С. 28
- ¹ Здравствуйте, батюшка! / Здравствуй, барин!
- ⁷ *Слов:* говорю я тебе — нет.
- ¹⁸ Дешевле копейки взять нельзя-с. / Дешевле и взять невозможно <нрзб.>.
- ²⁰ Девушка (Молодому человеку). / Девушка в платочке (Молодому человеку).
- ²¹ *Фразы:* Чего ж вам ещё нужно! — нет.
- ³³⁻³⁴ *Ремарки:* Молодой человек подвигается к Дочке, вынимает бумажку и пишет карандашом записку. — нет.
- ³⁵ *После:* Перестанешь ты вертеться али нет? — (Молодой человек пишет карандашом записку.)
- С. 29
- ⁷ Важная особа (чуйке). / Важная особа (сибирке).
- ²³ *Гладит его по плечу.* / *Гладит.*
- ³² и не отказывался / сам выпил
- ³⁴ у чужих занимать / у чужих заимствоваться
- С. 30
- ¹⁻² у него денег много награблено / у него денег много
- ⁵⁻⁶ даст денег непременно / даст денег
- ⁹⁻¹⁰ сами знаете. Провалиться сквозь землю легче. / что говорил и вспомнить страшно.
- ¹³ стыдно и обидно / стыдно и досадно
- ²³ это часто случается / и впредь может случиться
- ²⁴ Могут подумать! / Что она подумает.
- ²⁴⁻²⁵ Ничего она не подумает ~ ничего не умеет. / Ничего не подумает, она и думать-то еще не умеет.
- ³² *Слов:* Хе-хе-хе! — нет.
- ³⁶ *Фразы:* Как не спрашивать! — нет.
- С. 31
- ²¹ Ну уж не ожидал я от тебя, не ожидал. / Ожидать-то от тебя этого <нрзб.> нельзя было.
- ²⁷⁻³² Да что вам беспокоиться ~ паясом / [Что же вам до меня. Ищите другого жениха, представьте меня моей судьбе. — Постой, как это мож-

но... Надо прежде все средства попробовать, у меня знакомств-то много. Пойду кланяться, где слезами, а где шутками, знаешь, этак дурачком, дурачком, паясом...]¹ Да что вам беспокоиться, Павел Прохорыч! У вас своей заботы много. Ищите себе другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь — хорошо, не выпутаюсь — туда мне и дорога.

Оброшено в. Нет, Саша, как можно, чтоб я тебя оставил. Нет, я этого греха на душу не возьму. Нет, я попытаюсь, побегая, у меня знакомых много <3 нрзб.>, все люди богатые. Где поклонами <2 нрзб.>, а где шуточками; знаешь, этак, дурачком, дурачком, паясом

³⁴ Выручите, Павел Прохорыч! Спасите меня! / Уж если вы меня из этой беды выручите, я ваш самый верный слуга на всю жизнь.

³⁵⁻³⁶ *После:* Отчаиваться не надо. — А может, пойдешь да на дороге найдешь. Чего не бывает.

С. 32

⁵ Я в Ирбитской плачу-с. / Я в Ирбитской.

⁶ *После:* С а л о п н и ц а. Как изволили сказать? —

[Ш и л <о х в о с т о в>. Все высокое и все прекрасное (*плачет*). Не могу, господа. Когда я вижу губителя <?> (*плачет*), когда я вижу <нрзб.> граждан, отцов семейства. Все высокое и все прекрасное (*плачет*). Извините, я не могу, я так расстроен. Все высокое и все прекрасное.]

⁹ *Ремарки:* Все смеются. Салопница шепчет что-то. — нет.

¹² *Все смеются. С а л о п н и ц а быстро скрывается. / (Хохот.)*

С. 33

¹ *После:* Диви б маленькие — ишь балбесы какие! Потешаются над бедными людьми, хотят себе удовольствие сделать.

¹ *Слов:* Коли ты хочешь утешаться — нет.

⁶ *После:* знают. — Если б были они твои благодетели, ну тогда другое дело, тогда уж говорить ничего нельзя. Скажут, что ты претендент и можешь опять благод<етелей> потерять. Что хотят, то и говорят, а ты только кланяйся.

⁷ А то всякий станет над тобой издеваться, и на свете жить нельзя будет. / А то всякий станет над тобой издеваться, это уж много будет, это и жить на свете нельзя будет.

С. 34

⁵⁻⁷ А я после приду ~ ещё поговорю. / А я после приду. Скажи дома, что сейчас, мол, придет. Мне тут нужно забежать на минуту. А с этими молодцами я еще поговорю. Да скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться.

¹¹ Опохмеляйтесь сами! / Покорно вас благодарю.

¹ *Вариант вписан на полях л. 17 об.*

¹⁵⁻¹⁷ Он человек хороший, смиренный! ~ и останется. / Он человек хороший, смиренный!

Недоростков. Так это при нем и останется.

Недоносков. Его смиренности никто и не снимает с него.

²² После: Он вина-то — начато: сроду

²⁹ Мне теща сказывала / От кумы от своей

С. 35

¹ Фразы: Что ты сказал? — нет.

⁴ Перед: Вот нынче народ-то какой стал! — (Обращается к прочим.)

¹¹ разговоры развёл! / разговоры разводит.

¹⁵⁻¹⁶ Текста: Один из толпы. Что он ~ одели. — нет.

²² После: Парень безответный... — (говорит тихо).

²⁷ Надо заняться / Надоть сейчас

²⁸⁻²⁹ Что придумывать-то? Поди сюда! / Постой.

³¹⁻³² в серединку положи записку / а в середку на бумажке

³³ После: да и подкинь ему — когда он пойдет. Они все по Москве денег ищут, вот ему и находка. Только ты сверни.

С. 36

⁹⁻¹² Водила с ужасом вокруг... ~ И на невинном сим твореньи... /

Водила с ужасом вокруг... И на невинном сим твореньи...

Важная особа. Довольно!

²² Ремарки: Оброшенов уходит. — нет.

²² После: Шилохвостов убегает вперед — бросает конверт

²⁵ Оброшенов вбегает / Оброшенов возвращается

С. 37—38

¹¹⁻⁶ Анна Павловна сидит за работой ~ (Целуется с обеими и уходит.) /

Входит У<лита> П<рохоровна>. <нрзб.>.

[Явл. IX.

У<лита> П<рохоровна>. Батюшки, с духом <?> собраться не могу.

Оброш<енов>. Что ты, сестрица.

У<лита> П<рохоровна>. Да вот балбес-то! Иду я мимо Недоносков. Вдруг наверху кто-то во все горло крикнул, я ажно присела, да взглянула наверх-то, а оттуда мне кулек на голову, так ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась из кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса да Гольцов ваш пьяный хохочут.

Оброш<енов>. Сестра, может не он?

У<лита> П<рохоровна>. Ну да уж верно! Верно. Разве <3 нрзб.> буду говорить.

А <нна> П <авловна>. <4 нрзб.>

У <лита> П <рохоровна>. Батюшки, дайте хоть водицы.

А <нна> П <авловна>. Пойдемте в комнату.

Оброш <енов>. Саша пьяный <нрзб.>]¹

С. 37

^{11–12} *Слов: Улита Прохоровна сидит подле неё и — нет.*

²⁰ Гольцов с ними. / Александр Петрович с ними.

²⁹ к вам-то только повидаться / к брату только повидаться

³³ *После:* с честью принимают — потому что в княжеских и графских домах живала.

³⁵ сам-то старик / сам-то он

С. 38

² *Слов:* Тут у меня — нет.

¹⁵ стану ждать / могу ждать

²² думать-то забыла / думать-то позабыла

С. 39

^{1–2} *Фразы:* Тебя никто и не принуждает идти за него. — нет.

² выйти за кого угодно / выйти за другого

^{32–33} *Слов:* Если он сегодня не придёт — нет.

С. 39—40

^{37–1} *Слов:* кажется, и сердиться бы на него перестала — нет.

С. 40

⁶ *После:* Неужели я завидую ей! Сестре-то! — Сохрани, Господи!

⁷ чужое счастье / счастье

^{8–9} *Слов:* Теперь остаётся только мне всех любить, а — нет.

⁹ *После:* никто не полюбит. — Никто. Вот мне есть кого любить.

^{9–10} Отец скоро совсем состарится, у сестры будут дети / Старый отец, сестра, зять, у них дети будут.

¹⁷ Мы уж и забыли. / Я не хочу вспоминать об этом.

¹⁹ шли из городу / вышли из присутствия

²⁹ *После:* Плохие шутки! — Анна Павловна

^{31–32} Но, послушайте, вы / Но всё-таки

С. 41

¹² *После:* Ах, боже мой! — Вот что может случиться с человеком.

^{12–13} Желал ли я когда обидеть Веру Павловну! А вот что вышло! / Не думал я никогда обидеть Веру Павловну, а вот обидел. Как за себя поручиться.

С. 42

² *После:* Гольцов и Верочка — (молча садится).

³ *После:* Простите меня — [Вы меня извините]

⁴ *После:* Я не могу вас — [извинить]

¹ Текст вписан на отдельном непрономерованном листе.

- ⁷ *Перед*: Только потому-с? — [А как вы сами?]
- ⁸ Разумеется. Я бы и не вышла к вам ни за что на свете. / Потому ли, по-другому ли, что вам за дело? Я вас простила, конечно.
- ⁹ В этом радости для меня не много-с. / Если вы только исполняете папашино приказание, что мне в этом толку. Для меня дорого ваше слово.
- ⁹ Я бы желал знать / Я хочу знать
- ¹² *Перед*: *хочет взять руку* — *подходит и*
- ¹⁹ *Фразы*: Вот новости! — *нет*.
- ²⁰ Да помилуйте, как же это можно-с, когда вы... / (*игриво*). А как же-с...
- ²¹ Что я? / Что как же-с?
- ²² Да как же, вы изволили обещать-с... / Вы вчера были согласны.
- ^{23—24} *Текста*: В е р о ч к а. Что такое? ~добры-с... — *нет*.
- ²⁷ Да и Павел Прохорыч говорит-с... / Да и Павел Прохорыч
- ³⁰ *Перед*: мне нельзя никакой — [мне нельзя и надеяться]
- ^{32—33} Делать мне здесь нечего-с. / После этого мне здесь нечего делать.
- С. 43
- ^{1—2} Засвидетельствуйте моё почтение Павлу Прохоровичу. (*Идёт к двери.*) / (*Хочет идти.*)
- В е р о ч к а. Куда вы?
- Г о л ь ц о в. Домой-с. Засвидетельствуйте мое почтение Павлу Прохоровичу. (*Идет к двери.*)
- ⁷ *Перед*: Ведь уж как ни сердитесь — [Чего ж уж хуже!]
- ^{7—8} хуже этого для меня не будет-с / хуже этого не будет-с
- ²⁶ тогда помирюсь / тогда прошу
- С. 44
- ³² Не денег ли несёт! / Не принесет ли он мне какой радости.
- С. 45
- ¹⁴ Достали, что ли? / Достали, что ли, денег-с. [Одним словом можете оживить меня, П<авел> П<рохорыч>]
- ¹⁸ *Слов*: Ах ты, Саша, Саша! — *нет*.
- С. 46
- ³ *Входит Оброшенов*. / *Входит Оброшенов в вицмундире*.
- ⁶ Ну-ка, посмотрите! / На-ко, смотрите.
- ⁸ *Слов*: на имя неизвестного. — *нет*.
- ^{10—11} *вынимает из конверта газеты* / *вынимает из конверта бумаги*
- ²⁷ Вспомнил, вспомнил! / Вспомнил.
- ²⁹ Побежим, Саша! / Побежим (*берёт Сашу за руку*).
- ^{35—36} *Слов*: Этак не шутят. ~ не бывает! — *нет*.
- С. 46—47
- ^{36—1} Тут ничего и не написано! Шестьдесят ведь тысяч! / Да нет, все вы лжете.

С. 47

²³ *Комната третьего действия. / Декорация третьего действия.*

С. 48

^{8—11} Там теперь не то что посторонним ~ ему одному жить. / Там теперь не то что посторонним, и своим-то от старика житья нет. Сыновей всех из дому выгнал, дом хочет заново отделывать, чтоб одному жить.

¹³ *Перед:* Говорят, жениться хочет. — Кто его знает!

²⁹ *Фразы:* Его мыслей никто не знает. — *нет.*

С. 49

^{6—7} крапивное-то семя вчера не приходил? / крапивное-то семя не пришел ко мне.

⁸ Папенька нездоров. / Он нездоров.

¹⁸ (*печально*). Нет. / Где ж ему найти!

²⁷ *Перед:* Они будут совсем обеспечены — [Незачем нам занимать.]

С. 50

^{12—13} *Гладит по голове Анну Павловну. / Гладит по голове.*

²⁰ занимать будет / будет занимать у кого-нибудь

²⁷ Ничуть не каприз. / Совсем не каприз.

С. 51

⁸ *После:* расписки не беру. — Видишь, я какой.

^{9—11} Вы меня так одолжили ~ Вы будьте уверены / Покорно вас благодарю. Филимон Протасьич, вы меня так одолжили, что я и не знаю, как благодарить вас! Сколько добра я сделаю, сколько <нрзб.> этими деньгами. Будьте уверены

С. 52

^{11—12} Можно ли переносить / Этого переносить нельзя

²⁷ *После:* денег-то приготовлена? — Я давал, не отказывал; да было бы за что давать-то.

С. 53

⁵ Какой тут страм! / Какой тебе страм!

⁹ А если про нас будут говорить, значит / Вы боитесь, что про вас заговорят, а как про вас заговорят, стало быть

^{9—10} вам до этого дела / вам до этого нужды

²⁷ Молчи! Задушу! / [Говорят тебе, что мне честь дороже твоей!]

С. 54

⁸ *в изнеможении садится / в изнеможении опускается*

¹⁹ *После:* у меня уж давно стыда нет. — Я где шутком прикинусь, а где и вслед <2 нрзб.> что-нибудь.

^{19—20} *Фразы:* Я бы теперь украл для вас и не постыдился бы. — *нет.*

³⁶ ругаются над детьми твоими — ругаются над тобой

С. 55

⁷ Как в глаза позорить-то станет! / Как позорить-то станет!

¹⁰ *молодец от Хрюкова / приказчик Хрюкова*

¹⁵ Это, выходит, я не знаю / Это я не знаю

¹⁷ *После:* Надо идти. — Ведь ждет, нечего делать.

С. 56

² *Перед:* подожди меня, поболтай! — посиди

⁷⁻⁸ Ты уж и не видишь меня. / Что ты, что ты скучный?

⁹ Здравствуй, Верочка! Извини! Что же, Анна Павловна? / Здравствуй, Верочка!

¹⁰ *Перед:* триста рублей — для вас

¹³⁻¹⁸ А вы бы послушали ~ и сделала. / Нет, вы бы послушали, с каким гнусным предложением мне их давали!

Г <ольцов>. Неужели-с? Ну разумеется, в таких случаях надо было их в лицо бросить.

А <нна> П <авловна>. Я так и сделала.

Гольцов. Кто же это?

А <нна> П <авловна>. Старик Хрюков.

Г <ольцов>. Вы бы ему в лицо их бросили!

³¹ *Перед:* За дело его папенька прогнал. — Я б его так обругала, так обругала.

³⁴⁻³⁵ Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился. / Знаете ли, как получил то письмо, так первое дело было, что я за бритву ухватился.

С. 57

¹ Только она-с, а то бы / [Только она и спасла меня.] Не вспомни я об ней

² Что вы! Страшно слушать. / Страшно слушать.

⁴ да судить будут, как вора! / будут судить, сошлют как вора.

⁷ Ты сама знаешь, что / Ах, Верочка, нечего от тебя скрывать

⁹ Он с нами останется? / Он с нами будет?

¹⁰ *После:* (закрывая лицо руками). — С тобою, Верочка! Нет, что тебя обманывать

¹¹ *Слов:* В е р о ч к а (кидается ему на шею). Саша! Саша! — нет.

¹⁷⁻¹⁹ Вы! Становитесь! ~ становиться на колени.) / Вы оба становитесь перед ней на колена! И я стану. (Хочет.)

²⁸ Злодей твой ~ просить будет! / Злодей твой не станет того просить, чего я прошу.

³⁰ Будь твёрже, Аннушка, будь твёрже! / Ничего, будь тверже, будь тверже!

³¹ двадцать тысяч / десять тысяч

С. 58

¹⁰⁻¹³ Я, говорит, уж давно жениться задумал ~ я шутил с ней. / Я, говорит, уж давно хотел жениться за непочтение детей. Я, говорит, уже много

невест смотрел, да всё не по сердцу; а твоя пришла по сердцу. А это, говорит, я шутил, шутил; ты у нее за меня и прощенья попроси.

¹⁸ *Перед*: Перестанут, милые мои — [Да, это верно.]

*Варианты театральной писарской копии МТ (ТПК₁),
театральной писарской копии ГТБ (ТПК₂)*

С. 9

⁶ утешаются на своих чадов / утешаются на своих детей (ТПК₂)

^{11—13} *Фразы*: Я сорок лет здесь ~ ум всё тот же. — *нет.* (ТПК₂)

¹⁹ Ты, говорят ~ беспокойный сосед / Ты беспокойный сосед (ТПК₂)

²¹ потому что ссориться с ними нельзя / потому что с ними ссориться
нельзя (ТПК₂)

³⁰ Да, папенька, без унижения. / Да, папенька, унижения. (ТПК₂)

С. 11

^{1—2} Пускай смеются, коли ~ как птица / Пускай смеются, а я, как птица
(ТПК₂)

³³ купить поторопился / купить не торопился (ТПК₂)

³⁷ Я понимаю, на что ему нужно деньги. / Я понимаю, на что ему день-
ги. (ТПК₁₋₂)

С. 12

²³ *Фразы*: Стыдитесь! — *нет.* (ТПК₂)

С. 18

¹ Мне ведь не родить / Мне ведь не к спеху (ТПК₁); Мне ведь [не к спе-
ху] не родить (ТПК₂)

^{27—28} *Фразы*: Парнишко из себя ~ досыта и ест-то. — *нет.* (ТПК₂)

С. 20

⁴ Я думал, уж не ты ль хочешь / Я думал, не ты ль хочешь (ТПК₂)

²⁰ жениху не дам, а тебе дам / жениху не дам, тебе дам (ТПК₁₋₂)

^{33—34} вот кабы Павел Прохоров / вот кабы Павел Прохорович (ТПК₁₋₂)

С. 21

⁸ прибежишь, как угорелый / прибежишь угорелый (ТПК₂)

С. 24

¹² Павел Прохорыч, дайте денег / Павел Прохорович, дайте денег (ТПК₂)

С. 29

²⁹ насильно заставили, в рот влили / насильно в рот влили (ТПК₂)

^{31—32} таким же манером заставили выпить / таким же образом заставили
выпить (ТПК₂)

С. 30

^{1—2} тебя обманывает ~ много награблено / тебя обманывает, денег много
(ТПК₂)

- С. 31
^{24–26} *Фразы:* Только вот что, Саша, обидно ~ беды не было. — *нет.* (ТПК₂)
- С. 33
¹ *Фразы:* Диви б маленькие. — *нет.* (ТПК₂)
- С. 34
²⁹ она теперича в Астрахань / она теперь в Астрахань (ТПК_{1–2})
- С. 35
²¹ *Фразы:* Коли есть дело, так глупости не пойдут на ум. — *нет.* (ТПК₂)
^{22–23} *Фразы:* Ведь этак они ~ человека погубить. — *нет.* (ТПК₂)
³³ *После:* да и подкинь ему — когда он пойдет. Они все по Москве денег ищут, так вот ему и находка. Только ты скорее. (ТПК_{1–2})
- С. 37
¹⁷ ажно присела. Взглянула это я наверх-то / у окна присела. Взглянула это наверх-то (ТПК₂)
- С. 45
^{18–19} *Слов:* О б р о ш е н о в. Ещё бы! Я-то не достану! ~ не я! — *нет.* (ТПК₂)
²⁵ Разве ты не видишь, папенька / Разве ты не видишь, что папенька (ТПК_{1–2})
- С. 46
^{16–17} Они там... в сертуке... в кармане-то / Они там... в кармане-то (ТПК₂)
¹⁸ А то где же им быть-то, ну где же им быть-то? / А то где же им быть-то? (ТПК₂)
- С. 49
^{25–26} тут ему денег подавай / теперь ему денег подавай (ТПК₂)
²⁶ занимать у того и у другого / занимать у того да у другого (ТПК_{1–2})
- С. 53
⁹ А если про нас будут говорить / А если про нас будут дурно говорить (ТПК_{1–2})
- С. 55
^{15–16} приказывали, чтоб сейчас / приказывали, чтоб сей час (ТПК₂)
²⁷ Денег не достали-с? / Денег достали-с? (ТПК_{1–2})
³⁴ Этот помещик / Это помещик (ТПК₂)
- С. 56
²⁸ Как же он смел! / Как же он это смел! (ТПК_{1–2})

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Черновая редакция 6-го явления II действия¹

[<Непутевый> (дает золотой).² Прощай, хозяйка!

Евгения. Прощай, Петя! Прощай,³ мой ясный, молодец распрекрасный⁴. Вперед не забывай.

Целуются.

Непутевый. А вот тебе за ласку. (Дает золотой.) Прощайте! (Уходит.)

Бессудный. С чего он так вдруг?

Сеня. Кто ж его знает! Он у нас нравный! Прощайте! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бессудный, Евгения и Аннушка.

Бессудный. Отчего они уехали?

Аннушка. Почем я знаю. Не угодили чем-нибудь.

Евгения. Не ты ль не угодила?⁵

Аннушка.⁶ Я не в тебя, очень-то угождать не умею.⁷

Бессудный. Он тут деньги на стол сыпал?

Аннушка. Сыпал.

Бессудный. Зачем?⁸

Аннушка. Так, ломался. Высыпал да опять убрал.

Бессудный. А много ль тебе дал?

Аннушка. Мне? Ничего. За что мне?⁹ Он за ласку деньги¹⁰ платит¹¹; а от меня ему ласки не было.

Евгения. То-то ты больно разборчива. Моя ласка всем равна; особенной ласки, кроме мужа, у меня ни для кого нет; а у тебя так с выбором.

Аннушка. У меня мужа нет, стало быть некому с меня и спрашивать.

Бессудный. Ах, вы! Каких гостей-то упустили! Жди теперь его, когда он назад поедет, да еще заедет ли?]

¹ Текст написан на отдельном листе.

² Далее: на угощение.

³ Слова: Петя! Прощай — вписаны над строкой.

⁴ Слова: молодец распрекрасный — вписаны над строкой.

⁵ Реплика вписана на полях л. 5 со знаком вставки.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Перед: Аннушка. Я не в тебя — [Евгения]

⁸ Перед: Зачем? — [Так, ломался]

⁹ Далее: [Ей]

¹⁰ Далее: [дал]

¹¹ Слово вписано над строкой.

Варианты черного автографа

С. 61

^{18—19} и без просьбы мастера / и без просьбы [умеем] мастера¹

С. 62

²⁹ а корысти-то / а [барыша] корысти-то²

С. 64

⁴ Нехорошо, Пётр Мартыныч! / Нехорошо, [хозяин] Петр Мартыныч³!

⁹ Нехорошо, Пётр Мартыныч, оставьте! / Нехорошо, [хозяин] Петр Мартыныч⁴, оставьте!

³³ Из конфет, что ль / Из [сахару] конфет⁵, что ль

³⁴ Не из конфет / Не из [сахару] конфет⁶

С. 65

⁹ Да вот всё сестрица твоя / Да вот все [она] сестрица твоя

¹⁷ я всё ж таки не виновата / я [тому] все ж таки⁷ не виновата

С. 66

^{13—15} Полюбил меня барин молодой ~ какая моя жизнь! / Полюбил меня [такой человек, что] барин молодой, [богатый] красавец; кого ж я⁸ после него [мне ни на кого и глядеть-то не хочется] любить могу, кто мне мил может быть, какая моя жизнь⁹?

³³ И чтой-то такое, Ермолаич / И чтой-то такое, Мироныч

С. 67

^{2—3} только чтоб ~ характеру. / [характер же у меня веселый] только чтоб другие не судили по моему¹⁰ веселому характеру¹¹. [Только]

^{22—24} М и л о в и д о в (*показывая на Пыжикова*). ~ У нас такое заведение! / 1) [М и л о в и д о в. Подносите и ему.

Евгения и Аннушка наливают вина, подносят Пыжикову и кланяются.

Пей, целуй хозяек да клади деньги! У нас такое заведение!]

2) ◊¹²

^{32—33} Мимо ехал и заехал. / Мимо ехал [вот] и заехал.

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: Петр Мартыныч — вписаны над строкой.

⁴ Слова: Петр Мартыныч — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слова: все ж таки — вписаны над строкой.

⁸ Слова: барин молодой ~ кого ж я — вписаны над строкой.

⁹ Слова: любить могу ~ моя жизнь — вписаны над строкой.

¹⁰ Слова: только чтоб другие не судили по моему — вписаны над строкой.

¹¹ Слово вписано над строкой.

¹² Вариант вписан на л. ба об. со знаком вставки.

С. 68

⁹⁻¹⁰ *После:* Не то ты толкуешь. — [(Подойдя к Евгению.) Оставьте-ка нас на минутку. Мне с барином потолковать нужно]

²⁹ Ты вон дрянь какую-то куришь / Ты вон [папиросы] дрянь какую-то куришь

С. 69

³⁷ *После:* старая-то блажь воротится — [с дуру-то женишься]

С. 70

³ Понимаешь ты это? / 1) [Женись хоть на крестьянской девушке, так это не бесчестье, потому что ты ей даешь звание, а не она тебе. А есть и из благородного звания такие, что ты не женишься. Понял ты это!]; 2) ◊

С. 71

²⁸ *После:* Наговорили вам что-нибудь — [на меня]

С. 72

¹⁶ Дон-Жуан / [человек] Дон-Жуан

²⁶ Из средней двери показывается Непутёвый, за ним Сеня. / Из средней двери [выходят] показывается¹ Непутёвый, за ним Сеня.

С. 74

⁴ *Перед:* Пойдём! — [Ступай, я сейчас.]

С. 78

² одной-то не быть / одной-то не [оставаться] быть²

⁹ не приставай ты ко мне / не [<нрзб.> я тобой] приставай ты ко мне³

С. 80

⁵⁻⁶ Вон там возьми себе на угощение. / Вон там возьми себе один на угощение.

С. 82

⁷ дружка делить / [его] дружка⁴ делить

⁹ *После:* Какая тебе польза? — [Что прошло, того не воротишь]

¹¹⁻¹² одна сыра земля / одна [могила] сыра земля⁵

¹⁴ ноженьки подкосились / ноженьки мои⁶ подкосились

С. 83

³ *После:* чтоб он слышал — [а сам я будто не знаю, что он здесь].

С. 84

¹³ смеешь господ учить / смеешь господ⁷ учить [людей]

¹ Слово вписано над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Слова: приставай ты ко мне — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: сыра земля — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слово вписано над строкой.

С. 85

³¹ над нашей сестрой / над на[ми]шей сестрой¹

С. 87

³¹ Прилегает к Миловидову на грудь. / [Кидается ему на] Прилегает к Миловидову на грудь.

С. 88

¹⁻² Вот вы меня перед людьми в стыд ввели. / [Вам стыдно стало.] Вот вы меня перед людьми в стыд ввели.²

¹⁸⁻¹⁹ золотые дни! / [счастливые] золотые дни?

С. 89

⁴ брата проводила / брата прово[жала]дила

⁷ уж чует моё сердце / уж [это] чует мое сердце

С. 90

²² Для чего? / [Зачем?] Для чего?³

²⁹ Что ты ни толкуй, а мне её жаль. / [А жаль мне ее] Что ты ни толкуй, а мне ее жаль.⁴

³² а перед этой / а [эту] перед этой⁵

С. 91

⁸⁻⁹ а тебя-то я чем же? / а тебя-то я чем же [одурачила]?

¹⁴ за что ты меня полюбила? / за что [ж бы это] ты меня полюбила?

С. 92

⁹⁻¹⁶ Как я жива стою! ~ давеча позвал. / Как я жива [осталась] стою⁶! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура⁷, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю [еще, коли] тому,⁸ кто меня целует, [так значит] что он меня⁹ любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу Иуду встретишь, который тебя целует, а сам тут же продает ни за грош. [Любил] За что ж¹⁰ смеяться-то! Любил, ну перестал любить; за что ж ты¹¹ смеешься-то? Я не навязывалась. Ты сам меня давеча по[кликал]звал.

²⁸ на свете живу, себя мучаю?.. / 1) [себя мучаю]; 2) ◇

¹ Слово вписано над строкой.

² Фраза вписана над строкой.

³ Фраза вписана над строкой.

⁴ Фраза вписана над строкой.

⁵ Слова: перед этой — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слова: только и дура — вписаны над строкой.

⁸ Слово вписано над строкой.

⁹ Слова: что он меня — вписаны над строкой.

¹⁰ Слова: За что ж — вписаны над строкой.

¹¹ Слово вписано над строкой.

С. 93

¹ Для всех-то завтра солнце взойдёт / Для [вас] всех-то завтра¹ солнце
взойдет [завтра]

^{19—22} Чем это тебя он огрел? ~ осторожно / Чем это тебя он [по лбу-то]
огрел?^{2?}

Б е с с у д н ы й. Кто ж его знает! Ведь ты помнишь?³ Едут они ша-
гом, ямщик дремлет,⁴ и мы за ними шагом; слез я [<нрзб.>] тихо⁵,
подошел к тарантасу, слышу, храпят; стал я [потихоньку] веревки от-
вязывать осторожно⁶

С. 94

⁹ пусть возьмёт арапельник / пусть возьмет [кнут] арапельник⁷

¹⁵ *Перед:* Мне вдруг послышалось — [Что это]

С. 95

^{13—14} Полно! ~ простудилась. / [Что ты!] Полно! Ну уж и умирать!⁸ Рас-
хворалась от простуды, вот и все тут. Ведь сама же говоришь, что⁹
простудилась [должно быть].

С. 96

^{8—9} *Фразы:* Повяжи голову, намочи уксусом, вот и пройдёт! — *нет.*

¹¹ тебя спросить / [с тобой поговорить] тебя спросить¹⁰

¹³ *После:* Изволь, Аннушка, изволь — [поговорим]

С. 97

^{14—19} Только что моё сердце ~ мила стала / Только что¹¹ [было] мое серд-
це больное подживать было¹² стало, надорвал ты его давеча своими
[<нрзб.>] притворными речами да поцелуями¹³; да над моей болью-то
смеетесь с ней вместе. Ведь я здесь была, я все слышала.¹⁴ За что ж
[это такое тиранство] мне такая казнь от тебя¹⁵, скажи ты мне? Чем
я перед тобой виновата? Что я такое страшное сделала? И она-то [уж]
чем вдруг¹⁶ тебе так мила стала

¹ Слова: всех-то завтра — вписаны над строкой.

² Слово вписано над строкой.

³ Фраза вписана над строкой.

⁴ Слова: ямщик дремлет — вписаны над строкой.

⁵ Слово вписано над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слово вписано над строкой.

⁸ Фраза вписана над строкой.

⁹ Слова: Ведь сама же говоришь, что — вписаны над строкой.

¹⁰ Слова: тебя спросить — вписаны над строкой.

¹¹ Слово вписано над строкой.

¹² Слово вписано над строкой.

¹³ Слова: притворными речами да поцелуями — вписаны над строкой.

¹⁴ Фраза вписана над строкой.

¹⁵ Слова: мне такая казнь от тебя — вписаны над строкой.

¹⁶ Слово вписано над строкой.

²⁴ И ты считаешь, что я тебя обидел? / [Это дело разъяснить надо, если И¹ ты считаешь, что я тебя обидел?

^{34—35} куда бы мне тогда только нос-то свой показать? / куда бы² мне тогда только нос-то свой³ показать[ся бы никуда нельзя было, стали бы все надо мной смеяться. Каково это переносить благородному человеку]?
^{37—38} что ты с ним и теперь выдаешься / что ты с ним и [прежде] теперь⁴ выдаешься

С. 98

^{8—9} Ты что на неё смотришь / Ты что [говорит] на нее смотришь

³⁴ *Перед:* Ты никому не говори... — [Я отравилась]

С. 99

^{7—11} твоя жена обманула меня ~ отбила меня от девки. / твоя жена [обоих нас с тобой] обман[ывала]ула меня, да вот и довели девку до погибели⁵.

Бессудный. Чем же это она [нас с тобой] тебя⁶ обман[ывала]ула?

Милovidов. А тем, что наплела мне на нее [разного вздору], что у нее любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки⁷.

²³ *После:* Ох, барин! — [Уходи]

С. 100

⁴ Кабы только ей помочь, ничего не пожалею. / Кабы [можно было] только⁸ ей помочь, [я бы] ничего я⁹ не пожалею.

^{14—15} Зачем ты мне налгала на неё? / Зачем [же] ты мне¹⁰ налгала на нее?

С. 101

¹ Да ты врешь, разбойник! / [Правду ты говоришь] Да ты врешь, разбойник!¹¹

⁸ Уж я её от вас / Уж я ее теперь от вас¹²

¹¹ Ты, стало быть, жениться хочешь? / [И женишься?] Ты, стало быть, жениться хочешь?

¹² Моё дело. — [И женюсь.] Мое дело.¹³

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: куда бы — вписаны над строкой.

³ Слова: тогда только нос-то свой — вписаны над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Слова: меня, да вот и довели девку до погибели — вписаны над строкой.

⁶ Слово вписано над строкой.

⁷ Слова: что у нее любовник есть, да разного вздору, отбила меня от девки — вписаны над строкой.

⁸ Слово вписано над строкой.

⁹ Слово вписано над строкой.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

¹¹ Фраза вписана над строкой.

¹² Слова: от вас — вписаны над строкой.

¹³ Фраза вписана над строкой.

Варианты цензурной писарской копии

Лица

Миловидов, Павлин Ипполитович, 30 лет.

Бессудный, Вукол Ермолаев, старик 60 лет.

Евгения Мироновна, жена его, 30 лет.

Аннушка, сестра его, девушка 22 лет.

Пыжиков, из мелкопоместных.

Непутевый, Петр Мартыныч, купеческий сын.

Гришка, человек Миловидова.

С. 60

^{20—26} *Текста: направо в углу печь с лежанкой ~ круглый стол. — нет.*

С. 66

³³ И чтой-то такое, Ермолаич / И чтой-то такое, Мироныч

С. 68

^{1—2} *Слов: я скоро поеду — нет.*

^{29—31} Этак всякий бы... ~ да трубку... / Этак всякий! Ты вон дрянь какую-то куришь, сигарки дешевые. Уж коли ты мужчина, так кури трубку...

С. 68—69

^{35—21} *(Подходит к Пыжикову ~ а не я по её. / Ты слушай, слушай! Вот как я ее любил: ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал. На коленях стоял перед нею.*

С. 70

^{27—28} *Фразы: Вот я её домой увезу. — нет.*

С. 73

^{16—17} *(сверкнув глазами). ~ так дела делались! / Это вы напрасно. В старину, говорят, по этой дороге!*

С. 75

^{22—23} *Текста: Р а з з о р ё н н ы й. Какая чинка! ~ говорю я! — нет.*

С. 79

²⁹ *Ремарки: Р а з з о р ё н н ы й уходит. — нет.*

С. 82

¹⁸ *Фразы: Много я их знала, увёрток-то, да все вылетели. — нет.*

^{21—22} Помяни, Господи, царя Давида ~ Укроти сердце раба Вукола! / Укроти, Господи, сердце раба Вукола!

^{29—30} *Слов: всё, злодейка, рассказала — нет.*

С. 91

^{35—36} Молодец ты, баба! Вот это мне на руку; этаких я люблю. / Молодец, баба! Вот таких я люблю.

С. 92

⁷ *Уходят в комнату. Аннушка выходит. / Уходят.*

⁹ *Ремарки: (одна) — нет.*

^{17—18} *Слов: Вот это обида! Ох! Не снесёт сердце! — нет.*

^{31—33} я не чувствую; я помеха только. ~ куда ушли Миловидов и Евгения.) / я не чувствую ничего! Ну что ж, ну пусть живут без помехи... Где-то у братца было спрятано... Там в шкапу, кажется!

С. 96

³³ Ну да хорошо, хорошо / Ну да хорошо

С. 97

^{1—8} *(Плачет.)* Я тебя любила ~ тебе так мила стала / Вот что ты мне скажи теперь, чем она тебе так мила стала, и чем я тебе так опротивела? За что ж мне такая казнь от тебя? Что я такое сделала, и она-то чем тебе вдруг мила стала

С. 98

^{18—19} Она мне всё вот это ~ я и оглобли назад от тебя. / Она мне вот это и рассказала.

С. 99

¹⁶ Догадаться-то я уж / Догадаться я

¹⁸ Что — эх, барин! / Что — эх!

С. 100

¹⁷ *Слов: всё неправда — нет.*

С. 101

³⁰ Кабы ты не женился / Как бы ты не женился

³² Слов: как ни в чём не бывал — нет.

С. 102

⁸ *Фразы: Ты поглядывай. — нет.*

^{11—14} Заеду. ~ бережно в коляску. / Только я, брат, без гостинца не езжу. Берите барыню да несите бережнее в коляску.

ПУЧИНА

Варианты чернового автографа

С. 104

³ молодой человек, 22 лет / [не кончивший курс, 22 <лет>]

⁴ АНТОН АНТОНЫЧ ПОГУЛЯЕВ / Антон Антонович Гуляев

⁶ ДАРЬЯ ИВАНОВНА, жена его. / Дарья Ивановна [Фирсова].

⁷ ГЛАФИРА ПУДОВНА, их дочь, 18 лет. / Глафира [<нрзб.>], ее дочь.

¹² Около 30 лет назад. / 30 лет назад.

С. 105

¹⁻² один отвечать будешь! / 1) [с тебя спросится]; 2) ◊

¹⁴⁻²⁶ А как хорош был сегодня ~ правда. /

[1 <студент>. Как я люблю театр! Это для меня самое высшее наслаждение. Ни одно искусство не имеет такой силы, не имеет таких могущественных средств, как сценическое. Оно совершенно охватывает вашу душу и наполняет ее самовластно самыми разнообразными впечатлениями. В театре вы отдаляетесь от земли <?>, освобождаетесь от суеты житейской.

Галош. Да, это правда, совершенная правда.

Альб. А ведь скучна наша жизнь и пошла, и грязная большей частью: как же нам не ценить театр, когда он заставляет нас забывать нашу пошлость.

Погуляев. А как хорош был сегодня Мочалов. Только жаль, что пьеса плоха.

Альб. Да, у него были места удивительные, в некоторых монологах он был гигантски велик.

1 <студент>. Сухая пьеса. Голая мораль.

2 <студент>. Все эффекты, все ужасы нарочно прибраны, как на подбор.¹ Вот, мол, если ты возьмешь карты в руки, так убьешь своего отца, потом сделаешься разбойником, да мало этого, убьешь своего сына.

Все (смех). Ха, ха... Да, это правда.

Альб. Порок, пагубные страсти, даже слабости имеют вид привлекательный. Юноша, которого запугали чудовищными представлениями порока и страстей <нрзб.> не узнает. Это так хорошо, приятно, весело, что, думает он, порок мне представляли ужасным. Нет, уж если кто хочет быть моралистом, так лучше рисовать порок со всею его чарующею прелестью. Не бойтесь, такие изображения не обольстят никого, если в пьесе будет правда и вещи будут называться своим именем. А лучше всего писать жизнь, как есть; такие произведения

¹ Далее: [Автор как будто хочет запугать. Мораль этой пьесы не нова.]

заменяют нам опыт многих лет и, поверьте, они гораздо полезнее нравочений и доставляют больше эстетического удовольствия. Прощайте, господа!]

^{32—33} Какой ты розовый, весёлый! Я тебя два года не видал. / 1) Какой ты розовый, веселый! 2) ◊

³⁴ Погуляев. Ты не кончил курса? /
1) Студент. Ты не кончил курса?
2) ◊

C. 106

⁵ 1-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

¹⁰ тебя и узнать трудно / 1) [я тебя не узнал]; 2) ◊

¹¹ Что же, я лучше стал или хуже? / Переменился я, конечно, к лучшему?

^{14—15} я вам всё расскажу / 1) я тебе все расскажу; 2) ◊

¹⁵ Отец у меня был строгий, капризный старик / 1) Отец у меня был; 2) ◊

²⁴ 2-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

²⁷ 1-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

³⁴ 2-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

C. 107

³ 1-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

⁸ 2-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

¹¹ шесть тысяч / 1) [десять] тысяч; 2) ◊

¹² 1-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

¹⁹ 2-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

²⁹ 1-й студент. / 1) Погуляев. 2) ◊

^{32—33} Слов: 2-й студент. Патриархальность-то ~ цивилизации. — нет.

C. 107—108

^{36—2} Я еду в Петербург ~ счастья! / 1) Я еду в Петербург. Я нашёл частную должность да займусь журнальной работой; коли гожусь на это дело, так ладно, а то другой работы поищу; 2) ◊

C. 108

^{12—13} *Входят Боровцов, Боровцова ~ с золотым набалдашником, и Турунтаев. / 1) Входят Боровцов, Боровцова, Глафира, Переярко и Турунтаев. 2) ◊*

C. 109

² Ион / [Дармидон]

^{23—24} вопят разными голосами ~ на корабле / 1) вопят разными голосами, и нет такой души на корабле; 2) ◊

C. 110

¹¹ я про то-то и спрашиваю / я про то и спрашиваю

- ^{17—18} Через полгода офицер, дворянин, значит; вы грамотей / 1) Через полгода офицер, вы грамотей; 2) ◊
- ^{29—30} Ведь методы воспитания разные. Нас, бывало, всё по субботам. / 1) Нас, бывало, всё по субботам; 2) ◊
- С. 111
- ³³ Кирилой / 1) [Петром]; 2) ◊
- С. 112
- ^{8—11} Ты только побывай раз ~ и лучше этого. / 1) Ты только побывай раз, потом сам проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этих тихих, семейных удовольствий ничего быть не может; 2) ◊
- С. 114
- ¹⁶ *Глафира, Кисельников и дочь. / Кисельников, Глафира и дочь.*
- С. 116
- ⁸ шесть тысяч / 1) [десять] тысяч; 2) ◊
- ^{32—33} Ты помни, что я в тысячу раз / 1) Я в тысячу раз; 2) ◊
- С. 117
- ^{7—8} ты этого не хочешь чувствовать, точно как я обязана / 1) ты этого не хочешь чувствовать; 2) ◊
- С. 119
- ^{11—13} Пушай зовут! ~ Что удалось схватить / 1) Пушай зовут! Что удалось схватить; 2) ◊
- ³⁵ Я не глупей тебя, я, может быть, не один раз видал таких-то людей / 1) Я не глупей тебя, я видал таких-то; 2) ◊
- С. 119—120
- ^{38—1} Те люди почитай что святые. А то вот ещё масоны есть. Ты уж живи хоть так, как все мы, грешные. / 1) Те люди почитай что святые. Ты уж живи хоть так; 2) ◊
- С. 121
- ^{22—23} Вот тебе и задача. По закону ты виноват! / 1) По закону ты виноват! Вот тебе и задача; 2) ◊
- С. 122
- ^{34—35} А ты при людях-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьяшка! / 1) Здравствуйте, сватьяшка; 2) ◊
- С. 123
- ^{7—8} Кирюша, тебя какой-то человек спрашивает. Знаю, что товарищ твой, и видала его, а как звать, забыла. / 1) Кирюша, тебя какой-то человек спрашивает; 2) ◊
- С. 124
- ^{22—23} Ты потише. Тысячи две прожил сначала-то, а остальные у тестя. / 1) Ты потише; 2) ◊

^{26—27} Да не то чтобы он совсем, а всё как-то, знаешь, туго, с большим трудом. Вот и дом наш он тоже в залоги представил. / 1) Да не то чтобы он совсем, а всё как-то, знаешь, туго, с большим трудом; 2) ◊

С. 125

^{31—32} для складу вещей ~ пить-есть ходишь. / 1) для складу вещей, ты по должникам пить-есть ходишь; 2) ◊

С. 126

^{2—8} в газетах опубликовано. ~ Папенька, господа / 1) в газетах опубликовано.

Кисельников. Папенька, господа

2) ◊

³ Процентщик! Кашей! Иуда! / 1) Кашей! Иуда! 2) ◊

С. 127

^{4—5} А всё-таки, когда человек крутом в недостатках / 1) А всё-таки, когда человек в недостатках; 2) ◊

¹⁵ Вот друг-то, так уж друг! / 1) Вот друг-то, так друг! 2) ◊

^{26—27} *Бедная комната: крашенный стол и несколько стульев; на столе сальная свеча и кипа бумаг. Между 2-й и 3-й сценой 5 лет. / Бедная комната. Между 2-й и 3-й сценой 5 лет.*

С. 128

^{19—20} Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сделку сделать. / Ничего не бывало, ему хочется сделку сделать.

^{35—36} Ей уж тринадцатый год, стыдиться начинает лохмотьев-то. Вот что нужно-то. / 1) Вот что нужно-то; 2) ◊

С. 129

⁸ Ну, где тебе! Ты лучше попроси хорошенько. / 1) Ты лучше попроси хорошенько; 2) ◊

^{17—18} Береби его хорошенько! Я уйду. / 1) Я уйду; 2) ◊

²¹ *бедно одетый / [дурно] бедно одетый*

С. 130

¹ Что ж, брат, делать-то? / 1) Что ж делать-то? 2) ◊

²³ Папенька, отец-благодетель! / Отец-благодетель!

^{32—34} На нужду, коли уж тебе невмочь, да забежишь ты ко мне — ну, когда откажу, а когда и не откажу совсем-то / На нужду, а когда и не откажу совсем-то.

С. 131

^{5—6} Что ж ты не плачешь! Твоё теперь дело такое, сиротское. / Что ж ты не плачешь!

⁸ заплачу. *(Со слезами.)* / заплачу. *[(С притворными слезами.)]*

^{20—21} «Признаю его невинно-упавшим и иск свой по расписке / 1) «Иск свой по расписке; 2) ◊

^{31—32} теперь только вашим словам поверить / вашим словам поверить

С. 132

¹⁷ *Слов:* много денег — нет.

^{23—24} Если ты просишь теперича / 1) Если ты просишь; 2) ◇

С. 133

^{7—8} Много ты тестю помог, много. Путал его этот долг, ты ему руки развязал. / 1) Много ты тестю помог, много; 2) ◇

^{16—19} Пришли грабители ~ отдал последнюю вашу пищу. / 1) Пришли грабители, отняли последний кусок хлеба; 2) ◇

С. 134

^{3—4} Да, маменька, пришли, ограбили, насмеялись и ушли. Ах, маменька, как мне трудно стало, грудь схватило! / 1) Как мне трудно стало, грудь схватило! 2) ◇

^{12—15} Когда отдыхать-то! ~ со мной! / 1) Дело-то не терпит! Уж вы посидите со мной! 2) ◇

^{25—26} При всей нашей бедности / 1) При нашей бедности; 2) ◇

С. 136

^{17—18} Да, ваши у меня бывают, забегают частенько и, кажется / 1) Да, ваши у меня бывают и, кажется; 2) ◇

С. 137

¹⁰ три-четыре / 1) [четыре]; 2) ◇

³⁴ Видно, в первый раз. Ну, теперь бери перо. / 1) Ну, теперь бери перо; 2) ◇

С. 138

⁹ Ох вы, горечь! Я и не таких / 1) Я и не таких; 2) ◇

^{9—10} Любо с вами дело делать. Вашему брату ничего заветного нет, всё продаст! Ведь ты / 1) Ведь ты; 2) ◇

³³ руку подаёт: «здравствуйте», говорит; на рынок ходишь / 1) руку подает, на рынок ходишь; 2) ◇

С. 139

^{32—35} Да что ты? ~ Кирюша! / 1) Да что ты? Бог с тобой! Кирюша; 2) ◇

С. 140

¹⁸ одним годом моложе / одним годом [старше] моложе

²² я нынче на площадь торговать-то / 1) я нынче торговать-то; 2) ◇

С. 141

⁴ рукодельница / 1) [золото]; 2) ◇

^{27—28} Да уж очень ~ не помнит. / 1) А ему где вспомнить! 2) ◇

С. 142

^{1—3} Прощай, сватья! ~ верней будет. / 1) Прощай, сватья! 2) ◇

⁹ так семью кормить стала, с утра до ночи / 1) так с утра до ночи; 2) ◇

²² Нет, он, кажется, добрый. Что я за несчастная такая! / 1) Нет, он добрый; 2) ◇

^{29—31} Кто захочет впутываться в историю ~ нынче / 1) Вот нынче; 2) ◇

С. 143

²⁻³ и даже захворать с испугу / 1) захворать с испугу; 2) ◇

⁶ вы её вперёд одну не пускайте! / 1) вы её одну не пускайте! 2) ◇

¹⁶ Мне кажется, что я вас где-то видал / 1) Я вас где-то видал; 2) ◇

²¹ позвольте узнать / [я бы просил] позвольте узнать

³⁷⁻³⁸ Семья, батюшко ~ не далась / 1) Служба ему не далась; 2) ◇

С. 144

⁷⁻⁸ так и помешался в рассудке со страху / 1) так и помешался в рассудке; 2) ◇

¹²⁻¹³ жену-покойницу / 1) жену; 2) ◇

³⁸ больше вашей ценится / 1) больше ценится; 2) ◇

С. 145

¹⁹⁻²⁰ перестаньте! Ах, боже мой! Потолкуем / 1) перестаньте! Потолкуем; 2) ◇

²¹ Легко вам говорить: «без слёз»! Да и что толковать! / 1) Да и что толковать! 2) ◇

²⁵⁻³² погодите. ~ В память / 1) погодите, в память; 2) ◇

³⁵⁻³⁶ Если счастья у вас нет, так деньги есть ~ благодарим / 1) Покорно благодарим; 2) ◇

С. 146

³⁻⁴ Вам тяжело ~ ступайте! / 1) Ну, ступайте! 2) ◇

¹² нам весь век не прожить / 1) [мне не прожить]; 2) ◇

С. 147

⁵ *Входит торопливо Кисельников.* / 1) *Входит Кисельников;* 2) ◇

⁸⁻¹¹ Конура, конура... ~ говорит-то? / 1) Вот я пришел; 2) ◇

²¹ Там... барин, такой... / 1) Там... такой... 2) ◇

С. 148

¹³⁻¹⁸ Погодите ~ Подумайте, бабушка. / 1) Подумайте, бабушка; 2) ◇

С. 149

⁴⁻⁵ Ох, не знаю я! Ты у нас хозяйка, ты у нас большая. Думай сама об себе / 1) Ох, не знаю я! Думай сама об себе; 2) ◇

¹² Кто же мне теперь поможет! / Кто же мне поможет!

¹⁸ Ах, как вы вовремя! Мне нужно совета спросить, а не у кого. / 1) Мне нужно совета спросить, а не у кого; 2) ◇

³¹⁻³³ Ах ты, несчастный! ~ Так вы / 1) Так вы; 2) ◇

С. 150

⁸⁻⁹ (*Берёт её руку.*) Вот так! / 1) Вот так! 2) ◇

С. 151

¹⁷⁻¹⁸ Слава богу, очнулся! ~ правда. / 1) Правда, Кирюша, правда; 2) ◇

²⁵ авось на твою долю, Лиза, счастье выпадет / 1) авось на твою долю выпадет; 2) ◇

С. 152

¹ Квартира будет хорошая / Квартира хорошая

^{13—14} Мы всё продали: себя, совесть, я было дочь продал... / 1) Мы все продали: себя, совесть; 2) ◇

¹⁶ Нет! Ты нам только / 1) Нам только; 2) ◇

¹⁹ После: Папенька, не оставляйте нас. —

1) К и с е л ь н и к о в. Нет.

2) ◇

^{21—22} береги их; Бог тебя не оставит / Бог тебя не оставит

Варианты театральной писарской копии (ГТБ)

С. 128

^{29—36} Текст: «Во-первых, за квартиру ~ нужно-то. — зачёркнут.

С. 133

^{19—21} Слова: Мне бы самому людей ~ маменька! — зачёркнуты.

С. 134

^{21—23} Слова: мещанин ~ сроком...» — зачёркнуты.

С. 135

^{3—5} Слова: Никакая мать ~ нужду... — зачёркнуты.

С. 142

^{7—8} Слова: Народ ~ что — зачёркнуты.

^{9—10} Слова: с утра ~ молимся. — зачёркнуты.

С. 143

^{13—14} Фраза: Только ~ останется. — зачёркнута.

С. 143—144

^{38—6} Текст: Служба ему ~ на деньги-то, да — зачёркнут.

С. 144

^{11—17} Текст: Прежде у него ~ детям». — зачёркнут.

С. 148

^{33—37} Текст: Что мать ~ ответчицы. — зачёркнут.

Варианты театральной писарской копии (МТ)

С. 105

³² Какой ты розовый, весёлый! / Какой ты [розовый], веселый!

С. 106

⁵ 1 - й студент. Какой вечер /

[1 - й студент.] К и с е л ь н и к о в. Какой вечер

⁶ Слов: Удивительный вечер! — нет.

С. 109

¹⁹ *ваша пешая служба / наша пешая служба*

С. 121—122

^{2—20} *Текст: Да, ну вот расскажи ~ Ну, да это — зачёркнут.*

С. 127

^{15—18} *Текст: Что тут делать-то, кабы не он! ~ осрамился. — зачёркнут.*

С. 135

^{30—32} *Ремарка: Анна Устиновна уходит. ~ Входит Неизвестный. — зачёркнута.*

С. 152

²⁴ *Слова: Вы живите с Богом, как люди живут, а мы — зачёркнуты.*

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Первоначальное название и черновые заметки

[ЖЕНСКОЕ] ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

1. Ночь. Сад. — (Шкатулка). 2. [Комната Игнатъя.] Трактир. Столона-
чальник. <2 нрзб.> герой. — Студент.

Комната Игнатъя. Мать. Дядя начальник. — Простите я забыла.
Я вспомнил отца. (*Целует руку.*)

III. Свадьба.

Шагает через дядю.

У ханжи.

[Я вас люблю давно. Если вы любили человека, кот<орый> вас не стоит,
то как вы меня полубите. Я не люблю холодных — соблюд. долг прост<о>
у кого лед в крови.]

Ну теперь одно дело конч<ено>. Остаются сердечные дела.

Взбранной Воеводе... Победительн<ая>

Но яко... восприидет ти

Как бабы белье полощут.

Секретная записка о вреде всяких реформ вообще (Вельможа). Универ-
ситет. Брат веселый человек.

Новое название и черновые наброски

ДНЕВНИК,

или

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Комедия в IV[I] действиях

Сцена с братом — с матерью — городской. — Сцена матери с дядей¹.

1. Дома. — 2. У ханжи. — 3. Либерал у дяди. — Я бы в военную, да здо-
ровье не позволяет. — 4. У Закрев<ского>. — 5. Дома. [— 6] Дневник.

О письме. О брате двоюродн<ом>. М<ать>. О надежд<е> —? С<ын>.
Рассказ о дяде. Ну что ж. Д<ядя>. С<ын>. Рассказ о тетке. О либеральном
начальнике. О Кн. Мамаеве. Гусар. Шаг 1-й. Шаг 2-й.²

Действие II: 1) У дяди. Дядя и Гр. [За]Крутский. — 2) О мол<одом>
челов<еке>. — Дядя, тетка и Гл<афира> Кл<имовна>. — 3) Тетка и Гл<а-
фира> Кл<имовна>. — 4) Тетка и Лазут<ин>. — 5) Тетка и Хондр<ин>
<?>. — 6) Тетка, Хондр. и Лазут<ин>.

¹ Последовательность сцен в плане соотносится с 1—5 явлениями I действия окончатель-
ной редакции текста.

² Слова: Гусар. Шаг 1-й. Шаг 2-й. — вписаны на л. 35 после фигурной скобки, объединяющей
диалог.

[А богатый ум его пречистый! Молитвами свя<тыми> и предскажет. И государственным великим счастьем-с.]

Дейст<вие> III: 1. Барышня у окна. — 2. Тетка и приж<ивалка>. — 3. Те же и Хондр. — 4. Те же и Закрутский. — 5. Те же и Манеф<а>. — 6. Те же и Мамаев.

Д<ействие> 4. Сцена I. У Закрут<ского>. — Сц<ена> 2. Дома.

При этом слове дыбом встанет волос. Несчастлив ты — и что ни затевай, несчастного конца жди. — Забудь себя — живи лишь для народа. — Несчастлив... Забудь народ, живи лишь для себя. Старайся род поднять и записать в скрижали. — Тебе жениться не дают. — Женился стар. — Трепещет сына ждет. <нрзб.> дочь. <2 нрзб.> Хоть помянуть злодеяства. Добрит добрых. — Сойдет в тень <2 нрзб.> Несчастье. Никто его несчастье не вспомнит. Даст Господь успех упредит <?> счастьем.

Несчастлив — это слово ужасно. Скажи мне, неумелый, глупый. А тут, что ни делай, как ни старайся, все без успеха, потому что несчастлив.

О м<илый> анг<ел> не зови Моей печ<али> непонятн <ой>, То меланх<олия> любви. Т<о>... Приятн<ый>

Д<ействие> V: У Тарусиной. — Тарусина. Гусар и Лазут<ин>. — Собираются. — Гусар кладет развлечение на стол.

Всех женихов стану отбивать, не тем, так другим, — убью коли ничто не возьмет, я уж никого не пущу.

Явл. 1.

Ег<ор> Дм<итрич> (*сидит и пишет*). Как приятно писать свой дневник человеку, который живет <нрзб.> и обдуманно.

[Как такие люди надобны. Вот <нрзб.> с такими людьми и нужно]

[Вам нужно честного человека, да разве честный человек <3 нрзб.> Разве <нрзб.> какая-нибудь с улицы попадет. Жених, честный человек, она полюбит того, кто ей денег даст]

[Делайте, что хотите <3 нрзб.> я московская барышня и без состояния жить не могу.]

[Довольно болтать и зубоскалить, — надо воспользоваться их слабостями, — их непроходимой глупостью. — И выдти в люди. Я так и сделаю.]

[Все ползут, все ищут, карабкаются, чтобы упрочить себе видное положение и набрать побольше денег; у всех на устах благо отечества, а в сущности он ползет ползком, подпрыгивает или кувыркается из-за чина или из-за хорошего жалованья. Пойдем и мы за тем же, только с большим умом и тактом и буду действовать с большею смелостью, потому что знаю с кем имею дело.]

Да разве я тебе счастья не желаю, Я об тебе только и думаю. — Только узнай <нрзб.> Только узнай. 2 р. Обманут <?> Обманет. <нрзб.> вы узнаете. Есть <нрзб.> средства <3 нрзб.> Манефа.¹

¹ *Наброски к явл. I записаны отдельно на л. 6.*

Его

Его Дел
Улаивает

Неприятно ему...
Его Дел
Улаивает

Его...
Не по средству...

Его Дел
Улаивает

Не по средству...

Его Дел
Улаивает

Не по средству...

И за студие...
Его Дел
Улаивает

Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

Каждому...
Его Дел
Улаивает

«На всякого мудреца довольно простоты»
Страница авторской рукописи

Тургеневы

Да, батюшка-братец, у дворянина. А да, батюшка-братец
и братъ мо ксантинъ -

Евдокия Тургенев

Завтра, мамаша, у доброго. Тургеневы свои свои
свои приемли.

Мамаша

Позже, позже, позже!

Т. Тургенев

Позже, позже, позже! Тургеневы свои свои
и мамаша.

Тургенев

Позже, позже, позже! Тургеневы свои свои

Т. Тургенев

Да что, переставишь? Тургеневы, совенный аманатор.

Мамаша (в сторону)

Этого, мамаша, на кого? Тургеневы свои свои
свои мамаша.

Тургенев

Очень хорошо, мамаша, мамаша

Мамаша

Да, мамаша, мамаша, мамаша

Т. Тургенев

И, мамаша, мамаша, мамаша

Мамаша

Мамаша, мамаша! Тургеневы свои свои

Тургеневы

Мамаша, мамаша, мамаша. Тургеневы свои свои
свои мамаша.

Тургенев

Мамаша, мамаша, мамаша

Мамаша

Да, мамаша, мамаша

Т. Тургенев

Да, мамаша, мамаша, мамаша

Тургеневы

Да, мамаша, мамаша, мамаша

Т. Тургенев

Мамаша, мамаша, мамаша. Тургеневы свои свои
свои мамаша.

Мамаша

Мамаша, мамаша, мамаша. Тургеневы свои свои
свои мамаша.

Мамаша

Мамаша, мамаша, мамаша

Тургеневы

Мамаша, мамаша, мамаша. Тургеневы свои свои
свои мамаша.

Тургеневы

Мамаша, мамаша, мамаша. Тургеневы свои свои
свои мамаша.

«На всякого мудреца довольно простоты»
Страница авторской рукописи

ЯВЛЕНИЕ II¹

Глафира Климовна (*сидит у окна, пишет*).

Входит Егор Дмитрич и молча останавливается.

Гл<афира> Кл<имовна>. Жорж, это ты?

Ег<ор> Дм<итрич>. Я.

Гл<афира> Кл<имовна>. Здравствуй.

Ег<ор> Дм<итрич>. Здравствуйте.

Гл<афира> Кл<имовна>. Как твои дела?

Ег<ор> Дм<итрич>. Что за вопрос. У умного человека дела всегда хороши. На дела жалуются только те, кто жить не умеет. Наделают глупостей, да потом говорят: обстоятельства жизни, дела плохи. — А вы ещё не кончили?

Гл<афира> Кл<имовна>. Я уж третье пишу. Трудно под разные-то руки писать.

Ег<ор> Дм<итрич>. Что ж делать-то? Хоть и трудно, а ведь надо. Пишите, пишите.

Гл<афира> Кл<имовна>. Как-то неловко, как будто совестно писать от чужого имени. Клеветы на человека, которого я и в глаза не видала.

Ег<ор> Дм<итрич>. Я бы вас и не просил, да тут нужна женская рука.

Гл<афира> Кл<имовна>. Я понимаю. Этот бедный гусар и во сне не грезит, какие я тут про него небывлицы сочиняю.

Ег<ор> Дм<итрич>. Да кто вам дороже-то, гусар или сын, которого вы носили под сердцем. Вы может дел не знаете. Гусару на что деньги, он все равно их в карты проиграет.² Может быть меня крайность заставляет прибегать к таким поступкам, может денег я должен много. Представят векселя к взысканию, меня посадят в яму: вы, разумеется, принесете мне туда калачик и будете совершенно покойны, что вы все сделали, что может свет требовать от матери, между тем как вы могли бы спасти его.

Гл<афира> Кл<имовна>. Жорж, разве ты должен, ты меня пугаешь!

Ег<ор> Дм<итрич>. Ну уж я вам этого не скажу, но вы на всякий случай должны поступать так, как будто я в крайности.

Гл<афира> Кл<имовна>. Так-то так. Если б можно было надеяться, я б не стала и говорить. А то гусара ты отобьешь, а самому жениться не удастся, надежды-то очень мало. Ты подумай, она из хорошей фамилии, за ней тысяч двести. Какое знакомство родство!

¹ Весь текст 2-го явления зачёркнут.

² Фраза вписана над строкой.

Ег<ор> Дм<итрич>. Разумеется, если сидеть сложа руки, так не удастся, а если уж я задумал жениться и хлопочу об этом, так прежде всего что нужно сделать? Выбить других женихов, очистить себе место. Разумеется, если б этот чудак мой троюродный дядя...

Гл<афира> Кл<имовна>. Да, ужасный чудак, не может видеть родственников.

Ег<ор> Дм<итрич>. Он изо всех родственников выбирает только одного, в пользу его и завещание пишет, а остальные уж и не показывайся. Надоест этот, он его прогонит, выберет другого и сейчас же завещание переписет. Вот теперь у него в милости этот ветрогон Курчавин. Впрочем, кажется, они начинают ссориться.

Гл<афира> Кл<имовна>. Кабы он тебя выбрал.

Ег<ор> Дм<итрич>. Как же это может случиться? Он и не подозревает даже о моем существовании, а отрекомендоваться ему родственником, — это значит испортить дело навсегда, он непременно прогонит.

Гл<афира> Кл<имовна>. А хорошо бы с ним сойтись. Во-первых, наследство тысяч пятьдесят, потом отличный дом, большое знакомство, связи.

Ег<ор> Дм<итрич>. Да уж тогда б я смело посватался за Турусину. Я дворянин, был в Университете, имею хороший чин. Впереди наследство. Какая невеста откажет.¹ Кроме того, тетке я понравился. Вы это на всякий случай запомните.² Она любит молодых людей и умеет их выводить в люди. [Вы эту слабость ее запомните, и если случится вам когда-нибудь сблизиться, так вы поможете мне. Я знаю, что вы сумеете.] Да это было бы хорошо. Сблизиться с дядей. Это первый шаг, он познакомит меня с Кр<утицким> с Город<улиным>. Во-первых, это люди с влиянием, во-вторых, это близкие знакомые, все это прият<ели> Турус<иной>³ [Турусиной], мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно. [Это второй шаг, полюбезничать с теткой и через нее сблизиться с сильными мира сего, — больше всего мне бы хотелось сойтись с Кудимовым, это молодой генерал,]⁴ с молодыми генералами довольно либерального направления, [на хорошем счету], они любят и ценят умных людей, вот затем можно попасть на видное место — это третий шаг. [Кроме того Кудимов родственник Графу Закрутскому] Через Тарусину старуху можно будет найти дорогу к [нему] старым тузам, например, к Графу Закрутскому⁵, оказать ему какую услугу, исполнить какое-нибудь поручение — это значит рекомендация к Министрам, [это] вот четвертый шаг. — А из всего этого произойдет, что я через два-три года [получу] буду

¹ Фраза вписана внизу на л. 2.

² Слова: я понравился. ~ запомните. — вписаны над строкой. Рядом: Он это на всякий случай замечает. Л. 2.

³ Текст: с Кр<утицким> ~ Турус<иной> — вписан над строкой. Слова: Во-первых, это люди с влиянием, во-вторых, это близкие знакомые — вписаны под строкой.

⁴ Часть фразы зачёркнута и в дальнейшем не доработана.

⁵ Слова: к старым ~ Закрутскому — вписаны над строкой.

Вице Губернатором, с молодой красавицей женой и с большими деньгами, с этим шагай как хочешь и куда хочешь.

Гл <а ф и р а > К л <и м о в н а >. Да, сынок, но первый-то шаг всегда самый трудный.

Е г <о р > Д м <и т р и ч >. Успокойтесь, он сделан. [Через полчаса] Дядя будет здесь.

Г л <а ф и р а > К л <и м о в н а >. Как же это случилось?

Е г <о р > Д м <и т р и ч >. Случилось? [Я не признаю случайности, все дело ума.] Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Дядюшка любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.¹ Сватовство за Турусину готовится тогда же, спросите что мне стоят все эти странницы, Манефа да приживальщицы, странники. У меня каждая копейка записана. Точно так же и это дело приготавлилось издалека. Всякий человек, как и всякая рыба, на что-нибудь да сгодится.² Надо бы узнать слабые стороны [характер] дяди, его странности, все это я узнал через его людей. Во-первых, он глуп как <нрзб.> скуп до безобразия, хоть вздор какой получить да только даром, любит распекаать молодых людей и читать им наставления тут уж ему противоречить не надо.³ [Одна из его странностей состоит в том] Кроме многих других у него есть еще одна странность, что он любит квартиры смотреть, по утру вместо прогулки он отправляется по Москве квартиры смотреть, один день в Рогожскую, другой на Смоленский и так далее. Приедет в дом, посмотрит квартиру, сядет поговорить с хозяином, а если нет, так с дворником, наговорится досыта и поедет в другой дом. Сегодня его приведут сюда, я дал человеку адрес. Разумеется, все это не даром. Я человек аккуратный, у меня все записано: кому, сколько и за что. Мне только бы он вошел к нам, а уж там я знаю что делать. Надо выходить в люди. И это не так трудно. Узнать характер ближ<него> начальника, и <нрзб.> но так чтоб это было для него незаметно.⁴

Г л <а ф и р а > К л <и м о в н а >. Дай-то Бог, чтоб тебе твои хлопоты удались.

Е г <о р > Д м <и т р и ч >. Прочитайте-ко, что вы написали, одно какое-нибудь, хоть последнее.

Г л <а ф и р а > К л <и м о в н а >. Изволь (*читает*). Милостивая Государыня, Софья Игнатьевна, хотя не имею счастья знать вас, но много наслышавшись о ваших добродетелях и желая добра вашему семейству, я умоляю вас не спешить замужеством вашей племянницы. Извините, что я предлагаю вам советы, не имея на это никакого права, но выбор вами такого человека, как Егор Николаевич Курчавин, заставляет меня заранее

¹ Текст: Тут ничего не случилось ~ поймали. — вписан на полях л. 2.

² Фраза вписана над строкой.

³ Фраза написана внизу л. 2 об.

⁴ Текст: Надо выходить ~ незаметно. — вписан на полях л. 2 об.

и в тайне проливать слезы об участи бедной Машеньки.

Ег<ор> Дм<итрич>. Это хорошо.

Гл<афира> Кл<имовна>. А другое прежде. Не верьте разбойнику!
Я вечно плачущая жертва низких его поступков.

Ег<ор> Дм<итрич>. Это еще лучше. Давайте мне. Я запечатаю
и сегодня же разнесу по разным лавочкам. (*Входит дворник.*)

Дворник. Какой-то барин пришел фатеру смотреть.

Ег<ор> Дм<итрич>. Веди его сюда. (*Дворник уходит.*) Ступайте,
маменька, когда нужно будет. (*Гл<афира> Клим<овна> уходит. Входит
Мамаев.*)

Варианты чернового автографа

С. 154

³⁻⁹ ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ ~ ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА. /

Егор Дмитрич [Лазенков] Лазутин.

Глафира Климовна, *мать его*.

[Курчавин]¹ двоюродный брат.

Нил Федосеич Мамаев, *дальний родственник Лаз<утина>*.

Дворник.

[Женщина.]

¹⁰⁻¹¹ *Чистая, хорошо ~ другая комната. / Небогатая, но чистая комната.*

¹⁵ *Выходя из боковой двери. / Негодуя.*

¹⁷ Г л у м о в а (*выходя из боковой двери*). / Г л у м о в а (*входя*). Ах, Жорж.

²² И за Курчаева не отдадут / Мне право жаль этого бедного гусара

²²⁻²³ взвожу на него, на бедного / взвожу на него

²⁴⁻²⁵ *Слов: Курчаева? На что ему деньги? ~ в карты проиграет. — нет.*

³⁰ *знаете меня / знаете мой характер*

С. 155

⁵⁻⁶ *Слов: выжму из него всё, что нужно — нет.*

¹² сбывать в этот дневник / заносить в этот дневник

²²⁻²³ *Слов: (садясь ~ Мы за делом. (Указывая на Голутвина.) — нет.*

²⁴ *Перед: Что вы его рекомендуете? — [Товарищами были]*

²⁸ *Малым делом. / Есть немножко.*

С. 157

⁴⁻¹⁷ *Текста: (Голутвину). Вот как! ~ а у нас что-то не слышать. — нет.*

¹⁸ *Так пишите! / Ну и пускай сам пишет.*

С. 159

⁴ *Вот (дорисовывает), и похоже / Да как похоже вышло*

¹¹ *Фразы: Да и пошлём напечатать. — нет.*

¹ *Далее оставлен промежуток, предназначенный, вероятно, для дальнейшей работы.*

- 12—13 Нет, не надо ~ *прячет в карман.* / Я вот лучше нарисую. (*Подрисовывает.*) Вот хохол походит. (*Глумов берет и прячет.*)
- 15—16 *Фразы:* Ему и не нужна квартира ~ всё как будто дело делает. — *нет.*
- 17 Выедет с утра / С утра поедет
- 20 а он доволен ~ не пропало даром. / А ему представляется, будто он дело делает. Вот утро даром и не пропало.
- 22 Каким же это образом? / Это еще каким образом?
- 25 *После:* Я не шучу, вы всем шутите — о чести женщины.
 <Курчаев.> Скажите, пожалуйста! Ну как хотите. <2 нрзб.>
 <Лазутин.> Оставьте <?> прошу Вас.
- 34 *После:* По нас — с вами

С. 162

- 8—11 *Глумов, Мамаев и человек Мамаева. ~ работать.* Холостая. /
 1) *Ег<ор> Дм<итрич> и Мамаев.*
 Мамаев (*не снимая шляпы*);
 2) *Мамаев входит, осматривает комнату. Лазутин встает и опять садится писать, не обращая на него внимания.*
 Мамаев (*косясь*). Это квартира холостая.
 Лазутин (*продолжает писать*). Холостая.¹
- 14—17 *Текста:* Глумов (*подвигает стул ~ тебя спрашиваю!* — *нет.*)
- 18 *После:* Виноват-с! —
 Лазутин (*подвигает стул и опять садится к столу*). Не угодно ли присесть.
 Мамаев. Благодарю.
- 26—31 *Текста:* Мамаев (*человеку*). Ты видишь, вон сидит человек пишет! ~ семейный человек. — *нет.*
- 34 *После:* Зачем же вы её сдаёте? —
 Ег<ор> Дм<итрич>. Велика мне.
 Мамаев. Не по средствам?
- 36—37 *коли не по средствам? Кто вас неволил? / Кто вам велел, если не по средствам.*

С. 163

- 3 *Слов:* приятно это будет? — *нет.*
- 7 *Перед:* Никакого резона. — Какой резон?
- 12 *Перед:* этого не бывает? — [мало такого народу. Ума нет, а учить некому.]
- 18—22 *Текста:* Глумов. Я и не скрываю. ~ Да, некому. — *нет.*

С. 163—164

- 23—14 А ведь есть учителя ~ Безнравственность! / [Учить некому! Учить некому. Есть кому учить, да не слушают. Кто нынче слушает? Кого

¹ *Вариант вписан отдельно на л. б об.*

заставишь слушать? А учителя найдутся, умные учителя найдутся. Все самонадеянность. Вот напротив нас у одного купца дела расстраиваются. А ведь я тут, я напротив живу. — Приди да поплачься. Как же дождись! Я было его на улице остановил. — Начал его поучать, а он мне что ж ответил: Этого дела вам, барин, знать никак невозможно, значит, и толковать нам нечего. Что вы на это скажете? Сапожник в нашем доме неладно с женой живет, ну что бы им придти да <нрзб.> ко мне! Я признаться было и ждал. Так ведь нет. А уж что такое сапожник? Последняя спица в колесе. Посылаю человека узнать, отчего у них несчастье. А он, шельма, представьте, как глупо ответил! Это, говорит, наше дело! Да что и толковать! Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии, я его остановил и¹ хотел ему замечание сделать. —² В гимназию-то³ мол тихо идет, а из гимназии домой бежит,⁴ а надо наоборот. Другой бы благодарил да еще ручку поцеловал, а он что ж! Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. Это мальчик-то мне, старику-то.

Ег <ор> Дм <итрич>. Преподавание нынче, знаете.

Мамаев. Да я вам больше скажу.⁵] А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают, нынче время такое. Ну, уж от больших и требовать нечего: всякий думает, что он сам умен, а если мальчишка не слушает старших, так чего от него ждать, как он вырастет. Вот я вам расскажу случай. Что из него будет, как он вырастет?

Г <лумов>. Да жаль мальчика, на дурной дороге.

М <амаев>. А куда это дорога-то ведет, знаете?

<Глумов>. Знаю.⁶

<Мамаев> Отчего нынче прислуга нехорошая? От того, что не слушают. Прежде бывало, до этого указа, я у своих подданных [людей] во всякую малость входил. Всех <нрзб.> от мала до велика поучаю. Часа по два каждому наставления читаю, до чувства [его] доведу, одними вздохами он у меня истомится. И ему на пользу и мне благородное занятие. А нынче поди-ко с прислугой, попробуй! Раз два ему наставление прочтёшь, он и идет за расчетом, что, говорит, за наказание.

Ег <ор> Дм <итрич>. Да-с, [если хоть <?> беспристрастно, так наставлений и всяких поучений] наставление всякому человеку необходимо.

¹ Далее: [начал]

² Далее: [Что]

³ Далее: [он вероятно]

⁴ Далее: [что]

⁵ Текст: Все самонадеянность. ~ скажу. — вписан со знаком вставки на л. 3, 4 об.

⁶ Текст: А ведь есть учителя ~ Знаю. — вписан со знаком вставки на л. 40 об.

На полях л. 3 запись: Первая его слабость учить как надо жить.
На улице народ останавливает, денег дает, только б слушали.

C. 164

^{34—35} Ваше положение ~ Мне вас жаль, молодой человек. / Это жаль, молодой человек.

C. 165

¹ видеться не желаю / знакомиться не желаю

^{7—8} алчу наставления, как манны небесной / потому что чувствую свою глупость

^{8—9} человек замечательного ума / человек умный

^{11—12} вдруг как будто прояснится / вдруг как будто что-то проясняется

^{22—29} Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! (*Почти со слезами.*) / Ах, какое счастье! Позвольте вашу руку (*почти со слезами*). [Поверьте, дядюшка, если б не нынешние <?> предрас- судки, я б <нрзб.> облобызать ее]

²³ Впрочем, дядюшка, я слышал / Впрочем, дядюшка, вы не беспокой- тесь, я [знаю] слышал

²⁵ не посмею явиться / не посмею даже и явиться

³¹ погибну без руководителя / гибну без руководителя

C. 166

^{3—4} Маменька! Вот! ~ Только не плакать! / Маменька!

⁵ порывались видеть / желали видеть

^{22—23} Егор Васильич Курчаев / Егор [Семенович] Василич Курчаев

²⁶ вас рисует / вас пером рисует

C. 167

⁴ Слов: до тебя не касается, это — нет.

¹² Слов: А много ещё труда Жоржу будет. — нет.

¹³ трудно и хлопотно в люди выходить! / трудно в люди выходить.

²⁰ перед бабой / перед всякой дурой

^{21—22} Вы барствовать-то любите ~ чуть не по миру ходили. / Вы барство- вать любите, а кто даст средства. Кабы не мой ум, вы бы чуть не на- гие <?> ходили.¹

²¹ где средства? / а кто даст вам средства на это?

²⁴ вместе с Манефой / вместе с Манефой с самым подобострастней- шим видом

²⁶ Ремарки: (с постным видом и со вздохами) — нет.

³¹ Ох, чувствуем, чувствуем! / Милости просим.

^{33—34} Святыми-то руками / Моими-то святыми руками

³⁵ Примите пятнадцать рублей / Получите пятнадцать рублей

¹ Вариант вписан отдельно на л. 35.

С. 167—168

²⁵⁻⁵ Убегай от суеты, убегай! ~ они её провожают под руки до двери. / Убегай мира сего. — Не будь корыстолюбив. — Была в благочестивом д<оме>, дали 10 р. на милост<ынню>. Моими рук<ами> творят. Моя доходч<ивее> милост<ыня>. Благо дающим. — Получишь 15 руб. от раба Егорья. — Не забывайте в молитве. — В оном благочестив<ом> доме пила кофей. М< а т ь >. Пожалуйте, матушка, у меня готово. (Уходят).¹

С. 168

⁷⁻⁸ Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. (Пишет.) / [Занести все совершенное сегодня в книгу. Эту книгу я оставлю своим детям. А заглавие ей будет: Как выходят в люди] [Я <нрзб.> а пожинать буду после. Теперь чтоб не забыть поскорее разговор с дядей. Через <нрзб.> времени это самому будет приятно прочесть. Я эту книжку оставляю в назидание детям. Заглавие ее будет: Как выходят в люди. (Входит Курчаев.)]

²³ Приезжаю к Турусиной — не принимают / Приезжаю к невесте, не принимают

²⁴ *Перед:* что принять не могут — [чтоб я больше не беспокоил их своими визитами]

²⁸ Хоть по такому ~ умный / Вы человек умный

³¹ Все ведут такую — ничего, а я виноват. / Все ведут такую жизнь, а виноват только я один.

³²⁻³³ отказывать в уважении / лишать его уважения

³⁴ Например, Голутвин. / Например, этот [Стригунов] Голутвин.

³⁵ *После:* Ну что ж Голутвин? — [Что ж, уж это моя слабость: люблю умных людей.

Ег<ор> Дм<итрич>. Разве такие умные-то люди бывают?

Курч<аев>. Все-таки он умнее многих, а до настоящих-то умных людей нам далеко, <нрзб.> нашего знакомства не заменят.]

С. 169

¹ Язва! Такие люди / Понимаете ли, что такие люди — язва; что они

⁴ Что вы, с ума сошли! / Как!.. Что вы!

⁸ Ну, и слава богу! / Тем лучше для вас.

²⁰ КРУТИЦКИЙ, старик / [Граф Закрутитский — старый] Крутицкий, старый

²¹ ИВАН ИВАНОВИЧ ГОРОДУЛИН, молодой, важный господин. / [Новинский] [Городулин Иван Иванович, молодой генерал из штатских.]

С. 171

⁹⁻¹⁰ ведь, пожалуй, засмеют / ведь, пожалуй, насмех подымут

¹ Вариант вписан отдельно на л. 37.

^{18—19} зашёл как-нибудь пораньше / он пораньше как-нибудь ко мне зашел

²⁵ *Перед:* Я сам с ним завтра же заеду к вам. — До свидания.

C. 172

³ *Перед:* Ему не надо было убегать общества — [Самому надо пробиваться.]

⁷ Вы к сыну несправедливы / Вы несправедливы к своему сыну

^{26—27} Но едва ли вынесет чьё-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину, молодого. / [Но если представлять себе бедность, так <нрзб.> вы найдете что-нибудь ужасное] Но едва ли не более достоин сожаления, бедный, красивый молодой человек! Ужасно! Ужасно! Ну, представьте себе молодого красавца, у которого

^{29—30} принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны / отнимает смелость, которая так простительна

C. 173

¹⁶ Я им сказал: ангелы! я буду всех / Я им сказал, что буду

^{17—18} *Слов:* И так мне этот сон памятен, так памятен... — *нет.*

¹⁹ *Перед:* Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. —

М а м а е в. Неужели и брат Дмитрий обрадовался, это что-то на него непохоже.

Л а з у т и н а. Ах, не говорите мне, пожалуйста, про него. Бесчувственный был к детям человек; все мне говорил, какого ты мерзавца на свет породила. Гордый был человек, но что ж он своей гордостью выиграл и сам умер в бедности, и нас ни с чем оставил.

C. 175

^{32—33} ко мне с такой холодной почтительностью / всегда ко мне с такой учтивостью

C. 176

¹² *После:* Будьте развязнее! — Будьте смелее!

¹² Чего вы боитесь? / Что вы меня боитесь?

¹⁴ *Перед:* свои сердечные тайны! — свои заботы

²⁸ Отчего ж молодая не может заботиться о родных? / А молодая разве не может заботиться о родственниках?

²⁹ *Перед:* Может, но её совестно просить об этом — Конечно

³¹ просьбы, вечное нытьё / с просьбами, с вечным нытьем

C. 177

² *Фразы:* Вы меня ловите. — *нет.*

⁸ *Перед:* Но я всё-таки не буду беспокоить вас этой просьбой. / [Да, я знаю, он не смеет отказать вам ни в чем]

¹⁴ Уж это ваше дело. / Уж это, тетушка, ваше дело.

¹⁷ будет очень приятна / так будет приятна, что

²² *После:* могу заплатить вам — за ваше расположение

- ²⁵ под ноги скамейку / под ноги скамеечку
²⁵ целовал постоянно руки / целовал постоянно ручки
³¹ *Перед:* А молодую разве нельзя полюбить? — (с хитрой улыбкой)
³² *Перед:* Можно, но не должно сметь. — (встает со стула)

С. 178

- ⁸ (с упрёком). Хорош, хорош! / Bon jour!
¹¹ бушует в моём сердце / поднимается в моем сердце
^{21—22} решение, без того не казнят / решение преступнику
^{26—27} Вы сами там где-то чуть ли не судья. / Вы [судья] сами где-то служите.
²⁸ *Перед:* Но перед дамами я всегда... — [В суде я судья, а у женщин]

С. 179

- ¹⁰ Для обыкновенного смертного найдётся. / Найдется, но только для обыкновенного смертного.
^{12—13} *Перед:* Позвольте мне хоть одним глазком — Но
¹⁴ на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать. / [на какое он дело годен, и куда его можно определить] на что он годен и на какое место его можно определить.
^{16—17} *Слов:* Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной. — нет.
²³ *После:* подавая Глумову руку — которую тот принимает развязно, как равный
^{27—28} Надо иметь очень много различных качеств / Слишком много надо иметь различных качеств
³⁰ Положим, что у меня за этим дело не станет / У меня за этим бы дело не стало
^{30—31} *Слов:* но что толку с этими качествами? — нет.
³² *Слов:* человеку без протекции — нет.
³⁴ А что же именно? / Что же такое например?

С. 180

- ¹¹ *Слов:* вот важная вещь — нет.
¹⁴ *После:* из бумаг и форм. — [и никакая плодотворная мысль, никакие теплые человеческие чувства, никакие самые священные симпатии к несчастным, к страждущим братьям не могут пробиться сквозь эту крепость, они напрасно будут колотиться в эти бумажные стены и там замирать <?>]
^{15—16} циркуляры и предписания / форменные бумаги
^{17—18} *Слов:* Вот талант! — нет.
¹⁹ *Слов:* Я очень рад, что — нет.
^{19—20} *Слов:* Но как мало у нас таких людей! — нет.
²³ великое одолжение / большое одолжение

С. 180—181

- ^{25—15} Запишите всё это на бумажку! ~ Очень приятно, очень приятно. (Уходит в гостиную.) /

[Н о в и н с к и й. / 1) И остроумно и справедливо; 2) Как это хорошо!¹ Будьте друг, напишите это на бумажке, а то завтра надо говорить спич за обедом, а думать некогда.

Л а з у т и н. Извольте, с удовольствием.

Н о в и н с к и й (*жмет ему руку*). Сделайте для меня это по-дружески.

Л а з у т и н. Извольте, извольте. Нет, вы дайте мне лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность видеть его насущные нужды и удовлетворять их скоро и сочувственно.

Н о в и н с к и й. Отлично, отлично, вот и это.² И с такими прекрасными идеями вы не хотите служить. Теперь стыдно оставаться в бездействии. Люди нужны, и мы их ищем. Идеи это ничего. Вы говорите хорошо, а нам такие люди нужны.³

Л а з у т и н. Люди есть. Когда будем нужны, когда нас покличут, мы пойдем. Я работать не прочь и буду работать, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Пересыпать из пустого в порожнее, считать это службой и получать за это отличия я не согласен.

Н о в и н с к и й. (*Взглянув на часы.*) Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. (*Уходит в гостиную.*)]

С. 180

^{33—34} вы дайте мне такую службу, где бы / я желал бы такой службы, где

С. 180—181

^{37—2} *Фразы:* Как я вас понимаю ~ благотворительном заведении? — *нет.*

С. 181

³ *Фразы:* Куда угодно. — *нет.*

²⁷ Похвали что-нибудь / Похвали какую-нибудь мысль

^{28—29} *Слов:* от этого он не уйдёт — *нет.*

^{35—36} Врага, что ли, ты нажить себе хочешь? / Разве ты хочешь себе врага нажить?

С. 181—183

^{19—3} А, ты здесь! Поди сюда! ~ *Входят Мамаева и Городулин.* /

[М а м а е в. А, ты здесь! А мне тебя нужно. Граф Закрутицкий давеча ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Разумеется, он написал глупость какую-нибудь, но ты, когда с ним увидишься, польсти ему несколько.

Л а з у т и н. Работать я буду, но льстить уж увольте.

¹ *Далее:* [Если бы вы потрудились все это изложить]

² *Фраза вписана на полях л. 12 об.*

³ *Фраза вписана на полях л. 12 об.*

Мамаев. Польстить не значит льстить. Похвали какую-нибудь мысль, выражение, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Мы завтра поедем к нему часов в 8 утра. Будь готов.

Лазутин. Какой вы умный человек.

Мамаев. Да, вот еще. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Лазутин. Я, дядюшка, человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо. Может быть... вы меня познакомьте с Турусинной.¹

Мамаев. Вот и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей очень твоя учтивость! Разве ты хочешь в ней врага нажать. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты. Ты можешь иногда лишний раз, как будто по забывчивости, ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь. Ну, вздохнуть с томным видом.² Это им немножко щекочет их самолюбие, это им нравится. Понял?

Лазутин. Не понимаю. — Не умею.³ Как вы умны, дядюшка.

Мамаев. Надеюсь.

Лазутин. Мне бы и в голову не пришло.

Мамаев. Ну вот то-то же! *(Входят Мамаева и Новинский.)*

С. 182

¹² Полноте, что вы! Как это можно! / Вот так *(стараясь подражать Мамаеву)*.

¹⁹ женщина темперамента сангвинического / женщина молодая

²⁰ очень легко может увлечься / может увлечься

^{21—22} каторжный / безнравственный

²² Слов: В этих прихвостнях Бога нет. — *нет*.

²⁷ Слов: со стороны — *нет*.

^{27—28} не подумали чего дурного / не подумали чего дурного, то есть, что я действительно ухаживаю за Клеопатрой Львовной

^{33—34} не скажем про Турусину / не скажем про это

С. 183

¹ ты знаешь, что делать тебе? / что делать тебе надо?

² Что делать? Удивляться уму вашему. / Ах, дядюшка, мне только удивляться остается.

^{18—19} Целуйте ручку, ваше дело улажено. / [Ну, я поздравляю вас.] Вероятно, ваше дело уладится.

²⁰ Перед: Я вас не просил. — [Неужели?]

²¹ После: я сама догадалась. — [Вы будете определены.]

¹ Слова: Может быть ~ с Турусинной. — *вписаны на полях л. 12 об.*

² Далее: [Понял?]

³ Слова: Не понимаю. — Не умею. — *вписаны на полях л. 13.*

²⁴ *Перед*: Я слишком счастлив. — Мне нужно успокоиться. Я испытал сегодня слишком много волнений, [благодаря вам и дядюшке я достиг в один день того, о чем и не грезил] я слишком счастлив.

²⁷ Счастлив, насколько можно. / Счастлив, [тетушка] насколько можно.

²⁸ Значит, не совсем; значит, вы ещё не всего достигли? / Вы всего достигли, чего желали?

³¹ *Перед*: Чего же мне ещё! — [Всего, тетушка!]

^{32—34} Хотите в таких молодых годах ~ о службе / в таких молодых годах и быть материалистом, думать

С. 184

¹ Хотите уверить, что у вас / Вы хотите уверить меня, что вы материалист, что у вас

³ Клеопатра Львовна, я не говорю этого. / Тетушка, я не говорю этого.

⁷ *Перед*: Вы говорите, что всего достигли. — Как же

⁸ Я достиг всего возможного / Я говорю только, что я достиг всего возможного

¹⁰ вы не можете позволить себе надеяться / вы не можете рассчитывать

¹³ Но ведь это пытка, Клеопатра Львовна. / Тетушка, но ведь это пытка.

¹⁶ *Перед*: Вы не имеете права прибегать — [Тетушка, сжальтесь.]

^{22—23} вашу страсть, ваше прекрасное сердце? / [всю прелесть страсти вашего юного, прекрасного сердца] вашу юную страсть, прекрасное сердце?

³⁰ *Перед*: Я ваш раб на всю жизнь. — [Извините меня.]

³⁰ Карайте меня / Казните меня

³⁷ Да, я сумасшедший! / Да, я сумасброд!

С. 186

^{9—10} *После*: завезёт в канаву. — [Я уверена, что всем этим несчастьям люди подвергаются из легкомыслия.]

¹⁰ *После*: Провидение печётся о людях. — [Вероятно, перед каждым таким случаем было человеку указание или предостережение.]

¹⁷ в пересудах о ближнем / в пересудах о ближних

^{33—34} я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матрёши ~ светиться / Смотрите! Смотрите. Вот так. Вот так сбоку от ее лица светится.¹

С. 187

⁵ *Перед*: Скитающие люди — [Странные люди]

С. 187—188

^{22—31} Нет, ma tante, не бойтесь! ~ буду каяться, так, как вы. / Я не нигилистка, у меня деньги благодаря вам. (*Целует ее руку.*) И я хочу быть барыней. — Мне нравится Жорж... — А я сама очень хорошо понимаю, что это легко. — Чахотки со мной не будет. Ищите жениха, какого

¹ Вариант вписан со знаком вставки на л. 35.

хотите, только хорошего. Мне жить хочется, хочется выезжать. — Так жить скучно. Под старость я пожалуй и весьма вероятно буду так же жить, а теперь хочу поблестеть, покрасоваться. Пожить. Ведь и вы, тетенька, пожили весело. — Пожили, я знаю. — А ты, мой друг, пока помолчи. — Тебе нельзя всего знать кой о чем. — Не все, а много знаю, я уж не дитя. — Одним словом, тет<ушка>, я ваша покорная племянница. Если согрешу, то покаюсь. Буду грешить и буду каяться, — так же как вы. (Поцелуй.)¹

С. 188

¹⁰ *Перед:* Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! — [Знакомые]

С. 189

⁵ *Перед:* Господин Крутицкий. — [Их Сиятельство граф Закрутицкий]

С. 190

^{27–36} Вон у одного тоже три странника спасались. ~ Как же не лики! Целковые. / В саду спасались трое странников и все отличные.² Граверы. — Ну так что ж за беда, ведь эти граверы не портреты же гравируют. — Лики? — Да как же лики! Целковые!³

С. 192

^{12–13} Не стыдно вам! Что вы пропали? / Что вы меня забыли?

¹⁴ *Перед:* Дела, дела. — [Дел бездна]

²⁰ *После:* Вы человек — [светский]

³³ *Перед:* строгой жизни — [хорошего тона]

С. 193

¹⁴ *Перед:* Ах, боже мой! Что вы говорите! — [Как за опоение?]

^{31–33} а при смутном понимании вещей ~ галлюцинации... / а действительно мудрено при неясном представлении [понимании] вещей и при смутном понимании [жизни. Вы легко можете подвергнуться галлюцинациям, теперь уж <нрзб.>]

³⁶ *Перед:* Пусть я ошибаюсь в людях. — [Для вас это галлюцинации, а для меня нет. Я могу с вами спорить, а вы не спорьте со мной]

С. 194

⁷ *Перед:* Надо полагать, из азиатцев-с. — [Должно быть]

⁸ И я тоже полагаю. / Я так и полагаю.

^{10–19} Уж очень страшен-с. ~ мышеловки продают. / Уж очень страшен. Свиреп очень. Одни глаза только видны. — На венг<ерца> похож. — Как<ой> венг<ерец>. — А вот мышеловки продают.⁴

¹² *Перед:* Что за вздор? — [Что ты говоришь?]

¹⁶ *Слов:* ещё цветом не дошёл — нет.

¹ Вариант вписан на л. 37 об.

² Слова вписаны над строкой.

³ Вариант вписан на л. 35.

⁴ Вариант вписан на л. 37 об.

¹⁹ *Перед*: мышеловки продают. — [мышеловками торгуют]

С. 195

¹⁴ *После*: Что это за Глумов? — [И Городулин его же назвал. Но Городулину еще меньше можно верить,¹ он легкомысленный]

³² *1-я приживалка садится у стола / 1-я приживалка становится у стола*

С. 196

²⁶ *Перед*: Милости просим, пожалуйста! / [Пожалуйте]

С. 197

⁴ *Перед*: Батюшки, батюшки! — [Ах, премудрости!]

⁷⁻⁸ *После*: Знайка бежит, а незнайка лежит. — [Идет Егор с высоких гор]

¹⁰ *Перед*: Нам человека-то знать нужно. — [Егор? *(Вынимает записку.)*]

¹² *После*: Было видение, было. — [Девкой меньше, так бабой больше]

²⁵⁻³⁴ Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. ~ то есть белокурый по картам-то. / Ах даже удивительно! И по картам выходит Андрей-с. — Что ты врешь, как можешь по картам видеть имя. — Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш... то есть белокурый по картам-то. — Андр<ей> белокур, да может быть он? — Не может такой негодяй благородным людям в видениях являться. — Ты легкомысленная девчонка. — Нац. Ч. Ничто.²

С. 198

⁶ *После*: Григорий. Нил Федосеич Мамаев. —

[<Турусина.> Проси. <Фраза нрзб.>]

ЯВЛ. VI.

Те же, Мамаев и Лазутин.

Мамаев. Представляю своего племянника. Егор Дмитрич Лазутин. *(Общее удивление.)*

С. 199

¹⁴ *После*: Выходит Крутицкий. — Лазутин почтительно кланяется.

¹⁶ *Подаёт тетрадь. / Вынимает из портфеля и подает чисто переписанную тетрадь.*

¹⁷ *После*: берёт тетрадь — и садится за стол, достает большой карандаш

³³ *ударя себя карандашом по лбу / стучит карандашом себе по лбу*

С. 200

² *надевая очки / надевая [пенсне] очки*

² *Перед*: Пойдём далее! — [Я это просмотрую после, а теперь <нрзб.> хочу.]

¹ *Далее*: [этот]

² *Вариант вписан на л. 35.*

³ моей главной идеи / с моими главными положениями

⁴ *Перед*: по своей сущности. — [потому, что она реформа]

^{4—5} *Перед*: Что заключает в себе реформа? — [Что есть реформа?]

^{17—18} Надеюсь, будет понятно / Ведь <?> кажется понятно

¹⁹ Мудрено излагать / Мудрено ясно излагать

^{28—29} Не извольте беспокоиться ~ у вашего превосходительства. / Не извольте беспокоиться, Ваше Превосходительство (*с притворной робостью и как бы заикаясь*). Я должен оправдаться перед вашим превосходительством.

³⁴ *Перед*: Слаб современный язык — [В современном языке меньше силы, я боялся ослабить мысль.]

С. 200—201

^{31—34} В вашем трактате ~ меня очаровало совершенно. / Вы меня извините. Я некоторые слова оставил, их заменить нечем, их опошлишь — робок и трепетен.¹

С. 201

^{2—3} выражена прекрасная мысль / выражена совершенно справедливая мысль

⁹ *Перед*: Верю, но удивляюсь. — [Неужели.]

^{16—17} *Перед*: образ мыслей — [подобный]

³² *Перед*: Да, так, верно, верно! — (*изредка взглядывая на Лазутина*)

С. 202

¹ *Перед*: Вот ещё! — (*продолжает читать*)

³ Как же бы я осмелился! / Я никому не показывал.

^{7—8} попробуй написать, вот мы и увидим / ничего не понимает

⁸ А жена тоже ведь дура / А жена его тоже [так просто] дура

⁹ *Перед*: Не заступлюсь и за неё. — [Дура, Ваше Превосходительство]

¹⁵ Вот ещё нашли / Вот еще нашел

¹⁵ *После*: Определит он тебя. — С ним и знакомиться не надо было.

^{15—17} *Фразы*: Ты ищи прочного места ~ увидишь. — *нет*.

¹⁷ *После*: считается человеком опасным — и очень.

^{18—19} *Текста*: Г л у м о в. Я не по новым учреждениям... ~ я думал... — *нет*.

¹⁹ Ну, что ж, поступай. / А впрочем, что ж, поступай.

³⁰ В молодости грешки, увлечения... / Молодость моя проведена немножко по-старому.

^{31—33} *Текста*: К р у т и ц к и й. Говори, не бойся. ~ старых обычаев придерживался. — *нет*.

³⁴ Каких старых обычаев? / Как по-старому?

^{35—36} *Текста*: Г л у м о в. То есть не так вёл себя ~ А как же? — *нет*.

С. 203

¹¹ *Перед*: Ты присватался — Что ж

¹ Вариант вписан на л. 37 об.

- ¹³ Я на деньги глуп / Деньги для меня не важное дело. Я на это глуп
³² *После:* ваше превосходительство! — [Я вам готов вечно кланяться.]
³³ В чём дело? / Что еще такое?

С. 204

- ⁵ *Перед:* передам и Софье Игнатьевне. — так
⁶ *Перед:* Передавай — [Пожалуй]
¹⁰ О моём маранье / О моем [трактате] маранье
^{10—13} Оно скоро будет напечатано ~ осчастливьте, ну и прочее. / Оно вероятно скоро будет напечатано, без моего имени, мне обещал один знакомый редактор.
¹⁸ *Перед:* них порядочные люди — [молодых людей]
³⁴ *Перед:* Будет вам делами-то заниматься! — (*садится*)

С. 205

- ¹² продажу сбитня дозволить / продажу сбитня разрешить
¹³ а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть / а нынче спроси-ко, они и одного монолога не прочтут, а и читать-то
²⁶ Ведь уж и вы его балуете. / Ведь уж и вы [его балуете] что для него делаете. Как ему не быть вам благодарным!
²⁷ Да чем же? / Да что же, что?
³² Чем же балуем? / Что же мы для него делаем?
³³ *Фразы:* Какую невесту нашли... — *нет*.
³⁴ Какую? Вы ошибаетесь. / На ком, вы ошибаетесь!
³⁷ *После:* умерь уныние души! — [Очаровательно.] Бесподобно!

С. 206

- ³ *После:* Двести тысяч приданого. — Шутка сказать...
^{11—12} Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. / Вы, говорит, не подумайте, что я из-за денег.
²⁰ Что с вами? / Что вы?
²¹ Ах, я больна совсем! / Дурно мне.
²⁹ веселье отравить... / веселье помрачить...

С. 207

- ⁹ *Глум о в выходит из боковой двери / Глум о в выходит из внутренней двери*
¹¹ *Перед:* Любопытный памятник — [Интересный]
¹⁴ Вот дядюшка у меня прелесть! / Вот дядюшка еще, прелесть, что за [мужчина] человек.
¹⁵ *После:* И тут я увлёкся. — Надо было слегка, а я начал всерьезную.
^{15—16} *Слов:* Это дело ~ ухо остро. — *нет*.
¹⁷ *Перед:* всё же узнает — ведь
²⁴ *Перед:* Туда надо с утра — [Вам бы]

С. 208

- ³ будет жалко, и грех непростительный / будет грех непростительный

⁶ *Перед:* экипажа — подъехавшего

¹¹ *Перед:* Мог ли я ожидать — (целуя руку *Мамаевой*). Милости просим, какими судьбами?

¹¹ ожидать такого счастья / ждать такого счастья

^{11—12} *Фразы:* Если бы все олимпийские боги сошли с неба... — *нет*.

^{13—14} Не горячитесь ~ вашу матушку навестить. / Заехала вашу татап навестить.

²² *После:* Несчастливыми! — Это уж слишком! <нрзб.> сделать вас несчастной!

²³ *После:* Даже огорчить-то вас чем-нибудь — такого ангела (*целует ей руку*)

^{27—28} *Перед:* Ни чёрной души, ни зверского сердца у меня нет, значит... — [(*Целует ей руку.*)]

³⁴ *После:* Глу м о в (*про себя*) — [(*в сторону*)]

С. 209

^{2—3} *После:* отдал ей всю жизнь — свою

⁴ *После:* Мои мольбы, мои вздохи — самое лучшее богатство души моей

^{7—8} *Перед:* бедное сердце — мое

¹¹ *Перед:* Как! Нет... да... но! — (*с испугом*)

¹⁸ бедным писарьком / [милым мальчиком] бедным писарьком

²² *После:* Да разве может... — Я думал, что дядюшка советовался с вами.

²⁵ *После:* Может быть, обих. — Спросите себя хорошенько, не любите ли вы ее. Мне кажется, что вы ее любите.

³⁸ *Фразы:* А то вы себя выдадите. — *нет*.

С. 210

^{33—34} Ведь лучше для вас ~ ну, так и заплатите! / Ведь лучше для вас, чтобы его не было, ну так и заплатите.

[Л а з у т и н. Ни копейки.]

³³ если б его не было совсем / если б его не было

С. 211

³ А всё-таки, должно быть, честнее / Знаю только, что честней

^{11—12} повадятся, в другой раз придёте / в другой раз придете

¹⁴ (*указывая на дверь*). Прощайте. / Ну, нет уж, покорно благодарю (*раскрывая дверь*). Прощайте.

¹⁷ деньги пустые / деньги нужны

²⁷ Что за низость! / Что за гадость!

³¹ *Идёт в переднюю.* / *Уходит в переднюю.*

^{32—33} *Идёт за Голутвиным.* / *Подходит к входной двери.*

С. 212

⁴ *После:* Это ужасно! — (*Переворачивает листы.*) Всем, всем досталось! А как он умен однако.

- ⁷ *Оттирает слёзы. Подумавши. / Оттирает слезы и задумывается.*
- ^{7—8} Он никак не подумает на меня! / Он никак на меня не подумает!
- ⁸ *Прячет дневник / Кладет дневник*
- ¹¹ *После: он приползёт ко мне. — Подозревать меня он не может.*
- ¹³ *После: Это уж из рук вон! — за что люди берут деньги...*
- ^{15—17} Таких людей нельзя пускать ~ говорит, напечатаю. / Такой человек, которого нельзя в дом пускать. Написал ругательную статью на меня и предлагает мне самому купить, а то, говорит, напечатаю.
- ²¹ Ну, хоть для того, чтобы беречься его. / Для того, чтобы остерегаться. [А где он живет?]
- ²⁴ Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. / Я думаю, где день, где ночь. Адрес его можно узнать в редакции, если кому нужно. [Кому только он нужен, не знаю]
- ²⁸ Вы шутите? / Ну, полноте, Вы шутите!
- ³⁰ *Перед: Немного. — [Дал.]*
- ³² А если ему дадут больше? / Ну, а если ему дадут больше, он пожалуй напечатает.
- ³³ Кому же нужно! / Не думаю. Уж это будет слишком подло. Да и кому же нужно
- ^{34—35} Значит, вы покойны. ~ от невесты? / Значит, вы теперь покойны совершенно. Ах, бедный! Как он вас расстроил! Когда же вы ко мне?
Глумов. Когда вам угодно. Располагайте мной, как хотите, я ваш...
- Мамаева. Так вы решительно отказываетесь от невесты?

С. 213

- ¹⁶ *Целый замок висит / Целый замок выстроен*
- ^{19—20} Всё уладил, всё уладил. / Всё уладил [(идет к столу)] (отходит от зеркала). Всё уладил.
- ²¹ *Подходит к столу. / Берет под зеркалом и подходит к столу.*
- ²⁷ *Фразы: Нельзя, нельзя... — нет.*

С. 213—214

- ^{36—2} Женищина отомстит ~ в голову не придёт. / Женщины мстят ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в ум не придёт.

С. 214

- ¹⁵ *После: Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери. — [Комната 3-го действия.] [Терраса]*
- ¹⁸ быстро сделалось / [случилось?] быстро сделалось
- ²² *Перед: Я ничего не думаю — [Не знаю, не знаю.]*
- ^{25—26} Все знакомые тётушки рекомендуют / Все знакомые тетушки указывают

С. 215—216

- ^{8—9} Когда я почувствовал призвание к семейной жизни ~ нет и ошибки. / Когда я почувств<овал> необходим<ость> жениться, я челов<ек>

религ<иозный> [принялся] гляжу на это дело серьезно. — Жениться на деньгах. — Так я не корыстолюб<ив>. — Да у меня довольно и своего. — Жениться по любви. — Так ведь люб<овное> чув<ство> преход<ящее> плотское. — Я понял, что в таком важ<ном> деле, как союз серд<ец> нужно особое [благословение] указание, чтобы он был крепок. — Нужно чудо. — Чудес много на свете.

Гусар. Только мы их не замечаем.

Ег<ор> <Дмитрич>. Да много, вот я вам сейчас расскажу одно чудо.

Гусар. Ну уж ты <нрзб.> расс<казал> <нрзб.> чудо, только слушай.

Ег<ор> <Дмитрич>. Я и ждал чуда и дождался его. Я поехал к одной благочестивой женщине посоветоваться.

Гусар. Не к Манефе ли?

Ег<ор> <Дмитрич>. Нет, я Манефы не знаю. Только что я вошел, не успел еще промолвить слова, она мне прямо, даже не видя меня: Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай замурившись и найдешь. — Где же, я говорю. — Как войдешь в первый незнакомый дом, там ищи. Поутру она мне это сказала, вечером дядюшка привез меня к вам. Чудные дела.

Гусар. У нас в полку был такой случай...

Ег<ор> <Дмитрич>. [Вы видите] Я чтобы испытать, делаю предложение, мне не отказывают. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не спросил до сих пор мою невесту, нравлюсь ли я ей. Я знаю, если не понравлюсь теперь, то понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

Гусар. Непременно благоп<олучен>.

Ег<ор> <Дмитрич>. В этом браке нет людского произвола; следовательно, нет и ошибки.¹

С. 216

¹⁹ Сколько вы денег берёте? / [Вы определены.] Сколько вы денег берете?

[Лазутин. Не за что.² Вас должен благодарить. Меня за вас будут благодарить, что я отрекомендовал такого человека. Вы теперь начнете служить, вы будете иметь хорошее состояние.

Городулин. А вы зачем служите? Чтобы приносить пользу, ну и я <нрзб.>]

С. 217

²² гнусности не сделаю / низости не сделаю

^{28—29} любовные заметки / любовные восторги

³⁰ После: видеть стыдно — делается

¹ Вариант вписан на л. 36.

² Далее: [Мне]

С. 218

¹⁰ сердце остаётся вам / сердце остается ваше

²⁷ Домой, такой печальный? / Домой, что вы такой печальный?

Курчава и н. Вот странный вопрос. Будешь печален, дядя гонит, невесту отбивают.

³¹ Подождите, я вам говорю. / Подождите! я вам приказываю.

С. 219

¹⁰ *После:* Во всяком другом случае я мог бы... — [Нет никакой возможности.]

¹¹ А здесь что же? / Отчего?

¹² Софья Игнатьевна заявляет такие требования... / Софье Игнатьевне нужен добродетельный человек

¹³ Какие? / Так что ж?

¹⁴ *Перед:* Я никак не мог ожидать — [Не имею никаких добродетелей.]

С. 220

⁵ *После:* Очень рада вашему счастью. — [Вы вполне его заслуживаете]

^{11—12} действительно очень недурно, но из всех добродетелей / действительно недурно, и из всех добродетелей

²⁷ войдёт в моду / войдет в славу

²⁹ я этим много для Москвы сделала / я этим много, много для Москвы сделала

С. 222

²³ Как жить после этого? / Как жить на свете после этого.

²⁵ *Перед:* «За три анонимных письма — Продолжим.

³³ *Перед:* В нём ты не обманешься — [Совершенно одобряю твой выбор]

³⁶ прогоню непременно / прогоню

С. 223

⁹ налюбоваться тобой / надивиться на тебя

¹³ *После:* Кому приятно?.. — *Входит Городулин, которого Мамаев не видит.*

¹⁶ *Ремарки:* (не замечая Городулина) — нет.

¹⁸ *Перед:* о рысистых лошадях — [о лягавых собаках]

С. 224

² догадались, что я нечестный / убедились, что я нечестный

^{12—13} Не тогда ли, как вы меня учили / Как вы учили меня

^{21—22} Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват / Перед вами, Софья Игнатьевна, я точно виноват, я вас обманул

²³ обмануть не жаль / обмануть не грех

С. 225

^{3—4} униженно поддакивая после каждого слова / униженно поддакивает вам и после каждого слова

- ^{31–32} Вы сами то же ~ только не в глаза. / Может вы то же друг о друге думаете, что и я о вас.¹
- ^{35–36} кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник / кто-нибудь из вас похитил мой дневник

С. 226

¹ вам достанется / вы пожалеете обо мне

*Варианты театральной писарской копии ГТБ (ТПК₁),
театральной писарской копии МТ (ТПК₂)*

С. 154

⁷ ГОЛУТВИН / Глутвин² (ТПК₁)

¹¹ на правой стороне другая комната / на правой стороне другая — входная (ТПК₂)

³³ уметь воспользоваться / уметь только пользоваться (ТПК₂)

С. 155

^{1–2} И чтоб в этой обширной говорильне я / И чтоб я в этой обширной говорильне (ТПК₁)

С. 157

²¹ по косточке разобрали / по косточкам разобрали (ТПК₁)

С. 159

^{15–16} Ему и не нужна квартира / Ему не нужна квартира (ТПК₁)

³⁰ Кланяется и уходит. / Кланяются и уходят. (ТПК_{1–2})

С. 162

^{19–24} *Текста:* Мама ев. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? ~ Вы меня извините! — нет. (ТПК₁)

^{26–27} сидит человек пишет! Может быть, мы ему мешаем / сидит молодой человек пишет. Может быть, ты ему мешаешь (ТПК₁); сидит человек. Может быть, ты ему мешаешь (ТПК₂)

³⁷ за ворот, что ли, тянули / за ворот тянули (ТПК₁)

С. 163

¹ чай, в долгишках / что в долгишках (ТПК_{1–2})

³ в одной комнате жить / в комнате жить (ТПК₁)

²⁵ всякий думает, что коли стар, так и умён / всякий думает, что он умён (ТПК_{1–2})

²⁶ так чего от них ждать / так что от них ждать (ТПК_{1–2})

^{27–28} я его, понятное дело, остановил / я его остановил (ТПК_{1–2})

^{28–29} в шутку поучение прочесть / в шутку замечание сделать (ТПК_{1–2})

^{30–31} надо, милый, наоборот». Другой ~ среди улицы останавливается / надо наоборот». Другой бы благодарен был (ТПК_{1–2})

¹ Вариант вписан на л. 37 об.

² В таком варианте фамилия сохранена до конца текста рукописи.

³⁴ в гимназии наставления-то / в гимназии-то наставления (ТПК₁)

³⁷ На опасной дороге / На дурной дороге (ТПК₁₋₂)

³⁸ ведут опасные-то дороги / ведут дурные-то дороги (ТПК₁₋₂)

C. 164

² прислуга нехорошая / прислуга не хороша (ТПК₁₋₂)

²⁻³ свободна от обязанности выслушивать поучения / не слушают (ТПК₁₋₂)

⁴⁻⁷ Всех поучал ~ до чувства доходит / Всех учил, всех от мала до велика.

Всякому наставления читал часа по два, до чувства доводил (ТПК₁₋₂)

¹² метафизику-то прочтёшь / наставления прочтешь (ТПК₁₋₂)

³⁴ Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль / Это жаль (ТПК₁₋₂)

C. 165

¹ видеться не желаю / знакомиться не желаю (ТПК₁₋₂)

² Вот уж я за это / Вот я за это (ТПК₁)

⁵ придёшь к нему за советом / к нему придешь за советом (ТПК₁₋₂)

⁷⁻⁹ алчу ~ готов бы целые / потому что чувствую свою глупость. Он, говорят, человек умный, я бы и готов был (ТПК₁₋₂)

¹² как будто прояснится / как будто что-то проясняется (ТПК₁₋₂)

²¹ так этот Мамаев-то / это Мамаев (ТПК₁)

²² Ах, боже мой! ~ Нет, да как же! / Ах, какое счастье! (ТПК₁₋₂)

²³⁻²⁵ я слышал, вы не любите родственников ~ не посмею явиться / вы не беспокойтесь, я слышал, вы не любите родственников, мы можем так же далеки. Я не посмею даже и явиться (ТПК₁); вы не беспокойтесь, я слышал, что вы не любите родственников, мы можем¹ так же далеки. Я не посмею даже и явиться (ТПК₂)

C. 166

³⁻⁴ Маменька! ~ Только не плакать! / Маменька! (ТПК₁₋₂)

⁵ порывались видеть / хотели видеть (ТПК₁); желали видеть (ТПК₂)

⁶⁻⁷ А вы вот родных и / А вот вы и родных и (ТПК₁)

¹¹ Позвольте, батюшка-братец / Позвольте-ко, батюшка-братец (ТПК₁₋₂)

²⁴ Такой отличный, весёлый малый. / Отличный малый, веселый. (ТПК₁)

²⁶ Он всё вас рисует. / Он все вас пером рисует. (ТПК₁₋₂)

²⁸ давеча рисовал / давеча нарисовал (ТПК₁₋₂)

³² Перед: Покажи мне портрет! — (Строго.) (ТПК₁₋₂)

C. 167

³⁻⁴ ну, да это уж до тебя не касается, это моё дело / ну, да это уж мое дело (ТПК₁₋₂)

⁶ Фразы: Что за занятие! — нет. (ТПК₁₋₂)

¹¹ Глум о в его провожает / Глум о в его сопровождает (ТПК₁₋₂)

¹³ трудно и хлопотно / трудно (ТПК₁₋₂)

¹⁴ Глум о в возвращается. / Глум о в входит. (ТПК₁₋₂)

¹ Возможно, в ТПК₁ и ТПК₂ переписчиком пропущено слово: быть

- 20 перед бабой. / перед всякой дурой! (ТПК₁₋₂)
- 21—22 Вы барствовать-то ~ по миру ходили. / Вы барствовать-то любите, а кто даст вам средства на то? Кабы не моя оборотливость, да не мой ум, так вы чуть по миру не ходили (ТПК₁); Вы барствовать-то любите, а кто дает вам средства на то? Кабы не моя оборотливость, да не мой ум, так вы чуть по миру не ходили. (ТПК₂)
- 24 *возвращается вместе с Манефой / возвращается вместе с Манефой, с самым подобострастным видом (ТПК₁₋₂)*
- 31 Ох, чувствуем, чувствуем! / Милости просим. (ТПК₁₋₂)
- 33—34 Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными. / Моими-то руками доходчивее (ТПК₁); Моими-то святыми руками доходчивее. (ТПК₂)
- 35 Примите пятнадцать рублей / Получите пятнадцать рублей (ТПК₁₋₂)
- C. 168
- 3 В оном благочестивом / В оном благочестивом (ТПК₁)
- 12 Послушайте-ко! / Послушайте! (ТПК₁₋₂)
- 15 Ну вот! С какой стати! / С какой стати! (ТПК₁₋₂)
- 21 показываться ему на глаза / показываться на глаза (ТПК₁)
- 23 Приезжаю к Турусиной — не принимают / Приезжаю к невесте — не принимает (ТПК₁); Приезжаю к невесте — не принимают (ТПК₂)
- 28 Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня / Вы человек умный, больше меня (ТПК₁₋₂)
- 31 Все ведут такую — ничего, а я виноват. / Все ведут такую жизнь, а виноват только я один. (ТПК₁₋₂)
- 32—33 лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении / лишать состояния, отнимать у него невесту, лишать его уважения (ТПК₁); лишать человека состояния, отнимать у него невесту, лишать его уважения (ТПК₂)
- 34 А знакомство ваше! Например, Голутвин. / Какое у вас знакомство? Например, этот Глутвин (ТПК₁); Какое у вас знакомство? Например, этот Голутвин. (ТПК₂)
- C. 169
- 1 Язва! Такие люди на всё способны. / Понимаете ли, что такие люди — язва; что они на все способны? (ТПК₁₋₂)
- 4 Что вы, с ума сошли! / Как!.. Что вы! (ТПК₁₋₂)
- 8 Ну, и слава богу! / Тем лучше для вас. (ТПК₁₋₂)
- 9 Послушайте-ко вы, миленький / Послушайте-ко вы, милый (ТПК₁₋₂)
- 9—10 Если мои подозрения / Знайте же, что если мои подозрения (ТПК₁₋₂)
- 11 Вы у меня того... вы берегитесь! / Вы у меня берегитесь! (ТПК₁₋₂)
- 20 *старик, очень важный господин / старый, очень важный господин (ТПК₁₋₂)*
- C. 170
- 14 Вот в чём вся беда / Вот в чем теперь вся беда (ТПК₁₋₂)

С. 171

- ¹⁸⁻¹⁹ чтобы зашёл как-нибудь пораньше / чтобы он пораньше как-нибудь ко мне зашел (ТПК₁₋₂)
²⁵ *Перед*: Я сам с ним завтра — До свидания. (ТПК₁₋₂)
³⁰ *Мамаева и Глумова. / Мамаева и Глумова, потом Мамаев.* (ТПК₁)

С. 172

- ⁷ Вы к сыну несправедливы / Вы несправедливы к своему сыну (ТПК₁₋₂)
¹⁶ никогда не будет / не будет никогда (ТПК₁)
²⁶⁻²⁷ Но едва ли ~ молодого. / Но едва ли не более достоин сожаления, бедный, красивый молодой человек! Ужасно! Ужасно! Ну, представьте себе молодого красавца, у которого (ТПК₁); Но едва ли не более всего достоин сожаления, бедный, красивый молодой человек! Ужасно! Ужасно! Ну, представьте себе молодого красавца, у которого (ТПК₂)
²⁹⁻³⁰ принижает ~ которые так простительны / отнимает смелость, которая так простительна (ТПК₁₋₂)

С. 173

- ⁸⁻¹⁸ Г л у м о в а. Тихий, такой тихий был ~ так памятен... /
Мамаев. Неужели и брат Дмитрий обрадовался. Это что-то на него непохоже.

Г л у м о в а. Ах, не говорите мне, пожалуйста, про него. Бесчувственный был к детям человек; все мне говорил: какого ты мерзавца на свет породила. Гордый был человек, но что ж он своей гордостью выиграл и сам умер в бедности, и нас ни с чем оставил. И так мне этот сон памятен, так памятен... (ТПК₁₋₂)

- ¹⁶ Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться / Я им сказал, что буду слушаться (ТПК₁); Я им сказал, что буду во всем слушаться (ТПК₂)
³⁰ Очень приятно слышать. / Это приятно слышать от вас. (ТПК₁₋₂)
³⁵ много хвалить сына / много хвалить (ТПК₁₋₂)

С. 174

- ¹⁰ Я его видала в театре. / Я его видала (ТПК₁); Я его не видала. (ТПК₂)
³² Да в чём же мне его извинить? / В чем же мне его извинять? (ТПК₁)
³⁸ *задумчиво / в задумчивости* (ТПК₁₋₂)

С. 175

- ⁹ да, он может... / да он быть... (ТПК₁₋₂)
¹⁰ Ему это для жизни / Это для жизни (ТПК₁₋₂)
¹⁸ завидовать сыну / завидовать ему (ТПК₁)
²¹ уж вы меня не выдайте / уж вы меня не выдайте (ТПК₁₋₂)
³¹⁻³² не сказал бы ей спасибо / он не сказал бы ей спасибо (ТПК₁₋₂)
³²⁻³³ подходит ко мне с такой холодною почтительностью / подходит всегда ко мне с такой учтивостью (ТПК₁₋₂)

С. 175—176

³⁵⁻² очень был чувствителен недостаток в обожателях ~ вперёд знаешь, что человек / обожателей у меня было немного, но это оттого, что меня окружали все отжившие, изношенные люди. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни горд, ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно следить за мужчиной, когда наперед знаешь, что он (ТПК₁₋₂)

С. 176

¹² После: Будьте развязнее! — Будьте смелее! (ТПК₁₋₂)

¹³⁻¹⁴ поверяйте мне свои сердечные тайны! / поверяйте мне свои заботы, свои сердечные тайны. (ТПК₁₋₂)

¹⁴ После: Не забывайте, что я ваша тётка. — (Пристально смотрит на него.) (ТПК₁₋₂)

¹⁹⁻²⁹ Дай вам бог ~ совестно /

Дай Бог вам, как можно долее пользоваться красотой и молодостью; я только говорю, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее, ловчее. Если б вы была старуха (*берет стул и садится подле нее*). У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева. А молодая разве не может заботиться о родственниках?

Глумов. Конечно, может, но ее совестно (ТПК₂);

Дай Бог вам, как можно долее пользоваться красотой и молодостью; я только говорю, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее, ловчее.

Мамаева. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Глумов. Если б вы была старуха (*берет стул и садится подле нее*). У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева. А молодая разве не может заботиться о родственниках?

Глумов. Конечно, может, но ее совестно (ТПК₂)

³¹ племянника, просьбы, вечное нытьё / племянника с просьбами, с вечным нытьем (ТПК₁₋₂)

С. 177

² Фразы: Вы меня ловите. — нет. (ТПК₁₋₂)

¹⁴ Уж это ваше дело. / Уж это, тетушка, ваше дело. (ТПК₁₋₂)

¹⁵ про себя / в сторону (ТПК₁₋₂)

С. 178

- ³ человеку / слуге (ТПК₁₋₂)
⁴ Человек уходит. / Слуга уходит. Глумов идет в кабинет (ТПК₁₋₂)
⁸ (с упрёком). Хорош, хорош! / Bon jour! Садитесь. (ТПК₁₋₂)
¹¹ бушует / поднимается (ТПК₁₋₂)
¹⁷ убить или / убить, а не (ТПК)
²⁰ Я уж придумала / Уж я придумала (ТПК); Уж я придумывала (ТПК)
²¹⁻²² решение, без того не казнят / решение преступнику (ТПК₁₋₂)
²² в своих объятиях / в ваших объятиях (ТПК)
²⁶⁻²⁷ там где-то чуть ли не судья / где-то служите (ТПК₁₋₂)
²⁸ перед дамами я всегда... / перед дамами... (ТПК₁₋₂)

С. 179

- ¹⁰ Для обыкновенного смертного найдётся. / Найдется, но только для обыкновенного смертного. (ТПК₁₋₂)
¹¹ И прекрасно. / Прекрасно. (ТПК)
¹² нежно / важно (ТПК₁₋₂)
¹²⁻¹³ Перед: Позвольте мне хоть одним глазком — Но (ТПК₁₋₂)
¹⁴ можно будет его рекомендовать / его можно определить (ТПК₁₋₂)
²³ После: подавая Глумову руку — которую тот принимает развязно, как равный (ТПК₁₋₂)
²⁷⁻²⁸ очень много различных качеств / слишком много различных качеств (ТПК₁₋₂)
³⁰⁻³² Положим, что ~ без протекции / У меня за этим бы дело не стало. Но у нас сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку (ТПК₁₋₂)
³⁴ А что же именно? / Что же такое например? (ТПК₁₋₂)
³⁶ работать за начальников / работать за всех (ТПК₁₋₂)

С. 180

- ¹ уверять их / уверять начальство (ТПК₁₋₂)
² угодно было приказать / угадано, было приказано (ТПК)
² Кроме того, нужно иметь / И кроме того, иметь (ТПК₁₋₂)
¹¹ Слов: вот важная вещь — нет. (ТПК₁₋₂)
¹¹ всё это было прежде / так было прежде (ТПК₁₋₂)
¹⁷⁻¹⁸ Фразы: Вот талант! — нет. (ТПК₁₋₂)
¹⁹ Слов: Я очень рад, что — нет. (ТПК₁₋₂)
¹⁹⁻²⁰ Фразы: Но как мало у нас таких людей! — нет. (ТПК₁₋₂)
²¹ Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей! / Нет, идеи что! Кто же их не имеет! (ТПК₁₋₂)
²² Знаете ли, вы можете / Позвольте, вы можете (ТПК); Вы можете (ТПК)

- ²³ великое одолжение / большое одолжение (ТПК₁₋₂)
²⁴ Всё, что вам угодно. / Что вам угодно. (ТПК₁₋₂)
²⁶ На что же вам? / На что вам? (ТПК₁₋₂)
²⁷ Вам-то я откроюсь. / Я откроюсь (ТПК₁); Я вам откроюсь. (ТПК₂)
²⁸ Слов: Вот в чём дело — нет. (ТПК₁₋₂)
³³⁻³⁴ Стоит ли говорить, помилуйте! / Стоит ли говорить! (ТПК₁₋₂)
³³⁻³⁴ Нет, вы дайте мне такую службу, где бы / Нет, я желал бы такой службы, где (ТПК₁₋₂)

C. 180—181

- ³⁷⁻² Фразы: Как я вас понимаю ~ благотворительном заведении? — нет. (ТПК₁₋₂)

C. 181

- ³ Фразы: Куда угодно. — нет. (ТПК₁₋₂)
⁷ получать отличия / получать за это отличия (ТПК₁₋₂)
²⁷ Похвали что-нибудь / Похвали какую-нибудь мысль (ТПК₁₋₂)
²⁸⁻²⁹ Слов: от этого он не уйдёт — нет. (ТПК₁₋₂)
³⁵⁻³⁶ Врага, что ли, ты нажать себе хочешь? / Разве ты хочешь себе врага нажать? (ТПК₁₋₂)

C. 182

- ¹² Полноте, что вы! Как это можно! / Вот так (стараясь подражать Мамаеву). (ТПК₁₋₂)
¹³ Ну, да ты перед зеркалом / Да ты перед зеркалом (ТПК₁₋₂)
¹³⁻¹⁴ иногда вздохни / иногда вздыхает (ТПК₁); иногда вздыхай (ТПК₂)
¹⁹ женщина темперамента сангвинического / женщина молодая (ТПК₁₋₂)
²⁰ очень легко может увлечься / может увлечься (ТПК₁₋₂)
²¹⁻²² каторжный / безнравственный (ТПК₁₋₂)
²² Фразы: В этих прихвостнях Бога нет. — нет. (ТПК₁₋₂)
²⁷⁻²⁸ Чтoб со стороны не подумали чего дурного / Чтoб не подумали чего дурного, то есть, что я действительно ухаживаю за Клеопатрой Львовной (ТПК₁₋₂)
²⁹⁻³⁰ даже, пожалуй, для вас / даже, пожалуй (ТПК₁₋₂)
³³⁻³⁴ не скажем про Турусину / не скажем про это (ТПК₁₋₂)

C. 183

- ¹ что делать тебе? / что делать надо? (ТПК₁₋₂)
² Что делать? Удивляться уму вашему. / Ах, дядюшка, мне только удивляться остается. (ТПК₁₋₂)
¹⁸⁻¹⁹ Целуйте ручку, ваше дело улажено. / Вероятно, ваше дело уладится. (ТПК₁₋₂)
²¹ сама догадалась / сама догадалась попросить (ТПК₁₋₂)
²⁴ Перед: Я слишком счастлив. — Мне нужно успокоиться. Я испытал сегодня слишком много волнений. (ТПК₁₋₂)

- 28 Значит, не совсем; значит, вы ещё не всего достигли? / Вы всего достигли, чего желали? (ТПК₁₋₂)
- 32—33 Вы хотите в таких молодых годах ~ что думаете / В таких молодых годах и быть материалистом, думать (ТПК₁₋₂)
- 35 Г л у м о в. Клеопатра Львовна... / Г л у м о в. Но Клеопатра Львовна... (ТПК₁₋₂)
- С. 184
- 1 Хотите уверить, что у вас / Вы хотите уверить меня, что вы материалист, что у вас (ТПК₁₋₂)
- 7 *Перед:* Вы говорите, что всего достигли. — Как же (ТПК₁₋₂)
- 8 Я достиг всего возможного / Я говорю только, что я достиг всего возможного (ТПК₁₋₂)
- 17 я не посмею ничего скрыть от вас / я не смею скрыть от вас ничего (ТПК₁₋₂)
- 22 вашу страсть / вашу юную страсть (ТПК₁₋₂)
- 24 Хоть убейте меня, я не смею! / Не смею, хоть убейте меня. (ТПК₁₋₂)
- 27 М а м а е в а. Да. / М а м а е в а (*тихо*). Да. (ТПК₁₋₂)
- 29 *После:* (*тихо вскрикивая*). Ах! — (*Закрывает глаза.*) (ТПК₁₋₂)
- 30 Карайте меня / Казните меня (ТПК₁₋₂)
- С. 185
- 8 *барыня, родом из купчих / барыня, родом купчиха* (ТПК₁)
- 10 *Имени:* МАНЕФА. — *в списке действующих лиц III д. нет.* (ТПК₁₋₂)
- 31 О чём ты ещё спрашиваешь / Об чем ты еще спрашиваешь (ТПК₁₋₂)
- 35 Да что ж такое, что встреча? / Да что ж такое встреча? (ТПК₁)
- С. 186
- 9 сломается экипаж / сломится экипаж (ТПК₁₋₂)
- 11 подвергнешь себя опасности / подвергнешься опасности (ТПК₁)
- 24—25 не понравился Курчаев / не нравится Курчаев (ТПК₁₋₂)
- 26 мне понравиться / мне нравится (ТПК₁₋₂)
- С. 187
- 6—7 вероятно, богомольцы / вероятно богомолки (ТПК₁₋₂)
- 8 *Человек уходит. / Лакей уходит.* (ТПК₁₋₂)
- 18 ты меня этим огорчаешь / ты меня этим огорчишь (ТПК₁₋₂)
- 29—30 хочется поблестеть / хочется блестеть (ТПК₁₋₂)
- С. 188
- 19—20 покорная, самая покорная / покорная (ТПК₁₋₂)
- С. 189
- 6 *Слов:* Турусина. Проси! — *нет.* (ТПК₁)
- 15—16 изнурять себя / изнуряете себя (ТПК₁₋₂)
- 26 Я, признаться / А я, признаться (ТПК₁₋₂)
- 32 *Слов:* Крутицкий. Что такое? — *нет.* (ТПК₁)

- С. 190
- ³ их где встретишь / их встретишь (ТПК₁)
- ⁷ Здоровее телом / Здорова телом (ТПК₁₋₂)
- ⁸⁻⁹ Вообще вы с виду / Вообще с виду вы (ТПК₁₋₂)
- ¹² рано бы ханжить-то / рано вы ханжите-то (ТПК₁₋₂)
- С. 194
- ¹⁸ Что ты глупости / Что ты тут глупости (ТПК₁)
- С. 195
- ¹⁹ Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда. / Зови барышню. (ТПК₁)
- ²⁷ сверхъестественного / естественного (ТПК₁)
- С. 196
- ⁶ Перед: Но я им не верю. — (Передает адрес Глумова.) (ТПК₁₋₂)
- ¹⁸ имеет власть / имеет право (ТПК₁)
- ³¹ О, о, о, ох! Ах, премудрость! / Ох, ох, ох! Ах премудрости! (ТПК₁₋₂)
- ³³ Слов: Ту р у с и н а (грозно). Тише! — нет. (ТПК₁)
- С. 197
- ²² Всегда так спрашивают, как это вы не знаете! / Всегда так спрашивают. (ТПК₁₋₂)
- ²³ Фразы: Ну, уж ты молчи! — нет. (ТПК₁₋₂)
- ²⁸⁻²⁹ Какая ты легкомысленная. / Как ты легкомысленна. (ТПК₁₋₂)
- ³³ Язык-то наш... / Язык-то там... (ТПК₁); [Язык-то там...] (ТПК₂)
- С. 198
- ¹ Сряжайтесь / Снаряжайтесь (ТПК₁₋₂)
- ²⁵ Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки. / Турусина, Мамаев, Глумов. (ТПК₁₋₂)
- С. 199
- ⁸⁻⁹ дверь направо в кабинет, налево в гостиную / справа дверь в кабинет, слева — в гостиную (ТПК₁₋₂)
- ¹¹ После: Входит Глумов, человек у двери — направо (ТПК₁₋₂)
- ¹⁴ После: Выходит Крутицкий. — Глумов почтительно кланяется. (ТПК₁₋₂)
- ¹⁵ Готово? / Ну что готова? (ТПК₁); Ну что готово? (ТПК₂)
- ¹⁶ Подает тетрадь / Вынимает из портфеля чисто переписанную тетрадь (ТПК₁₋₂)
- ¹⁷ берёт тетрадь / берет тетрадь и садится к столу, и достает большой карандаш (ТПК₁₋₂)
- ²⁶ «Вообще»-то не лишнее ли? / «Вообще»-то не лишнее? (ТПК₁)
- С. 200
- ¹⁹⁻²⁰ Мудрено излагать софизмы, а непровержимые истины... / Мудрено ясно излагать софизмы, о непровержимых истинах... (ТПК₁₋₂)

- 28—29 ваше превосходительство. Я должен ~ превосходительства. / ваше превосходительство (с притворной робостью и как бы заикаясь). Я должен оправдаться перед вашим превосходительством. (ТПК₁₋₂)
- 34—35 всей грандиозности ваших мыслей / всей [грациозности] грандиозности ваших мыслей (ТПК₂)

С. 201

- 2—3 выражена прекрасная мысль / выражена совершенно справедливая мысль (ТПК₁₋₂)
- 5 значительное увеличение жалованья председателям и членам / значительно увеличить жалованье Председателям и чинам (ТПК₁₋₂)
- 23—25 потребуется ~ младшим чиновникам. / непременно потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностью, и то только Председателям и Чинам Присутствия, а отнюдь не младшим чинам (ТПК₂); непременно потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностью, и то только Председателям и Чинам Присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. (ТПК₂)
- 31—33 должен быть робок ~ Вот слово: «трепетен» / должен быть рабом и постоянно трепетать.

Крутицкий (изредка взглядывая на Глумова). Да, так, верно, верно!

Глумов. Вот слово: «трепетать» (ТПК₂); должен быть рабом и постоянно трепетать.

Крутицкий (изредка взглядывая на него). Да, так, верно, верно!

Глумов. Вот слово: «трепетать» (ТПК₂)

- 35—36 погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком / погрузившись в чтение и как бы мельком (ТПК₁₋₂)

С. 202

- 1 Перед: Вот ещё! Мне-то какое дело! — (продолжает читать). (ТПК₁₋₂)
- 3 Как же бы я осмелился! / Я никому не показывал. (ТПК₁₋₂)
- 7—8 а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная. / а сам ничего не понимает. А жена тоже дура замечательная (ТПК₂); а сам ничего не понимает. А жена его тоже дура замечательная. (ТПК₂)
- 15—21 Вот ещё нашли человека. ~ письма дать в Петербург / Вот еще нашел человека. Определит он тебя. С ним и знакомиться не надо было. Он у нас считается человеком опасным и очень. Ты это заметь. А впрочем, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу дать письма в Петербург (ТПК₁₋₂)
- 28—36 (с серьезным видом). Что такое? ~ А как же? /

(серьезно). Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Г л у м о в. Молодость моя проведена немножко по-старому.

К р у т и ц к и й. Как по-старому? Что ты, раскольник, что ли?

(ТПК₁);

(с серьезным видом). Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Г л у м о в. Молодость моя проведена немножко по-старому.

К р у т и ц к и й. Как по-старому? Что ты, раскольник, что ли?

(ТПК₂)

С. 203

²⁻³ Сохрани меня бог! Сохрани бог! / Сохрани Бог! Сохрани меня Бог!

(ТПК₁₋₂)

¹¹⁻¹³ Ты присватался ~ Я на деньги глуп / Что ж, ты присватался, что ли?

Тут ведь куш очень порядочный.

Г л у м о в. Деньги для меня не важное дело. Я на это глуп *(ТПК₁₋₂)*

³⁰ Ты меня не обижай! / Ты меня обижаешь. *(ТПК₁₋₂)*

³³ В чём дело? / Что еще такое? *(ТПК₁₋₂)*

С. 204

¹ В посажёные отцы, что ли? Я что-то не пойму. / Я что-то не пойму...

в посаженные отцы, что ли? *(ТПК₁₋₂)*

⁵ Я передам и Софье Игнатьевне. / Я так передам и Софье Игнатьевне.

(ТПК₁₋₂)

¹⁰⁻¹³ Оно скоро будет напечатано ~ осчастливьте, ну и прочее. / Оно вероятно скоро будет напечатано, без моей подписи, мне обещал один редактор; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, знакомый *(ТПК₁)*; Оно вероятно скоро будет напечатано, без моей подписи, мне обещал один знакомый редактор. *(ТПК₂)*

¹⁷⁻¹⁸ Что уж очень бранят молодёжь! / Что уж так очень бранят молодежь!

(ТПК₁₋₂)

¹⁹ с сердцем малый / с сердцем *(ТПК₁₋₂)*

³¹ *возвращается с креслом / возвращается и ставит кресло (ТПК₁);
Вносит и ставит кресло. (ТПК₂)*

³⁵⁻³⁶ нелюбезный старичок / нелюбезный старик *(ТПК₁)*

С. 205

¹ да уездился / да уж и уездился *(ТПК₁)*

³ *(сажаясь)*. Нынче и молодёжь-то / Нынче и молодежь-то *(ТПК₁₋₂)*

¹²⁻¹⁴ дозволить. Мы, бывало ~ прочесть не умеют. / разрешить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче спроси-ко, они и одного монолога не прочтут, а и читать-то не умеют. *(ТПК₁₋₂)*

¹⁷ грустны / грустные *(ТПК₁₋₂)*

²⁰ Ведь, чай, этому лет / Ведь, чай, прошло лет *(ТПК₁₋₂)*

- 26 Ведь уж и вы его балуете. / Ведь уж и вы что для него делаете. Как ему не быть вам благодарным! (ТПК₁₋₂)
- 27 Да чем же? / Да что же, что? (ТПК₁₋₂)
- 32 Чем же балуем? / Что же мы для него делаем? (ТПК₁₋₂)
- 33 Слов: Какую невесту нашли... — нет. (ТПК₁₋₂)
- 34 Какую? Вы ошибаетесь. / На ком, вы ошибаетесь! (ТПК₁₋₂)
- 37 После: А ты, сестра, умерь уныние души! — Бесподобно! (ТПК₁₋₂)

C. 206

- 2 Будто не знаете? / Будто вы не знаете? (ТПК)
- 3 После: Двести тысяч приданого. — Шутка сказать... (ТПК₁₋₂)
- 11—12 Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте / Вы, говорит, не подумайте (ТПК₁₋₂)
- 14—15 Я, говорит, не из приданого ~ ангел, говорит / Так, говорит, не из приданого; а мне, говорит, девушка нравится. Ангел, говорит (ТПК₁₋₂)
- 20 Что с вами? / Что вы? (ТПК₁₋₂)
- 21 Ах, я больна совсем! / Дурно мне. (ТПК₁₋₂)
- 29 веселье отравить / веселье помрачить (ТПК₁₋₂)
- 32—33 После: Заняться на досуге. Никого не принимать. / Никого не принимать. Заняться на досуге. (ТПК₁₋₂)

C. 207

- 9 из боковой двери с дневником / из внутренней двери с дневником (ТПК₁₋₂)
- 11 записан весь / целиком записан (ТПК); целиком внес (ТПК)
- 13—18 Ну, да это не мешает ~ женщины завистливы, любить-то / Ну, да это не лишнее, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка еще, прелесть, что за человек, сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся, надо было слегка, а я начал всерьезную. Как мы ни скрываем от нее наше сватовство, а ведь все же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить (ТПК₁₋₂)
- 24 И каждый день, каждый день. / И каждый день, маменька, каждый день. (ТПК₁₋₂)

C. 208

- 2—6 Ух, долго! Измучаешься. ~ (Заслыша стук экипажа, подходит к окну.) / Ах, долго! Измучаешься. Богатство само в руки плывет; прозевать такой случай будет грех непростительный. (Садится к столу.) Что-то я хотел добавить в дневник? Да... расход записать. Две табакерки приживалкам. (Слышен шум подъехавшего экипажа.) (ТПК); Ах, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет грех непростительный. (Садится к столу.) Что-то я хотел добавить в дневник? Да... расход записать. Две табакерки приживалкам. (Слышен шум подъехавшего экипажа.) (ТПК)

- ⁸ *После: Входит Мамаева. — Глухов идет к ней навстречу. (ТПК₁₋₂)*
- ¹¹⁻¹⁴ Мог ли я ожидать ~ зашла вашу матушку навестить. / *(целуя руку Мамаевой)*. Милости просим, какими судьбами? Мог ли я ждать такого счастья!
- Мамаева. Заехала вашу татап навестить. *(ТПК₁₋₂)*
- ¹⁵⁻¹⁷ Она только вышла ~ Жаль! / Она только что вышла перед вами.
- Мамаева. Ах, жаль... *(ТПК₁₋₂)*
- ²²⁻²³ Да вы знаете ли ~огорчить-то вас чем-нибудь / Это уж слишком! Сделать вас несчастной! Да вы знаете ли, какое это преступление! Даже огорчить-то вас чем-нибудь, такого ангела *(целует ей руку)* *(ТПК₁₋₂)*
- С. 208—209
- ³⁶⁻¹ *Слов:* душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца — *нет.* *(ТПК₁)*
- С. 209
- ⁴⁻⁵ мои вздохи пропадали, гасли даром / мои вздохи, самое лучшее богатство души моей, пропадали почти даром *(ТПК₁)*; мои вздохи, самое лучшее богатство души моей, пропадали, гасли даром *(ТПК₂)*
- ⁷⁻⁸ согрели бедное сердце / согрели мое сердце бедное *(ТПК₁₋₂)*
- ¹² *Перед:* Вы женитесь? — *(холодно)*. *(ТПК₁₋₂)*
- ²² *После:* Да разве может... — Я думал, что дядюшка советовался с вами. *(ТПК₁₋₂)*
- ²⁵ *После:* Может быть, обеих. — Спросите себя хорошенько, не любите ли вы ее. Мне кажется, что вы ее любите. *(ТПК₁₋₂)*
- ³⁸ *Фразы:* А то вы себя выдадите. — *нет.* *(ТПК₁₋₂)*
- С. 210
- ³ отделивался полусловами / отделивался все полусловами *(ТПК₁₋₂)*
- ⁶⁻⁷ *Звонок.* Кто это? Вот очень нужно! / *(Звонок, с неудовлетворением.)* Кто это, очень нужно! *(ТПК₁)*
- ³³⁻³⁴ не было совсем, ну, так и заплатите! / не было, ну, так и заплатите! *(ТПК₁₋₂)*
- С. 211
- ³ А всё-таки, должно быть, честнее / Знаю только, что честней *(ТПК₁₋₂)*
- ¹¹⁻¹² повадитесь, в другой раз придёте / в другой раз придете *(ТПК₁₋₂)*
- ¹⁴ *(указывая на дверь)*. Прощайте. / Ну, нет уж, покорно благодарю *(раскрывая дверь)*. Прощайте. *(ТПК₁₋₂)*
- ¹⁷ деньги пустые / деньги нужны *(ТПК₁₋₂)*
- ²⁷ Что за низость! / Что за гадость! *(ТПК₁₋₂)*
- ³¹ *Идёт в переднюю.* / *Уходит.* *(ТПК₁)*
- ³² *Идёт за Голутвиным.* / *Подходит к входной двери.* *(ТПК₁₋₂)*
- С. 212
- ⁴ *После:* Это ужасно! — *(переворачивает листы)*. Всем, всем досталось! А как он умен однако. *(ТПК₁₋₂)*

- ⁷ (Оттирает слёзы. Подумавши.) / (Оттирает слезы и задумывается.) (ТПК₁₋₂)
- ⁷⁻⁸ Он никак не подумает на меня! (Прячет дневник в карман / Он никак на меня не подумает, никак! (Кладет дневник) (ТПК₁); Он не подумает на меня никак! (Кладет дневник) (ТПК₂))
- ¹¹ После: он приползёт ко мне. — Подозревать меня он не может. (ТПК₁₋₂)
- ¹³ После: Это уж из рук вон! — за что люди берут деньги... (ТПК₁₋₂)
- ¹⁵⁻¹⁷ Таких людей нельзя пускать ~ а то, говорит, напечатаю. / Такой человек, которого нельзя в дом пускать. Написал ругательную статью на меня и предлагает мне самому купить, а то, говорит, напечатаю. (ТПК₁₋₂)
- ²¹ Ну, хоть для того, чтобы беречься его. / Для того, чтобы остерегаться. (ТПК₁₋₂)
- ²⁴ Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. / Я думаю, где день, где ночь. Адрес его можно узнать в редакции, если кому нужно. (ТПК₁₋₂)
- ²⁸ Вы шутите? / Ну, полноте, Вы шутите! (ТПК₁₋₂)
- ³⁰⁻³⁵ Немного. Он ведь не дорог. ~ Так вы решительно / Дал немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.
 Мамаева. Ну, а если ему дадут больше, он пожалуй напечатает.
 Глумов. Не думаю. Уж это будет слишком подло. Да и кому же нужно, у меня врагов нет.
 Мамаева. Значит, вы теперь покойны совершенно. Ах, бедный!
 Как он вас расстроил! Когда же вы ко мне?
 Глумов. Когда вам угодно. Располагайте мной, как хотите, я ваш...
 Мамаева. Так вы решительно (ТПК₁₋₂)
- С. 213
- ¹⁰ Жду вас сегодня вечером. (Уходит.) / Жду вас сегодня вечером. (Уходит, Глумов провожает и потом возвращается.) (ТПК₁₋₂)
- ¹⁶ Целый замок висит / Целый замок выстроен (ТПК₁); Целый замок выстроил (ТПК₂)
- ¹⁹⁻²⁰ Всё уладил, всё уладил. / Все уладил (отходит от зеркала). Все уладил. (ТПК₁₋₂)
- ²¹ Подходит к столу. / Берет под зеркалом и подходит к столу. (ТПК₁₋₂)
- ²⁷ Слов: Нельзя, нельзя... — нет. (ТПК₁₋₂)
- ³³ После: Если он, я выкуплю — во что бы то ни стало выкуплю (ТПК₁₋₂)
- С. 213—214
- ³⁶⁻² Женщина отомстит ужасно ~ мужчине и в голову не придёт. / Женщины мстят ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в ум не придет. (ТПК₁₋₂)

- С. 215
¹⁰ это не в моих правилах / не в моих правилах (ТПК₁)
²⁹ Как войдёшь / Как взойдёшь (ТПК₁₋₂)
- С. 217
²² такой гнусности / такой низости (ТПК₁₋₂)
²⁸⁻²⁹ любовные заметки / любовные восторги (ТПК₁₋₂)
³⁰ После: в чужих руках видеть стыдно — делается. (ТПК₁₋₂)
- С. 217—218
³⁶⁻¹ молодым человеком / мальчиком (ТПК₁); милым [мальчиком] юношей (ТПК₂)
- С. 218
¹⁰ сердце остаётся вам / сердце остается ваше (ТПК₁₋₂)
³¹ Подождите, я вам говорю. / Подождите! я вам приказываю. (ТПК₁₋₂)
- С. 219
¹⁶ Что несовместно? / Что несовместно-то? (ТПК₁₋₂)
- С. 220
¹² очень недурно, но / недурно, и (ТПК₁₋₂)
²⁶ Вот бы я и пригласила / Вот я и пригласила (ТПК₁₋₂)
²⁷ войдёт в моду / войдет в славу (ТПК₁₋₂)
²⁹ много для Москвы / много, много для Москвы (ТПК₁₋₂)
- С. 221
²² Но ведь это не из редакции? / Да ведь это не из редакции? (ТПК₁₋₂)
- С. 222
³⁻⁴ подробности его жизни, если это только не выдумки / подробности жизни, если только это не выдумка (ТПК₁₋₂)
¹² заложена закладкой / заложена закладочкой (ТПК₁₋₂)
²³ и доброй глупо! Как жить после этого? / а доброй глупо! Как жить на свете после... (ТПК₁); а доброй глупо! Как жить после этого на свете? (ТПК₂)
³⁶ прогоню непременно / прогоню (ТПК₁)
- С. 223
¹³ После: Кому приятно?.. — *Входит Городулин, которого Мамаев не видит.* (ТПК₁₋₂)
¹⁶ Ремарки: (не замечая Городулина). — нет. (ТПК₁₋₂)
¹⁸ одним господином назван либералом / один господин назвал либералом (ТПК₁₋₂)
- С. 224
¹²⁻¹³ Не тогда ли, как вы меня учили / Как вы учили меня (ТПК₁)
¹⁷⁻¹⁸ просить у вас разных советов / просить у вас советов (ТПК₁₋₂)
²³ обмануть не жаль / обмануть не грех (ТПК₁₋₂)

С. 225

^{3—5} униженно поддакивая ~ по всем вашим членам / униженно поддакивает вам и после каждого слова говорит «ваше превосходительство», у вас по всем членам (ТПК₁₋₂)

²⁹ человек иначе к вам относиться / человек к вам иначе относиться (ТПК₁₋₂)

³³ После: вы бы мне аплодировали — вы бы превозносили мое остроумие. (ТПК₂)

^{35—36} кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник / кто-нибудь из вас похитил мой дневник (ТПК₂)

С. 225—226

^{29—1} *Текста:* Вы подняли во мне всю жёлчь. ~ Нет, господа, горько вам достанется. — *нет.* (ТПК₂)

^{37—1} Вы гоните меня ~ горько вам достанется. / и гоните меня и вы думаете, что это все, — тем дело и кончилось? И вы думаете, что я вас прощу. Нет, господа! горько вы пожалеете обо мне! (ТПК₂)¹

¹ *Текст:* Вы подняли во мне всю желчь. ~ Нет, господа! горько вы пожалеете обо мне! — *вписан отдельно на л. 86* (ТПК₂).

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Варианты чернового автографа

Начато: Комедия из народного быта [с хорами, песнями и плясками]
в 5 действиях

С. 228

⁵ *После:* ПАРАША, дочь его от первой жены. — /

1) [Варвар Мордарыч Грабодоев, *городничий.*]

2) [Серрапион Мардарыч Грабодоев, *городничий.*]

^{14—15} *Слов:* Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове. — нет.

²³ *После:* надо вам бросить — [и думать не мочь]

С. 229

^{2—3} только вот перебор... ~ да и на поди! /

1) только вот тут перебор труден...

2) только вот перебор... Видишь? Каким пальцем действие...

И как это трудно...

3) Видишь? Каким пальцем действие идет. Страсть как трудно...

4) только вот перебор... Видишь? Не выходит, да и на поди.

^{6—7} Зачем же мне его бросать ~ ты то подумай! /

1) *Начато:* Я так-то и

2) Зачем бросать?

3) Зачем же мне его бросать, дядюшко Силантий! Что я труда положил, ты то подумай!

¹⁶ об голову мою / об голову об мою

²⁹ разговор станет у него не явственный / 1) разговор какой-то стал неявственный; 2) разговор станет у него какой-то неявственный

³⁰ ну, а потом обойдётся, ничего /

1) а лютоги не убывает

2) ну а потом обойдётся, ничего.

Гаврило. А хозяин дома?

Силан. Должно, что в гостях, оба давно ушли.

3) ◊

С. 232

³⁸ в чулки спрятаны / 1) в платке завязаны; 2) в чулке спрятаны

С. 235

^{10—11} Г а в р и л о. Где ж это? ~ У Хлынова был /

1) Г а в р и л а. В комедии, что ль, был?

В а с я. Что комедия!

2) ◊

14—15 Разве у тебя~ Какие дела! /

1) Что ты всё по гостям, тебе бы за дело приняться.

В а с я. За какое дело?

2) ◊

20 Чудеса! Он теперь на даче живёт, в роще своей. / 1) Он теперь все дела бросил и на даче живет; 2) ◊

35—36 *После:* этакой чести не дождётся. — [И прислуга, которые вина разносят, в черкесских шапках, так их, кто пошел <?>, не снимают]¹

С. 236

⁷ Эх, брат Вася! Кому ты позавидовал! / 1) Эх, брат! боюсь я, ничего из тебя путного не выйдет. Ну кому ты завидуешь! 2) ◊

25—28 денег у Хлынова много ~ горстями бросать». / 1) жить ему скучно, а выдумывать ленив; 2) денег у него много, а выдумывать себе разные забавы ленив; 3) денег у него много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать».

С. 238

⁶ В а с я. Валяй! / 1) Вот на вечеринках ночуя, с девушками, уж очень политично; 2) ◊

С. 239

34—35 за что ~ житья от вас нет. / 1) за что вы дочь-то тиранствуете? 2) ◊

С. 240

6-е явление I действия написано на л. 9 об. — 10 об. в разных местах, реплики идут не по порядку.

Начало первой редакции 6-го явления I действия:

М а т р е н а. Что ты, Наркис? Аль тебе нужно чего?

Н а р к и с. Да, мне теперича очень нужно.²

¹¹ *Перед:* Как ты можешь — Ах, друг мой.³

¹³ *Перед:* Вообразите! — Да?

33—34 Что ж, ты боишься ~ Стану я бояться, очень нужно! /

1) Я что-то на это не труслива.

Н а р к и с. Да и я не очень чтобы... А все-таки, оно, знаешь

2) ◊

С. 242

² А то я таких делов наделаю / 1) Вот тебе и сказ; 2) ◊

¹⁶ Я не барабанщик, впереди тебя ходить. / 1) Воспитал; 2) Ты не офицер, я не солдат, что ты командуешь-то! 3) Я не барабанщик вперед тебя ходить

²⁰ так ведь уйду же и на улицу / так ведь и на улицу уйду

¹ Вписано на полях.

² Записано на полях.

³ Вписано на полях.

33—36 Что я, мешаю тебе, что ли ~ как мне хочется. /

1) *Голос Курослепова.*

М а т р е н а. О! Чтоб вам пусто было! (*Уходит. Параша идет к садику. Вася и Гаврилко сходят с крыльца.*)

Г а в р и л а (*Параше*). Погулять вышли?

П а р а ш а. Погулять.

2) П а р а ш а. Вынула ты из меня всё сердце, вынула. Что я мешаю тебе, что ли, что погулять ушла. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

3) Вынула ты из меня всё сердце, вынула. Что я тебе мешаю, что ли, что по двору погуляю. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

На полях: 1) Много ль у нас воли-то в нашей жизни, в девичьей. Вот отдадут замуж и

2) Много ль у нас воли-то в нашей жизни, в девичьей? Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — всё чужая, всё чужая. Молода, так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба покорная. Так отдам ли я тебе эту дорогую короткую волюшку? Всё, всё возьми, а воли не отдам. На нож пойду за нее! Не с кем мне вечерен коротать, нечем сердечка согреть, так я вот сяду под деревце, подопру рукой голову да подумаю, как на воле-то люди живут счастливые, да сама про себя песенку спою.

3) Много ль у нас воли-то в нашей жизни, в девичьей. Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — всё чужая, всё чужая. Молода, так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба бессловная. Так отдам ли я тебе эту дорогую короткую волюшку? Возьми зверя лютого из лесу, и тот у девки воли не отымет, а ты отнять хочешь. Всё, всё отнимите у меня, а воли я не отдам. На нож пойду за нее!

4) Много ль у нас воли-то в нашей жизни, в девичьей. Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — всё чужая, всё чужая. Молода, так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали, так мужнина, мужнина раба беспрекословная. Так отдам ли я тебе эту дорогую короткую волюшку? Всё, всё отнимите у меня, а воли я не отдам. На нож пойду за неё!

На полях: Конец 1-го действия

С. 248

⁴⁻⁵ *Текст:* Что ты в самом деле! ~ Милый ты мой, милый! — *вписан на полях.*¹

¹ *Далее:* [(Горячка)]

С. 250

²⁸ обернись ты к ней задом / 1) оборотись вот в эту сторону; 2) ◊

^{30—31} храбрость большая, а дух у него короткий / 1) храбрость короткая; 2) ◊

^{34—35} опивум по стакану принимают / 1) опивом напиваются; 2) ◊

С. 252

³ закуска-то / 1) водка-то; 2) ◊

¹⁴ Реплика: Ну да, как же не средство! — в первом слое текста принадлежит Курслепову.

С. 253

¹⁶ что только разве пожарной трубой уймёшь / 1) что святых вон выноси; 2) ◊

С. 254

⁵ на какую-нибудь невежу-гостя / на какую невежу, на гостя неучтивого

¹⁹ Каждый идёт на прежнее место / 1) Расходятся по местам; 2) Каждый отходит на прежнее место

С. 255

^{2—3} Беги в молодцовскую, принеси фонарь.

Работник уходит. /

1) Сей секунд беги в молодцовскую.

2) ◊

⁹ Все? Ах, полтора! ~ (Падает на скамью.) / 1) Ах, полтора! Умерла! Караул! 2) ◊

²⁰ Ах! До меня, до меня добираются / 1) Ай! Режут; 2) Ай! Пуще всего, не трожьте вы меня! 3) Ай! до меня, до меня добрались; 4) ◊

^{23—24} Пуще всего не режьте вы меня и не трожьте моего тела белого! / 1) Пуще всего, не трожьте вы меня! 2) ◊

С. 255—256

^{32—3} Что вы, оглашенные! ~ Теперь все мои чины как есть в ничто... / 1) Что вы, оглашенные! 2) Что вы, оглашенные! (Силану.) Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... а ты ему назад руки при народе. И что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто... 3) Что вы, оглашенные! (Берет за ворот Силана.) Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... а ты ему назад руки при народе. И что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто... 4) Что вы, оглашенные! (Вырывается и хватает за ворот Силана.) Сер<апион> Мор<дарьич>, госп<один> город<ничий>, суди его. Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! (Силану.)

Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... а ты ему назад руки при народе. И что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто... 5) Что вы, оглашенные! (*Вырывается и хватается за ворот Силана.*) Сер<апион> Мор<дарыч>, госп<один> город<ничий>, суди ты его. Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! (*Силану.*) Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... опять же моим иждивением... а ты ему руки назад при народе. И что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто... 6) ◇

С. 258

³⁵ вот теперь и не хочется / вот теперь не хочется

С. 258—259

³⁵⁻¹ А он с голоду помирать... да полтора ста рублей! / А он полтора ста рублей!

С. 259

¹⁻² за это расстройство / за этакое расстройство

² *Вместо: Гавриле. — Гаврилу!*

¹⁴ на столбушке / 1) на крылечке; 2) ◇

²⁸ Полно! ~ За меня в солдаты? / 1) Уж тут я, одна я виновата. За меня он страдает; 2) ◇

³²⁻³⁴ Боже мой! ~ а его погонят, погонят! / 1) Если бы он не любил меня, не быть бы ему здесь — не быть бы в солдатах; 2) Если бы он не любил меня, не быть бы ему здесь... грех-то какой! 3) Грех-то какой! Он пришёл повидаться со мной, а его в солдаты от отца, от меня. Отец-старик один останется, а его погонят, погонят; 4) ◇

С. 260

¹⁷⁻¹⁸ (*Кланяется в ноги.*) Останьтесь, матушка, родная, останьтесь! / 1) *текста нет*; 2) (*Хватает за бурнус и хочет удержаться*); 3) ◇

С. 261

²⁷⁻²⁸ Ты хитра, а я хитрей тебя; рыба хитра, а человек премудр / 1) Ты хитра, а челове<к>; 2) Ты хитра, а я хитрей тебя, рыба хитра, а человек хитрее; 3) ◇

С. 262

¹⁶ в арестантской соблюдается покудова / 1) в арестантской сидит; 2) в арестантской соблюдается

¹⁸ Как есть грехи... Натворили... паче песка морского. / 1) Да вот уж! (*Показывает*); 2) ◇

¹⁹⁻²¹ Как же быть-то! ~ Силён, ну и чудит /

1) Надо Васю выручать! Что это на вашего хозяина уёму нет!

¹ *Начато:* [обраща]

С и л а н. Силён.

2) ◊

^{29—30} Что только за дела у нас ~ чудное дело какое! / 1) Что за дела только у нас в городе! Ну уж обыватели! Дикие люди, говорят, есть какие-то, так там простительно, потому что они уж так от начала мира. Да и то, чай, только одна слава на них; а наши хуже. Самоеды! Вот нашим одно название: самоеды! 2) Что только за дела у нас в городе! Ну уж обыватели! Дикие люди, говорят, есть какие-то, так там простительно, потому что они уж так от начала мира. Да и то, чай, только одна слава на них; а наши стараются, как бы хуже диких им быть. Самоеды! Самоеды! Вот нашим одно название: самоеды! 3) Что только за дела у нас в городе! Кажется, никаким умом не сообразить! И чудное это дело! Обчество, так и должно быть обчество, а у нас точно братья разбойники. Ну уж обыватели! Дикие люди, говорят, есть какие-то, так там простительно, потому что они уж так от начала мира. Да и то, чай, только одна слава на них; а наши стараются, как бы хуже диких им быть. Самоеды! Самоеды! Вот нашим одно название: самоеды! 4) Что только за дела у нас в городе! Ну уж обыватели! Самоеды! Самоеды! Да и те, чай, обходительнее. Ишь ты, чудное дело какое!

С. 265

^{30—36} С ума я сойду ~ думал на кого-нибудь? / 1) (Силану). Я его спрашивал, не имеешь ли, мол, подозрения, нет, говорит, не имею; 2) ◊

С. 266

^{23—24} У него за душой есть ли железный грош? ~ очень даже достаточно. / 1) У него за душой есть ли железный грош? А совести; так у миллионщика ее столько не найдешь; 2) ◊

^{28—31} Так вот же ~ Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской. /

1) Знать не знаю...

Г р а д о б о е в (подбегает к нему с кулаками). Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

2) ◊

С. 267

^{14—28} Ты что тут, друг любезный, шатаешься? ~ И хозяин прогнал без расчёту. /

1) Г р а д о б о е в. Ты что?

Г а в р и л о. Хозяин расчёту не дает.

Г р а д о б о е в. Не дает?

Г а в р и л о. И прогнал без расчёту.

2) Г р а д о б о е в. Ты что, друг милый, тут шатаешься.

Г а в р и л о. К вашему высокоблагородию.

Г р а д о б о е в. Вижу.

Г а в р и л о. Без места я теперича.

Градобоев. Разве без места-то хорошо.

Гаврило. Я, Серапион Мордарьич, ничему не причинен. Я не только без места, я теперича без копейки.

Градобоев. Еще хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, [братец т<ы>] милый, об тебе заботиться надо.

Гаврило. Не оставьте!

Градобоев. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того на чужое тогда руки чешутся; ну, а такие люди близки сердцу моему.

Гаврило. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Градобоев. Не отдают?

Гаврило. Так и хозяин взял да прогнал без расчета.

3) Градобоев. Ты что, друг милый, тут шатаешься.

Гаврило. Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с.

Градобоев. Нехорошо! Кто без места, тот прохвост.

Гаврило. Я, Серапион Мордарьич, ничему этому не причинен. Не то что без места, я теперича, как есть, без копейки.

Градобоев. Еще хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, милый, об тебе заботиться надо.

Гаврило. Не оставьте!

Градобоев. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того на чужое тогда руки чешутся; ну, а такие люди близки сердцу моему.

Гаврило. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Градобоев. Не отдают?

Гаврило. И хозяин прогнал без расчета.¹

С. 268

¹³ *После*: кормить-то будете? — [А ты говоришь, где правды искать! Вот она, где правда-то, у богатых купцов в кармане. Скажет мне твой хозяин, чтоб я тебя в арестантскую посадил, я тебя и в арестантскую посажу] [А ты еще говоришь, где суда искать! Вот он где, суд-то, у богатых купцов в кармане. Скажет мне твой хозяин, чтоб я тебя в арестантскую посадил, я тебя и в арестантскую посажу]²

С. 270

^{14—15} *Реплика*: Ну, будет про это. Теперь давай потолкуем о житье-то, Вася, голубчик, Вася! — *выделена знаком*: NB.

¹ *На полях между знаками*: NB — *вписан текст*: К вашему высокоблагородию ~ На что мне чужое! *Знаком NB сбоку также помечены реплики*: Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с; Разве без места-то хорошо; Я, Серапион Мордарьич, ничему не причинен; Еще хуже! ~ заботиться надо; И хозяин прогнал без расчета; Явлю. Подожди, вот придет твой хозяин, я с ним разделяюсь; Стало быть, мне теперь голодной смертью помирать?

² *На полях знак*: NB

С. 274

¹ *После:* Ну, да кстати — скажу ему, может, и заступится

⁶ *выводят Хлынова и Барина с усам / выходят Хлынов и барин*

^{26—27} Из такого нестоющего дела, братец ты мой, ты меня тревожишь /
1) Это я все в одну минуту; 2) ◊

³² стал понимать / 1) стал заниматься; 2) ◊

С. 275

^{2—3} Сейчас на свою дистанцию, назад! / 1) Твоя дистанция назад; 2) ◊

²⁰ предводителю нашему купеческому / 1) предводителю нашему;
2) предводителю нашему купеческому; 3) нашему купеческому пред-
водителю

^{33—34} Ну уж, господин Хлынов ~ ограничу. /

1) *Начато:* так как он мне сейчас нужен

2) Ну уж, Хлынов, ты знай своё дело, а мы своё.

3) ◊

С. 276

^{13—19} покорнейше я вас прошу ~ ура кричать. / 1) покорнейше прошу. Стер-
ляди в садках соскучились; за шампанским не в Москву посылать.
Полковая; 2) покорнейше я вас прошу щи да кашу кушать. А может,
поищем и стерлядей найдем, — я слышал, что они в садках сидеть со-
скучились; давно в уху просят. Винца тоже отыщем, кажется, у меня
завалилась бутылочка где-то; а не поленятся лакеи, так и в подвал
сходят, дюжину-другую шампанского принесут. Здоровье начальства
с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать; 3) покор-
нейше я вас прошу щи да кашу кушать. А может, поищем и стерлядей
найдем, — я слышал, что они, в садках сидя, соскучились; давно в уху
просят. Винца тоже отыщем, кажется, у меня завалилась бутылочка
где-то; а не поленятся лакеи, так и в подвал сходят, дюжину-другую
шампанского притащат. Так как вы наше начальство, будем здоровье
ваше пить с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать.
Милости просим, господ!

С. 277

^{10—11} будем на нутрь принимать / 1) повторим; 2) ◊

²³ *Слова:* ПРИСЛУГА. — нет.

С. 278

⁴ *Человек уходит.* / 1) *Лакей уходит;* 2) ◊

^{15—16} исправны ли обыватели / исправные ли мы обыватели

^{33—34} А ежели мы ~ до самого дому. / 1) А ежели в нем настоящей крепости
нет, садись против него и держи за плечи до самого дому; 2) ◊

³⁴ (*Хочет идти.*)

Б а р и н. Ты останься с полковником! ~ людей за ним.) /

1) Барин. Я пойду посмотрю. (*Уходит.*)

2) (*Хочет идти.*)

Барин. Ты останься с полковником! Я пойду провожу. (*Уходит, и несколько людей за ним.*)

С. 279

²⁷ на сирот / на приют

³⁶ После: боюсь вас, чертей! — [Когда вы захлеб<нёте>]

С. 280

¹⁻³ Всё это нам, господин полковник, на пользу сотворено... ~ Каждый день с вами это случается. /

1) Все это нам на пользу сотворено: только употребляй.

2) Все это нам, господин полковник, на пользу сотворено... ежели иной раз и много, так что ужасно даже много...

Градобоев. Иной раз! Каждый день это случается.

3) ◊

⁹⁻¹¹ (*Подает три сторублёвые ассигнации.*) ~ Ну тебя, не надо! / 1) Позвольте вам штраф отдать за мое безобразие; 2) (*Подает три сторублевых ассигнации.*); 3) ◊

С. 284

¹⁶ После: еройский дух... —

Аристарх. [Без труда ничего нельзя. Хочешь быть человеком, потрудись, а хочешь жить весело, ступай в шуты]

Заметки на л. 40 об.: Неполный я человек-то

Да невозможно, что вы, помилуйте

С. 285

¹¹⁻¹⁵ Поляна в лесу. ~ Вечерняя заря. / 1) Лес, небольшой плетёный сарайчик — за лесом, у заднего занавеса, дорога, на занавесе поля и вдали деревня. Вечерняя заря; 2) ◊

С. 287

²⁰ Ну не наваждение ли это дьявольское! / Ну не наваждение это дьявольское!

С. 288

⁷ Слуги берут его под руки / 1) Люди берут его под руки; 2) ◊

¹⁶ густым басом / 1) не своим <голосом>; 2) ◊

С. 292

⁶⁻⁹ Ты меня не узнаёшь? ~ О!.. / 1) Что ты испугалась, красавица моя? Ты меня не бойся. Я атаман огромной и могущественной шайки разбойников. Ты будешь нашей повелительницей; 2) ◊

¹²⁻¹³ Хочешь парчи ~ Только люби меня. / 1) Хочешь парчи, хочешь бархату? Каменьев, самоцветов, бриллиантов? Я осыплю тебя с головы до ног, только люби меня, добра молодца; 2) ◊

³² Далеко вам, далеко! / Далеко вам до нее!

С. 294

⁷ *Ремарки: (отступая) — нет.*

³⁴ *После: Вот когда я обижена. — Вот когда я обругана!*

С. 295

²⁻³ *Была меня судьба, была... / 1) Была меня судьба моя злосчастная, была; 2) ◊*

С. 298

¹⁸ *тише / 1) не визжи; 2) ◊*

³³ *Да ещё взыскивают. / 1) Какие такие; 2) ◊*

С. 299

²³ *Сорока на хвосте принесла. / После наговоришься.*

³¹⁻³² *Ну, иди, красавица ~ душой своей отвечаю. / 1) Иди в свою комнату, ничего не бойся. Я тебе отвечаю; 2) ◊*

³³ *На отца не гневись: он не столько со злобы, сколько от слабости. / 1) Ведь; 2) Весь этот случай тебе на пользу; 3) ◊*

³³⁻³⁴ *Что делать! / Что делать-то!*

С. 300

¹ *После: Посматривай! — Поглядывай!*

⁴ *Перед: Расставляй команду — Явление 5.¹*

²² *Взглянув наверх. / Взглянув вверх.*

³² *предсказывать-то / 1) философствовать-то; 2) ◊*

³⁵ *Слезай, говорят тебе! Проклажаться-то некогда / 1) Сходи, не бойся! 2) ◊*

С. 305

²⁰ *После: И не пушу... — и не просись лучше!*

С. 306

¹⁵ *У нас от дела руки не отвалятся / Мы труда не боимся*

²⁵ *и по сей день / я по сей день*

С. 307

²⁹⁻³⁰ *А я теперь дождалась красных дней / 1) А я теперь на воле; 2) А я теперь дождалась красной жизни*

¹ *Далее номера явлений увеличиваются на один, вплоть до 9-го явления V действия, которому дан номер 8, повторяющий номер предыдущего явления.*

Варианты цензурной писарской копии

С. 228

^{14—15} *Слов: Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове. — нет.*

С. 231

^{8—12} *Слова: Жутко как-то. ~ А теперь вот искры. — вычеркнуты.*

^{23—25} *Слова: Ежели пойти выпить ~ с чистой совестью... (Кричит.) — вычеркнуты.*

С. 232

¹⁸ *Фразы: Представилось мне, что последний конец начинается. — нет.*

²³ *Ремарки: (запевает) — нет.*

С. 236

^{9—10} *Слова: Хорошо, как деньжонки есть ~ сам себе господин. — вычеркнуты.*

^{25—26} *денег у Хлынова много / денег у него много*

^{32—37} *Текст: А то вдруг на него хандра нападёт ~ горькими слезами плачет. — вычеркнут.*

С. 242

² *и не расчерпаешь / что не расчерпаешь*

С. 245

^{29—31} *Слова: Ах ты, воля, моя воля ~ Девка по торгу гуляла... — вычеркнуты.*

С. 247

²⁹ *на свет родился / на свет зародился*

С. 250

¹⁴ *Курослепов, Градобоев, Матрёна и девушка. / Курослепов, Градобоев, Матрёна, девушка и те же.*

С. 254

⁵ *на какую-нибудь невежу-гостя / на какую невежу, на гостя неучтливового*

С. 255

² *одному дворнику / одному из рабочих*

С. 257

² *Было бы за что отвечать-то! / Было ли за что отвечать-то!*

С. 258

³ *так и я завёл / так я завёл*

²³ *и самого в шею / а самого в шею*

С. 258—259

^{35—1} *А он с голоду помирать... да полтора рубля! / А он полтора рубля!*

С. 259

^{1—2} *это расстройство / такое расстройство*

- ⁷⁻⁸ Слова: Сам на дно ~ ай, ай! — *вычеркнуты*.
- С. 260
²³⁻²⁴ молча смотрит на него / молча смотрит
- С. 262
³² Выходят / На крыльцо выходят
- С. 273
³⁶ Слова: так и хватает — *вычеркнуты*.
- С. 274
¹ После: Ну, да кстати. — Скажу ему, может и заступиться.
¹⁷⁻¹⁹ Текст: Вот тогда про тебя заговорят ~ Я всё могу... — *вычеркнут*.
²⁰⁻²³ Текст: Он сидит ~ мне некогда. — *вычеркнут*.
- С. 275
⁴ Без сюртука! / Без сертука-то!
⁶⁻⁷ Фраза: И все твои нравоучения ~ не очень-то нам интересно. — *вычеркнута*.
- С. 276
¹⁹ После: народ поставим в саду ура кричать. — Милости просим, господи!
²⁰⁻²¹ слышать тебя приятно / слушать тебя приятно
- С. 277
¹¹ Слово: Поехали! — *вычеркнуто*.
- С. 279
³⁵ Ремарки: (берёт стакан) — *нет*.
- С. 284
⁸⁻³⁵ Текст: Б а р и н. Мы прежде с народом ~ (Уходит с Аристархом.) — *вычеркнут*.
²³ а всё бодрисься / всё бодрисься
- С. 286
³⁻¹² Текст: Х л ы н о в (хочет идти на дорогу). ~ вывезет на дорогу. — *вычеркнут*.
¹⁴⁻¹⁶ Фраза: Барин, помещик Хлынов ~ не видно будет. — *вычеркнута*.
- С. 287
²²⁻²³ так ему и выход / так ему выход
- С. 291
³³ обняв её одной рукой / обняв одной рукой
- С. 292
³¹⁻³³ Текст: Подайте её сюда, разбойники ~ Воды! — *вычеркнут*.
³¹⁻³² Слов: она вам, пьяницам, не пара! Далеко вам, далеко! — *нет*.
- С. 293
⁶ Слова: а тут вы ещё — *вычеркнуты*.
⁸⁻⁹ Слова: у Него защиты попросить — *вычеркнуты*.

С. 294

^{14—15} в какую угодно должность / в какую хочу должность

²⁴ *Фраза:* Я уж и помолилась... — *вычеркнута.*

³⁴ Вот когда я обижена. / Вот когда я обижена! Вот когда я обругана.

С. 302

^{18—20} *Текст:* Так на него на одного ~ да, видно, силён... — *вычеркнут.*

^{25—26} *Слова:* Должна же я кому-нибудь на вас плакаться. Кто за меня здесь заступится! — *вычеркнуты.*

^{27—28} *Фраза:* Как вы были всю жизнь моим злодеем, так чего же ещё мне от вас дожидаться. — *вычеркнута.*

С. 305

²⁰ *После:* И не пущу... — И не просись лучше!

С. 306

¹⁰ не возьмёт и богатую / не видать и богатую

¹⁵ У нас от дела руки не отвалятся / Мы труда не боимся

С. 307

¹⁰ Градобоев. Уж теперь запили / Градобоев (*ньёт*). Уж теперь запили

³⁰ красных дней / красной жизни

Варианты писарской копии

С. 228

^{14—15} *Слов:* Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове. — *нет.*

С. 229

¹⁶ об голову мою / об голову об мою

²³ поболит, поболит / поболит

С. 232

^{13—14} *Слов:* Кур о с л е п о в. Так это, значит ~ Вечером. — *нет.*

С. 234

¹¹ держит его за ворот / держа его за ворот

С. 236

^{25—26} денег у Хлынова много / денег у него много

С. 237

^{35—36} ещё, может, твоя неустойка выдет / может, твоя неустойка выдет

С. 238

²³ *Ремарки:* (Васе) — *нет.*

С. 242

² и не расчерпаешь / что не расчерпаешь

С. 247

²⁹ на свет родился / на свет зародился

- С. 250
¹⁴ *Курослепов, Градобоев, Матрёна и девушка. / Курослепов, Градобоев, Матрёна, девушка и те же.*
- С. 254
⁵ *на какую-нибудь невежу-гостя / на какую-нибудь невежу, на гостя*
- С. 257
² *Было бы за что отвечать-то! / Было ли за что отвечать-то!*
- С. 258
³ *так и я завёл / так я завёл*
²³ *и самого в шею / а самого в шею*
³³ *Мне деньги пожалуйста! / Вы мне деньги пожалуйста!*
- С. 258—259
^{35—1} *А он с голоду помирать... да полтора рубля! / А он полтора рубля!*
- С. 260
^{23—24} *молча смотрит на него / молча смотрит*
- С. 261
²⁶ *не замечая Силана / не замечая его*
- С. 262
³² *Выходят / С крыльца выходят*
³⁵ *Те же, Градобоев и Сидоренко. / Градобоев и Сидоренко, те же.*
- С. 263
³³ *отбери двоих / бери двоих*
- С. 274
¹ *После: Ну, да кстати — скажу ему, может, и заступится*
²⁸ *нестоящее / нестоящее*
- С. 275
⁴ *Без сюртука! / Без сертука-то!*
- С. 276
^{20—21} *слышать тебя приятно / слушать тебя приятно*
- С. 279
^{12—13} *не пугайте вы меня / не пугайте меня*
³⁵ *Ремарки: (берёт стакан) — нет.*
- С. 284
⁶ *Занятие очень интересное. / Занятие очень интересное.*
¹² *Дядюшка Алистарх / Дядюшко Аристарх*
²³ *а всё бодрисься / всё бодрисься*
³⁰ *это ты верно / это верно*
- С. 285
¹⁸ *а и пеший не пролезешь / а пеший не пролезешь*

- ^{24—25} И диви бы с ними, с мужиками, много пил; а то что! Что я пил? /
И с ними, с мужиками, диви бы много пил; а то что я пил?
- С. 287
- ^{22—23} так ему и выход / так ему выход
- С. 288
- ²² трепещусь / трепещу-с
²⁴ смертоубивством / смертоубийством
- С. 289
- ²³ я не уйду / не уйду
- С. 291
- ³³ обняв её одной рукой / обняв одной рукой
- С. 294
- ^{14—15} в какую угодно должность / в какую хочу должность
- С. 304
- ⁷ Погляди-ка / Погляди-ко
- С. 305
- ²⁴ Подносит Градобоеву и отцу вино. / Подносит Градобоеву.
- С. 306
- ¹⁵ У нас от дела руки не отвалятся / Мы труда не боимся
- С. 307
- ³⁰ красных дней / красной жизни

Варианты театральной писарской копии (ТПК)

- С. 228
- ³ *Слов: именитый купец — нет.*
- С. 232
- ¹⁸ Представилось мне, что последний конец начинается. / Представилось мне, что будто конец.
- С. 238
- ³ А между прочим, надобно сказать / А промежду прочим, надобно сказать
- ^{15—16} *Слова песни: Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно! — вычеркнуты карандашом.*
- С. 242
- ⁵ *Перед: Попутал меня, ох, попутал! — помета карандашом: (одна).*
- С. 245
- ^{29—31} *Песня: Ах ты, воля ~ по торгу гуляла... — вычеркнута.*
- С. 254
- ⁵ на какую-нибудь невежу-гостя / на какую невежу, на гостя неучитивого
- ³⁶ *Реплика: Шалишь! ~ за тебя принял. — вычеркнута.*

- С. 259
^{1—2} это расстройство / такое расстройство
¹⁴ Слова: на столбушке — *вычеркнуты*.
- С. 260
⁴ Фраза: Ох, как мне грудь-то больно, слёзы-то мне горло давят. — *вычеркнута*.
- С. 262
^{3—4} После: Ты вон и часы — *карандашом вписано: делаешь.*
³³ После: и Сидоренко — *карандашом вписано: и Мецане*
- С. 269
¹⁶ Слова: Ты не пугайся! — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 271
¹⁸ Слово: кавалер — *вычеркнуто карандашом*.
^{32—33} Фраза: Вон богомольцы-то из городу вышли. — *вычеркнута карандашом*.
- С. 272
^{1—9} Текст: Провожу-то ли я ~ *подходит к Гавриле.) — вычеркнут карандашом*.
- С. 285
^{21—23} Текст: Обошёл! ~ ещё совсем светло. — *вычеркнут карандашом*.
- С. 287
^{21—22} Слова: вот уж и страх меня забирает — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 288
⁴ Слова: и хмель у меня соскочил — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 292—293
^{31—5} Текст: Подайте её сюда ~ беззащитных обижать. — *вычеркнут карандашом*.
- С. 294
^{16—17} Слова: Васька, знай свою дистанцию! На задний стол! — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 296
^{18—20} Слова: Ведь ты как испугать ~ мало ль что! — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 298
²³ а на голову шляпу / а на голову картуз
- С. 302
^{17—21} Текст: Известное дело ~ в слабости. — *вычеркнут карандашом*.
²² Слова: Да? Горами... — *вычеркнуты карандашом*.
- С. 305
¹⁶ С мосту, с мосту! / С мосту!
²⁴ Слово: Пожалуйте! — *вычеркнуто карандашом*.

Варианты театральной писарской копии (ТПК₂)

С. 249

^{34—39} Слова песни: Ты добычи не дождёшься ~ я не твой! — вычеркнуты.

С. 272

^{1—8} Слова песни: Провожу-то ли я дружка ~ с красной девицей? — вычеркнуты.

С. 281

^{28—30} Текст: Ты, братец, должен сразу понимать. ~ Четыреста рублей-с. — вписан другим почерком¹.

С. 292—293

^{30—5} Текст: Уж и ты, барин ~ бедных да беззащитных обижать. — вычеркнут.

Варианты журнала «Отечественные записки»

С. 258

³⁵ вот теперь и не хочется / вот теперь не хочется

С. 287

²⁰ Ну не наваждение ли это дьявольское! / Ну не наваждение это дьявольское!

¹ *Ниже помета современной орфографией:* [Вписка последних 2 реплик сделана собственноручно автором. МК.] *Почерк не совпадает с почерком Островского.*

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

Варианты чернового автографа

С. 310

⁴ САВВА ГЕННАДЬИЧ ВАСИЛЬКОВ, провинциал, лет 35. / 1) [30];
2) ◊

^{14—17} АНДРЕЙ, слуга Чебоксаровых. ~ МАЛЬЧИК из кофейной. / Слуги.
Гуляющие.

¹⁹ В Петровском парке, в саду Сакса / 1) [У ворот сада] в Петровский
парк; 2) В саду Сакса.

²² После: Проходят гуляющие — [обо его пола]

²² После: и читают афишу — выходят из [ворот] кофейни Телятев
и Васильков разговаривая.

^{24—35} Когда он отстанет! ~ издали приехали? / Когда он отстанет! [Ну
что же вы хотите этим сказать?]

Васильков. [То и сказать, что она так хороша собой] Что она
по видности очень привлекательная девица.

Тел<ятев>. Вот новость! Скажите пожалуйста. Да стоит ли
об этом говорить! Кто же этого не знает! / 1) Это так же известно
в Москве; 2) Это такая же правда в Москве, как и то, что Иван вели-
кий велик, [а Тверской бульвар длинен]. Кто же этого не знает. Чебокс-
сарова хороша — дважды два четыре.

Васильков. Я хотел [еще] вам сказать, что она мне очень [нра-
вится] понравилась.

Тел<ятев>. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуй-
те вы меня! / 1) Что [же] тут мудреного, что [такая красавица] она вам
нравится; 2) [Какой же у нас разговор будет?]; 3) Что тут для меня
интересного. Вы из далёка, должно быть, приехали?

С. 311

^{3—8} Вы попробуйте ~ нет у нас с вами. / Вы попробуйте сами ей попра-
виться.

Васильков. Разве уж это так мудрено.

Тел<ятев>. Ну да уж, я вам скажу. — Вы попробуйте.

Васильков. / 1) Что ж нужно для этого, чтоб ей понравить-
ся? 2) Что нужно для того, какие качества?

Тел<ятев>. [Такие, какие] Все, чего у нас с вами нет.

¹¹ Васильков. Это ничего... / Васильков. Ну это ничего еще.

¹⁸ большие умы / такие большие умы

^{19—20} а то кто-нибудь ~ станут. / это не наше дело с вами.

³¹ *После:* про ваши качества ума и сердца? — [Книгу]

³⁶ особого рода дела / такого рода дела

³⁶ и мне именно нужно такую жену / что мне нужно именно такую жену

С. 312

^{13—14} с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита / с 50 тысячами в Москве можно иметь на сто тысяч кредита

¹⁸ лишнюю думу в голове иметь / лишнюю работу в голове иметь

¹⁸ *После:* Это дело — / 1) кредиторов, пусть и получают, как знают; 2) ◊

²¹ таких операций не производил / я таких операций не производил

^{28—29} *Фразы:* Стыдно деловому человеку увлекаться, но что делать, я в любви ещё юноша. — *нет.*

^{34—35} Будет бутылка? / Будет сегодня бутылка шампанского?

^{36—37} Во всякое время и сколько вам угодно. (*Крепко жмёт Телятеву руку.*) / Во всякое время и когда вам угодно. (*Жмет еще крепче.*)

С. 313

⁶ Да вы руку-то / Да вы руки-то

¹² Что за шут гороховый / Какой это шут гороховый

¹⁴ Что ж тебе за барыш? / Какой же барыш от этого милого знакомства?

¹⁶ *Перед:* А! Это недурно — [Ну что ж.]

¹⁹ Это ещё лучше, коли даст, разумеется / Это еще лучше, коли даст.

²¹ Перестань, сделай милость! / Ты врешь, должно быть.

^{25—26} *Перед:* в парке, с неделю тому назад. — [Прошлый раз я встретил его]

^{30—32} На кого? Не знаю ~ губа-то не дура. / [А что?] На кого? Какое диво в парке может быть? Разве на велосипеде кто проезжал.

Т е л < я т е в >. Не угадал. На Чебоксарову.

Г л у м о в. Да у него губа-то не дура.

³³ Коляска Чебоксаровых остановилась / Коляска Чебоксаровых остановилась у тротуара

С. 314

¹⁰ женится на лучшей нашей невесте / уж женится на [первой нашей красавице] лучшей нашей невесте

¹⁸ *После:* Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. — А кто ж его знает, не берешь.

²⁰ *Фразы:* Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге. — *нет.*

^{28—31} Невелико дело. ~ А как характером? / Ну это еще невелико дело. Нет, значит, <нрзб.>.

Т е л < я т е в >. Должно быть, он не очень богат, или уж скуп; заплатил за вино — и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Г л у м о в. Не конторщик ли? А как в разговоре?

³⁷ Ну, так сибиряк, наверное, сибиряк. / Сибиряк, должно быть, наверное, сибиряк.

С. 315

³ *Слов:* Теперь знаю — *нет*.

^{3—4} *Перед:* агент какого-нибудь торгового дома лондонского. — [Ну так]

⁷ все приуныли что-то / все приуныли как-то

¹³ станет за ним ухаживать / [будет] станет за ним ухаживать

¹⁶ *Слов:* А нам-то что! — *нет*.

²⁵ Нагляделись на свою красавицу? / [Ну что?] Налюбовались на свою красавицу?

^{35—36} *Слов:* достойный почёта — *нет*.¹

³⁶ *Слова:* арабское — *нет*.²

С. 316

³ Вы и по-гречески знаете? / Так вы и по-гречески знаете?

²² *Перед:* Но эти многие глупы — Вероятно.

²³ *После:* Красота им нравится — [а что делать с этой красотой, они не понимают]

^{26—27} Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчёта; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. / Только дурак может жениться на Чебоксаровой для себя, а умный человек никак без расчета. На Чебоксаровой должен жениться или шулер, или человек, делающий карьеру.

^{28—29} для неопытных юношей / для неопытных игроков

^{29—30} *После:* средством к быстрому повышению. — А можно соединить и то, и другое.

С. 317

¹ Честные расчёты и теперь современны. / Нет, есть и другие расчеты, более честные и притом современные.

⁸ практических людей / практического человека

^{8—9} *После:* Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство — спекуляция плохая. —

[Г л у м о в. Вы играете в карты?

В а с < и л ь к о в >. Во все игры.]

¹⁹ Да ты, тюлень / Да ты, [чурбан] тюлень

³⁰ *Перед:* Очень приятно. — (подавая руку).

^{34—35} Судя по вашему имени, вы в Греции родились? / Вы в Греции родились, судя по вашему имени?

С. 318

² В деревне, а то всё в разъездах. / В деревне, большею частью, а то все в разъездах.

¹ В автографе на месте отсутствующих слов оставлен промежуток, предназначенный, вероятно, для дальнейшей работы.

² В автографе на месте отсутствующего слова оставлен промежуток, предназначенный, вероятно, для дальнейшей работы.

⁶ *После:* Его как зовут? —

Над <ежда> Ант <оновна>. [Васильем]

¹⁸ Извольте! Я вам представляю / Я сейчас вам представляю

²⁷ *Ремарки:* (Василькову) — нет.

³⁴ Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани / Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в [Чебоксарах], в Казани

С. 319

¹ Я конфужусь. / Вы меня конфузите.

⁵ *После:* Ни боже мой! — Она его так любит!

^{23—24} неразумно тратит деньги / неразумно тратит свое состояние

²⁵ А для кого же ему беречь / Да для кого же ему беречь...

^{25—26} Ему нужно ~ тещу. / Ему нужно хорошую жену [или тещу], а главное, [хорошую] умную тещу. Вот он и остепенится.

^{27—28} очень ласково смотрит на Василькова / еще ласковее взглядывает на Василькова

³¹ Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами? / Я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Господа, кто с нами?

³³ приятно улыбаясь / делает ему глазки

³⁵ *После:* Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков — и человек Чебоксаровой.

С. 320

⁵ Разве я пропущу такой случай! / Сказал.

⁶ То-то она поглядывала на него очень сладко. / То-то она на него так и поглядывала.

⁷ *После:* Пусть маменька — / 1) за ним ухаживают; 2) ◇

⁸ мы доведём их до экстаза / мы теперь доведем их до экстаза

^{10—11} *После:* точно сила какая-то идёт на тебя. —

Глумов. Не бойся, я его раскусил теперь. Он знаешь что? Он управляющий каким-нибудь большим именем.

Подходит князь Кучумов.

¹⁵ *Ремарки:* (издали) — нет.

¹⁶ *Ремарки:* (Подходит гордо, подымая голову кверху.) — нет.

^{20—21} Не на похоронах ли ~ зазвал. / Где ж это Бог послал?

Кучумов. Ma in Ispania.

Глумов. Да где, говори?

Кучумов. Купец один зазвал.

³¹ А коли не сговоришь, так и не начинай. / А коли чувствуешь, что не сговоришь, так не надо и начинать.

³⁴ *После:* я вчера одиннадцать тысяч выиграл. —

Тел <ятев>. [Вот чудеса] Ты ли, не другой ли кто?

Глумов (горячо). Где же и каким образом?

С. 321

⁴ Рассказывай по порядку! / Да говори подробнее, все по порядку.

⁶⁻⁷ *Перед:* Будто уж я и не могу выиграть! — Да что ж тут чудесного.

¹⁶ тысчонку-другую / тысячу-другую

²⁴ Говорят, приезжий. / [Да приезжий] Должно быть, армянин какой-нибудь приезжий.

²⁹ С тебя ужин сегодня. / Ну, значит, с тебя ужин сегодня.

³⁴ Нет, я рюмку, много две. / Нет, я только рюмку, много две.

³⁵ Коли две, пожалуй. / Ну, коли две рюмочки, пожалуй.

С. 322

¹⁰⁻¹¹ *После:* Благодарю вас, нам пора ехать. — [Заезжайте к нам]

¹⁸ *После:* удивление к вашей несравненной красоте — [и очаровательным поступкам]

¹⁹ *Перед:* Отходит, и, заметя, что мать говорит — [Поспешно]

³⁰⁻³² Должно быть, она ~ видит мою доброту. / Такая блестящая дама и ласкает провинциала. Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или [очень] так умна, что через грубую провинциальную кору видит мою искренность.

³⁴ При сухих выкладках сердце сучает / При сухих математических выкладках сердце находится в бездействии и сучает.

С. 322—323

³⁵⁻¹⁰ и одурочит математика ~ из бюджета. / и одурочит расчетливого математика. Да, отмстит. Так и мне сердце отмстило; [я хотел жениться по расчету, взять жену светскую, с лоском, — мне теперь такую по моим делам нужно, расчел математически, что это будет стоить и сколько должна проживать она] и вдруг влюбился, как несовершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, как бы ни шалил, но из бюджета не выйду.

С. 323

¹⁰ у меня довольно расчёта, и я никогда не выйду из бюджета / у меня довольно силы воли, и я твердо знаю расчет, и я никогда не выйду из бюджета.

С. 324

⁵ *Ремарки:* (надев пальто) — нет.

⁶ *Ремарки:* (своему лакею) — нет.

⁷ *Подходит Николай.* / *Входит человек Кучумова.*

¹³ За хлопоты, а успеха не будет. / За успех, хотя он для вас невозможен.

²²⁻²⁷ А я боюсь проиграть. ~ ужинать. / А я не держу, потому что боюсь проиграть.

В а с < и л ь к о в >. / 1) А, вы не держите, значит, у меня есть надежда на успех [значит, нечего вам смеяться надо мною, провинциалом]. Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы трусили! Так зачем же было смеяться! Идет, что ли, начистоту? Вот три тысячи. (*Вынимает деньги, все кивают отрицательно.*) Извините меня, господа. Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и непременно женюсь на ней. Что я сказал, то и будет, я даром слов не говорю. Поедем ужинать; 2) Ха, ха, ха, ха. А, москвичи, трусили! Ну, господа! А что смеяться. По-нашему, сказал — только зубы чесал, а сдавайте, чего глядеть.

С. 325

3—9 ЧЕБОКСАРОВА. ~ АНДРЕЙ. /

[Надежда Антоновна] Чебоксарова

Лидия [Юрьевна, ее дочь, девица (24 лет)]

[Князь] [Григорий Борисович] Кучумов [(за 60 лет)]

[Иван Петрович] Телятев [(лет 40)]

[Фёдор Николаевич] [Савва Геннадьевич] Васильков (*молодой человек, провинциал*)

¹¹ Три двери: две по бокам и одна входная. / Три двери: посредине входная, налево и направо в другие комнаты.

¹³ В а с и л ь к о в ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Т е л я т е в. / В а с и л ь к о в задумавшись ходит взад и вперед по комнате, из боковой двери выходит Т е л я т е в.

^{14—15} После: Телятев. Я думал, — вы уехали. Что вы здесь делаете? Что же не идете к дамам?

В а с < и л ь к о в >. Я сейчас пойду.

Т е л < я т е в >. Собираетесь с мыслями? Поезжайте лучше домой. Что вам за счастье спорить с Лидией Юрьевной, я не понимаю, да еще после обеда. Тут нужны веселие, остроумие, легкое злословие, а вы заводите разговор о <нрзб.>. Еще хорошо, что с вами спорят, а то обыкновенно поддакивают, качают головами в знак согласия и потом [смеются] когда вы уйдете, все вдруг усмеваются.

В а с < и л ь к о в >. [Мне так хочется ее убедить]

Т е л < я т е в >. Зачем? Вот странная мечта! Ни с того, ни с сего брать на себя такой труд. Да она и так хороша.

В а с < и л ь к о в >. Для чего хороша? Для пустой светской жизни, а для жены она не годится.

Т е л < я т е в >. Так вы для чего же это стараетесь? Уж не для себя ли?

В а с < и л ь к о в >. Не знаю. Она с первого взгляда произвела на меня такое поражающее впечатление, что я до сих пор освободиться от него не могу.

Т е л < я т е в >. Это чувство, которое вы испытывали, называется зависть.

В а с < и л ь к о в >. Но, Боже мой, кому же достаются такие красавицы, кто имеет на них право? Кто может глядеть на них без этого тоскливого чувства безнадежности и жгучей ревности. Чем можно добиться права если не на ее любовь, то хоть на внимание; хоть на то, чтобы она смотрела, как на равного себе.

Т е л < я т е в >. Чем? Деньгами да шкурками соболей, а уж никак не учеными спорами.

В а с < и л ь к о в >. Но ведь это ужасно. [Я могу всего достигнуть.]

Т е л < я т е в >. Да вы можете быть министром, миллионщиком, банкиром, пожалуй, полководцем, но понравиться же девушке, не имея прирожденных светских манер или [гвардейского] красивого мундира, не можете. Впрочем, эти бабочки недоступны тленью <?> до тех пор, пока они покрыты золотой пылью, а как пыль облетит, так их ловит чуть не всякий. И вы не отчаивайтесь, помните русскую поговорку: «не все то золото, что блестит». А лучше всего вам удалиться теперь.

В а с < и л ь к о в >. Отчего?

Т е л < я т е в >. Оттого, что вы здесь играете дурную роль, не достойную вас. Судя по тому, как они с вами обращаются, они должны бы перестать вас принимать. Знаете ли, что это значит, неужели не догадываетесь? Они держат вас про запас, на всякий случай. — Как только появится в их обществе блестящий жених, на вас совершенно перестанут обращать внимание, как только увидят, что жених не ловится, вас опять немного приласкают, это очень заметно. И если у вас нет самолюбия, так вы не отчаивайтесь. Вот если она еще лет пять не сумеет выйти замуж, даже и раньше, если совсем проживутся, тогда примутся за вас, как за последнее прибежище. И дадут вам почувствовать, что они награждают вас за вашу преданность, что, хотя вы того и не стоите, но они за ваше постоянство решились снизойти к вам и <нрзб.> позволяют вам содержать их семейство на свой счет. (Они сделаются такими <нрзб.>).

В а с < и л ь к о в >. Благодарю вас.

Т е л < я т е в >. Вот и прекрасно, значит, вы на (попятный).

В а с < и л ь к о в >. Нет. Какая-то притягательная сила тянет меня к ней.

<Т е л я т е в.> Да на что вам красавица жена? Вы человек с посредств<енным> сост<оянием>, вам нужно хозяйку, — т. е. кухарку.

<В а с и л ь к о в.> Разве людям с сред<ним> сост<оянием> запрещено иметь эст<етический> вкус.

<Т е л я т е в.> С красавицей хлопот много. Ох, это хотенье-то очень дорого обойдется.

С. 326

- ³⁻⁴ Говорил, что двенадцать ~ не мог. / Говорил, что накануне двенадцать тысяч выиграл, а тут сто рублей отдать не мог.
- ¹¹ К у ч у м о в. *Muta d'accento e de pensier...* / [К н я з ь] К у ч у м о в.¹
- ²¹⁻²² Он пишет ~ в продажу. / 1) [Нет, вы сознайтесь, что он не хозяин, его имя уже назначено в продажу.]; 2) ◇
- ²⁶ Ах, друг мой! / [Мог, chere prince]
- ²⁹ *После*: Что для меня значит — 30 тыс<яч>, я же знаю, что он отдаст.
- ³⁰ Григорий Борисыч, но... ради бога... / Разумеется, Григорий Борисыч, но... ради Бога...
- ³²⁻³³ подумайте, Григорий Борисыч / подумайте, [Князь] Григорий Борисыч
- ³⁴ Конечно, конечно. / Ну конечно, конечно.
- ³⁵⁻³⁶ Нам надо поддерживать ~ немного. / Надо как-нибудь поддерживать себя... Хорошо пока еще есть кредит... но

С. 327

- ⁴ я по счетам и расплачивайся / и расплачивайся по счетам с магазинщиками
- ⁵ А женихов не предвидится? / А как женихи? Есть на примете?
- ⁶ На её вкус трудно угодить. / Мало, да на ее вкус трудно угодить.
- ⁷⁻⁸ давно тихонько бы увезли / украли бы
- ⁸ если б у меня не старуха / кабы у меня не старуха
- ⁹⁻¹⁰ *Перед*: А каково мне, матери! — [Шутите, князь]
- ¹⁷ больше, чем дочь / почти больше чем дочь
- ²¹⁻²⁴ И я то же самое ~ Кто он такой / [Понятно] И я то же самое, то же самое. [Кто этот молодой человек, который там у вас] Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.
- Над<ежда> Антон<овна>. [Васильков] Отчего ж ему не бывать?
- К у ч у м о в. Кто он такой, [Васильков]
- ³¹ *Перед*: Говорят, что у него — [Служит где-то, что-то имеет, еще что-то знает]

С. 328

- ⁶⁻¹³ Толкует всё: «нынешнее время ~ Гонять таких господ надо. / Все говорят... Толкует все... нынешнее время да нынешнее время, ведь так можно и надоест».
- Над<ежда> Антон<овна>. Молод еще, книги все так говорят.
- К у ч у м о в. А что такое нынешнее время, спросите вы у него. Лучше что ли прежнего? Где аристократия? Где блеск столицы? Где

¹ Далее по тексту II действия: [К<нязь>] Кучумов.

дворцы, княжьи и графские? Что они теперь? Петровых да Ивановых... О судах, да о дележе только заботятся, а о славе России знать не хотят. А роговое служение, где теперь роговое служение, я вас спрашиваю. Приедет какой-нибудь посланник или знаменитый путешественник, — кто так сделает, кто удивит? Где все это теперь? А, бывало, при закате солнца, над прудами, — а по прудам-то огни, а посланник-то смотрит. — А ведь это слава России, легко сказать! Говорить-то не хотел, связываться не стоит, а то он язык-то прикусит. Ведь это значит, не знает приличия. Ну, говори там, где тебя слушают: «нынешнее время». Гонять их надо, сударыня.

^{17—25} Конечно, я жениться не могу ~ Да, разумеется. / Конечно, я женихом быть не могу. Хе, хе, хе! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Ох-ох-ох. Я сирота, у меня детей нет. Прощайте, мне в клуб пора.

Над <ежда> Антон <овна> (*провожая его до дверей*).
[Не забывайте нас] Можно надеяться вас скоро видеть? Или пропадете опять?

Кучумов. Как можно, как можно.

³⁶ После: Что прикажете? —

Над <ежда> Антон <овна>. [Вы не в духе сегодня]

С. 329

⁹ После: Оттого меня и не знают, что я — [служил в провинции]

^{11—12} В высшем учебном ~ специальностью. / [В университете] В высшем учебном заведении, но образованием обязан больше самому себе.

^{13—14} После: Ваши родители живы ещё? —

Васильков. [Умерли]

¹⁶ почти одинокий / [совершенно] почти одинокий

²¹ После: одну диссертацию... — И на театре...

²⁴ я вспомнила. Это теперь в моду вошло / я [слышала, что] это [занятие] теперь в моду вошло

²⁷ в простом бараньем / в простом [полушубке] бараньем

³¹ Перед: Но ведь, чтоб так проводить время — Ах, это очень хорошо.

³⁵ Поют песни, водят хороводы, вероятно / Петь песни, водить хороводы, вероятно... [гребсти на лодках]

С. 330

⁶ После: А вот что жаль — [при своей красоте и при большом уме, она имеет дурные убеждения]

⁷ После: которые теперь уже всем известны. —

Над <ежда> Антон <овна>. [Об этом мудрено судить, вам кажутся они дурными, а нам хорошими. У нас богатая французская библиотека. Спросите ее что-нибудь из мифологии, ну, спросите!]

Поверьте, она так хорошо знакома с французской литературой и знает то, о чем другим девицам и не снилось. С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит ее ничем.

В а с и л ь к о в. Когда дело касается вас, я никогда не спорю. Каждый имеет право отстаивать то, что ему нравится, но если <нрзб.> о честности, тут различных убеждений быть не может, а могут быть только хорошие убеждения или дурные. То, что вы считаете образованием, я совсем не считаю образованием!¹

²⁹ *Перед:* Я хотел уже ретироваться — [А признаться вам]

С. 331

^{15—16} *Согласитесь, тапан ~ корпус. / Согласитесь, тапан, что гостиная не аудитория [слушать лекции о вредных последствиях роскоши, о том, как нужно жить по средствам, совсем неинтересно] не институт, не инженерный корпус.*

^{22—23} *После:* Тут некогда думать о законах — [это так, по средствам, или нет]

²⁵ *После:* А мне кажется — [он мало бывает в обществе, он просто не умеет вести себя, он верит, что дело говорит, и ему тоже хочется участвовать в общем разговоре]

^{27—29} *и не умён, остроумием не отличается ~ как и все порядочные люди. / и не настолько умен, чтоб остроумным быть, он и говорит не свое, а чужое, что прочитал в каких-нибудь бедных книжках. А, вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди; а только оригинальничает в разговоре, так многие делают.*

³³ *лгут ужасно / лгут на каждом шагу*

С. 333

³ *постарела на десять лет / я уже постарела на десять лет*

³ *Я не знала / Я никогда не знала*

^{10—11} *После:* отстраняла от себя такие мысли. — Как будто боялась замараться обо что-нибудь.

^{18—19} *После:* Ах, тапан, за что вы меня мучите? — Н а д < е ж д а > А н т о н < о в н а >. [Лидия, да как же я тебя мучаю]

²² *сократить свой расход / сократить свои расходы*

²⁴ *После:* Ах, нет, нет — [что вы]

С. 334

⁴ *Никто не делал, никто не смел делать / Никто не делал, оттого, что никто не смел делать*

¹⁰ *а богатых дураков — много / богатых дураков так много*

¹² *А н д р е й. Господин Телятев. / Л а к е й. Господин Телятев.*

¹ *Зачёркнутый текст вписан фрагментами со знаками вставки на л. 15 об., 14 об.*

С. 334—335

^{33—3} Значит, развлечение, от скуки. ~ Конечно, искренни. / Только? Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Т е л я т е в. Вот теперь я же виноват!

Л и д и я. [Ну, это вина небольшая] Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренни ваши поступки или нет. Нет, в самом деле, вы заставляете меня слишком много думать о моем могуществе. Вы меня приучите повелевать.

Т е л я т е в. И прекрасно, а мы исполнять будем.

С. 335

²⁰ После: Т е л я т е в. Нехорошо. —

Л и д и я. Так жалейте бедных девушек, не кружите нам головы напрасно. [Тогда и мы будем искренни.] Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь.

[Т е л я т е в. Мне нынче счастливый день выпал, надо это записать где-нибудь.]

Л и д и я. Отчего счастливый?

Т е л я т е в. Вы очень любезны со мной.

Л и д и я. Разве это для вас счастье?

Т е л я т е в. Без сомнения.

Л и д и я. Как легко вас осчастливить.]

С. 335—336

^{34—2} Вы любезны со мной ~ (Делает обыкновенные пейзажные жесты.) / Я привык вас считать мраморной богиней на высоком пьедестале, а теперь вы сходите к нам на землю.

С. 336

⁴ Перед: «Медный всадник» — [бронзовый]

¹³ Или вы зло шутите, или вы... / Или [это злая шутка], или вы...

¹⁹ Жан, ты мой? / [Мишель], ты мой?

²⁰ Раб, раб, негр, абиссинец... / Раб, раб...

³¹ Не надо ничем делиться! Нам больше останется. / Зачем делиться радостью, нам больше останется. [А мне кажется, она тут совершенно лишняя.]

³⁷ После: Т е л я т е в. Да, вот что! — / 1) [Вы, кажется, меня не так поняли.] Я могу быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака, — это уж не мое дело; 2) ♦

С. 337

¹⁴ После: Вы чудовище! Вы гадкий! —

Т е л я т е в. [Сейчас уйду. Вы потом сами скажете мне спасибо.]

Л и д и я. Вы не стоите моей любви.

Т е л я т е в. Совершенная правда, что не стою...]

²⁷ мне ваше общество сделалось необходимым / мне ваше общество так нравится, что кажется, вы скоро сделаетесь для меня необходимым человеком

^{30—35} Мне нужно совета ~ образ жизни / Мне очень нужно посоветоваться с вами, я — существо совершенно беспомощное, вы знаете, какие люди нас окружают, только одного серьезного человека и знаю — вас.

В а с и л ь к о в. Благодарю вас. Рад служить, чем могу.

Над <ежда> Антон <овна>. Вот чем вы нам можете быть полезны. Мы хотим несколько изменить свой образ жизни

С. 338

^{5—31} в этом деле без руководителя ~ что готовить? / она совсем не так упряма, как вы думаете. [Ей надо многому научиться, многое прочесть.] В этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам. Вы, вероятно, не откажете?

В а с и л ь к о в. Рад служить вам всей душой; но чему же буду я учить Лидию Юрьевну? Математике, генеалогии <?>?

Над <ежда> Антон <овна>. Ах, да, именно, именно. Можете и математике, и генеалогии <?>. [Я не знаю, долго ли у Лидии это будет продолжаться. Может быть, это только фантазии.] Но, во всяком случае, согласитесь, что быть учителем у молодой девушки довольно приятно.

В а с и л ь к о в. Конечно, [но скажите, откуда такая перемена в Лидии Юрьевне?] но для чего Лидии Юрьевне генеалогия <?>?

Над <ежда> Антон <овна>. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. Знаете (*таинственно*), мне кажется, она начинает разочаровываться в этих светских гоподах.

В а с и л ь к о в. [Давно пора] Совершенно для меня неожиданно.

Над <ежда> Антон <овна>. Что касается до меня, я давно их не люблю. [Они приятные болтуны, и только. Чего от них ждать можно!] Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность, но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились. Это было бы очень, очень хорошо.

В а с и л ь к о в (*целуя руку*). Вы так ко мне добры, что я не знаю, как благодарить вас.

Над <ежда> Антон <овна>. Несмотря на то, что она уж не девочка, она ведь все-таки еще глупа. Кажется, если б можно, я бы решилась употребить даже власть, чтоб только видеть ее счастливой!

В а с и л ь к о в. Зачем же власть? Разве другого средства нет?

Над <ежда> Антон <овна>. Не знаю, попробуйте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не го-

ворите, не говорите, я вижу; только ведь вы сами ей не скажете, вы очень робки; опять заспорите [о чем-нибудь] и поссоритесь из пустяка. Хотите, я ей скажу за вас?

В а с и л ь к о в. Нет, позвольте мне самому! Мне надо подумать хорошенько. Я постараюсь сблизиться с Лидией Юрьевной, подготовить ее к моему объяснению, [чего я желаю от женщины] подумать.

На д < е ж д а > А н т о н < о в н а >. Об чем тут думать, что готовить?

³⁵ Вот, Лидия, Савва Геннадъич / Вот, Лидия, [Фёдор Петрович]

³⁷ *После:* но твоей воли нисколько не стесняю. — Это совершенно зависит от тебя.

Л и д и я. [Я хорошо знаю, что вы не из тех матерей, которые насильно хотят сделать своих дочерей счастливыми.]

С. 339

⁸⁻⁹ Но мы с вами после объяснимся. / Но [позвольте] погодите, мы с вами после объяснимся.

¹⁵⁻¹⁶ Должно быть, и с вашей стороны / (*Молчание.*) Значит, и с вашей стороны

³¹⁻³² *После:* Но я желаю, чтоб вы меня уважали — [уважали мои правила и исполняли их] уважали мой ум и мою сердечность

³⁶⁻³⁷ *После:* полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того — [стоили]

С. 340

⁴ *После:* заслуживать любовь друг друга — вы мою, я вашу.

²² НАДЕЖДА АНТОНОВНА. / Надежда Антоновна [Чебоксарова]

²³ ВАСИЛЬКОВ. / [Савва Геннадъич] Васильков

²⁴ ЛИДИЯ, *его жена.* / Лидия [Юрьевна], *его жена*¹

³¹ *Перед:* Та же гостиная — [Очень богато и со вкусом меблированная комната]

³³ *посредине — выходная / прямо — выходная*

С. 341

² *Из кабинета выходит В а с и л ь к о в, с портфелем и с газетами / [Из дверей кабинета выходит] В а с и л ь к о в [сидит за столом] с портфелем² и [с] газетами в руках*

³ *После:* *Входит В а с и л и й.* —

В а с и л ь к о в (<нрзб.> *сам с собою*). Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом [назначено в продажу]

⁶ Василий Иваныч / 1) Василий; 2) ◇

¹⁰ Слушаю, сударь. / Слушаю-с.

¹¹ оделся бы как покладнее / оделся бы как-нибудь покладнее

¹²⁻¹⁵ Теперь, ежели эти сапоги ~ Ступай! / Потому, видите, Савва Геннадъич, эти сапоги мне все одно, мой мундир.

¹ *Далее:* [Человек] [Лакей в ливрее]

² *Слова:* с портфелем — вписаны над строкой со знаком вставки.

В а с и л ь к о в. Ну, как хочешь.

В а с и л и й. Теперь, ежели эти сапоги, запачканный толстый спинжак и бархатный кургуз, я выхожу наподобие, как англичанин при машине, такая уж и честь¹ [и] всякий понимает, к чему кто приставлен.

В а с и л ь к о в. Твое дело, Василий Иванович.

В а с и л и й. Мне бы теперь одно, кажется, уж и помер бы в полном спокойствии. Мне б на спинжак на плечи погоны суконные.

В а с и л ь к о в. А что ж! И доживем.

В а с и л и й. С вами-то еще не дожить! Я пошел, сударь. (*Уходит.*)

^{16—17} *В а с и л и й уходит. ~ выходит Надежда Антоновна. / Васильков вынимает из кармана какой-то счет и рассматривает. Из двери налево выходит Н<а>д е ж д а <на>. /*

²³ *После:* Что за маменька! — Это так вульгарно.

В а с и л ь к о в (*рассматривая счета*). Я свою мать зову маменька, а она лучшая женщина в мире

²⁴ Слово хорошее, ласкательное / Слово, хотя и вульгарное, но ласкательное

³² *Перед:* Опять маменька! — (*целуя его в² [темя] [лоб]*).

С. 341—342

^{20—17} Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился ~ проживёшь тысяч двадцать пять. /

[В а с и л ь к о в. Да, я счастлив, папаша, совершенно счастлив. Эти дни — дни полного моего блаженства.

Надежда Антонов<на>. Я ничего другого и ожидать не могла.]

В а с и л ь к о в (*кладет бумаги в портфель, ходит по комнате*). Я был бы еще счастливее, если бы... если бы...

Надежда Антонов<на>. Что, если бы? Чего вам еще не хватает? Неблагодарный!

В а с и л ь к о в. Я хочу сказать, что если бы всю жизнь можно было так прожить, не думая ни о чем серьезном, целый день разъезжая по Москве, то с визитами, то по вечерам, концертам, театрам... то есть, если бы не стыдно было так жить, и были на то средства...

Надежда Антонов<на>. Если все порядочные люди так живут, значит, не стыдно; а средства нужны для этого совсем не очень большие.

В а с и л ь к о в. Однако... Нельзя сказать, что небольшие. Вы знаете, что я прожил в эти две недели, не считая свадьбы и отделки квартиры?

Надежда Антонов<на>. Вздор! Каких-нибудь тысяч семь-восемь.

¹ Слова: такая уж и честь — вписаны над строкой.

² Предлог: в — остался незачёркнутым.

В а с и л ь к о в. Положим, семи тысяч нет.

Надежда Антонов <на>. Еще и меньше, стоит ли об этом говорить?

В а с и л ь к о в. Я прожил пять тысяч. И все-таки это не вздор, а деньги. Я не считаю, да и не знаю, сколько за это время истратила Лидия. [Это ее дела] Я в ее [дела] расчеты не мешаюсь.

Надежда Антонов <на>. [Разумеется] И прекрасно делаете.

В а с и л ь к о в. У нее свое, у меня свое. Но много ли по такому расчету придется прожить в год?

Надежда Антонов <на>. Ах, какие пустяки! Да живите, как живется; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

В а с и л ь к о в. Как не могут?! Ну, положим, тут были расходы на разное обзаведение, которые не повторяются, но все-таки, живя таким образом, проживешь тысяч тридцать.

С. 342

²² Ну уж это я не знаю / Ну уж этого я не знаю.

^{22—23} *После:* Вам это должно быть лучше известно. — Вообще мы с дочерью всегда держали себя в стороне от всяких денежных расчетов, и вы, пожалуйста, не расстраивайте ее такими разговорами.

²⁴ надо иметь миллион / надобно иметь почти миллион

^{26—34} Ни двух, ни одного ~ Золотые. / Но в том-то и дело, что у меня их нет. У меня состояние очень обыкновенное.

Надежда Антонов <на>. То есть тысяч 500—600? Что ж, и это хорошо.

В а с и л ь к о в. Какие 600 тысяч! У меня есть имение, которое приносит тысяч до четырех, деньгами было тысяч 25. Кроме того, мое занятие приносит мне...

Надежда Антонов <на>. А прииски?

В а с и л ь к о в. Какие прииски, что вы!

Надежда Антонов <на>. Золотые. [Вы нас обманули так жестоко]

С. 343

^{4—5} которые маленьким детям известны / которые маленькие дети знают

^{6—7} *После:* Чем же это не состояние. Что ж это такое — [если не состояние]

¹⁰ *После:* ему достанет на перчатки. — Мы в год проживали вдвое больше того, что вы имеете.

¹⁴ Смешно. Без состояния? / Без состояния? Смешно.

¹⁵ Я имею достаточно и стараюсь приобретать. / [Я постараюсь приобрести как можно больше, чтобы ни в чем не нуждаться] Я постараюсь приобрести, но и без этого я имею достаточно.

¹⁶ Что, достаточно? / Что такое достаточно?

22—36 Как хорошо вы меня знаете! ~ Я сейчас за него примусь. /

[А если б и посоветовала!] Как хорошо вы меня знаете! Впрочем, не беспокойтесь, я не обижусь. Действительно, я для счастья дочери не остановлюсь ни перед чем, разумеется, во всем виновата я. Но что ж делать. Теперь уж плакать поздно о том, чего воротить нельзя. Надо, по крайней мере, стараться как-нибудь поправить ошибку.

В а с и л ь к о в. Что поправлять? Какая ошибка? [У меня] на то, что[бы] необходимо, у меня всегда найдутся средства, а на ее прихоти, на роскошь, у нее есть [свое состояние] свои деньги.

На де ж да А н т о н о в < н а >. Разумеется, есть, но и ее [состояние] деньги¹ не так велико², как вы, может быть, надеялись.

В а с и л ь к о в. Я ни на что не надеялся. А если невелико, так лучше, значит, и претензии не могут быть велики.

На де ж да А н т о н о в < н а >. Претензии зависят не от средств, а от положения в обществе и от воспитания. Ну да этого вы не поймете. [Послушайте] Вы собираетесь?

В а с и л ь к о в. Да. Мне пора.

На де ж да А н т о н о в < н а >. Послушайте! По-моему, вы поступили дурно, но я все-таки виновата — и считаю себя обязанной по возможности поправить свою ошибку, а вы должны мне помогать и ни в чем не противоречить. Бросьте ваше занятие, у меня есть связи, я найду и должность, и дело гораздо выгоднее. Слышите?

В а с и л ь к о в. Мне остается только благодарить вас. [Впрочем, прежде чем принять ваше³ одолжение, я должен буду посмотреть, способен ли я] Впрочем, я еще не знаю, способен ли я буду [принять] взяться за то дело, которое вы мне сможете предложить.

На де ж да А н т о н о в < н а >. Тут способностей больших не нужно, место и дело будет твое.

В а с и л ь к о в. Тем лучше, до свидания. Вы, пожалуйста, ничего жене не говорите. Не мешайте мне наслаждаться моим счастьем.

На де ж да А н т о н о в < н а >. Что вы, что вы! Вы сами-то, если не хотите ее огорчить совершенно, тогда не заикайтесь при ней о ваших недостаточных средствах, а тем более о ее; вы только платите и старайтесь ей угодить во всем, может быть, нам и удастся отвернуть от нее этот удар. *(Васильков уходит.)* Вот теперь еще хлопоты с этим зятем! А впрочем, я хорошо сделала, что поторопилась ее выдать за него. Пропусти я время и дай разойтись по Москве молве, что мы совсем разорились, — мне бы ее так с рук и не сбыть. А он, кажется, все-таки человек достаточно порядочный. *(Входит лакей.)*

Л а к е й. [Князь] Господин Кучумов.

¹ Слово вписано над строкой.

² В автографе слово осталось неисправленным.

³ Далее: [доверие]

Надежда Антонов <на>. [Вот кстати!] (Лакею.) Проси.
(Лакей уходит.) Вот кстати, сейчас мы его и аттестуем <?>.

С. 344

³ *Перед:* Раса е gioia son con voi. — [Здравствуйте.]

⁴ Очень рада. / Bon jour.

⁶ *Перед:* Полетела с визитами, она сейчас будет. — [Поехала]

⁸⁻¹¹ У него всё какие-то дела. ~ а вот мы таем / [Занят очень.] У него все какие-то дела.

Кучумов. Черствый человек! Только что женился, и за дела. Впрочем, что ж ему теперь очень нежничать-то; он полный властелин — имеет все права. Это мы таем

С. 344—345

¹⁵⁻¹ Ах, да. Вы получили от мужа письмо? ~ очень приятно. / А в самом деле, вы, Г. С.¹, удивительно хорошо сохранились. Ах, да, вы получили от мужа письмо?

Кучумов. Да, да. Мы с ним сделаемся; он пишет, что имение назначено в продажу, смешно сказать, за 30 тысяч. — Какая это сумма. Завтра же пошлю ему. Выкиньте из головы.

Надежда Антонов <на>. А у меня до вас еще просьба. Уж заодно нам вас мучить.

Кучумов. Что такое, что такое? Рад, душевно рад. Раса gioia.

Надежда Антонов <на>. Ведь вы все можете?

Кучумов. То есть, не то что все...

Надежда Антонов <на>. А почти что все... Я знаю, не скромничайте.

Кучумов. Многого могу, не могу скромничать перед вами; — но, знаете ли, если это будут знать все, так одолеют просьбами.

Н <адежда> А <нтоновна>. Разумеется, но для меня вы должны сделать. Похлопочите моему зятю местечко повыгоднее, да опеку какую-нибудь богатую или управление <богатеями> <?> делами с домами, с [большим] имением.

Кучумов. Что! Видно, плохо дело? Я так и ожидал.

Надежда Антонов <на>. Да, [разумеется] мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

Кучумов. Что ж он лез-то не в свои сани! На что ж он надеялся? Какие ж он права имеет на вашу дочь? Ведь [чай, думали] прикидывался, чай, что он ее золотом осыплет, а тут вышло, что самого еще корми.

Надежда Антонов <на>. Ну, хоть до этого дело не дошло, у него еще есть средства, а все-таки ему нужна некоторая помощь.

¹ В автографе, возможно, описка вместо: Г <ригорий> Б <орисыч>

Кучумов. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нем, вероятно, подъяческая кровь есть! Ведь он для чего места-то просит? Чтобы взятки брать. А как же мне его рекомендовать-то! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Надежда Антонов <на>. [Князь, князь, зятя-то моего...] Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

Кучумов. Да ведь вы сами же говорите, что в нем ошиблись. То-то мне рожа-то его...

Надежда Антонов <на>. [Князь!] Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

Кучумов. Как, неприятно! Кто вам говорит! Очень приятно. Раса gioia.

С. 345

²⁻³ остаться неблагодарной / остаться перед вами неблагодарной за мужа

⁴ *Перед:* Да я все средства... — [Да я сейчас.]

⁴ всех знакомых на ноги... / всех знакомых на ноги подниму.

⁷ Да я лечу, сейчас лечу... / Да я сейчас лечу.

⁸ *После:* *Входит Лидия.* —

Надежда Ант <онова>. Вы Лидии пока ничего не говорите, пусть это будет для нее сюрпризом.

Кучумов. Да, да, так, так!

¹⁴⁻²¹ Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит ~ (*Уходит; за ней Андрей.*) / Да, Лидия, Г <ригорий> не только хорошо говорить умеет, но умеет хорошо и делать; он завтра посылает отцу твоему 30 тысяч денег на выкуп имения, да и [для нас] нам с тобой оказывает [очень] важную услугу. Мы должны быть ему очень, очень благодарны.

[*Уходит.*] *Входит слуга.*

Слуга. Господин Глумов.

Н <адежда> А <нтонова>. Проси его ко мне, я его у себя приму.

Н <адежда> А <нтонова> и человек уходят.

ЯВЛЕНИЕ [III] [IV] V

С. 345—346

²⁴⁻⁹ что вы за благодетель ~ папашей на время? / что побуждает вас так благодетельствовать нашему семейству. Ведь помогать другим — значит, отнимать у себя, я бы этого не сделала ни за что на свете.

Кучумов. И вы, Лидия Юрьевна, вы, чудо красоты, <нрзб.> *Bellissima donna*, можете спрашивать, что побудило меня!

Л и д и я. Отчего же мне не спрашивать?

К у ч у м о в. Да я не только всем своим состоянием, я жизнью [го-тов] пожертв[овать]ую для вас.

Л и д и я. Это для меня новость.

К у ч у м о в. Неужели вы не замечали?

Л и д и я. Нет, не замечала. И вы действительно поможете отцу в его критическом положении? И вы пошлете ему денег?

К у ч у м о в. Завтра же.

Л и д и я. Это благородно. [Это...] Нельзя не оценить такой друж-бы.

К у ч у м о в. Больше дружбы, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Я желал бы лучше допустить до продажи имения вашего батюшки, чтобы выкупить его и [поднести] подарить его вам. Ваше имение ре-шенное дело.

Л и д и я. Ну что ж, купите и подарите. Допускать до продажи не нужно — заговорят о нашем разорении, а вы купите у отца, он вам дешево отдаст, и подарите мне. Я очень люблю подарки.

К у ч у м о в. Мне все это ничего не стоит, я завтра же напишу отцу вашему, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток 30 т<ы-сяч>. Что мне деньги! Мне ваше расположение дороже всего на свете.

Л и д и я. Какого же вам от меня расположения нужно, я и так к вам расположена. Вы нам как родной.

К у ч у м о в (*подвигаясь*). Как родной, как родной...

Л и д и я. Однако¹ какой же вы можете быть² родней? Братом вы мне не сможете быть, ваши лета не такие, дядей очень водевильно. Хотите быть папашей?

С. 346

¹⁵ ты не маленький / ты уж не маленький

¹⁶ Кучумов встаёт с колен. *Входит Андрей.* / Кучумов встаёт с колен. *Входит человек.*

^{20—22} Addio, mia carina! ~ После узнаете. / Прощайте, [божественная], mia carina. Я поеду по вашим же делам хлопотать и вечером дам ответ.

Л и д и я. По каким делам?

К у ч у м о в. Надежда Антоновна знает, она вам скажет. Все для вас, все для вас, До свидания.

^{26—31} Если вы хотите дуться ~ кинжалы. / [Меня совсем измучили, и я при-нес вам свою повинную голову.] Если вы [будете] хотите дуться на меня, так лучше прогоните / 1) [а то я] [я этого не вынесу, отругай-те] меня [или прибейте, сорвите свой гнев] да [и опять] смилуйтесь

¹ Слово вписано над строкой.

² Слова: вы можете быть — вписаны над строкой.

надо мной [потому что мне ужасно как хочется сказать вам несколько любезных словечек. Я не могу жить без того, чтоб не говорить вам любезностей. Мне решительно делать нечего будет, это было мое существенное занятие]; 2) Вы прибейте меня да потом смилуйтесь надо мной. Я не могу жить без вас. Если вы будете сердиться, на меня нападёт сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Л и д и я. Да за что ж мне сердиться на вас?

Т е л я т е в. Ну, вот какие слова! Так всегда говорят, кто сердится.

С. 346—347

^{33—2} Терзать желаете? ~ вы причина того / Это ведь значит терзать! Говорите просто, что негодяй.

Л и д и я. Да, конечно, вы много виноваты передо мной; вы виноваты в том

С. 347

¹⁰ Вы безнравственный / Вы безнравственны

^{12—17} Довольно бранить. ~ Чем больше поклонников, тем лучше. / Да за что ж мне бранить вас, в самом деле? Что вы меня любите. За любовь разве можно бранить? Благодарить надо. Что вы на мне не женились, любя меня, так ведь уж это прошло, жениться теперь нельзя.

Т е л я т е в. А любить можно?

Л и д и я. Разве [можно] я могу запретить? Притом же это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем нам почету больше.

²⁰ сейчас разговоры пойдут / сейчас и заговорят

²² Так вы возьмите меня настоящего / Так вы возьмите меня одного настоящего

²⁶ Гнев прошёл. / Значит, гнев прошел.

³⁴ Скоро вы заведёте cavalier servente? / Вы скоро cavalier servente заведете?

³⁵ После: Да разве у нас это — [можно]

³⁶ Надо завести этот прекрасный обычай. / Отчего же нельзя? Надо завести этот прекрасный обычай.

³⁸ А мужья что скажут? / А мужья-то что скажут?

С. 348

^{1—2} многих из нас, кавалеров / [я полагаю, этих] кавалерчиков

⁶ едва ли это скоро введётся / 1) [когда] это введётся; 2) ◇

^{7—8} одного в синюю кубовую / одного в кубовую

⁸ с другим ещё хуже было / с другим еще хуже сделали

²² Целуйте! / Поцелуйте!

²³ *Входит Глумов и остаётся в глубине. / Входит Глумов и останавливается у двери, Лидия и Телятев его не замечают.*

²⁷ *После:* Электричество — [от моего сердца]

^{30—31} Вы всегда делаете больше того, что вам позволяют. / 1) [Позволишь вам немного], вы всегда [пойдете дальше]; 2) Вы всегда делаете более того, что вам позволишь.

³² Да много ли больше-то? / Много больше-то?

С. 349

³ поцеловать мою руку / мою руку поцеловать

⁵ Я рук не целую ни у кого. / Я рук не целую.

¹⁵ вы очень забавны / вы очень забавный человек

^{19—21} Ай, Лидия Юрьевна ~ их сравить всех втроем, и с мужем. / Что я видел! Ай, Лидия Юрьевна, bravo! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое! Ну, погодите ж, дружки! Я Телятева натолкну на [Князя] Кучумова, а мужа на обоих. Стоит мне черкнуть несколько строчек, да еще стихами, и заварится каша.

^{28—29} В своём заседании, съезжаются тоже всё люди богатые — и разговор промеж них идёт о делах. / В своем обчестве, съезжаются тоже все люди богатые и сюжет имеют о делах.

³⁴ Ведь, по-вашему / Ведь, по вашему понятию

С. 350

^{1—10} Может, и не сто ~ так мы и запишем. / Известно, богат, а тут, может, и не сто [рублей], и не тысяча, а десять тысяч есть.

Г л у м о в. Невелики же деньги.

В а с и л и й. Может, коли поищем, так найдем и больше. Да не приходится мне об этом разговаривать, потому даже еще и не приказано. Да не всякий [такое] наше дело и понимать может; первое, на всю Россию полезное, и второе, велик секрет в этом самом, — тоже и наука, и опять же трудись, не то что лежа на боку. Мы, может, ночи не спали, сколько страху видели, — так и выходит, лучше молчать. Как нам разговаривать возможно, помилуйте. Вы обо мне как понимаете? Я до Лондону только одиннадцать верст не доезжал, отправили меня на русском корабле при машинах. Вот на мне теперь сапоги. Это одно дело, а ежели в щиблетах, это другое. Вот, сударь, вы и понимайте, а нам много разговаривать нельзя. (*Уходит.*)

Г л у м о в. Что он тут наговорил и что это за личность! Это какой-нибудь бывший надсмотрщик за рабочими на маленькой фабрике или приказчик по продаже лесу. Васильков его, вероятно, взял потому, что он подешевле других, что <нрзб.> почти своей, будет очень предан, а если и украдет, так по большей частью медью. Кучумов бывает во втором часу, это важно, так мы и запишем. По этому времени и приготовим сюрприз им.

²¹ К обеду освобожусь. / К обеду я освобожусь.

²¹ *Перед*: Коли хотите обедать — Вот что, робята.

³⁰ пирожки свечным салом пахнут / пирожки, которые свечным салом пахнут

³⁰ У вас, конечно, всё роскошно / У вас, конечно, все элегантно

С. 351

³⁻³⁷ Лидия, муж твой или скуп ~ Кучумов богаче и добрее. / Мне надо с тобой поговорить серьезно.

Лидия. Очень?

Надежда Антоновна. Муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Лидия (*с испугом*). Что вы говорите?

Надежда Антоновна. Он давеча сказал мне, что много прожил со дня свадьбы, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько ты сделала долгу до свадьбы [и после свадьбы]. И что все это придется ему платить. Твоих долгов после свадьбы он решительно не заплатит. Он, кажется, рассчитывает, что ты свои издержки будешь уплачивать сама, из своего приданого. Я, признаться, тогда мельком сказала ему, что ты имеешь свое состояние, а он, противный, ничего, ни одного слова не забывает.

Лидия. А где ж его золотые прииски?

Надежда Антоновна. Он говорит, что у него никаких [и нет] приисков и не было. Мне кажется, все это Глумов нарочно выдумал. Ты знаешь, какой он злой человек.

Лидия (*закрывая лицо руками*). Я погибла. Без богатства я жить не могу, как бабочка без золотой пыли, которая покрывает ее крылья. Она бледнеет, теряет свои радужные краски и умирает, как и я умру. Умру, умру, мне жить больше не для чего.

Надежда Антоновна. Погоди, Лидия! Мне кажется, что у твоего мужа есть деньги, только он скуп. [Мне] Он бы заплатил наши долги, если б ты оказала ему побольше ласки. Ну, что ж делать, переломи себя.

Лидия (*задумавшись*). Ласку, ласку! О, если только это нужно, он испытает такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, насколько могущественна моя ласка, и что она стоит на вес золота. (*Делает жест рукой, будто взвешивает.*) Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя.

Надежда Антоновна. Ты страшные слова говоришь, Лидия.

Лидия. Страшней бедности ничего нет.

Надежда Антоновна. [Порок, Лидия] Есть, Лидия: порок.

Лидия. Порок! Что такое порок? В наше время нет пороков, а есть деловые ловкие люди и простаки; бояться порока, когда все

порочны, и глупо, и нерасчетливо. По-моему, самый большой порок есть бедность. Нет, пусть это будет первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда, пока еще с законным мужем, разумеется.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не так страшна, вы, может быть, не постыдитесь и в ключницы пойти, а я в ключницы не пойду. Я еще молода, я хочу жить. А для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь, — хотя бы ценою разврата.

Надежда Антоновна. Я не слушаю. *(Закрывает руками уши.)*

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Оба они страшно богаты и страшно сорят деньгами, но Кучумов и богаче, и добрее.

С. 352

³⁻⁴ Вот всё. *(Уходит.)* / Здесь все. *(Уходит.)*

⁹ Я шла к тебе. / А я шла к тебе.

¹² *Указывает на свои комнаты.* / *Показывает рукой на дверь своей комнаты.*

¹³ *После:* Говори, милый ты мой. — *(Прижимаясь к нему.)*

¹⁴ Остановимся пока на полдороге. / Нет, остановимся пока на полдороге.

¹⁵ Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну. / Ты меня, Лидия, извини, я тебя так часто оставляю.

¹⁶ Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. / Зато чем реже я тебя вижу, тем [ты] дороже ты для меня в те минуты, когда бываешь со мной.

¹⁸ Такая перемена меня удивляет. / Что за праздник для меня!

¹⁹ Да разве я не живой человек / Ах, да разве я не живой человек

С. 352—353

²⁰⁻³ Мне нечего стыдиться ~ Жаль, что я не художник. / Что ж мне, стыдиться, что ли, моей любви к тебе? Мне 24 года. В эти года для женщины муж... Ах! Вы... ну, понимаете ж вы все... Я и так долго боролась с собой, но вижу, что это совершенно напрасно.

Васильков *(обнимая ее)*. Совершенно напрасно.

Лидия. Милый, когда мне захочется задушить тебя в своих объятиях, так уж ты мне позволь.

Васильков. Да как же не позволить, разумеется, позволю. Я сам боялся тебя, думал, что ты такая чопорная дама, что и подойти нашему брату хомяку страшно.

Л и д и я. Я не знаю, что со мной сделалось. Я не любила тебя прежде¹ и вдруг привязалась так страстно.² А я еще не успела оценить твои прекрасные душевные качества. Да, да, должно быть, ты мне так... что называется, по сердцу пришелся.

В а с и л ь к о в. Когда же еще тебе успеть оценить. [Я еще не сделал ничего такого, чтобы ты могла видеть мой ум или мою доброту сердечную.]

Л и д и я. Не успела оценить твои качества, так успела угадать их. Женское сердце чутко, смотри, как оно бьется. (*Берет его руку и прикладывает к сердцу.*) Друг мой! Блаженство мое! (*Плачет.*)

В а с и л ь к о в. Но об чем же ты плачешь?

Л и д и я. От счастья.

В а с и л ь к о в. Нет, ты не плачь. Это я должен плакать. Мне нужна была в жене только изящная внешность, а я неожиданно нашел и доброе чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Л и д и я. Полюби? Я тебя уж и так люблю до безумия, милый мой дикарь.

В а с и л ь к о в. Да, я дик, неловок, но я более образован и имею более гуманный взгляд на жизнь, чем ваши светские люди. Я и просвещеннее их, и простосердечнее. Дай мне твою прелестную руку. (*Берет руку Лидии.*) Как хороша твоя рука! Жалею, что я не художник.

С. 353

⁹⁻¹⁰ прошу тебя, не спрашивай / не спрашивай меня об этом

¹¹⁻¹³ Если есть у тебя тайна ~ Разве мы не одна душа? / Я умею уважать свободу человека. Делай, что хочешь, не спрашивая меня и не давая мне отчета. Если есть у тебя тайна, береги ее про себя, я до чужих тайн не охотник.

Л и д и я. Да разве могут быть у меня от тебя тайны? Разве мы не одна душа? Я очень высоко ценю твое благородство, но я не хочу существовать отдельно от тебя, я не хочу свободы, я хочу быть рабой твоей.

¹⁴ *После:* счёты из магазинов, по которым — [маменька]

²³ жениться на бедной / жениться на бедной девушке

²⁴ любила ли бы она меня / любила ли бы она меня за это

²⁵ Нет, нет! / Нет, нет, нет!

²⁷ *После:* Береги свои деньги, дитя моё, для себя. — А за твое благородное сердце я тебя поцелую, вот мы и квиты. (*Целуются.*)

Л и д и я. Нет, не квиты, дай мне поцеловать твою руку, вот и будем квиты.

¹ Исправлено из: Я тебя прежде не любила

² Далее начато: [Должно быть, я уж]

В а с и л ь к о в. Не делай этого никогда! [Целование рук можно допустить только как этикет.] Если я позволю тебе поцеловать мою руку, я буду презирать и себя, и тебя. Василий!

Входит В а с и л и й.

Поддай со стола из кабинета счета.

В а с и л и й возвращается со счетами и уходит.

С. 354

^{1—2} Надежде Антоновне, которая садится в головы Лидии, — тихо. / Надежда Антоновна садится на кресло в головы Лидии (тихо).

^{3—4} за обои и за драпировки / за обои и драпировки

^{5—8} всё это надо было подновить ~ Простояло бы ещё зиму. / это было все так старо, надо было поновить к нашей свадьбе, к нам так много стало съезжаться. Если б я не выходила замуж, тапан, конечно, не решила бы на такую трату.

Надежда Антоновна. Все это могло бы [простоять]

¹³ та показывает ей рукой на мужа / та [кивает] указывает ей рукой на мужа

^{13—14} тот, пробежав его / тот, взглянув на счет

¹⁵ бросает на пол / бросает на стол

¹⁶ Входит Андрей с двумя счётами / Входит человек с двумя счётами

^{17—18} Входит Василий с десятком счётов и подаёт их Василькову. / Входит Василий из кабинета с целым десятком счетов, которые подает Василькову.

¹⁹ Что французов там дожидается! / Что народу там дожидается!

²³ надо деньги платить / надоть деньги платить

²⁸ заранее дал тебе слово / заранее дал слово

^{30—31} надолго значительно сократить / значительно сократить

³¹ Перед: Через улицу, напротив — [Рядом]

С. 355

¹ На чём мы выезжать будем? / На чем мы выезжать будем, визиты делать?

^{1—2} В аэростане ведь никто ещё не ездил. / На аэростане ведь никто не ездит.

^{4—9} Вот любовь-то ваша! ~ Я не заплачу. / Вот она, любовь-то ваша! Ах, как я жестоко обманута, бедная.

В а с и л ь к о в. [Да] разве, если любишь кого, то непременно надо разориться. По-моему, можно любить и не выходить из бюджета.

Л и д и я (дерзко). [Но однако зачем же людей держать!] [Они дожидаются] Я ничего не знаю о бюджете, подите и платите по счетам, там Сомпис дожидаются, они люди порядочные, это неучтиво! надо им заплатить.

В а с и л ь к о в. Платите! Когда вы хотели заплатить за мать, я принял на себя эту уплату. А за себя вы должны платить сами. Ведь вы меня не спрашивались, делая издержки.

Л и д и я. Спрашиваться? А где же свобода женщины, про которую вы сейчас проповедовали?

В а с и л ь к о в. Да [разве] я вас не в тюрьму запираю, и не стесняю вашей воли нисколько, делайте, что вам угодно.

Л и д и я. Да разве в том состоит свобода женщины? Вы еще трудиться меня заставьте, шить что-нибудь, да скажите, что я свободна. Вы, должно быть, очень дешевые книги читали, в серо-бумажных переплетках. Наберут у Кольчугина или Ферापонтова десяток книжонек переводных с немецкого, где литераторы те же сапожники, принесут эти книжки подмышкой бегом домой и начнут учить чуть не наизусть. А потом, не бывая в хорошем обществе, не зная жизни, и рассуждают о свободе замужней женщины. Если хотите поучиться, у меня отличная французская библиотека, книги хорошие; дорогие романы. [Тогда] вы будете знать, что порядочная женщина только тогда свободна, когда она не знает никаких денежных расчетов, ни за что не платит, да имеет еще от мужа очень большие суммы на булавки, чтобы благотворить или исполнять свои самые причудливые прихоти. Когда она живет отдельной жизнью от мужа, на своей половине имеет свое знакомство, своих особых друзей. Вот идеал [свободной женщины], который мы составляем из этих французских романов для свободной женщины.

В а с и л ь к о в. У нас в провинции такие женщины иначе называются.

Л и д и я. По-старинному, львицами?

В а с и л ь к о в. Нет, волчицами, lupa по латыни.

Л и д и я. Я не заплачу этих денег.

^{11—12} Боже мой! (*Закрывает лицо руками.*) / Боже мой! (*Садится на диван и закрывает лицо руками.*)

^{16—17} но я приведу вам в пример моего мужа / 1) [но я постараюсь объяснить ее примером моего мужа]; 2) ◇

¹⁹ большая сумма / большая [издержка] сумма

²⁶ Вы не умеете ценить его / Вы не цените его

²⁸ хорошее место / доходное место

³¹ После: Вы не церемоньтесь — [набивайте карман]

^{32—33} чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно. / устроить, чтоб на вас глядели сквозь пальцы, а вам остается только уметь пользоваться случаем.

³⁴ прочь с вашими советами! / прочь с вашими хлопотами!

³⁷ После: но в последний раз — [и следующих]

³⁸ переехать в этот домик / переезжать в этот домик

С. 356

¹ есть комната / есть комната в мезонине

¹⁻² Мы не будем никого принимать. / Мы не будем никого принимать, мне самой шумная жизнь надоела.

³ прилегая на плечо к матери / встает с дивана и прилегает на плечо к матери

¹⁴⁻¹⁵ Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! / Я теперь не женщина, я... я змея. Никто меня так не унижал, как он.

²² Ну, вот и прекрасно, моя милая! / Ну, вот и прекрасно, мой друг!

²⁵ грубому труженику / [мне] труженику

²⁶ После: моя Лидия, мой ангел! — (Оттирает слезы и обнимает ее.)

Н < а д е ж д а > А н т < о н о в н а >. Как приятно чувствительной даме видеть счастье детей своих. (Занавес.)

С. 357

¹² между дверей изразцовая печь / посреди дверей изразцовая печь

¹²⁻¹³ письменный стол, старое фортепьяно / плохое фортепьяно, слева от зр<ителей> письменный стол

¹⁵ В а с и л и й стоит за стулом. / В а с и л и й стоит подле.

¹⁹ А про меня уж что! / А со мной уж что!

²³ чтоб в штиблетах, а я не могу / чтоб в щиблетах, чтоб как есть камардин, а я не могу

²⁴ всё одно как помощник / [вроде] как помощник

²⁵⁻²⁶ мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу. / мы с вами тонули вместе. По нашему делу в реке.

²⁹ Перед: За какие фрукты? — [Конечно, по какому делу?]

С. 359

¹ В а с и л ь к о в. Так слушай / В а с и л ь к о в (уходя). Так слушай

¹⁻² После: Без меня, кроме Кучумова, никого не принимай! — Если кто придет, говори: барина дома нет, а барыня принять не может.

⁸⁻¹⁰ страшно подойти к окну. ~ Старичок, Кучуминька / страшно подойти к окну, чтоб не увидал кто из знакомых. Какой разговор пойдет, какой срам. Что один Глумов наговорит. [Как] Что я теперь такое? Я красивенькая бабочка, которая желает освободиться из безобразной куколки [так я желаю вырваться из этой тюрьмы]. Разве можно меня винить! Старичок, [Князьенька] Кучуминька

¹¹⁻¹² Переехали бы мы с татап на старую квартиру и зажили лучше прежнего. / Переехали бы мы с [маменькой] татап на старую ее квартиру и зажили по-прежнему, еще лучше прежнего.

¹² Звуки вальса / Звуки вальсов

¹⁶ *Прислушивается, слышит стук экипажа. / Стук экипажа.*

^{17—18} Он всегда в два часа бывает. ~ слышу его походку. / Он всегда в это время бывает. (*Смотрит в окно направо.*) Он, он! Идет на крыльцо.

²⁹ *После:* В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. — Видеть вас в такой обстановке, нельзя не дойти до бешенства.

^{34—35} если бы узнал ваше унижение! / если б узнал об этом?

С. 360

⁴ Его прямая обязанность. / [Это] его прямая обязанность.

^{5—14} за то счастье, которое вы доставили ~ прямо обратиться ко мне. / за то счастье, которое досталось этому моржу, он должен делать для вас все, что вы ни пожелаете.

Л и д и я. Видно, он не считает за большое счастье обладать мною.

К у ч у м о в. [Но все-таки это вас не оправдывает] А не считает, так нечего и глядеть на него, вы должны [были] знать цену себе — наказать его, да, наказать его, негодяя, уехать от него, поселиться с [матушкой] папан на старой квартире. Что вы уехали от дурного мужа, у которого нет денег, это вас не компрометирует, а что вы живете в курятнике, это позор несмываемый.

Л и д и я. Но, папаша, чем бы мы стали жить? У [мамаши] папан ничего нет, у меня тоже, на кредит нельзя рассчитывать: [стоит только одному не заплатить, все перестанут верить] купцы народ ужасный, перестали нам верить совсем, иностранцы, те поучтивее, но и то уж косо поглядывают на папан, и того и жди, что наш кредит лопнет окончательно.

К у ч у м о в. Кредит, вот мило! Ну, а как вы думаете, вы у меня кредит потеряете. Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Уж вашему отцу я помог. Куда мне деньги-то девать! Детей у меня нет. Или вас гордость одолела, вам стыдно с вашей папан попросить у меня, у друга вашего семейства, который вас, вас, Лидия Юрьевна, любит безгранично. Жаль, что жива моя старуха, а то бы я не дал воспользоваться вашим положением этому выходцу из какой-то дикой среды, я по целым часам стоял перед вами на коленях и осыпал вас бриллиантами.

²⁰ У фэй и женщин в запасе много жестов. / У фэй и у женщин есть такие жесты, какие мужчинам и в голову не придут никогда.

²¹ Такой жест, папаша? / Вот такой, папаша?

²⁴ Я не знаю, папаша. / Я [думаю]

^{27—30} На первое время вам сорока тысяч ~ если ты не хочешь взять её. / [Если] и на первые необходимые издержки вам 40 тысяч слишком довольно. Ну, а там, по мере надобности, сколько угодно, сколько тебе

угодно. Послушай, [душа души моей] дитя мое, если ты не возьмешь от меня 40-ка тысяч, я выброшу их из кареты, я нарочно проиграю их в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу как-нибудь, и она пропадет даром, а тебе она может принести пользу.

³² берётся за карман / берется за боковой карман

³⁶ куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять / куплю у Сазикова вот этакую золотую солонку (показывает руками)

³⁷ да такой суммы / да такую сумму

С. 361

³ если не вижу / если я не вижу

⁹ Ку ч у м о в. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя /

Ку ч у м о в (подает руку Н<адежде> А<нтоновне>). Разумеется. Нельзя, дорогая моя, нельзя.

^{11—12} Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. / Вы знаете, как я была воспитана, как я жила; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются нервнические припадки.

¹³ чтоб мы не ездили / чтоб мы ни под каким видом к нему не ездили

^{13—14} О ваших деньгах ничего не упоминает. / А об ваших деньгах ничего не пишет.

^{15—16} Не дошли. (Считает по пальцам.) Вторник, среда, четверг, пятница. / Еще не дошли! Позвольте! (Задумывается.) Вторник, среда, четверг, пятница.

¹⁶ Он их получил вчера вечером или сегодня утром. / Он их получит сегодня вечером или завтра утром.

^{18—19} Мне всё кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат. / Мне все кажется, что твой муж притворяется, что он очень богат. Я постарше тебя и поопытнее, у меня есть свои приметы.

²⁰ Богат он, беден ли / Богат ли он, беден ли

²¹ и не желает / он тоже не желает

^{22—23} папашка мне обещал / папашка мне обещал это

³⁰ посмотреть кой на что сквозь пальцы / кой на что посмотреть сквозь пальцы

³¹ После: воспитывают детей — [дочерей]

³³ Benissimo. / Правда, правда.

³⁷ Вы очень добрый человек. / Вы очень, очень добрый человек.

³⁷ Однако ж всё-таки подумать надо. / Однако ж все-таки надобно об этом деле подумать хорошенько.

С. 362

¹ О чём думать! Здесь унижение, там — счастье. / Да об чём думать! Пойдем, татап, на встречу счастья, не думавши.

^{2—3} обсудимте вопрос / обсудимте дело хорошенько, разберем вопрос

⁴ *Ремарки: (матери) — нет.*

^{12—13} Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! / Что ты, болван, врешь, будто меня не велено принимать!

¹⁵ опять же не моя вина / опять же, это не моя вина

¹⁷ Да нешто для вас не всё равно! / Да нешто это для вас не все равно!

¹⁸ значит, пущать не буду / значит, пущать вас не буду

²¹ можешь знать / [должен] можешь знать

^{21—22} Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг / Не знаешь ли ты, не слыхал ли ты, любезный друг

^{24—25} *Ремарки: (Берёт рубль и прячет в карман.) — нет.*

²⁷ барин говорит / как барин говорит

^{27—28} *После:* по видимости, подходят тонкие. — А что морали про вас никакой живой нет.

^{28—29} пользы от них никакой, а всё из кармана / толку от них никакого, а все расчет, все из кармана

^{29—30} знакомство хорошее, степенное / в карман, али бы знакомство уж очень хорошее, случайное

³¹ Ну, довольно! / Ну довольно болтать-то.

³⁴ *После:* А я что ж, я уйду. — Когда что пишут, особливо если дельное, мешать не надо. Это мы тоже понимаем, потому видали делов-то немало, может, таких, что... (*Уходит.*)

С. 363

^{2—3} Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. (*Пишет и читает.*) / Васильков может подумать, что анонимное письмо писал ему я. И так уж все эпиграммы и анонимные письма в Москве приписывают мне. Чтoб разубедить его, надо написать ему что-нибудь, тогда он увидит, что почерки совершенно различные. (*Пишет и говорит вслух.*)

⁴ Жаль, что не застал. / Жалею, что не застал.

¹¹ записку ему оставил / [вот] я записку оставил

¹¹ Василькова видеть / видеть Василькова

^{12—13} целый день проводит. ~ Тем лучше. / целый день бывает.

Т е л я т е в. [Отличное занятие] Тем лучше.

¹⁹ *Перед:* Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! — (*толкая локтем и показывая глазами на стены.*)

^{20—23} А глядишь, покутит ~ вёрст четыреста. / А покутит недель шесть... либо в солдаты продаётся, либо его домой по этапу вышлют, а то придет отец, [поймает где-нибудь] в трактире за волосы, [да] так до самого дому его вёрст четыреста [и держит]

²⁶ принимать не велели / принимать не велено

²⁸ Да вы это, Василий Иванович, по глупости, может быть? / Да вы это, В<асилий> И<ваныч>, по глупости, может быть, врожденной?

³⁵ *Василий Иванович садится и опирается руками в колена. / Василий садится и упирается руками на колени.*

С. 365

¹ Вы думаете, не могу? / А вы думаете, не могу?

⁸⁻⁹ Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко. / Про голод не знаю, а холоду нет. Потому, В<асилий> И<ваныч>, так, что там очень жарко.

¹³⁻¹⁹ По нашему теперь тоже делу ~ Прощайте, Василий Иванович. / По нашему [тоже] теперь делу тоже босота и нагота дело виданное и пере-виданное. Конечно, порядок такой, искони был [отчего всем невозможно]. А Бог невидимо посылает.

Т е л я т е в. Ну, этак с вами, Василий Иванович, очень далеко в философию уйдешь.

В а с и л и й. Я про что другое могу.

Т е л я т е в. [Нет уж] Ну, прощайте, Василий Иванович.

²³ Какой же тут грех-то, Василий Иванович? / Это ваша правда, Василий Иванович, что грех бывает со всяким. Только какой же тут грех-то?

³⁵ Потому сродственник / Потому сродственник — в кумовстве, али в [сродстве]

³⁶ Такой же сродственник / Он такой же сродственник

С. 367

¹¹ *После:* Князёк надуть тебя намерен — *начато:* [Будь к Васильковым]

¹³ а меня и принимать / а меня даже и принимать

¹⁵ *После:* что-то за сердце скребёт. — Мужа в это время не бывает дома.

¹⁶⁻¹⁷ как я встану перед ними / когда я встану перед ними

²⁰ *Перед:* не совсем учтиво — [будет]

²¹⁻²² *Отворяет осторожно дверь / [При]отворяет осторожно дверь*

²⁷ Господин Глумов. / Господин Хлумов.

³⁰ *Перед:* Ну, хорошо, ступай! — / 1) ([*ероша*] волосы); 2) (одной рукой перебирая волосы)

³² что и подозревать нельзя / что подозревать нельзя

С. 367—368

³³⁻¹ *и видит записку Глумова / видит записку Глумова*

С. 368

² *Читает письмо. / В рассеянии смотрит на письмо и читает.*

³⁻⁴ Из дома муж ~ делать дело /

С утра из дому муж уйдет,

[Свою] коммерцию ведет.

¹³ смысл этих слов / смысл этих стихов

¹⁴⁻³⁰ Если это шутка ~ *показывается Телятев.*) / Если шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. [Шутят над дураками.] Если это несчастье, то за что ж оно приходит так рано

и неожиданно? Вдруг захотелось дураку иметь жену барыню. Что чувствует, как любит просветая девушка, я знаю, а как любит, чувствует светская барыня, я не знаю. Я души ее не вижу. Я ей чужой и она мне чужая. Сердце у меня богато, [ума много, образование современное,] но чего я достигну, когда у меня речей нет. А вот в Москве [нужнее всего] чувством *<не возьмешь?>*, здесь нужнее речи. О проклятые речи! Было старое время и старые речи, наступило новое время и новые речи, а дела все остаются по-старому. [Здесь] Теперь говорят, как в Английском парламенте, а думают все еще как при Аскольде. А делают... Да что здесь делают? Ничего не делают. Самый деловой человек много-много, если занимается какой-нибудь производственной работой час в день, а 23 часа либо пьет, либо спит, либо разговаривает. *(Смотрит на письмо.)* Но что же, однако, значит это письмо? [Пойду к Лидии, покажу его.] Пойду покажу его Лидии, но если, если... О бедное, глупое, провинциальное сердце! Что мне делать [тогда]. Боже, что мне делать? Нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть. Что подскажет мне провинциальное глупое сердце, то и буду делать. *(Открывает ящик с пистолетами, берет один из них, подумавши, опять кладет на место, ящик оставя открытым.)* Я в минуту могу убить человека, а хладнокровно делить ее ласки — нет. *(Идет к двери; навстречу ему тихо и глядя назад, выходит Телятев.)*

³⁴ *Ремарки: (Тихо.) — нет.*

С. 369

¹ Телятев. Поттише ты, я говорю тебе! *(Прислушивается.)* /

Телятев *(махая рукой)*. Поттише ты, говорю я тебе!

⁶⁻⁹ Приятно провести время ~ Оттого, что у меня вкус хорош. / Полюбезничать малую толику.

Васильков. Для чего же ты [это делаешь] к моей жене едешь, а не к другой?

Телятев. У меня вкус хороший.

¹¹ Ну, хорошо, хорошо! / Да хорошо, хорошо!

¹⁴⁻¹⁵ Ты с ума сошёл, Савва! Опомнись, выпей холодной воды. / Да что ты, в самом деле, с ума что ли сошел?

¹⁶⁻¹⁷ но бывают в жизни минуты... / но бывают в жизни человека минуты.

¹⁷ Ах, я рассказать тебе не могу / Ах, я рассказать не могу

¹⁹⁻²² Коли ты подарить хочешь ~ стреляться. / 1) [Да куда] торопиться, чудак; 2) Коли ты подарить хочешь, так давай лучше оба, я возьму с удовольствием, а коли стреляться, так зачем торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший, вот после сытного обеда мне всегда жить тяжело на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

¹ Слова: все еще — вписаны над строкой со знаком вставки.

- 26—27 Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. / Всякое дело нужно делать порядком.
- 27—28 Да! Постой! ~ гнусную квартиру? / Да, скажи, пожалуйста, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?
- 29 Средств нет жить лучше. / Средства не позволяют жить лучше.
- 32—33 Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня. (*Берёт пистолет.*) / (*поглядя пристально на Телятева*). Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить у меня жену. Бери пистолет.
- 34—36 Ты меня лучше убей ~ чем ты стоишь. / Ты меня оскорбляешь, я никогда не считал тебя таким человеком, снисходительность которого купить можно.
- 37 *Слов:* В а с и л ь к о в. Извини! Я человек помешанный. — *нет.*

С. 370

- 2 по нашей общей распущенности / по нашей старинной распущенности
- 7 Надо счесть теперь и дать тебе расписку. / Надо их счесть и дать тебе расписку.
- 9 а я ни с кого; хоть бы я и взял, я её непременно потеряю / а я не беру ни с кого, потому что мне все равно, ведь я ее непременно потеряю
- 10 Спасибо. / Ну, спасибо.
- 11 Шампанским, других процентов не беру. / Натурой, шампанским, другим я не беру.
- 13 мы с тобой стреляться будем / я с тобой стреляться буду
- 17—18 Что же мне тогда делать в этом последнем случае? (*С отчаянием.*)
Что мне делать? / (*С отчаянием.*) Что же мне тогда делать? Что мне делать?
- 20—29 В а с и л ь к о в. Я был так счастлив ~ Нет, нет, бери пистолет / В а с и л ь к о в (*садится и <нрзб.>*). Нет, друг мой, я был так счастлив... Она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для человека несветского, для несчастного [увальня] тюленя, ласки такой светской красавицы — ведь рай! И вдруг она [меня обманывает] мне изменяет. У меня оборвалось сердце, подкопились ноги, мне опротивели мои дела, мне жизнь не мила; она меня обманывает. Ну, научи, что мне делать.

Т е л я т е в. Так ты ее убей, а меня-то за что же?

В а с и л ь к о в. Вы ее развратили. Это видно, она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять все — и честь, и совесть, и всякий стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, ни боже мой. Я могу стреляться сейчас, а то срам, срам на мою честную голову. Бери пистолет

³⁰ *После: Давай стреляться! — / 1) Берет пистолеты [и один подает Василькову]; 2) Берет пистолеты и прислушивается к двери.*

^{31—33} перед смертью ~ стреляться! / перед смертью [спрячемся] попробуем спрятаться за печку. И пистолеты пока положим. (*Кладет на стол пистолеты.*)

В а с и л ь к о в. Нет, [ты не увертывайся от меня] нет, друг мой, нам стреляться нужно, пожалей ты меня! Ты любишь мою жену, и я ее люблю. Ну вот, давай стреляться, [кому она достанется]. Кто жив останется, тот ею и владеет.

³⁴ *берёт его за плечо / берет его за плечи*

С. 371

^{3—6} К у ч у м о в (*поёт*). In mia mano ~ Изволь, папашка! /

Л и д и я. Прощай, папашка!

К у ч у м о в. In mia mano al fin tu sei! Прощай, моя красотка! Addio mia carina!

Л и д и я. Так завтра, папашка? Ты не обманешь?

К у ч у м о в. Разве я кого-нибудь, когда-нибудь обманывал? In mia mano... [basiami]

Л и д и я. Volontieri.

^{14—15} чтоб поставить её против вашей / чтоб ею рисковать против вашей

¹⁹ *После: Входит Надежда Антоновна. —*

В а с и л ь к о в. Ваш любовник убежал.

Т е л я т е в. Вы трусливых любовников не заводите. Вот если бы я имел счастье быть на его месте, я бы вас не оставил в таком жалком положении.

²² Что за шум у вас! / Ах, что это за шум у вас тут!

²⁴ такую же безнравственную / такую же развратную

²⁵ переменяла свою громкую фамилию / 1) [я дал ей незначительную] фамилию; 2) ◊

²⁷ моё простое, но честное имя / мое честное, хотя и неизящное имя

²⁷ Она, выходя за меня / Она, выходя за меня замуж

²⁹ Она шла за меня / 1) [Я взял ее]; 2) ◊

²⁹ *После: я заплатил за её приданое и за её наряды — 50 тысяч*

^{34—35} Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично. / Конечно, бывает, что люди расходятся, но надо разойтись мирно.

С. 372

^{1—24} не оставляй меня ~ с меня довольно. / я сегодня застрелюсь непременно. Возьми свои деньги, они мне теперь не нужны, я хотел только испытать твою доброту и заработать на твои деньги огромные проценты, чтоб показать тебе, как я умею дело делать. Возьми их. (*Отдает Телятеву. Лидия [взглядывает] пристально смотрит на деньги.*)

Телятев (*берет деньги и небрежно кладет в карман*). Ты не вздумай стреляться в комнате, это неприятно, у нас стреляются в Петровском парке. Вот мы с тобой сначала пообедаем, а потом поедем в парк, там видно будет, может быть, и до завтра стреляться отложим.

Васильков (*Над<ежде> Ант<оновне>*). Возьмите скорее вашу дочь от меня [а то я ее] [выкину в окно] [не верну <?>] [из дому]. Возьмите ее скорей!

Лидия. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня же думали переехать. / 1) Мы с татап наняли нашу старую квартиру и из ее зеркальных окон постараемся даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем ее; 2) Вы играли с нами комедию, вы унижали благородную женщину и отдавали ее на позор всей Москве, и мы играли с вами комедию. У нас больше денег, чем у вас, но мы женщины, а женщины платить денег не любят, — [для этого] [поэтому] я притворялась, что люблю вас, как мне это ни было противно, для того, чтоб заставить заплатить наши долги. Я в этом успела, мне больше ничего не нужно.

^{27—34} ну, сами понимаете, кого ~ Нет, уж всё. / ну, или, сами понимаете, кого. [Прощайте] (*Матери.*) Матап, вы послали за экипажем?

Надежда Антоновна. Послала. (*Уходит, за ней Лидия.*)

Васильков. Дьявол, а не женщина. Кончено, друг Ваня, все для меня уже кончено.

Телятев. Погоди, Савва, еще не все.

Васильков. Нет, все.

С. 372—373

^{36—4} если б я сам её обманывал ~ осталось убить тело. (*Плачет.*) / [тем бы и кончил...] Если б я сам ее обманывал, я бы мог простить ей, что она, может быть, и больше виновата, но и я сам виноват. Но я человек добрый. Что делать в этом случае доброму человеку? Я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смеяться: над лицом моим, над моей фамилией, над ничтожностью <?> моей, но над добротой!.. Над тем, что я любил ее, что желал ей добра, что после каждой ласки ее я по часу сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг Ваня, во мне оскорбленное самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. [Зачем ему бродить без души на земле]

С. 373

⁶ хороша будет у меня физиономия / хороша будет фигура у меня с моей-то физиономией

^{6—12} Отдайся ты на мою волю ~ за заставой. (*Уходит.*) / Мы с тобой пообедаем, а потом погулять поедем. Послушай, Савва! Отдайся ты на мою волю хоть на несколько часов.

[В а с и л ь к о в (берет пистолет и кладет в карман). Хорошо, поедем, мне все равно.

Т е л я т е в. Только уж это будет не твое дело, куда я тебя повезу, чтоб поить, кормить! — Все это мое дело.

В а с и л ь к о в (совершенно убитый). Хорошо. Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. (Уходит.)]

Уж это будет не твое дело, куда я тебя повезу, чтоб поить, кормить!

В а с и л ь к о в. Друг мой, что это? (Подбегает к окну.) Карета! Она уезжает. (Падает на плечо Телятеву.)¹ Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. (Уходит.)

Занавес.

²³ Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно. / Декорация 3-го действия. Зала в прежней квартире Василькова.

²⁶ Перед: Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. — [Чебоксарова и Лидия.]

²⁷ Перед: Надежда Антоновна. Что, не был? — [Чебоксарова]

С. 373—374

^{29—3} Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову ~ никаких денег не получал /

[Чебоксарова] Над<ежда> Ант<оновна> [(ходит)]. Я совершенно без ума, Лидия. — Что нам делать? Кучумов дал мне неделю тому назад только 613 рублей и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает Бог знает какое одолжение. 600 р. И больше ничего <нрзб.> обещанных 40 <тысяч> руб. У нас опять накопилась пропасть долгов.

Лидия. / 1) [Однако] он послал отцу 30 т<ысяч>; 2) Он обещал непременно привезти сегодня. [Как же] Стыдно ему не верить, когда он послал отцу 30 т<ысяч>.

[Чебоксарова] Над<ежда> Ант<оновна>. Я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких 30 т<ысяч> не получал.

С. 374

⁷ Теперь я понимаю. / Теперь я все понимаю.

⁹ Он обещал купить и подарить его мне. / Он обещал купить отцово имение и подарить его мне.

¹⁰ Едва ли. / Ох, едва ли. Я перестала всему верить с тех пор, как мы прожили состояние.

¹ Текст: Друг мой ~ Телятеву.) — заключён в круглые скобки.

¹² Уж не он ли? / Уж не тот ли?

^{13—16} Где ему! ~ будет гораздо покойнее. / Где ж тому! Вы сами слышали, как он говорил, что занимал деньги у Телятева.

Ч е б о к с а р о в а. Я не только слышала, но и видела.

Л и д и я. И обещал ему большие проценты, а большие проценты дают только в нужде. Где ему! Да он и слишком глуп для такого дела. Нам бы, татап, лучше и не упоминать о нем совсем, будет для нас гораздо покойнее.

²⁰ если б они не были / если б не были они

^{25—28} Извозчиций экипаж всегда заметен. (*Уходит.*) ~ *Входит Андрей.* / Извозчиций экипаж всегда заметен, притом сегодня он один, а завтра другой. (*Уходит.*)

Л и д и я (*читает книгу*). Хорошо, что татап меня предупредила. Надо быть осторожнее. Я могла совершенно довериться этому человеку и сделать большую ошибку, которую трудно исправлять.

Входит слуга.

³¹ *Андрей уходит. Входит Кучумов.* / *Слуга уходит, входит Кучумов, становится на колена и целует руку Лидии.*

С. 374—375

^{34—1} К у ч у м о в (*становясь на колена и целуя руку Лидии*). ~ Что за тон, дитя моё? /

К у ч у м о в. Чуть свет и на ногах, и я у ваших ног.

Л и д и я. Что за шалости! Садитесь, мне нужно с вами поговорить.

К у ч у м о в. [Ай, холодно так!] Что [с вами], дитя мое?

С. 375

^{3—7} мне стыдно напоминать вам ~ в бумажник / 1) вы сами навязались с деньгами! Мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании.

К у ч у м о в (*садится*). Милая моя, вам меня надо или убить, или простить раз навсегда за мою [неаккуратность] рассеянность. Сейчас [отложил]

2) ◊

⁷ *После:* отсчитывал деньги в бумажник — [вам]

⁸ *После:* вошла вдруг — моя старуха [жена]

¹⁴ знакомому купцу / знакомому [учителю] купцу

^{14—17} Он законов не знает ~ (*Встаёт и оглядывает комнату. Поёт.*) / Как мало нужно иногда, чтоб облагодетельствовать этих людей, и как преданность их [весьма] за то безгранична. Ну, разумеется, он [дел] законов не знает и передоверил от себя другому. Васильков мне писал об этом преуморительное письмо, я вам привезу [именно] его. Через

десять минут привезу, моя прелесть! (*Целует руку. Оглядывает комнату.*)

¹⁹ тропических растений / тропическую зелень

^{19—20} будет место наших интимных разговоров / маленькую сценку для наших интимных разговоров

^{22—23} Ну вот, когда ~ полюблю. / [Ну вот] Когда [все это устроится, я, может быть, вас полюблю] привезете письмо и деньги, тогда я опять буду звать вас папашей и, может быть, полюблю.

^{24—28} Так как в моей честности ~ мне не до любви. / Так как в честности моей сомнения нет, я стою выше подозрений, то любви своей вам откладывать нечего, мое блаженство!

Л и д и я Вы думаете? Я сегодня [не расположена любить] в дурном расположении духа, мне не до любви.

²⁹ у мужа ~ горы / у мужа золотые [горы], у вас [тоже]

³¹ *После:* все сулят — [мне золотые горы]

^{32—33} ничтожной суммой / даже ничтожной суммой

^{33—34} *После:* я еду в извозчицкой коляске на клячах. — Вы приезжаете в карете с княжескими гербами, у Телятева коляска из кожи, Глумов вчера проехал в таком шарабане, на такой паре рысаков, что я не видывала.

С. 375—376

^{35—6} Это ужасно! ~ в конторе вдруг столько денег нет / *Per basio.* Это ужасно, в самом деле! Но ведь через полчаса все будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Л и д и я. Я разошлась из-за вас с мужем, вы ко мне ездите в известный час каждый день, что подумают, что будут говорить.

К у ч у м о в. Да ведь уж все равно, говорить будут, хоть вы будете целомудреннее Дианы, пища для разговора дана, следовательно, разговор будет. По-моему, уж если переносить срам, так лучше недаром. [Даром переносить] Терпеть напраслину дело ужасное, *idol mio*. Ведь все равно через полчаса... ну могут там встретиться обстоятельства; необходимые взносы, в конторе нет столько денег

С. 376

⁹ *Слов:* Слышите, что я говорю! — *нет.*

¹³ До свидания. / *Au revoir.*

¹⁶ самоуверенность колебаться начинает / 1) [уверенность в себя] поколебалась; 2) ◊

^{17—18} Кучумов обманывает меня или нет? (*Решительно.*) Обманывает. / Кучумов обманывает, или нет? Кажется, обманывает.

^{19—24} Затем что ж у меня? ~ *А н д р е й уходит.* / Но он живет так роскошно. Может быть, скуп? Но, кажется, надежда плоха. Затем Телятев... (*Задумывается. [Человек] Слуга входит.*)

С л у г а. Господин Телятев.
Л и д и я (*задумчиво*). Проси.

Уходит слуга.

³⁶ Не говорите лучше! / Уж вы лучше не говорите!

С. 377

⁴ поседеть легко / уж не то что морщины, а поседеть [можно]

^{6—7} Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живёте одни /
Да чего же вам лучше, в вашем положении? Вы живете одни

¹¹ *После*: Нет, раздумал. — Об этом поговорим после.

^{15—16} Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. / Но зато я умею лучшее,
я умею их терять сейчас же.

^{18—21} Наши дела ~ Нет, мне стыдно. / Дела наши очень плохи, нам просто
жить нечем.

Т е л я т е в. Но в настоящее время это явление в нашем кругу по-
всеместное.

Л и д и я. Слушайте! Вы несносны. Я потому переехала от мужа,
потому, [что]... мне стыдно.

^{24—25} Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать
взаимы сорок тысяч. / Я переехала потому, что Кучумов обещал мне
дать взаимы 40 тысяч.

²⁹ найти в кармане / в кармане найти

^{30—32} оно стоит больших денег; я сама видела, как он дал моей маман
шестьсот рублей / оно было заложено в 30 т<ысяч>, а стоит верных
сто, я сама видела, как он дал [маменьке] шестьсот рублей

³⁶ ищет денег для вашего мужа / искал эти деньги для вашего мужа

^{36—37} он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил / он проиграл
в клубе давно 700 р<ублей> и долг так и не отдал

С. 378

^{2—3} У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что всё
прожито. / У него было точно большое состояние, но он часто забы-
вает, что все давно прожито.

^{5—8} только всё это женино ~ Ну, вот тогда и посмотрите на него! / и при-
слуга, только все это женино. А деньгами ему собственно выдается
не более 10 р<ублей> на клуб, — он теперь [и ездит больше в немец-
кий: и почету больше, и траты меньше]¹ В именины и в праздники
выдается ему от жены 50 руб<лей>, а иногда и 100, но вот тогда и по-
смотрите на него.

^{12—25} Л и д и я (*бледнея*). Что мне делать? ~ Как? Вы женитесь или жена-
ты? /

Л и д и я. [Как] Что нам делать? Мы столько задолжали.

¹ Фраза после зачёркнутых слов осталась незавершённой.

Т е л я т е в. Вот нашли, о чем горевать. Что ж за беда, кто нынче не должен?

Л и д и я. Телятев! У вас огромное состояние, не дайте нам унижаться до бедности, поддержите честь нашей фамилии, и я ваша. *(Кладет ему обе руки на плечо и склоняется головой.)*

Т е л я т е в. Это очень мило с вашей стороны, и я, с своей стороны, не замедлил бы [этим] воспользоваться, только я должен предупредить вас, что наше счастье [не может долго продолжаться] будет недолговечно. Я сам теперь не свой.

Л и д и я. Что же, вы женитесь или женаты?

³² Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко? / Ну что ж, что давал займы! Разве мне¹ чужих-то жалко!

³⁷ писали счёты на меня / [пишут] писали счета на меня

С. 379

¹⁻⁶ Деньгами взято у ростовщиков ~ кредиторы насмеются досыта. / Вот с исполнительными листами завтра придут ко мне на квартиру. Картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты на прокат и нынче же отобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет! Я им предложу по сигаре, у меня с десятков осталось. Явятся кредиторы, я уверен, что они насмеются досыта.

⁹ Гуляй, Иван Петрович / Ну, гуляй, Иван Петрович

⁹⁻¹¹ Один за жену сердит ~ кормовые платить. / Один есть злой, этот за жену сердит, пожалуй, продержит месяца два в яме, [ну, а там] пока не надоест кормовые платить.

¹⁶ И вы так покойны? / И вы об этом так покойно говорите?

¹⁸ получили с меня втрое / с меня получили втрое

²⁵⁻²⁶ Л и д и я. Не бросают? ~ как жаль-то! /

Л и д и я. Это жалко.

Т е л я т е в. [Как не пожалеть.] Еще как жалко-то!

²⁷⁻²⁸ А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны. / [Я знаю, какие деньги вам нужны.] А прежде деньги были другие, вам именно те деньги и нужны.

³⁰⁻³⁶ доставались всё бешеные ~ с нами не хотят иметь. / должно быть, доставались все бешеные, мечутся по разным местам, никак их домой не загонишь. И знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами такие бешеные деньги [лежат в кармане, да вдруг взбесятся]. Оттого, что не мы сами их наживаем; вот у тех, которые сами нажили, деньги гораздо умнее. [Умные деньги], нажитые трудом, лежат они [по карманам] в кармане смирно. — [Я у своих кредиторов, а вы у мужа] —

¹ Было: Мне разве

ты их манишь к себе, а они нейдут, [а они такие умные, нейдут, лежат смиренно] нет, говорят, мы знаем, какие вам деньги нужны. Вам нужны бешеные, а мы деньги умные, мы к вам не пойдем. И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами нисколько деньги не хотят иметь.

С. 380

³ или уж много-много средней руки помещика / или уж много-много [помещика <?>] офицера местной команды

³ *После:* Что за карьера! —

[Лидия. А купцы, разве они не очень богаты, разве на них рассчитывать нельзя?]

Телятев. А купцы? Хотите, я вам целую лекцию прочту о них. Я человек ласковый, живу со всеми сословиями по-приятельски, так успел к ним приглядеться. Послушайте меня, это вам вперед пригодится.]

⁴ Телятев, помогите, мне нужны деньги! / Иван Петрович, поймите, мне нужны деньги, нужны — я так воспитана, так жила, так хочу жить — так только умею жить. — Если у меня не будет денег, я этого бесчестья не переживу.

^{12—13} так богат, что подумаешь — так голова закружится / так богат, что вы себе представить не можете [Он не тем богат, что у него]

^{15—16} наличных тысяч триста ~ а через пять — пять. / [милion] 300—400 тысяч, так можно поручиться, что через год у него их будет [пять] миллион, а через пять лет пять миллионов.

^{19—20} Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. / Когда вы его оставили, он непременно хотел застрелиться, насилу-то я уговорил его пообедать со мной. Приехали мы в Троицкий.

²² он как будто стал поживее / он как-то стал поживее

²³ Нет, говорит, глупо стреляться. / Нет, говорит, теперь стреляться глупо.

²⁹ Неужели это папа / Неужели это [маменька] папа

³⁰ Нет, вы ошиблись. / Нет, вы ошибаетесь.

С. 380—381

^{35—7} сидеть в этой коляске. ~ Говорите! / сидеть в этой коляске. (*Отходит, садится у стола и подпирает рукой голову.*) Что со мной, я и ненавижу его, и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у нее и так невелик, а она его еще вздергивает.

Телятев. [Это слишком тонко для меня. Значит, не нашего ума дело] Это не ревность, а зависть. А вот хотите, я вам расскажу его жизнь? Подкутили мы с ним, он мне все и рассказал.

Лидия. Говорите, говорите!

Т е л я т е в. Воспитывался он в каком-то университете, потом сам стал учиться какой-то телеологии, механике, еще чему-то, я не помню хорошенько. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слышали.

Л и д и я. Да говорите!

С. 381

¹² снял у подрядчика небольшой участок / снял небольшой участок

¹⁴ *После:* Золото, а не человек. — С тех пор он этот мундир носит.

^{16—17} *После:* Первый подряд удался, он взял побольше, потом ещё побольше. — Стало у него тысяч до 300.

¹⁹ убытку не будет / убытку нет

³⁰ *После:* Ради бога, тамап — [берите]

^{34—35} (*всматривается в дочь*). Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. (*Уходит.*) / (*пристально смотрит на дочь*). Хорошо, мой друг, хорошо. (*Уходит.*)

³⁶ *Входит Андрей.* / *Входит слуга.*

С. 382

^{8—13} Я слышала, что вы разбогатели. ~ а как бы это назвать... / Вы, я слышала, разбогатели?

Г л у м о в. [Да, кажется, дело идет к тому] Разбогатеть еще не разбогател, а очень выгодную должность получил.

Т е л я т е в. [Ты своего таки достиг] И кажется, должность тебе по способностям.

Г л у м о в. Случай счастливый. Одна пожилая дама долго искала домашнего секретаря.

^{18—19} Почти так. ~ где же ей управляться! / У ней много имений, домов, где же ей с таким делом возиться.

¹⁹ *Слов:* С наследниками она в ссоре. — *нет.*

²⁰ имею полную доверенность / имею от нее полную доверенность

^{22—23} Признайся, Глумов, ведь / Признайся, ведь

^{22—30} Признайся, Глумов ~ понятие относительное. / Признайся, ведь многого найдешь таких — чтобы имел к тебе полную доверенность. Мы сейчас говорили о бешеных деньгах, что их немного, ты счастливей нас, ты их нашел.

Г л у м о в. Зато как долго и как прилежно я их искал... Ты прав, их в самом деле теперь немного.

Л и д и я. Значит, у вас теперь денег много в руках.

Г л у м о в. [Очень довольнo]

³¹ *Перед:* было бы мало — [этого]

^{33—34} Молоденьким, хорошеньким женщинам займы денег не дают / Молоденьким [красивым женщинам] красавицам займы денег не дают

³⁴⁻³⁵ забудут о долге / забудут о своем долге

³⁶ или дарят / или дают без отдачи

С. 383

⁵⁻⁶ Теперь уж поздно ~ ручки. / [Я уж вам сказал, у кого я целую руки, а в матери вы мне не годитесь! Впрочем, и в другом случае, как мне ни лестно, я у вас поцеловать теперь не могу. Подождите меня год, а может быть, и меньше] Теперь уж поздно или, лучше сказать, рано, подождите меня год, я приеду целовать ваши ручки и сыпать сокровища к вашим ногам.

⁶ Я завтра отправляюсь / Я завтра еду

⁸⁻⁹ общим ожирением / повсеместным ожирением

⁹ больше года жизни не дают / больше года жизни не пророчат

⁹⁻¹¹ а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрёт скорее / но в Париже и на водах она, вероятно, умрет скорее с помощью усовершенствованной [европейской] медицины

¹¹ мне некогда / мне теперь некогда

¹²⁻²³ сердобольно ухаживать за больной ~ До свиданья. / наживать деньги, а потом могу и проживать, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Л и д и я. Вы злой, несносный человек!

Г л у м о в. Вам прежде эта черта во мне нравилась.

Л и д и я. Пока вы не переходили границ, а теперь — прощайте, мне и без вас тяжело.

Г л у м о в. Прощайте, я уезжаю со сладкой надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что в год вы успеете оценить меня и найдете, что наши души близки и родственны, и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Л и д и я. [Вы мне надоели, наконец] Довольно, довольно! прощайте!

Г л у м о в. [Au revoir, madame, Кучумову]

²⁴ Счастливого пути! / Счастливого тебе пути!

²⁵ ещё блуждает / блуждает

²⁷⁻²⁸ *Входит Надежда Антоновна со склянками ~ и уходит. / Входит Надежда Антоновна¹ со склянками в руках, за ней горничная с подушкой. Горничная кладёт подушку на диван и уходит.*

³¹ Тебе надо лечь, Лидия, непременно. / Приляг, Лидия.

³²⁻³³ *После:* По лицу твоему видно, что ты — [не здорова]

С. 384

⁴⁻⁹ Мне равнодушно нельзя оставаться ~ тайна. / Очень [естественно] трогательно, что вы как мать преувеличиваете болезнь Лидии Юрьевны, но нам, грешным, со стороны...

¹ Далее было: с подушкой и склянками спирту

Надежда Антоновна. Со стороны... Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии и говорите. — Я знаю ее с детства, с ней иногда случаются такие припадки.

Телятев. Извините, я действительно не знаю натуры Лидии Юрьевны, а что касается сложения, это для меня такая тайна...

¹³ Скрыться прикажете? / Уж не уйти ли мне от греха.

¹⁵ *После:* вы мне даёте силу — я сердцем чувствую, что вы расположены ко мне.

Телятев. Расположен, вот это мило! Предан.

^{16—19} Если вам приятно, то я ~ *Входит Андрей.* / Если вам приятно меня видеть, то я не только не уйду, а как гвоздь буду торчать против вас, смотрите на меня, сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии остаться лицом без речей.

Надежда Антоновна (*оправляя подушки*). Как хотите, только все-таки я надеюсь, что вы будете <нрзб.>.

Входит человек.

^{22—23} *Андрей уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит Васильков. (Человек уходит. Входит Васильков. Телятев вынимает платок и подносит к глазам.)*

²⁶ *сделав общий поклон / сделав общий поклон. Лидии*

²⁹ я ни то, ни другое / я [тут не] ни то, ни другое

³⁰ Вы нас покинули. / Вы нас совсем покинули.

³¹ и не простившись даже как следует / вы уехали, не простившись даже

³⁵ Просите. / Так просите.

С. 385

^{1—2} не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты / не рассчитав своих средств; во всем остальном вы виноваты

³ Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. / Значит, мы поквитались: я был виноват, а вы меня оставили.

^{7—8} а я могу поплатиться жестоко / а я могу поплатиться [тем, что должна буду стать] жестоко

^{11—12} *После:* из ямы есть выход. — Подержат, подержат, да выпустят [Как же вы боялись]

^{12—13} но больше надо бояться / но [прежде] нужно бояться

¹⁴ *После:* и честь, и благообразие женщины. —

Над<ежда> Антоновна. Ах, какие вы слова говорите, я горю со стыда. Мне во всю жизнь не приходилось их слышать.

Васильков. Да, я знаю, вы слов боитесь, а дела такие, только под другими названиями, у вас на каждом шагу. (*Лидии.*) Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу?

18—22 вывести на дорогу слепого ~ Это право — сострадание. / сказать слепому, что тот идет в реку, кто позволяет разумному [остановить] остеречь неразумного, кто позволяет учителю учить ученика!

Л и д и я. Кто вам дал право учить меня.

В а с и л ь к о в. Сострадание.

25 *Слов:* Ни боже мой! — нет.

27—35 новость, принесённая с луны. ~ скоро и одумается. / новость, принесённая [с другого света] с луны. Разве платить деньги за жену — значит платить даром?

В а с и л ь к о в. [Она мне не жена] Да какая ж она мне жена! Она мне сказала, что у ней денег больше нет и уехала от меня.

На де ж да А н т о н о в н а. Ах, топ¹ как вы не понимаете, что женщина всегда легкомысленна! Она может легко рассердиться, выйти из себя, бросить мужа, надеть глупостей, может даже увлечься, к женщинам надо быть снисходительным. — Как бы жена ни оскорбила мужа, как бы его ни обидела, а все-таки [жалче ее, пото] жену надо жалеть больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всегда [брань] ссоры с мужем дорого обходится. — Потом, горячая женщина [как] скоро [дело] может сделать глупость, скоро и одуматься.

С. 386

2—6 Она может увлечься ~ или недостаток денег у Кучумова. / Как вы можете думать! Я мать, я знаю, что она может увлечься, но до падения она себя не допустит.

В а с и л ь к о в. Я не знаю, допустит она, или нет, но знаю, что не допустила, ваша прислуга гораздо больше жалованья получала от меня, чем от вас, и пересказала мне все подробно. Если б я узнал про нее что-нибудь дурное, я бы и не пришел к вам. Я не думаю, чтобы от падения спасла ее честь, а мне кажется, просто недостаток денег у Кучумова.

10 пожалуй, завтра же / может быть, завтра же

27 он скорее убьёт жену, а такого предложения не сделает. / Я видала [светских] людей в гневе, вот мой муж, например, — он в раздражении может убить жену, но такого глупого предложения ей не сделает.

30 слово «экономка» / это слово «экономка»

32—33 Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. / 1) Экономка [во-первых] значит [хозяйка]; 2) ◊

33 Это ни для кого не унижительно. / Это ни для какой женщины не унижительно.

34 *После:* А вот обязанности — которые я хотел бы вам предложить

35 вы поступите к ней под начальство / вы бы поступили к ней под начальство

¹ *После:* Ах, топ — в автографе оставлено место, вероятно, для дальнейшей работы.

³⁵ она вас выучит / она бы выучила вас

С. 387

¹⁻³ передаст вам ключи ~ постоянно бываю в отъезде. / передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама бы только наблюдала за вами. Мне такая женщина нужна, я [часто] постоянно бываю в отъезде.

⁴ После: Ужасно, ужасно! —

Надежда Антоновна. Ужасно.

⁸ я вас возьму в свой губернский город / тогда я возьму вас в свой губернский город

¹⁰⁻¹¹ нужно такую жену / нужно именно такую жену

¹⁴ Перед: мне нужно такую жену — по моим делам

¹⁵⁻³¹ У вас всё есть для этого ~ Нет, это слово хорошее. / Мы проживем там денег, сколько по моей смете будет нужно, и потом опять в деревню. Из бюджета я не выйду. У вас [есть для этого] для Петербургского салона есть приличный тон, только надо отучиться от некоторых дурных манер, которые вы переняли от Телятева и прочих, и от Моск<овской> фамильярности.

Телятев. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая [будущность] перспектива, [ни деревенского подвала, ни петербургского подвала я и не предчувствовал] от деревенского подвала до петербургского салона. Мне и не грезилося.

Васильков. Согласны вы на мое предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго. Мне хозяйка нужнее всего.

Лидия. Я дама, пожалейте мою гордость! Сделайте мне какую-нибудь уступку.

В<асильков>. Никакой.

Лидия. Ну, хоть слово измените, оно жестко для моего нежного уха.

В<асильков>. Нет, именно это слово.

³⁵ *Входит Андрей. / Входит слуга.*

³⁶ описать имущество / опечатать имущество

С. 388

⁴ у двух моих знакомых / у двух моих приятелей

⁴⁻⁵ завтра у меня ~ поветрие. / завтра у вашего Кучумова. Уж это нынче такое поветрие.

⁸ блеснёт на минуту / блестит на минуту

⁹ Но я согласна, согласна. / Я согласна.

¹⁰ *Васильков уходит с Андреем. Андрей возвращается. / Васильков уходит с слугой, слуга быстро возвращается.*

¹³ После: Примите. — О чём, интересно, будет говорить.

¹⁹ *После:* Что с вами? — Вы не здоровы?

²⁰ У меня описывают имущество / Нет, у меня описывают имущество

^{21—28} К у ч у м о в. Io son ricco... ~ Не шути, я не люблю. /

К у ч у м о в [*(раскланиваясь)*]. Io son ricco... Нет, вы представляете, какое несчастье, ведь это только со мною одним может быть! (*Входит Васильков.*) Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Т е л я т е в. Это очень жаль, и тем более жаль, что он украл [у тебя] такие деньги, каких у тебя быть не может.

К у ч у м о в. Не шути, Телятев, я не люблю.

³¹ Не всё же он украл, ведь осталось же что-нибудь. / Не все же он у тебя успел украсть, ведь осталось же у тебя что-нибудь.

C. 389

³ Что за вздор такой? / Что за дьявол.

⁶ Хорошо, я получу. / Хорошо, я получу с нее.

^{6—7} *После:* Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. — [Угодно вам согласиться на мои условия?

Л и д и я. Я согласна.] Нам нужно ехать в деревню.

⁹ Я еду завтра, будьте готовы! / 1) [Так] будьте готовы, я завтра еду; 2) ◊

¹⁰ подаёт мужу руку / подходит к мужу и подает ему руку

¹¹ Мне нужно о многом поплакать / Мне надо о многом плакать

¹² о моей ошибке, о моём унижении / о моём унижении, о моей ошибке

^{15—29} Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий ~ Ох, уж мне этот бюджет! / 1) [Плачьте], девушки, [вам] не [выходить замуж], не видать больше [выгодных мужей], которые [будут исп<олнять>], [для которых] каждая [ваша] прихоть была бы законом; 2) Ах, как мне жаль девушек, им не видать больше изящных нерасчетливых мужей, которые за каждую прихоть жены готовы задолжать 100 т<ысяч>. Бедные девушки, [вам при] не мечтайте [больше о] о несбыточном счастье, оно прошло, [выходите за людей, которые будут вам во всем отказывать, выходите за деловых людей] бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают, — [любят] ради денег жертвуют всем и [называют] считают себя деловыми людьми.

Т е л я т е в > (*Кучумову*). Каково это слушать нам, бездельникам.

К у ч < у м о в > (*небрежно*). Io son ricco... Полно пустяки говорить.

Noi siamo poveri.

Л и д и я (*Телятеву*). Это другая жертва, которую я приношу вам.

В а с и л ь к о в. Я жертв не хочу, мне нужно добровольное согласие.

Л и д и я. Вы думаете, я глупа. Нет. Я вижу, что за вами быть замужем выгоднее. А любовь придет.

Васильков (*подает ей руку, она склоняется ему на плечо*).
[Только вы] Вот она. Но вы знаете, что с этой минуты я из бюджета не выйду.

Лидия. Ох уж этот бюджет! Верите ли, как мне противно это слово.

^{31—32} скажу более, что ты повторяешь / скажу более, ты повторяешь

³⁵ Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? / Ты не хочешь ли мне денег дать?

Варианты белого автографа

С. 333

²² сократить свой расход / сократить свои расходы

С. 342

²² это я не знаю / этого я не знаю

С. 347

¹⁰ Вы безнравственный / Вы безнравственны

С. 353

³⁰ приносит счёты / приносит счета

³¹ разбирать счёты / разбирать счета

С. 361

³ если не вижу / если я не вижу

²⁰ Богат он, беден ли / Богат ли он, беден ли

С. 370

³¹ Проходит к пистолетам / Подходит к пистолетам

С. 372

³⁰ Посылала / Послала

С. 382

^{18—19} где же ей управляться / где же ей управиться

С. 384

⁴ Мне равнодушно нельзя оставаться / Мне равнодушным нельзя оставаться

С. 389

⁷ Вам нужно ехать / Нам нужно ехать

Варианты цензурной писарской копии

С. 324

⁵ надев пальто / надевая пальто

С. 331

¹ встаёт, целует руку Надежды Антоновны / встает и целует руку Надежды Антоновны

³ *Перед*: До свиданья, мой добрый друг! — (целует его в голову).

⁷ Что вы с ним говорили? О чём? / Что вы с ним говорили? Об чём?

С. 337

¹⁴ Вы гадкий! / Вы мне гадки!

С. 338

³¹ О чём думать / Об чём думать

С. 344

³⁴ Да ведь вы сами говорили / Да ведь вы сами говорите

С. 351

³⁶ Оба они богаты / Они оба богаты

С. 352

³² От счастья. / От счастья.

С. 355

⁶ *Перед*: Подите скорей! — (подавая ему счета).

С. 356

²⁶ Обнимает жену. / Оттирает слезы и обнимает жену.

С. 372

³² всё уже для меня кончено / все для меня уже кончено

С. 374

³⁴ становясь на колена и целует руку Лидии / становится на колена и целует руку Лидии

С. 379

²³ У кого же они? / У кого они?

С. 383

¹⁹ Я уезжаю со сладкою надеждой / Я уезжаю со сладкой надеждой

³⁰ Лидия, Телятев, Надежда Антоновна. / Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Варианты театральной писарской копии

С. 310

^{1—18} **ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ** ~ГУЛЯЮЩИЕ. /

Действующие:

Савва Геннадъич Васильков, провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: «когда же нет» — вместо «да»; «ни Боже мой!» — вместо отрицания, «шабёр» — вместо «сосед». Провинциальность заметна и в платье.

Иван Петрович Телятев, неслужащий дворянин, лет 40.

Григорий Борисович Кучумов, лет 60, важный барин, в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.

Егор Дмитрич Глузов.

Надежда Антоновна Чебоксарова, пожилая дама с важными манерами.

Лидия Юрьевна, ее дочь, 24 лет.
Василий, камердинер Василькова.
Андрей, слуга Чебоксаровых.
Григорий, слуга Телятева.
Николай, слуга Кучумова.
Мальчик из кофейной.
Горничная.
Гуляющие.

Действие 1

(вместо пролога)

С. 312

³⁷ *Крепко жмёт Телятеву руку. / Крепко жмет ему руку.*

С. 313

¹ *оглядывается, не выпуская руки Телятева / оглядывается, не выпуская его руки*

⁷ *После: Я надеюсь вас найти на этом месте. — (Поспешно уходит.)*

³⁰ *Какое диво в парке может быть? / Какое же диво в Парке может быть?*

С. 314

²³ *счёты на разных языках / счета на разных языках*

С. 315

²² *Ремарки: Подходит Васильков. — нет.*

³⁰ *руку жмёте / руки жмете*

С. 317

¹⁴ *Ремарки: Подходят Надежда Антоновна и Лидия. — нет.*

С. 318

⁹ *шаль / накидку¹*

¹⁴ *развратный / безнравственный²*

С. 319

⁸ *Несколько времени молчания. / Молчание.*

³⁴ *Слов: очень рада — нет.*

С. 320

¹² *Ремарки: Подходит Кучумов. — нет.*

¹⁴ *Телятев, Глумов и Кучумов. / Те же и Кучумов.*

²⁴ *Да и обещать-то / Да, обещать-то*

²⁸ *ты давно бы сказал / ты бы давно сказал*

²⁹ *поумней / поумнее*

³⁰ *Ну-ну! (Махнув рукой.) / (Махнув рукой.) Ну, ну!*

С. 322

⁹ *Уходит и скоро возвращается. / Уходит и возвращается.*

¹ Слово исправлено карандашом.

² Слово исправлено карандашом.

- С. 323
³ из бюджета не выйду / но из бюджета не выйду
¹¹ *Ремарки: Подходят Кучумов, Телятев и Глумов. — нет.*
- С. 325
²⁹ в продолжение двадцати лет / в продолжение 30 лет¹
- С. 326
⁸ *Ремарки: Входят Кучумов и Надежда Антоновна. — нет.*
- С. 327
¹¹ прожила всё / прожили все
- С. 328
²⁵ конфекты / конфеты
²⁶ кровь горит / кровь говорит
²⁸ конфекты / конфеты
- С. 330
¹² девушкам / девицам
²⁵ а быть смешным не хочу / а смешным не хочу
³⁸ *Входит Лидия и останавливается у двери. / Входит Лидия.*
- С. 331
³ *Перед:* До свиданья, мой добрый друг! — *(целуя его в голову).*
⁷ О чём? / Об чем?
- С. 332
²² ведь после ты узнала бы / ведь ты после узнала бы
- С. 334
¹⁰ Красавиц мало, а богатых дураков — много. / Красавцев так мало,
а богатых дураков так много.
^{31—32} Что мне делать / Что ж мне делать
- С. 336
¹⁸ *Слегка обнимает Лидию. / Слегка обнимает ее.*
- С. 337
¹⁴ Вы гадкий! / Вы мне гадки!
- С. 338
³¹ О чём думать / Об чем думать
- С. 339
³¹ любовь сама придёт / любовь придет
- С. 340
³¹ *во втором действии / во 2-м акте*
³² *направо от зрителей / направо*
- С. 342
²² уж это я не знаю / уж этого я не знаю
²⁴ Чтоб так жить / Чтобы так жить
- С. 343
¹⁴ Смешно. Без состояния? / Без состояния? Смешно.

¹ Слово исправлено карандашом.

- ²³ принимать меры / принимать свои меры
- С. 346
- ³ тридцать тысяч / 38 тысяч
- С. 347
- ¹⁰ Вы безнравственный / Вы безнравственны
- ¹² вы меня любите / вы меня любили
- ¹⁴ ведь это прошло / ведь уж это прошло
- ¹⁵ Любить можно. / А любить можно?
- С. 352
- ^{14—15} Поболтаем полчаса / Поболтаем с полчаса
- ²⁶ и задушу / я задушу
- С. 353
- ² Берёт руку Лидии. / Берет ее руку.
- ⁶ целую руку Лидии / целую ее руку
- С. 354
- ⁵ подновить / поновить
- ¹⁵ бросает на пол / бросает на стол
- С. 354—355
- ^{37—1} этого не знаете / этого не знали
- С. 355
- ² не ездил / не ездит
- ⁶ *Перед:* Подите скорей! — (подавая счета).
- ¹⁶ но я приведу / Я приведу
- ³⁸ переехать / переезжать
- С. 356
- ³ прилегая на плечо к матери / прилегая на плечо матери
- ²⁶ Обнимает жену. / Отирает слезы и обнимает жену.
- С. 357
- ²³ в штиблетах / в щиблетах
- ²⁷ Встаёт со стула. / Встает.
- ^{30—31} сколько было / столько было
- С. 359
- ⁷ старичишка / старичишко
- ⁸ подойти к окну / подойти к косячку окну
- С. 360
- ⁹ в этом нет ничего дурного / в том нет ничего дурного
- ^{32—33} со мной одним / со мной с одним
- С. 361
- ²⁰ Богат он / Богат ли он
- ^{22—23} папашка мне обещал / папочка мне обещал
- ³⁷ Вы очень добрый человек. / Вы очень, очень добрый человек.

- С. 362
¹ О чём думать! / Об чем думать!
²⁸ тонкие / тонки
- С. 367
²⁷ Господин Глумов. / Г<осподин> Хлумов.
- С. 368
¹⁴ *Короткое молчание. / Молчание.*
¹⁷ не колебался / не поколебался
- С. 369
¹ я говорю тебе / говорю я тебе
⁷ вопросы делаешь / вопросы даешь
- С. 370
¹⁶ за неё стреляться / за нее и стреляться
- С. 371
⁵ (*поёт*). Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio mia carina! / Addio mia
 carina! (*Поет.*) Лобзай меня, твои лобзанья
¹¹ указывает на двери / указывает двери
- С. 375
⁴⁻⁵ навязались с деньгами / навязывались с деньгами
- С. 379
²⁶ умней стали / поумней стали
- С. 381
¹⁹ убытку не будет / убытку нет
- С. 382
¹⁸⁻¹⁹ где же ей управляться / где же ей управиться
²⁴ одна только осталась / одна только и осталась
- С. 384
²⁶ *сделав общий поклон / кланяясь всем*
- С. 386
¹⁸ *встаёт с дивана / встает*
- С. 387
²⁹ жестоко / жестко
- С. 388
²³ *Входит Васильков и останавливается у двери. / Входит Ва-
 сильков.*
- С. 389
¹⁰ *подаёт мужу руку / подает руку мужу*
- С. 390
⁶ *Обнимаются с Кучумовым. / Обнимается с Кучумовым.*
⁷ *подходит к Василькову / подходит к мужу*

КОММЕНТАРИИ

ТВОРЧЕСТВО А. Н. ОСТРОВСКОГО 1864—1870 ГОДОВ

Конец 1860-х годов отмечен выстрелом Каракозова в Александра II, после которого в стране наступила реакция. Решением правительства журнал «Современник», в котором Островский печатался с 1856 года, был закрыт. Драматург лишается надёжного печатного органа и вынужден помещать свои пьесы в случайных изданиях. «Пучина», например, появилась в газете «Санкт-Петербургские ведомости», а историческую хронику «Тушино» Островский вынужден опубликовать в журнале «Всемирный труд», имеющем весьма сомнительную репутацию в читательских кругах.

Находясь в эти годы в состоянии глубокого душевного кризиса, Островский чувствует неизменную дружескую поддержку Н. А. Некрасова: «Что Вы там толкуете о своём увядании? Это случайная болезнь на Вас хандру нагнала. Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что Вы ещё нам покажете великую силу» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11. М., 1952. С. 30).

В 1868 году Некрасов арендует у А. А. Краевского «Отечественные записки», и у Островского появляется свободный доступ на страницы журнала, превращённого стараниями Некрасова в новый «Современник». Отныне каждый первый номер «Отечественных записок», начиная с 1869 года, открывается пьесой Островского.

Творчество А. Н. Островского 1860-х годов отмечено поиском новых средств художественной выразительности, связанным с коренными переменами в русской жизни. Одну из глав «Дневника писателя» за март 1876 года Достоевский назовёт «Обособление», обозначив этим названием характерный признак пореформенного времени. «Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего “обособления”. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь своё собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает всё, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает с своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 22. Л., 1981. С. 80).

В «Шутниках» Островский выводит на сцену характеры и коллизии, близкие творчеству Достоевского. Бедный отставной чиновник Оброшенов вынужден играть роль шута у богатых самодуров, чтобы прокормить своих дочерей. По его собственным словам, он «изломался, исковеркался, исказил себя всего». В финале «Шутников» шестидесятилетний самодур Хрюков после неудачной попытки сделать содержанкой старшую дочь Оброшенова Анну Павловну, решает жениться на ней. Отец умоляет её принять это предложение: «Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет». И она даёт согласие на брак ради отца и сестры: «Я умереть за вас готова, только бы вы были счастливы!»

В новых исторических условиях идеал человеческой солидарности приходилось утверждать с огромным эстетическим напряжением. История входит в произведение искусства не только злободневной и актуальной проблематикой. Она воздействует на характер восприятия мира и заявляет о себе и в том, что изображает художник, и в том, как он видит мир. По сравнению с искусством середины XIX века, художественная мысль наших классиков в конце 1860-х — начале 1870-х годов исполнена глубочайшего внутреннего драматизма. Целостная картина жизни схватывается теперь с помощью тяготеющих к символу художественных «сцеплений», так как

действительность, которую преображает художник-реалист, уже лишена того единства и взаимосвязанности, какие были ей присущи ранее. Таков образ «дыма» в романе Тургенева, образ «вокзала» в «Анне Карениной» Толстого, образ Христа в «Идиоте» Достоевского и «бесов» в его романе «Бесы».

К символизации часто прибегает теперь и Островский. В «Пучине» он касается глубокого кризиса, охватившего на исходе 1860-х годов патриархальные устои русской жизни. Если в пьесах москвитянинского периода Островский находил в них торжество вековых духовно-нравственных начал, то теперь он показывает, как расшатанный патриархальный быт теряет христианскую основу, разлагается и поглощает живую душу главного героя «Пучины», чиновника Кисельникова, — человека сердечного, носителя христианской нравственности. Герой верит в святость семейных уз, в простоту человеческих сердец: «Добрые люди, друг мой, добрые люди; ты критику-то оставь. Они — люди неучёные, это правда, зато сердце у них лучше нашего». Но его простодушие сталкивается с отрезвляющими словами приятеля Погуляева: «Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество — ведь это болото, которое засосёт тебя! Ты же человек нетвёрдый. Хоть на карачках ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину, и она тебя проглотит».

И. А. Овчинина замечает, что «внутренний ритм действия “Пучины” основан на принципе хроникальности, на развитии биографического времени. Каждая новая сцена — это новый этап жизни и очередная ступень деградации Кисельникова, новая победа пучины» (*Овчинина И. А. А. Н. Островский. Этапы творчества. М., 1999. С. 140*). В контексте пьесы символический образ «пучины» стягивает к себе и соединяет разбросанные во времени фрагменты из жизни главного героя. Патриархальный быт потерял устойчивость и превратился в трясицу, засасывающую и поглощающую живого человека. За судьбою Кисельникова скрывается горькая мысль драматурга о беззащитности добра и красоты в мире, теряющем духовные устои.

Пьеса состоит из четырёх сцен, в каждой из которых герой последовательно предстаёт в разных возрастных стадиях. В первой сцене ему 22 года, во второй — 29, в третьей — 34, а в последней — 39. Дается одна из версий судьбы молодого интеллигента. Он старится на глазах у зрителей. В начале герой полон радужных надежд, влюблён без памяти, потом он раздражителен, удручён бедностью. В третьей сцене Кисельников уже раздавлен судьбой и стоит «на волос от каторги». А в последней перед нами полупомешанный человек. В минуту просветления герой говорит: «Мы всё продали: себя, совесть, я было дочь продал». Но отказываясь стать содержанкой богатого барина Грознова, Лиза Кисельникова даёт согласие на брак с честным человеком, одноклассником отца Погуляевым. Такой «счастливый» финал, как всегда у Островского, несёт в себе дозу горечи. Погуляев говорит Лизе: «Ведь вы меня не любите, вы от нужды за меня идёте». А Лиза отвечает: «Всё равно, ведь я никого не люблю».

Не менее драматичен «счастливый» финал комедии «На бойком месте». Как отмечает И. А. Овчинина, комедия эта выделяется особым колоритом: «В ней заметны отзвуки рассказов о разбойниках с большой дороги, баллады об измене суженого, лирической песни» (*Овчинина И. А. Особенности поэтики комедии А. Н. Островского «На бойком месте» // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». Филология. История. Философия. 2015. Вып. 3 (8). С. 14*).

Пьеса, по мнению исследовательницы, «соединила в себе приметы водевиля и анекдота (муж возвращается домой, когда жена встречается с любовником), любовно-бытовой драмы, комедии», а благополучная «развязка не устраняет тревоги за судьбу героини, оказавшейся в житейском вихре и попавшей на бойкое место, где действуют свои законы, где царит обман, предательство, бесстыдство и где сохранить себя помогает только совесть и любовь» (Там же. С. 17).

Аннушка, бесправная сестра Вукола Бессудного, богатого и вороватого содержателя постоялого двора, влюблена в помещика Миловидова, проводящего жизнь в кутежах и любовных развлечениях. Простушке Аннушке он кажется блестящим баринком: «А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была». Молодая жена Бессудного Евгения уверяет Миловидова, что Аннушка ему неверна. Жертва клеветы хочет отравиться. Лишь по счастливой случайности ей удаётся убедить Миловидова в своей невинности. Растроганный барин берёт девушку к себе. «Ты, стало быть, жениться хочешь?» — ревниво спрашивает его Евгения. «Моё дело!» — отвечает Миловидов. Ясно, что впереди у Аннушки нелёгкая судьба.

И всё же в пьесах второй половины 1860-х годов женские характеры, страдающие от самодурства, обретают новые черты. Лиза Кисельникова, Аннушка Бессудная сами вершат свою судьбу. Они не смиряются, а принимают горькие и подчас драматичные решения с вызовом, с сознанием всей их тяжести и всей их ответственности. Ими движет или искреннее чувство любви, или желание спасти ближних от неминуемой катастрофы. В их решениях уже нет той покорности, с какой шла под венец, как на заклание, бедная невеста из одноимённой ранней пьесы Островского.

В новых исторических условиях Островский вынужден порвать с поэтикой бытовой драмы, выросшей на почве художественного освоения старого купеческого мира, ещё связанного с народными традициями, с колоритным народным языком. Искусство речевой индивидуализации помогало Островскому преодолеть недостаток сценического движения в драме, изображавшей относительно малоподвижный и консервативный бытовой уклад. Во второй половине 1860-х годов этот уклад пришёл в движение. Жизнь торгово-промышленных слоёв русского общества стремительно менялась, язык новых купцов освобождался от диалектной стихии и приближался к нормам общеупотребительного литературного языка. Купеческие характеры психологически усложнились и уже не вписывались в устойчивый и малоподвижный быт. Для их изображения потребовались новые драматургические приёмы. Человек пореформенного времени, утративший в своём характере незыблемые и вечные нравственные устои, стал необыкновенно текучим и неустойчивым, «безобразно широким», по определению Достоевского. Островский одним из первых в русской литературе заметил и отразил в своих драмах эти перемены.

Таков, например, характер Глумова в комедии «На всякого мудреца довольно простоты». Это человек-артист, готовый постоянно менять свою личину: с богатым «дядюшкой» Мамаевым делать вид наивного, глуповатого юнца, с пользой внимающего бесконечным поучениям выжившего из ума крепостника, а с женой Мамаева разыгрывать роль влюблённого в неё молодого человека. Общение с «идеологом» консерватизма Крутицким даёт возможность Глумову употребить свой талант на редактирование его трактата «О вреде реформ вообще» и вызвать неподдельное восхищение старого ретрограда. С ханжой Турусиной Глумов впадает в дремучее суеверие. С либералом Городулиным он рассыпается целым фейерверком пустых

либеральных фраз. Играя роль слуги многих господ, он глубоко презирает людей, с которыми общается. Наигравшись за день, он садится по вечерам за свой дневник, где выливает на бумагу всю жёлчь и злобу. Так Глумов тщетно надеется сохранить в своей душе честность и порядочность.

Примечательно, что Глумов не одинок. Глумовщина пропитала все поры современного общества. Ведь и Крутицкий по отношению к Мамаеву впадает в «глумовщину», поливая за глаза своего приятеля презрением, равно как и Мамаев тайно глумится над Крутицким. Двоедушие, глумление, фальшивая театральность стали признаками пореформенного времени. Глумов среди Мамаевых, Крутицких, Турусиных и Городулиных — всего лишь талантливый актёр среди бездарных комедиантов. А потому он восхищает их всех: люди, которых он обличал в своём дневнике, попавшем в их руки, готовы простить Глумову всё. «А ведь он всё-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать», — выражает общее мнение Крутицкий.

Образ Глумова был такой удачной находкой Островского, что сразу же приобрёл нарицательный смысл: «глумовщина» обрела в русском национальном сознании такой же статус, как «репетитовщина» Грибоедова или «обломовщина» Гончарова. Салтыков-Щедрин включил Глумова в свои сатирические произведения. «И наблюдательный, острый, цинический молодой человек с фамилией Глумов стал разгуливать по страницам щедринских “Недоконченных бесед”, “Писем к тётенке” и “Современной идиллии”» (*Лакшин В. Я.* Александр Николаевич Островский. М., 1976. С. 433—434).

Островский возвращает Глумова в свою комедию «Бешеные деньги». Мы видим его вновь преуспевающим. Он прощён, он снова вращается в «хорошем обществе» и входит в доверие к богатой старой барыне, надеясь на её скорую смерть и на остающиеся ему в этом случае деньги. Одна драма прорастает в другую, другая в третью: образуется целостная концепция русской жизни в её драматическом движении, творческая мысль автора стремится связать отдельные произведения в единое драматургическое полотно. Но если в комедии «На всякого мудреца...» в центре оказывается тема продажного ума, то в «Бешеных деньгах» — тема продажной красоты. Лидия Чебоксарова — новый для Островского тип молодой девушки, московской красавицы. Воспитанная в среде разоряющихся дворян, бездумно и бешено проматывающих свои состояния, Лидия становится холодной эгоисткой, стремящейся к светским удовольствиям и готовой ради них на любую подлость. Молодая хищница презирает «прозу жизни», «копеечные расчёты», разговоры о деньгах, не признаёт «мещанских» рассуждений о том, что дорого и что дешёво. Без любви она выходит замуж за человека, прельщённая сплетней о его «золотых приисках», затем бросается в объятия другого человека, поверив в слухи о его мифическом богатстве. Наконец, она откровенно торгует своими ласками, вымогая деньги у старика Кучумова. «Мне без золота жить нельзя», «Страшной бедности ничего нет», «Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчётливо» — таковы афоризмы этой «красавицы», отвечающей автору комедии «Бедность не порок» своей пословицей: «Самый большой порок есть бедность».

Комедия «Бешеные деньги» успеха не имела. Особое недоумение вызвал в критике центральный её герой, провинциал Савва Геннадьич Васильков, появившийся в столице среди фешенебельной дворянской публики, прожигающей остатки своих

богатств и обноски былых состояний. В нём увидели загадочную личность, о которой трудно сказать что-то определённое. В отличие от дворян Васильков не сорит деньгами, не пытается жить выше своих средств. А с другой стороны, все сердечные движения подчинены у него наживе, даже любовь не заставит его «выйти из бюджета». И жену себе он выбирает так, как выбирают мебель: Лидия ему нужна для украшения салона, для привлечения нужных людей.

Изображая характер Василькова, Островский столкнулся с эстетической трудностью, которую постоянно испытывал Достоевский, обращавшийся к художественному освоению текущей, неустановившейся пореформенной жизни, ещё не получившей завершённых, устоявшихся форм. В романе «Подросток» он писал: «Работа неблагоприятная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, — ещё дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. <...> Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л., 1975. С. 455).

Русская буржуазия, стремительно взлетев, столь же стремительно сошла у нас с исторической сцены, так и не успев обрести законченных форм. Островский создал в комедии «Бешеные деньги» универсальный тип современного буржуазного дельца, соединив в его характере самые противоречивые черты, так и не пришедшие к синтезу в кратком периоде становления и распада русской буржуазности. В Островском-драматурге и здесь заявил о себе эпический художник. В творчестве русских писателей 1880—1890-х годов — у П. Д. Боборыкина в романах «Китайгород» (1882) и «Василий Тёркин» (1892), у Б. М. Маркевича в романе «Бездна» (1882), у В. Г. Авсеенко в романе «Млечный путь» (1875) — эти черты собирательного типа, созданного Островским, рассыпались, воплотившись во множестве однолинейных, положительных или отрицательных, характеров, лишённых того художественного универсализма, который был доступен русскому национальному гению.

В пьесах второй половины 1860-х годов Островский сознательно обращается к своему прошлому творческому опыту. Современная критика подметила часто встречающиеся в его драматургии сюжетные повторы. В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» очевидна авторская вариация на тему «Доходного места», в «Горячем сердце» слышатся отголоски «Грозы». Поздний Островский «перепевает» сюжеты своих ранних произведений. Недальновидная критика утверждала, что к 1870-м годам драматург стал повторять самого себя, что эти повторы — свидетельство заката его художественного таланта.

На самом деле всё обстояло иначе: «перепевы» Островского — содержательный художественный приём, с помощью которого драматург обостряет у зрителя и читателя ощущение стремительных и катастрофических перемен, совершающихся в новой, пореформенной России. Одна из поздних его пьес, написанная в соавторстве с П. М. Невежиным, так и называется — «Старое по-новому». Островский воскрешает в памяти читателя сюжетные ситуации своих драм дореформенного периода, чтобы по контрасту с ними показать, как изменилась русская жизнь, как по-новому разрешаются в ней старые противоречия и конфликты.

В 1868 году Островский пишет комедию «Горячее сердце», начиная переосмысление традиционных в его творчестве тем. «Горячее сердце» открывает цикл поздних

драм Островского: «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Сердце не камень», «Не всё коту масленица». В них Островский служит отходную старому купеческому миру: усиливается весёлый, комический элемент, отживающее явление из трагического превращается в смешное. Комедии эти написаны зрелым мастером. С утончённым искусством Островский обыгрывает в них конфликты, некогда освещавшиеся драматически и даже трагически. Чувствуются нотки самоиронии: драматург смеётся не только над миром, который погубил когда-то его Катерину, но как бы подсмеивается слегка и над самим собой.

В «Горячем сердце» действие происходит в знакомом читателю и зрителю городе Калинове. Но в пьесе исчезают суровые краски, уходят трагические ноты. Островский пишет весёлую комедию об уходящей в прошлое эпохе. Действие начинается в доме купца Курослепова. Это самодур, отличающийся от монументальных и сильных характеров Дикого и Кабанихи. Курослепов очумел от водки и беспробудного сна. Он постоянно путает сон с явью и на протяжении всей комедии бредит светопреставлением: «И с чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? <...> Дров будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? <...> Оченно это всё может случиться, потому... вот смолой откуда-то запахло, и пел кто-то диким голосом, и звук, струнный или трубный, что ли... Не поймёшь. (*Бьют часы городские.*) Раз, два, три, четыре, пять (*считает, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. (*Часы, пробив восемь, перестают.*) Только? Пятнадцать!.. Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать. Да ещё мало по грехам нашим! Ещё то ли будет!»

«А вокруг курослеповского “брёда” и в тесной связи с курослеповской космогонией станут другие мироздания, образуя удивительную, так сказать, внутреннюю драматургию, — отмечает Н. Н. Скатов. — Здравый смысл скептического и внутреннего независимого “прагматика” Силана отрежет: “Ну, пятнадцать не пятнадцать, а девятый час — это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать”. <...> “Уж ежели что положенное, без этого нельзя” — философия. А вот ещё целое мировоззрение: <...> “Лопнуло небо? Так немножко наискось? <...>. Да я-то что, астроном, что ли? У меня и без того дела-то по горло. Лопнуло, так починят. Нам-то какое дело!”

Это уже целый бюрократический космос, или, пожалуй, космический бюрократизм.

А Матрёна на вопли мужа по поводу падающего неба скажет: “Как может небо падать, когда оно утверждённое. Сказано: твердь!” Ни в коем случае не — “сказано тебе — твердь”, как произносила актриса. “Сказано: твердь!” Всем сказано. Ей тоже, сказано. И всё. Цельная неколебимая метафизика» (*Скатов Н. Н. Далёкое и близкое. Литературно-критические очерки. М., 1981. С. 192*). И вот пока Курослепов бредит светопреставлением, его жена Матрёна таскает у него деньги из-под подушки и заводит шашни с приказчиком Наркисом.

Курослепову противопоставлен в комедии богатый подрядчик Хлынов. Если первый спит на деньгах, то второй безудержно сорит ими: строит дачи с нелепыми фонтанами и беседками, заводит приживалов и песенников. Вся эта удалая ватага с Хлыновым во главе с утра до ночи пьёт шампанское, поливает им дорожки в саду, творит всяческие безобразия. В услужении у Хлынова находится механик-самоучка

Аристарх, напоминая Кулигина из «Грозы». Но его талант тратится теперь не на изобретение громоотвода, а на организацию всевозможных потех неугомонного на этот счёт хозяина. Аристарх устроил фонтаны в хлыновском саду, а часы с музыкой поставил над конюшней. По-прежнему многое в этом мире определяют деньги, но только теперь, в обстановке пореформенного времени, эти деньги становятся «бешеными». На них Хлынов покупает себе в шуты бедного купчика Васю, а заодно и пушку, которая стреляет после каждого выпитого им бокала шампанского. Градоначальнику Калинова Серапиону Мардарьичу Градобоеву за всякое своё безобразие Хлынов охотно готов платить штраф по сто рублей серебром.

В преддверии 1870-х годов Островский по-новому, более широко и масштабно начинает освещать в своей комедии традиционную для его драматургии тему «самодурства». В. Я. Лакшин замечает: «До сих пор слово “самодур” привычно сочеталось со словом “купец”. Но самодурство вовсе не родовая черта купеческого сословия»; «... так гуляли новоявленные вельможи в XVIII веке, а теперь проказа тронула людей, собиравших капитал» (*Лакшин В. Я. Театр А. Н. Островского М., 1985. С. 110, 115*).

События и характеры в пьесах Островского начинают приобретать вневременной масштаб, отражать коренные пороки национальной жизни. «Эта громада исторического времени заявляет себя не только в совокупности всех пьес драматурга, но и в каждой отдельной пьесе. В “Горячем сердце” особенно. Счёт здесь идёт даже уже не на десятилетия, а, так сказать, сквозь десятилетия. Корни градобоевского воеводского кормления уходят в века XVIII и чуть ли не XVII. А кто скажет, к какому десятилетию можно прикрепить знаменитую формулу “закон, что дышло”, готовность одних судить не по закону, а “по душе”, то есть как душа пожелает, и главное — полная готовность других быть судимыми именно так» (*Скатов Н. Н. Далёкое и близкое. Литературно-критические очерки. М., 1981. С. 180*).

В то же время исследователи «Горячего сердца» усматривают органическую связь его проблематики и поэтики с общим процессом развития русской литературы пореформенного времени. «В “Горячем сердце” черты провинциального быта и политической системы предельно заострены, переданы в форме буффонады. Многие стороны жизни приобрели в пореформенной провинции уродливые очертания. Семейные связи разрушились, семья утратила присущие ей ранее стабильность и надёжность, перестала быть прочным гнездом, хранилищем традиций и векового уклада. В литературе эти явления получили художественное отражение в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Драматичность и неизбежность такой тенденции передал и А. Н. Островский, нашедший для неё особую форму комедийно-драматического синтеза» (*Овчинина И. А. А. Н. Островский. Этапы творчества. М., 1999. С. 174*).

В атмосферу этих фантастических бесчинств и какого-то артистического бесстыдства Островский бросает «горячее сердце» дочери купца Курослепова. Это девушка с капризным, строптивым, но сильным характером. И если в «Грозе» гибнет сильная духом, горячая сердцем Катерина, то в этой комедии относительно счастливый финал. Самодурство отступает: оно уже не всесильно, а комически беспомощно. Героине удаётся освободиться от семейного гнёта и связать свою судьбу с добрым и честным, хотя и нелюбимым человеком. Е. Г. Холодов, исследуя мастерство Островского-драматурга, убедительно доказал, что развязки у него

не имеют претензии на окончательный итог. Они могут быть названы развязками лишь условно, так как не распутывают до конца основной узел жизненных противоречий и конфликтов. Финалы его драм всегда имеют относительно счастливый или относительно печальный конец. Это придаёт произведениям Островского открытый характер: жизнь началась до того, как был поднят занавес, и продолжится после того, как он будет опущен. Конфликт разрешён, но лишь относительно: он не развязал всей сложности жизненных коллизий.

И. А. Гончаров, говоря об эпической основе драм Островского, замечал, что русскому драматургу «как будто не хочется прибегать к фабуле — эта искусственность ниже его: он должен жертвовать ей частью правдивости, целостью характеров, драгоценными штрихами нравов, деталями быта, — и он охотнее удлинит действие, охлаждает зрителя, лишь бы сохранить тщательно то, что он видит и чувствует живого и верного в природе» (*Гончаров И. А. Собр. соч.*: в 8 т. Т. 8. М., 1955. С. 180). Островский питает доверие к повседневному ходу жизни, смягчающему самые острые конфликты, и зритель чувствует, что творческие возможности жизни неисчерпаемы, итоги, к которым привели события, относительны, движение жизни не завершено и не остановлено.

Островский-драматург протягивает здесь руку А. П. Чехову. В таланте чувствовать потаённый драматизм повседневной жизни Чехову помог не столько русский классический роман, сколько драматургия Островского, где жизнь раскрывалась во всей сложности её вседневного, неспешного течения. Вслед за Островским, Чехов интересуется не итогом, а сам процесс медленного созревания драматических начал в повседневном потоке жизни. Это не значит, конечно, что в его пьесах нет столкновений и событий. Но особенность чеховского мироощущения в том, что столкновения, конфликты в его драмах, как и у Островского, отнюдь не разрешают глубинных противоречий жизни и даже не всегда касаются их, а потому и не подводят итогов, не развязывают тугие жизненные узлы.

Театр Островского утверждал драматургическую истину, коренящуюся на православно-христианских мировоззренческих основах. Человек в его драматургической системе не является господином вселенной, живая жизнь не деформируется им по линейно направленному вектору, заставляющему западноевропейскую драму «всегда спешить». Интрига — ложь, потому что в своих жизненных драмах человек — творец лишь наполовину. В драматических поединках людей всегда принимает участие ещё и Третий, более могущественный Герой, невидимый, но неумолимый.

Потому и интерес у Островского не ограничивается судьбами отдельных героев, а движется далее, к общему ходу вещей, к движению живой жизни, в котором как раз и открывается ко всем относящаяся и всех накрывающая судьба. Результат у Островского не адекватен действиям героев: между действиями и результатом есть зазор, воспринимаемый человеком как игра случая. Но эта игра не слепа, случай справедлив, разумен, мудр. За ним скрывается дыхание высшей правды, через него открывается человеку высшая совесть.

Отталкивание от изощренной драматургической формы, от сценических эффектов и закрученной интриги выглядит подчас наивным, особенно с точки зрения классической эстетики. Но эта кажущаяся простота оборачивается, в конечном счёте, глубокой жизненной мудростью. Русский драматург предпочитает с демократическим простодушием не усложнять в жизни простое, а упрощать сложное, снимать

с героев покровы хитрости и обмана, интеллектуальной изощрённости и проникать в сердцевину вещей и явлений. Его мышление сродни мудрой наивности народа, умеющего видеть жизнь в её основах, сводящего каждую сложность к таящейся в её недрах неразложимой простоте. Островский-драматург творит в духе известной народной поговорки: «На всякого мудреца довольно простоты».

Ю. В. Лебедев

Тексты для 3-го тома подготовлены Е. Н. Беляковой («Бешеные деньги»), А. А. Виноградовым («На бойком месте»), К. Ю. Зубковым («Горячее сердце»), Н. В. Капустиним («Пучина»), Н. Г. Михновец («Шутники», «На всякого мудреца довольно простоты»). В подготовке и написании комментариев принимали участие Е. Н. Белякова («Бешеные деньги»), А. А. Виноградов («На бойком месте», «На всякого мудреца довольно простоты»), Н. Л. Ермолаева («Пучина»), К. Ю. Зубков («Горячее сердце»), Н. В. Капустин («Пучина»), Н. Г. Михновец («На всякого мудреца довольно простоты»), В. В. Тихомиров («Горячее сердце»), Л. В. Чернец («На бойком месте»). Указатель имён составлен Д. М. Аникиной и И. П. Вербой. Редакция издания выражает благодарность редактору тома И. П. Вербе.

ШУТНИКИ

Впервые опубликовано: *Современник*. 1864. № 9. С. 259—318.

Рукописные источники:

- черновые наброски (ЧН): РГБ. Ф. 216. М. 3098. Л. 1, 18 об.;
- черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3098;
- театральная писарская копия (ТПК₁): МТ. Без номера;
- театральная писарская копия (ТПК₂): ГТБ. № 44041;
- театральная писарская копия (ТПК₃): ГТБ. № I.XI.4.91. 6098.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. СПб., 1885. С. 197—268 — со следующими исправлениями по черновому автографу:

С. 35

¹² *Вместо:* срамить — страмить

С. 46

³² *Вместо:* Не ганис — Ни ганис

³² *Вместо:* добром — дабром

С. 55

³⁵ *Вместо:* дни — дня

С. 57

¹⁹ *Вместо:* на колена — на колени

³⁶ *Вместо:* поить — покоить

Летом 1864 г. Островский писал комедию «Шутники», завершение которой планировал на конец августа. Во второй половине лета он гостил у Бурдина в имении под Петербургом, там, по-видимому, он и рассказал другу о новой пьесе. Бурдин наметил её для своего октябрьского бенефиса и в начале сентября, не дождавшись текста комедии, был уже явно обеспокоен, успеет ли драматург завершить пьесу к приемлемому для театра и актёров сроку. 8 сентября 1864 г. Островскому пришлось-таки объясниться: он не поспел к сроку не только из-за 4-дневной болезни, но и потому, что сама работа «затянулась». Драматург отметил: «...пьеса выходит больше, чем я ожидал». Однако Островский был твёрдо уверен, что работа над комедией уже близка к окончанию, и шутивно-иронически обыграл сложившуюся ситуацию, назвав своего понапрасну встревожившегося друга Фёдором Сумнительным. Труд драматурга был напряжённым, и по завершении пьесы он пожаловался Бурдину, что «совершенно измучен», и выразил надежду, что хотя бы на будущее лето сможет «обеспечить себе отдых» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 184).

Не все рукописные источники, которые могли бы поэтапно раскрыть историю создания «Шутников», сохранились. ЧА свидетельствует лишь о финальном этапе работы драматурга над комедией, он незначительно отличается от первопечатного. Текст ЧА написан карандашом, в основном составлен из листов одного формата, кроме того, в рукопись вставлены два небольших листка. В единый текст пьесы автор свёл обширные фрагменты, создание которых относилось к разным этапам его работы над произведением. В ЧА дан набросок плана пьесы с обозначением номеров действий, явлений и сцен. Первоначально имя и отчество главного героя — Пантелей Иванович Обросков, а Гольцов представлен как Егор. Возможно, так в сокращении была обозначена фамилия Егоров: в ЧА первого действия есть перечёркнутый диалог, в котором участвует

Фёдор Егоров. Фамилия Гольцов появилась на этапе работы автора над II действием. По первоначальному варианту пьесы возраст жениха 23 года, а купца — 65 лет. Богатый купец первоначально, в 6-м явлении I действия, носил фамилию Шилохвостов, однако затем эта фамилия была зачёркнута и с 7-го явления персонаж стал носить фамилию Хрюков. В I действии переработке подвергались монологи Оброшенова, Хрюкова, сценическая речь других персонажей (Гольцова, Недоросткова и Недоноскова). В перечне лиц, открывающем II действие, в отличие от первопечатного текста, не были упомянуты Гольцов, Шилохвостов, девушка в бурнусае, чиновник 1-й, чиновник 2-й, певица, лакей, в общем же списке «лиц разных наций, званий и пола» не указаны военные, разносчики, барыни, купчихи, мастерицы, торговки. На обороте листа с перечнем лиц был перечёркнут более ранний текст. Драматург тщательно работал над текстом массовой сцены, открывающей II действие: сохранилось два варианта начала 1-го явления, была другая последовательность диалогов персонажей, сценическая речь персонажей 2—4-го явлений была подвергнута серьёзной правке. III действие автор первоначально собирался открыть текстом, который в первопечатном тексте пьесы был отнесён им ко 2-му явлению этого же действия. Для 1-го явления драматург написал на отдельных листочках текст с диалогом Улиты Прохоровны и Анны Павловны. Впоследствии ко времени издания текста «Шутники» диалог Верочки с Гольцовым был доработан. Текст IV действия *ЧА* отличается от первопечатного незначительно. Разница заключается лишь в изменении места для небольшого фрагмента из диалога между Анной Павловной и Улитой Прохоровной. В конце *ЧА* автор зафиксировал время окончания работы: «9 сентября 1864 года. 10 часов вечера».

Островский написал Бурдину из Москвы: «...сегодня я оканчиваю, завтра начинаю переписывать» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 184)¹. К понедельнику, 12 сентября, драматург запланировал завершить переписку текста, а во вторник — выслать в Петербург, чтобы в среду, 14 числа, Бурдин получил её.

19 сентября 1864 г. пьеса «Шутники» была одобрена Театрально-литературным комитетом. 24 сентября драматический цензор И. Нордстрем пометил: «Предосудительного нет ничего» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. Д. 41. 1864. Л. 165 об.), пьеса была допущена к представлению на сцене. Эти события были омрачены для Островского поспешным публичным высказыванием П. И. Юркевича, председателя Театрально-литературного комитета, поспешившего 18 сентября изложить содержание новой пьесы драматурга в газете «Голос». Островский возмущённо написал Бурдину в письме от 20—21 сентября 1864 г.: «Пока пьеса не сыграна, или не напечатана, или не прочитана автором публично, о ней говорить не имеет права никто, тем более член Комитета или цензуры. Подобные заявления вредят пьесе и нарушают всякие литературные приличия» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 187).

Первая, датированная 24 сентября 1864 г., театральная писарская копия (*ТПК*), вопреки сложившемуся представлению, сохранилась. Есть основания полагать, что ею является хранящаяся в МТ рукопись, в которой вырван титульный лист, а на последней странице которой есть следующая запись: «К представлению С.-Петербург. 24 сентября 1864 года. Цензор действительный статский советник Нордстрем» (Л. 38 об.). Эта рукопись, предназначенная для режиссёра, по-видимому, была вскоре

¹ Возможно, что письмо было написано не 9 сентября, как это предположила Е. С. Мясникова (см.: *ПСС-12*. Т. 11. С. 184), а 10-го, так как в конце текста Островский пометил: «Суббота». 10 сентября 1864 г. приходилось на субботу.

вывезена из Петербурга в Москву: первоначально в ней были обозначены актёры Александринского театра, а затем — московского Малого театра. Эти факты (в том числе вырванный титульный лист) объясняют необходимость создания второй театральной писарской копии (ТПК₁), в которой разрешение датировано 27 ноября 1865 г. и сопровождается словом «безусловно». На титульном листе в ТПК₂ стоит и более позднее разрешение: «Главным управлением по делам печати к представлению в народных театрах одобрено. 3/VII 1892 г.». Первая цензурованная ТПК₁ значительно отличается от первопечатного текста. Цензурованная ТПК₁, от 27 ноября 1865 г., несмотря на то что текст комедии уже был опубликован в «Современнике», ориентировалась, по-видимому, на беловой рукописный текст комедии и являла собой сценическую редакцию пьесы. В ТПК₂, в сравнении с ТПК₁, больше отличий от первопечатного текста.

В ЧА, ТПК₁, ТПК₂ и в театральной писарской копии, предназначенной для суфлёра (ТПК₃), в отличие от первопечатного текста, фраза «...да и подкинь ему» имеет продолжение: «когда он пойдет. Они все по Москве денег ищут, так вот ему и находка. Только ты скорее». Текст ТПК₂ отличается как от ЧА и первопечатного, так и от ТПК₁: отсутствуют отдельные фразы, есть случаи незначительных сокращений в предложениях. В тексте ТПК₂ по небрежности переписчика в двух случаях выпущены указания на персонаж, в результате его фраза приписывалась другому действующему лицу. В ТПК₂, в отдельных случаях пропущены слова (например, в речи Гольцова из 2-го явления II действия «Я и отказывался...») отсутствуют слова: «заставили», «него», «награблено»), допущены ошибки (вместо «полные триста рублей» — «полное триста рублей»; «обнакновенно» — «обнаковенно», «девку невестой одели» — «девку невесту одели», «помиримесь» — «помириться», «состареешься» — «состарешься»), изменено написание слов (вместо «канпания» — «компания», «мараль» — «мораль», «стракулист» — «стрикулист», «страмить» — «срамить», «старичишко» — «старичишка», «на колена» — «на колени»), фамилия Шиловостов не раз была искажена, например: Шелихвостов (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

В ТПК₃ сокращений фраз не было допущено. Слово «шутку» в речи Шиловостова («Шутку какую-нибудь над ним сочинить...») восходит к ЧА, однако в первопечатном тексте, а также в ТПК₁ и ТПК₂ было написано слово «штуку». В ТПК₃ карандашом перечёркнуты большие фрагменты в нескольких монологах Оброшенова.

Жанр пьесы «Шутники» в определении самого автора — «картины московской жизни», этот жанр был обозначен и в первопечатном тексте. Вместе с тем в письме к Бурдину от 10—11 сентября 1864 г. Островский обозначил жанр своего нового произведения как комедию. В ТПК₂ было указано: «Комедия в 4-х действиях. Картина Московской жизни» (ГТБ. № 44041. Л. 1). Критики «Шутников», ориентирующиеся на журнальный текст пьесы, имели в виду один жанр (картины), а рецензенты петербургского и московского спектаклей — другой (комедию).

В жанре картин Островским уже было написано несколько пьес, однако современниками этот жанр ещё не воспринимался в качестве самоценного и самостоятельного. Он, с их точки зрения, явно уступал жанру комедии. Д. В. Аверкиев, статья которого была опубликована в журнале «Эпоха», объяснил факт создания картин вместо комедии. Прежде всего, писал он, характеры были только намечены автором и не доведены им «до полного типа». Единственным исключением, по иро-

ничному замечанию критика, был образ Шиловостова, имевшего в пьесе статус всего лишь второстепенного персонажа. Кроме того, пьеса «Шутники», по мнению автора статьи, состояла из двух слабо связанных между собою частей: истории о Гольцове и анекдотической, явно лишней истории о шестидесяти тысячах. И, наконец, тема шутников была раскрыта драматургом слабее, чем тема отношения Оброшенова к ним, а также к своему семейству. Само же положение этого героя в среде шутников не получило, с точки зрения пишущего, полноценного драматического выражения. В итоге «Шутники» являют собою только «картины», а не «настоящую бытовую комедию» (*Аверкиев Дм. Русский театр в Петербурге («Шутники» Островского. Исполнение «Шутников») // Эпоха. 1864. № 9. С. 6.*)

В представлении рецензента спектакля «Шутники» страсть к насмешке над слабьми, присущая современному социуму, показана Островским «слишком поверхностно», а потому его новое произведение по своему жанру — «набросок, а не комедия», в котором «элемент драмы является лишь в нескольких сценах и не везде выдержан» (*П. С. Московская жизнь // Голос. 1864. № 304. 3 нояб. С. 1.*)

Чуткая реакция на картины как на обладающий своими специфическими особенностями жанр принадлежала Е. Н. Эдельсону. Статья критика отличалась глубоким пониманием творчества Островского и значения «Шутников» на пути его творческих исканий. Важнейшее значение творчества драматурга заключалось, по мысли критика, в «стремлении понять и передать другим в художественных образах смысл русской жизни, склад чисто русского ума, нравственные начала, управляющие нашею народною жизнью» (*Е. Э.—н. <Эдельсон Е. Н.> Русская литература (Шутники. Картины московской жизни...) // БдЧ. 1865. Т. 187, № 1. Русская литература. С. 139.*) Появление «Шутников» критик связал с изменением в драматургии Островского предмета изображения. Если раньше драматург был сосредоточен на «объективном воспроизведении русской жизни, характеров и нравов», то в новой пьесе он обратился к «целому ряду однородных фактов», стремясь навести своего читателя «на невольные размышления об общих чертах русской жизни» (Там же. С. 136). По мнению Эдельсона, в центре «Шутников» поставлена «характеристическая черта русской жизни»: злоупотребление силой со стороны богатых и власть предрержащих по отношению к бедным и подчинённым, сопровождающееся «унижением человеческого достоинства слабого», «совершенным презрением к личности вообще» (Там же). В «Шутниках», писал он, «частный случай, драматический анекдот, изобретённый автором для сохранения условий известной литературной формы, остаётся уже как бы на втором плане, подавленный широтою иного содержания пьесы» (Там же. С. 140).

Другой рецензент иначе взглянул на степень обобщения в «Шутниках», полагая, что «размах художнической кисти здесь не так широк», как в пьесах «Свои люди — сочтёмся!», «Бедная невеста», «Гроза», «Грех да беда на кого не живёт», что «и самый мир, изображаемый в этой комедии, теснее, ограниченнее, чем в “Грозе” или “Доходном месте”», и, кроме того, в основании нового произведения не лежит социальная задача. Однако и этот критик не мог не признать, что Островским подмечено явление, «на каждом шагу встречающееся в нашей русской жизни» (*Один из зрителей. Московская сцена // Русская сцена. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 145.*)

Стремление драматурга выявить «общие черты русской жизни» обусловили появление повторов в пьесе. На них не без раздражения указали современные

Островскому критики. Так, корреспондент «Петербургского листка» считал, что в пьесе Островского есть «истинно драматические моменты и удачно выполненные психологические задачи» (*Зритель последнего ряда*. Театральная хроника. «Шутники». (Спектакль 9 октября) // *Пб. листок*. 1864. № 120. 17 окт. С. 1), однако отметил, что автор, работая торопливо, явно повторяется: его Хрюков «отчасти напоминает несравненного Кит Китыча», а народная сцена под Московскими воротами — сцену из четвёртого акта «Грозы». С этим мнением не согласился Н. Ф. Бунаков (см.: *Эн—ков*. <Бунаков Н. Ф.> Драматическая библиография. («Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 116). На повторения указал и рецензент «Голоса»: «...пьеса чересчур напоминает другие произведения того же автора: старик Оброшенов встречался нам под фамилией Иванова в “Чужом пиру похмелье”; Хрюкова мы знали под именем Брускова; другие личности тоже знакомы» (С. П. Московская жизнь // *Голос*. 1864. № 304. 3 нояб. С. 1).

Непонимание устремлений автора стало причиной возникновения небольшой дискуссии, развернувшейся вокруг 1-го явления из II действия «Шутников», в котором была дана массовая сцена. С точки зрения В. А. Крылова, это явление «почти всё состоит из мелких сцен, не идущих к общему ходу комедии» (*Александров В.* <Крылов В. А.> Театральная хроника // *СПбВед*. 1864. 14 окт. С. 1). Суждение критика было тут же повторено в публикациях других рецензентов (см.: *Вседневная жизнь* // *Голос*. 1864. № 288. 18 окт. С. 2; *М.* <Михно Н. В.> Драматическая сцена. (Бенефис Бурдина «Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 9. Современное обозрение. С. 56). Противоположное мнение принадлежало Е. Н. Эдельсону: «...только этим отступлением от строгой драматической формы и мог придать Островский то широкое значение своей новой пьесе, которая делает из “Шутников”, при всей слабости интриги, одно из капитальных произведений нашего автора» (*Е. Э—н*. <Эдельсон Е. Н.> Русская литература (Шутники. Картины московской жизни...) // *БдЧ*. 1865. Т. 187, № 1. Русская литература. С. 140).

Знание русского быта обусловило, по мысли Д. В. Аверкиева, характер отношения Островского как бытового писателя к своим персонажам: драматург «мало к кому из изображаемых лиц относился отрицательно... как скоро художники начинают изображать быт, то они не могут иначе относиться к нему, как с любовью, и не выставлять его весь как он есть, целиком» (*Аверкиев Дм.* Русский театр в Петербурге («Шутники» Островского...) // *Эпоха*. 1864. № 9. С. 9). «Появление Островского, — писал Аверкиев, — было важным шагом русской литературы; все сейчас заметили, что этот громадный талант совсем не сатирически относится к жизни» (Там же. С. 10—11). Критик предложил своё понимание логики развития русской литературы XIX в.: «...в нашей литературе начинается новый период, период писателей бытовых; литература возвращается к простому, бесхитроственному и вселюбящему отношению Пушкина к жизни; литература стремится сделаться русской» (Там же. С. 10).

Образ Оброшенова и связанные с ним темы двойственной жизни и шутовства привлекли особое внимание критиков. По мнению Н. Ф. Бунакова, Островский обнаружил, «как дорого стоило Оброшенову его отречение от человеческих прав, его унижение, его возмутительное шутовство; он показал нам, как в этом шуте, в этой приказной строке скрывается живая человеческая душа, страждущая, болящая, униженная. И вышло из ничтожного приказного, из забавного старикашки, из оборванного поберушки высоко драматическое лицо» (*Эн —ков*. <Бунаков Н. Ф.>

Драматическая библиография. («Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 114). Такое понимание образа было близко и другому, анонимному рецензенту: паяц и скomorох, унижающийся перед хозяевами жизни, чтобы «как-нибудь просуществовать с семьёй», дома становился «добрым семьянином, нежно любящим отцом и забывал все свои унижения, весь стыд» (*Один из зрителей*. Московская сцена // Там же. С. 145—146). Роль Оброшенова, писал он, «требует много юмору, соединения комизма и теплоты, умение оттенить различные, весьма тонкие переходы от забавного к грустному и провести, главное, через всю роль эту струю отцовской любви» (Там же. С. 147). «По нашему мнению, — утверждал Н. Ф. Бунаков, — Оброшенов — одно из лучших, наиболее оконченных, истинно драматических и в то же время чисто народных созданий Островского» (*Эн—ков*. <Бунаков Н. Ф.> Драматическая библиография... // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 114).

Этот образ, как полагал Аверкиев, явил собою новое слово в русской драме. Островский как бытовой писатель вновь обратился к одной из «светлых» основ русской жизни — к семье. Уважение Оброшенова «к святости семьи», его «возвышенные воззрения» на неё есть свойство исконное. Отношение Оброшенова, «этого шута и кривляки к семейству, — что может быть чище и святее! <...> Это честное отношение к семье — отношение коренное, бытовое...» (*Аверкиев Дм*. Русский театр в Петербурге («Шутники» Островского...)) // *Эпоха*. 1864. № 9. С. 8).

В рецензии анонимного автора (Петербургская хроника // *Голос*. 1870. № 166. 18 июня. С. 2) впервые прозвучало сравнение Оброшенова с Риголетто, главным героем одноимённой оперы Дж. Верди. В конце XIX столетия это мнение о героепредшественнике Оброшенова было поддержано, театральным критик А. Р. Кугель писал: «Оброшенов — это замоскворецкий Риголетто». При этом он заметил, что в «Шутниках» «есть довольно отдалённая связь с “Le roi s’amuse” (“Король забавляется”) Гюго. Разумеется, Оброшенову далеко до героического романтизма Трибулэ. ...И тем не менее, что-то наболеее, издёрганное, какая-то внутренняя надсада, какой-то свет чистой любви, сквозь грязь и оболочку шутовства, чудится... в Оброшенове» (*Ното novus*. <Кугель А. Р.> Хроника театра и искусства // *Театр и искусство*. 1899. № 36. 5 сент. С. 615).

Тема самопожертвования стала предметом осмысления в одной из первых рецензий на пьесу «Шутники». Анонимный рецензент указал на поступок старшей дочери Оброшенова, Анны Павловны, готовой пожертвовать собою ради отца, сестры и её жениха. Однако, по мнению критика, Островский не смог-таки создать тип русской женщины. Самоотречение Анны Павловны «является в такой мелодраматической форме, что, несмотря на совершенную возможность всего совершающегося перед глазами зрителя, он не чувствует ни малейшей симпатии к действующему лицу» (*Вседневная жизнь* // *Голос*. 1864. № 288. 18 окт. С. 1). В лучшем случае можно говорить, по его заявлению, об «абнегации», т. е. самоотречении «героини французской мелодрамы», но не о «самоотречении русской женщины, отказывающейся от своего я просто, без порывов, и главное, без всяких возгласов и фраз» (Там же. С. 2).

Однако иначе представил старшую дочь Оброшенова А. Н. Баженов: «Анна Павловна должна занять самое видное место в ряду лучших женских типов Островского. В ней так много житейской правды и так мало придуманного, что она гораздо ближе подходит к тому идеалу русской женщины, чем иные, намеренно идеализированные

женщины того же автора, чем, напр., мечтательная Катерина или расплывающаяся в словах Марфа Борисовна» (*Баженев А. Н.* Соч. и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 360).

Тема жертвенного самоотречения — общая для «Шутников» и пьесы В. Гюго «Король забавляется» (Бланш осознанно идёт на смерть, спасая короля), а также написанной на её основе оперы «Риголетто» Дж. Верди. Эта тема была вскоре поддержана и Ф. М. Достоевским, создавшим образ Сони, пожертвовавшей собой во имя семьи Мармеладовых.

Финал пьесы «Шутники» был воспринят рецензентами критически. В. А. Крылов указал на сцену из драмы А. Ф. Погоского «Лёгкая надбавка» как переключившуюся со сценой из II действия «Шутников». Это сопоставление тут же было подхвачено рецензентом «Петербургского листка» (см.: *Зритель последнего ряда.* Театральная хроника. «Шутники». (Спектакль 9 октября) // *Пб. листок.* 1864. № 120. 17 окт. С. 1). Изображение людей, оказавшихся в бедственном положении, из которого нет выхода, сближает эти пьесы, однако финалы в этих произведениях различны. Благополучное разрешение острой социальной коллизии в «Шутниках», в отличие от «Лёгкой надбавки», вызвал у современников глубокий скепсис. Рецензент газеты «Голос» писал, что финал пьесы Островского носит водевильный характер (см.: *Всёдневная жизнь* // *Голос.* 1864. № 288. 18 окт. С. 2). Критик «Русской сцены» говорил о «случайности развязки, непоследовательно вытекающей из положения и характера героя пьесы» (*М. <Михно Н. В.>* Петербургская сцена. Драматическая сцена // *Русская сцена.* 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 171). Д. Аверкиев полагал, имея в виду Хрюкова, что «переворот воззрений на Анну Павловну — самое замечательное, что с ним случилось, а его-то и нет. Конец словно написан единственно для того, чтобы как-нибудь кончить. Можно было и иначе; другим эпизодом» (*Аверкиев Дм.* Русский театр в Петербурге («Шутники» Островского...) // *Эпоха.* 1864. № 9. С. 7).

Пьеса «Шутники» вошла в контекст русской литературы 1840—1860-х гг. с первым романом Ф. М. Достоевского «Бедные люди» соотнесла «Шутников» И. А. Хромова, полагая, что эти произведения близки по проблематике и стилю¹. Пьеса Островского входит и в контекст романа «Преступление и наказание». Ход мыслей героини книги Л. Н. Толстого «Война и мир» Наташи Ростовской об отношениях с Борисом Друбецким («Ну, не выйду замуж, так пускай ездит, коли ему весело и мне весело. <...> Не замуж, а так»²) предварён рассуждением Верочки в сцене с Гольцовым в 3-м явлении II действия («Зачем замуж идти! Я не хочу. Вы лучше так просто к нам приходите каждый день»).

В «Записке по поводу проекта “Правил о премиях императорских театров за драматическое произведение”» (1884) Островский отнёс «Шутников» к лучшим своим сочинениям, поставив эту пьесу в один ряд с такими произведениями, как «Не в свои сани не садись», «Свои люди — сочтёмся!», «Воспитанница», «На бойком месте», «Лес», «Воевода», «Василиса Мелентьева». Драматург был уверен, что все эти пьесы «должны быть непременно в репертуаре всякого русского театра, если он хочет быть русским» (см.: *ЛСС-12.* Т. 10. С. 206).

По окончании работы над комедией «Шутники» Островский сообщил Бурдину в письме от 9 сентября 1864 г.: «Для тебя богатейшая роль, для Самойлова тоже». Через несколько дней он изложил своему другу «предположения о раздаче ролей»:

¹ ЭО. С. 485—486.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 10. М., 1938. С. 192—193.

«1^о Оброшенов — Самойлов, Гольцов — Малышев, Хрюков — ты, Шилохвостов — Васильев, А<нна> П<авловна> — Владимирова, остальные, как хотите; 2^о Оброшенов — Васильев, Хрюков — Зубров, Шилохвостов — ты. Второе, мне кажется, лучше» и, завершая письмо, призывал: «рассмотри хорошенько пизсу и подумай. Во всяком случае, надо списаться прежде, чем раздавать роли». В постскриптуме добавлял в связи с массовой сценой, открывающей 2-е действие: «Шарманка и певица необходимы, Горбунов в певиче произведёт большой эффект» (*ЛСС-12*. Т. 11. С. 186). В ответ Бурдин предложил новый вариант, он останавливал свой выбор на В. В. Самойлове, а о других писал: «Брошель будет очень мила в роли Верочки, эта девушка с большим огнём и правдой»; «Сазонов тоже будет недурён в одной из ролей. Недоноскова, это молоденький мальчик, на роли любовников, впрочем его можно заменить Шемаевым или Алексеева¹» (*Бурдин*. С. 26).

Однако у драматурга возникли сомнения, которые он высказал в письме от 20—21 сентября 1864 г.: «Любезный друг Фёдор Алексеевич, твоё предположение о распределении ролей несколько не сходится с моим, и вот почему: Самойлов ничего не сделает для пизсы, лица он не представит, роли не выучит и будет стараться, чтоб его одного только заметно было. Васильев для ensemble'я и сам по себе лучше гораздо. <...> Молодых людей надо играть франтами, и я бы не отдал роли Недоросткова ни Алексееву, ни Шемаеву, я бы попросил Нильского; а если не его, то уж лучше Жулёва» (*ЛСС-12*. Т. 11. С. 186—187). Накануне премьеры «Шутников» в Александринском театре И. Ф. Горбунов по поручению В. В. Самойлова обратился к Островскому с просьбой изменить финал II акта, который, по мнению актёра, был «неловким», и незамедлительно телеграфировать из Москвы в Петербург. Об этом письме И. Ф. Горбунова драматург сообщил Бурдину в начале октября с негодованием. В послании к Бурдину, написанному уже после петербургской премьеры, драматург дал подробное описание костюмов Хрюкова и Оброшенова (Там же. С. 188).

Премьера спектакля состоялась в Александринском театре 9 октября 1864 г., в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Оброшенов — В. В. Самойлов, Анна Павловна — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Верочка — А. К. Брошель, Гольцов — П. И. Малышев, Хрюков — Ф. А. Бурдин, Недоносков — Г. Н. Жулёв, Недоростков — Н. Ф. Сазонов, Шилохвостов — И. Ф. Горбунов, Улита — Н. П. Воронова, Важная особа — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Солидный человек — П. А. Петровский.

Опасения Островского, высказанные Бурдину на этапе распределения ролей, не оправдались: пьеса имела большой успех, актёры, включая В. В. Самойлова, приняли во внимание авторские требования. М. Н. Островский писал брату: «Пьеса разучена весьма старательно и идёт безукоризненно. Самойлов более чем хорош: роль выучил, штук никаких не делает и гораздо более на своём месте, чем был в этой роли П. Васильев» (*ЛН*. Кн. 1. С. 249). Рецензент под псевдонимом Зритель последнего ряда писал о премьерном спектакле: «Пьеса была разыграна так, как редко разыгрывается что-либо на Александринском театре. Исполнение отличалось необыкновенной стройностью и живостью» (*Зритель последнего ряда*. Театральная хроника. «Шутники»). (Спектакль 9 октября) // *Пб. листок*. 1864. № 120. 17 окт. С. 1). Бурдин отмечал, что в драматических спектаклях, по мнению зрителей, ранее ещё не было «такого ensemble», какой сложился на премьеры «Шутников». Он писал Островскому от 19 ноября 1864 г.: «“Шутники” дают большие сборы» (*Бурдин*. С. 33).

¹ Возможно, опечатка вместо: Алексеевым.

По-разному была оценена критиками игра В. В. Самойлова. Исполнение им роли Оброшенова тот же рецензент назвал «высоко художественным». По мнению же Н. В. Михно, этот артист в заключительной сцене «впал несколько в мелодраму, прибегнув к форсированию голоса и жестам отчаяния, что было психологически неверно» (М. <Михно Н. В.> Драматическая сцена. (Бенефис Бурдина «Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 9. Современное обозрение. С. 58). Н. И. Шульгин писал, что Самойлов «положительно не умеет художественно воспроизвести русского человека». Обосновывая свою оценку, критик отмечает: «В игре его виден отпечаток влияния искусственной школы, которая, руководствуясь французскими образцами, требовала от актёров не создания роли в натуральном воспроизведении самого человека, а олицетворения по искусственно вытверженным жестам и интонациям голоса, отвлечённой идеи, ходячей морали. <...> Влияние старой школы и страсть к искусственным эффектам делают игру г. Самойлова слишком ненатуральной. <...> Оброшенов у него выходит каким-то чудачком, добряком, забитой личностью французских комедий, но не русским забитым горем и нуждою подъячим» (Н. Ш—ин. <Шульгин Н. И.> Петербургские театры. Русский театр // *Якорь*. 1864. № 41. 21 нояб. С. 6). К недостаткам комедии Шульгин относил не только мелодраматическое решение образа Оброшенова, но и идеализацию характеров дочерей этого героя, которые «как будто взяты из другой среды, но только не из подъяческой». Неприятие у критика вызвало художественное решение характера Верочки: «...мы решительно не допускаем возможности существования в этой среде такого поэтического, чистого, прелестного, хотя до крайности наивного, существа, как Верочка». Актрисе, исполняющей «крайне идеализированный характер», «предстояла большая трудность придать роли жизненную правду» (Там же. С. 7). Н. В. Михно похвалил Ф. А. Бурдина, назвав роль Хрюкова лучшей из репертуара этого артиста. «Все сцены объяснений его с старшею дочерью были ведены им безукоризненно и с полным отсутствием фарса» (М. <Михно Н. В.> Драматическая сцена. (Бенефис Бурдина «Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 9. Современное обозрение. С. 58). Солидарен с таким мнением был другой критик: «Но особенно порадовал нас г. Бурдин: ни малейшей аффектации, без малейшего пускания бенгалики; а сцена с Анной Павловной введена была г. Бурдиным с артистичностью, сделавшею честь и первоклассному таланту Садовского» (*Зритель последнего ряда*. Театральная хроника. «Шутники»). (Спектакль 9 октября) // *Пб. листок*. 1864. № 120. 17 окт. С. 1). Бенефицианту был поднесён роскошный букет и лавровый венок.

Противоположным было мнение Д. В. Аверкиева: Бурдин, писал он, — «самый яркий представитель ложной сценической игры» (*Аверкиев Дм*. Русский театр в Петербурге («Шутники» Островского...) // *Эпоха*. 1864. № 9. С. 13). «В игре г. Бурдина Хрюков весьма мало на купца похож; это какой-то сластолюбивый селадон» (Там же. С. 14).

Н. Ф. Бунаков полагал, что Островский с особой тщательностью и любовью отделял образ главного героя, а о прочих лицах «мало заботился», очерчивая их «наскоро, лёгкими штрихами». Такая «растущёвка фона» позволяла, по мнению критика, оттенить фигуру Оброшенова (*Эн —ков*. <Бунаков Н. Ф.> Драматическая библиография. («Шутники») // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 116). Вместе с тем петербургские актёры иначе восприняли особенности психологического рисунка автора пьесы, о чём свидетельствует рецензия другого, анонимного автора, который писал о героях второго плана, представленных на сцене:

«Всё это живые люди, не сочинённые, не выдуманные, не ходульные... Они кишат вокруг вас. Вы сталкиваетесь с ними каждый день» (*Один из зрителей*. Московская сцена // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 147). Похвалы рецензента «Петербургского листка» удостоились А. К. Брошель и Е. В. Владимирова (*Зритель последнего ряда*. Театральная хроника. «Шутники». (Спектакль 9 октября) // *Пб. листок*. 1864. № 120. 17 окт. С. 1).

Иначе воспринял спектакль Н. А. Некрасов. В письме к Островскому от 29 октября 1864 г. из Петербурга он заметил: «Пьеса Ваша здесь нравится, но меньше, чем в Москве, потому что идёт гораздо хуже, чем в Москве. Брошель очень плоха. Хорош, говоря по правде, один Самойлов, который в этой роли несравненно выше Шумского. Для него я пошёл смотреть “Шутников” в Петербурге и был вполне вознаграждён» (Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 113—114).

В связи с массовой сценой из II акта анонимный рецензент «Русской сцены» обозначил проблему воплощения литературного произведения на сцене: диалоги у ворот «в чтении как-то выходят лучше, нежели на театре, где пропадает типичность разговоров» (*Один из зрителей*. Московская сцена // *Русская сцена*. 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 147). Эта сцена была поставлена в Александринском театре неудачно. Бурдин полагал, что автор задал актёрам «неразрешимую задачу — если народ будет без движения во время разговора Оброшенова с Гольцовым, который продолжителен, — то это будет мёртво, если же народ будет что-нибудь делать, то он всё внимание зрителя отвлекает на себя и разговор чиновников пропадает» (*Бурдин*. С. 32). Островский, отвечая другу, связал промахи в постановке массовой сцены с неумелой работой режиссёра. Драматург подробно обрисовал Бурдину декорации и ход действия в этой сцене, ссылаясь на свой опыт постановки в Малом театре: «У нас делается вот как: почти у самой занавеси надворная сторона Новгородского подворья (декорация писана с натуры), посередине ворота в натуральную величину с значительной толщиной, за воротами Ильинка, на задней занавеси Гостиный двор. Все входят в ворота сзади, а не перед зрителями, что и допустить нельзя. <...> Когда входят Оброшенов и Гольцов, толпа редеет и остаются только человек 6 необходимых. Оброш<енов> и Гольц<ов> остаются под воротами, а не на отлёте, как у вас. Разумеется, они впереди, Гольцов несколько выдаётся к зрителям и стоит, прислонясь к углу ворот; для того, чтобы его слова слышал только один Оброшенов, он говорит как будто на ухо. Потом к концу речи под ворота понемногу набираются новые люди. Таким образом, 2-й акт, выигрывая в правдоподобии и жизненности, ничего не теряет в живости. Нельзя же всякую пьесу ставить самому, а для чего же у вас режиссёр?» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 190).

В Малом театре премьера состоялась 12 октября 1864 г., в бенефис А. А. Рассказова. Руководил постановкой сам Островский. Роли исполняли: Оброшенов — С. В. Шумский, Анна Павловна — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Верочка — Н. А. Никулина, Гольцов — А. А. Рассказов, Хрюков — П. М. Садовский, Недоносков — Н. Е. Вильде, Недоростков — М. И. Лавров, Шиловостов — В. И. Живокини, Улита — С. П. Акимова, Важная особа — П. Г. Степанов, Солидный человек — В. А. Дмитриевский.

А. Н. Баженов в рецензии «Бенефис г. Рассказова» критически высказался о постановке массовой сцены из второго действия: «...не всё, что от жизни, нужно для сцены. Переводить на сцену бессодержательную суету повседневной жизни — бесцельно... Что мы в этом случае не ошибаемся, доказательством может служить отчасти

и то обстоятельство, что публика... просмотрела всё второе действие в глубоком молчании, а, по окончании его, обошлось без вызовов». Он отметил, что в первых двух действиях пьесы «много лишних разговоров, целых сцен и, особенно, действующих лиц». Вместе с тем, артисты, как писал критик, «отнеслись к исполнению Шутников с большим вниманием. Г. Шумский был совершенно верен роли Оброшенова; с большим искусством и правдой передал он лицо этого добродушного, любящего старика, его напускное шутовство и честную обидчивость. Очень симпатично вышла у него трудная сцена перехода от радости к разочарованию и отчаянию в третьем действии; потерянность и детски-искренние слёзы невольно вызвали на сострадание» (*Баженов А. Н.* Соч. и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 362).

В воспоминаниях Д. А. Коропчевского была дана обобщающая характеристика исполнения Шумским роли Оброшенова: «Если сыграть его глуповатым стариком, пьеса превращается в фарс, не умный и не забавный. Если придать ему излишний драматизм, пьеса кажется не развитой и не законченной. Шумский сумел избежать и той, и другой крайности, в одну из которых впали виденные мною исполнители» (*ЕИТ.* Сезон 1895—1896. СПб., 1897. Приложения. Кн. 3. С. 39). Анонимным критиком в игре Шумского был отмечен «недостаток сердечной теплоты». Актёру, с его точки зрения, не удалось создать «русский тип», у него получился «какой хотите старик, но только не русский чиновник». Удачным было названо исполнение роли Оброшенова в I действии, однако в двух последних действиях актёр «впадал в мелодраму» (*Один из зрителей.* Московская сцена // *Русская сцена.* 1864. Т. 5, № 10. Современное обозрение. С. 148—149). Игра же Е. Н. Васильевой была оценена как «необыкновенно типичная, мастерская, вполне художественная», она позволила «ещё больше выдвинуть» старшую дочь Оброшенова и дала публике возможность «вполне оценить» её достоинства (Там же. С. 146). Этот же критик благосклонно отозвался о Н. А. Никулиной: «Казалось, что г-жа Никулина не играет, но что она такая и есть на самом деле. Ни одной нотки фальшивой, аффектированной, ни тени рутинной» (Там же. С. 149). Тот же обозреватель высоко оценил игру Садовского, подчеркнув его «невозмутимое спокойствие» и «самообладание, удерживающее артиста в самых строгих границах естественности». Актёр, по замечанию критика, предложил весьма интересную интерпретацию образа: «Хрюков — человек вовсе не развратный, и сделать из неё¹ любовницу никогда не помышлял; но он тоже — шутник» (Там же. С. 150).

24 ноября 1864 г. Л. Н. Толстой смотрел «Шутников» в Малом театре вместе со свояченицей Т. А. Кузминской, которая вспоминала позднее: «Помню, как понравилась ему новая пьеса Островского “Шутники”. Я взглянула на него в тот момент, когда старик находит на улице подкинутый шутниками денежный пакет, дрожащими руками открывает его и видит, что он пустой, и слышит насмешливый голос шутников. У Льва Николаевича стояли в глазах слёзы... “Это самое сильное место в пьесе”» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 334). Через неделю, 3 декабря, Толстой посмотрел постановку во второй раз и «ему очень понравилось»².

17 июня 1870 г. в петербургском Михайловском театре прошёл гастрольный спектакль «Шутников». Анонимный рецензент газеты «Голос» высоко оценил игру Шумского: «Все известные черты искусства этого артиста: умное понимание роли, тонкая отделка всех её деталей, мельчайшая работа над каждой подробностью —

¹ Речь идёт об Анне Павловне.

² См.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 83. М., 1938. С. 75—76.

интонации, мимики, жеста, предполагающая много любви к своему искусству и много труда по нем — все эти свойства прекрасного таланта г. Шумского сказывались здесь особенно ясно и благодарно» (Петербургская хроника // *Голос*. 1870. 18 июня. С. 2). Рецензент, размышляя над особенностями решения образа Шумским, впервые сравнил Оброшенова с Риголетто.

В 1870 г. «Шутники» сошли как с московской, так и с петербургской сцены, однако в 1879 г. спектакль был возобновлён в тогдашней столице и на протяжении четырёх театральных сезонов оставался в репертуаре. При жизни Островского пьеса имела сценический успех: в общем театральном рейтинге его оригинальных произведений «Шутники», по подсчётам Е. Г. Холодова, занимали высокое 12 место (*ЛН*. Кн. 2. С. 13).

После смерти Островского пьеса «Шутники» дважды возвращалась на сцену Александринского театра: в 1892 и 1899 гг. При этом в последний год века «Шутники» прошли 13 раз, что свидетельствовало о несомненном успехе постановки.

30 августа 1899 г. пьеса «прошла с редким ансамблем». Рецензент писал: «Роль Оброшенова как нельзя более подходит к таланту г. Давыдова, как в комических, так и в драматических местах трудной и, в сущности, маложизненной роли, он был прямо-таки бесподобен» (Театральный курьер. (Александринский театр) // *Пб. листок*. 1899. № 238. 31 авг. С. 3). Было отмечено новое в сценографии: «Великолепны новые декорации первого и второго актов. Особенно эффектна декорация московской улицы, причём в течение всего акта льёт проливной дождь, из водосточных труб льёт на тротуар вода, с зонтиков прохожих стекают струйки дождя; словом, полная иллюзия скверной дождливой погоды» (Там же).

Однако А. Р. Кугель высказался весьма критически по поводу игры актёров и самого спектакля: «Давыдов был заживевшим Сахар Сахарычем... кем угодно, но только не шутником, над которым жизнь сшутила столько печальных шуток». В игре Давыдова и Аполлонского, писал он, «нет нервов, нет увлечения, нет внутренней надсады». Это, по его мнению, «очень старательная, правильная, рассчитанная, согласованная с авторскими намерениями, игра, но холодная и сухая». Ю. Варламов из Хрюкова «сделал замоскворецкого Спарафучиле». Критик подчеркнул: «Но самое любопытное, что пьеса показалась мне плохо слаженной и срепетированной. Шла разноголосица, инде паузили, инде меняли тона, сбивались с темпов и прочее. Зато отличные аксессуары, и привезённый несколько лет назад из Германии аппарат для искусственного дождя действовал прекрасно» (*Ното новис*. <Кугель А. Р.> Хроника театра и искусства // *Театр и искусство*. 1899. № 36. 5 сент. С. 615).

С. Гусев заметил, что Верочка в исполнении М. Домашевой, не справившейся с ролью, вышла «водевильной барышней» (*Гусев С.* Александринский театр. Дебют г-жи Домашевой — «Шутники» // *Новости и биржевая газета*. 1899. № 242. 3 сент. С. 3). По мнению рецензента, эту роль могла бы исполнить В. Ф. Комиссаржевская.

В 1901 г. Малый театр дал в бенефис М. П. Садовского спектакль «Шутники». По мнению Я. А. Фейгина, который сравнил «Шутников» с пьесой Г. Гауптмана «Михазль Крамер», М. П. Садовский мало поработал над ролью Оброшенова. Критик отметил работу Рыбакова, создавшего образ «прекрасного стильного Хрюкова», похвалил Е. М. Садовскую (Садовскую 2-ю), «очень просто и жизненно сыгравшую младшую дочь Верочку» (*Ф — ин Я. А.* <Фейгин Я. А.> Письма о современном искусстве. («Шутники»). Малый театр. Бенефис М. П. Садовского) // *Русская мысль*. 1901. № 2. Отд. 2. С. 214).

С. 8. ...к квартальному... — Речь идёт о квартальном надзирателе, полицейском, под надзором которого находился квартал.

С. 9. *Отчего ж на тебе кавалерии нет?* — Кавалерия — широкая орденская лента, которую носили через плечо.

С. 10. ...опеку ему неподходящую дали... — Видимо, речь идёт о дворянском имении, переданном в опеку. Опекунами назначались местные дворяне, которые в этом случае получали в виде платы 5% дохода от имущества.

...*принёс жене три золотых ~ больше пяти рублей ассигнациями бы не дал.* — Ассигнации — название бумажных денег, введённых в России в 1769 г. Ассигнации были в ходу до 1843 г., когда они, согласно денежной реформе (1839—1843) гр. Е. Ф. Канкрин, стали подлежать обмену на кредитные билеты. Обменный курс составлял 3,5 рубля ассигнациями за 1 серебряный рубль. Металлические деньги (золото, серебро) ценились выше медных и бумажных.

...*рожа-то какая-то обезьянья сделалась.* — Мысль об эволюции (в данном случае обратной: от человека к обезьяне) была остросовременной. 24 ноября 1859 г. — дата выхода в свет труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (On the origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. L., 1859). В январе 1864 г. был издан его первый русский перевод, предпринятый профессором Московского университета С. А. Рачинским, а затем в нескольких журналах были напечатаны отклики на этот перевод, увидели свет полемические статьи, кроме этого, на русский язык перевели и опубликовали работы, разъясняющие и комментирующие книгу Дарвина (Т. Гексли, Ф. Ролле и др.).

Подьячий — помощник дьяка и делопроизводитель приказной канцелярии; мелкий чиновник (см. также: Наст. изд. Т. 2. С. 772).

С. 11. ...*с приказами*... — Т. е. со служащими приказа — органа центрального управления в России XVI — начала XVIII вв. В XVIII в. была проведена реформа приказного управления и приказы были заменены другими учреждениями. К концу XVIII в. приказная система управления уступила место новой, однако и в XIX в. для некоторых учреждений ещё оставалось прежнее название (например, Приказ общественного призрения), при этом характер этих учреждений и их положение в государственном устройстве России были иными (см.: *Словарь к пьесам*. С. 166; Наст. изд. Т. 2. С. 776).

С. 20. ...*приказная строка!* — Так пренебрежительно называли мелкого чиновника, писца.

С. 21. *Есть ли в поле жив человек?* — Возможно, цитата, восходящая к словам Бельтова из романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (1846): «Моя жизнь не удалась, побоку её. Я точно герой наших народных сказок... ходил по всем распутьям и кричал: “Есть ли в поле жив человек?”, но жив человек не откликнулся» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: в 30 т. Т. 4. М., 1955. С. 166).

С. 25. ...*в короткой люстриновой сибирке, сапоги бутылками.* — Сибирка — старинная верхняя одежда в виде короткого кафтана в талию, со сборками и стоячим воротником; традиционная купеческая одежда. Люстриновая — сделанная из люстрина, т. е. полушерстяной или шерстяной ткани с глянцем (см.: *Курсанова Р. М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века*. Калининград; М.,

2001. С. 77—78, 232, 235—236). Сапоги бутылками — сапоги с выпуклыми блестящими голенищами.

...на шею орден... — На шею носили знаки орденов 2-й степени (кроме орденов Георгия и Владимира) и знаки орденов Георгия и Владимира 3-й степени.

...в тёмном шёлковом салопе... — Салоп — верхняя женская одежда: широкая накидка с прорезями для рук, часто на подкладке, вате (см.: *Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. С. 346—347).

...в бурнуса... — Т. е. в просторном женском пальто с широкими рукавами (см.: *Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. С. 267—269).

Салопница — женщина, которая ходит в изношенном салопе и просит на бедность в богатых домах (см.: *Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. С. 347).

Свидетельство о бедности — удостоверение, «выданное учреждением в том, что данное лицо по бедности освобождено от взноса судебных сборов, которые следовало бы получить с него при разборе в суде его дела». Такое свидетельство выдавали также девушке-бесприданнице. Общественные организации, в том числе Московское купеческое общество, распоряжались имеющимися у них специальными капиталами, составленными из пожертвований, проценты с этих капиталов были предназначены для выдачи бедным невестам в приданое. Однако обеспечить всех не удавалось, поэтому девушки тянули жребий. Бедная невеста, имеющая свидетельство о своём честном поведении и о бедном состоянии, а также вытянувшая счастливый жребий, обретала право на получение денежного пособия после выхода замуж. Другие девушки получали только свидетельство о бедности и сами были вынуждены собирать подаяние на приданое: они отправлялись в торговые ряды к купцам и владельцам лавок с просьбой помочь (см.: *Словарь к пьесам*. С. 188).

Ворота, где торгуют картинками. — Бывшие Ильинские ворота Китай-города. С. 26. *До Лобного...* — В Москве Лобное место — специальное возвышение, с которого объявлялись царские указы и на котором совершались казни, сооружено на Красной площади перед одними из шести главных ворот Кремля (см.: *Кондратьев И. К.* *Седая старина Москвы*. М., 2002. С. 179—184).

С. 27. *Гривенок на шесть-с?* — Гривенник — монета достоинством в десять копеек. ...*три четвертака...* — Четвертак — четверть рубля, 25 копеек.

С. 28. *Чуйке* — т. е. человеку в чуйке. Чуйка — верхняя мужская суконная одежда в виде длинного кафтана, была распространена в городской мещанской среде (см.: *Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. С. 233).

...*ваши превосходительство!* — Форма обращения к человеку высокого положения. По «Табели о рангах» так обращались к чиновникам 3—4 классов.

...*сертучок-то!* — Сюртук — длинная мужская двубортная одежда в талию с отложным или стоячим воротником (см.: *Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. С. 317—319).

С. 31. ...*денег в Совет внести...* — Под залог имени помещик мог получить денежную ссуду на определённый срок, за неё он должен был ежегодно выплачивать процент. Опекунскому Совету при московском Воспитательном доме было предоставлено право давать процентные ссуды под залог недвижимого имущества.

...имение-то в опись назначат... — Если процент по денежной ссуде не выплачивался и ссуда не возвращалась по истечении срока, то имение присваивалось кредитным учреждением и продавалось. Для этой процедуры была необходима детальная опись имущества.

...на Спасских... — на Спасских часах Московского Кремля.

С. 32. ...в Ирбитской... — Ирбитская ярмарка была одной из крупнейших в до-революционной России. Проводилась раз в год в г. Ирбите.

Ундер — разговорный вариант слова «унтер». Унтер-офицер — звание младшего командного состава в царской армии России.

С. 34. *Вина не пьёт, с воды пьян живёт.* — Русская народная пословица; стих о муже-пьянице из русской народной песни (см.: Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым. Напевы записал и гармонизировал И. Прач. СПб., 1896. № 10).

Стракулист — мелкий чиновник, канцелярский служащий, крючкотвор.

С. 35. *Под вечер, осенью ненастной...* — неточный текст 1-й строфы романа Н. С. Титова на стихи А. С. Пушкина.

С. 45. *Вицмундир* — форменный фрак чиновника.

С. 46. ...*банковыми билетами*». — Т. е. ассигнациями (см. также: Наст. изд. Т. 2. С. 717—718).

С. 53. ...*в сибирку посажу*. — Сибирка — здесь: арестантское помещение для задержания мелких преступников.

Н. Г. Михновец

НА БОЙКОМ МЕСТЕ

Впервые опубликовано: *Современник*. 1865. № 9. С. 115—170.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3248. Ед. хр. 1. 26 л.;

— театральная писарская копия (ТПК): ГТБ. Шифр: I.19.3.67. 66 л.;

— цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. Шифр: 25812. 49 л.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 5. СПб., 1867. С. 107—190 — со следующими основными исправлениями:

С. 61

⁸ *Вместо*: кормить будем — кормить будешь (по ТПК, ЦПК)

С. 66

³³ *Вместо*: И чтой-то такое, Мироныч — И чтой-то такое, Ермолаич (по смыслу)¹

С. 67

⁵ *Вместо*: Ну и ладно! — Ну и ладно, ладно! (по ЧА, ТПК, *Совр.*, ЦПК)

С. 68

^{29—30} *Вместо*: сигарки дешёвые — сигарки грошовые (по ЧА)

С. 82

¹⁸ *После*: из головы вылетели. — Много я их знала, увёрток-то, да все вылетели (по ЧА, ТПК, *Совр.*)

¹ Впервые: *Островский А. Н. Полн. собр. соч.*: в 10 т. Т. 5. СПб., 1904. С. 175.

10 мая 1848 г., во время первого приезда в усадьбу Щельково, Островский записал в «Дневнике»: «Я начинаю привыкать к деревне, я обошёл почти все окрестности, познакомился кой с кем из мужиков». Именно местные жители подсказали драматургу место действия будущей комедии: «на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием “На бойком месте”, лет сорок назад». Притон, возле которого происходили грабежи и убийства, к 50-м годам уже был разрушен, но в пьесе упоминаются другие сохранившиеся названия поселений Кинешемского уезда: село Покровское и Новая деревня. Наблюдение драматурга над местными нравами легло в основу творческого замысла комедии; многие персонажи имели прототипы среди населения: Миловидов был похож на «кинешемского телеграфиста», Бессудный — на разбойника Михаила Титова, а Жук, работник Бессудного, напоминал купца Нарышкина, разбогатевшего грабежом¹.

Художественный мир пьесы не ограничивался щельковскими впечатлениями. Например, впервые фамилия Миловидов появляется у Островского в неоконченном очерке «Кузьма Самсоныч» (1846): «Звали его [Евгений Львович Миловидов] Пётр Иваныч Смирнов». В письмах драматурга 1850—1860-х гг. можно встретить записи о случайных людях, внешность и поступки которых напоминают персонажей комедии. Так, в 1856 г. на пути из Осташкова во Ржев Островский встретил хозяина постоялого двора — «толстого мужика с огромной седой бородой, с глазами колдуна», который впускал постояльцев по выбору. С. В. Максимов вспоминал: «Случайная встреча с отказом в приюте на ночлег по пути из Осташкова во Ржев и с хозяином постоялого двора, имевшим разбойничий вид и торговавшим пятью дочерьми, напечатлелась в памяти и выработалась в комедии “На бойком месте”»². В письме к П. М. Садовскому и С. С. Кошеверову от 27 июня 1860 г. драматург, сопровождавший артиста А. Е. Мартынова на юг, писал: «Между Тулой и Ефремовом нам попался очень весёлый ямщик, Матвей Семионыч Раззорёный, который водку называл гарью, шкалик — коробочкой, и на мой вопрос, жива ли у него жена? Отвечал: “Да зачем же ей умирать-то, чудак! Она ещё ума не прожила”» (ПСС-12. Т. 11. С. 117).

3 января 1865 г. Островский писал Ф. М. Достоевскому: «...Я думал, буду свободен в декабре и успею кончить трёхактную пьесу, начатую весной, о которой я Вам писал; но половину октября и ноября я прохворал, а остальное время был занят работой, давно задуманной и давно обещанной. Дайте мне отдохнуть немного, я Вам непременно напишу пьесу, и скоро». По всей видимости, в письме речь идёт о комедии «На бойком месте», замысел которой формировался у драматурга на протяжении нескольких лет.

На обложке *Ча* имеется надпись: «“На бойком месте”. Комедия в 3-х действиях. Соч^тинение А. Островского» — и дата «1865 г. Августа». Рукопись написана карандашом, с многочисленными поправками, есть стёртый текст, восстановить который невозможно. Большую часть 5-го листа рукописи занимает текст ранней редакции 5-го и 6-го явлений II действия (см. раздел «Другие редакции и варианты»). Рядом с заголовком «Явление пятое» проставлена дата «8 августа», а в конце этого явления, после слов: «...да еще заедет ли?» — проведена горизонтальная черта, отделяющая данный текст от остального материала. Затем Островский зачёркивает написанные

¹ Подробнее об этом см.: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский в Щелькове. М., 1978.

² *Максимов С. В.* Литературные путешествия. М., 1976. С. 101.

сцены и приступает к созданию I действия. Работа ведётся по намеченному плану, на что указывают даты, проставленные на страницах *ЧА*: 8-е и 9-е явления I действия были написаны 10 августа, 11 августа начато II действие, 16 августа — III действие, а 18 августа пьеса была завершена. В процессе работы Островский вносит необходимые поправки и дополнения в текст. В частности, на отдельных листах (6 а, 6 б, 18 а) он вписывает уточняющие реплики и фразы; в монолог Аннушки: «Вот я до чего дожила...» — добавляет слова о молитве; в реплику Евгении: «Ах, батюшки! Вот страх-то...» — фразу о царе Давиде.

Как предполагает Е. И. Прохоров, *ЧА* «не был оригиналом для переписчиков: вряд ли кто-нибудь, кроме автора, мог разобраться во всех зачёркиваниях, перестановках текста, вставках, разбросанных в разных местах рукописи» (*ПСС-12*. Т. 2. С. 797). В конце августа переписанная копия пьесы была отправлена в Театрально-литературный комитет, а после одобрения (28 августа) и последующего разрешения передана в театр и в «Современник».

В Александринском театре сохранилась театральная копия пьесы. Текст *ТПК* имеет правку чёрными чернилами, серым, красным и синим карандашом. Чёрными чернилами восстанавливались по тексту окончательной редакции пропуски и опечатки; большинство замен, сделанных серым карандашом, а также зачёркивания красным и синим карандашом были подчинены режиссёрскому замыслу. Например, в словах Аннушки: «коли я ему нравлюсь!» — серым карандашом сделано исправление: «коли я ему мила!»; синим карандашом зачёркнута сцена пляски Гришки (8 явл., I д.), разговор Раззорённого с Сеней о дурной славе «бойкого места» (4 явл., II д.), красным — слова Аннушки: «Я уйду — они и знать не будут ~ и забудут совсем», реплика Непутёвого: «Ты что ещё! ~ Ты с кем говоришь!». На втором листе *ТПК* нарисован сценический план «комнаты на постоялом дворе», совпадающий с заглавной ремаркой пьесы. Под планом есть уточняющие записи, сделанные специально для премьерного показа: 1) «За кулисами: подушка, ковер, трубка, гитара, бутылка вина, закуска, грибы, колокольчики и бубенчики»; 2) «По рукам: “Горбунову: деньги (золотые)”; “Левкеевой: ключ”».

В *ГТБ* находится ещё одна копия — цензурный экземпляр с визой цензора: «Безусловно дозволено к представлению 20 декабря 1865. Цензор Кейзер фон Нилькгейм», — и с более поздним разрешением (5 мая 1889 г.) для народных театров¹. В тексте этой копии, отличном от *ЧА* и *ТПК*, отсутствуют фразы, звучащие двусмысленно; значительно урезана реплика Миловидова: «Да, разумеется...» (7 явл., I д.), а также речь Аннушки: «Ну да хорошо, хорошо...» (7 явл., III д.).

Публикация комедии в журнале фактически совпадает с премьерными спектаклями в Малом (29 сентября) и Александринском (25 октября) театрах. Текст «Современника» имеет незначительные отличия от *ЧА* и рукописных копий.

Во всех дальнейших прижизненных изданиях текст комедии воспроизводился без фразы: «Много я их знала, увёрток-то, да все вылетели» (6 явл., II д.). Эти слова Евгении были восстановлены по тексту «Современника» лишь в *ПСС-12*.

А. А. Виноградов

¹ См. также: Поляков А. С. Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского // Памяти А. Н. Островского. Пг., 1923. С. 154—156.

28 августа 1865 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом.

Премьера комедии в Малом театре состоялась 29 сентября 1865 г., в бенефис А. А. Рассказова. Роли исполняли: Бессудный — П. М. Садовский, Евгения Мионовна — А. И. Колосова, Аннушка — Г. Н. Федотова, Миловидов — Н. Е. Вильде, Пыжиков — К. П. Колосов, Непутёвый — А. А. Рассказов, Сеня — А. Ф. Федотов, Жук — В. А. Дмитриевский, Раззорённый — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Гриша — Е. А. Воронский.

Присутствовавший на премьере А. Н. Баженов отнёс «На бойком месте» к пьесам «далеко не из капитальных». Критик нашёл, что комедия «интригою своею отчасти возвращает нас к ужасам “Двумужницы”¹ и что ножи, пистолеты, одуряющие зелья её и кое-что ещё в этом роде были для нас новинкою, не совсем приятною в пьесе Островского» (*Баженов А. Н.* Соч. и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 519). Вообще сильную сторону пьес драматурга Баженов видел в характерах действующих лиц, а не в занимательности сюжета, хотя эти характеры «недаром называются стоячими», т. е. не усложняющимися новыми чертами по ходу действия. В комедии «На бойком месте» он выделил характеры Бессудного, в «железное сердце» которого пробралась ревность, и в особенности его жены: «...говорим, не обвинуясь, что лицо Евгении Мионовны стоит, пожалуй, всей комедии и смело может быть отнесено к числу самых удачных женских лиц пьес Островского» (Там же. С. 521). В спектакле же Малого театра П. М. Садовский, игравший Бессудного, был, по мнению критика, убедительнее А. И. Колосовой, исполнявшей роль Евгении. Правда, иным было мнение об игре Колосовой самого Островского, в 1885 г. вспоминавшего: «...особенным же совершенством отличалось исполнение ею роли дворничихи в пьесе “На бойком месте”, которая при всей верности действительности была проникнута необыкновенной грацией». Сравнивая её с М. Г. Савиной, впоследствии выступавшей в той же роли, Островский находил в игре первой исполнительницы «несравненно больше живости и ловкости на сцене», о чём он писал в набросках записки «По поводу проекта “Правил о премиях императорских театров за драматические произведения”» (*ПСС-12.* Т. 10. С. 560). Неправдоподобным считал Баженов поведение Миловидова, который в течение почти всей пьесы «милуется» с Евгенией, и не только с целью отомстить Анне «за мнимую неверность». Роль Аннушки он назвал «двоящеюся»: героиня (и игравшая её Г. Н. Федотова) «естественна» в сценах с Евгенией и Непутёвым, но «едва выносима во всех сценах сердечных излияний». Он отметил сходство между Аннушкой и Катериной из «Грозы» и не без иронии писал о «светлых лучах», которыми в последнее время Островский так любит освещать тёмный мирок своих пьес, не замечая, что лучи эти вносят в него самое ложное освещение». В целом же, считал Баженов, эта комедия «смотрится гораздо с большим интересом, чем многие последние произведения его, не исключая и “Воеводы”»; она имела успех, и автор был вызван» (*Баженов А. Н.* Соч. и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 522). Косвенным свидетельством популярности постановки пьесы в Малом театре было включение Баженовым «Неуклюжего дома» в его фантастическую шутку «Ёлка» (*Не поэт.* <Баженов А. Н.> Ёлка. (Фантастическая шутка) // *Антракт.* 1866. № 1), где этот «персонаж» поёт: «Домик я малый, / Двор постоялый, / Зато во мне / Много таится, / Много творится, / Всё в тишине. / Плач и рыданья, / Лепет свиданья / Слышатся

¹ Речь идёт о романтической драме А. А. Шаховского «Двумужница, или За чем пойдёшь, то и найдёшь».

сплошь; / Ездит Бессудный / На подвиг трудный, / Всё на грабёж» (Баженов А. Н. Соч. и переводы. Т. 2. С. 210).

Рецензент Н. Н. упрекнул Островского в слишком «смелых картинах»: «Что касается до эротизма, то автор остановился только у самых геркулесовых столпов, за которыми начинается царство маркиза де Сада с братией». Достоинства пьесы, пишет Н. Н., составляет «то, что всегда хорошо у г. Островского: удачная первоначальная обрисовка характеров (при невыдержанности их в развитии действия); умение вести разговор (там, где нет и не требуется действия); типический, словно отечаненный язык. Всё это, бесспорно, достоинства капитальные». К «приятной новинке» Н. Н., как и Баженов, отнёс «характер Бессудного, который не остаётся уже “стоячим” до конца пьесы (обыкновенная участь характеров Островского), но растёт вместе с её действием; в нём на глазах у зрителей загорается чувство ревности»; также он назвал Евгению «одним из удачнейших типов» Островского. Однако в пьесе нет «выдержанности действия; эпизоды её представляют собою хаотический сброд ничем не связанных между собой явлений»; непоследовательно поведение Миловидова, Аннушка «беспрестанно повторяет сама себя и монотонными жалобами наполняет всю сцену». Из актёров Н. Н. выделил П. М. Садовского. Строгость своего отзыва рецензент мотивирует так: «...кому больше дано, с того больше и спросится» (Н. Н. Театральная хроника. (Ещё пьеса Островского) // *Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям»*. 1865. № 39. Октябрь. С. 9—12).

Скептически относясь к «нынешним лаврам» драматургов, слишком быстро увядающим, критик О. М. Сомов, откликаясь на московскую премьеру, отметил, однако, что в комедии «На бойком месте» «гораздо больше движения», чем в других пьесах Островского. Критик отнёс Евгению «к числу удачнейших типов почтенного автора», оценил «попытку представить развитие характера Бессудного». Но в целом, по его мнению, «интрига пьесы бедна, а ведение действия слабо» (*Омега*. <Сомов О. М.> Письмо из Москвы // *Рус. инвалид*. 1865. № 230. 1 нояб. С. 3).

Восхищаясь мастерством изображения действующих лиц у Островского, Б. В. Варнеке особо отмечает выразительность приёма контраста, приводя в пример именно эту пьесу: «Прекрасно удавшийся Островскому образ Аннушки... становится ещё более ярким и определённым потому, что рядом с ней поставлена продувная Евгения» (*Варнеке Б. В.* Заметки об Островском. (Приёмы творчества. — Островский воображаемый) // *Русский филологический вестник*. 1916. Т. 75, № 1/2. С. 13).

В Александринском театре первое представление комедии состоялось 25 октября 1865 г., в бенефис Е. М. Левкеевой. Роли исполняли: Бессудный — В. В. Самойлов, Евгения Мироновна — Е. М. Левкеева, Аннушка — А. К. Брошель, Миловидов — А. А. Нильский, Пыжиков — П. С. Степанов, Непутёвый — И. Ф. Горбунов, Сеня — Д. И. Озеров, Жук — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Раззорённый — В. П. Волков. О значении, которое придавал Островский верному распределению ролей, свидетельствует его письмо к Ф. А. Бурдину от 10—12 сентября 1865 г. Несмотря на желание Бурдина играть Бессудного, драматург отказал в этом своему другу и верному помощнику в сношениях с Театрально-литературным комитетом: «Что же касается до роли Бессудного, то я с самого начала предполагал отдать её Самойлову, и при проезде его через Москву заявил ему об этом, — эта роль совершенно по его средствам. Строгие характеры не по тебе, ты сам это знаешь».

Рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» на другой день после премьеры на сцене Александринского театра в кратком отзыве высоко оценил и произведение, и постановку: пьеса «сценична и эффектна в лучшем смысле этого слова, т. е. в том смысле, что действующие лица пьесы оригинальны и живы, отношения их психологически интересны и само раскрытие этих отношений в комедии таково, что внимание зрителя от начала и до конца поглощено ею». Публика щедро аплодировала и «вызывала автора, которого не оказалось в театре». Отметив «очень хорошие минуты» в игре Левкеевой, Горбунова, Самойлова, он особенно высоко оценил образ Аннушки: «Но самая большая роль и самая большая доля сочувствия публики, бесспорно, принадлежала в этот вечер г-же Брошель, исполнявшей роль Аннушки, на замечательном характере которой держится вся пьеса» (Разные известия и заметки. (Новая пьеса Островского) // *СПбВед.* 1865. № 281. 26 окт. С. 3).

В. П. Буренин противопоставил национальный театр Островского как пустым французским водевилям, так и «тенденциозным» отечественным пьесам, к которым, например, относится комедия «Паутина» И. А. Манна. Комедия «На бойком месте», по мнению рецензента, представляет значительный интерес как «этиюд из русской жизни», где «поставлены в столкновение характеристичная личность русского помещика с не менее характеристичной мужицкой семьёй». При этом критик ставит в заслугу автору его отстранённость от «современных» мотивов и тенденций: «В самом свойстве его таланта, как и в его развитии, не заключается таких сторон, которыми он мог бы исключительно примкнуть к современному жизненному движению и стать успешным его выразителем. Талант г. Островского, без сомнения, один из глубочайших талантов; но именно глубина его и препятствует ему схватывать всё, несмотря на свою жизненность и своё страстное, волнующее значение, не сложилось ещё в спокойные, определённые, законченные формы». Буренин также отметил сходство образа Аннушки с образом Катерины: «... в порывистой страстности её речей, в её монологе перед тем, как она хочет отравиться, кто не вспомнит Катерину “Грозы”?» (*Выборгский Пустынник*. <Буренин В. П.> Общественные и литературные заметки // *СПбВед.* 1865. № 286. 31 окт. С. 1—2).

Более критично отозвался на премьеру в Александринском театре рецензент W., назвавший пьесу «драматическим эскизом», «рядом сцен», которые «могут быть прерваны когда угодно, потому что в сущности не представляют ничего цельного» (*W. Петербургская хроника* // *Рус. инвалид.* 1865. № 240. 31 окт. С. 3). Ведь если бы Миловидов объяснился с Аннушкой в первом акте, «не было бы пьесы»; «не поверь он ей в третьем акте — можно было бы приделать к пьесе ещё акт или два». К достоинствам, которые «давно признаны» за произведениями Островского, он отнёс большую или меньшую типичность лиц и выразительность языка; из исполнителей выделил Самойлова и Горбунова, хотя само лицо Непутёвого нашёл лишним в пьесе (Там же).

На фоне критики, в целом благожелательной по отношению к пьесам драматурга, выделяются отзывы, варьирующие мотив о том, что Островский повторяется. Так, анонимный рецензент «Петербургского листка» (Театральные заметки // *Пб. листок.* 1865. № 160. 30 окт. С. 2—3) утверждал, что материал, над которым писатель «так упорно трудился, исчерпан им до дна», поэтому «приходится ему повторять зады и выставлять знакомые до крайности избитые типы». В ёрническом тоне он писал: «Словом, самые заклятые поклонники этого, домашней выделки, таланта —

от произведений которого, по меткому выражению одного остряка, “всё как-то луком отзывается” — начинают сознаваться, что г. Островский исписался, что он более не в состоянии ничего создать нового». Аналогична рецензия в газете «Голос» (Вседневная жизнь. Новая комедия Островского // *Голос*. 1865. № 301. 31 окт. С. 1—2), автор которой прибегает к каламбуру: «...если “Шутники” — была очень неудачная шутка, то “На бойком месте” талант г. Островского окончательно споткнулся и оказался совсем не бойким». Эти выпады зоилов Островского не подкреплялись, однако, сколько-нибудь развёрнутым анализом пьесы.

В спектре критических отзывов на пьесу показательны расхождения в трактовке образов героинь (они подчёркивают сложность авторской концепции, далёкой от традиций «моралите»), высокая оценка «не стоячего» характера Бессудного, критерий единства и напряжённости действия, применяемый большинством рецензентов к сюжету и свидетельствующий о господствующих в то время требованиях к драматическому произведению.

При жизни Островского в Малом театре комедия прошла 17 раз (последний спектакль состоялся 16 декабря 1882 г.), в Александринском театре — 18 (последний раз пьесу играли 24 апреля 1884 г.)¹. В 1911 г. на кинофабрике А. А. Ханжонкова комедия была экранизирована (режиссёр П. И. Чардынин, оператор Л. П. Форестье, роль Непутёвого исполнял И. И. Мозжухин). Под названием «На большой дороге» в 1916 г. по пьесе был создан новый фильм (режиссёр Ч. Г. Сабинский)².

С. 60. ... в цыганском казакине... — Казакин — верхняя одежда в виде приталенного жакета со сборками сзади, со стоячим воротником. Он застёгивался на крючки, шился из сукна различных цветов, обычно носился с поясом. В целом костюм Миловидова — это костюм щёголя.

... из мелкопоместных... — Т. е. из числа помещиков, «владевших душами числом до ста» (*Федосюк*. С. 148).

Сак-пальто — пальто, крой которого «предполагал прямую свободную спинку без каких-либо швов и высокую застёжку. Длина пальто-сака едва достигала колен. Такой покрой после приталенной одежды выглядел несколько мешковато, некоторое время непривычно, с этим и связано его название от *англ.* sack — мешок. В 1840-е гг. пальто-саки были очень модным видом мужской одежды» (*Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М.; СПб., 2006. С. 104). Такое пальто было прообразом пиджака. Сак-пальто Пыжикова, «с претензией на франтовство», комично контрастирует с приталенным костюмом Миловидова.

... одетый казачком. — Казачок — мальчик-слуга, одетый в казакин или в черкеску (верхнюю одежду, также затянутую в талии) и остриженный в кружок.

... дверь в чёрную избу... — Т. е. в избу с печью без трубы.

Известно, круговые. — Круговой — здесь: шальной, взбалмошный (см.: *Словарь к пьесам*. С. 95).

С. 61. Я в Покровском на сдачу взял до Новой деревни... — Названы реальные топонимы. Покровское — село в Кинешемском уезде Костромской губернии,

¹ См.: *ПСС-12*. Т. 2. С. 799. См. также: *ИРДТ*. Т. 5. С. 476; *ЭО*. С. 436—439.

² См.: *Дымищ Н. А.* Кинематография и Островский // *ЭО*. С. 201; *Кино. Энциклопедический словарь* / гл. ред. С. И. Юткевич. М., 1986. С. 376.

расположенное на левом (высоком) берегу реки Сендеги. Здесь часто бывал Островский. Новая деревня (Кутузовка) входила в состав Щелькова и находилась при въезде в усадьбу (см.: Орлова Г. И. Покровское; Кутузовка (Новая деревня) // ЭО. С. 329, 230; Бочков В. Н., Григоров А. А. Вокруг Щелькова. Путеводитель по историко-мемориальным местам. Ярославль, 1972. С. 13—14, 38).

С. 62. *Фурия* — здесь: злая, сварливая женщина.

С. 65. *Тороватый* — великодушный, щедрый.

С. 71. *Пела, пела пташечка...* — Текст романа (музыка А. А. Алябьева) восходит к «Русской песне» А. А. Дельвига (см.: Дельвиг А. А. Стихотворения. М.; Л., 1963. С. 259).

Ритурнель — в вокальной музыке инструментальный эпизод, исполняемый между строфами текста (*фр.* ritournelle, от *итал.* ritorna — возвращение, повторение).

С. 75. ...с кизлярской водкой... — Т. е. с дешёвой водкой, которую производили в г. Кизляре.

Тарантас — дорожный экипаж, в котором кузов крепился на длинных продольных брусках (дрогах), смягчающих тряску. Часто использовался при езде «на долгих», в нём ехали лежа.

С. 82 *Аспид* — здесь: злой, коварный человек.

С. 85 *Афон* — Святая Гора в Греции, средоточие православных монастырей.

С. 94 *Арапельник* — то же, что арапник — длинная охотничья плеть на коротком кнутовище.

Л. В. Чернец

ПУЧИНА

Впервые опубликовано: *Санкт-Петербургские ведомости*. 1866. 1, 4, 5, 6, 8 января.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3250. Автограф написан карандашом и чернилами. Начало рукописи содержит записи, относящиеся к переводу Островским пьесы Шекспира «Укрощение своенравной»;

— цензурная писарская копия (ЦПК₁): ГТБ. I.VI.2.16. Цензурных изменений не содержит;

— театральная писарская копия (ТПК₁): ГТБ. I.XI.4.39;

— театральная писарская копия (ТПК₂): МТ. № 3570. Содержит режиссёрские пометы;

— цензурная писарская копия (ЦПК₂): МТ. 3570 / 2. Суфлёрский экземпляр с цензорским разрешением (без цензурного вмешательства). Текст соответствует режиссёрскому экземпляру.

Печатается по тексту газеты «Санкт-Петербургские ведомости» со следующими исправлениями:

С. 109

¹ *Вместо:* Наверное то сказать — Наверное-то сказать (по ЧА)

С. 114

¹² *Вместо:* Анисья — Аксинья (по ЧА)

С. 119

⁷ *После:* что тебе — *добавлено:* мало дать — значит тебя обидеть, что тебе (по *ЧА*)

С. 120

²⁵ *Вместо:* Луп Лукич — Луп Лупыч (по *ТПК₂*)

С. 126

⁸ *Вместо:* господи — господа (по *ЧА, ЦПК₁, ЦПК₂*)

С. 132

¹ *Вместо:* не уломаешь — не уломаем (по *ЧА*)

⁵ *Вместо:* да даром-то — да только даром-то (по *ЧА*)

С. 135

³ *Вместо:* не пожелает — не посоветует (по *ЧА*)

Сведения о замысле «Пучины» появились в печати ещё в январе 1863 г. (Русский театр («Женитьба Бальзаминова») // *Северная пчела*. 1863. № 7. 8 янв. С. 26—27), однако вплотную к работе над пьесой Островский приступил в 1865 г. Несомненно, что именно о «Пучине» (и, вероятно, о переводе «Усмирения своенравной» Шекспира) идёт речь в письме к Ф. А. Бурдину от 10—12 сентября 1865 г.: «Теперь у меня какое-то особенное расположение писать, — я напишу до Нового года ещё пьесу или две, — найдутся роли и для тебя». В декабре пьеса была завершена и послана В. Ф. Коршу для публикации в редактируемой им газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Судя по *ЧА*, круг действующих лиц и их взаимоотношения определились не сразу. Погуляев сначала назван Гуляевым. Дарья Ивановна носила фамилию не Боровцова, а Фирсова, Глафира имела другое отчество и поначалу представлена как её (а не их с Боровцовым) дочь. В 5-м явлении I сцены Ион Ионыч Турунтаев назван Дармидоном, а Кирилл Филиппыч Кисельников (6 явл.) имел имя Пётр. Среди действующих лиц I сцены назван Студент, но далее здесь действуют 1-й студент и 2-й студент.

Второе явление I сцены открывали реплики персонажей о театре и игре актёров, в процессе работы существенно изменённые. В 3-м явлении 1-му и 2-му студенту переадресовано несколько реплик, поначалу принадлежавших Погуляеву.

Уже в *ЧА* Островским сделаны и композиционные изменения: из 3-го явления I сцены выведен текст, составивший 4-е явление (поначалу четвёртым было явление, оказавшееся пятым), а III сцена первоначально открывалась явлением, ставшим вторым.

Подавляющее большинство изменений возникли в результате небольших по объёму вставок, не влиявших существенно на трактовку того или иного персонажа, но внесших необходимые дополнения в их характеристики. В итоге обстоятельства жизни героев, их взаимоотношения получили более детальное воплощение, а сюжетные перипетии высветились резче. Отдельным репликам придан более разговорный характер.

5 марта 1866 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, а 10 марта разрешена драматической цензурой (даты на *ЦПК₂, МТ*). На копии, предназначенной для Александринского театра (*ГТБ*), цензурное разрешение датировано 11 апреля 1866 г.

Н. В. Канустин

В январе 1866 г. «Пучина» была предложена слушателям как «только что написанная» (*Россиев П. А. Артистический кружок в Москве (1865—1883) // ИВ. 1912. № 5. С. 487*).

Сразу после публикации пьесы рецензент «Сына отечества» писал о том, что Островский — «мастер рисовать» картины «самодурства, обмана, пошлости, попраiania самых высоких чувств, презрения к самым священным отношениям». Драматург, как отмечает критик, умеет в этих сценах «являться с тем, обозначающим только истинного художника смехом, сквозь который слышны слёзы и рыдания и в которых выражается вопль болящей души», заставляя «хоть кого плакать от тех уродливостей». Художественная сила сцен из московской жизни, которые «отличаются особенною отделкою», состоит в том, что они полны жизненной правды, а поэтому «они сильно действуют на сердце» («Пучина»). Сцены из московской жизни А. Островского) // *Сын отечества*. 1866. № 49. 22 янв. С. 149—152).

Однако рядом с положительными отзывами о произведении ещё до его постановки на сцене появились отрицательные, обнаруживающие непонимание критиками как характера персонажей, в особенности Кисельникова, так и художественных достоинств. Анонимный рецензент «Книжного вестника» писал о том, что пьеса наводит «на весьма печальные размышления, почему автор, обладающий огромным талантом и имеющий всяческую возможность создания произведений превосходных, довольствуется тем, что пишет посредственные». По его мнению, для пьесы характерны черты «неоконченности и скороспелости»: «Рядом с глубоко задуманным и художественно выполненным типом бедной, работающей молодой девушки Лизы является какая-то приторная, сочинённая фигура Погуляева-моралиста, наводящая хандру и уныние. Драматического развития в сценах нет никакого и весь ход пьесы — какое-то казённое олицетворение сентенций Погуляева» («Пучина» А. Н. Островского // *Книжный вестник*. 1866. № 5. 15 марта. С. 110).

После неудачной постановки пьесы в Москве А. Н. Баженов дал ей резко отрицательную оценку. По его мнению, в последнее время Островский всё меньше способен к созданию талантливых произведений и «Пучина» — очередное доказательство этого. «В новой пьесе своей автор задался на тысячу ладов перевертывавшейся темой; в ней доказывает он почему-то показавшуюся ему новой мыслью о том, что среда часто заедает людей... что в духоте человек задыхается. С этой целью он раскрывает один из глубоких омутов московских, *пучину*, и опускает в неё нарочно для такого эксперимента приготовленную жертву. Пресловутая и всепоглощающая пучина эта, по пьесе г. Островского, есть не что иное, как благословенная купеческая семейка, взятая вкуче с немногими присными ей». Баженов не видит в драме ни одного нового лица: Боровцов — «личность, составленная из обрывков и клочков Гордея Торцова (“Бедность не порок”) и Квасова (“Купец-лабазник” М. Н. Владыкина)»; Дарья Ивановна, жена его, — «личность тоже знакомая и известная, ум и понятия её взяты автором напрокат у купчихи Брусковой (“Тяжёлые дни”)), Глафира Пудовна — «придурью слишком выдумана автором... вылитая Олимпиада Самсоновна Подхалюзина, урождённая Большова»; Переярков — Мудров из «Тяжёлых дней»; Анна Устиновна — Бальзаминова; Турунтаев — «лицо с речами, но без лица, а потому, может быть, и новое». Зато «Лиза — выдумка, может быть и хитрая, и причудливая, но едва ли правдоподобная. Девочка Лиза 2-й картины, которая

выросла в бедности и которую учили говорить отцу в глаза: *папка дурак*, могла выйти дурною, безнравственною, глупою девушкою; но ни в коем случае не могла сделаться белоручкой, причудницей и прихотницей», которой работа «противна, несладка». Погуляев — «добродушен до умиления». И Кисельников, по мнению рецензента, «придуманый человек», совершающий неправдоподобные поступки: «Он *машинально* женится, *машинально* делается отцом семейства, *машинально* позволяет обокрасть себя, *машинально* выносит все оплевания и заушения, *машинально* считает принесённые ему в подкуп деньги, *машинально* пачкает и подкабливает деловой документ, наконец, *машинально* сходит с ума, которого у него до помешательства вовсе и не оказывалось. Стыд и совесть у Кисельникова тоже свои, особенные и едва ли человеческие... Кисельников не любил и не любит жены... <...> Детей Кисельников вовсе не любит. <...> Дочь свою свою он торгует». Кисельников — «это какая-то расщепленная квинтэссенция из Бальзаминона и Жадова». Автор анализирует процесс погружения Кисельникова в пучину и говорит, что эту пучину герой «носил в самом себе», «условия полного разложения заключались в нём самом». Завершая свой отзыв, Баженов выносит пьесе суровый приговор: «... глубина “Пучины” г. Островского равняется глубине самой мелкой тарелки. Не потому ли только мы и смотрим эти пьесы и с большим вниманием относимся к ним, что они вышли из-под пера Островского» (*И. <Баженов А. Н.> Курьёзы, заметки и вопросы. Диковинка // Антракт. 1866. № 14. 17 апр. С. 1—4*). Свои инсинуации по поводу пьесы Баженов сопровождает стихами:

Каких диковинок не производит сцена!
Простая лужа там пучиной названа.
И тонут люди в ней, а между тем она
Едва ль и воробью придётся по колено.

Соглашаясь с отрицательной оценкой образа Кисельникова Баженовым, другой рецензент «Антракта» с иронией отмечает у персонажа «сильные эротические наклонности и честность» (*П —нин А. Курьёзы, заметки и вопросы. (Письма к редактору) // Антракт. 1866. № 17. 8 мая. С. 5*).

М. Я. Раппопорт увидел в пьесе «порой мастерскую кисть истинного художника», отметив, что в «Пучине» Островский повторяется: «... мы встречаемся с давно знакомыми представлениями тёмного царства: самодурами, наглými обманщиками, презирающими даже самые священные семейные отношения. Пуд Кузьмич Боровцов, купец, записной плут, умышленный банкрот, не стесняющийся ограбить собственную дочь, пустил по миру бедных внучат, — тип, скроенный на скорую руку, сшитый из старой материи и сохранивший необыкновенную стереотипность в создании г. Бурдина. Дарья Ивановна, жена его, то же или, вернее, та же самая г-жа Воронова с давно известными, заученными приёмами». В отличие от Баженова, Раппопорт точнее понял глубину характера главного героя: «Более других внушает к себе сочувствие слабохарактерный Кисельников, герой пьесы, злополучная судьба которого втянула его в пучину. <...> К сожалению, при более тщательной отделке этого типа — жертвы нерешительности и нравственного бессилия — автор впал в некоторую крайность», заставив своего героя «пройти чрез все те перипетии, которые слишком уже отзываются *кулисами* и смахивают на известные театральные пружины, сшитые теми белыми нитками, которые обильно израсходованы в любых французских мелодрамах...» Погуляев, по мнению рецензента, является в пьесе как

Бог из машины (*М. Р. <Паннопрт М. Я.> Артистическая летопись // Сын отечества. 1866. № 109. 10 мая. С. 864—865.*)

А. А. Соколов отказывает «Пучине» в оригинальности сюжета: «Вся постройка основана на эффектах, эффектах внешних, никак не вытекающих из самой драмы», — но при этом называет «поистине изумительным» четвёртое действие (*Театральный нигилист. <Соколов А. А.> Театр (...Наши театральные рецензенты. Московские театры) // Пб. листок. 1866. № 69. 12 мая. С. 1—3.*)

Более благосклонную оценку пьесе дал рецензент «Недели»: «Островский прежде всего истинный художник, отличающийся необыкновенною своеобразием дарования и обладающий неподражаемым искусством в изображении характеров, избранных им для драмы. Мастерство Островского так велико, что в его пьесах делаются интересными и вполне вероятными самые искусственно построенные типы. Все эти блестящие стороны таланта нашего драматурга высказались вполне в «Пучине». Герой этой пьесы Кисельников, несмотря на свою мелодраматичность и неестественность некоторых положений, приводящих его к конечной катастрофе, в высшей степени симпатичен, а дочь его, являющаяся в последнем акте, очерчена с величайшим мастерством. Другие лица — тоже живые люди, с которыми каждому из нас не раз приходилось встречаться» (*Посторонний. Театральная хроника. (Бенефис Васильева 1-го. «Пучина» Островского // Неделя. 1866. № 10. 15 мая. С. 154—155.*)

В объёмной статье, посвящённой «Пучине», рецензент «Отечественных записок» утверждает, что «лучшее время таланта г. Островского прошло», что пьеса «не может войти в разряд лучших его произведений», хотя в ней «есть всё то хорошее для сцены, чем хороши для сцены все почти произведения Островского... она жива, идёт хорошо, трогает за сердце и, что называется, написана с знанием сцены, всегда составляющим привилегию этого писателя». Но вместе с тем, продолжает рецензент, драма «до непростительности не нова по замыслу и даже не нова по содержанию. Это опять процесс заедания личности тою самою средою “самодуров”, которая уже съела у г. Островского не одного человека. Нет ни одного слова возражения против того, что среда растлевает и губит людей не особенно крепких; но твердить об этом тысячу раз и на одну и ту же ноту едва ли составляет достоинство». Рецензент упрекает драматурга в повторении образов, в тенденциях и поучениях: «Автору хотелось показать, что пучина невежества затягивает и поглощает человека, а в пьесе его только пучина кисельниковского ничтожества эксплуатируется бездонною пучиною купеческой жадности Боровцова» (*Н. Н. Александринский театр в Петербурге. (Новая пьеса А. Н. Островского «Пучина») // ОЗ. 1866. Т. 166. Июнь. Кн. 1. С. 584—604.*)

Впервые «Пучина» была поставлена в Малом театре 8 апреля 1866 г., в бенефис помощника режиссёра С. А. Черневского и машиниста сцены Тимофеева. Роли исполняли: Кисельников — С. В. Шумский, Погуляев — Н. Е. Вильде, Боровцов — П. М. Садовский, Дарья Ивановна — С. П. Акимова, Глафира — В. С. Васильева (Васильева 2-я), Переярков — В. И. Живокини, Турунтаев — Н. М. Никифоров, Анна Устиновна — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Лиза — Г. Н. Федотова, Незвестный — В. А. Дмитревский.

Рецензент газеты «Голос» оценил премьеру как неудачную: «...все артисты были, словно сговоровшись, совсем без голоса (у них болели горла). Об одном только г. Шумском можно сказать, что он, вероятно, спасёт пьесу от окончательного падения истинно художественным исполнением, настоящим созданием главной

роли Кисельникова, студента, втягиваемого в пучину купеческих плутней» (А. —У. Московская жизнь. (...«Пучина» Островского). (Письма к редактору) // *Голос*. 1866. № 102. 14 апр. С. 1).

А. Н. Баженов по поводу спектакля высказался в полном соответствии со своей оценкой пьесы: «Постановка пизсы самая рутинная... <...> Успеха пизса не имела, хотя автора, как это у нас вошло в обычай, и вызывали». По его мнению, актёры уже раньше участвовали в постановках пьес Островского и поэтому им «пришлось переигрывать их старые роли». Но и это делалось ими слабо и неинтересно: Васильева 2-я «была почти невыносима в роли Глафиры Пудовны, особенно во второй картине»; в исполнении Шумского «Кисельников оглупел до последней крайности, до кретинизма», изображая «в трёх первых картинах какого-то взрослого младенца. Помешанный Кисельников гораздо более удался артисту и был гораздо умнее Кисельникова, не потерявшего рассудок» (Ш. <Баженов А. Н.> «Пучина» // *Антракт*. 1866. № 14. 17 апр. С. 4).

Рецензент, подписавшийся инициалами Н. Н., также говорит о неуспехе спектакля, правда, в более мягких тонах, отметив, что Васильева «прекрасно исполнила роль старой, скромной, преданной матери Кисельникова», Васильева 2-я «была очень недурна в роли сварливой жены его», а Шумский «сделал всё, что мог, чтобы поднять неблагодарную роль Кисельникова, честного малого, но совсем уже глупого и тряпкообразного. <...> Артист почти достиг трагической высоты своим художественным изображением страданий этого печального героя; очень хорошо было также изображено им помешательство Кисельникова» (Н. Н. Театральная хроника. (...Новая пьеса Островского) // *Современная летопись*. 1866. № 11. 17 апр. С. 14).

А. О. Лютецкий сообщает о постановке «Пучины» в Москве, где Шумский в роли Кисельникова «докавал вконец изображаемую им личность», так как не понял автора пьесы: «Островский своего героя хотел выставить только человеком слабым, бесхарактерным, не имеющим силы бороться с невежеством той среды, в которую судьба толкнула его, но ни в одной фразе, ни в одном монологе не заметно у г. Островского ни малейшего желанья представить его человеком глупым, и тем менее — идиотом. Трудно поэтому придумать, вследствие каких именно причин г. Шумскому в такой степени вздумалось одурачить этого несчастного Кисельникова, что в нём не осталось даже никакого человеческого подобия. Понятно, что при таком искажении роли новое произведение нашего драматурга не могло иметь особенного успеха». Не на высоте, как отмечает рецензент, были и другие актёры: «Этому неуспеху отчасти способствовал и исполнявший роль Боровцова любимец нашей публики г. Садовский, который положительно ничего не сделал, лучше сказать, не хотел сделать из характерной личности купца-самодура. Для оживления этой роли у г. Садовского недоставало даже обычного юмора. Дочка Глафиры Пудовна, в исполнении молодой артистки г. Васильевой 2-й, представилась зрителю грубою автоматическою куклой, которая резко выговаривает слова, не придавая им никакого человеческого смысла. <...> Г-жа Васильева 1-я в роли матери Кисельникова позволяла себе не совсем натуральные завывания». Винить в неудаче Островского, считает рецензент, несправедливо: «... требовать чего-либо более от «Пучины» как от сцен мы не имеем никакого права. Как картинки из московской жизни они достаточно удовлетворительны, и неудача их на нашей сцене всею своею тяжестью падает на исполнителей» (Азонель. <Лютецкий А. О.> Из московской жизни. (...Театральные новости) // *СПбВед*. 1866. № 108. 23 апр. С. 1).

В Александринском театре премьера состоялась 6 мая 1866 г., в бенефис В. И. Васильева 1-го. Роли исполняли: Кисельников — П. И. Малышев, Погуляев — А. А. Нильский, Боровцов — Ф. А. Бурдин, Дарья Ивановна — Н. П. Воронова, Глафира — М. М. Александрова (Александрова 1-я), Переярково — П. И. Зубров, Турунтаев — В. И. Васильев (Васильев 1-й), Анна Устиновна — П. К. Громова, Лиза — Е. И. Струйская (Струйская 1-я), Неизвестный — К. П. Полтавцев.

Оценивая первые представления пьесы на петербургской сцене, Ф. А. Бурдин писал автору: «...пьеса имела успех, все три раза сбору было за 700 р., несмотря на летнее время. Малышев патетические сцены вёл с большим чувством и понравился, но целую роль играл бестолково по обыкновению. Из других сцен очень понравилась игра в карты. Струйская в роли девочки была слаба, и Громова много ныла. Тебя вызывали» (*Бурдин*. С. 39).

По мнению В. П. Буренина, пьеса в творчестве Островского «занимает видное место»: «Если б на нашей сцене ставилось побольше пьес вроде “Пучины”, изображающих действительную русскую жизнь со смыслом, то нет никакого сомнения, что теперешние александринские гении сделались бы в непродолжительном времени артистами, которых можно смотреть с некоторым сочувствием». Как несомненную удачу критик отметил игру П. И. Малышева: «...характер Кисельникова на сцене вышел лучше, чем он кажется в чтении. <...> Многие наиболее драматические места вызвали живые рукоплескания зрителей, и публика вообще осталась довольна молодым артистом» (*Выборгский пустынный*. <Буренин В. П.> Литературные заметки. (Бенефис Васильева 1-го) // *СПбВед*. 1866. № 123. 8 мая. С. 2).

Тот факт, что пьеса на сцене Александринского театра сыграна лучше, чем в Малом, подчёркивали и другие рецензенты: «У нас “Пучина” имела успех именно благодаря хорошему исполнению, и участь её более благоприятна, чем в Москве»; Малышев свою роль исполнил «с неподдельным чувством, горячностью», главные роли были сыграны «удовлетворительно»; весьма типичен был г. Зубров в роли Переяркова и г. Васильев 1-й, по обыкновению, очень хорош был в роли отставного военного с угловатыми, чересчур откровенными приёмами» (*М. Р. <Раннопорт М. Я.> Артистическая летопись // Сын отечества*. 1866. № 109. 10 мая. С. 864—865).

Однако рецензент «Отечественных записок» не был удовлетворён и спектаклем в Александринском театре. Он считает, что в первой картине Воронова, Александрова, Зубров и Васильев играли «очень удачно; Бурдин, по обыкновению, кривлялся; Нильский не сумел ничего сделать из своей странной, по правде сказать, роли молодого резонёра Погуляева. Всех хуже был Малышев. <...> Он всё время суетился, лепетал скороговоркой, улыбался и сыграл из Кисельникова чуть не Филатушку-дурачка». Характеризуя игру актёров во второй картине, рецензент с большой иронией говорит об игре Громовой в роли матери Кисельникова и вновь подчёркивает, что Бурдин ничего не понял в своей роли: «Он даже не понял, что все мерзости Боровцова текут у него просто, искренно, из души выходят, вовсе не как мерзости лукавства, а как житейская мудрость». Высок оценивает рецензент грим и игру Малышева в последней сцене: «...он развалина, и даже не развалина, — а один осколок страдания. <...> Именно “за человека страшно” было, глядя на его лицо... <...> ...И если бы не недостаток внутренней силы, обнаруженный г. Малышевым в сцене возвращении к нему сознания, то можно было бы сказать, что г. Малышев сыграл четвёртое

действие “Пучины” прекрасно» (*N. N. Александринский театр в Петербурге. (Новая пьеса А. Н. Островского «Пучина») // ОЗ. 1866. Т. 166, кн. 1. С. 584—604.*)

Несмотря на успех пьесы у публики, к ней очень недоброжелательно отнеслась Дирекция императорских театров, и после нескольких представлений её сняли со сцены. Бурдин сообщал Островскому 10 июля 1866 г.: «Вообще нужно тебе с большим огорчением объяснить, что *Высшие сферы* не благоволят к твоим произведениям... к тому же строгости цензурные вышли из всяких пределов, хуже, чем в старое доброе время — дошло до того, что “Пучина” возбудила в начальстве громадное неудовольствие и её бояться давать...» (*Бурдин. С. 40.*)

В 1892 г. на спектакле в Малом театре, поставленном группой молодых актёров под руководством А. П. Ленского, присутствовал А. П. Чехов, писавший о нём А. С. Суворину 3 марта 1892 г.: «Пьеса удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал. Этот акт целая пьеса, и когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт» (*Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма. Т. 5. М., 1883. С. 11.*)

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла всего 5 раз, в Петербурге — 14 раз (см.: *Холодов Е. Г. Островский на театральной афише его времени // ЛН. Кн. 2. С. 37.*)

С. 104. *Студент, кончивший курс...* — Имеется в виду студент, получивший за отличные успехи в учёбе при окончании университета степень кандидата.

Нескучный сад — пейзажный парк в Москве, сохранившийся от дворянской усадьбы Нескучное. Расположен на правом берегу Москвы-реки, излюбленное место гуляний в Москве.

Мочалов — Павел Степанович Мочалов (1800—1848) — русский драматический актёр. Речь идёт об исполнении артистом на сцене Малого театра роли Жоржа де Жермани в пьесе В. Дюканжа и М. Дюно «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

Уважил — здесь: доставил удовольствие, угодил.

Валмир — персонаж той же пьесы.

С. 106. *Я буду держать на кандидата.* — Кисельников, вышедший из университета без степени кандидата, «действительным студентом», имел право пересдать курс и получить учёную степень, дающую чин 10-го класса по «Табели о рангах».

С. 107. *...руку крючком согнёшь.* — Согнуть руку крючком — брать взятки.

С. 109. *Шумла* — турецкое название болгарского города Шумен, укрепленный город на Балканах, на дороге из Силистрии в Константинополь. Русские войска принимали участие в боях под Шумлой несколько раз с 1773 г. до заключения Адрианопольского мира в 1829 г.

Суемудрие — отвлечённые размышления, рассуждения.

Птица Сирен — птица Сирин — мифическая райская птица, имеющая человеческий облик; птица радости, удачи, славы.

С. 110. *Кончалой* — окончивший курс обучения.

...из приказных... — См. комментарий на с. 566.

Через полгода офицер, дворянин ~ до титулярного-то двадцать пять лет служил... — Окончившие университет со степенью кандидата, как правило, получали чин титулярного советника и при удачно складывавшихся обстоятельствах на службе могли получить в короткий срок следующий по «Табели о рангах» чин коллежского assessора, дававший право на наследственное дворянство.

С. 113. ...нет в предмете... — А. Н. Островский в «Путешествии по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» писал: «Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется предметом» (ПСС-12. Т. 10. С. 344).

С. 115. *Во саду ли, в огороде...* — Русская народная песня (см.: *Соболевский*. Т. 4. С. 609. № 767).

С. 119. *Масоны* — члены религиозно-этического течения, сочетающего в себе задачи самоусовершенствования с мистическими и таинственными обрядами.

С. 120. *Варом* — т. е. кипятком.

Околоток — район города, подведомственный околоточному надзирателю.

...*хоть на версту возьми...* — Верста — одна из основных русских мер длины, равная 1,06 км.

С. 122. *Скормное* — мясная и молочная пища.

С. 123—124. ...*и в надворном служил, и в сиротском, теперь в магистрате.* — Имеются в виду судебные учреждения в России: надворный суд занимался уголовными и гражданскими делами; сиротский суд ведал опекой над сиротами и вдовами, магистрат — сословный орган городского управления.

С. 124. *Столоначальник* — чиновник, заведующий «столом», т. е. каким-либо отделом (см. также: Наст. изд. Т. 2. С. 690).

С. 125. *Что же там, реки сытовые, берега кисельные?* — Имеется в виду сказочная страна, земной рай.

Восемь гривен — восемьдесят копеек.

...*бесчестье потребую.* — Потребовать бесчестье — призвать по закону к ответу за оскорбление (см.: *Колоколов Е.* Указатель Законов Российской империи. М., 1847. С. 29—30).

Вам, аршинникам... — Аршинниками называли купцов, торговавших тканями, которые мерялись аршином.

...*за лихвенные-то проценты.* — Т. е. за очень большие проценты.

С. 128. *Двугривенный* — двадцать копеек.

С. 130. ...*захряс в залогах...* — Захряснуть — увязнуть, погрязнуть.

С. 131. ...*несостоятельность бывшего купца, а ныне мещанина...* — Обедневшие и разорившиеся купцы вынуждены были переходить в мещанское сословие.

С. 134. ...*три векселя и с протестами...* — Речь идёт об опротестованных, поданных к взысканию векселях.

С. 136. *Поверенный* — лицо, уполномоченное другим лицом или учреждением действовать от их имени.

С. 138. ...*над головой шапу ломать...* — Над головами осуждённых ломали шапу в знак лишения чести.

Колодник — арестант, узник в колодках.

С. 139. ...*запрюсь...* — Здесь: заупрямлюсь, замолчу.

С. 140. *Миткалевы* — т. е. из миткаля — неотделанной тонкой хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения.

Холстинковые — т. е. из холстинки — лёгкой льняной или хлопчатобумажной ткани.

...*пять золотников купили.* — Золотник — русская мера веса, около 4,26 грамма. На золотники продавались товары, употреблявшиеся в домашнем хозяйстве в небольших количествах: чай, сахар и др.

С. 141. ...одна ведь по Москве-то ходит. — Молодой девушке было неприлично и небезопасно ходить по Москве одной, её могли обидеть, оскорбить.

Талан-доля — счастливая доля, судьба.

С. 143. ...стряпничеством занимаюсь. — Здесь: быть тряпчим — частным поверенным, ходатаем по делам.

С. 148. *Поноровицицы* — те, что делают поблажки, потакают чему-либо (см.: *Словарь к пьесам*. С. 158).

С. 151. ...с тебя *спрыски*. — Имеется в виду угощение, выпивка, магарыч.

С. 152. ...всю нашу *Палестину* купить может и выкупить. — Палестина — здесь: большое пространство (земли, леса и т. п.).

Н. Л. Ермолаева

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Впервые опубликовано: *Отечественные записки*. 1868. № 11. С. 121—210.

Рукописные источники:

— черновые наброски (ЧН): *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 35—37;

— черновой автограф (ЧА): *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1—34;

— театральная писарская копия (ТПК₁): *ГТБ*. № 16868;

— театральная писарская копия (ТПК₂): *МТ*. № 2993.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. СПб., 1885. С. 202—311 — с устранением опечаток и искажений по рукописным источникам:

С. 154

³³ *Вместо*: пользоваться — воспользоваться (по ЧА)

С. 164

²² *Вместо*: словно как какой-то — словно кол какой-то (по ЧА)

С. 170

^{28—29} *Вместо*: Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. —
Пришло время, любезнейший Нил Федосеич, пришло время. (по ЧА и ЦПК)

С. 178

²⁶ *Вместо*: где-то — там где-то (по ЧА)

С. 179

²⁰ *После*: познакомиться. — (*Уходит.*) (по ЧА)

С. 180

⁵ *После*: подобострастно — и неподобострастно (по ЧА)

^{35—36} *Вместо*: удовлетворять им — удовлетворять их (по ЧА)

С. 181

⁶ *Вместо*: Переливать — Пересыпать (по ЧА)

С. 196

^{32—33} *После*: 1 - я п р и ж и в а л к а. Привёл Господь, дожили! — Ту р у с и н а (*грозно*). Тише! (по ЧА)

С. 200

³ *Вместо*: цели — идеи (по ЧА)

С. 201

²⁶ *После*: старшим — чиновникам (по ЧА, ТПК₁)

С. 204

¹⁸ *После:* есть же и из них — порядочные люди (по *ЧА*)

¹⁹ *Вместо:* надменен — подленек (по *ЧА, ТПК*)

С. 210

¹⁷ *Вместо:* на своих к вам — на своих двоих к вам (по *ТПК*)

С. 212

⁵ *Вместо:* глупый — гнусный, гнусный (по *ТПК*)

¹⁹ *Перед:* желаю — я (по *ЧА, ТПК*)

¹⁹ *После:* знать — его имя (по *ТПК*)

С. 214

²¹ *Вместо:* Что — Чудо (по *ЧА*)

С. 217—218

³⁶⁻¹ *Вместо:* мальчиком — молодым человеком (по *ЧА*)

С. 219

³⁰ *Вместо:* страшно — странно (по *ЧА*)

В начале сентября 1868 г. Островский написал Ф. А. Бурдину из Москвы: «Я, как приехал, так сел за дело, теперь у меня пишется большая комедия “На всякого мудреца довольно простоты”, но ты помолчи пока; в сентябре я её кончу...» (*ПСС-12. Т. 11. С. 286*). В письме от 30 сентября — 1 октября 1868 г. драматург сообщил ему о своих ближайших планах: «Пизса моя — Комедия в 5 действиях “На всякого мудреца довольно простоты”, кончена будет непременно к субботе¹ и выслана в Петербург 8 числа октября. Ранее не возможно, сюжет так серьёзен, что торопиться никак нельзя, особенно важен последний акт, который надо отделать хорошенько. 9-го ты получишь пьесу непременно» (Там же. С. 289). Черновой автограф комедии завершён авторской пометой: «7 октября 1868 г. 11 ч. 20 м. ночи».

Две комедии Островского, созданные летом — осенью 1868 г.: «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горячее сердце», — выросли из одного замысла. Первоначально драматург предполагал создать новое произведение под названием «Женское сердце», однако его название сразу же исправил на «Горячее сердце». Сначала предполагалось раскрытие драматической истории отношений племянника Игнатя и его дяди-начальника. Планы Игнатя вызревают в уединении; устремлённый к своей цели, он решает задачи поэтапно: кончив одно дело, занимается «сердечными делами» и, наконец, женится, «шагая» через дядю. При этом поведение молодого героя определяла память об отце. В систему персонажей кроме племянника и дяди были включены: столоначальник, студент, героиня, ханжа. Место действия: комната Игнатя, трактир, «у ханжи». Интрига, по-видимому, зарождалась в ночном саду и была каким-то образом связана со шкатулкой.

Смысловая перспектива, в которую вписана эта драматическая история, была задана введением 1-го кондака византийского акафиста Пресвятой Богородицы: «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице; но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся, Невесто невестная» — двумя небольшими фрагментами. Православные христиане хорошо знают этот акафист: в отличие от других акафистов, он входит в богослужебный устав, неизменно исполняется на утрене субботы пятой седмицы Великого поста. Этот сакральный текст,

¹ Речь идёт о субботе 3 октября 1868 г.

включённый в драматическое произведение, предопределял финальное разрешение его интриги как искомую православным человеком победу добра над злом.

Завершала же набросок отдельная многозначительная запись: «Секретная записка о вреде всяких реформ вообще (Вельможа). Университет. Брат веселый человек». Вводились, с одной стороны, герой-консерватор самого высокого социального статуса, а с другой, молодой «веселый человек» и тема университета. По-видимому, драматург намеревался построить коллизию между старым и новым, памятную русскому обществу со времён комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Однако интерес Островского к подобной коллизии предопределил его решительный отказ от первоначального замысла и его разделение на два отдельных замысла. В результате произошло распределение уже намеченных событий по двум разным произведениям. Ночная история со шкатулкой, а также сцена хозяйской утробы потрепать нерадивого за волосы, «как бабы бельё полощут», были отложены. К этим событиям и к тексту 1-го кондака Островский вернётся позднее, уже завершив пьесу «На всякого мудреца довольно простоты» и приступив к созданию I действия комедии «Горячее сердце». История же отношений дяди и его целеустремлённого племянника останется в новом произведении, получившем название «Дневник, или На всякого мудреца довольно простоты». Исходным для развития интриги в этой комедии становится дневник, а пословичное заглавие указывает на ход её развития: «мудрец» окажется героем-простаком, исключительный — «всяким».

Племянник сначала получает имя Андрей, а потом — Егор Дмитриевич (в одном из ранних набросков он назван «рабом Егорьем»). Событие чудесного явления жениха — важнейшее по замыслу драматурга, именно оно намечено в самом начале работы над пьесой. Турусина ожидает особого, высшего указания насчёт судьбы Машеньки и получает его: в видениях благочестивой Манефы жених явился. Имя жениха — Андрей, однако, как ни странно, это же имя носит и избранник Машеньки, и, кроме того, тот и другой жених — белокурые. Фразой: «И по картам выходит Андрей-с» — введена тема какого-то обмана. В первом обширном диалоге, написанном в черновом наброске, принимают участие Егор Дмитриевич и Гусар, они оба знают Манефу. Егор Дмитриевич говорит о свершившемся чуде: он приведён в дом невесты предопределением свыше.

Затем Островский набросал план пьесы: «1. Дома. — 2. У ханжи. — 3. Либерал у дяди. — 4. У Закрев<ского>. — 5. Дома. [— 6] Дневник». Среди действующих лиц намечены: мать, двоюродный брат и Мамаев. В дальнейшем план пьесы конкретизируется. Действие II: «1) У дяди. Дядя и Гр<аф> [За]Крутский. 2) О мол<одом> челове<еке>. — Дядя, тетка и Гл<афира> Кл<имовна>. 3). Тетка и Гл<афира> Кл<имовна>. 4) Тетка и Лазут<ин>. 5) Тетка и Хондрин¹. 6) Тетка, Хондр. и Лазут<ин>. Дейст<вие> III: 1. Барышня у окна. 2. Тетка и приж<ивалка>. 3) Те же и Хондр. 4) Те же и Закрутский. 5) Те же и Манеф<а>. 6. Те же и Мамаев. Д<ействие> 4. Сцена I. У Закрут<ского>. Сц<ена> 2. Дома». Д<ействие> V: У Тарусиной. — Тарусина. Гусар и Лазут<ин>. — Собираются — Гусар кладет развлечение на стол». В последнем случае, по-видимому, речь идёт о «Развлечении» — московском еженедельном иллюстрированном литературно-юмористическом журнале и о гусаре как разоблачителе Егора Дмитриевича.

¹ Фамилия либерала была написана неразборчиво. В данном случае она воспроизведена приблизительно.

Handwritten manuscript page with various sections:

- Top Section:** A list of numbers and names, including "1000", "2000", "3000", "4000", "5000", "6000", "7000", "8000", "9000", "10000".
- Left Column:** Vertical text including "Секретная", "Великая", "Мелкая", "Средняя", "Большая", "Маленькая", "Очень маленькая", "Очень большая", "Очень средняя", "Очень мелкая", "Очень великая".
- Center Section:** A large block of text with a heading "Секретная" and "Великая". It contains several lines of dense handwriting.
- Right Column:** Vertical text including "Мелкая", "Средняя", "Большая", "Маленькая", "Очень маленькая", "Очень большая", "Очень средняя", "Очень мелкая", "Очень великая".
- Bottom Section:** A large block of text with a heading "Секретная" and "Великая". It contains several lines of dense handwriting.
- Bottom Right:** A diagram or table with several columns and rows of text, possibly representing a classification or list.

«На всякого мудреца довольно простоты»
Страница авторской рукописи

В *ЧН* драматург в связи с главным героем намечает тему рокового несчастья («Несчастлив ты — и что ни затевай Несчастливого конца жди») и гражданского скепсиса («Забудь себя — живи лишь для народа. — Несчастлив... Забудь народ, живи лишь для себя...»). Кроме этого, Островский записывает отдельные остроумные фразы (про гравёров, про венгерца), фиксирует стихи, расхожие в чиновничьей среде и включающие в себя штампы позднего романтизма 1840-х гг. («лед в крови», «меланхолия любви»). Набрасывает ход диалогов главного героя с Манефой, с Закрутицким («Вы меня извините. Я некоторые слова оставил, их заменить нечем, их опошлишь — робок и трепетен»), а также послушной племянницы Машеньки, не желающей быть «нигилисткой», с Турусиной. Важно, что уже на первых порах работы над комедией драматург начинает размышлять над последним в комедии диалогом Егора Дмитриевича, включая фразу героя: «Может вы то же друг о друге думаете, что и я о вас». Ситуация противостояния молодого человека обществу от первого замысла к дальнейшей его реализации была сохранена, но присутствовала тем не менее на периферии событийного ряда.

ЧА, озаглавленный «На всякого мудреца довольно простоты. Комедия в 4-х действиях», начинается не с 1-го, а со 2-го явления I действия. В предвещающем его перечне лиц фамилия главного героя Лазенков исправлена на Лазутин. Драматург продолжал раздумывать и над степенью родства Лазутина и Курчавина. Над текстом 2-го явления I действия Островский напряжённо работал, о чём свидетельствуют зачёркнутые реплики или их фрагменты, а также позднее перечёркнутые сверху вниз страницы. Первоначальный текст 2-го явления I действия *ЧА* значительно отличается от первопечатного текста. Слово «Дневник» уходит из названия, что, по-видимому, связано с прорисовывающимся образом героя. Егор Дмитриевич приступил к осуществлению плана, он собирается «влезть» в высшее общество и не сомневается в успехе: «Я дворянин, был в Университете, имею хороший чин. Впереди наследство. Какая невеста откажет». Лазутин собирается стать, воспользовавшись связями тётушки и Турусиной, вице-губернатором. Намеченный героем-карьеристом административный рост напоминает путь героев публиковавшихся в 1860-е гг. рассказов М. Е. Салтыкова-Щедрина, позднее объединённых в произведение «Помпадур и помпадурши» (1873). 3-е и 4-е явления I действия в целом незначительно расходятся с текстом первой журнальной публикации. Между текстом 6-го явления *ЧА* и первопечатным также есть незначительные отличия. Это явление I действия было завершено в *ЧА* монологом главного героя, подводящего итог сделанному: «Теперь, чтоб не забыть записать поскорей разговор с дядей. Через несколько времени это самому будет приятно прочесть. Я эту книжку оставлю в назидание детям. Заглавие ей будет: Как выходят в люди. (*Входит Курчавин*)». В самом конце I действия записан обширный монолог Лазутина, позднее перечёркнутый Островским: «Довольно болтать и зубоскалить, — надо воспользоваться их слабостями, — их непроходимой глупостью. — И выдти в люди. Я так и сделаю.

Все ползут, все ищут, карабкаются, чтобы упрочить себе видное положение и набрать побольше денег; у всех на устах благо отечества, а в сущности он ползет ползком, подпрыгивает или кувыркается из-за чина или из-за хорошего жалованья. Пойдем и мы за тем же, только с большим умом и тактом и буду действовать с большею смелостью, потому что знаю с кем имею дело».

ЧА свидетельствует о том, что наиболее сложным для драматурга в процессе работы над всей пьесой было создание I действия. Трудность была обусловлена непростой задачей создать образ героя, объединяющего в себе двух антиподов: человека, отличающегося умом, смелостью и талантом от остальных, и заурядного карьериста. Первый был созвучен герою комедии «Доходное место» Жадову и, опосредованно, герою грибоедовской комедии «Горе от ума» Чацкому. Второй — грибоедовскому Молчалину. В главном герое преобладало молчалинское начало, и продолжительное время драматург не мог найти выход из этого положения, не случайно до самого конца работы Островского над комедией «На всякого мудреца довольно простоты» герой оставался с точно найденной для него фамилией — Лазутин.

В процессе напряжённой работы над I действием на отдельных листах разного формата и в разное время Островским были написаны четыре обширные вставки. В первой вставке, являющей собой текст 1-го явления и новый вариант 2-го явления, герой обозначен литерой Ж. (Жорж), которая позднее была исправлена на фамилию Глумов. Во второй небольшой вставке ко 2-му явлению дан диалог между главным героем и его матерью, фамилия сына обозначена буквой Г. («Г. Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего ~ Трудно. Он даже не подозревает о моем существовании»). В третьей вставке драматург пишет небольшой диалог Мамаева с племянником, фамилия которого обозначена буквой Г.¹ В следующей, четвёртой, вставке автор значительно расширил этот же диалог, при этом фамилия Глумов была написана сразу и без сокращения. Между текстом чистовых вставок к I действию (вставки № 1, 4) и первопечатным текстом есть небольшие отличия. Все эти доработки, сделанные на завершающем этапе работы над комедией, а также отказ от нескольких высказываний главного героя способствовали усложнению его образа: от Лазенкова — Лазутина — Жоржа — Егора Дмитриевича. — Г. — к Глумову.

В ЧА в перечне действующих лиц ко II действию обозначен Новинский — «молодой генерал из штатских», Лазутин и Лазутина. К началу 1-го явления этого действия сделана поздняя по времени написания вставка (№ 5), которая так же начинается с перечня действующих лиц, в нём сразу указаны фамилии: Глумов и Глумова, Городулин. Далее в тексте этой вставки следует диалог Мамаева и Крутицкого («Да, мы куда-то идём...»), написанный без исправлений, не подвергавшийся правке; он совпадает с первопечатным. Эта вставка была написана на последнем этапе работы драматурга над комедией.

Текст II действия ЧА практически полностью повторён в ТПК₁ и ТПК₂. Между первопечатным текстом, с одной стороны, и текстами ЧА и ТПК₁₋₂, с другой, есть незначительные отличия. Выделяется только один и весьма примечательный случай расхождения: в 3-м явлении (по ЧА и ТПК₁₋₂) диалог между Мамаевым и Лазутиной, рассказавшей ему про сон, увиденный в детстве её сыном, и про реакцию её мальчика на увиденное им, обширнее, чем в первопечатном тексте. В ЧА было усилено «молчалинское» начало в герое, а черты Чацкого были закреплены за отцом Жоржа Лазутина, но первопечатный текст свидетельствует о том, что драматург отказался от такого решения (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

¹ На обороте небольшого листа набросан текст расписки от лица подрядчика Бугрова в получении им в начале октября 1868 г. 700 р. от г. Островского за «произведённые» в доме работы и о получении оставшихся 400 р. «в продолжении сего октября» (ЧА. Л. 40).

Значительно было переработано Островским 7-е явление II действия. Вместо зачёркнутого в *ЧА* текста приложена вставка (№ 6), в которой дана вторая часть диалога Городулина и Глумова, а также новый вариант текста всего 8-го явления. Текст вставки совпадает с текстом *ТПК*₁ и *ТПК*₂ и самым незначительным образом отличается от первопечатного.

В тексте III действия, представленного в *ЧА*, немного расхождений с первопечатным. Только у двух персонажей ещё оставались прежние фамилии: у графа Закрутицкого и у Лазутина. Текст *ЧА* III действия был подвергнут минимальной правке.

Текст *ЧА* IV действия практически полностью повторён в *ТПК*₁ и *ТПК*₂. Далее, для журнальной публикации, он дорабатывался, в первую очередь это коснулось диалога Крутицкого и Глумова. В процессе работы над текстом для журнальной публикации были заменены отдельные слова и фразы, внесены небольшие дополнения. Первоначально в 1-й сцене IV действия планировалось только одно явление. Текст 2-го явления с разговором Крутицкого и Мамаевой, приехавшей с визитом, был написан на отдельном листе позднее, но по времени ещё перед началом написания V действия. Вставка (№ 8)¹ с текстом 2-го явления — последняя из приложенных к *ЧА*, она почти полностью совпадает с первопечатным текстом.

В тексте *ЧА* 2-й сцены IV действия, в сравнении с первопечатным, отдельные реплики персонажей во 2-м и 4-м явлениях были обширнее. Текст 3-го и 4-го явлений 2-й сцены был перестроен; в *ЧА* после реплики Лазутина, обращённой к Мамаевой и заканчивающейся словами: «Я дал повод подозревать себя в низости», — была сделана большая вставка. В результате диалог героя с Мамаевой был разбит на две части текстом сцены между Лазутиным и Голутвиным, а также монологом Мамаевой и её разговором с Лазутиным после ухода Голутвина. Вторая же часть диалога между Мамаевой и Лазутиным переместилась в самый конец разговора этих персонажей (перед их расставанием). В целом же между рукописными источниками и первопечатным текстом этого действия существуют лишь незначительные расхождения.

Имена, отчества и фамилии персонажей менялись от черновых набросков к черновому автографу и первопечатному тексту. Образ Курчаева был задуман в фабульную параллель главному герою: на разных этапах создания пьесы они носили одни и те же имена — Андрей, Жорж, Егор. В *ЧН* и *ЧА* они двоюродные братья. В *ЧА* Курчаев был представлен как Егор Семёнович Курчавин, и эту фамилию герой сохранил вплоть до окончательной правки *ЧА*, отчество же было изменено автором раньше. У Голутвина первоначально была фамилия Стригунов. Фамилия либерала тоже была найдена не сразу: в *ЧА* на первых порах герой носил фамилию Новинский, и только во время работы автора над III действием появилась другая — Городулин.

Фамилия Крутицкий стала последней в цепочке изменений: Закревский — Закрутский — Закрутицкий. Это решение драматург принял на последнем этапе работы над комедией, работая с текстом V действия и вставки (№ 5) ко II действию. В. Я. Лакшин связал это с желанием Островского ослабить связь персонажа с реальным лицом — графом А. А. Закревским, военным и государственным деятелем, генерал-губернатором Москвы с 1848 по 1859 г., после отставки доживавшим свой век за границей и умершим во Флоренции в 1865 г. В начале 1850-х гг. Островский

¹ Текст предыдущей вставки (№ 7) был записан на отдельном листе (*ЧА*. Л. 45):

Т у р с и н а. Грек, должно быть.

Г р и г о р и й. Не очень чтобы грек-с, еще цветом не дошел.

был лично знаком с ним. Между чертами графа, характером его деятельности, эпизодами из его жизни и литературным персонажем есть определённые переключки¹.

Фамилия Глузов была введена на последнем этапе работы над всей комедией, уже после завершения *ЧА* V действия. Это произошло во время написания драматургом итогового текста 4-го явления I действия (вставки № 2—4), 7-го явления II действия (вставка № 6) и составления белого текста.

В *ЧА* текст V действия представлен практически без правки. Между *ЧА*, *ТПК*₁ и первопечатным текстом есть только одно небольшое и несущественное расхождение в ремарке, завершающей 6-е явление. Примечательно, что в конце действия, на последней странице всего текста комедии и уже после поставленной автором даты окончания работы над пьесой, к последнему монологу главного героя следует текст вставки: «Вы подняли во мне всю желчь...» (*ЧА*. Л. 34 об.). В *ТПК*₂ текст этой вставки был вписан позднее отдельно.

11 октября 1868 г., в воскресенье, Островский сообщил Ф. А. Бурдину из Москвы: «Пьеса... будет в Петербурге в конце той недели... значит, она выйдет из цензуры и Комитета ещё в октябре» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 290). Однако события развивались стремительно: текст, написанный на основе *ЧА* и сопровождающих его вставок, в копии был получен Ф. А. Бурдиным уже 14 октября. Через два дня, 16 октября, на этой копии была поставлена виза цензора драматических сочинений, а 19 октября 1868 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом. В театральной писарской копии (*ТПК*₁) дозволение цензора датировано 16 октября, *ТПК*₂ сверена с цензурированной 28 октября 1868 г.

Текст театральных писарских копий (*ТПК*₁₋₂) отличается от первопечатного текста, имеет немногочисленные и незначительные расхождения с отредактированным *ЧА* и сопровождающими его вставками. К примеру, в *ТПК*₁, в отличие от *ЧА*, в 4-м явлении I действия впервые появилась реплика Мамаева: «Ты видишь, вон сидит молодой человек, пишет» — в первопечатном тексте: «Ты видишь, вон сидит человек, пишет» (*ОЗ*. 1868. № 11. С. 128). Рассмотрение четырёх текстов (*ЧА* со вставками, *ТПК*₁₋₂ и первопечатного) приводит к выводу о том, что для журнальной публикации работа драматурга над текстом комедии была продолжена вплоть до 20 октября. Островский тщательно перерабатывал только что составленный текст, именно это и обусловило многочисленные, но незначительные расхождения между текстами *ЧА*, *ТПК*₁₋₂, с одной стороны, и первопечатным текстом — с другой. В первопечатном тексте, в сравнении с текстами *ЧА* и *ТПК*₁₋₂, очень много случаев изменения порядка слов, их сокращений и замен. Например, в I действии *ЧА*: «Тем лучше для вас» — в первопечатном тексте: «Ну, и слава Богу!» (*ОЗ*. 1868. № 11. С. 137); в *ЧА*: «все ведут такую жизнь, а виноват только я один» — в первопечатном тексте: «Все ведут такую — ничего, а я виноват» (Там же). Любопытно, что только в первопечатном тексте появилась фраза с библеизмом в речи Глузова, обращённой к Мамаеву: «...алчу наставления, как манны небесной».

Около 20 октября 1868 г. Островский написал Ф. А. Бурдину о вставке: «Любезный друг Фёдор Алексеевич, при торопливой переписке в 5-м акте пропущена целая тирада. Я теперь только хватился. Вот она: После слов Глузова “и каждый честный человек иначе к нам относиться не может” должно быть: “Чем вы обиделись в моём дневнике? Что вы нашли в нём нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите

¹ Об этом см.: *Новый мир*. 1969. № 12. С. 226—229.

друг о друге, только не в глаза. Если бы я сам прочёл вам каждому отдельно то, что про других писано, — похвалив, разумеется, в глаза того, кому читаю, вы бы мне аплодировали, вы бы превозносили моё остроумие. Нет, господа, если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас похитил мой дневник. Вы у меня разбили всё: отняли деньги, отняли репутацию и гоните меня — и вы думаете, что это всё, тем дело и кончилось! И вы думаете, что я вам прошу! Нет, господа, горько вы пожалеете обо мне. Прощайте!»» (*ЛСС-12*. Т. 11. С. 291). Этот текст имеет небольшие расхождения с *ЧА*¹ и первопечатным текстом, он отсутствует в *ТПК*. Последнее свидетельствует о том, что этот монолог был написан около 20 октября. Такое решение было необходимо: драматург не желал завершить комедию разоблачением героя как лгуна и его наказанием как насмешника. Зло «на входе» в произведение и «на выходе» из него осталось безнаказанным. Завершая работу над образом молодого современника, Островский настаивал на существовании некоего предела в процессе его глумления над собственными идеалами. Его последний монолог сродни обличительным монологам Чацкого. Таким был положительный итог комедии.

20—22 октября текст пьесы был отправлен в «Отечественные записки». Одиннадцатый номер журнала с текстом этой пьесы увидел свет 10 ноября 1868 г.

Н. Г. Михновец

В комедии нашли отражение особенности русской жизни 1860-х гг., когда стали появляться первые результаты крестьянской, судебной и земской реформ начала десятилетия. В 1866 г. были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово»; в 1867 г. прекращена деятельность земских учреждений Петербургской губернии; на следующий год был издан закон, по которому местные власти получили право запрещать розничную продажу газет и журналов за «неблагонамеренное» направление. В светском обществе ещё модно было говорить о прогрессе, о пользе железных дорог и акционерных компаний, но на деле почти всё ограничивалось составлением мнений, записок, либеральных спичей. Наступает время так называемых «мудрецов», о которых ещё в 1856 г. Н. А. Некрасов писал: «А третьи... третьи — мудрецы: Их назначенье — разговоры» (*Некрасов Н. А. Собр. соч.*: в 15 т. Т. 2. Л., 1981. С. 8). Именно этому аспекту социальной жизни, затрагивающему проблему «нового» беспринципного ума и «вечной» житейской мудрости, Островский посвящает свою пьесу.

Место действия комедии — Москва, где жизнь подчинена патриархальным порядкам, хранителями которых являются «богатый барин» Мамаев, «важный господин» Крутицкий, а также суеверная «барыня из купчих» Турусина. Рядом с ними появляются «новые» люди: признанный оратор на торжественных обедах Городулин и всеми силами пытающийся обогатиться Глумов.

Злободневность комедии отметили первые рецензенты. «Новая пьеса г. Островского, — подчёркивал Д. В. Аверкийев, — не есть пьеса бытовая в том смысле, как его прежние произведения. В ней г. Островский является не спокойным описывателем волнений этого быта, а сатириком общества в его современных стремлениях» (*Д. А. <Аверкийев Д. В.> Русский театр. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // Голос. 1868. № 304. 3 нояб. С. 2*). Такого же мнения был анонимный

¹ К *ЧА* приложен листок, написанный чернилами и не рукой Островского, с отрывком из этого монолога. Этот текст расходится как с текстом письма, так и с первопечатным (*ЧА*. Л. 47).

театральный обозреватель «Петербургского листка»: «Островский придерживается того смеха, о котором говорят: “*Ridendo castigat mores*”¹, — и за которым слышатся слёзы, способные задушить мыслящего человека... Грустную картину рисует нам сатирик, но картину верную...» (Русский театр // *Пб. листок*. 1868. № 157. 3 нояб. С. 1). Свообразие пьесы на фоне прежних произведений драматурга отметил неизвестный автор очерка «Бенефис Бурдина и новая комедия Островского “На всякого мудреца довольно простоты”»: «...Заявим своё удовольствие в том, что автор “Минина”, так долго увлекавшийся иллюстрацией наших летописей, перешёл, наконец, снова к бытовой стороне современного нашего общества. Несмотря на анекдотический характер новой комедии г. Островского, она имеет для нас во сто раз большее значение, чем его “Воевода” и “Василиса”» (Театральное обозрение. Бенефис Бурдина и новая комедия Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *Неделя*. 1868. № 48. С. 1702). Корреспондент «Одесского вестника» сопоставил пьесу с остальным театральным репертуаром: «Новая пьеса по сюжету современно-обличительная и даже с тенденциозными поползновениями, как и все вообще произведения Островского, составляет приятное исключение в целой фаланге пьес с подобным же направлением, начиная от “Говорунов” Манна до “Перемелется — мука будет” включительно². Содержание её — великолепная сатира на московское общество средних слоёв» (*М. «На всякого мудреца довольно простоты»* // *Одесский вестник*. 1869. № 39. 18 февр. С. 131).

Многих рецензентов смущала динамика действия, нарушавшая привычный ход бытовой комедии. А. С. Суворин был категоричен в своей оценке пьесы А. Н. Островского: «Начав водевилем, он написал два с половиною акта комедии, потом снова заключил водевилем. <...> Для того чтобы вознестись Глумову до той высоты, на которую он поднялся, сколько надо было искусственных пружин: оригинальный дядюшка, влюбчивая тётушка, дурак Городулин, дурак Крутицкий, дура Турусина, целый сонм дураков...» (*Незнакомец*. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // *СПбВед*. 1868. № 301. 3 нояб. С. 2). По словам обозревателя «Современной летописи», пьеса «На всякого мудреца...» — это не комедия, а «скорее сцены современной жизни, сцены художественно верные, написанные мастерскою, опытною рукою, но сцены отрывочные, наскоро связанные между собой и связанные местами не настолько крепко, чтобы составить одно стройное целое» (*А. С. Театральная хроника // Современная летопись*. 1868. № 38. 10 нояб. С. 14). Отмечая прекрасную игру актёров, критик «Нового времени» осторожно указывает автору на недостатки: «Единственный упрёк, который можно сделать нашему талантливому драматургу, — это то, что он назвал пьесу свою комедией, а не картинами... В новой комедии г. Островского содержания почти нет никакого, а это длинный ряд картин, обрисовывающий яркими красками известную среду нашего общества» (*Х. Фельетон. Новая пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты»* // *НВ*. 1868. № 222. 12 нояб. С. 2). К мнению столичных рецензентов прислушивались представители провинциальной прессы. Так, А. С. Гацисский в статье, посвящённой последним произведениям Островского, писал: «Где этот сильный талант, дававший во время оно всю цену произведениям писателя? Где эта способность хватать жизнь живьём

¹ Смехом бичует нравы (*лат.*).

² «Говоруны» — комедия в четырёх действиях И. А. Манна (1823—1894); «Перемелется — мука будет» — комедия в пяти действиях И. В. Самарина (1817—1885).

и показывать её всецело со сценических подмосток? Где, наконец, эта прежняя глубокая и отчётливая мысль в новейшем произведении автора?» (Г—цкий. <Гацицкий А. С.> Два слова о нынешнем г. Островском // *Нижегородские губернские ведомости*. 1868. № 51. 18 дек. С. 213).

Особенный интерес среди первых рецензентов вызвал эпизод с дневником главного героя. Пытаюсь разгадать эту сюжетную тайну, каждый критик выдвигал собственную версию. Например, А. С. Суворин находил в этом эпизоде гоголевский подтекст: «Как там является обличителем городских властей письмо Хлестакова к Тряпичкину, так здесь является обличителем Глумова статья юмористической газеты, с приложением его портрета, принадлежащая перу Голутвина, а также известный дневник» (*Незнакомец*. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // *СПбВед*. 1868. № 301. 3 нояб. С. 2); корреспондент «Вестника Европы» усматривал в сцене с дневником влияние французской комедии: «Вся басня комедии, вся интрига её довольно неудачно построена на дневнике Глумова, являющемся как бы *deus ex machina*, и на что так падки некоторые из современных французских драматургов, как напр<имер> Сарду¹)» (*Утин Евг*. Современные мудрецы // *ВЕ*. 1869. № 1. С. 346). Другие рецензенты просто не могли понять, отчего пронизательный Глумов вдруг оказался забывчивым и неосторожным: «Дневник этот, введённый автором для развязки комедии, нарушает художественную правду комедии. Такой негодяй, как Глумов, едва ли стал бы вести дневник с лирическими откровениями и рассказами о своих собственных подлостях»; «... даже и в среде столь жалкой, в среде личностей бессильных и глупых, этот кукольный герой не может достичь ровно ничего... благодаря тому, что вздумал, как пансионерка, записывать в дневнике свои похождения»; «Каким образом могла у Глумова явиться дикая мысль вести “записки подлеца им самим составленные”, если б ему не шепнул сам автор» (Театральное обозрение. Бенефис Бурдина и новая комедия Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *Неделя*. 1868. № 48. С. 1702; *Z*. <Буренин В. П.> Журналистика. «Вестник Европы» // *СПбВед*. 1869. № 11. 11 янв. С. 2; *M*. «На всякого мудреца довольно простоты» // *Одесский вестник*. 1869. № 39. 18 февр. С. 132).

Жанровое своеобразие пьесы предопределило направление критической оценки: первые рецензенты избегали объяснения новаторских решений драматурга, предпочитая им поиски «прежней отчётливой мысли». В результате почти вся критика сводилась к детальному анализу поступков и характеров центральных персонажей. Анонимный обозреватель «Петербургского листка» рассмотрел в образе Глумова пародию на Молчалина: «Молчалин грибоедовский гадок, Глумов Островского — жалок. В Молчалине мы не видим ничего, кроме того, что он второй экземпляр Фамусова; в Глумове, напротив, нас поражают ум и могущая из этого ума возникнуть громадная польза» (*Русский театр // Пб. листок*. 1868. № 157. 3 нояб. С. 2). А. С. Суворин подчёркивал, что главный герой не имеет внутреннего стержня, а все его действия предопределены внешними обстоятельствами: «...самый герой этот — вовсе не тип, а случайность, положение его — не типическое, а случайное, зависящее от глупого дяди, страдающего порывом к проповедям и к осмотру ненужных ему квартир» (*Незнакомец*. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // *СПбВед*. 1868. № 301. 3 нояб. С. 2). Е. И. Утин, напротив, считал поведение Глумова соответствующим внешней обстановке: «Хитрость, лукавство, лесть, раболепство, угождение направо

¹ Сарду В. (1831—1908) — французский драматург.

и налево, и рядом с этим полное презрение ко всем, и уважение только себя — вот орудия Глумова, которыми он прокладывает себе дорогу к почестям и богатству» (*Утин Евг.* *Современные мудрецы* // *ВЕ.* 1869. № 1. С. 342—343). Придерживаясь линии «Петербургских ведомостей», В. П. Буренин настаивал, что Глумов — «герой дюжинной французской комедии, не имеющий никаких существенных и характеристических черт» (*З. <Буренин В. П.>* *Журналистика.* «Вестник Европы» // *СПбВед.* 1869. № 11. 11 янв. С. 2). Внимательно критики отнеслись к образу Городулина, считая, что «...это совершенно новый тип, уловленный Островским, тип, который сложился в последние несколько лет под влиянием суматохи, происшедшей в лагере слепых защитников рутины и всех основ старого, расшатавшегося здания» (*Утин Евг.* *Современные мудрецы* // *ВЕ.* 1869. № 1. С. 351). Вместе с тем отмечалось, что проницательность героя — «просто обидная насмешка автора над новым деятелем» (*М.* «На всякого мудреца довольно простоты» // *Одесский вестник.* 1869. № 39. 18 февр. С. 133). В отрицательной оценке образа Крутицкого либеральная пресса была единодушна: «Старички, вроде Крутицкого, не опасны, и пусть они доживают свой век в глуши, для сатиры выросли новые ретрограды, которыми драматургу не мешает позаняться»; «Островский, желая написать сатиру — взял квинтэссенцию человеческих пороков, оттого многие личности, как, например, ретроград Крутицкий, кажутся как бы утрированными» (*Д. А. <Аверкиев Д. В.>* *Русский театр.* Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Голос.* 1868. № 304. 3 нояб. С. 3; *М. Ф. <Фёдоров М. П.>* *Заметки о театре.* Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Биржевые ведомости.* 1868. № 294. 5 нояб. С. 1).

В начале 1869 г. неизвестный автор «Театрального обозрения» заметил, что «комедия “На всякого мудреца” — богатая россыпь, на которой работы почти не начинались» (*Всемирная иллюстрация.* 1869. № 1. С. 14). Одним из первых, кто почувствовал это богатство, оказался М. Е. Салтыков-Щедрин. Он распознал в Глумове тип человека, который при всём своём житейском цинизме презирает чужую глупость и пошлость. Сатирик возродил образ Глумова в ряде своих произведений 1870—1880-х гг.: «Недоконченные беседы», «В среде умеренности и аккуратности», «Круглый год», «Современная идиллия», «Письма к тётеньке» и «Пёстрые письма». Через несколько лет А. Р. Кугель обратил внимание читателей на композиционное своеобразие пьесы: «Сравнительно малая популярность этой, быть может, наиболее глубокой по замыслу, комедии Островского не указывает ли на непонимание формы этой пьесы?» (*Прозаик. <Кугель А. Р.>* *Хроника театра и искусства* // *Дневник театра и искусства.* 1899. № 37. 12 сент. С. 2). Вопрос долгое время оставался нерешённым, хотя отдельные попытки понять специфику жанра всё же предпринимались. Например, М. А. Морозов рассмотрел в комедии «острую сатиру с весьма широким общественным захватом» (*Юрьев М. <Морозов М. А.>* «На всякого мудреца довольно простоты» в *Художественном театре* // *Рампа и жизнь.* 1910. № 12. 21 марта. С. 191). В советское время преобладал социально-исторический подход к изучению пьесы. «Композиция его комедии, — отмечал С. Н. Дурылин, — подчинена, как всякая композиция сатиры, полемическому замыслу; она сознательно ставит Мамаевых и Глумовых в такие положения, которые не только раскрывают их характеры в действии, как это бывало в прежних пьесах, но и изобличают ничтожество этих характеров, вскрывают порочность их замыслов, указывают на позорность их действий» (*Дурылин С. Н.* «На всякого мудреца довольно простоты» на сцене Московского Малого театра. М.; Л., 1940. С. 23).

В. Я. Лакшин обозначил особенности жанра и стиля произведения: «Это жанр политической комедии, психологической сатиры, где к месту окажутся и условные допущения, и смелый гротеск. Что же касается речи, то, увы, Островскому приходится иметь здесь дело с тем среднегородским, стёршимся, полусветским-полуказённым языком, в котором не сыщешь живых поэтических красок» (*ПСС-12*. Т. 3. С. 472). По мнению Е. Г. Холодова, Глумов прибегает к «лингвистическому маскараду»: «Речь Глумова характеризует образ выражения не столько его самого, сколько его собеседников. <...> Глумов позволяет себе, подлаживаясь под образ выражения каждого из своих собеседников, чуть больше, чем это требуется для достижения его целей» (*Холодов Е. Г.* *Драматург на все времена*. М., 1973. С. 153—154). Сравнивая судьбу Обломова с жизненными приоритетами Глумова, А. И. Журавлёва обращала внимание читателей на нравственный аспект комедии: «Путь Глумова у Островского — это другой возможный путь, путь предательства по отношению к собственной личности, отступничества, нравственного раздвоения, ведущего к разедающему цинизму и аморальности» (*Журавлёва А. И.* *А. Н. Островский — комедиограф*. М., 1981. С. 138)¹.

Репетициям на сцене Александринского театра предшествовало обсуждение пьесы среди актёров. «...Вчера я получил твою пьесу, — писал Ф. А. Бурдин драматургу 15 октября 1868 г., — прочёл вчера один, сегодня прочёл с Васильем Васильевичем Самойловым, — он просит у тебя роль Глумова для дебюта своего сына, обещая поставить его — для чего употребит все отцовские усилия и свою опытность. <...> Для себя же лично он просит молодого либерала — ему очень нравится» (*Бурдин*. С. 81—82). Вероятно, согласие Островского было получено, поскольку 25 октября Бурдин отвечал: «Роли розданы, и с завтрашнего дня начинаем репетировать» (Там же. С. 83).

Премьера пьесы на сцене Александринского театра состоялась 1 ноября 1868 г. Роли исполнили: Глумов — Н. В. Самойлов (Самойлов 2-й), Глумова — Ю. Н. Линская, Мамаев — Ф. А. Бурдин, Курчаев — П. П. Пронский, Голутвин — П. С. Степанов, Манефа — П. К. Громова, Мамаева — А. М. Читау, Крутицкий — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Городулин — В. В. Самойлов (Самойлов 1-й), Турусина — Е. Н. Жулева, Машенька — О. Н. Малышева, Григорий — П. А. Петровский.

Несмотря на то что билеты на спектакль продавались по демократичной цене, театр был заполнен на две трети, а сбор составил всего 700 рублей (при аншлаге в 2500 рублей). Однако Бурдин называет публику «отборною», а сразу после спектакля сообщает автору: «Пьесу сыграли... скажу одно: артисты сделали своё дело (*вполне по совести*), пьеса очень понравилась, артистов и тебя вызывали бесчисленно, дебютант имел большой успех...» (*Бурдин*. С. 85). Последующие представления подтверждали это мнение: театральная критика признавала спектакль «превосходным», «довольно хорошо обставленным», «привлекающим массу публики» (см.: *Русский театр // Пб. листок*. 1868. № 157. 3 нояб. С. 2; *Театральное обозрение*. Бенефис Бурдина и новая комедия Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *Неделя*. 1868. № 48. С. 1702; *Х. Фельетон*. Новая пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *НВ*. 1868. № 222. 12 нояб. С. 2).

Особенно благожелательно первые рецензенты отнеслись к игре дебютанта. Д. В. Аверкиев, например, отметил «прекрасный голос» Н. В. Самойлова; М. П. Фёдоров

¹ См. также: *Овчинина И. А.* «На всякого мудреца довольно простоты» // *ЭО*. С. 271—272.

обратил внимание на то, как естественно актёр входил в тон любого собеседника: «Каждое слово говорилось им осмысленно, чрезвычайно просто, без малейшей аффектации; это всё такие качества, которые обещают многое, и можно положительно сказать, что более приличного же *jeune premier* трудно отыскать» (Д. А. <Аверкиев Д. В.> Русский театр. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Голос*. 1868. № 304. 3 нояб. С. 3; М. Ф. <Фёдоров М. П.> Заметки о театре. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Биржевые ведомости*. 1868. № 294. 5 нояб. С. 1; см. также: Х. Фельетон. Новая пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *НВ*. 1868. № 222. 12 нояб. С. 2). Игра Самойлова, по высказыванию Е. И. Утина, «очень умна и доказывает в молодом артисте действительно художественное понимание» (В. Т. <Утин Е. И.> Театры. Бенефис Бурдина. Новая комедия А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *ВЕ*. 1868. № 12. С. 908). Признавая успех начинающего актёра, анонимный обозреватель «Петербургского листка» скептически отозвался о его таланте: «Дебютант, г. Самойлов, игравший роль Глумова, имел громадный успех, хотя, собственно говоря, успех этот наполовину зависел от любви нашей публики к заслугам его отца» (Русский театр // *Пб. листок*. 1868. № 157. 3 нояб. С. 2). Начиная с третьего представления, Глумова в спектакле стал играть премьер петербургской труппы А. А. Нильский, что сразу отразилось на общем впечатлении. «Разыгрывается пьеса превосходно, — писал Х., — но в последнее время она несколько потеряла в ансамбле по случаю замены г. Н. Самойлова г. Нильским» (Х. Фельетон. Новая пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *НВ*. 1868. № 222. 12 нояб. С. 2).

Другие исполнители также обратили на себя внимание публики. Ф. А. Бурдин, игравший Мамаева, «...изобразил слишком мягкого и рыхлого старичка. Эти два качества есть у Мамаева, но выражение их должно быть несколько умереннее. <...> Многое удалось г. Васильеву 2-му в роли старика Крутицкого; только одно не удалось: не вышло важного барина, каким по афише должен быть Крутицкий» (Д. А. <Аверкиев Д. В.> Русский театр. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Голос*. 1868. № 304. 3 нояб. С. 3). Слова особой благодарности заслужили корифеи театра: «Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловым изображаемому им типу, сделали то, что по нескольким словам г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее»; Ю. Н. Линская создала «прекрасный тип умной старухи, заботящейся о карьере сына» (В. Т. <Утин Е. И.> Театры. Бенефис Бурдина. Новая комедия А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *ВЕ*. 1868. № 12. С. 903; М. Ф. <Фёдоров М. П.> Заметки о театре. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Биржевые ведомости*. 1868. № 294. 5 нояб. С. 1). Менее удачно выступила А. М. Читау: «Во всех сценах, где Мамаева должна быть просто светской женщиной... г-жа Читау была положительно хороша; но там, где от неё требовалась не то что любовь, нет, любовь не в характере Мамаевой, а некоторая сладострастность, чувственность, — в этих местах г-жа Читау производила на нас не совсем удовлетворительное впечатление своей холодностью и фальшивой сдержанностью...» (В. Т. <Утин Е. И.> Театры. Бенефис Бурдина. Новая комедия А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // *ВЕ*. 1868. № 12. С. 905). В адрес некоторых второстепенных персонажей звучала достаточно жёсткая критика. Так, Д. В. Аверкиев отмечал: «...у г-жи Жулевой есть дурная привычка несколько

раз повторять фразу вопреки назначению автора, у которого она написана раз. Этим она мешает другим актёрам, которые не могут знать, сколько именно раз она повторит данную фразу. <...> Степанов гримировался во вводной роли прощельного литератора Голутвина с портрета одного из наших юмористов. Мы не сочувствуем деятельности этого юмориста... но думаем, что он несколько не заслуживает той кары, которую на него обрушил г. Степанов» (Д. А. <Аверкиев Д. В.> Русский театр. Бенефис Бурдина: «На всякого мудреца довольно простоты» // *Голос*. 1868. № 304. 3 нояб. С. 3). В «Вестнике Европы» неизвестный автор заметки с насмешкой отнёсся к исполнению П. П. Пронским роли гусара Курчаева: «...у этого гусара — пехотные панталоны. Когда вы это заметите, то поймёте, что это — гусар только для виду; что если у него нет даже рейтуз, то подавно нет ни малейшего коня, и никуда он не ускачет, а будет представлять; потом, когда режиссёр махнёт — он и уйдёт» (Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни // *ВЕ*. 1868. № 12. С. 899).

В начале 1880-х гг. интерес к пьесе заметно снизился. В. И. Немирович-Данченко отмечал, что «На всякого мудреца...» — «довольно скучная вещь»: «Нужно, чтобы исполнители... вложили очень много жизненности, игры, создавая типические физиономии» (Вл. <Немирович-Данченко В. И.> Театр и музыка. («На всякого мудреца довольно простоты») // *Русский курьер*. 1880. № 248. 12 сент. С. 1, 2). По мнению Д. В. Аверкиева, от игры некоторых актёров образуются «белые пятна», свидетельствующие об отсутствии театральной школы (Аверкиев Д. В. Театральные заметки // *Голос*. 1880. № 97. 6 апр. С. 3). Новый тип исполнителя был найден в лице провинциального актёра М. К. Стрельского. Но успех оказался недолгим. «Фальши в игре Стрельского мы не заметили, — отмечает театральный обозреватель, — хотя отделка деталей оставляет желать многого... Голос и наружность его одинаково красивы, но первым он владеет в совершенстве, тогда как мимика его однообразна и преимущественно заключается в поднимании и опускании бровей» (Т. Заметки о русской сцене // *Страна*. 1880. № 29. 10 апр. С. 5).

Всего при жизни Островского в Александринском театре пьеса прошла 35 раз (последнее представление было дано 22 декабря 1882 г.).

Возрождение спектакля на столичной сцене состоялось в 1909 г. «На всякого мудреца...», — отмечает Л. М. Василевский, — лучше играют на Александринской сцене, где Давыдов, Варламов, Далматов, Савина, Васильев. Там ещё живёт Островский и там ещё живут им: там царство и храм традиции...» (Вас—ий Л. <Василевский Л. М.> Театральные заметки. Московский Художественный театр // *Новый журнал для всех*. 1910. № 19. Май. С. 118). Даже через несколько лет впечатление от спектакля осталось неизменным: «Общее впечатление вполне благоприятное, это, действительно, был Островский... пьесу играли живо и интересно» (Е. Н. Гастроли артистов Александринского театра // *М. вед.* 1916. № 108. 11 мая. С. 4). Существенным достоинством этих постановок Н. А. Россковский признавал соблюдение внешних, бытовых деталей: «В костюмах, бутафории, в выборе декораций чувствовалось знание быта и уважение к памяти бессмертного русского драматурга. А это при воцарении “миерхольдовщины” в постановках Островского дорогого стоит» (Россковский Н. Театральный курьер. (Михайловский театр.) // *Пб. листок*. 1916. № 20. 21 янв. С. 13). Роль Глумова в спектакле исполняли Р. Б. Аполлонский (первый состав) и Ю. М. Юрьев (второй состав). Мнение критиков об актёрах не было единодушным. Одни восхищались игрой Аполлонского: «Артист (Аполлонский) реально и рельефно

дал Глумову яркую выразительность, чем сделал его близким к его характеристике “по Островскому”» (Там же); «Аполлонский играет Глумова смело, с нажимом, с “трюками”» (Львов Як. <Розенштейн Я. Л.> Гастроли александрийцев // *Рампа и жизнь*. 1916. № 20. 15 мая. С. 10); «Аполлонский по-прежнему хороший Глумов, но несколько постаревший» (Ар — н К. <Арабажин К. И.> У рампы (Александринский театр. Открытие сезона) // *Биржевые ведомости*. 1909. № 11288. 31 авг. С. 4). Другая часть рецензентов была на стороне Ю. М. Юрьева: «Юрьев изображает Глумова несколько иначе, чем г. Аполлонский, — более обаятельным с внешней стороны и более тонким с внутренней. Глумов г. Юрьева — типичный индивидуалист с ницшеанскою завкаскою»; «Роль Глумова с большим подъёмом провёл г. Юрьев, гораздо более подходящий к данной роли, чем г. Аполлонский» (И. О. <Осинов И.> По театрам // *Обозрение театров*. 1909. № 840. 8 сент. С. 7). Заслуженным успехом пользовалась М. Г. Савина, игравшая мать Глумова: «Каждое движение Савиной, каждая интонация, каждый взгляд — целая глава романа. Это — рекорд импрессионизма. То, что Савина объясняет одним лёгким движением головы — романист объяснит лишь на протяжении многих страниц» (Осинов И. Александринский театр. Открытие сезона // *Обозрение театров*. 1909. № 834. 1 сент. С. 5); «Клеопатра Львовна (Савина) — восхитительна. Масса художественно продуманных деталей, тонкий юмор и большое мастерство в установлении общего тона задуманного образа» (Ар — н К. <Арабажин К. И.> У рампы (Александринский театр. Открытие сезона) // *Биржевые ведомости* 1909. № 11288. 31 авг. С. 4). Рецензенты отмечали также «мягкую игру» Н. С. Васильевой в роли Турусиной (Театр и музыка // *Русские ведомости*. 1916. № 108. 11 мая. С. 4), достойное исполнение В. Н. Давыдова (Мамаев), И. М. Уралова (Крутицкий) и Ю. В. Корвин-Круковского (Городулин) (*Россовский Н.* Театральный курьер. (Михайловский театр.) // *Пб. листок*. 1916. № 20. 21 янв. С. 13).

В Москве на сцене Малого театра репетиции пьесы начались в конце октября 1868 г. при непосредственном участии автора. «Пьеса эта, — отмечал рецензент, — ещё до появления своего на сцене возбуждая много толков, с нетерпением ожидается была публикой. Театр был полон» (А. С. Театральная хроника // *Современная летопись*. 1868. № 38. 10 нояб. С. 13). Премьера спектакля состоялась 6 ноября 1868 г., в бенефис Н. Е. Вильде. Роли исполняли: Глумов — Н. Е. Вильде, Глумова — Х. И. Таланова, Мамаев — П. М. Садовский, Мамаева — Е. Н. Васильева, Курчаев — Н. А. Александров, Крутицкий — С. В. Шумский, Городулин — И. В. Самарин, Турусина — Н. М. Медведева, Машенька — Г. Н. Федотова, Манефа — С. П. Акимова, Голутвин — В. А. Дмитриевский, Григорий — Д. В. Живокини, лакей Мамаева — А. А. Черневский.

После спектакля Островский в письме от 8—12 ноября 1868 г. сообщает Ф. А. Бурдину: «Пьеса моя прошла в Москве с успехом небывалым». Через несколько лет в наброске «По поводу проекта “О премиях императорских театров за драматические произведения”» драматург вспоминал об этой премьере: «А было и так со мной: публика не даёт артистам кончить акта и вызывает автора в середине действия; тут уже, видимо, действует пьеса, а не роль какая-нибудь». Более подробно об этом написала Г. Н. Федотова, исполнявшая в спектакле роль Машеньки: «На первом представлении произошёл небывалый случай. После монолога и ухода Глумова Островский был вызван несколько раз во время действия, при действующих лицах на сцене. Такого случая другого я больше в жизни не помню» (А. Н. Островский. 25-летие со дня

кончины. Воспоминания современников. Г. Н. Федотова // *РСл.* 1911. № 125. 2 июня. С. 2). На представление откликнулась газета «Голос»: «Исполнение пьесы на московской сцене было чрезвычайно удачно, хотя некоторые исполнители и подбавили ещё шаржу к тому, что приготовил автор». По мнению рецензента, С. П. Акимова в роли Манефы «старалась сместить движением рук кверху», П. М. Садовский в роли Мамаева «изобразил по костюму степенного купца, а по игре флегму, старого генерала», Шумский «превосходно передал роль военного генерала Крутицкого, охотника до разных прожектов и врага всяких реформ», а Н. Е. Вильде в роли Глумова «был хорош, потому что для этой роли нужна, по преимуществу, холодность, качество, которым г. Вильде обладает вполне». Обозреватель кратко охарактеризовал и игру Е. Н. Васильевой, которая «чрезвычайно верно передала характер увлекающейся молодыми людьми страстной сорокалетней женщины», и Н. М. Медведевой, пытающейся «смягчить своей игрой ту карикатурность, с которой драматург отнёсся к суеверной вдове, окружённой всякими юродивыми и странниками» (С. П. <Яковлев С. П.> *Московская жизнь.* Новая пьеса А. Н. Островского // *Голос.* 1868. № 315. 14 нояб. С. 2). Многим современникам запомнилась игра С. В. Шумского: «Крутицкий Шумского был комическим воспроизведением влиятельных стариков, стремящихся направить жизнь согласно своим взглядам, и был забавен только потому, что под его стремлениями чувствовалось полное умственное бессилие. Вместе с тем, исполнитель искусно придавал этому лицу оттенок новизны в виде желания проектировать какие-то реформы, внести свою лепту в общественное движение. Такой Крутицкий был самым интересным лицом в пьесе» (*Корончевский Д. А.* Сергей Васильевич Шумский. «Из воспоминаний о Московском театре» // *ЕИТ.* Сезон 1895—1896. Приложения. Кн. 3. СПб., 1897. С. 42—43); «Крутицкий выходил у него настоящим генералом в отставке, каких в Москве бывало много и которые на самом деле думали своими “прожектами” благодетельствовать Россию» (*Голицын В. М.* Мои театральные воспоминания // *Временник Русского театрального общества.* Кн. 1. М., 1925. С. 43). Зрители были очарованы «удивительно тонкой» игрой Е. Н. Васильевой (Там же), о которой сам Островский в записке «По поводу проекта “О премиях императорских театров за драматические произведения”» отзывался с восхищением: «Её же несравненной игре в роли Мамаевой, конечно при отличном исполнении своих ролей и прочими артистами, я обязан небывалым успехом пьесы “На всякого мудреца довольно простоты”».

В 1876 г. роль Глумова перешла к А. П. Ленскому, имевшему в ней исключительный успех. Е. Д. Турчанинова вспоминала: «Я никогда не видела такой полноты раскрытия образа, начиная с первого момента. Глумов у него был умный, злой, иронический; он знал, с кем имел дело, знал, как надо с кем разговаривать, и всё время вёл свою линию. Это было совершенно изумительно» (Творческие беседы мастеров театра. Вып. 4—6: А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова. М., 1938. С. 57). «Линия», которую выбрал Ленский для исполнения, оказалась тесно связана с образом Чацкого: «И когда Глумов — Ленский уходил со сцены (всегда под гром рукоплесканий), становилось понятно, почему ошеломлённые его речами Мамаевы и Крутицкие тут же решают, что дерзкого Глумова надобно вернуть и “приласкать”» (*Дурьилин С. Н.* «На всякого мудреца довольно простоты» на сцене Московского Малого театра. М.; Л., 1940. С. 33). Спектакль выдержал несколько сезонов. В мае 1886 г. хроникёр «Варшавского дневника» попытался раскрыть слагаемые успеха: «Москвичи не блещут костюма-

ми, не поражают декорациями, аксессуарами, но поражают виртуозностью игры и необыкновенным ensemble, подходящим на ensemble парижской comedie fransaise» (...ичь. Театральная хроника. «На всякого мудреца довольно простоты» // *Варшавский дневник*. 1886. № 113. 26 мая. С. 4). К этому времени основу ансамбля составляли, кроме «великолепного» А. П. Ленского, новые исполнители: О. О. Садовская в роли Глумовой, Н. А. Никулина в роли Мамаевой и М. П. Садовский в роли Голутвина. Всего при жизни Островского пьеса прошла в Малом театре 36 раз (последний прижизненный спектакль состоялся 12 января 1886 г.).

В 1896 г. пьесу играют в утренних спектаклях Малого театра. «“На всякого мудреца...”», — отмечал анонимный театральный обозреватель, — не принадлежит к числу пьес, разученных исполнителями ещё в июне, а репетированных только теперь. Если так, то составители этой пьесы делают ещё больше чести участвующим в ней артистам и обеспечивают будущее утренников» (Театральная хроника // *Новости дня*. 1896. № 4818. 4 нояб. С. 3). На этот раз А. П. Ленский выступает в качестве режиссёра, а роль Глумова исполняет П. М. Садовский-младший. В следующем (третьем) возобновлении комедия продержалась на сцене в течение трёх сезонов (1905—1908). Успех вновь был связан с именем А. П. Ленского: «Мамаев Ленского распространял вокруг себя барственный атмосферу. Когда же этого “барственного” воздуха не хватало для лёгких Мамаева, он начинал хмуриться, ворчать, сердиться: это ворчание означало, что в его лёгкие попал другой, непривычный и ненавистный ему воздух другой эпохи — воздух 1860-х годов» (*Дурьлин С. Н.* «На всякого мудреца довольно простоты» на сцене Московского Малого театра. М.; Л., 1940. С. 41).

В 1909 г. начались репетиции пьесы на сцене Московского Художественного театра. Режиссёр спектакля В. И. Немирович-Данченко в письме к А. Р. Кугелю так описывал начало творческого процесса: «Я собирал участвующих не столько для репетиции, сколько для самой простой дружеской беседы, для чтения пьесы и отдельных её сцен, с целью заразиться от неё и заразить друг друга тем великим эпическим покоем, той мудрой улыбкой, той *наивностью* (много раз повторяемое слово), той изумительной простотой — и вместе отнюдь не фотографической, той “милотой” каждого образа без исключения, тем особенным колоритом, который так присущ “Москве Островского” с её глубоко национальным духом, — словом, всему тому, что составляет душу Островского, — душу, разливающую радостную улыбку» (*Немирович-Данченко В. И.* Творческое наследие: в 4 т. Т. 2. М., 2003. С. 108). В обзоре «Театр и музыка» С. В. Потресов отмечал: «Хотя в пьесе Островского нельзя, по-видимому, удивить декорациями, но Художественный театр остался верен своей изобретательности и поразил большинством декораций, порою занимательно и оригинально восстанавливавших четвёртую стену» (*Яблоновский С.* <*Потресов С. В.*> Театр и музыка. Художественный театр. «На всякого мудреца довольно простоты» // *Рус. вед.* 1910. № 58. 12 марта. С. 4). На декорации спектакля обратили внимание рецензенты газеты «Обозрение театров»: «Московская критика отмечает, главным образом... четвёртую стену, которая как repertium mobile всё смущает г. режиссёров. Четвёртой стены, собственно, не было, а были лишь намёки на неё — солнечные отсветы от окон, даже с кисейными занавесками»; «Хорошо рисуют москвичи... Они дошли даже до четвёртой стены — солнечные пятна, отражающиеся на стене, противоположной партеру. Партер, конечно, не стена, и эти “зайчики”, собственно, никому не нужны, но они никому и ничему не мешают, и почему на них обрушиваются —

непонятно» (Островский в Художественном театре // *Обозрение театров*. 1910. № 1013. 14 марта. С. 10; *Старый воробей*. <Соляный П. М.> Московская игра («На всякого мудреца довольно простоты». Московский Художественный театр) // *Обозрение театров*. 1910. № 1035. 22 апр. С. 8). Инновации Художественного театра не всегда находили понимание среди публики: «Островский в толковании Художественного театра кажется как будто подновлённым, подкрашенным и приближенным к нашему времени. Это вносит нотку фальши в его толкование, создаёт не совсем правильную перспективу»; «Вместе со стремлением к шаржу, у москвичей одновременно какой-то пониженный тон, медлительный во всех полутонах темп»; «Спектакль прошёл скучновато» (И. <Игнатов И. Н.> Театр и музыка («На всякого мудреца довольно простоты». Художественный театр) // *Рус. вед.* 1910. № 59. 13 марта. С. 4; *Старый воробей*. <Соляный П. М.> Московская игра («На всякого мудреца довольно простоты». Московский Художественный театр) // *Обозрение театров*. 1910. № 1035. 22 апр. С. 9; Ар—н К. <Арабажин К. И.> Гастроли Московского Художественного театра («На всякого мудреца») // *Биржевые ведомости*. 1910. № 11673. С. 5). Н. Е. Эфрос в статье «Островский в Художественном театре», напротив, подчёркивал, что «театр обладает в своих режиссёрах и актёрах слишком большим художественным взглядом и художественным тактом... и это дало счастливые результаты и во внешней инсценировке комедии, и в передаче её общего колорита, и в раскрытии всего смысла, бытового и психологического, отдельных, хотя и не всех, фигур» (Эфрос Н. Е. Островский в Художественном театре // *Речь*. 1910. № 73. 16 марта. С. 2). «Прекрасным», «великолепным», «глубоким и тонким» признали критики исполнение К. С. Станиславским роли Крутицкого (см.: Бэн. <Назаревский Б. В.> «На всякого мудреца довольно простоты». Комедия А. Н. Островского на сцене Художественного театра // *М. вед.* 1910. № 63. 18 марта. С. 2; И. <Игнатов И. Н.> Театр и музыка («На всякого мудреца довольно простоты». Художественный театр) // *Рус. вед.* 1910. № 59. 13 марта. С. 4; Эфрос Н. Е. Островский в Художественном театре // *Речь*. 1910. № 73. 16 марта. С. 2; Гуревич Л. Я. Гастроли Художественного театра в Петербурге // *Рус. вед.* 1910. № 95. 27 апр. С. 5). Роль Глумова воспринималась критиками неоднозначно: одни рецензенты утверждали, что «плюшевый голос и тонкая мимика Качалова-Глумова зачаровали самых строгих зоилов»; другие находили, что главный герой «слишком бесконтуриен, слишком бледен, мало определён» (см.: Мамонтов С. «На всякого мудреца довольно простоты» // *РСл.* 1912. № 259. 9 нояб. С. 6; *Обозрение театров*. 1910. № 1013. 14 марта. С. 10; Львов Як. <Розенштейн Я. Л.> «На всякого мудреца довольно простоты» в Художественном театре // *Рампа и жизнь*. 1910. № 11. 14 марта. С. 175; И. <Игнатов И. Н.> Театр и музыка («На всякого мудреца довольно простоты». Художественный театр) // *Рус. вед.* 1910. № 59. 13 марта. С. 4).

Современники невольно сравнивали московские спектакли Художественного и Малого театров. Например, для Б. В. Назаревского была важна верность традиции: «Несмотря на весь блеск и изысканность декораций и всей обстановки и костюмов, до мельчайших подробностей воскресивших эпоху 60-х годов, Островского мы не видели. <...> Пальма первенства безусловно остаётся за Малым театром» (Бэн. <Назаревский Б. В.> «На всякого мудреца довольно простоты». Комедия А. Н. Островского на сцене Художественного театра // *М. вед.* 1910. № 63. 18 марта. С. 2). С. И. Мамонтов полагал, что в Малом театре «при устаревшей и даже подчас рутинной постановке, на первом месте стоит изумительное умение владеть русской речью», в Художествен-

ном театре «главным козырем служит... изумительное мастерство всех сценических положений» (*Мамонтов С. «На всякого мудреца довольно простоты» // РСл. 1912. № 259. 9 нояб. С. 6).*

В советском театре «На всякого мудреца довольно простоты» ставили режиссёры С. М. Эйзенштейн, П. М. Садовский-младший, А. М. Лобанов, И. С. Платон, А. И. Ремизова, В. Я. Станицын и др.¹ Телевизионной версии была удостоена постановка Малого театра 1952 г. (режиссёры телеверсии А. А. Дорменко, В. Л. Сухобоков; в ролях: Глумов — М. И. Царёв, мать Глумова — Е. Д. Турчанинова, Мамаев — В. А. Владиславский, Мамаева — Е. М. Шатрова, Городулин — Н. И. Рыжов, Крутицкий — И. В. Ильинский, Манефа — В. Н. Пашенная, Турусина — Н. Д. Борская) и в 1971 г. спектакль театра им. Вахтангова (режиссёр А. И. Ремизова, режиссёр телеверсии Б. Э. Ниренбург; роли исполняли: Глумов — Ю. В. Яковлев, мать Глумова — Д. А. Андреева, Мамаев — Н. О. Гриценко, Мамаева — Л. В. Максаква, Городулин — Ю. В. Волынцев, Крутицкий — Н. С. Плотников, Манефа — Н. П. Русина, Турусина — А. А. Казанская).

В 2002 г. на сцене Малого театра состоялась одна из самых обсуждаемых постановок комедии (режиссёр В. М. Бейлис, художник-постановщик Э. Г. Стенберг). Роли исполняли: Глумов — А. В. Вершинин, мать Глумова — К. В. Моисеева, Мамаев — А. С. Потапов, Мамаева — И. В. Муравьёва, Городулин — А. В. Ключкин, Крутицкий — В. И. Коршунов, Манефа — Т. П. Панкова, Турусина — Э. А. Быстрицкая. По мнению режиссёра этого спектакля, интерес к творчеству Островского в начале XXI в. объясняется «не только художественным достоинством его пьес, но и злободневностью тем, не потерявших, к сожалению, актуальности в наши дни» (ИТАР ТАСС. 13.04.2006).

С. 155. ...*в этой обширной говорильне...* — Говорильня — место, где занимаются бесплодными разговорами, болтовнёй. Здесь: московское общество.

...*за панегирики.* — Панегирик — чрезмерное восхваление кого-либо, чего-либо.

С. 157. *Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.* — Во второй половине XIX в. произошёл расцвет русской сатирической прессы. Большинство изданий выходило в Санкт-Петербурге («Искра», «Весельчак» и др.); в Москве же, кроме многочисленных уличных листков, в 60-е гг. был лишь один юмористический журнал — «Развлечение» (1859—1905). Современная Островскому критика усматривала в реплике Курчаева намёк именно на это издание: «А что хотел сказать автор, выводя на сцену Голутвина? Это ли тип, по его мнению, современного литератора?.. Опять-таки автор силится подражать великим образцам гг. Стебницкого, Манна с братиею, и опять-таки не хватило у него мужества назвать вещи их настоящим именем: ясно, какой разряд литераторов выставлен автором, ясно даже какой именно орган московской печати служит им приютом (немудрено и догадаться даже непосвящённому в тайны манёвров этого органа, при существовании в Москве лишь одного псевдо-сатирического журнала с карикатурами), да, повторяю, не хватило у автора духу назвать журнал, и заставляет он вследствие того видеть в Голутвине представителя не болячки литературной, а представителя всей современной литературы...» (*Г—цкий. <Гацисский А. С.> Два слова о нынешнем г. Островском // Нижегородские губернские ведомости. 1868. № 51. 18 дек. С. 213).*

¹ См. об этом: *Холодов Е. Г. Драматург на все времена. М., 1973. С. 201—248.*

...а тоже ведь наш брат, Исакий. — Иносказательно о ком-либо, близком по социальному положению, убеждениям, складу ума и т. д., то есть о «своём» человеке. Выражение восходит к житию одного из монахов Киево-Печерской лавры по имени Исакий, которого искушали бесы: «Однажды, как обычно, когда наступил вечер, он стал класть поклоны и петь псалмы, и так до полуночи, и, утомившись, сел на сиденье свое. И когда он сидел так, как всегда, свечу погасив, внезапно засиял свет в пещере, как от солнца, такой, что мог ослепить человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных с лицами блистающими, как солнце, и сказали ему: “Исакий, мы — ангелы, а вот идет к тебе Христос с ангелами”. Исакий встал и увидел толпу бесов, и лица их были ярче солнца, а один среди них светился ярче всех, и от лица его лучи исходили. И сказали ему: “Исакий, это Христос, пав, поклонись ему”. Исакий же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, вышел из келии и поклонился, как Христу, бесовскому действу. Тогда бесы воскликнули и сказали: “Теперь ты наш, Исакий!”» (Патерик Киево-Печерского монастыря. О преподобном Исакии пещернике. Сл. 36).

С. 162. *Статский советник* — гражданский (статский) чин 5-го класса в «Табели о рангах».

С. 163. *На цугундер...* — на расправу, к ответу.

С. 164 *Вы понимаете, после чего?* — Намёк на крестьянскую реформу 1861 г.

С. 165. ...*как манны небесной*. — Здесь: с большим желанием, с нетерпением. Манна небесная — согласно Библии, пища, которой был накормлен Богом Моисей и его соплеменники во время 40-летних скитаний после Исхода из Египта.

С. 167. *«Новейший самоучитель»* — название, нередко встречающееся в публикациях начала XIX в. Например, «Новейший самоучитель французского языка, или Легчайший способ научиться самому собою читать, писать, говорить и разуметь французских авторов» (*Анастасевич В. Г.* Прибавление к систематической росписи российским книгам. СПб., 1821. С. 23).

Ты на меня карикатур рисовать не будешь? — В «Воспоминаниях о графе А. А. Закревском» А. В. Фигнер описывает похожий эпизод: «Однажды, о чём-то задумавшись, я сидел один перед дверями кабинета и машинально чертил этот профиль. В это время кто-то подошёл ко мне сзади и положил руку на плечо. Я оглянулся — это был граф, я обомлел от испуга; но граф ласково сказал: “Ничего, ничего — рисуя мои карикатуры”. После того мне думалось, что служба моя испорчена и благосклонность графа навсегда потеряна. Когда же я явился на следующее дежурство, граф добродушно встретил меня словами: “А что, запаса карандашами — рисовать мои портреты?”» (*ИВ.* 1885. Т. 20. С. 668; см. также: *Лакшин В. Я.* Пять великих имён: статьи, исследования, эссе. М., 1988. С. 179).

С. 169. *Да, мы куда-то идём, куда-то ведут нас...* — Намёк на реформы 1860-х гг.

Наш век, век по преимуществу легкомысленный. — По структуре фраза Крутицкого близка выражению: «Наш век — век по преимуществу исторический» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1978. С. 252); по смыслу напоминает реплику Чацкого:

И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший...

(*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 38).

С. 170. *Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки.* — Цензор Ст. Лебедев писал: «В большей части статьи под заглавием “Наша общественная жизнь”, назначенной для “Современника”, пытаются объяснить: что такое у нас благонамеренные, нигилисты и мальчишки. Под первыми разумеются консерваторы, под последними крайние, неверующие, самые красные. Вся эта речь, большею частью зигзагами, ведена к тому, чтобы указать, что нигилисты и мальчишки приобретают значение в обществе, потому что на них, как на вырастающую силу, начинают обращать внимание. И действительно, оканчивает автор, без настойчивых действий и требований нигилистов и мальчишек наше правительство не сделало бы никаких преобразований, необходимых для развития сил народных. По его словам выходит, что всеми нововведениями последнего времени мы обязаны нигилистам-мальчишкам» (Цензурные материалы о Щедрина // *ЛН. Т. 13/14. М., 1934. С. 134*; см. также: *Лакшин В. Я. Пять великих имён: статьи, исследования, эссе. М., 1988. С. 213*).

Писать надо, писать — больше писать. — Об общественных настроениях, связанных с различными реформами, автор «Современных заметок», в частности, пишет: «Известно, что по случаю совершающихся всюду реформ всё более или менее влиятельные лица необыкновенно озабочены составлением различных проектов и сочинением так называемых “мнений”. Для некоторых, не привыкших к такому занятию, эти “мнения” сушая каторга. Многие век свой прожили на службе и обходились без этого, а теперь вдруг наступило такое время, что как хочешь, хоть роди, да подавай своё мнение. Вот и принялись писать. И вдруг напала страсть к писанию» (*ОЗ. 1868. № 7. Современное обозрение. С. 114*; см. также: *ПСС-12. Т. 3. С. 509*).

С. 171. *...писать стилем Ломоносова или Сумарокова...* — Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — учёный-энциклопедист, создатель теории трёх «стилей»; Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — русский поэт и драматург, основоположник профессиональной отечественной драматургии.

С. 177. *...я бы ей носил собачку...* — намёк на реплику Молчалина:

Ваш шпиц, прелестный шпиц; не более напёрстка;

Я гладил всё его; как шёлковая шёрстка!

(*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 84*).

...не должно сметь. — Выражение используется «как комментарий к поведению человека, который по ряду причин (робость, страх перед вышестоящими) не имеет своего, личного мнения по тому или иному вопросу или боится его заявлять, отстаивать, аргументировать» (*Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005. С. 94*). Восходит к реплике Молчалина: «В мои лета не должно сметь / Своё суждение иметь» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 71*).

С. 178. *Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моём сердце.* — Речь Городулина насыщена литературными штампами, в том числе из романтических произведений середины XIX в. Ср.: «Егору Петровичу, например, иногда казалось, — а может быть, и в самом деле так было, — что когда взор Елены покоился на нём, то сверкал искрой чудного пламени, потом подёргивался нежною томностию, а щёки разгорались румянцем; или порой, склонив прелестную головку к плечу, она с меланхолическою улыбкою внимала бурным излипаниям кипучей страсти, выражавшейся языком, который сначала своею дикостию и необузданностию не согласовался с её хотя прихотливым, избалованным, однако всё-таки чистым, скромным, девическим характером. Впоследствии же, когда она разгадала степень

его привязанности, то увидела, что и этим восторженным языком он не в состоянии передать и половины того чувства, которое бушевало в нём» (*Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 70).

С. 179. *Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.* — Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815—1898) — германский государственный деятель, с 1862 г. — министр-президент и министр иностранных дел Пруссии, с 1871 г. — канцлер Германской империи; Фон-Бейст Фридрих Фердинанд (1809—1886) — один из основателей государства Австро-Венгрии, в 1867 г. принял пост министра-президента и получил титул канцлера.

Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты. — В реплике Глумова нашли выражение отголоски высказываний о службе героев «Горя от ума», Чацкого и Фамусова: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»; «Не служит, то есть в том он пользы не находит...» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 37, 47).

С. 180. *...с моим меньшим братом.* — Выражение «братья наши меньшие» восходит к Новому Завету: «И Царь скажет им в ответ: "истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне"» (Матф. Гл. 25. Ст. 40). «В России XIX в. это выражение дало рождение одному из своих популярных в то время производных — "меньшая братия". Так в либеральной русской публицистике тех лет называли людей из социальных низов, "низшие классы", равно как и весь "страдающий народ"» (*Серов В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005. С. 73—74).

С. 182. *Механик* — здесь: жулик, пройдоха (*Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С. 276).

С. 183. *...дать вам совет по клубному делу.* — Клубы зародились в Москве во второй половине XVIII в. и носили первоначально сословный характер: Английский клуб (с 1772 г.), Купеческий клуб (с 1786 г.), Немецкий клуб (с 1819 г.), Дворянский клуб (с 1839 г.). С началом реформ 1860-х гг. клубы утратили сословный характер, но их членами не могли быть женщины, учащиеся, нижние чины.

Сенат — Правительствующий сенат — с 1711 г. высший государственный орган, подчинённый императору. С первой половины XIX в. за Сенатом закрепились полномочия высшего судебного органа и органа по надзору за деятельностью государственных учреждений и чиновников. По судебным уставам 1864 г. Сенат получил права высшей кассационной инстанции.

С. 187. *Я московская барышня ~ от этого не будет.* — В образе Машеньки современники усматривали сатиру на романтических героинь: «Кто не видал на сцене знатной чахоточной девы, умирающей от любви к милому, но незнатному человеку? Островский в противность этой деве выставляет московскую барышню, весьма резонно рассуждающую, что от любви она не умрёт, и желает только так выйти замуж, чтобы ей можно было весело жить» (Театральное обозрение // *Всемирная иллюстрация.* 1869. № 1. С. 14).

Жорж — французский вариант греческого имени Георгий, народной формой которого является имя Егор.

С. 190. *...все трое и оказались граверы хорошие.* — Гравер — здесь: фальшивомонетчик. В публицистике 1860-х гг. нередко встречаются истории о таком виде мошенничества. Например, в «Вестнике Европы»: «В Сергиевский посад приехал уланский юнкер, князь, письмо от высокопоставленного лица к отцу Антонию,

наместнику Лавры, о принятии этого князя в монахи. Новый послушник живёт и живёт в монастырской гостинице. Он проходу не даёт женщинам, не показывает никакого паспорта, и его всё-таки держат за счёт монастыря, как кандидата в монахи; его даже переводят в монастырь, в келью. Когда от него стали требовать бумаг, то он, в свою очередь, потребовал денег на проезд в Москву, и ему дали денег. На железной дороге он попался с фальшивой ассигнацией. По освидетельствовании, у него оказалось несколько фальшивых печатей и фальшивых документов. Между разными документами открылось свидетельство о крещении в православную веру и о крещении впоследствии в армяно-григорианскую веру.

Между тем, этот человек, разыгрывая роль святого, был принят в Москве в «хорошем обществе», и, как сказано выше, получил даже высокую рекомендацию» (Наблюдения и заметки. Хроника общественной жизни // *ВЕ*. 1868. № 12. С. 900).

С. 192. *То обеды, то вот железную дорогу открывали.* — Во второй половине XIX в. в Российской империи происходило активное формирование сети железных дорог. Построенные в это время дороги были как казёнными (Николаевская, Московско-Нижегородская, Петербургско-Варшавская), так и частными (Рязано-Уральская). Открытие железнодорожной станции, по свидетельству очевидца, происходило таким образом: «Прибывают в известный пункт члены администрации и неперемные члены парламента: наши “народные трибуны” — г. Кокорев, г. Шипов, г. Полетика¹ и т. д. Дожидаются. Приезжает местный духовный пастырь. Происходит освящение первой станции, потом едут, едят и пьют. Вторая станция освящается: едят, пьют и едут. Третья, четвёртая — то же самое...» (*ВЕ*. 1868. № 12. С. 891).

С. 192. *...коллежского регистратора...* — Коллежский регистратор — низший гражданский чин 14-го класса в «Табели о рангах».

С. 193. *...по Владимирке.* — Т. е. по тракту от Москвы на Владимир и далее на восток, в Сибирь, по которому до проведения железной дороги в 1862 г. отправлялись ссылаемые на каторгу и поселение (*Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С. 79—80).

Вот он, ваш хвалёный суд! — Имеется в виду суд присяжных, введённый в России согласно Судебной реформе 1864 г.

...за пристанодержательство... — Т. е. за содержание притона для бродяг, разбойников, их укрывательство.

...на мадере... — Мадера — сорт крепкого виноградного вина.

...медицинской управы. — Имеется в виду врачебная управа — орган губернского управления медико-санитарным делом в России с 1797 по 1865 г. (см.: *ЭСБие*. Т. 7. С. 342—344).

Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось... — 28 июня 1860 г. Александр II утвердил положение Военного совета об открытии в Императорской медико-хирургической академии пяти новых кафедр и в том числе кафедры «Учение о нервных болезнях и болезнях, сопряжённых с расстройством умственных способностей».

¹ В. А. Кокорев (1817—1889) — русский предприниматель и меценат, почётный член Академии художеств; А. П. Шипов (1800—1878) — публицист, экономист, основатель журнала «Вестник промышленности»; В. А. Полетика (1822—1888) — российский инженер, промышленник, журналист и издатель.

С. 194. *Вот что мышеловки продают.* — В своих воспоминаниях о Москве 1850—1860 гг. Н. В. Давыдов описывает торговлю «в разнос» по домам: «Тут действовали, главным образом, татары, которых было гораздо больше, чем теперь, и тюки которых содержали в большом количестве и более разнообразный товар. Часто попадались и “венгерцы”, бывшие собственно словенцами, торговавшие мышеловками и другими изделиями из проволоки; ходили по домам остзейские немки, носившие в корзинках никому не нужные метёлочки из дерева и картонные коробочки с ящичком и зеркальцем, обклеенные мелкими раковинками» (*Давыдов Н. В. Из прошлого.* М., 1913. С. 40).

Я противник всяких цепей, даже и супружеских. — Этим высказыванием Городулин «хочет дать понять, что он не только дамский угодник, но и эмансипатор» (*Лакшин В. Я. Пять великих имён: статьи, исследования, эссе.* М., 1988. С. 184).

С. 195. *Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич!* — Корейша Иван Яковлевич (1780—1861) — известный в своё время юродивый и прорицатель: «В 1817 г. случайно сбывшееся предсказание Корейши навлекло на него гнев какого-то влиятельного лица, и Корейша был отправлен в больницу для умалишённых. Здесь его посадили в сырой подвал, приковав цепью к стене. К нему стал стекаться народ; начальство больницы брало за вход по 20 копеек с человека, и эти деньги шли на нужды других больных. <...> Имя Корейши было очень популярно и в полемической литературе 1860 г.: для того, чтоб охарактеризовать нелепость взглядов противника, его часто сравнивали с Корейшей» (*ЭСБЕ.* Т. 16. С. 225).

С. 196. *Поднимать завесу* — пояснять, делать известным.

Шабала — здесь: болтун, врун.

С. 200. *Экспликация* — здесь: разъяснение, объяснение.

Артикул — здесь: статья, отдел, параграф.

Софизмы — формально правильные, но ложные по существу умозаключения.

С. 201. *Не из журналов же учиться уму-разуму.* — Глумов имеет в виду прежде всего демократические журналы «Современник» и «Русское слово», закрытые в 1866 г.

С. 202. *Я не по новым учреждениям...* — Т. е. не по учреждениям, появившимся в результате реформ 1860-х гг.: уездного земского собрания, земской управы, мирового суда, общего суда и т. д.

С. 203. *Ханжа* — тот, кто набожен, притворно-добродетелен; лицемер.

...в Бессарабии... — Бессарабия — историческая область между р. Днестр и Прут (ныне основная часть территории Молдавии). С 1812 по 1918 г. находилась в составе Российской империи.

С. 205. *Возобновить бы Озерова...* — Озеров Владислав Александрович (1769—1816) — русский драматург начала XIX в., в творчестве которого переплетались элементы классицизма и сентиментализма.

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней течение... — из трагедии В. А. Озерова «Фингал» 1805 г. (*Озеров В. А. Сочинения.* СПб., 1846. С. 127).

О боги! Не прошу от вас речей искусства... — из трагедии В. А. Озерова «Поликсена» 1809 г. (Там же. С. 255).

О мать, слёзный ток, коль можно, осуши... — из трагедии В. А. Озерова «Поликсена» (Там же).

С. 206. *При вести таковой задумчив пребываешь...* — из трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (Там же. С. 153).

Когда Россиянин решится слово дать... — из трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (Озеров В. А. Сочинения. С. 152). Слово «решился» Крутицкий меняет на «решится».

Ты знаешь, что союз сей верен до того... — из трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (Там же).

Чтоб при сопернице в измене обличить... — из трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской» (Там же. С. 154). Крутицкий слово «сопернике» меняет на «сопернице».

С. 207. *Сговор* — здесь: соглашение между родителями жениха и невесты о браке.

С. 208. *Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности...* — Намёк на реплику Софьи:

Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умён,
Но робок... знаете, кто в бедности рождён...

(Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 20).

С. 211. *Гусь порядочный* — неодобрительная характеристика человека, заносчивого, недалёковидного, совершающего предосудительные поступки.

С. 212. *Брави* — разбойники в Италии XVIII в.

С. 221. *Статья называется: «Как выходят в люди» ~ Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало».* — Похожий случай приведён в статье анонимного автора «Общество женихов — искателей богатых невест» (*Развлечение*. 1868. № 33. 24 авг. С. 10; см. также: ПСС-12. Т. 3. С. 513).

С. 223. *Пашквиль* — пасквиль (от имени римского башмачника Pasquino, славившегося своим остроумием) — произведение, содержащее в себе оскорбительное, клеветническое сообщение или изображение.

...назван либералом... — Либерал — политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще, желающий большой свободы народа и самоуправления.

Ювенал — Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127) — римский поэт-сатирик.

С. 225. *...для стича...* — Спич — краткая приветственная речь.

А. А. Виноградов

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Впервые опубликовано: *Отечественные записки*. 1869. № 1. С. 63—162.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3095/7. Автограф карандашом и чернилами. Листы пронумерованы не по порядку;

— цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. I.4.4.49. Экземпляр, рассматривавшийся драматической цензурой и Театрально-литературным комитетом, с режиссёрскими пометами (устройство сцены, распределение ролей, необходимая бутафория);

— театральная писарская копия (ТПК₁): МТ. № 1307. Суфлёрский экземпляр чернилами, содержит исправления карандашом (разметка для удобства чтения, а также исправление неточностей, допущенных при переписывании пьесы). Переписан, вероятно, с несохранившегося белого автографа;

— театральная писарская копия (ТПК₂): МТ. № 1306. Режиссёрский экземпляр с пометами, определяющими устройство сцены, распределение ролей и проч. Текст соответствует суфлёрскому экземпляру;

— писарская копия (ПК): СПБФ АРАН. Оп. 56. № 40. Текст пьесы, поданный на соискание Уваровской награды для драматургов, с пометой о цензурном разрешении. Близок к ЦПК, однако не полностью с ним совпадает.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7. СПб., 1874. С. 347—466 — с исправлением явных опечаток и следующими изменениями¹:

С. 245

^{26—27} *Вместо*: А где-то моя звёздочка — Ах, где-то моя звёздочка (по ЧА, ЦПК, ПК)

С. 250

³ *Вместо*: было во мне геройство — было во мне еройство (по ЧА, ЦПК, ПК)

С. 253

^{27—28} *Вместо*: Я тебе доподлинно объясню — Я тебе доподлинно объясняю (по ЧА, ЦПК, ПК, ОЗ)

С. 267

^{13—15} *После*: *Подходит Гаврило*. — Градобоев (*увидя Гаврилу*). Ты что тут, друг любезный, шатаешься? (по ЧА, ЦПК, ПК)

С. 294

⁵ *Добавлены слова*: Параша. Ты на воле? (по ЧА, ЦПК, ПК)

Замысел пьесы возник одновременно с замыслом комедии «На всякого мудреца довольно простоты», т. е. в конце августа или в начале сентября 1868 г. Первоначальные заметки, относящиеся к обеим пьесам, находятся на одном листе (ИРЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 36), причём трудно понять, шла ли на этом этапе речь о разных замыслах или об одном произведении, где каким-либо образом сочетаются мотивы и сюжетные ходы, вошедшие позже в две пьесы. Пьеса должна была называться «Женское сердце», однако название было скоро исправлено на «Горячее сердце». Изложение дальнейшего хода сюжета напоминает обе пьесы. Упоминания ночи, сада и шкатулки в описании одной из сцен, как и мотив «льда в крови», откликнутся именно в сюжете «Горячего сердца». На том же листе возникают и отдельные слова и выражения, употреблённые в комедии: «Но, яко», «Как бабы белье полощут» (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

После окончания работы над пьесой «На всякого мудреца довольно простоты» Островский немедленно обратился к реализации замысла «Горячего сердца». Уже в письме к Ф. А. Бурдину от 23—24 сентября 1868 г. драматург, ещё не завершив предыдущей пьесы, утверждал, что планирует закончить вторую в ноябре. 8—12 ноября он сообщал тому же адресату, что уже оканчивает новую комедию. Работа над комедией шла осенью 1868 г. 23—24 октября 1868 г. Островский, раздражённый напряжёнными отношениями с Дирекцией императорских театров, писал Бурдину, что «Горячее сердце» будет его последней пьесой.

Черновой автограф в целом незначительно отличается от окончательного текста: Островский уточняет стилистику и речевые характеристики отдельных персонажей, однако концептуальные изменения остаются незначительными. Обозначение жанра комедии в первом варианте ЧА («Комедия из народного быта, с хорами, песнями и плясками, в 5 действиях») было намного более развёрнутым и прямо указывало

¹ Учтены наблюдения над текстом Е. И. Прохорова (ЛСС-12. Т. 3. С. 513).

на условный характер пьесы, возможно, отсылая к упомянутой в тексте «Двумужнице» А. А. Шаховского. Как и в других рукописях Островского, интерес представляют записи на полях, содержащие, в частности, несколько вариантов ключевого для пьесы монолога Параша, посвящённого судьбе женщины. Знаками NB помечены многие реплики из разговора Гаврилы с Градобоевым, в которых характеризуются общественные порядки в городе. Также интересны заметки на л. 40 об. *ЧА*: счета драматурга и заметка к будущему монологу Гаврилы, который называет себя «неполным» человеком (8 явл., д. V окончательного текста).

Завершив работу над *ЧА*, Островский написал и белой автограф, судя по всему, несохранившийся. О содержании *БА* можно судить по написанным на его основе *ЦПК*, *ТПК₁* и *ТПК₂*. В целом, все они соответствуют верхнему слою *ЧА*. Соответственно, основные различия между *ЧА* и окончательным текстом сохраняются и в поздних копиях. По всей видимости, первая постановка пьесы осуществлялась именно по этим копиям, а не по тексту, опубликованному в «Отечественных записках». Впрочем, различия эти немногочисленны и почти исключительно сводятся к отдельным стилистическим деталям. Более интересны режиссёрские и суфлёрские пометы в *ЦПК* и *ТПК₁₋₂*, свидетельствующие о том, что при постановке текст подвергся значительному сокращению. В частности, в московской постановке почти полностью были исключены песни, а также отдельные выражения, в первую очередь, видимо, воспринимающиеся как грубые.

Основные отличия всех писарских копий от печатного текста следующие¹:

вместо слов «на какую-нибудь невежу-гостя» в цензурной рукописи читается «на какую невежу, на гостя неучтливово»;

после реплики Силана помещена ремарка «Лезет в сапог» (ремарка печатается в окончательном тексте пьесы по *ЧА*);

в реплике Градобоева есть фраза: «Вот встречу как-нибудь твоего должника, скажу, чтоб полатился» (фраза печатается в окончательном тексте пьесы по *ЧА*);

в реплике Аристарха есть слова «скажу ему, может и заступиться»;

в реплике Хлынова есть фраза «Милости просим, господа!»;

присутствует реплика Параша «Ты на воле?» (реплика печатается в окончательном тексте пьесы по *ЧА*);

в реплике Силана есть фраза «И не просись лучше».

При этом *ЦПК* и *ТПК₁₋₂* содержат множество разночтений с опубликованным текстом, большая часть из которых, по всей видимости, объясняется ошибками переписчиков: эти разночтения подчас делают текст пьесы бессмысленным или грамматически бессвязным². *ЦПК* использовалась для первой постановки комедии в Санкт-Петербурге в качестве режиссёрского экземпляра: на экземпляре указано, что пьеса предназначена для бенефиса Линской. Сохранился и суфлёрский экземпляр — вырезка из «Отечественных записок» со множеством помет разными карандашами (*ГТБ*. I.2.2.9). В нём около списка действующих лиц указаны исполнители ролей. Список этот совпадает с приведённым в экземпляре и с актёрским составом

¹ Ср.: Поляков А. С. Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского // Памяти А. Н. Островского: сб. ст. об Островском и неизданные труды его / под ред. Е. П. Карпова, Д. К. Петрова, М. Д. Беляева и др. Пг., 1923. С. 141—142.

² Основные разночтения, не связанные с этими ошибками, см. в разделе «Другие редакции и варианты».

премьеры. Судя по этим пометам, экземпляр использовался также и для множества последующих постановок, однако однозначно определить, для каких именно и как соотносятся пометы, невозможно. Несовпадение суфлёрского (печатного) и режиссёрского (рукописного) экземпляров, видимо, прошло почти незамеченным, за исключением слов Аристарха: «Скажу ему, может и заступиться», — отсутствующих в печатном тексте и вписанных на полях (см.: *ГТБ*. I.2.2.9. Л. 30 об.).

Пьеса получила цензурное разрешение 31 декабря 1868 г. (цензор — Е. И. Кейзер фон Нилькгейм), а уже 4 января 1869 г. её одобрил Театрально-литературный комитет (см.: *ГТБ*. I.IV.4.49. Л. 1). О прохождении пьесы через цензуру Ф. А. Бурдин написал Островскому 1 января 1869 г.: «...вчера был доклад в цензуре твоей пьесы — и она прошла целиком, хотя я побаивался за городничего, которого вполне цензора боялись пропустить, основываясь на том, что нигде и ни из чего не видно, что действие происходит 30 лет тому назад, поэтому я и вписал о сем в пьесу, да сверх того, попросил Лазаревского поддержать в Совете и сейчас получил известие, что все кончилось благополучно» (*Бурдин*. С. 86). Фраза «Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове» вообще отсутствует в *ЧА* и *ЦПК*, однако сохраняется во всех последующих копиях пьесы, включая обе *ТПК* и все издания. Проверить достоверность свидетельства Бурдина не представляется возможным.

Режиссёрский экземпляр *ТПК*, сохранившийся в Спецбиблиотеке Малого театра, подписан режиссёром А. А. Яблочкиным в январе 1869 г. Судя по пометам, именно по этому экземпляру пьеса была сыграна в бенефис Садовского 15 января 1869 г. (см.: *МТ*. 1307. Л. 1—1 об.). Соответствует ему и суфлёрский экземпляр. Оба экземпляра, как отмечалось выше, в целом совпадают с *ЦПК*.

После постановки пьесы работа над ней в целом была завершена: при подготовке издания в «Отечественных записках» Островский внёс незначительную стилистическую правку. Между изданиями комедии есть несколько разночтений, однако их происхождение остаётся под вопросом: они могут быть следствием как стилистической правки, так и случайных ошибок в издательском процессе.

К. Ю. Зубков

Комедия «Горячее сердце» имеет явно экспериментальный характер, она написана в то время, когда драматург был увлечён итальянским театром XVII—XVIII вв.: в 1867—1870 гг. он переводил и переделывал комедии К. Гольдони и других итальянцев, в основном в стиле комедии дель арте. Жанровые, сюжетные, характеристические особенности комедии «Горячее сердце» оказались близкими традициям итальянского театра: традиционные любовные треугольники, которые переплетаются с семейной интригой; сложность и затейливость фабулы с детективным элементом; переодевания (комедию дель арте называют также комедией масок); типология сценических физиономий, среди которых выделялись идеализированные образы влюблённых¹. Естественно, Островский не просто повторяет приёмы итальянского театра дель арте, но он явно использует некоторые его традиции с целью обновить собственную драматургическую систему. В комедии «Горячее сердце» сочетаются приёмы отечественного народного театра с европейской театральной традицией.

¹ См.: Шанина Д. С. Комедия А. Н. Островского «Горячее сердце» и традиции итальянской комедии дель арте // А. Н. Островский. Материалы и исследования: сб. статей. Вып. 2. Шуя, 2008. С. 132—137.

А. И. Журавлёва отметила наличие в «Горячем сердце» «двух жанровых разновидностей... народной и сатирической», причём они «взаимно влияют и взаимно трансформируют друг друга» (Журавлёва А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М., 1981. С. 182). Традиционный для Островского бытовой материал, по мнению исследовательницы, обыгрывается в этой пьесе в условном, гротескном стиле. Особенности характера художественности комедии, установка на гротесковую условность её структуры были, очевидно, основной причиной того, что в критике она почти не получила глубокой и адекватной оценки: большинство рецензентов увидели в комедии обычный бытовой сюжет и были в недоумении от противоречащего всем бытовым комедийным традициям её стиля, в основе которого — условность форм.

Не случайным представляется тот факт, что действие «Горячего сердца» происходит в городе Калинове, знакомом читателю и зрителю по «Грозе». В комедии, как отмечает В. Я. Лакшин, «расшатаны прежде нерушимые устои быта купеческих особняков», а сам драматург предстаёт «как сатирик язвительный, беспощадный», но «в самой действительности и в сознании автора совершился переход от фигур драматических, страшных к фигурам прежде всего комическим» (ПСС-12. Т. 3. С. 483). Поэтому и понадобились Островскому новые приёмы комического, иные по сравнению с пьесами 1850-х гг. жанровые принципы комедии.

Сатирический характер комедии «Горячее сердце» в восприятии читателей усиливался и тем, что она была опубликована в том же номере «Отечественных записок», что и главы романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», тоже вызвавшего немало споров в силу своей гротесковой природы.

По мнению А. И. Журавлёвой, Островский «ставил перед собой задачу создать народную комедию, в которой “Горячее сердце” столкнулось бы с сатирически осмеянным миром зла и победило в этом столкновении» (Журавлёва А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М., 1981. С. 186). Сложность художественной структуры «Горячего сердца» в том, что гротескное изображение быта в ней уживается с поэтическим началом, и не случайно Островский в письме от 29 января 1859 г. предупреждал Ф. А. Бурдина, исполнявшего роль Хлынова, от какого-либо шутовства («будь веселее, но берегись фарса»).

Именно сочетание гротеска и лиризма, неожиданное для творчества Островского, явилось некоторым препятствием для осмысления комедии «Горячее сердце» и в критике, и на сцене. Имеется немало свидетельств того, что комедия была положительно оценена при чтении её журнальной публикации: сохранились письменные свидетельства о мнениях А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и др. (см.: ПСС-12. Т. 3. С. 515). В то же время в печати преобладали негативные оценки пьесы (за некоторыми исключениями). Рецензенты констатировали наличие в комедии старых мотивов и характеров, неактуальность и несовременность тематики, несовершенство сюжетостроения пьесы.

Замечена была авторская тенденциозность сатирической комедии. Л. Н. Антропов, сотрудник близкого почвенничеству журнала «Заря» (ведущую роль в нём играл критик Н. Н. Страхов, позицию журнала одобрял Ф. М. Достоевский) сопоставил «Горячее сердце» с нигилистической литературой, увидел в комедии отражение «критических или публицистических упражнений над русской жизнью и искусством наших отрицателей». Параша, по мнению рецензента, — «достойная сестра разных протестантов», остальные персонажи напоминают зверей в человеческом облике

(Л. Н. А.—в <Антропов Л. Н.> Театральные заметки // *Заря*. 1869. № 1. С. 177). Подобная оценка тем более удивительна, что прежде Островский идейно был близок к почвенникам и его творчество приветствовалось не только А. А. Григорьевым, но и братьями Достоевскими. Негативное отношение сотрудника «Зари» к комедии «Горячее сердце», очевидно, объясняется её сатирической направленностью в адрес «тёмного царства» русской жизни. Несколько позже Антропов смягчил свою оценку «Горячего сердца» и даже признал её автора «народным сатириком», впрочем, по-прежнему подчёркивая карикатурность, тенденциозность, водеvilность её содержания, и констатировал небольшой успех спектаклей (см.: Л. Н. А.—в <Антропов Л. Н.> Театральные заметки // *Заря*. 1869. № 5. С. 183—193).

В других откликах на пьесу тоже было немало упреков в преувеличенной карикатурности сценических картин и характеров комедии. Рецензент «Северной пчелы» утверждал, что в «Горячем сердце» тот же быт и та же среда, «в изображении которых Островский был и остаётся лучшим мастером и единственным художником-драматургом», что он «возвращается к прежней своей деятельности», что «вновь фигурируют те же лица купеческой и мещанской среды», знакомые по прежним его комедиям, в которых отмечается «та же покорность и безответность одних и своеволие, самодурство и безобразие других» (К. Театральная летопись. «Горячее сердце» // *Северная пчела*. 1869. № 5. 2 февр. С. 1). В то же время, констатирует рецензент, жизнь очерчена в комедии «в таких новых, не менее интересных её проявлениях, исполнена таких существенных подробностей, что нельзя не признать и не удивляться тому, как могут быть обильны и разнообразны материалы творчества у такого талантливого писателя, каков г. Островский». Новое в этой пьесе то, что жизнь «изобразена яркими и резкими красками», появились новые герои, сохранившие «силу характера, твёрдость, энергию, благородство души», решимость бороться «за свои человеческие права» (Там же). Рецензент «Северной пчелы» находит и недочёты в художественном строе комедии, которая кажется ему «растянутою»: «патриархальная жизнь» далека от истины и «едва ли возможна», в сюжете имеются «лишние вставки», финал нарочитый (Там же). Эти претензии критика можно объяснить тем, что он понял «Горячее сердце» как традиционную бытовую комедию, не учитывая её условный гротесковый характер.

Едва ли не самая негативная оценка принадлежала Лунину, увидевшему в комедии «грубую и плоскую карикатуру на русскую жизнь», к которой «пришита» Параша — «пряничная фигура», «пародия на высокий характер». «Горячее сердце», утверждает Лунин, — «насмешки над русской жизнью», в одном ряду с «судорогами фантазии» Н. Щедрина и натурализмом Левитова. Она недостойна имени Островского, «творца русского народного театра» (Лунин. Новая пьеса Островского. — Что было причиной её неуспеха? // *Всемирная иллюстрация*. 1869. № 7. 12 февр. С. 110—111).

Многочисленные упреки в отсутствии новизны содержания и характеров пьесы и её художественном несовершенстве звучат в различных отзывах (см.: Z. Z. Ещё о «Горячем сердце» Островского // *Пб. газета*. 1869. № 17. 2 февр. С. 3; Московский фельетон // *НВ*. 1869. № 26. 7 февр. С. 1; Иванов В. К. «Горячее сердце», комедия в пяти действиях А. Н. Островского // *Всемирный труд*. 1869. № 2. С. 103—136). Более доброжелательно отнёсся к комедии «Горячее сердце» А. С. Суворин. Он подчёркивает, что комедия воспроизводит «исчезнувший или исчезающий мир, воспроизводит с талантом». Иронично обрисованы главные персонажи: Курслепов,

который «распространяет вокруг себя благодеяние самодурства... сонного, апатического, словно усталого в непрестанной борьбе»; под стать ему Градобоев, судящий «по душе, которую считает выше законов». Они представляют «земщину» (обывателей) и «администрацию» и друг друга стоят. «Может быть, это карикатура, — признаёт Суворин, — но разве карикатура не есть доведение какого-нибудь принципа или его воплощения до первобытной, простейшей, грубой его формы?» «Симпатичный» характер в пьесе, признаёт критик, — Параша; это именно «горячее сердце», «с жаждою любви и воли». Она непоследовательна в поведении, характер её не вполне развит, хотя не противоречит «особенностям русской жизни». Однако, по мнению рецензента, в комедии «слаба отделка», «плоха интрига», растянуто действие, эпизодичны некоторые сцены, «обидная несовременность сюжета». Всё это было причиной того, что пьеса «имела успех незначительный», как произведение она слабее, «чем водевиль “На всякого мудреца довольно простоты”» (*Незнакомец. <Суворин А. С.> Недельные очерки и картинки // СПбВед. 1869. № 33. 2 февр. С. 2*). Очевидно, Суворин, как и другие рецензенты, воспринял «Горячее сердце» в традиционном бытовом плане, без учёта её художественной специфики. Именно этим объясняются и многие другие упреки в адрес автора комедии.

Обширную статью о «Горячем сердце» опубликовал Е. И. Утин (*Е. У. <Утин Е. И.> Современные условия русской сцены (Новая комедия А. Н. Островского «Горячее сердце») // ВЕ. 1869. № 3. С. 473—484*). По мнению рецензента, Островский в этой комедии «снова вернулся в мир самодуров, послуживший ему таким богатым материалом для прежних его произведений», хотя драматург и «постарался придать выведенным в этой комедии лицам большую резкость» (Там же. С. 473), которая подчас переходит в карикатурность и тем вредит «правде целого произведения». Пьеса представляет собой «ряд сцен», в ней нет главного сюжета, есть лишь несколько сюжетных линий, «всё тут перемешано, перепутано» (Там же. С. 474). Утин считает, что «основные положения комедии» должны были быть «крепко связаны между собой, а не брошены вместе как попало» (Там же. С. 475). В то же время рецензент находит в пьесе «много удачного и истинно комичного», особенно в характере Курослепова — «общие черты самодурства», хотя последняя сцена объяснения с женой, «неудачно вымышленная», портит «типичную, хотя несколько карикатурную фигуру» героя. Ещё более противоречив характер Параша, утверждает Утин, она «невольно режет глаза своею фальшью» (Там же. С. 476, 477). Остальные персонажи — наброски, за исключением Гаврилы. Это тип более цельный, но он «слишком напоминает Бородкина в комедии “Не в свои сани не садись”» (Там же. С. 482). Пьеса, по мнению Утина, могла быть завершением темы самодурства в его творчестве, но этого не получилось: автор повторяет самого себя и пренебрегает художественной отделкой пьесы. К оценке «Горячего сердца» критик по существу подходит с заранее определенными критериями, а не опирается на особенности самого текста, на новаторскую природу комедии. Он считает, что «главное условие хорошей комедии — это простота и естественность в связке» (Там же. С. 482), а «Горячее сердце» не серьёзная комедия, а водевиль, в котором много «внешнего комизма», напоминающего «балаган», есть и лишние сцены. Оценка Утиным комедии «Горячее сердце» оказалась характерной для большинства её рецензентов, не учитывавших новаторскую природу пьесы и делавших голословные выводы об упадке таланта драматурга.

Споры о комедии «Горячее сердце» продолжались и в последующие годы, преимущественно в связи с её театральными постановками. Резко отрицательно высказался о пьесе некто, подписавшийся криптонимом А. К., в статье «Драматическое легкомыслие», напечатанной в малоизвестном журнале «Библиотека дешёвая и общедоступная библиографии и беллетристики» (1871. № 10. С. 100—112). Рецензия написана с претензией на общую характеристику творчества Островского «с целью выяснить субъективное мирозерцание самого автора» и содержит вывод, что «мир творчества» драматурга — «уродливый, бессмысленный и выдуманный досужей фантазией». Комедия «Горячее сердце» — «уродливое детище», которое «ничего не выясняет, ничего не затрагивает; он не даёт никаких типов, никаких бытовых, характеристических черт, и не вызывает, со стороны мыслящего читателя, ни размышлений, ни сочувствия, ни смеха» (*Зелинский В. А.* Критические комментарии к сочинениям А. Н. Островского. Ч. 4. М., 1904. С. 112). Автор статьи не поскупился на различные негативные оценки комедии: «убогая тема», «кукольная комедия», «водевиль с переодеваниями», «шутовской фарс» (Там же. С. 114). Рецензента не устраивает отсутствие в пьесе авторской тенденции: по его мнению, автор «не относится критически к этой жизни, не выясняет условий, которые создали подобные животные инстинкты, а рисует их с фотографической точностью, но без анализа и без руководящей мысли» (Там же. С. 115). Поэтому и характеры персонажей «безжизненны и вялы», «давно знакомы» и «ничего нового не прибавляют» (Там же. С. 121). Далее следует вывод: «измельчал талант первого нашего драматурга», не способного предложить «никакой разумной мысли, никакой человеческой борьбы, никакого анализа человеческих чувств и отношений» (Там же. С. 122, 123).

Подобные несправедливые оценки «Горячего сердца» и всего творчества Островского пореформенной эпохи свидетельствуют о явной эстетической глухоте многих его «ценителей», о том, в какой атмосфере приходилось творить Островскому. Некоторая переоценка пьесы произошла лишь спустя десятилетия, в конце XIX в., и это касалось главным образом сценической истории комедии, не менее сложной и противоречивой, чем критическая история публикации.

Своё понимание главной героини комедии высказал А. М. Скабичевский в статье «Женщины в пьесах А. Н. Островского» (*Северный вестник.* 1887. № 8. Отд. 1. С. 151—190). Он предпринял типологический анализ женских характеров, созданных драматургом, и довольно высоко оценил образ Параша. Критик находит у неё «широкие идеалы», искренность в отношении к другим, способность отстоять свою «волю дорогую» и в то же время подчёркивает замкнутость героини комедии на стремлении «устроить своё личное счастье посредством замужества с избранником своего сердца». Скабичевский-народник предпочитает характеры героинь, склонных к самопожертвованию и стремящихся помочь другим, таких как Лиза в комедии «В чужом пиру похмелье» и другая Лиза — в «Пучине» (*Скабичевский А. М.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб., 1895. С. 731—736).

Театральная премьера комедии «Горячее сердце» состоялась в московском Малом театре 15 января 1869 г., в бенефис П. М. Садовского, исполнившего роль Курослепова. В других ролях выступали: Градобоев — В. И. Живокини, Хлынов — В. А. Дмитриевский, Матрёна — С. П. Акимова, Параша — Г. Н. Федотова, Наркис — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Гаврило — Н. И. Музиль, Аристарх — С. В. Шумский. Сам Островский спустя некоторое время в <Докладной записке

об авторских правах драматических писателей» вспоминал об этом спектакле (хотя на самой премьере он по состоянию здоровья не смог присутствовать): «Некоторые газетные корреспонденты писали... будто “Горячее сердце”... в Москве не имело успеха, но это ложь явная: пьеса имела успех, и имела его crescendo, чем дальше, тем больше» (*ЛСС-12*. Т. 10. С. 92—93). Особый успех выпал на долю П. М. Садовского, игравшего Курослепова так выразительно, с такой потрясающей мимикой, что его исполнение надолго осталось в памяти зрителей. На одном из премьерных спектаклей присутствовал Л. Н. Толстой и оставил о нём довольно странный отзыв. Занятый своими «историческими мыслями» (он в это время напряжённо работал над «Войной и миром»), писатель не смог сосредоточиться на театральном действии, в чём признался в письме к жене С. А. Толстой 18 января 1869 г.: «Ушёл от скуки, не доглядев новую пьесу и игранную прекрасно. Скучно стало» (*Толстой Л. Н. Собр. соч.*: в 20 т. Т. 17. М., 1965. С. 329).

Положительные отзывы об игре П. М. Садовского появились после гастролей знаменитого артиста в Петербурге в 1870 г., например, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1870. 19 мая. С. 2). Об удивительном артистизме П. М. Садовского, исполнителя роли Курослепова, и в целом о московском спектакле восторженно писал А. А. Стахович (см.: *Стахович А. А. Ключки воспоминаний*. М., 1904. С. 98).

Менее удачным оказалось исполнение роли Параши талантливой актрисой Г. Н. Федотовой. О её совместных с П. М. Садовским гастролях в Петербурге в 1870 г. корреспондент «Биржевых ведомостей» писал, что актриса «не передавала той горячности натуры, какая необходима для воспроизведения на сцене энергической женской личности» (Театральная хроника // *Биржевые ведомости*. 1870. № 226. 24 мая. С. 3). Вообще сочетание в пьесе гротескной сатирической сюжетной линии с лирической струей стало самой большой проблемой для всех постановщиков спектаклей по комедии «Горячее сердце».

Вслед за Малым театром 24 января 1869 г. в бенефис Ю. Н. Линской комедия «Горячее сердце» была поставлена в петербургском Александринском театре. Роль Курослепова исполнял П. В. Васильев (Васильев 2-й), Матрёну сыграла Ю. Н. Линская, Парашу — Е. П. Струйская, Наркиса — И. Ф. Горбунов, Градобоева — В. В. Самойлов, Васю — Н. Ф. Сазонов, Хлынова — Ф. А. Бурдин, Аристарха — Н. Н. Зубов, Гаврилу — Калугин, Силана — П. И. Зубров. Этот спектакль оказался одним из самых провальных в театральной судьбе Островского, о чём писал сам драматург в «Докладной записке об авторских правах драматических писателей», признавая этот случай трудно переносимым горем (см.: *ЛСС-12*. Т. 10. С. 92). Многие из упомянутых ранее негативных отзывов о комедии относились именно к этому спектаклю.

Более удачным оказалось исполнение комедии в том же Александринском театре в 1875 г., по поводу которого своё мнение о самой пьесе и её инсценировке высказал А. Н. Плещеев. Картины диких нравов, сопоставимые, по мнению рецензента, с «Мёртвым домом» Ф. М. Достоевского и «Очерками бурсь» Н. Г. Помяловского, соседствуют в комедии с привлекательными характерами Гаврилы и Параши. Критик отмечает: «Вся пьеса от первой до последней сцены пронизана типическим, реальным, выхваченным из жизни», «таланту здесь положена бездна». В то же время Плещеев считает, что «зерно драмы, самая интрига» слишком перегружена бытовыми подробностями. Несмотря на привлекательность личности Параши, она

«не совсем удалась», так как её поступки недостаточно психологически обоснованы: её «энергичная натура давно бы нашла себе исход из этой каторжной жизни» (Плещеев А. Н. Театр и музыка. Возобновление «Горячего сердца» // *Биржевые ведомости*. 1875. 9 сент. С. 3).

Александринский театр снова обратился к постановке «Горячего сердца» в 1893 г., и снова успешно. Спектакль с участием М. Г. Савиной, К. А. Варламова, П. Медведева, В. Давыдова имел большой успех, о чём свидетельствуют воспоминания Ю. М. Юрьева со ссылкой на мнение П. И. Чайковского (см.: *Юрьев Ю. М. Записки*. М., 1948. С. 278). Тогда же комедия была поставлена в московском театре Ф. А. Корша. По поводу этого спектакля о своеобразии пьесы и трудностях её исполнения писал Ю. Н. Говоруха-Отрок (*Николаев Ю. <Говоруха-Отрок Ю. Н.> Театральная хроника* (Театр Корша. «Горячее сердце» Островского) // *М. вед.* 1893. № 293. 24 окт. С. 3).

Большим событием в театральной истории комедии был спектакль, поставленный К. С. Станиславским в Московском Художественном академическом театре в 1926 г. В этой постановке блестяще, в гротескном ключе исполнена сатирическая линия, однако лирическая сторона комедии, связанная с образом Параша и её любовными чувствами, оказалась несколько выбивающейся из общей стилистики комедии¹. Это свидетельствует о том, что комедия «Горячее сердце», в которой переплетаются сатирическая и лирическая стихии, требует от постановщиков особого подхода.

С. 228. *Ни папаша, ни мамаша...* — Слова русской народной песни. Ср. старинный вариант:

Ни матушки, ни батюшки.
Дома нету никого,
Полезай, сержант, в окно.

(Самый новейший отборнейший московский и Санкт-Петербургский песельник / сост. С. И. Комиссаров. М., 1799. С. 166).

С. 231. ...и мурины. — Мурин — чёрный, тёмный; здесь — нечистая сила.

С. 232. *Но, яко...* — Из «Благодарственной молитвы после вкушения пищи» (Православный молитвослов. М., 2004. С. 70).

С. 236 *Атютант* — адъютант.

Флаки — флаги.

С. 237 *Венецейский* — венецианский.

Фулярный — сделанный из фуляра, лёгкой шёлковой ткани (см.: *Словарь к пьесам*. С. 224).

Сутыры — сапфиры.

«*Двумужница*» — пьеса А. А. Шаховского, пользовалась успехом у зрителей, особенно в провинции.

С. 238. *Бандура* — струнный музыкальный инструмент; здесь: гитара.

С. 240. *Облом* — грубый, неуклюжий, неловкий.

С. 245. *Берёзинского!* — На фабрике И. Н. Чумакова в Костроме выпускались разные табачные изделия, в том числе нюхательный табак сорта «берёзинский».

¹ См. об этом: *Тальников Д. Л.* «Горячее сердце» на сцене МХАТ. М.; Л., 1940; *Журавлёва А. И.* А. Н. Островский — комедиограф. М., 1981. С. 185—186.

В разговоре Сидоренко и Силана обыгрывается тот факт, что некоторые продавцы подсыпали в мешки с табаком для увеличения веса древесную золу и мелко истолчённое стекло.

Ах ты, воля, моя воля... — Вариант хоровой песни, опубликованной Т. И. Филипповым с пометой: «Слышал в Москве от певиц родом из Тулы»:

Ах ты, воля, моя воля, воля дорогая!
Воля дорогая, девка молодая!
Девка по саду гуляла, красоту теряла...

(40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым. М., 1882. № 12. С. 29; см. также: *ПСС-12*. Т. 3. С. 519).

С. 249. *Чёрный ворон, что ты вьёшься...* — Городской романс, известный по сборнику «Новейшие русские песни» (М., 1839); см. также: *ПСС-12*. Т. 3. С. 520.

С. 250. *Опиум* — опиум.

С. 251. *...аман кричит*. — Т. е. пощады просит.

С. 253. *Брянские леса* — глухие леса неподалёку от старой границы Московского государства и Речи Посполитой, известные как пристанище разбойников (до конца XVII в.).

...у казака купил, у киргиза. — В XIX в. в России не различали этносы киргизов и казахов (см.: *Даль*. Т. 2. С. 72).

С. 255. *Беги в молодцовскую...* — Молодцовская — помещение для молодцов, т. е. приказчиков, работников.

С. 258. *Зажито* — заработано.

С. 272. *Провожу-то ли я дружка далекохонько...* — Песня «Не бушуйте, ветры буйные», известная по сборнику «100 русских песен, записанных с народного напева» (М., 1894); см. также: *ПСС-12*. Т. 3. С. 520.

С. 274. *...охотника найми либо квитанцию купи*. — При рекрутском наборе в армию можно было вместо себя нанять добровольца за соответствующую плату или просто откупиться (купить квитанцию).

С. 277. *Маркитант* — снабженец, торговец в армии.

С. 279. *Обремизить* — подставить, обмануть.

С. 287. *Только б он мне навстречу не вышел...* — Имеется в виду леший, нечистая сила.

С. 289. *...луга кортомим...* — Кортонить — брать в наём, пользоваться за плату чужими угодами (см.: *Словарь к пьесам*. С. 92).

С. 290. *Спроворить* — проворно, быстро устроить, сделать, добыть что-нибудь.

С. 299. *...я с ним за добросовестного*. — Добросовестный — здесь: избранный для разбора какого-либо спора, свидетель или третейский судья.

В. В. Тихомиров

БЕШЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Впервые опубликовано: *Отечественные записки*. 1870. № 2. С. 391—489.

Рукописные источники:

— черновой автограф (ЧА): РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 4. Л. 1—53;

— белой автограф (БА): РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 4. Л. 54—111;

— цензурная писарская копия (ЦПК): ГТБ. 22249. № 1046;

— театральная писарская копия (ТПК): МТ. 783/2. Суфлёвский экземпляр.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н. Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 7. СПб., 1874. С. 223—345 — со следующими исправлениями (по ЧА и БА):
С. 310

⁴ и далее по тексту. Вместо: Савва Геннадич — Савва Геннадъич

С. 388

⁸ Вместо: блестит на минуту — блеснёт на минуту

Черновой автограф (ЧА), записанный карандашом, датирован «25 октября» <1869 г.> (Л. 12). На том же листе обозначены зачёркнутые затем драматургом заголовки: «Коса на камень» и «Не всё то золото, что блестит». В перечне действующих лиц имя Василькова записано сначала как Фёдор Николаевич, затем исправлено на Савва Геннадъич, а в тексте II действия (сначала оно было первым) — Фёдор Петрович. По всей видимости, окончательно имя главного героя, как и его возраст, определилось только при существенной переработке всей пьесы. Именно на этом этапе в уже написанные сцены драматург добавляет реплики, акцентирующие внимание на имени Василькова. Так, небрежное замечание Лидии в адрес потенциального жениха: «И лицо ваше не из красивых, и фамилия какая-то мешанская», — дополнено словами: «и имя неслыханное». Возраст героя был определён не сразу, сначала он был представлен как «молодой человек, провинциал», затем как человек, которому «лет 30», а потом — «лет 35». Также изменению подверглись статус и возраст Кучумова. В перечне лиц и в ранних вариантах текста пьесы он именовался исключительно Князем Кучумовым, однако впоследствии Островский оставил только фамилию. Возраст Кучумова изменился с «за 60 лет» на «лет 60».

По первоначальному замыслу Островского, комедия должна была начинаться диалогом Кучумова с Надеждой Антоновной, в целом соответствующим 3-му явлению II действия окончательной редакции текста. Характер Кучумова, по всей видимости, за время написания пьесы претерпел существенные изменения. Так, в одном из монологов ЧА звучит дидактическая нота, слабо выраженная в окончательной обрисовке этого образа. В ЧА речь Кучумова, раздражённого прагматичностью Василькова, заряжена нешуточной патетикой, исчезнувшей в окончательном варианте пьесы (см. раздел «Другие редакции и варианты»).

В образе Телятева преобладали черты умудрённого жизнью наставника, хорошо знающего и понимающего Василькова. В одном из вариантов монолога Телятева после его объяснения с Лидией отчётливо звучали нравоучительные ноты: «Если б женщина ко мне броса<ла>ся на шею, [то] я говорил ей нет, я не стою, нет, это ей нехорошо, неприлично».

Впоследствии драматург существенно изменил структуру пьесы. Переработанный текст первого действия становится действием вторым. Заново написанное I действие включило в себя историю знакомства Василькова с Лидией, а диалоги

Телятева и Василькова в I-м явлении I действия и в I-м явлении II действия лишь фрагментарно совпадали с диалогом, написанным ранее. На этом этапе пьеса обретает окончательное заглавие: «Бешеные деньги».

Существенной переработке подвергся образ главного героя, именуемого теперь Саввой Геннадьичем. На первых порах характер Василькова отличался большей наивностью, а речи его была свойственна излишняя дидактичность. По мере написания комедии смягчаются и оценки, которые дают Василькову другие герои. Видимо, создавая образ честного дельца, человека нового времени, Островский колебался в том, насколько будут соотнесены в его характере провинциальная непосредственность и холодный практицизм. Так, в общении с Глумовым и Телятевым для героя было допустимо обращение к ним «ребята», исчезнувшее в поздних вариантах текста.

По мере написания пьесы герой всё более утрачивает провинциальную наивность и обретает чувство собственного достоинства, основанное на практическом знании жизни и способности самостоятельно, в согласии с собственными убеждениями, оценивать происходящее. В его рассуждениях и в общении с другими героями стало проявляться больше сдержанности. Из первоначального варианта автор исключил фразы, демонстрирующие наивность самооценки героя. Изменяется и его манера общения, приобретающая большую простоту и деловитость.

Образы главных героинь в процессе создания пьесы также претерпели заметные изменения. Так, в более ранних набросках текста Надежда Антоновна могла себе позволить «делать глазки» Василькову, рекомендовать зятю без всякого стеснения «набивать карман». Лидия также позволяла себе слишком откровенные признания: «Я ещё молода, я хочу жить. А для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь, — хотя бы ценою разврата». Героиня беззастенчиво высказывала желание пойти в актрисы в расчёте на покровительство богатых купцов. В изменённом тексте комедии манера её общения становится более благообразной.

Беловой автограф комедии был завершён 18 января 1870 г. В январе того же года Островский читал «Бешеные деньги» в Артистическом кружке (*Коган. С. 183*). А в письме к Н. А. Некрасову от 21—22 января он сообщил, что выслал пьесу в Петербург М. Н. Островскому, для публикации её в «Отечественных записках».

Насколько важна была для автора скорейшая постановка новой комедии, свидетельствует его личное обращение в письме к начальнику репертуарной части санкт-петербургских театров П. С. Фёдорову от 26 января 1870 г.: «Я окончил большую комедию, которую я посылаю в портфеле Московской конторы. Я убедительно прошу Ваше превосходительство об очень большом для меня одолжении: если только будет возможно, сделать зависящее от Вашего превосходительства распоряжение, чтобы моя пьеса возвратилась в Москву поскорее. Она могла бы пойти в бенефис Шумского, т. е. в казну, потому что бенефис его обеспеченный. По болезни я не мог кончить пьесу ранее; если её не поставить в этом сезоне, то я боюсь, что Москва меня забудет совсем. Что касается постановки пьесы в Петербурге, это позвольте мне совершенно предоставить благоусмотрению Вашего превосходительства» (*ЛСС-12. Т. 11. С. 319—320*).

31 января 1870 г. комедия «Бешеные деньги» была одобрена к постановке Театрально-литературным комитетом (*РГИА. Ф. 217. Ед. хр. 3269. Журнал № 47*), а 13 февраля разрешена драматической цензурой за подписью Кейзера фон Нилькегейма (Памяти А. Н. Островского: сб. петроградского о-ва им. А. Н. Островского / под ред. Е. П. Карпова и др. Пг., 1923. С. 139).

Часть критиков восприняла комедию как свидетельство «падения таланта» Островского. Рецензент, скрывшийся за криптонимом Z., усмотрел в пьесе проявление «совершенного абсурда»: «Серьёзно разбирать эту комедию нет никакой возможности: она положительно не выдержит самой снисходительной критики; в ней не добьёшься никакого смысла. Действующие лица представляют сборище каких-то идиотов, и решительно не поймёшь, из чего они все бьются и из чего хлопочут? В комедии “Бешеные деньги” нет ни одного живого лица, ни одного порядочно очерченного характера, нет ни природы, ни сюжета. <...> Что же касается до названия пьесы, то оно... не имеет никакого отношения к сюжету. Одним только разве можно объяснить это название: видно, у редакции “Отечественных записок” много бешеных денег, если она решилась выдать автору за эту комедию такое же щедрое вознаграждение, какое он получал от неё и за прежние свои пьесы» (Z. «Бешеные деньги», новая комедия Островского // *Пб. газета*. 1870. № 32. 1 марта. С. 2).

Вслед за этой публикацией появляется ряд разборов, повторяющих ту же мысль: Островский исписался, оторвался от жизненных реалий, в его новой пьесе нет ни идейной наполненности, ни ярких образов.

Комедией, созданной «совершенно в духе г. А. Потехина», назвал «Бешеные деньги» В. П. Буренин, так как произведение построено «на серьёзных, умеренно-либеральных идеях, а в существе дела никаких идей в себе не заключает» (Z. <Буренин В. П.> Журналистика // *СПбВед*. 1870. № 61. 3 марта. С. 1). По мнению критика, Островский как «новый подражатель» Потехина заметно уступает последнему, поскольку «о правдоподобию действия нимало не заботится», а вся пьеса его «сработана таким образом: пять актов сцен, сшитых между собою живыми нитками, которые автор не только не старается скрыть, но с очевидною небрежностью выставляет повсюду, и затем заключительная мораль, жиденькая по своему значению, и отнюдь не вытекающая из сущности действия». Положительная сторона комедии видится рецензенту в том, что у Островского «диалог, как всегда, очень жив, хотя местами впадает в риторическое фразёрство», но это, «кажется, единственное достоинство пьесы. Больше о ней нечего сказать». Главные недостатки — слабость «драматической постройки», «неправдоподобие интриги, небрежность отделки, посредственность морали пьесы», в которой нет ничего, «кроме благодушного, небрежно “сделанного” переливания из пустого в порожнее», и которая «не ставит и не разрешает “какой-либо живой современный вопрос”» (Там же).

Те же ноты звучали в провинциальной прессе, подчёркивающей, что «наш кумир, наш русский Шекспир в последнее время сильно начал падать», поскольку в «новых своих комедиях г. Островский прибегает к эффектам, к французским фарсам, к перехваченным письмам», а существеннейший «недостаток» произведений драматурга — это то, что в них «нет определённой цели и обработанной мысли» (А. К. Бешеные деньги // *Новороссийские ведомости*. 1870. № 60. 17 марта. С. 2).

Наибольшее раздражение у столичных и провинциальных критиков вызвали образы главных героев. Одни признали в провинциальном дельце положительный тип (см.: *Сын отечества*. 1870. 27 февр.). Другие, подобно анонимному рецензенту журнала «Заря» (Критические заметки о текущей литературе // *Заря*. 1870. № 3. С. 151—158), и хотели бы найти в Василькове «героя настоящей минуты», но замечали, что «вместо живого человека» обнаружили в комедии «какую-то загадочную личность, о которой трудно даже сказать, что она такое?» (Денисюк Н. Критическая

литература о произведениях А. Н. Островского. Вып. 3. М., 1906. С. 220). По мнению автора статьи, комедия оскорбительна для вкуса и нравственного чувства читателя. В ней присутствуют сцены, «слабое подобие которых можно встретить во французской мелодраме», а вся «пьеса пересыпана юмором такого качества, с каким... не привыкли встречаться у г. Островского» (Там же. С. 221, 222).

Рецензент, подписавшийся инициалами А. К., счёл характер Лидии не доработанным и не понятым самим автором: «Вообще героиня комедии вовсе не выяснена драматургом; мы видим перед собой испорченную до мозга костей женщину, развратную, готовую всякому встречному продать свою любовь, глупую до бесконечности, но только, по уверению автора, необыкновенно красивую, которая хочет жить роскошно и богато, как все кокетки. В ней нет ни одной человеческой черты, ни одного человеческого качества, которое бы могло привлечь нашу симпатию к ней хоть на мгновение: мы даже не можем об ней сожалеть — так глубоко испорчена она... Лидия даже не тип, а нравственный урод». Характер Василькова, который «так же неудачно вышел», кажется критику неправдоподобным в силу своей раздвоенности: герой, «с одной стороны, кажется деловым человеком», «а с другой — наивен до глупости или глуп до наивности»: «Мы бы понимали, если б он хотел жениться на Лидии по расчёту, — но он глупо влюбляется в неё, не зная её, глупо знакомится с нею, глупо женится, глупо расходится с женою и глупую комедию играет с нею, предлагая быть у него экономкою. <...> Несмотря на дальнейшие мерзкие поступки своей жены, он продолжает её любить... Как хотите, деловые люди, обладающие миллионами, так не поступают». Остальные герои комедии, как считает критик, «мелочны и обыденны». Их общая черта — «глупость; но одни соединяют с этим славным качеством нахальство, а другие наглую ложь и разврат» (А. К. «Бешеные деньги» // *Новороссийские ведомости*. 1870. № 62. 19 марта. С. 2). И пьеса в целом вызывает у рецензента недоумение: «Неужели ради такой крупницы азбучной морали, что деньги, нажитые трудом, не так скоро тратятся, а бешеных в кармане не удержишь, стоит написать целую пятиактную комедию?» (Там же. С. 3).

Едва ли не единственный положительный отклик о пьесе был опубликован в газете «Одесский вестник» (1870. № 75. 5 апр. С. 229—230; № 76. 7 апр. С. 233—234) за подписью М. Г. Рецензент причислил комедию «Бешеные деньги», сюжет которой «прост, естественен и немногосложен», к лучшим литературным произведениям, отличающимся «глубиной и современностью сюжета и необыкновенно мастерским изложением» (*Зелинский В. А.* Критические комментарии к сочинениям А. Н. Островского. Т. 4. М., 1904. С. 1). Автор статьи соглашается с тем, что в комедии преобладают сцены «женского цинизма», которые «не дают места более обширному разъяснению других сторон светской жизни», но драматурга «оправдывает то веское соображение, что предмет, взятый им, настолько сложен, что не может быть исчерпан в каких-нибудь пяти актах» (Там же. С. 8). Главным достоинством пьесы, по мнению рецензента, является «отсутствие в ней всяких идеализированных героев, резонёрства и т. п., и необыкновенная сценичность её» (Там же. С. 17). Из всех героев критик особенно выделил Телятева — единственную «личность комедии, в которой ещё сколько-нибудь сохранился человеческий облик, который невольно возбуждает если не симпатию, то хоть сострадание в читателе» (Там же. С. 11). В его осмыслении характеров героев преобладает социальный подход: мать и дочь Чебоксаровы, Кучумов, Глумов — «все они — одного поля ягоды; все они эксплуататоры,

паразиты общественного организма), а Васильков «своими аферами хапнул немало» (Зелинский В. А. Критические комментарии... Т. 4. С. 7, 2). Главному герою пьесы автор статьи практически не уделил внимания, предпочтя оставить его в стороне как «наименее выраженный характер, плохо удавшийся г. Островскому» (Там же. С. 11).

Наиболее радикальные суждения в адрес нового произведения известного драматурга были высказаны в газете «Новое время». Рецензент утверждал, что талант Островского «слабеет»: «В своей новой комедии он является защитником той породы новых практических людей, которые наживают миллионы, но уж, конечно, не трудом, а какою-либо случайностью, аферой, спекуляцией или эксплуатацией чужих сил», а идея пьесы «не выдерживает никакой критики, и есть не что иное, как крайне избитая, пошлая, истёртая мыслишка всех разжившихся кулаков». Ещё большие нарекания вызвали созданные драматургом характеры. Так, Лидия «представляется не испорченной средой и воспитанием девушкой, а какою-то отвратительную, прошедшею все ступени разврата и погрязшею в цинизме женщиной». Подобных женщин нет, утверждает рецензент, «по крайней мере, в том кругу, из какого автор взял свою героиню». Но главная неудача драматурга — образ Василькова: «Если характер Лидии как нельзя больше показывает нам, что г. Островский утратил решительно всякое чутьё, то, с другой стороны, личность Василькова (героя комедии) окончательно убеждает нас в том, что без ясного руководящего типа, по одним довольно бледным проявлениям, создать что-либо цельное г. Островский едва ли уже в силах. <...> По первоначальному плану Васильков есть человек труда, дела, словом, — работник. Мало этого, Васильков человек умный, таким, по крайней мере, намеревался показать его автор. Но что же вышло? А вышло то, что, в конце концов, Васильков оказался положительным дураком. <...> Видно, что в лице Василькова автор хотел показать нам новую породу людей дела, но только эта порода, к несчастью, вышла у него не лучше той, которую он бичует». «Все лица в комедии, за исключением Кучумова, представляются какими-то придуманными, натянутыми и не именуют под собою решительно никакой жизненной почвы» (Л.Л. Русская журналистика («Бешеные деньги») // *НВ*. 1870. № 109. 22 апр. С. 1).

Более глубокую и объективную оценку комедии дал А. М. Скабичевский. Критик увидел в образе Василькова «новый тип капиталиста-дельца», точно схваченный и изображённый Островским в тот период общественной жизни, когда характер этот ещё только зарождался. Скабичевский намеренно уходит от однозначного толкования образа главного героя. С одной стороны, Васильков, являясь полной противоположностью представителей «отживающей культуры российской распушенности», казалось бы, обретает черты положительного героя. С другой стороны, утилитарно-прагматичное следование единственной идее, выраженной в повторяемой фразе «я из бюджета не выйду» и владеющей всем его сознанием, придаёт образу Василькова черты, позволяющие предвидеть, что именно такой герой «впоследствии делается преобладающим типом тёмного царства». Обозначив противоречивость созданного драматургом характера не как факт авторской недоработки и художественной небрежности, а как мастерски точное отображение объективно существующей, но не осознаваемой ещё обществом действительности, Скабичевский по-новому взглянул на комедию в целом. Он утверждал, что в пьесе не только присутствует социально значимая идея, но и выражена эта идея посредством создания художественно законченных образов, полностью отвечающих жизненной правде (Скабичевский А. М.

Особенности русской комедии. Сочинения А. Н. Островского // *ОЗ*. 1875. Т. 212, № 2. Современное обозрение С. 199—248).

О большом общественном значении комедии писал Д. А. Коропчевский (*Коропчевский Д.* Бытописатель денежной силы. Критический этюд о произведениях Островского // *Дело*. 1886. № 2. С. 70—85; № 3. С. 1—54). Критик подчёркивал социальную значимость и современную актуальность творчества драматурга, опережающего в своём развитии отечественную критику: «В то время, когда критика занималась явлениями, совершавшимися на поверхности культурного слоя нашего общества, Островский изучал глубокую перемену, происходившую в самых недрах его. Он показал нам не более не менее, как постепенный рост денежной силы в нашем обществе» (*Дело*. 1886. № 2. С. 73). В его произведениях отражено, как в русском сознании «идея барина заменилась понятием “хозяина”» (*Дело*. 1886. № 3. С. 28). Процесс этот, по мнению Коропчевского, являл собой «большой шаг назад, потому что наши коммерсанты никогда не были культурными людьми» (Там же. С. 29). В контексте этих размышлений «Бешеные деньги» прочитывались как чутко уловленная и достоверно воспроизведённая драматургом «картина денежных вождений, охвативших культурные слои нашего общества» (Там же. С. 51), а образ Василькова интерпретировался как новый тип русского дельца: «Очевидно, Васильков человек иного образования и характера, нежели Паратов и Великатов; это человек, подготовленный к своему делу, трудовой и толковый; тем не менее, и он выступает всё в том же облики “контрощика” или “судохозяина”» (Там же. С. 32).

Первое представление комедии состоялось на сцене Александринского театра 16 апреля 1870 г. со следующим составом актёров: Васильков — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Телятев — Ф. А. Бурдин, Кучумов — П. И. Зубров, Глумов — А. А. Нильский, Чебоксарова-мать — Ю. Н. Линская, Лидия — Е. П. Струйская, Василий — Бродников.

17 апреля Ф. Бурдин телеграфирует Островскому об успехе постановки (см.: *Островский А. Н.* Дневник и письма. М., 1937. С. 260; *Коган*. С. 184). Однако рецензии, которые начали появляться в петербургских газетах уже через три дня после премьеры, содержали противоречивые оценки.

В рубрике «Театр» «Санкт-Петербургских ведомостей» (1870. № 106. 19 апр. С. 2) сообщалось, что пьеса имела «довольно изрядный успех, несмотря на всю свою недоделанность. Успеху этому она обязана живому разговору и некоторым отдельным, действительно остроумным, фразам, которые мелькают там и сям, как звёздочки на тёмном небе». Рецензент отметил, что Островскому «хотелось изобразить беспутную расточительность нашего фешенебельного сословия, которому деньги легко достаются и легко проматываются». Задача эта «очень удачна», но она не была решена в полной мере, поскольку ряд «неловких» сцен нуждается в серьёзной доработке, а «характеры либо только намечены, либо представлены в карикатуре». Наибольшие нарекания были высказаны в адрес главных героев пьесы: «Лидия особенно вышла неудачно; похожие на неё женщины, бесспорно, есть, но нет таких, как Лидия, и быть они не могут, потому что Лидия — это воплощённый цинизм и глупость — больше ничего. Васильков, этот делец, только намечен, так что из него ровно ничего не выходит, хотя г. Васильев 2-й, по-видимому, старался придать ему типичность, надев длинные волосы с странным пробором. Г. Васильев 2-й остался тут верен Островскому: автор не сладил с типом современного дельца, набросав только несколько внешних черт, г. Васильев 2-й к этим внешним чертам придал

парик. И то, и другое творчество одинаково плохи». Образы Кучумова и Телятева критик назвал творческой удачей драматурга, заметив, что «в сущности это один и тот же тип добродушного мота и развратника, но в разные возрасты».

Л. К. Панютин называет «Бешеные деньги» худшей пьесой драматурга, для которой характерны «сочинённость интриги, противоречия, наконец, слащавая мораль в конце», но отмечает, что «в этой комедии встречаешь и проблески наблюдательности, и выхваченные из жизни черты». Главная неудача автора — образ главной героини, чьи речи «дышат голым цинизмом, от которого передёргивает зрителя», и «ни одна женщина, даже развратная, не может говорить таких речей». Причину творческой неудачи критик видит в «простом небрежении своим талантом»: «...тут доведённый до крайности недостаток, замеченный нами и прежде у г. Островского: заставляя лица говорить то, что о них думает автор». В результате, «все лица страдают повальной злостью и чрезмерною откровенностью; все они выдают себя с первого раза, избавляя зрителя от обязанности изучать их характеры...». Из всех героев только Телятев — «лицо, несомненно, живое, знакомое всем, но, к сожалению, совершенно не развитое автором, как и прочие лица комедии» (<Панютин Л. К.> Русский театр. («Бешеные деньги») // *Голос*. 1870. № 107. 19 апр. С. 2). Рецензент отметил в премьерном спектакле то, что артисты плохо знали текст, а «голос суфлёра был слышен слишком громко». Наибольших нареканий критика заслужила игра Струйской, которая «пересаливала в любовных сценах до грубой приторности...» (Там же. С. 3).

Корреспондент «Биржевых ведомостей» в «Петербургской летописи» (1870. № 169. 19 апр. С. 2) отмечает, что «недостатки пьесы, заключённые в невыдержанности характеров и аляповатости её постройки, слишком резко бросаются в глаза. Краски, положенные автором, до того грубы, что все личности являются в ней не обрисованными, а намалёванными, и потому вся она производит отталкивающее впечатление как на читателя, так и на зрителя», но комедии «местами нельзя отказать в сценичности, и действие в ней идёт довольно живо, хоть и без достаточной мотивировки многих подробностей». В образе Лидии рецензент увидел отступление от художественной правды, «крайнее упрощение женского характера, не имеющего никакого «психологического значения»: «Кроме отвращения, она ничего не может внушить к себе, так что положение актрисы, играющей эту крайне антипатическую роль, в высшей степени затруднительно и щекотливо». В целом «пьеса не выдерживает критики, как построенная на песке, а не на крепком фундаменте», чем прежде всего объясняется слабость постановки, а также тем, что Струйская, привыкшая играть «слезливые роли угнетённых невинностей и вдруг поставленная в необходимость изобразить холодную и развращённую до мозга костей кокетку, или, вернее, кокотку», не могла взять правильный тон.

И пьесу, и премьерный спектакль не принял А. А. Соколов: «Островский, видимо, спешил строить здание, и вот оно вышло, где криво, где косо, где подались провесы, где протекает дождь сквозь крышу. <...> Слишком, слишком странно сшиты швы комедии» (*Театральный нигилист*. <Соколов А. А.> Театральный курьер. («Бешеные деньги») // *Пб. листок*. 1870. № 62. 21 апр. С. 2). Но ещё более странно, по мысли критика, представлены характеры главных героев. Менее всего удался автору образ Лидии: «До самого конца вы видите эту женщину бабочкой, требующей золотой пыли, и после приёма места экономки у мужа (совсем новые отношения, вероятно, перенесённые с луны) она всё та же. Вот если бы здесь явилось сознание пустоты

жизни, сознание мелочности и узости интересов этой жизни... поворот был бы естествен, хотя тоже натянут, ибо такого сознания почти не бывает. А то, проповедуя, что только бедность есть единственный стыд, везти свою красоту — те же деньги — в глухую деревню, отдаться под начало какой-то старухи, быть не женою, не рабынею, не знать определённого будущего... Господи! Да кто же решится на подобный абсурдный поступок? Героиня же Островского решается». Характер Василькова рецензент считает неправдоподобным: «Влюбился в красоту — возможно; женился, зная, что его не любят, — невозможно! Невозможно потому, что он женится вовсе не по расчёту, а по влечению. Ну, положим, женился он очертя голову, что случается. Убедился в том, что жизнь его жены состоит в сиянии и перетащил её в убогую квартиру. Невероятно! Убедился в том, что жена его камелия, в полном смысле слова, и предлагает ей место экономки. Сумасшедший. Автомат, действующий не по разуму, а по пружине. А между тем он представитель труда, практики, разума». По мнению критика, в пьесе всё очень старо и избито, многое даже водевильно, как, например, забывчивость Кучумова и притворство Лидии в болезни. Неудачно и исполнение пьесы на сцене: «Г-жа Струйская не поняла роли и представляла из себя жертву, принижённую обстоятельствами. Слова не вязались с делом, а между тем, ученики старших классов некоторых высших петербургских заведений отбивали себе руки и надсаживали горло, выкликая г-жу Струйскую».

Отрицательная оценка пьесы содержится в отзыве за подписью А. Н.: «Всё произведение сшито на живую нитку, всё в нём недоделано, недосказано, всё, наконец, производит на зрителя отталкивающее впечатление. Задача автора была, несомненно, весьма широка: указать нам наше безобразное, уродливое мотовство и бесцельное бросание денег, нажитых без труда; но, к сожалению, задача эта так и осталась только задачей; автор не провёл никакой параллели между деньгами трудовыми и деньгами бешеными; он даже не выработал ни одного цельного характера». Васильков «не заявил себя ничем дельным, ничем, заслуживающим уважения и сочувствия; это какой-то юродивый — не человек, а тряпка — которому молодая девушка прямо в глаза говорит, что его любить нельзя». Васильев 2-й «в этой жалкой и бесцветной роли, был действительно жалок, а по гримировке более походил на деревенского дьячка, чем на богатого и умного профессионала-подрядчика. Единственная сцена, когда его бросает жена и переходит в объятия какого-то ничтожного развратного старикашки, вышла у г. Васильева довольно тёплой». Лидия была воспринята как «возмутительная личность», какой «на нашей сцене ещё не было. Как бы ни было дурно воспитание, какие бы примеры не влияли на светскую девушку, носящую старинную дворянскую фамилию, но сделаться камелией самой низкой пробы — это положительно немыслимо». Рецензенту «от души жаль было г-жу Струйскую, которая по необходимости должна была исполнить такую неблагодарную и циническую роль». О самой постановке критик отозвался в целом доброжелательно: «Разыграна пьеса была, впрочем, весьма недурно, а роли второстепенные вышли даже очень типичны. Гг. Бурдин и Зубров, оба в ролях протоматившихся и пустейших копителей неба, представили, по крайней мере, два живые лица, которые и автором обрисованы с большею жизненною правдой» (А. Н. «Бешеные деньги» // *Пб. газета*. 1870. № 58. 23 апр. С. 3).

Негативный отзыв о новой комедии «окончательно уже исписавшегося» драматурга содержался и в рецензии за подписью W., помещённой в рубрике «Театральная

хроника» (*Всемирная иллюстрация*. 1870. Т. 3, № 70. 2 мая. С. 331—332), отметившего небрежность в «постройке пьесы и обрисовке характеров», а также ложный пафос выраженной в произведении идеи: «В комедии проводится довольно жидкая и практически неверная мысль, что в наше время не в ходу больше бешеные деньги, как в былые времена... и что место их заняли деньги умные, основанные на труде и заработке» (Там же. С. 331). Как явно неудачные оцениваются женские характеры: Лидия — «олицетворение глубокого разврата, не скрашиваемого ни чувственностью, ни сердечным увлечением: это разврат холодный, эгоистический, а потому, разумеется, тем более отталкивающий»; её мать — «это бесцветный сколок с Кукушкиной (в “Доходном месте”) и Красновской (в “Подруге жизни”)». Игра Е. Струйской была названа неудовлетворительной: актриса «не могла совладать с трудной и антипатичной ролью Лидии Юрьевны и совсем не попала в тон её». По мнению критика, «несколько более удалась автору второстепенные личности двух промотавшихся господ — Кучумова и Телятева»: «Роли эти были хорошо разыграны гг. Зубровым и Бурдиным, хотя обоим, в особенности последнему, можно поставить в упрёк то, что они мало походили на бар, сохранивших известный отпечаток минувшего величия даже тогда, когда они полиняли». П. В. Васильев «в роли мужа был, местами, очень хорош, но по наружности, манерам и причёске более напоминал пономаря, чем подрядчика» (Там же.).

Пьеса не удержалась в репертуаре Александринского театра. В «Петербургском листке» сообщалось, что открывшая театральный сезон 1870 г. новая комедия Островского далее («не могла идти за болезнью г-жи Струйской 1-й, затем г. Васильев 2-й, игравший главную роль, уехал в отпуск и комедия была снята с репертуара и более не возобновлялась, принеся автору каких-нибудь сорок пять рублей») (*Пб. листок*. 1871. № 11. 16 янв. С. 1).

4 сентября 1870 г. Ф. А. Бурдин сообщал Островскому: «“Бешеные деньги”, которые не шли после Святой сначала по болезни Струйской, а потом по отсутствию из Петербурга Васильева, вновь были даны в Михайловском театре, сделали сбор и были хорошо приняты, но Васильев отказался играть на будущее время, приславши роль и письмо, в котором он говорит, что лучше ничего не будет играть, чем роли не достойные его дарования. Каков господин, за что же мы понапрасну поставили пьесу, выучили роли, чтобы сыграть её два раза...» (*Бурдин*. С. 113). В ответном послании к Бурдину от 20 сентября Островский пишет: «От Васильева всегда можно было ожидать свинства и с ним я вперёд буду руководствоваться текстом: “не мечте бисера...”»

Премьера «Бешеных денег» в московском Малом театре состоялась 9 октября 1870 г. Роли исполняли: Васильков — Н. Е. Вильде, Телятев — И. В. Самарин, Кучумов — С. В. Шумский, Глумов — М. А. Решимов, Чебоксарова-мать — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Лидия — Г. Н. Федотова, Василий — Н. И. Музиль.

О том, что «Бешеные деньги» на московской сцене «имели очень большой успех», Островский сообщил Ф. Бурдину в письме от 24 октября. К этому времени спектакль прошёл четыре раза при полных сборах.

Высокую оценку премьерному спектаклю дал театральный обозреватель журнала «Заря»: «Такого блестящего исполнения нам давно не удавалось видеть. Пьеса была поставлена внимательно; роли выучены, что большая редкость в Москве, судя по отзывам московских же критиков и корреспондентов»

(Театральные порядки и беспорядки // *Заря*. 1870. № 11. С. 237). Сама пьеса — «одна из слабейших, а главное, из самых неотделанных пьес г. Островского. Характеры только набросаны; выражаются действующие лица с ничем не оправдываемой резкостью и откровенностью... противоречия в характерах действующих лиц встречаются на каждом шагу. Но пьесе, тем не менее, нельзя отказать в сценичности; во всяком случае, видна опытная рука драматурга, умеющего распоряжаться материалом, хоть на этот раз не озаботившегося отделкой этого материала». Особых похвал критика удостоилась игра «вынесшей» «на своих плечах пьесу» Г. Н. Федотовой, которая «лишила роль колорита пошлости и тем самым сделала понятным полураскаяние Лидии в пятом акте» (Там же). Глумов в исполнении Решимова «должен быть приличнее», лакей Василькова (Н. И. Музиль) «не столь водевилен», но эти роли «не настолько выдаются, чтобы исполнители могли помешать ансамблю» (Там же. С. 238). Игра остальных актёров удостоилась слов одобрения и восхищения. Особенно была отмечена работа Вильде, который «из исполненной противоречиями роли Василькова... сумел сделать нечто похожее на живое лицо». Шумский «был превосходным Кучумовым, а г. Самарин великолепно исполнил роль Телятева» (Там же).

П. Г. Акилов, автор «Театральных заметок», признавая успех постановки «Бешеных денег» в Москве (*Развлечение*. 1870. Т. 24. № 43. 31 окт. С. 282—287) и отмечая, что произведение именитого драматурга «произвело приятное впечатление на зрителей, и он сам удостоился вызова», видел причину этого успеха в «неразборчивости нашей публики». Упрекнув Островского в незнании «описываемой среды», в умении сочинить хорошие фразы, лишённые «простого логического смысла», критик отказывает пьесе в художественности. Так, рецензент считает, что драматург «представил свою героиню даже не дамой “полусвета”, а ниже отъявленной камелии, заставив её продавать свои ласки даже мужу» (Там же. С. 283). Заслугу Г. Н. Федотовой критик видит в том, что актриса придавала «мёртвым» фразам жизнь: «Красивая наружность г-жи Федотовой скрывала безобразия Лидии Юрьевны и зрители любовались артисткой, забывая о нелепости роли» (Там же. С. 286). Вильде в роли Василькова «не только стусевал все те противоречия, но постарался ещё оригинальностью манер и выразительной дикцией придать» герою такую типичность, о которой нет и намёка в самой роли. Шумский сумел представить Кучумова «живым человеком», а Самарин, увидев в пустых фразах Телятева «добродушный юмор, сделал из них такого забавного говоруна, что всё переливание Телятева из пустого в порожнее слушалось зрителями с удовольствием» (Там же). Васильева, придав репликам Надежды Антоновны «задушевный тон, заставила зрителей не только позабыть о разных несообразностях с именем женщины, но признать в ней именно мать» (Там же). Наконец, даже «фразёрство» Глумова не производило «антипатичного впечатления на зрителей», поскольку М. А. Решимов, исполнявший эту роль, «держал себя весьма сдержанно» (Там же. С. 283).

Актёрский ансамбль Малого театра, спасающий своей слаженной игрой «самую дурную из дурных пьес московского драматурга», отметил и М. П. Щепкин (*Эм — Пэ. <Щепкин М. П.> Московский театр («Бешеные деньги»). Спектакль 29-го января*) // *Русская летопись*. 1871. № 6. 5 февр. С. 240—244). Он подчеркнул, что пресса переполнена «похвальными отзывами о прекрасном исполнении этой комедии», а из репертуара зимнего сезона нельзя указать «ни одной другой пьесы,

которая бы своим общим ладом была исполнена лучше “Бешеных денег”». Саму же пьесу рецензент относит к явным неудачам Островского, так как в ней «нет ничего, кроме чисто внешнего действия; общей мысли и задачи автора никак не ухватишь, и, просмотрев 5 актов комедии, в заключение невольно спрашиваешь себя: да чего же он хочет? Чему сочувствует? Во имя чего выводит эту грязь и запустение? С одной стороны — бездельники, без зазрения совести глумящиеся над лучшими сторонами жизни и проживающие бешеные деньги, — не может же им сочувствовать автор! С другой — представитель так называемых “деловых людей” нового времени, тяжёлым трудом и экономией наживающий копейку, выставлен как бы в контраст с этою негодною компанией, а в сущности выходит таким глупцом и такою дрянью, что и здесь не находит удовольствия» (*Зелинский В. А. Критические комментарии к сочинениям А. Н. Островского. Т. 4. М., 1904. С. 68*). Щепкин акцентирует внимание на том, что пьеса лишена «какой-нибудь положительной нравственной идеи» и представляет собой лишь «ряд весьма циничных картин, возбуждающих в зрителях только негодование и не дающих им никакого выхода из его тягостного положения». Более удачно, считает рецензент, задуманы характеры Чебоксаровой-матери, Лидии и Телятева, причём «мать и дочь — один и тот же тип, только разных возрастов», хотя образ Лидии оказался доведён «до такого откровенного, безнравственного цинизма, на который решительно не может быть способна девушка, не принадлежащая к разряду публичных женщин» (Там же. С. 69). Васильков же изображён так, что о нём «трудно составить себе какое-нибудь определённое понятие; то представляется он добродушным медведем, умеющим горячо любить и попадающим впросак из-за своего добросердечия, то выходит таким же, как и все другие, негодяем» (Там же. С. 70—71). Безусловное одобрение М. Щепкина вызвала только фигура Телятева, которая оказалась «гораздо вернее набросана автором», а характер Кучумова «построен на условиях чисто внешних» (Там же. С. 69, 70). Успехом своим комедия «обязана исключительно одним актёрам», сама же пьеса, как считает критик, «не заслуживает внимания» (Там же. С. 71).

Однако сценическая жизнь «Бешеных денег» оказалась более счастливой, чем ей предрекали.

1 июня 1876 г. пьеса была разыграна в Павловском театре, где с большим успехом роль Лидии вновь исполнила гастролировавшая в Петербурге Г. Н. Федотова. По мнению театрального обозревателя, скрывшегося за литерой П., актрисе удалось на сцене создать убедительный образ бездушной красавицы: «Белокурый парик, рипсе-пез, модный костюм, нахальный взгляд, пренебрежительный тон, всё как нельзя более подходило к изображению развращённой до мозга костей юной хищницы» (*П. Театр и музыка // СПбВед. 1876. 3 июня. С. 3*).

Повторяя расхожее суждение о художественной слабости «Бешеных денег», театральный обозреватель «Биржевых ведомостей» отмечает, что «ни одна пьеса в павловском театре не была ещё до сих пор разыграна так хорошо» (*П—в А. Театр и музыка // Биржевые ведомости. 1876. № 163. 15 июля. С. 2*). Федотова в роли Лидии, по его мнению, была «превосходна»: «Она умела придать ей некоторый оттенок правды, сделать цинизм её менее отталкивающим, и значительно ступевала пошлость заключительного монолога, где она советует барышням выходить за дельцов». «Прекрасно» была исполнена М. Т. Ивановым-Козельским роль Василькова: «Он провёл её всю, от начала до конца, просто, естественно, благородно; искренность

и задушевность, высказанная им в той сцене, где он узнаёт о неверности жены, по-казывает в нём актёра с весьма недюжинным дарованием. Он особенно выдвинул симпатические стороны этого лица, и оно вышло у него очень своеобразно, чему немало способствовал также и этот говор на о, которого он строго держался, согласно указанию самого автора». Также критик выделил образ Телятева в исполнении Киселевского, который «передал роль пустейшего, безалаберного мота Телятева весело и правдиво» (*Биржевые ведомости*. 1876. № 163. 15 июля. С. 2).

В 1882 г. «Бешеные деньги» с Г.Н. Федотовой в главной роли были представлены на гастролях в Александринском театре. В «Петербургской газете», назвавшей московскую актрису любимицей Петербурга, дана высокая оценка её игре: «Нисколько не оскорбляя эстетического чувства, г-жа Федотова сумела создать цельный тип пустой и убийственно холодной женщины, у которой цель жизни — деньги, мотовство и безумная роскошь. Все её движения, наглый взгляд, вызывающий тон и, где нужно, утончённое лукавство и притворная кокетливость — всё показывало в ней исключительную артистическую натуру». По мнению рецензента, немалому успеху спектакля способствовало и удачное исполнение главной мужской роли: «Трудную роль доброго, честного провинциала Василькова, попавшего в коварные сети Лидии Чебоксаровой, весьма жизненно, с умом и тактом исполнил г. Давыдов». Критик отметил блестящую игру Киселевского, создавшего «живую личность промотавшегося фата» Телятева: «...эта пустота и ничтожность, бесцельная болтовня и существование на авось — были переданы им замечательно бойко, весело и комично» (Театральное эхо (Федотова в «Бешеных деньгах») // *Пб. газета*. 1882. № 95. 24 апр. С. 3).

При жизни Островского в московском Малом театре пьеса прошла с большим успехом 28 раз (последний спектакль состоялся 12 октября 1875 г.), в Александринском театре — 8 раз (последняя постановка — 7 ноября 1882 г.). После смерти драматурга «Бешеные деньги» были возобновлены в репертуаре обоих театров.

15 августа 1890 г. «Бешеные деньги» открыли сезон в театре Ф. А. Корша. Рецензент журнала «Артист», отметив «доброе, совершенное» исполнение актёрами своих ролей, замечает, что артист Солонин, передав «простоватость и деловитую решительность» Василькова, «совсем не позаботился до 3-го акта, до эффектной сцены отчаяния, показать, что он увлечён Лидией, что он как искренний человек, любящий блестящую барышню, по его мнению, легкомысленную, смущается и страдает». А исполнявшая роль Лидии А. Я. Глама-Мещерская, «чересчур подчеркнула её склонность к пороку и падению — и совсем не оттенила наивности, с какой эта особа, несмотря на её 24 года, совсем незнающая женщина, говорит и делает то, что по плечу женщине, в корень испорченной». И только в исполнителе роли Василия (П. В. Васильев) критик увидел «единственного артиста, вполне цельно и типично проведшего свою роль» (*В. I. Хроника // Артист*. 1890. № 8. Сентябрь. С. 106).

В 1891 г. комедия была возобновлена в репертуаре Александринского театра (см.: *ЕИТ*. Сезон 1891—1892. СПб., 1893. С. 102). 19 сентября постановка «Бешеных денег» открыла новый театральный сезон с М. Г. Савиной (Лидия), Е. Н. Жулевой (Чебоксарова), Н. Ф. Сазоновым (Васильков), В. П. Далматовым (Телятев), П. М. Свободным (Кучумов) и Р. Б. Аполлонским (Глумов). Премьерный спектакль вызвал противоречивые оценки критиков.

«Петербургский листок» (1891. № 258. 21 сент. С. 3) сообщал, что комедия «успеха не имела, хотя гг. артисты разыграли её очень старательно и с большим усердием»:

Е. Н. Жулева в роли Чебоксаровой-матери и В. П. Далматов в роли Телятева «были превосходны и имели заслуженный успех»; «недурны были» артисты Аполлонский, сыгравший Глумова, и Свободин в роли Кучумова. Отсутствие заметного интереса у публики к «Бешеным деньгам» анонимный рецензент объясняет недостатками самой пьесы.

Корреспондент «Петербургской газеты» (1891. № 259. 21 сент. С. 3), напротив, подчёркивал, что комедия, хотя и не была «дружелюбно принята критикой при первой её постановке благодаря некоторой резкости штрихов и недостатку развития действия, но присутствие в ней силы ума и таланта автора так ощутительно, что все недостатки проходят незаметно». Великолепная игра актёров, по мнению критика, только усилила положительный эффект, придав пьесе живое звучание. Так, Н. Ф. Сазонов, представляя «типичного провинциала Василькова», в сцену расставания его с женой «вложил свой пыл и жар», а заключительные объяснения «передал очень внушительно: в каждом его слове слышалась непоколебимая твёрдость предприимчивого Василькова». М. Г. Савина в платье, шитом золотом, поражала воображение зрителей и заставляла их не столько понять, сколько ощутить специфический характер своей героини: «Белый туалет с голубым был так же эффектен, как и весь образ г-жи Савиной в роли Лидии, этой бездушной женщины-бабочки, не могущей жить без золотой пыли на крылышках и жаждущей лишь денег, денег для блеска и красоты. Г-жа Савина верно передала этот утрированный автором характер». В Глумове (Р. Б. Аполлонский), по мнению рецензента, было «всё в меру: и должного цинизма, и грубой внешности, соответствовавшей грубости внутреннего содержания, и нахальства». А игра Далматова (Телятев) «близко граничила с художественностью». Особенно был отмечен критиком П. М. Свободин: «...был настоящим Кучумовым до мозга костей: много комичного, жалкого и противного вложил он в этот образ. Повторяющийся приём искания в карманах несуществующего бумажника г. Свободин проработал с большой наивностью и комизмом».

На новую постановку «Бешеных денег» откликнулся и обозреватель журнала «Артист». Возобновлённый спектакль оказался, по мнению критика, «более удачным, чем предыдущие»: «Теперь “Бешеные деньги” обставлены хорошо и производят благоприятное впечатление» (*Г. Современное обозрение. Петербург // Артист. 1891. № 16. Октябрь. С. 129.*)

Ещё более успешной была признана постановка комедии московским Малым театром в бенефис актрисы Е. К. Лешковской 12 ноября 1893 г. (см.: *ЕИТ. Сезон 1893—1894. СПб., 1895. С. 303*). Роли исполняли: Васильков — К. Н. Рыбаков, Телятев — А. И. Южин, Кучумов — О. А. Правдин, Глумов — А. К. Ильинский, Чебоксарова — Г. Н. Федотова, Лидия — Е. К. Лешковская, Василий — В. А. Макшеев, горничная — Е. Г. Гольденталь, Андрей — Фёдоров, Григорий — С. Н. Никифоров, Николай — Г. В. Таланов, мальчик — Никольский. «К такому выбору нельзя не отнестись с чувством глубокой благодарности, — писал рецензент журнала “Артист”. — Мало-помалу наши артисты пополняют репертуар Малого театра образцовыми произведениями незабвенного драматурга, что является тем более ценным, что дирекция по-прежнему мало обращает внимание на репертуар» (*Современное обозрение. Малый театр // Артист. 1893. № 32. Декабрь. С. 140*). Е. К. Лешковская «прекрасно передала некоторые места роли, но только места», а в целом характер Лидии не удался, так как актрисе «не хватило того изящества, тонкости кокетства, светской

лёгкости, той атмосферы изящной пустоты, в которой выросла Лидия» (*Артист*. 1893. № 32. С. 141). Некогда лучшая исполнительница роли Лидии, Г. Н. Федотова, которая в новой постановке играла Чебоксарову-мать, была названа «образцовой исполнительницей» Надежды Антоновны. По мнению рецензента, был «неудовлетворителен основной тон роли» А. И. Южина: «Телятев — это само легкомыслие, это воплощение легкомыслия, между тем, мы видели на сцене скорее Глумова, чем Телятева, видели человека себе на уме, только надевшего на себя личину легкомыслия». О. А. Правдину роль Кучумова «удалась мало»: в нём «нет московского барина, нет разорившегося вивёра¹, искренно верящего в свои богатства». Неудачной признана игра А. К. Ильинского, который «был вял и не достаточно ярко выделил основные свойства Глумова». К. Н. Рыбаков роль Василькова ведёт «в верном тоне», но «неровно». Рецензент выделяет как несомненную удачу воплощение В. А. Макшеевым образа Василия, камердинера Василькова: «Артист сумел оттенить все характерные стороны этого типа и в полной мере воспользоваться всем материалом роли» (Там же).

Положительный отзыв на возобновлённую постановку «Бешеных денег» в московском Малом театре дал М. Н. Ремезов, по мнению которого эта комедия «не принадлежит к лучшим произведениям» Островского, но в ряду новейших многочисленных пьес являет собой «настоящий перл многоценный». Главным недостатком исполнения являлось отсутствие ансамбля и некоторое несоответствие актёров представляемым ими образам: Кучумов в исполнении Правдина «далеко не “важный барин”»; Ильинский в роли Глумова «был совсем бесцветен и тона у него никакого не оказалось»; Васильков в исполнении Рыбакова «представляется человеком более мягким, чем то следовало бы по смыслу комедии» (*Ан. <Ремезов М. Н.> Современное искусство (Малый театр. «Бешеные деньги») // Русская мысль*. 1893. № 12. С. 262—263). В образе Василькова Ремезов прежде всего хочет видеть воплощение силы, «надвинувшейся вдруг извне на общество Чебоксаровых, Телятевых и Кучумовых, подчинившей себе Лидию Юрьевну, превращающей эту красавицу в послушное орудие и собирающей с этим орудием в руках двинуться дальше к верхним ступеням общественной лестницы» (Там же. С. 263). Ремезов считает, что героиня, обладающая сильным характером, осознанно подчиняется мужу, поскольку у неё «возникает чувство уважения к победителю, а от веры в человека и уважения к нему один только шаг до любви, особенно когда этот человек законный муж». Исходя из такого восприятия персонажей пьесы, критик высоко оценивает игру актёров: «Всё это очень верно и тонко выражено в исполнении роли г-жою Лешковской, при недостаточной помощи со стороны г. Рыбакова, зато с блестящим содействием г. Южина в роли Телятева. Сцены между ним и талантливою артисткой напомнили нам лучшие, славные времена московской сцены» (Там же).

В 1898 г. «Бешеные деньги» вновь появились на петербургской сцене и были восприняты критиками как произведение, достойное стоять в одном ряду с шекспировской комедией «Укрощение строптивой».

Постановка пьесы в театре Литературно-артистического кружка², состоявшаяся 12 сентября 1898 г., была воспринята как «хорошее предзнаменование» возрождения

¹ Вивёр — от *фр.* *viveur* — человек, живущий в своё удовольствие.

² Возникший в 1895 г. театр Литературно-артистического кружка в дальнейшем именовался театром Литературно-художественного общества, а чаще Малым или Суворинским (по имени владельца).

традиций настоящего актёрского мастерства: актриса Фадеева, актёры К. В. Бравич, В. П. Далматов и К. Н. Яковлев «не играли, а жили на сцене»: «Г. Бравич удивительно верно, правдиво и просто передал тип русского Петруччо. Роль Телятева — одна из тех ролей, в которых наиболее ярко проявляется талант г. Далматова. <...> Разговор с Василием Ивановичем (г. К. Яковлев) и весь пятый акт — это настоящее художественное творчество, это здоровый комизм — без шаржа, без подчёркиваний» (*Ин. Театр, музыка и искусства (открытие театра Литературно-артистического кружка) // Биржевые ведомости. 1898. № 249. 13 сент. С. 3*). «Великолепной изобразительницей Островского» названа исполнявшая роль Чебоксаровой-матери актриса Фадеева: «Всё время лицо её в движении, и по прекрасной мимике можно как по писаному читать, что творится в её душе». Критик также отмечал, что Л. Б. Яворская «играла для первого спектакля значительно естественнее обыкновенного, и голос её звучал сравнительно чисто. Некоторые сцены у ней положительно удаются; и лишь грубоватыми, без нюансов, выходят те переходы от одного настроения к другому, которыми преизобилует её роль». Наименее удачными рецензент посчитал исполнение ролей Кучумова и Глумова, заметив, что в игре М. Михайлова (Кучумов) многие сцены «были попорчены шаржем, и совсем ничего не сделал из своей роли г. Высоцкий (Глумов)».

Н. А. Россовский также сообщал о новой постановке комедии Островского, собравшей, «несмотря на её заигранность, полный театр публики». Рецензент отметил, что из всех исполнителей «наибольший успех имели г-жа Яворская (Лидия Чебоксарова), г. Далматов (Телятев), Яковлев (Василий) и, отчасти, Бравич (Васильков)». Выразив сожаление, что Яворская всё-таки «не вполне дала своей игрой той Лидии, какая выведена у Островского», критик отмечает эпизоды, безусловно удавшиеся молодой актрисе: «Некоторые моменты, например, сцены объяснений Лидии с Кучумовым и Телятевым были проведены... весьма реально, образно, с тем мастерством, какое даётся только истинным и даровитым артистам. Может быть, г. Яворская злоупотребляла позировкой, подчёркиванием эффектных мест в её роли, но не следует забывать, что, изображая такую истую кокетку, как Чебоксарова, трудно определить границы манерности жестов, избытка грациозных движений, всего того, что составляет прелесть, чары и оружие молодой, красивой, кокетливой женщины». Восхищение публики в роли Телятева вызвал В. П. Далматов: «Грим, костюмы, манеры, своеобразный тон речи — всё это, в соединении с прекрасной, образцовой игрой, давало такого Телятева — хлыща, жуира высшей пробы, лучше которого трудно себе даже представить». А вот образ Василькова «не вполне удался» К. В. Бравичу: «Артист сбивался с тона, с манеры разговора; местами Васильков был естественен, типичен, но, в общем, он не вышел таким деловитым, простым, сердечным и любящим, каким обрисовал его талант Островского. Слабее всех вышли у г. Бравича сцены нежных объяснений Василькова с Лидией и те сильно драматические моменты, когда Васильков, узнав о бегстве жены, решил на самоубийство». Игру Фадеевой (Чебоксарова) рецензент называет «недурной», заметив, что актриса «несколько тяжела для этой роли». М. Михайлов, изображавший Кучумова, не производил положительного впечатления: «У даровитого артиста нет манер, нет внешнего лоска, чтобы олицетворять “важного барина”». Артист Высоцкий (Глумов), по оценке Россовского, всего лишь «повторил г. Высоцкого из других пьес». Зато «типичным и живым лицом» был в спектакле камердинер Василькова Василий в исполнении

К. Яковлева (*Н. Р.—ий <Россовский Н. А.> Театральный курьер (Малый театр) // Пб. листок. 1898. № 251. 13 сент. С. 4).*

А. Р. Кугель также оставил отзыв о премьере в Суворинском театре. «Комедия эта давно не шла на петербургских сценах, и я видел, как публика “смаковала”, “savourait”, великолепные, полные остроумия и живого юмора речи Телятева, Глумова и Кучумова». Заметив, что «едва ли во всём Островском найдётся такой грубо намалёванный женский характер, как Лидия», критик не может не признать очевидного: «...несмотря на грубость и декоративность письма, какая это пленительная комедия!». Однако из всех исполнителей только В. Далматов доставил публике «высокое наслаждение своей игрой в роли Телятева». У остальных актёров, по мнению Кугеля, или недоставало «наивности творчества» (у Бравича в роли Василькова), или их искусственная «манера чтения» заменяла живой разговор (у Высоцкого в роли Глумова). Но общее впечатление от спектакля осталось светлым (*А. К—ель <Кугель А. Р.> Театральные заметки // Театр и искусство. 1898. № 38. 20 сент. С. 666).*

С. 310. *В Петровском парке, в саду Сакса...* — Петровский парк — одно из любимых мест гуляний москвичей в XIX в. В парке располагался Петровский летний театр, было здание для концертов, на открытом воздухе играл оркестр (см. также: Наст. изд. Т. 1. С. 673). Сакс — содержатель струнного оркестра в 1860—1870-х гг.

С. 311. *...Ротшильдам племянник...* — Ротшильды — всемирно известные банкиры, фирма которых была основана в конце XVIII в.

Гвардейский мундир — гвардейская форма, расшитая золотом, была намного эффектнее армейской. Гвардейские офицеры считались завидными женихами (см.: *Федосюк. С. 114).*

С. 312. *Это ещё буки.* — Здесь: нечто неверное, неопределённое. Буки — название второй буквы славянской (и русской) азбуки.

Лесные дачи — участки земли под лесом, пожалованные в частное владение.

С. 313. *Это мне Бог на шапку послал...* — Означает: неожиданно получить что-то приятное.

С. 314. *Пол-аршина* — мера длины, равная примерно 35,5 см (аршин составлял длину, равную 16 вершкам, или 71 см).

Конторщик — мелкий служащий в управе (конторе) крупного помещичьего хозяйства.

Прост и наивен, как институтка. — Институтка — воспитанница женского института в дореволюционной России.

А вот пьёт шампанское ~ точно воду зельтерскую. — Зельтерская вода («Selters») — минеральная вода источников Зельтерса (Германия), с середины XVIII в. распространяемая по всему миру. С 1860-х гг. «в широкое употребление вошла искусственная зельтерская вода, содержащая соду и углекислый газ» (*Словарь к пьесам. С. 71).*

С. 315. *Чухломская деревня* — деревня в Чухломском уезде Костромской губернии. Здесь: заброшенное, глухое место.

С. 316. *Святцы* — перечень христианских святых, чтимых православной церковью, составленный в календарном порядке по дням и месяцам. По святым выбиралось имя ребёнку.

¹ Смакуя (*фр.*).

А на Суэцком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения. — Речь идёт о масштабных инженерно-строительных работах 1859—1860 гг. по сооружению канала, соединившего Средиземное и Красное моря на Суэцком перешейке.

С. 318. *Чухлома* — небольшой уездный город Костромской губернии, первое упоминание о котором датируется 1381 г.

...в *Тетюшах*... — Тетюши — уездный город Казанской губернии, основанный между 1574 и 1578 г.

С. 319. *Он очень долго был в плену у ташкентцев.* — Ирония в адрес Василькова, содержащая намёк на его неизящные, «дикие» манеры. В середине XIX в. Ташкент был частью Кокандского ханства, чьи воины совершали набеги на казахские аулы и русские гарнизоны, угоняя скот, похищая женщин и детей. В 1865 г. город был взят русскими войсками.

С. 320. *Ma in Ispania, ma in Ispania... mille e tre...* — А в Испании, а в Испании... тысяча и три... (*итал.*) — слова из оперы Моцарта «Дон Жуан», известной в России с 1828 г.

С. 321. *...не угодно ли ~ в бакару?* — Вассага (*фр.*) — азартная карточная игра.

С. 326. *Петровка* — в XIX в. одна из главных торговых улиц в Москве, торговали здесь в основном иностранцы товаром для состоятельных людей. Здесь можно было приобрести самую модную и роскошную одежду, мебель, а также предметы обихода.

Muta d'accento e de pensier... — Искаж.: *Mutta d'accenti e di pensieri* — Меняет выражение и мысли (*итал.*) — слова из арии Герцога в опере Дж. Верди «Риголетто». С 1853 г. опера шла в России на итальянском языке.

С. 328. *Роговая музыка* — музыка, исполняющаяся на охотничьих рогах. Оркестр мог включать в себя до 48 рогов, при этом каждый музыкант, имевший в руках рог, исполнял только одну ноту. Первый роговой оркестр появился в России в 1751 г., а в 1757 г. по указанию Елизаветы был создан придворный роговой оркестр. С тех пор иметь роговой оркестр старались все знатные дома в России. Французский путешественник Форсия де Пилес, находившийся в Петербурге в начале 1790-х гг., записал, что роговой музыкой «русские могут с полным правом прославиться». «Точность музыкантов такова, что они могут исполнять всякий род музыки, даже весьма сложно составленной, и испытанное ухо не распознает ни малейшей ошибки в исполнении». По его мнению, ночь была наиболее благоприятна для роговой музыки, и «в прекрасные летние вечера ничто не может быть сравнимо с искушающим очарованием» (*Форсия де Пилес*. Прогулки по Петербургу Екатерины Великой. Записки французского путешественника. М., 2014. С. 298—299).

Посажённые отцы — в свадебных обрядах исполнители родительской роли жениха и невесты, подчёркивающие своим присутствием торжественность и значимость происходящего. Обычно в посажённые отцы приглашались ради престижа солидные люди или давние друзья семьи.

С. 329. *...с подрядчиками, с десятскими.* — Подрядчик на строительных работах управлял процессом, отвечая за доставку материалов, наём рабочих и т. п.; десятским именовался выделенный в помощь управляющему человек из мещан или крестьян от каждого десятого двора для выполнения административного надзора за работниками.

Да, десятники, сотники, тысячники... — Названия стрелецких военачальников в Киевской и Московской Руси.

Я слышала одну диссертацию... — Во второй половине XIX в. в среде московских барынь была мода посещать открытые защиты докторских диссертаций. Очевидно, в сознании Чебоксаровой, присутствовавшей на одной из защит, смешались сходные по звучанию понятия «десятские» и «десятники».

Это теперь в моду вошло ~ в бархатном кафтане. — В Москве 1840—1850-х гг. славянофилы настойчиво вводили моду на национальную русскую одежду, появляясь на светских раутах и в салонах в кафтанах и рубахах. Подобное поведение вызывало недоумение как в дворянской, так и в крестьянской среде. Широко известно шутовское высказывание П. Я. Чаадаева о К. С. Аксакове, записанное Герценом: «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: в 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 148).

С. 331. *Инженерный корпус* — специальное подразделение, состоящее из военных и местных инженеров для решения оборонительных задач.

С. 333. *Соттис* — приказчики, служащие (*фр.*).

...закажите новые ливреи людям... — Ливрея — особая форменная одежда с шитьём и галунами, предназначенная для лакеев в богатых дворянских домах. Люди — здесь: дворовые люди, прислуга.

С. 335. *Вы были Дианой, презирающей мужской род, с луной в причёске, с колчаном за плечами...* — В римской мифологии Диана — богиня растительного и животного мира, охоты, девственности и целомудренной женственности, олицетворение Луны. Её атрибуты — лук и колчан или дротик (копье), месяц нарождающейся Луны, который висит у неё над бровью.

С. 335—336. *...наивную пейзанку...* — Пейзанка — крестьянка. В балетах на народную тему пейзанка была обычным персонажем: «Условные приёмы игры и обыкновенные “пейзанские” жесты стали обязательным штампом, подмеченным постоянным посетителем балетов Телятевым, в этом проявившим свою наблюдательность» (*Словарь к пьесам*. С. 146).

С. 336. *Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».* — Каламбур, выстроенный на метафорическом созвучии названий известных произведений А. С. Пушкина.

Абиссинец — житель или уроженец Абиссинии, эфиоп. Абиссиния — неофициальное название Эфиопии.

С. 343. *...откупов нет, концессии на железную дорогу вам не дадут.* — Откуп — право на взывание налогов от продажи хлебного вина, предоставляемое государством частному лицу (купцу или дворянину) за небольшую процентную выплату. Концессия на железную дорогу — государственный заказ на строительство железнодорожного пути, переданный предпринимателю, считавшийся для него крайне выгодным предприятием.

С. 344. *Race e gioia son con voi.* — Мир и радость пусть будут с вами (*итал.*) — слова из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник», известной в России с 1816 г. В 1822 г. была поставлена на русском языке на петербургской сцене и с тех пор неизменно включалась в репертуар музыкальных театров России.

Нимфа — в греч. мифологии божество в виде женщины, олицетворяющее в зависимости от того, где оно обитает, различные стихии и силы природы. Здесь: молодая красивая женщина.

Сатур — в греч. мифологии лукавое, сладострастное существо с козлиными ногами, бородой и рогами, спутник бога Диониса.

В нём, вероятно, подъяческой крови много! — Типичное проявление пренебрежительного отношения аристократии к мелкому чиновничеству. Подъячий — допетровское название мелкого канцелярского служащего, употреблявшееся в XIX в. с ярко выраженным пренебрежительным оттенком.

С. 346. *Addio mia carina!* — Прощай, моя дорогая! (*итал.*)

Сплин — уныние, хандра; тоскливое настроение.

С. 347. *Cavalier servente* — поклонник (*итал.*).

С. 348. *...многих сведут к мировым...* — Мировой — мировой судья, избравшийся уездными земскими собраниями и городскими думами на три года; в его полномочия входило единоличное разбирательство и решение мелких уголовных и гражданских дел.

...одного в синюю кубовую краску окрасили... — В России синюю краску называли кубовой, так как её использовали преимущественно для окрашивания тканей, а эта технология предполагала погружение ткани в специальные кубы (медные или железные котлы на массивном фундаменте, нагреваемые отдельной топкой или паром), в которых предварительно растворяли краситель.

Полвершка — длина, равная примерно 2,2 см (мера вершка составляет 4,45 см).

С. 350. *Я до Лондона только одиннадцать вёрст не доезжал...* — Верста — старинная русская мера длины, равная 1,06 км.

...пирожки свечным салом пахнут. — Свечное сало — сало, стекающее при горении сальных свеч, которые производились из растопленного животного сала путём многократного маканья в него свечильни (нити для горения).

Поедем в Английский, нынче там обед. — Английский клуб — сословный дворянский клуб, появившийся в Москве во второй половине XVIII в. по образцу старых английских клубов. Славился своими обедами, которые устраивались для русской дворянской знати два раза в неделю. Помещался на Тверской улице, в здании ныне действующего Государственного музея современной истории России.

С. 355. *В зрелом возрасте ведь никто ещё не ездил.* — Аэростат — летательный аппарат легче воздуха. Фраза имеет ироничное звучание, т. к. в 1860-х гг. «аэронавтика была в зародыше», аэростат «был величайшей диковиной, которая демонстрировалась на “всемирных выставках”, в различных “летних садах” и пр.» (*Словарь к пьесам*. С. 10).

С. 359. *...Штраус и Гунгль...* — Иоганн Штраус (1825—1889) — австрийский композитор, дирижёр и скрипач, признанный «король вальса», автор многочисленных танцевальных произведений и нескольких популярных оперетт. Вместе со своим оркестром с 1856 г. неоднократно гастролировал в России. Был постоянным дирижёром летних концертов при Павловском вокзале, один из которых состоялся в 1869 г. Гунгль — Жозеф (Иосиф) Гунгль (1810—1889), немецкий композитор и дирижёр венгерского происхождения, который неоднократно выезжал на гастроли в Россию (выступал в Павловске). Возможно, в пьесе упомянут Иоганн Гунгль, племянник Ж. Гунгля, — австро-венгерский скрипач, композитор и дирижёр, который с 1845 г., как и дядя, значительную часть времени работал в России, руководя оркестром в Павловске.

С. 360. *Закажу у Эйнем пирога...* — Эйнем — здесь: кондитерская фабрика в Москве, первое здание которой было построено в 1869 г. на Софийской набережной. Изделия фабрики, имеющей несколько магазинов, пользовались большой известностью.

...куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять... — Сазиков Павел Игнатьевич (ум. в 1868 г.) — скульптор-серебряник, основавший в Москве фабрику по производству серебряных изделий в древнерусском стиле, которые во времена Островского были в большой моде. Согласно воспоминаниям Бурдина, в марте 1872 г. в связи с двадцатипятилетием творческой деятельности Островского артисты Александринского театра преподнесли драматургу серебряный вызолоченный венок, изготовленный на фабрике Сазикова (*Бурдин*. С. 152).

Полумпершал — российская золотая монета пятирублёвого достоинства.

С. 361 *Benissimo* — отлично, великолепно (*итал.*).

С. 362. ...на болванах чепчики шьют. — Болван — здесь: форма, на которую накладывают головные уборы, парики, изготавливая или расправляя их.

С. 363. ...шёлком маклерует. — Маклеровать — заниматься посредничеством по совершению торговых сделок.

С. 365. ...искони бе... — был издавна.

С. 367. *Statua gentilissima* — благороднейшая статуя (*итал.*).

Статуя Командора — образ из легенды о Дон Жуане, ставший символом неотвратимого возмездия за вероломство. В России одна из известнейших литературных обработок образа Командора принадлежит А. С. Пушкину («Каменный гость»).

С. 368. ...как при Аскольде. — Т. е. как в древние времена. Аскольд — киевский князь (2-я половина IX в.).

С. 371. *In mia mano al fin tu sei!* — Ты, наконец, в моих руках! (*итал.*) — слова из оперы В. Беллини «Норма», известной в России с 1835 г.

Лобзай меня! Твои лобзанья... — строка из стихотворения А. С. Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1825), на слова которого были написаны романсы М. И. Глинки (1839) и А. С. Даргомыжского (1844).

Honni soit qui mal у pense! — Да будет стыдно тому, кто плохо об этом думает! (*фр.*) — афоризм, приписываемый английскому королю Эдуарду III (1327—1377), который произнёс эти слова на балу в ответ на усмешку придворного, заметившего в руках короля поднятую с пола дамскую подвязку. Эти слова стали впоследствии девизом ордена Подвязки.

С. 373. *Зеркальное окно* — окно с особо толстым «зеркальным» стеклом (6—9 мм) и рамой без переплёта.

С. 374. ...он хочет ~ завести кумыс. — Т. е. открыть заведение по лечению кумысом. Кумыс — питьё, получаемое из кобыльего молока, обладающее лечебными свойствами. В России известен с XII в., но в первой половине XIX в. какие-либо упоминания о нём отсутствуют, и только с 1858 г., благодаря доктору Н. В. Постникову, вопрос о значении питья кумыса обретает особую актуальность, а производство кумыса становится выгодным предприятием.

...у одного каретника... — Каретник — здесь: экипажный мастер.

Il segreto per esser felice... — Секрет быть счастливым (*итал.*) — слова из второго акта оперы Г. Доницетти «Лукреция Борджиа» (1833).

С. 375. *Io son ricco! tu sei bella!* — Я богат! а ты прекрасна! (*итал.*) — слова из второго акта оперы Г. Доницетти «Любовный напиток» (1832).

С. 376. *Idol mio* — мой кумир (*итал.*).

Меркурий — в римской мифологии бог торговли, вестник богов, славился способностью быстро передвигаться, в числе его атрибутов были крылатые шлем и сандалии.

С. 377. *Вексель* — официально заверенное, оформленное на специальной гербовой бумаге долговое обязательство, гарантирующее оплату долга, как правило, с процентами, в установленный срок под залог имущества.

С. 378. *Воскресенские ворота* — двойные проездные ворота Китайгородской стены; вели со стороны Тверской улицы на Красную площадь. В XIX в. вблизи Воскресенских ворот находилось несколько административных зданий, в том числе суд и долговая тюрьма.

С. 379. *Коляска и лошади от Ваханского*... — Т. е. взяты в прокат. Речь идёт о прокатной конторе экипажей, принадлежавшей Ваханскому.

Кормовые — ежемесячный обязательный взнос на содержание должника в долговой яме, который, как правило, платили кредиторы. «Кормовые» следовало внести в депозит суда при подаче заявления о заточении должника («в яму»), и, как только кредитор переставал вносить «кормовые деньги», должника выпускали на свободу.

Гербовая бумага — специальная бумага с изображением государственного герба, продаваемая правительством (см. также: Наст. изд. Т. 2. С. 672).

С. 380. ...*мушника Тулумбасова*... — Мушник — мучник, торговец мукой.

У ворот стоит... — изменённый текст романса А. Л. Гурилёва на стихи С. М. Любецкого «Одинок стоит домик-крошечка» (1851).

...*обедать в Троицкий*. — Имеется в виду один из лучших трактиров Москвы, располагавшийся на Ильинке (не сохранился), который славился русской кухней.

С. 382. *Un secrétaire intime?* — Личный секретарь? (фр.)

Oui, madame! — Да, сударыня! (фр.)

С. 385. ...*в Московскую яму* — Московская яма — долговая тюрьма, использовавшаяся государством для заключения должников по требованию кредитора, упразднённая в России в 1879 г. указом Александра II. Первая долговая тюрьма была учинена в Москве в 1699 г. в подвале под Воскресенскими воротами Китай-города. После пожара в 1812 г. была переведена из центра города за Москву-реку, к Нескучному саду, затем перенесена в Большой Кисейный переулок, в здание полицейской части, а позже — в помещение Пресненского полицейского дома.

С. 387. ...*Патти слушаем*... — Аделина Патти (1843—1919) — знаменитая итальянская оперная певица (колоратурное сопрано). Её гастрольные выступления широко освещались в печати.

С. 388. ...*до Звенигорода не доедешь*. — Звенигород — город в 53 км от Москвы.

С. 389. *Сюртук* — верхняя часть мужского костюма. В середине XIX в. сюртук постепенно стал вытеснять фрак. В отличие от фрака сюртук не имел выема спереди и длинных фалд сзади. Со временем сюртук становится всё более просторным и долгополым, напоминая современное пальто (см.: *Федосюк*. С. 176).

Noi siamo poveri. — Мы бедны (итал.).

С. 390. *И в рубище почтенна добродетель*. — Согласно М. И. Михельсону, цитата принадлежит Н. М. Карамзину (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912. С. 757). Эту же цитату Островский включил в драму «Гроза»; Кулигин, стремясь успокоить рассердившегося Дикого, говорит: «Бог с вами, Савёл Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: “И в рубище почтенна добродетель!”».

Е. Н. Белякова

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ДАННОМ ТОМЕ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- АПК* — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная писарская копия.
БА — беловой автограф.
ПК — писарская копия.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЧА — черновой автограф.
ЧН — черновые наброски.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

- ГТБ* — Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.
МТ — Спецбиблиотека Государственного академического Малого театра.
РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (до 1992 — *ГБЛ* — Государственная библиотека им. В. И. Ленина).
РГИА — Российский государственный исторический архив.
СПБФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

- БдЧ* — журнал «Библиотека для чтения».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
ИВ — журнал «Исторический вестник».
М. вед. — газета «Московские ведомости».
НВ — газета «Новое время».
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
Пб. газета — газета «Петербургская газета».
Пб. листок — газета «Петербургский листок».
Рсл. — журнал «Русское слово».
Рус. вед. — газета «Русские ведомости».
Рус. инвалид — газета «Русский инвалид».
Совр. — журнал «Современник».
СПбВед. — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

- Бурдин* — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма: Из собр. Гос. театр. музея им. А. А. Бахрушина. М.; Пг., 1923.
- Даль* — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882.
- ИРДТ* — История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1976—1979.
- ЛН* — Литературное наследство. Т. 88: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн. М.: Наука, 1974.
- Коган* — *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Гос. изд-во культур.-просвет. лит., 1953.
- ПСС-12.* — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973—1980.
- Словарь к пьесам* — *Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993.
- Соболевский* — *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни: в 7 т. СПб.: Гос. тип., 1895—1902.
- Федосюк* — *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М.: Флинта: Наука, 2007.
- ЭО* — А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.
- ЭСБпЕ* — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1890—1907.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверкиев Д. В. 556—560, 562, 592, 595—598,
Авсеенко В. Г. 549
Акилов П. Г. 629
Акимова С. П. 563, 579, 599, 600, 616
Аксаков К. С. 637
Александр II 545, 607, 640
Александров В. см. Крылов В. А.
Александров Н. А. 599
Александрова М. М. 581
Алексеев 561
Алябьев А. А. 575
Анастасевич В. Г. 604
Андреева Д. А. 603
Аникина Д. М. 553
Антропов Л. Н. 613, 614
Аполлонский Р. Б. 565, 598, 599, 631, 632
Арабажин К. И. 599, 602
Аскольд 639
Ашукин Н. С. 642
Баженов А. Н. 559, 560, 563, 564, 571, 572, 577, 578, 580
Бейлис В. М. 603
Бейст Ф. Ф. фон 606
Белинский В. Г. 604
Беллини В. 639
Беляев М. Д. 611
Белякова Е. Н. 553, 640
Бисмарк О. фон 606
Боборыкин П. Д. 549
Борская Н. Д. 603
Бочков В. Н. 575
Бравич К. В. 634, 635
Бродников 625
Брокгауз Ф. А. 642
Брошель А. К. 561, 563, 572, 573
Бугров 589
Бунаков Н. Ф. 558, 559, 562
Бурдин Ф. А. 554—556, 558, 560—563, 572, 576, 578, 581, 582, 585, 591—599, 610, 612, 613, 617, 625, 627, 628, 639, 641
Буренин В. П. 573, 581, 594, 595, 622
Быстрицкая Э. А. 603
Варламов К. А. 598, 618
Варламов Ю. 565
Варнеке Б. В. 572
Василевский Л. М. 598
Васильев В. И. 561, 572, 579, 581
Васильев П. В. 561, 596, 597, 617, 625, 627, 628, 631
Васильева В. С. 579, 580
Васильева Е. Н. 563, 564, 579, 580, 599, 600, 628, 629
Васильева Н. С. 599
Ваханский 640
Верба И. П. 553
Верди Дж. 559, 560, 636
Вершинин А. В. 603
Вильде Н. Е. 563, 571, 579, 599, 600, 628, 629
Виноградов А. А. 553, 570, 609
Владимирова Е. В. 561, 563
Владиславский В. А. 603
Владыкин М. Н. 577
Волков В. П. 572
Волынцев Ю. В. 603
Вольф М. О. 642
Воронова Н. П. 561, 578, 581
Воронский Е. А. 571
Высоцкий 634, 635
Гауптман Г. 565
Гацисский А. С. 593, 594, 603
Гексли Т. 566
Герцен А. И. 566, 613, 637
Глама-Мещерская А. Я. 631
Глинка М. И. 639
Говоруха-Отрок Ю. Н. 618
Голицын В. М. 600
Гольденталь Е. Г. 632
Гольдони К. 612
Гончаров И. А. 548, 552, 606
Горбунов И. Ф. 561, 570, 572, 573, 617
Грибоедов А. С. 548, 586, 604—606, 609
Григорьев А. А. 575
Григорьев А. А. 614
Гриценко Н. О. 603

- Громова П. К. 581, 596
 Гунгль Ж. 638
 Гунгль И. 638
 Гуревич Л. Я. 602
 Гурилёв А. Л. 640
 Гусев С. 565
 Гюго В. 559, 560
 Давыдов В. Н. 565, 598, 599, 618, 631
 Давыдов Н. В. 608
 Далматов В. П. 598, 631, 632, 634, 635
 Даль В. И. 619, 642
 Дарвин Ч. 566
 Даргомыжский А. С. 639
 Дельвиг А. А. 575
 Денисюк Н. Ф. 622
 Дмитревский В. А. 563, 571, 579, 599, 616
 Домашева М. 565
 Доницетти Г. 639
 Дорменко А. А. 603
 Достоевский М. М. 614
 Достоевский Ф. М. 545—547, 549, 551, 560, 569, 613, 614, 617
 Дурьлин С. Н. 595, 600, 601
 Дымшиц Н. А. 574
 Дюканж В. 582
 Дюно М. 582
 Елизавета Петровна 636
 Ермолаева Н. Л. 553, 584
 Ефрон И. А. 642
 Живокини В. И. 563, 579, 616
 Живокини Д. В. 571, 599, 616
 Жулева Е. Н. 596, 597, 631, 632
 Жулёв Г. Н. 561
 Журавлёва А. И. 596, 613, 618
 Закревский А. А. 590, 604
 Зелинский В. А. 616, 623, 624, 630
 Зубков К. Ю. 553, 612
 Зубов Н. Н. 617
 Зубров П. И. 561, 581, 617, 625, 627, 628
 Иванов В. К. 614
 Иванов-Козельский М. Т. 630
 Игнатов И. Н. 602
 Ильинский А. К. 632, 633
 Ильинский И. В. 603
 Исаакий Киево-Печерский 604
 Казанская А. А. 603
 Калугин 617
 Канкрин Е. Ф. 566
 Капустин Н. В. 553, 576
 Каракозов Д. В. 545
 Карамзин Н. М. 640
 Карпов Е. П. 611, 621
 Качалов В. И. 602
 Кейзер фон Нилькгейм Е. И. 570, 612, 621
 Кирсанова Р. М. 566, 567, 574
 Киселевский И. П. 631
 Клюквин А. В. 603
 Коган Л. Р. 621, 625, 642
 Кокорев В. А. 607
 Колоколов Е. 583
 Колосов К. П. 571
 Колосова А. И. 571
 Комиссаржевская В. Ф. 565
 Комиссаров С. И. 618
 Кондратьев И. К. 567
 Корвин-Круковский Ю. В. 599
 Корейша И. Я. 608
 Коропчевский Д. А. 564, 600, 625
 Корш В. Ф. 576
 Корш Ф. А. 618, 631
 Коршунов В. И. 603
 Кошеверов С. С. 569
 Краевский А. А. 545
 Крылов В. А. 558, 560
 Кугель А. Р. 559, 565, 595, 601, 635
 Кузминская Т. А. 564
 Лавров М. И. 563
 Лакшин В. Я. 548, 551, 590, 596, 604, 605, 608, 613
 Лебедев Ст. 605
 Лебедев Ю. В. 553
 Левитов А. И. 614
 Левкеева Е. М. 570, 572, 573
 Ленский А. П. 582, 600, 601
 Лешковская Е. К. 632, 633
 Линская Ю. Н. 596, 597, 611, 617, 625
 Лобанов А. М. 603
 Ломоносов М. В. 605
 Лунин 614
 Львов Н. А. 568

- Львов Як. см. Розенштейн Я. Л.
 Любецкий С. М. 640
 Лютецкий А. О. 580
 Максакова Л. В. 603
 Максимов С. В. 569
 Макшеев В. А. 632, 633
 Малышев П. И. 561, 581
 Малышева О. Н. 596
 Мамонтов С. И. 602, 603
 Манн И. А. 573, 593, 603
 Маркевич Б. М. 549
 Мартынов А. Е. 569
 Медведев П. 618
 Медведева Н. М. 599, 600
 Михайлов М. 634
 Михельсон М. И. 640
 Михно Н. В. 558, 560, 562
 Михновец Н. Г. 553, 568, 592
 Мозжухин И. И. 574
 Моисеева К. В. 603
 Морозов М. А. 595
 Моцарт В. А. 636
 Мочалов П. С. 582
 Музиль Н. И. 616, 628, 629
 Муравьёва И. В. 603
 Мясникова Е. С. 555
 Назаревский Б. В. 602
 Нарышкин 569
 Невежин П. М. 549
 Некрасов Н. А. 545, 563, 592, 613, 621
 Немирович-Данченко В. И. 598, 601
 Никифоров Н. М. 579
 Никифоров С. Н. 632
 Николаев Ю. см. Говоруха-Отрок Ю. Н.
 Никольский 632
 Никулина Н. А. 563, 564, 601
 Нильский А. А. 561, 572, 581, 597, 625
 Ниренбург Б. Э. 603
 Нордстрем И. А. 555
 Овчинина И. А. 546, 551, 596, 642
 Ожегов С. И. 642
 Озеров В. А. 608, 609
 Озеров Д. И. 572
 Орлова Г. И. 575
 Осипов И. 599
 Островский М. Н. 561, 621
 Панкова Т. П. 603
 Панютин Л. К. 626
 Патти А. 640
 Пашенная В. Н. 603
 Петров Д. К. 611
 Петровский П. А. 561, 596
 Платон И. С. 603
 Плещеев А. Н. 617, 618
 Плотников Н. С. 603
 Погосский А. Ф. 560
 Полетика В. А. 607
 Полтавцев К. П. 581
 Поляков А. С. 570, 611
 Помяловский Н. Г. 617
 Постников Н. В. 639
 Потапов А. С. 603
 Потехин А. А. 622
 Потресов С. В. 601
 Правдин О. А. 632, 633
 Прач И. 568
 Пронский П. П. 596, 598
 Прохоров Е. И. 570, 610
 Пушкин А. С. 558, 568, 637, 639
 Раззорённый М. С. 569
 Раппопорт М. Я. 578, 579, 581
 Рассказов А. А. 563, 571
 Рачинский С. А. 566
 Ревякин А. И. 569
 Ремезов М. Н. 633
 Ремизова А. И. 603
 Решимов М. А. 628, 629
 Римский-Корсаков Н. А. 619
 Розенштейн Я. Л. 599, 602
 Ролле Ф. 566
 Россиев П. А. 577
 Россини Дж. 637
 Россовский Н. А. 598, 599, 634, 635
 Русинова Н. П. 603
 Рыбаков К. Н. 565, 632, 633
 Рыжов Н. И. 603
 Рыжова В. Н. 600
 Сабинский Ч. Г. 574
 Савина М. Г. 571, 598, 599, 618, 631, 632
 Садовская Е. М. 565
 Садовская О. О. 601
 Садовский М. П. 565, 601

- Садовский П. М. 562—564, 569, 571, 572, 579, 580, 599, 600, 612, 616, 617
Садовский П. М. (младший) 601, 603
Сазиков П. И. 639
Сазонов Н. Ф. 561, 617, 631, 632
Сакс 635
Салтыков-Щедрин М. Е. 548, 551, 588, 595, 605, 613, 614
Самарин И. В. 593, 599, 628, 629
Самойлов В. В. 560, 561, 562, 563, 572, 573, 596, 617
Самойлов Н. В. 596, 597
Сарду В. 594
Свободин П. М. 631, 632
Серов В. В. 605, 606
Скабичевский А. М. 616, 624
Скатов Н. Н. 550, 551
Соболевский А. И. 583, 642
Соколов А. А. 579, 626
Солонин 631
Соляный П. М. 602
Сомов В. П. 606, 607
Сомов О. М. 572
Станиславский К. С. 602, 618
Станицын В. Я. 603
Стахович А. А. 617
Стенберг Э. Г. 603
Степанов П. Г. 563
Степанов П. С. 572, 596, 598
Страхов Н. Н. 613
Стрельский М. К. 598
Струйская Е. И. 581
Струйская Е. П. 617, 625—628
Суворин А. С. 582, 593, 594, 614, 615
Сумароков А. П. 605
Сухобоков В. Л. 603
Таланов Г. В. 632
Таланова Х. И. 599
Тальников Д. Л. 618
Тимофеев 579
Титов М. 569
Титов Н. С. 568
Тихомиров В. В. 553, 619
Толстая С. А. 617
Толстой Л. Н. 546, 551, 560, 564, 617
Тургенев И. С. 546
Турчанинова Е. Д. 600, 603
Уралов И. М. 599
Утин Е. И. 594, 595, 597, 615
Фадеева 634
Федотов А. Ф. 571
Федотова Г. Н. 571, 579, 599, 600, 616, 617, 628, 629, 630, 631—633
Федосюк Ю. А. 574, 635, 640, 642
Фейгин Я. А. 565
Фёдоров 632
Фёдоров М. П. 595—597
Фёдоров П. С. 621
Фигнер А. В. 604
Филиппов В. А. 642
Филиппов Т. И. 619
Форестье Л. П. 574
Форсия П. де 636
Ханжонков А. А. 574
Холодов Е. Г. 551, 565, 582, 596, 603
Хромова И. А. 560
Царёв М. И. 603
Чаадаев П. Я. 637
Чайковский П. И. 618
Чардынин П. И. 574
Черневский А. А. 599
Черневский С. А. 579
Чернец Л. В. 553, 575
Чехов А. П. 552, 582
Читау А. М. 596, 597
Чумаков И. Н. 618
Шанина Д. С. 612
Шатрова Е. М. 603
Шаховской А. А. 571, 611, 618
Шекспир У. 575, 576, 622
Шемаев 561
Шипов А. П. 607
Штраус И. 638
Шульгин Н. И. 562
Шумский С. В. 563—565, 579, 580, 599, 600, 616, 621, 628, 629
Щепкин М. П. 629, 630
Эдельсон Е. Н. 557, 558
Эдуард III 639
Эйзенштейн С. М. 603
Эфрос Н. Е. 602
Ювенал Децим Юний 609

Южин А. И. 632, 633
Юркевич П. И. 555
Юткевич С. И. 574
Юрьев М. с.и. Морозов М. А.
Юрьев Ю. М. 598, 599, 618
Яблочкин А. А. 612

Яблочкина А. А. 600
Яворская Л. Б. 634
Яковлев К. Н. 634, 635
Яковлев С. П. 600
Яковлев Ю. В. 603

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Шутники». <i>Современник. 1864. № 9. С. 275</i>	27
«На всякого мудреца довольно простоты». <i>Страница авторской рукописи (ИРЛИ)</i>	156
«На всякого мудреца довольно простоты». <i>Страница авторской рукописи (ИРЛИ)</i>	158
«На всякого мудреца довольно простоты». <i>Страница авторской рукописи (ИРЛИ)</i>	160
«Горячее сердце». <i>Отечественные записки. 1869. № 1. Отд. I. С. 63</i>	230
«Бешеные деньги». <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	358
«Бешеные деньги». <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	364
«Бешеные деньги». <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	366
«На всякого мудреца довольно простоты». <i>Страницы авторской рукописи (ИРЛИ)</i>	427—432
«Бешеные деньги». <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	513
«Бешеные деньги». <i>Страница авторской рукописи (РГБ)</i>	530
«На всякого мудреца довольно простоты». <i>Страница авторской рукописи (ИРЛИ)</i>	587

СОДЕРЖАНИЕ

СОЧИНЕНИЯ (1864—1870)	5
Шутники.....	7
На бойком месте.....	59
Пучина.....	103
На всякого мудреца довольно простоты.....	153
Горячее сердце.....	227
Бешеные деньги.....	309
ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	391
Шутники.....	393
На бойком месте.....	409
Пучина.....	417
На всякого мудреца довольно простоты.....	425
Горячее сердце.....	470
Бешеные деньги.....	487
КОММЕНТАРИИ	543
<i>Ю. В. Лебедев.</i> Творчество А. Н. Островского 1864—1870 годов.....	545
Шутники.....	554
На бойком месте.....	568
Пучина.....	575
На всякого мудреца довольно простоты.....	584
Горячее сердце.....	609
Бешеные деньги.....	620
Условные сокращения, принятые в данном томе	641
Указатель имён	643
Список иллюстраций	648

Научное издание

Островский Александр Николаевич

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ**

Том 3

**СОЧИНЕНИЯ
1864—1870**

Редакторы тома:

**Лебедев Юрий Владимирович, Овчинина Ирина Алексеевна,
Тихомиров Владимир Васильевич**

Подписано в печать 05.11.2020. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 41. Тираж 300 экз.
Заказ 06015/20.

ООО «Костромаиздат». 156000, Кострома, ул. Горная, 20а.
ООО «ИПК Парето-Принт». 170540, Тверь, Боровлево 1.

